

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ

ГОУ ВПО ТЮМЕНСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПРИОРИТЕТНЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «ОБРАЗОВАНИЕ»
ИННОВАЦИОННАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПРОГРАММА ТюмГУ

ЦЕНТР ТРАНСЛЯЦИИ И ЭКСПОРТА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ

А. И. РОМАНЧУК

ИССЛЕДОВАНИЯ
ХЕРСОНЕСА–ХЕРСОНА.
Раскопки. Гипотезы. Проблемы

Том 2. ВИЗАНТИЙСКИЙ ГОРОД

Монография

Выполнено в рамках Инновационной
образовательной программы ТюмГУ

Издательство
Тюменского государственного университета
2008

ООО «Компания Мир», 2008

УДК 902(477.75)
ББК Т443.2
Р697

А. И. Романчук. ИССЛЕДОВАНИЯ ХЕРСОНЕСА—ХЕРСОНА. Раскопки. Гипотезы. Проблемы: Монография: В 2 т. Т. 2: Византийский город. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2008. 544 с., 79 ил.

В очерковой форме представлены некоторые проблемы истории Херсонеса, ставшего в христианскую эпоху одним из провинциальных городов Византийской империи. Основное внимание уделено процессу рождения гипотез и изложению концепций о значении данного центра в отдельные периоды его истории. В историографических сюжетах использованы не только штудии исследователей, но и архивные материалы.

Книга является фундаментальным руководством для дистанционной послевузовской подготовки, а также предназначена для широкого круга читателей, интересующихся историей и культурой, аспирантов и студентов исторических и культурологических факультетов вузов.

При оформлении использованы фотографии В. А. Филиппова и архива Национального заповедника «Херсонес Таврический».

Подготовлено в рамках проекта «Формирование инновационного научно-образовательного комплекса Тюменского государственного университета для обеспечения эффективности природопользования в условиях интенсивного освоения ресурсов Западной Сибири».

Научный редактор: **А. Г. Еманов**, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой археологии, истории Древнего мира и Средних веков Института истории и политических наук ТюмГУ

Рецензент: Сектор истории Византии Института всеобщей истории РАН

ISBN 978-5-400-00048-5

© ГОУ ВПО Тюменский государственный университет, 2008
© А. И. Романчук, 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	7
Введение. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОЦЕНКИ ЗНАЧЕНИЯ ВИЗАНТИЙСКОГО ХЕРСОНА В ТРУДАХ ИСТОРИКОВ РАЗЛИЧНЫХ ПОКОЛЕНИЙ.....	12
А. Л. Бертье-Делагард о значении исследований Херсонеса	17
Условия раскопок К. К. Косцюшки-Валюжинича.....	21
Рождение серии «Памятники христианского Херсонеса»	31
План раскопок Д. В. Айналова и реалии времени.....	34
Книга С. П. Шестакова и отзывы на нее	43
«Херсонес Таврический» А. А. Бобринского и его дневниковые записи	46
Популяризатор истории Херсонеса Е. Э. Иванов.....	57
Концепции советских историков первой половины 60-х гг. XX в.	59
Штудии российских и украинских авторов последней четверти XX в. — начала XXI в.	66
Очерк 1. РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ ХЕРСОН	88
О периодизации истории Византии	89
Хронологические рамки первого периода истории Херсона	90
Краткая справка о состоянии источников IV—IX вв. и представленных в них событиях	99
Дискуссия о византийском городе VII в.	111
Оценка археологической ситуации для византийских городов	116
Папа Мартин и его письма из Херсона	126
Вопрос об «археологических лакунах»	136
Нумизматические находки как свидетельства «кризиса»	139
Ссылка Юстиниана II и вопрос о том, кто возглавил провозглашение в Херсоне нового императора	145
О личности и характере Юстиниана II и его отношении к херсонитам	149

Очерк 2. ХЕРСОН И ВАРВАРЫ	153
Появление гуннов в Причерноморье	154
Периодизация варварских волн в Таврике и свидетельства о соседях Херсона	158
Отражение в трудах историков этнической картины Северного Причерноморья	160
«Готский вопрос» применительно к истории Таврики	161
Дискуссия о фортификационном строительстве Херсонеса—Херсона	166
Раскопки оборонительных стен К. К. Косцюшкой-Валюжиничем	166
А. Л. Бертье-Делагард о крепостном строительстве	171
Монографическое изучение оборонительных стен в первой половине XX в.	175
Выводы И. А. Антоновой о крепостном строительстве	179
Таврика: протекторат хазар или кондоминатная зона?	183
Периодизация миграционных процессов А. И. Айбабина	188
Крымский вариант салтово-маяцкой культуры в работах И. А. Баранова	189
Хазары и Херсон	193
От кого защищал построенный Петроной Каматиром Саркел	208
Очерк 3. РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ ХЕРСОН В СТРУКТУРЕ ИМПЕРИИ	211
Историографическая традиция о статусе Херсона	212
Причины создания фем.....	218
О времени появления фемы в Таврике	220
«Призрак самоуправления» и доказательства лояльности херсонитов	229
Несколько слов об «архиве Херсона»	240
Очерк 4. ЦЕРКОВЬ И САКРАЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ХЕРСОНЕ (IV—XI вв.)	247
Первые епископы Херсона, мартирий св. Капитона	248
Ссылка папы Климента	256
А. Л. Бертье-Делагард о храмах Херсона, дискуссия о датировке Уваровской базилики	275
Монастырь Богородицы Влахернской: время и причины строительства	284

Свидетельства агиографии о Константине Философе	296
Сакральные памятники Херсона и топографические детали Житий	300
Имеют ли значение споры о приоритете?	305
Продолжение дискуссии о памятниках, расположенных около западной базилики	310
«Примат концепции», или Факты: к вопросу о синагоге	313
Дискуссия о хронологии крестообразных храмов, или «Храм с ковчегом»	326
Концепция «архитектурного бума»	331
Посещение апостольских мест монахом Епифанием и его характеристика херсонитов, или О Херсоне периода иконоборчества	344
Христианская археология и византийский Херсон	353
Замечания относительно обозначения храмов	357
О нумерации храмов Херсона	359
Список сакральных сооружений	361
Список раннесредневековых храмов Херсона	385
 Очерк 5. ХЕРСОН В X–XI вв.	389
Краткая справка об источниках	390
Херсон X столетия	396
Императоры Византии второй половины X в.	397
Корсунский поход Владимира	399
О времени вступления войска Владимира в Корсунь	401
Был ли разрушен Херсон Владимиром?	406
О расположении лагеря Владимира	410
История Херсонеса в обобщающих трудах историков России	412
Что привело к образованию слоев разрушения?	419
Свидетельство строительной деятельности, или Керамические мастерские Херсона XII в.	421
В связи с какими событиями упоминался Херсон в XI в.?	423
Херсон и Тмутаракань	428
Анна Комнина о Лже-Диогене	430
 Очерк 6. ХЕРСОН ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКОГО ВРЕМЕНИ	432
О чем свидетельствуют источники	433
Гипотезы о причинах образования слоев разрушения XIII–XIV вв.	437

Стратиграфические наблюдения и монеты о времени пожаров	444
О значении городской топографии	455
Строительная керамика, или Как долго мог отстраиваться Херсон в XII—XIII вв.	472
Херсон XIII—XIV вв. и споры крымских иерархов	479
«Аланское послание» епископа Феодора	486
Об отношении к материалам раскопок	489
 Очерк 7. ИЗ ИСТОРИИ ХЕРСОНЕССКОГО МУЗЕЯ.....	494
Современники о музее и раскопках	
К. К. Косцюшки-Валюжинича	495
Публикации по истории Херсонесского музея	499
Императорская археологическая комиссия, монастырь, К. К. Косцюшко-Валюжинич.....	505
Начало XX в.	518
Херсонесский музей в 1914 — середине 1950-х гг.	520
Е. Г. Суров и создание Крымской археологической экспедиции	531
 ПРИЛОЖЕНИЯ	536
Хроника событий	536
Список сокращений	539
Список иллюстраций	542

ПРЕДИСЛОВИЕ

Второй том посвящен анализу взглядов историков относительно особенностей развития Херсона византийского периода и отчасти изложению его событийной истории, начиная со времени кардинальных изменений в истории региона, когда христианство превращается в общегосударственную идеологию, что связано с деятельностью Константина Великого, а город становится составной частью Византийского государства. Конец III—начало IV в. — это и эпоха Великого переселения народов, существенно изменившего этническую картину Северного Причерноморья. О периодизации, которая изложена в монографических исследованиях и в отдельных статьях, применительно к Херсонесу—Херсону речь уже шла в первом томе. Провести четкую грань, когда завершается один период и можно говорить о следующем, чрезвычайно сложно. Безусловно, изменения в сознании общества накапливаются постепенно, поэтому за грань, разделяющую эпохи, может быть принято время, когда они предстали в полном объеме. Это объясняет один из существующих подходов к периодизации истории византийского города, что характерно для работ по истории Херсона, опубликованных в конце XX — начале XXI в. В частности, исследователи отмечают, что масштабное строительство храмов — своеобразный «архитектурный бум» — свидетельствует о победе новой идеологии — христианства, и с этого времени следует начинать историю средневекового Херсона. В зарубежной историографии период от правления Диоклетиана и до прихода к власти Фоки (602—610) чаще всего предстает как Позднеримская империя¹, а при

¹ См.: Jones A. H. M. *The Later Roman Empire, 284—602: A social, Economic and Administrative Survey*. Oxford 1964; также см.: Brogiolo G. P. *Introduction // The Idea and Ideal of the Town between Late Antiquity and the Early Middle Ages*. Leiden, 2004. P. XIII—XVI. Различия в использовании терминов «поздняя

обзоре археологических памятников в один раздел включается все созданное в IV—VII вв.¹

В трудах византийских авторов, которые подчас называли поли-этнический мир Таврики «Скифией», в IV—V вв. **появляется иное название города** — Херсон, который постепенно превращается в один из провинциальных центров империи ромеев. Это позволяет в качестве «рубежной» даты IV в. н. э.

Как и при изложении мнений исследователей относительно истории Херсонесского полиса (первый том), ниже выделены основные дискуссионные вопросы, которые позволяют представить развитие отечественной историографии со времени появления первых работ о византийском Херсоне до начала XXI столетия. Для того чтобы составить общее мнение об исследованиях, во вводной главе приведены основные концепции, характерные для историков Херсона, изложенные в монографических исследованиях. К этим работам в последующем, в связи с обращением к мнениям об отдельных событиях, вызывающих разночтения, придется неоднократно обращаться. Безусловно, остановить внимание на всех деталях, отражающих интерпретацию археологических находок, логику аргументации, не представляется возможным.

Вместе с тем хотелось бы предварительно заметить, что создание хронологической шкалы массовых археологических находок, прежде всего изделий из глины, сопоставление их с подобными из других центров Черноморско-Средиземноморского региона еще предстоит²,

античность», «ранняя Византия», характерные для историографии XX — начала XXI в., подробно изложены в докладе на XXI Конгрессе византинистов (см.: Mango M. M. *Dynamic Archaeology of Early Byzantium* // *Proceedings of the 21st International Congress of Byzantine Studies*. L., 21–26 August, 2006. Vol. 1: Plenary Papers. P. 83–98, особенно P. 84–89).

¹ См.: Mango C. *Le Developpement urbain de Constantinople (IVe–VIIe siecles)*. P., 2004 (3rd ed.).

² В сущности, такая работа уже началась, и отражением ее являются коллективные публикации закрытых комплексов из раскопок Херсонесского городища (см.: Романчук А. И., Сазанов А. В. *Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона*. Свердловск, 1991; Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В. *Амфоры из комплексов византийского Херсона*. Екатеринбург, 1995). Ряд статей, посвященных публикации археологических находок, принадлежит

как и введение в научный оборот богатейших коллекций фондов Национального заповедника «Херсонес Таврический». Следует ожидать в наступившем столетии и более широкое использование методов

сотруднице Херсонесского заповедника Л. В. Седиковой: Комплекс находок позднеантичного времени из северо-восточного района Херсонеса // История и культура Херсонеса и Западного Крыма в античную и средневековую эпохи: Тез. докл. Севастополь, 1987. С. 23–24; Столовая посуда первой половины IX в. из засыпи водохранилища в Херсонесе // МАИЭТ. 1993. Вып. 3. С. 134–136; Керамическое производство в Херсонесе в IX в. // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье, IV–IX вв.: Тез. докл. Симферополь, 1994. С. 64–65; Керамический комплекс первой половины IX в. из засыпи водохранилища в Херсонесе // РА. 1995. № 2. С. 170–177; Комплекс находок позднеантичного времени из цистерны в VI квартале Херсонеса // ХСб. 1996. Вып. 7. С. 175–182; Византийский керамический импорт в Херсонесе IX в. // Византия и Крым: Тез. докл. Симферополь, 1997. С. 72–73; Керамическое производство и импорт в Херсонесе в IX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. Об этом свидетельствует и сравнительный анализ некоторых видов амфор, предпринятый московским исследователем А. В. Сазановым, который посвятил тарной керамике и столовой посуде серию статей: Амфорный комплекс первой четверти VII в. н. э. из северо-восточного района Херсонеса // МАИЭТ. 1991. Вып. 2. С. 60–71; Амфоры Газы ранневизантийского времени в Северном Причерноморье // Проблемы истории Крыма. Симферополь, 1991. С. 106–107; Светлоглиняные амфоры с рифлением типа набегающей волны, IV–VII вв. // Археология. 1992. № 2. С. 51–60; Тонкостенные красноглиняные амфоры типа 95 по И. Б. Зеест: Типология и хронология // ПАВ. 1992. № 2. С. 110–112; Импортная краснолаковая керамика первой половина VII в. н. э. из Херсонеса // КСИА. 1992. Вып. 208. С. 40–46; Поздние типы узкогорлых светлоглиняных амфор // МАИЭТ. 1993. Вып. 3. С. 16–21; Хронология керамических комплексов Херсонеса конца VI–VII в. // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье, IV–IX вв.: Тез. докл. Симферополь, 1994. С. 62–64 (также см.: Российское византиноведение. Итоги и перспективы: Тез. докл. Междунар. конф., посв. 100-летию «Византийского временника» и 100-летию Русского археологического института в Константинополе. М., 1994. С. 126); Амфоры carottes в Северном Причерноморье ранневизантийского времени: Типология и хронология // БС. 1995. Вып. 6. С. 185–196; Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени // МАИЭТ. 1995. Вып. 4. С. 406–440; Керамические комплексы Северного Причерноморья второй половины IV–V вв. // ПИФК. 1999. Вып. 7. С. 224–294; Керамический комплекс начала XI в. из Херсонеса (амфоры, пифосы и простая гончарная керамика) // БИАС. 2001. Вып. 2. С. 229–255; Комплекс византийской поливной керамики начала XI в. из Херсонеса // ПИФК. 2000. Вып. 9. С. 118–145.

естественных наук (в частности, физики) при датировке керамических изделий из раскопок городища (например, мессбауэровской трансмиссионной спектроскопии изотопа ^{57}Fe)¹. Создание региональной хронологической шкалы, основанной на «эффекте Мессбауэра», будет способствовать выявлению недостающих звеньев и решению спорных вопросов, в целом — большему приближению к реалиям древности, однако ответы на все спорные вопросы истории Херсона вряд ли когда-либо удастся получить.

В наше время появились и новые возможности планирования будущих объектов археологических исследований, «предварительные разведки» на значительных по площади территориях, которые в ближайшие годы вряд ли будут раскопаны — это изучение хоры античных центров Северного Причерноморья, как и непосредственно Херсонесского городища, с использованием аэрофотографии².

¹ Не излагая подробностей, которые приведены в специальной литературе, отмечу только основное, на чем строится методика. При обжиге когда-то изготовленных изделий произошло «движение» радиационных дефектов к поверхности (микроскопических частичек глинистых минералов), так называемый отжиг радиационных дефектов. Это привело к уничтожению «геологической» информации о возрасте глины и началось накопление «археологической» информации. Археологи имеют дело с фрагментами древней керамики, которые «накопили» поглощенную дозу от излучений естественного распада радиоактивных элементов уран-ториевого ряда, присутствующих в грунте, в котором находилась керамика до ее извлечения. По оценке специалистов суммарная ошибка при датировке не превышает 1–2 %. Работы по оценке связи ядерных параметров с эпохой изготовления были проведены в Греческом центре ядерных исследований (см.: *Applications of Mossbauer spectroscopy* / Ed. R. L. Cohen. Academ press, 1976. Vol. 1); обсуждению мессбауэровского метода была посвящена специальная конференция, проведенная по инициативе Института физики Академии наук Латвии (см.: *International conference on Applications of Mossbauer effect: Book of Abstract*. Riga, 1989. Vol. 2).

² См.: Смекалова Т. Н., Смекалов С. Л., Попов И. И. Попытка реконструкции системы клеров городов Европейского Боспора по данным аэрофотосъемки, картографии и наземных разведок // *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Периоды дестабилизаций, катастроф*. Керчь, 2005. С. 257–270; Смекалова Т. Н. Сравнение

В данном томе истории изучения Херсонеса-Херсона, как уже было отмечено, внимание уделено только основным дискуссионным вопросам¹, при рассмотрении которых, естественно, следовать хронологическому принципу не представляется возможным, поэтому для ориентации в событийной истории Херсона следует обратиться к приложению, где перечислены даты, под которыми город упоминался средневековыми авторами.

Один из историографических сюжетов, рассмотреть который удастся не во всех случаях, — это процесс рождения гипотезы или ход работы над монографическим исследованием. Наличие в архивах документов, в частности переписки, позволяет представить процесс создания только некоторых публикаций. Такие «микроочерки» показывают, какие проблемы приходилось решать исследователям, прежде чем научные штудии получили завершение, и какие из поставленных задач так и остались не решенными вследствие различных причин.

Данная работа предназначен в основном для молодых исследователей, поэтому в некоторых случаях приведены цитаты из источников с тем, чтобы имелась возможность представить, как свидетельства средневековых авторов были использованы при аргументации выводов.

ортогональных систем размежевания земель на Европейском Боспоре и в Херсонесе: Тарханкутский полуостров // Древности Боспора. 2006. Т. 10. С. 389—415; Николаенко М. Ю. К вопросу о возможностях аэрофотографии и наземных методов при разведках археологических памятников // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: Тез. конф. Киев; Судак, 2006. Т. 2. С. 267—270; Романчук А. И., Филиппов В. А. Результаты применения разведочной аэрофотосъемки западной части Херсонеса Таврического в 2005 г.: Науч. докл. Севастополь; Тюмень; Екатеринбург, 2005; Они же. Топография торжественных религиозных процессий в византийском Херсоне: Возможности аэроразведки для выявления памятников западного района городища музея // Религиозное мировоззрение в древнем и современных обществах: Праздники и будни: Тез. докл. Севастополь, 2006. С. 49; Они же. О предварительном прогнозировании археологических открытий и планировании раскопок (на примере Херсонеса) // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: Тез. конф. Судак, 2006. Т. 2. С. 279—282.

¹ Особенностью данного тома является также более значительное обращение непосредственно к истории Херсона, что объясняется научными интересами автора.

ВВЕДЕНИЕ

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОЦЕНКИ ЗНАЧЕНИЯ ВИЗАНТИЙСКОГО ХЕРСОНА В ТРУДАХ ИСТОРИКОВ РАЗЛИЧНЫХ ПОКОЛЕНИЙ

Люди, вошедшие в историю, становятся некоторым образом бессмертными, хотя они и заплатили дань смерти и давно уже окончили свою жизнь, потому что о них хранится хорошая или дурная слава, смотря по тому, хорошо или дурно они жили.

Никита Хониат, I, 1

А. Л. Бертье-Делагард о значении исследований Херсонеса. Условия раскопок К. К. Косцюшки-Валюжинича. Рождение серии «Памятники христианского Херсонеса». План раскопок Д. В. Айналова и реалии времени. Книга С. П. Шестакова и отзывы на нее. «Херсонес Таврический» А. А. Бобринского и его дневниковые записи. Популяризатор истории Херсонеса Е. Э. Иванов. Концепции советских историков первой половины 60-х гг. XX в. Штудии российских и украинских авторов последней четверти XX — начала XXI в.

Одной из отличительных черт исследования памятников Херсонесского городища является внимание с первых лет раскопок к средневековым руинам. Более представительные памятники античности не заслонили здесь взоры археологов, как это имело место в Коринфе, Афинах и других центрах, имевших территориальный континуитет. Но это не означает, что в отношении города византийского периода археологические материалы отличаются такой полнотой, что не возникает дискуссий. Как и для античного времени, уже в начальный период обращения к истории средневекового Херсона, в первых обобщающих работах отражены спорные вопросы, получить ответы на которые позволило только дальнейшее изучение археологических находок, критическое прочтение и

анализ нарративных источников. Более того, для средневекового Херсона истоки рождения отдельных, длительное время спорных проблем относятся ко времени еще до начала раскопок. Это попытка определить местоположение Херсона-Корсуня в «Истории Российской» В. Н. Татищева¹. Некоторые события и памятники Херсонеса-Херсона упоминали отечественные и западноевропейские путешественники, посетившие южные пределы Российской империи вскоре после включения в ее состав территории Северного Причерноморья, останавливая при этом внимание на отдельных событиях, упоминаемых средневековыми авторами.

Первым наиболее полным описанием Гераклеийского полуострова, и, следовательно, Херсонеса-Херсона, стало сочинение З. Аркаса. Он выполнил его по просьбе Одесского общества истории и древностей и поручению адмирала М. П. Лазарева создать описание древнего Херсонеса, Инкермана и Балаклавы². Характеризуя видимые руины и состояние городища, З. Аркас сделал вывод о том, что город не отличался высоким уровнем градостроительства, так как регулярная планировка не прослеживается. Однако она и не могла быть прослежена до более или менее планомерных раскопок под контролем Императорской археологической комиссии (до 1888 г.). К этому времени Н. (К.) Крузе, Д. В. Карейша³ и А. С. Уваров открыли только отдельные, стоящие друг

¹ Поиск истоков интереса к истории Северного Причерноморья в целом, и в частности к Херсонесу, в российской историографии уводит к еще более ранним годам. Г. Л. Курбатов отмечал, что первым сочинением, посвященным данному региону, является работа А. Лызлова (Лызлов А. Скифская история. М., 1990), опубликованная в 1692 г. (см.: Курбатов Г. Л. История Византии: Историография Л., 1975. С. 46). Отметил он также работы немецкого историка Г. З. Байера (1649–1730), который был приглашен Российской академией наук (основана в 1725 г.) в связи с работой над «Историей Российской». Создателю «норманнской теории» принадлежит критическое рассмотрение сочинения Константина Багрянородного, что нашло отражение в его статье «Русская география по Константину Порфирогенету» (об этом см.: Курбатов Г. Л. История Византии. С. 48).

² Аркас З. Описание Ираклийского полуострова и древностей его. История Херсонеса. Николаев, 1879 (также см.: ЗООИД. 1848. Т. 2).

³ Описание его раскопок представлено: [Карейша Д. В.] Об археологических раскопках близ древних Пантикапея, Фанагории и Херсонеса (1845—

от друга на значительном расстоянии памятники, разумеется, чрезвычайно интересные, но не способствовавшие выявлению целостной топографической картины¹.

Еще до раскопок Н. Крузе, появилось сочинение о Херсонесе С. Богуш-Сестренцевича (1731—1827, или 1743—1825)², при создании которого использованы сведения из трудов древних авторов. Безусловно, оценки работы современников и исследователей конца XIX — начала XX в. и историков нашего времени кардинально отличны. Н. Н. Мурзакевич писал о книге С. Богуш-Сестренцевича как о блестящей по эрудиции и новизне обобщения истории Херсона³.

Спустя более века после отзыва члена ООИД к анализу содержания работы С. Богуш-Сестренцевича обратился С. Б. Сорочан. Он отметил не только многочисленные неточности в хронологии и ошибки в изложении истории Херсона, но и наличие отдельных интуитивных догадок писателя-каноника⁴. Однако в данном случае большее

1846 гг.): Извлечения из отчета А. В. Карейши // ЖМВД. 1846. Т. 16, № 11. С. 248—310; Карейша Д. В. Археологические исследования вокруг Керчи, Севастополя и на Таманском полуострове (1846—1847) // ЖМВД. 1848. Т. 21, № 3. С. 425—450.

¹ Наличие для византийского периода гипподамовой системы планировки показали раскопки К. К. Косцюшки-Валужинича. Ориентация улиц и кварталов хорошо читается на первых фотографиях городища с самолета, но до 20-х гг. XX в. должен был пройти значительный временной отрезок.

² Сестренцевич-Богуш С. История царства Херсонеса Таврийского: В 2 т.: Пер с фр. СПб., 1806. Отметим одну деталь биографии С. Сестренцевича-Богуша: в период царствования Павла I ему был дарован титул митрополита всех римско-католических церквей в России.

³ См.: Мурзакевич Н. Архиепископ католический Станислав Сестренцевич-Богуш // ЗООИД. 1875. Вып. 9. С. 339—342.

⁴ Сорочан С. Б. У истоков мифов: С. Богуш-Сестренцевич о раннем Херсонесе // Кумуляция и трансляция византийской культуры: Материалы XI науч. Сюзюмовских чтений. Екатеринбург, 2003. С. 90—91. В качестве примера он приводит соображения С. Богуш-Сестренцевича о времени создания Херсонесской фемы. Расширенный повтор тезисов содержится в кн.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон: Очерки истории и культуры, вторая половина VI — первая половина X в. Харьков, 2005. С. 9—16. Незаслуженно суровую оценку дает

значение имеет отзыв современников, а не исследователей, которые стали обладателями многочисленных данных, являющихся результатом археологических раскопок. Значимым является то, что С. Богуш-Сестренцевич попытался воссоздать многовековую историю города, обосновывая данными письменных источников гипотезы относительно различных исторических событий, показав значение Херсона в жизни Средиземноморско-Черноморского региона.

И еще один труд следует отнести к числу первых — это предпринятый А. Л. Бертье-Делагардом комплексный анализ результатов археологических раскопок и свидетельств письменных источников. В годы его научной деятельности, как и позднее, различные сюжеты истории Херсона представлены в штудиях крупнейших российских византинистов: А. А. Васильева, В. Г. Васильевского, Н. Д. Знайко, Ю. А. Кулаковского, А. А. Куника, В. В. Латышева, А. В. Орешникова, И. И. Толстого, Ф. И. Успенского и многих других¹.

С. Б. Сорочан и некоторым другим своим предшественникам в историографическом обзоре монографии. В частности, относительно пассажа о торговле херсонитов в X в., разработанного Б. В. Кёне на основании свидетельств Константина Багрянородного, он пишет: «Если бы не верный вывод относительно посреднической торговой роли Херсона как “очень богатого” пограничного города, наблюдения Б. В. Кёне могли бы окончательно разочаровать в своей полноте и грамотности» (Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 19). Такой подход в историографических преамбулах при оценке трудов, отделенных от времени появления нового сочинения значительным промежутком времени, вряд ли можно признать корректным: за столетие, тем более за 200 лет, многое изменилось. «Гиперкритика» в историографии вряд ли допустима: судить о взглядах историков прошлого следует с позиций развития науки их времени; безусловно, сие не означает, что должно забывать об ошибочности прежних выводов. Примером корректного анализа взглядов историков является учебное пособие Г. Л. Курбатова (История Византии: Историография. Л., 1975). Автор смог создать представление об особенностях развития национальных школ, изложил взгляды исследователей по наиболее дискуссионным вопросам, отметив при этом позиции историков второй половины XX в. Такой подход позволяет выявить и «устаревшие» с точки зрения современности концепции.

¹ Из ранних работ, в которых наряду с немногочисленными в тот период археологическими материалами использованы свидетельства письменных источ-

В начале XX в. история Херсона VI—X вв. стала объектом внимания С. П. Шестакова, являющегося автором одного из томов «Памятников христианского Херсонеса» — издания, предпринятого по инициативе председателя Московского археологического общества П. С. Уваровой. Предваряя то, что будет сказано далее, следует отметить, что ей принадлежит идея полной публикации находок и памятников Херсонеса, что в полной мере не осуществлено и до наших дней. Не лишним будет напомнить: начало систематических раскопок в Херсонесе в 1888 г., у истоков которых стояли крупнейший российский византист Н. П. Кондаков и К. К. Косцюшко-Валюжинич, также является одной из заслуг П. С. Уваровой.

Итоги археологических раскопок XIX — середины XX в. с сопутствующим очерком по истории Херсона, построенном на свидетельствах письменных источников, подведены в двух фундированных монографиях А. Л. Якобсона (Сер. Материалы и исследования по археологии СССР, № 17 и 63). Полнота представленных археологических данных (безусловно, по состоянию на то время, когда писались книги) и обращение к нарративным памятникам сделали работы настольными книгами всех, кто обращается не только к истории византийского Херсона, но и Таврики в целом.

Для второй половины XX в. следует отметить монографии Н. И. Богдановой и А. И. Романчук, С. Б. Сорочана. Многочисленные статьи, посвященные отдельным памятникам или сюжетам истории византийского Херсона, выходили в свет в течение всего XX в. Каждая из них уточняла тот или иной аспект истории города, вызывала научные споры или заставляла обратиться еще раз к анализу уже введенных в научный оборот археологических материалов. К гипотезам и выводам авторов

ников, следует назвать: Кёне П. Исследования об истории и древностях города Херсонеса Таврического. СПб., 1848; Мансветов И. Д. Историческое описание древнего Херсонеса и открытых в нем памятников. М., 1872; Григорович В. Заметки о Солуни и Корсуни. Одесса, 1872. Для характеристики первых лет обращения к истории Херсонеса интерес представляет статья: Тункина И. В. К истории изучения Херсонеса—Корсуни в конце XVIII — середине XIX в. // Москва—Крым: Ист.-публицист. альманах (М.). 2001. Вып. 3. С. 96—120.

этих статей предстоит обратиться, но прежде остановим внимание на концептуальной оценке значения византийского Херсона в работах обобщающего характера.

А. Л. Бертье-Делагард о значении исследований Херсонеса

Взгляды А. Л. Бертье-Делагарда, внимательно следившего за раскопками К. К. Косцюшки-Валюжинича, оказали большое влияние на многих, кто в последующем обращался к памятникам Херсонеса. Наиболее полно они изложены в фундаментальной статье, написанной в 1906 г.¹. К одному из ее разделов, посвященному опровержению обвинений русских в варварском разрушении памятников после присоединения Крыма, уже пришлось обратиться в первой части при освещении истории раскопок. В основе концепции А. Л. Бертье-Делагарда лежит тезис о том, что история «не дает нам ни малейшего основания видеть в средневековом Херсонесе что-либо иное, чем полуварварский город, а в источниках он предстает по большей части как место ссылки». Он считал, что и в античный и в средневековый периоды Херсон «не являлся крупным центром, вокруг которого во всем Крыму стояло уже совершенное варварство».

Для того чтобы полнее представить основные выводы исследователя, процитируем несколько положений из его работы. Но при этом будем помнить, что относятся они ко времени, когда планомерные раскопки городища были в самом начале. Позднее, благодаря дальнейшему изучению Херсонеса, неизбежным стало уточнение отдельных выводов.

В значительной мере причину неудовлетворительной сохранности городских сооружений А. Л. Бертье-Делагард объяснял тем, что «такой город не оставался целым до конца своей жизни» и даже последние исторические сведения о нем только и говорят о его взятии и разрушении.

«В 1224 г. его разорил Гетум, синопский турок; около 1300 г. турки, разбитые татарами, бежали через Херсон, которого, конечно, не пощадили ни победители, ни побежденные; около 1363 (или 1396—?) опустошили его дотла, разграбив церкви, литовцы, гнавшиеся за тата-

¹ Бертье-Делагард А. Л. Древности Южной России: Раскопки Херсонеса // МАР. 1893. Т. 12; Он же. О Херсонесе // ИАК. 1907. Вып. 21. С. 1—207.

рами¹, так что и самый город опустел с этого времени»². Однако дело не только в постоянной военной опасности и разрушениях. Основываясь на церковных документах, А. Л. Бертъе-Делагард отметил, что в конце XIV в. херсонская епархия возведена в митрополию, «но терпела великую бедность, заводя с соседями всяческие споры и пререкания из-за нескольких деревушек, и выпрашивая подачки у константинопольского патриарха». На основании еще немногочисленных археологических свидетельств А. Л. Бертъе-Делагард пришел к весьма негативной оценке статуса и облика Херсона: «Не найду слов для выражения той жалкой нищеты, того глубокого архитектурного невежества и безграмотности, которые с непререкаемой ясностью встают из раскопок Херсонеса. ... Городские постройки немногие имели крышу из черепицы, большинство деревянную. ... Внутри больших церквей находили колонны и части иконостасов из мрамора и мозаичные полы, все это малых размеров, с весьма слабым художественным значением и к тому же вытасченные из других более древних построек. ... Если столь плохи церкви, то, понятно, что частные дома должны быть еще хуже; все это жалкие лачужки,

¹ В истории Трапезундской империи, написанной в близкое время, эти события представлены следующим образом. В сказании о чудесах св. Евгения, патрона Трапезунда, упомянут неблагоприятный поступок Рейс-Хетума, «губернатора Синопа». Случилось это во второй год правления Андроника Гида. В 1223 г. Андроник, правитель Трапезундской империи, и султан Мелик дали друг другу клятву жить в мире, «чтобы живущее вокруг укрепленных мест население пользовалось спокойствием». Но соглашение было нарушено Рейс-Хетумом, подданным султана, который разграбил корабль, из-за бури оказавшийся около Синопа. Судно это, как писал автор сказания скевофилак Лазарь, «было нагружено собранными с Херсона и городов тамошней Готфии суммами и другими взносами — ежегодной податью Трапезундским Комнинам. Не смогло защитить груз и то, что его сопровождали архонты Херсона и сборщик налогов Алексей Пактиари. После захвата груза и пленения корабельщиков Рейс-Хетум опустошил и окрестности Херсона» (см.: Успенский Ф. И. Очерки по истории Трапезундской империи. Л., 1929. С. 51; Попадуло-Керамевс А. Сборник материалов по истории Трапезундской империи. СПб., 1897. С. 117–118).

² Современные исследователи не располагают данными об этом походе. Как правило, о набеге литовцев пишут со ссылкой на В. Н. Татищева.

одноэтажные, все без исключения, построенные из самого плохого мелкого бутового камня¹, и к тому же не на известковом растворе, а просто на глине, или, вернее сказать, на местной грязи. ... Не открыто ни в одном доме, ни самонаименьшего признака какого-либо архитектурного украшения, хоть бы клочка штукатурки»². Значение Херсонеса, по мнению А. Л. Бертье-Делагарда, в другом: «Из-за состояния остатков можно было бы сделать вывод о бесполезности раскопок; для античного времени существуют более величественные памятники. Но много ли таких мест для находок византийских? Вот в этом отношении важность раскопок в Херсонесе чрезвычайная, даже почти единственная, так как не скоро найдется город, брошенный в XIV в. и, стало быть, дающий находки без примеси новейших. В Херсонесе нам открывается весь быт, вся культура византийского города, тем более интересные, что они относятся к обыденному мелкому городку, а не крупному, исклю-

¹ Несмотря на то, что А. Л. Бертье-Делагард не увидел уже имевшиеся данные, противоречившие процитированному выше, все же замечу, что и позднее, когда уже был накоплен значительный археологический материал, многие тезисно высказанные им выводы неоднократно повторялись. Это можно судить на основании характеристики, данной Херсону по данным раскопок северного района Г. Д. Беловым; об этом же свидетельствуют и выводы, сделанные в середине XX в. А. Л. Якобсоном о Херсоне XIV в. Более того, в работах общего плана, когда речь заходила о средневековом городе, постройки его сравнивали с памятниками античного времени. Если же обратиться, к примеру, к кладке стен общественных зданий, прежде всего к крупным средневековым сакральным сооружениям, то вряд ли мы увидим хотя бы одно из них со столь «жалкими стенами». Кроме того, археологически малоизвестны целостные рядовые жилые комплексы — дома горожан античного периода. Безусловно и то, что возможности привлечения трудовых ресурсов для средневекового и античного времени имели существенные отличия.

² В течение длительного времени раскопок исследователи не знали, как украшали свои дома херсониты. А в один из археологических сезонов Объединенной экспедицией был найден арочные блок с полосами и зигзагообразными линиями различного цвета. В. Н. Даниленко во время работ в портовом квартале I обнаружил «раскрашенный» оконный тимпан. Наконец, на нижних рядах кладки с внешней стороны стен одного из домов портового квартала 2 сохранились остатки серовато-белой штукатурки. Однако следует помнить, что эти данные были получены спустя более полувека после написания работы А. Л. Бертье-Делагарда.

чительному центру. ... Это особенно важно, если вспомнить значение этого города в нашей истории, политической, а особенно церковной». В отличие от других византийских городов, на что особое внимание обращал А. Л. Бертье-Делагард, «местность, на которой существовал город, представляет сплошной нетронутый пустырь с развалинами и раскопки обнаруживают нетронутые улицы и кварталы зданий. ... Все улицы оказываются разбитыми совершенно правильно, параллельно друг к другу с прямыми углами. ... Правильность улиц дело редкое даже в древних городах, то нельзя не прийти к заключению, что в Херсонесе подобная правильность получилась не с основания города¹, а лишь впоследствии, в позднее время, по какому-нибудь общему решению или приказанию и, вероятно, после какого-нибудь погрома, от которого в городе уцелело немного»². В данном конкретном случае вряд ли

¹ Основы градостроительной структуры, как показали исследования М. И. Золотарева и А. В. Буйских, были заложены в античное время, о чем говорилось в первом томе (для справки см.: Буйских А. В., Золотарев М. И. Градостроительный план Херсонеса Таврического // ВДИ. 2001. № 1. С. 111–132).

² Бертье-Делагард А. Л. Древности Южной России. С. 16–18. Не будучи профессиональным историком, военный инженер и любитель истории все же смог оценить значение херсонесских раскопок в целом — в плане изучения рядовых провинциальных центров Византии. Он хорошо знал и ценил также другие памятники Таврики, даже в сугубо научных статьях чувствуется тревога за их судьбу. В этой связи понятны его слова, сказанные после 1917 г., когда «знания, труд (и русских, и иностранцев) и сотни миллионов ... разрушаемы, разграблены. Уничтожено было то, что в течение трех четвертей века создавалось ..., когда была достигнута редкая степень благосостояния в России, указателем которой может служить ценность земли, еще до войны и общего крушения возросшая более чем в тысячу раз сравнительно с татарским временем» (Бертье-Делагард А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде: 1. Поселения южного побережья; 2. Православные и униатские епархии, их пределы; 3. Справки о Фуллах // ИТУАК. 1920. № 57. С. 35). Общее крушение: утрата ценностей, утрата культуры — боль за это слышится и в одном из последних писем киевского византиниста Ю. А. Кулаковского, которые приведены в некрологе, написанном А. И. Маркевичем: «Страшная темная туча налегла на Русь и в этой беспросветной тьме в тревоге за грядущий день приходится не жить, а прозябать» (см.: Маркевич А. И. Памяти профессора Ю. А. Кулаковского // ИТУАК. 1920. № 57. С. 340 — цитата из письма от 27.12.1917 г.). В этом свете понятно, почему вместе с Белой армией покидали Крым ученые.

следует говорить об ошибочности мнения относительно роли Херсона в событийной истории Таврики. О значимости работ А. Л. Бертье-Делагарда (для того времени, когда они были созданы) говорят отзывы его современников, крупнейших специалистов истории региона, которые писали, что он «пользуется весьма почетной известностью в русской археологической литературе как автор крупных исследований в области Крыма и его истории. Его сочинение о древностях Инкермана показало в авторе не только искусного наблюдателя, но и строгого критика, которого появление в этой среде едва початых древностей Крыма христианской эпохи приветствовалось всеми компетентными людьми. Таковы уже были дальнейшие работы автора по надписям, монетам и картографии берегов Черного моря. Прибавим, что автор, будучи сам военным и специалистом-техником, севастопольским старожилом, издавна на месте следит за древностями Крыма»¹.

Условия раскопок К. К. Косцюшки-Валюжинича

Характеризуя первые работы по истории Херсона, нельзя не учитывать условия и методику раскопок К. К. Косцюшки-Валюжинича, отраженные в отчетах и его переписке. Они свидетельствуют, что многие детали, которые могли бы помочь восстановлению строительной биографии общественных сооружений города (крепостной огады и храмов), остались не отмеченными, что затрудняет обращение к

¹ Рецензии на «Древности Южной России. Раскопки Херсонеса» (МАР. 1893. № 12) принадлежат: Н. П. Кондакову (ЖМНП. 1893. № 12. С. 388–396); В. В. Латышеву (ЗРАО. Нов. сер. 1896. Т. 8, вып. 1/2. Прил. С. XLV–XLIX; ПОНТИКА. СПб., 1909. С. 371–375; В. Ястребову (КС. 1894. № 6. С. 546–549). В архиве Национального заповедника «Херсонес Таврический» хранится чрезвычайно интересный очерк, посвященный личности и деятельности А. Л. Бертье-Делагарда. Он написан членом Одесского общества истории и древностей Б. В. Варнеке (А. Л. Бертье-Делагард // Арх. НЗХТ, д. 269). Здесь приведены и другие отзывы ведущих российских историков (о Б. В. Варнеке см.: Тункина И. В. Новые материалы к биографии проф. Б. В. Варнеке // Древнее Причерноморье: III чтения памяти проф. П. О. Карышковского: Тез. докл. юбил. конф. 12–14 марта 1996 г. Одесса, 1996. С. 109–110).

археологическим данным исследователей последующих поколений. Причины, обусловившие такое положение, не только объективные: состояние в целом методики раскопок эпохи, спешные работы в связи со строительной деятельностью на территории городища, но и субъективные. К числу последних относятся взаимоотношения К. К. Косцюшки-Валюжинича и монастыря.

В одном из проектов по благоустройству городища он предлагал: «До работ монастырь должен извещать заведующего раскопками.

Не препятствовать исследованию этих участков (там, где ведутся работы монастыря).

Находимое при работах передавать зав. раскопками, а не продавать или дарить их.

Все (найденное) до 1888 г. передать без остатка зав. раскопками (речь идет о церковных древностях из музея монастыря).

Не разрешать братии входить в роль экскурсоводов.

Не разрешать вывозить на раскопки нечистоты.

Не пасти скот на древнем городище.

...Строительство монастыря было возможно в то время, когда о значении древностей и их величии в Херсонесе еще не подразумевали, сейчас, когда он превратился в европейски прославленный центр, это невозможно. Тогда считали, что было два Херсонеса.

Монастырь обычный. ... Древний город с его прежней жизнью, так неразрывно связанной с жизнью России и постепенно извлекаемый из недр земли, должен составлять нашу гордость. Раскопки по образцу европейских, не допуская засыпки не раскопанных участков, без виноградников и скотных дворов в лучшей части города. ... Все еще может измениться к лучшему, если только монастырь будет существовать для Херсонеса, а не Херсонес для монастыря»¹.

Свидетельства архивных документов позволяют воссоздать условия, в которых приходилось работать К. К. Косцюшке-Валюжиничу; в отдельных случаях они объясняют причины частичной утраты информации, необходимой для датировки памятников.

¹ См.: Косцюшко-Валюжинич К. К. Проект благоустройства Херсонеса, 1902 г. // Арх. НЗХТ, д. 40, л. 244 об., 245.

На площади, где возводился собор в память крещения Руси, до 1888 г. было открыто несколько храмов. К изучению одного из них первый заведующий городищем обратился повторно, считая необходимым произвести раскопки внутри здания. Но монастырским руководством «были изгнаны рабочие, поставленные в ее внутренней части для раскопок». В свою очередь это «привело к коллективной кляузе монастыря, в которой было сказано, что эта базилика исследована Одесским обществом истории и древностей и самим Косцюшко». Защищаясь, К. К. Косцюшко отметил: «Базилики, расположенные с южной стороны нового храма, никогда внутри ни расследованы, ни мною доследованы не были. Надеюсь найти какие-либо указания на время сооружения этих древних храмов, ... я поставил их (рабочих) для перекопки алтарных частей названных базилик, где нет ни каменных, ни мраморных полов. Базилики эти уцелели только благодаря моему о том ходатайству и насколько дороги монастырю «памятники древней святыни», доказывает возведение в 1889 г. на месте часовни с фресковой росписью ... хозяйственной постройки»¹.

Для полноты картины об условиях, в которых приходилось производить исследование памятников, можно добавить несколько слов из переписки К. К. Косцюшки с Императорской археологической комиссией по поводу благоустройства площади около строящегося Владимирского собора: «После замощения площади вокруг нового собора остатки эти представляют впадины, в которые вносится ветром сор. Настоятель говорит, что они мешают крестному ходу и заслоняют

¹ См.: Косцюшко-Валюжинич К. К. — ИАК, 08.07.1896 г. // Арх. НЗХТ, д. 39, л. 155—156. Во время одного из конфликтов К. К. Косцюшко-Валюжинича обвиняли в «инославии» и потому в нежелательности руководства раскопками в Херсонесе, где существует православный монастырь. Церковное руководство отмечало, что он, как католик, не уважает православные святыни. Примечательным является его ответ. Поскольку объектами его раскопок в это время в основном являлись базиликальные храмы, согласно существовавшей точке зрения сооруженные в ранневизантийское время, он написал, что они одинаково почитаемы и дороги и для православных, и для католиков, поскольку разделение церквей произошло в 1054 г. Подробно данный сюжет развит (с извлечениями из архивных документов) в научно-популярной книге: Романчук А. И. Возрождение античного города: Очерк истории изучения Херсонеса. Свердловск, 1991.

храм. ... Бертье-Делагард тоже считает, что эти незначительные части базилик только вводят в заблуждение посетителей Херсонеса». И К. К. Косцюшко-Валюжинич просит разрешения снести эти остатки¹. В данном случае «подобный снос» диктовался соседством монастыря и древнего города, и исследователь был вынужден удовлетворить требования церковных властей. Однако, как свидетельствует дальнейшая переписка К. К. Косцюшки с ИАК, ему удалось частично сохранить постройки.

На основании переписки между Синодом, ИАК и К. К. Косцюшкой-Валюжиничем можно судить о методике раскопок. В одном из отношений в ИАК сказано, что площадь выравнивается «без изменения каждого камня, открытого здесь» (участок около строящегося собора. — А. Р.). Для остальной территории отмечено, что «землекопы проходят рвами на глубину от 1,5 аршин до 2 аршин, выбрасывая камни и оставляя глинистую землю для посадки деревьев. Одновременно вся местность прозондирована шупами и не встречено никаких древних остатков»².

В другом послании он сетует, что не монастырь существует для сохранения Херсонеса (как это планировалось в первоначальном проекте при его создании), а Херсонес — для монастыря: «Распланировка вокруг собора: сад, стена, дом с северной стороны, производство работ, необходимых для благоустройства, ... повлечет за собой уничтожение остатков древних зданий, из коих удалось спасти лишь две базилики, расположенные с южной стороны храма, и то лишь при условии оставить только три ряда кладки стен, которые в своем первоначальном виде закрывали нижнюю часть храма»³.

¹ См.: Косцюшко-Валюжинич К. К. — ИАК, 25.04.1898 г. // Арх. НЗХТ, д. 40, л. 22. В ответ последовало распоряжение о сносе двух базилик около нового собора, с южной стороны храма. Однако рекомендовалось прежде снять точные планы, доследовать местность до скалы (см.: Бобринский А. А. — Косцюшке-Валюжиничу К. К., 16.05.1898 г. // Арх. НЗХТ, д. 40, л. 25).

² См.: Отношение к директору хозяйственного управления при св. Синоде А. Г. Ильинскому // Арх. НЗХТ, д. 37, л. 16 об., 17.

³ См.: Косцюшко-Валюжинич К. К. — ИАК, 08.11.1895 г. // Арх. НЗХТ, д. 39, л. 127. Примеры непонимания значимости открытых памятников содержатся и в некоторых заметках периодической печати. В частности, автор одной из них, опубликованной в «Русской мысли», считал, что «остатки же

Вряд ли существует необходимость умножать подобные примеры. Они наглядно показывают условия, которые сопутствовали археологической деятельности первого заведующего городищем. Ему пришлось наводить порядок на городище, возвращаться к исследованию ранее открытых сооружений, в том числе производить повторные раскопки некоторых из храмов, ранее бывших объектами раскопок Одесского общества истории и древностей. Он неоднократно обращался и к изучению базилики № 23, которая носит имя ее первооткрывателя (Уваровская). Строительная деятельность военного ведомства, возведение Владимирского собора приводили к спешке, использованию плантажного метода, что в свою очередь вызывало неточности планов и неудовлетворительную фиксацию находок (не только с позиций наших дней).

Однако если сравнить опубликованный Д. В. Айналовым по итогам раскопок К. К. Косцюшки-Валюжинича план расположения храмов¹ с тем, что сегодня можно видеть на Херсонесском городище, то становится очевидным: многие квартальные сакральные сооружения или не сохранились, или были засыпаны. Строительная деятельность монастыря и военного ведомства разрушала и более внушительные памятники². Безусловно, нечеткость фиксации стратиграфии и находок привела к утрате значительной части информации, что сказывается на характере дискуссий второй половины XX — начала XXI в. Однако споры ведутся и относительно времени возведения базилик, открытых после 1927 г.,

старых церковных стен только портят, без всякой надобности затевают новый храм и как бы подчеркивают его раззолоченность. Никакой не будет потери, если их примут отсюда, так как тут же рядом имеются на просторе точно такие же и даже более обширные остатки древнего храма» (см.: Вырезка из газеты «Русская мысль» // Арх. НЗХТ, д. 49, л. 23).

¹ Айналов Д. В. Развалины храмов // ПХХ (М.). 1905. Вып. 1.

² Вот что писал о военном строительстве и хаосе на территории Херсонеса К. К. Косцюшко-Валюжинич: «Зачем я не родился столетием раньше, я бы пал к ногам великой Екатерины и спас бы Херсонес, раскопки его от его будущих врагов, причинявших ему, начиная с Крымской кампании, и причиняющих в настоящее время больше зла, чем это делали скифы и остальные варвары» (см.: Косцюшко-Валюжинич К. К. — А. А. Бобринскому, 01.05.1904 г. // Арх. НЗХТ, д. 41, л. 55).

когда были подведены итоги столетнего периода раскопок, намечены новые задачи и начала меняться методика раскопок. Причиной такого положения является, как отмечает один из австрийских исследователей, анализируя строительную биографию наиболее внушительного сакрального сооружения Херсонеса (базилики № 23), то, что «стратиграфические наблюдения из-за особенностей геологического строения территории не могут помочь в определении времени возведения храма: эта базилика, как и другие, возведена непосредственно на скале»¹.

Полностью согласиться с таким пессимистическим выводом все же нельзя. Некоторые данные, позволяющие получить своеобразные реперы для датировки, имеются. К числу таковых можно отнести отмеченные в отчетах К. К. Косцюшки-Валюжинича остатки более ранних комплексов, например, колодцев, рыбозасолочных цистерн и т. д. Но об этом позднее — при анализе логики воссоздания периодизации строительства памятников Херсонеса.

Когда речь заходит о «качестве раскопок» К. К. Косцюшки-Валюжинича, то недостатки методики объясняются его дилетантизмом, при этом, как правило, отмечается, что на неудовлетворительное хранение находок указывали некоторые сотрудники Императорской археологической комиссии, в частности А. А. Спицин (1858—1931), который в 1898 г. посетил Херсонес. На основании его доклада в ИАК было отмечено, что «предметы не зарегистрированы, не имеют нумерации, вообще лишены ярлыков, по которым можно было бы узнать происхождение той или иной вещи и подробности, сопровождавшие находку», и рекомендовалось изменить правила хранения находок. К. К. Косцюшке предписывалось «вести нумерацию (находок), посылать в Комиссию опись с их указанием, ... чтобы дать возможность всякому интересующемуся разобраться в богатом материале и точно установить место и условия находки, если какой-нибудь предмет заинтересует его в этом отношении. ... Ярлычки можно придумать так, чтобы они не нарушали впечатления»².

¹ Pülz A. Die frühchristlichen Kirchen des taurischen Chersonesos (Krim) // MChA. 1998. Т. 4. S. 50. Abb. 21.

² См.: Браун Ф. А. — К. К. Косцюшке-Валюжиничу, 03.02.1898 г. // Арх. НЗХТ, д. 40, л. 16—17.

Позднее, в 1904 г., вновь был поднят вопрос о правилах хранения находок. И другой член Археологической комиссии, Н. И. Веселовский (1848—1918), заметив, что будет сложно восстановить детали в случае пропажи или передачи вещей другому лицу, предлагал свой труд для обработки материалов раскопок¹. В последующем К. К. Косцюшко, частично выполнив эту работу, сообщил в ИАК «о присвоении *номеров* всем находкам текущего года, *ярлыков* и занесении в соответствующую опись»².

Рис. 1. Склад древностей, созданный К. К. Косцюшко-Валюжиничем (экспозиция архитектурных деталей)

¹ См.: Веселовский Н. И. — ИАК, 22.09.1904 г. //Арх. НЗХТ, д. 41, л. 75.

² См.: Косцюшко-Валюжинич К. К. — ИАК, 2.12.1904 г. // Арх. НЗХТ, д. 41, л. 73. Правда, система нумерации для современных исследователей не совсем ясна. Пыталась разгадать ее И. А. Антонова, считавшая, что она близка к успеху, но это, как и другие ее научные начинания, осталось незавершенным.

Однако дело не только в том, что К. К. Косцюшко-Валюжинич не являлся специалистом. Вряд ли в конце XIX — начале XX в. в других районах методические приемы раскопок были совершеннее.

Примером может служить исследование Коринфа, где, начиная с 1896 г., работала Американская археологическая школа. Оценивая состояние фиксации памятников, один из ведущих специалистов в области классической и византийской археологии Р. Скрэнтон писал: «Сначала незначительные попытки сделать записи о средневековых остатках. Очень скоро экспедиция начала производить фиксацию относящегося не к классическому периоду, но в течение значительного времени вряд ли они были удовлетворительны. С 1920 г. стали доступны более ценные данные, а в 1930 г. был принят, наконец, план, координирующий раскопки¹. На плане есть несколько секций совершенно пустых, другие со сносными ошибками, скругленными деталями»². (В свете сказанного о раскопках специалистов можно считать, что Херсонесу «повезло» в том, что раскопки были начаты под контролем одного из крупнейших

¹ Обратим внимание на год. Если учитывать, что в 1927 г. была проведена конференция, определившая первостепенные задачи изучения Херсонеса, и начались планомерные раскопки разрушаемых морем участков, сопровождаемые составлением планов, которые в деталях совпадают с сохранившимися до наших дней объектами, то становится ясно, что херсонесские исследователи ранее, чем в других античных (византийских) центрах пришли к пониманию монографического исследования отдельных участков городской территории и обратили внимание на необходимость точной фиксации раскопанных участков. К этому можно добавить, что в 30-е гг. XX в. специально с археологическими целями произведена фотосъемка городища с высоты птичьего полета. Внимательное изучение снимков показывает, что даже при существовавшей в те годы аппаратуре, их качество достаточно, чтобы «увидеть» раскопанные позднее в 1932 и 1935 гг. Г. Д. Беловым базилики. И еще одно, с гордостью за отечественную археологию, следует отметить: очень рано в Херсонесе начала работать комплексная экспедиция, включавшая в свой состав специалистов по античному периоду (Г. Д. Белов и С. Ф. Стржелецкий) и медиевистов (А. Л. Якобсон).

² Scranton R. L. *Medieval Architecture in the Central Area of Corinth* // *Corinth*. 1957. Vol. 16. P. V; cp.: Robinson H. S. *Excavations at Corinth*, 1960 // *Hesperia*. 1962. Vol. 31, nr. 1. P. 95—107.

византинистов, а его помощником стал человек, для которого расстаться с Херсонесом, как он писал, означало расстаться с жизнью).

Безусловно, можно критиковать выводы, методику раскопок предшественников, но без них вряд ли стало возможным современное развитие наших знаний о Херсонесе.

К. К. Косцюшке-Валюжиничу приходилось изготавливать эстампажи с надписей, от руки переписывать многостраничные отчеты для личного архива и отправки их в Археологическую комиссию, наблюдать за ходом раскопок, тратить время на разрешение конфликтов с монастырскими властями и военными строителями. Вместо критики методики раскопок лучше прислушаться к словам, оценивающим его деятельность современником — председателем ИАК А. А. Бобринским: «Для Херсонеса новое солнце светило с той поры так ясно и постоянно, неутомимая Ваша энергия, Ваше терпение и аккуратность привели к результатам, которыми Вы могли по праву гордиться. Никто, кажется, даже из завзятых скептиков, не будет отрицать и сомневаться в важности раскопок в Херсонесе, ни в том факте, что открытием этого источника научного света мы всецело обязаны Вам»¹.

В 1898 г., в юбилейный год раскопок ИАК, А. А. Бобринский писал: «За десять лет достигнуты чрезвычайно разносторонние и, во многих отношениях, блестящие результаты. Он (К. К. Косцюшко-Валюжинич. — А. Р.) исследовал до материка значительные участки самого городища, причем под развалинами христианского (византийского) Херсонеса во многих местах обнаружил фундаменты древнейшего греко-римского города, который оставался вовсе неизвестным предыдущим исследователям Херсонеса, графу Уварову, Одесскому обществу. В исследованных участках города Косцюшко открыл 20 храмов и часовен, кафедральный собор, интереснейший памятник византийского зодчества в России. Здесь же под престолом найден серебряный ковчег VI в.

Открыта оборонительная стена на всем ее протяжении. Эти открытия в связи с многочисленными жилыми помещениями, улицами, погребями, цистернами, водопроводами дают богатый материал для будущего исслед-

¹ См.: Бобринский А. А. — К. К. Косцюшке-Валюжиничу, 1897 г. // Арх. НЗХТ, д. 39, л. 211.

дователя топографии города. ... На некрополе с 1891 по 1897 г. вскрыто 989 погребений, около 4 000 предметов, 8 000 монет»¹.

К. К. Косцюшко-Валюжинича подчас упрекают в том, что он не признавал значимости средневековых находок и комплексов. Это не совсем соответствует действительности. В официальных отношениях в ИАК, письмах к А. А. Бобринскому он упоминал некоторые из них. Примером может служить описание визита в Херсонес императора Николая II (18.09.1902 г.). Сообщая об осмотре императорской семьей раскопок, он обращает внимание на «энколпион большой бронзовый превосходной сохранности, интересный своими славянизированными надписями, доказывающими, что Херсонес византийской эпохи исполнял заказы для наших великокняжеских городов». И далее продолжает: «Мысль эта принадлежит нашему известному ученому академику Кондакову (был недавно для осмотра крестообразного храма). ... При обозрении этого храма я буду иметь счастье давать объяснения, основываясь на отзывах академика Кондакова, ... что при изучении наших древностей необходимо начинать с Херсонеса как источника, откуда заимствованы нами христианство и культура»².

В отчетах, иногда и в письмах К. К. Косцюшко приводил данные о местонахождении отдельных артефактов: «В нескольких саженях от помещения, где в 1894 г. была найдена шиферная икона св. Георгия и Дмитрия, найден глиняный кружок неправильной формы». На нем в двойном кругу однострочная рельефная надпись, и в центре изображение св. Фоки, уроженца Синопы, чтимый греческими мореплавателями»³.

¹ См.: Бобринский А. А. Рапорт Министру Императорского Двора от 23.03.1899 г. // Арх. ИИМК, фонд ИАК, 1894, д. 250, л. 8—9.

² См.: Косцюшко-Валюжтнич К. К. Рапорт о посещении императорской семьи в ИАК, 12.05.1902 г. // Арх. НЗХТ, д. 40, л. 226 об.

³ См.: Косцюшко-Валюжинич К. К. — ИАК, 29.04.1896 г. // Арх. НЗХТ, д. 39, л. 139. К примеру, отзываясь об отчете за 1895 г., «порадовавшем его и Бертье-Делагарда, он одновременно просит заказать клише «нескольких курьезных клейм на византийской черепице», типичных эпиграфических памятников и т. д. для общего отчета. Он также спрашивает: только ли фрагменты мраморных скульптур интересуют С. А. Жебелева и просит сообщить программу труда, с тем чтобы «своевременно собрать весь обширный мате-

Правда, более подробно описывались лишь раритеты, массовые находки (и не только византийского времени) приводились в отчете чаще всего вне комплексов, с которыми они были связаны.

Безусловно, наша оценка значения раскопок К. К. Косцюшки-Валюжинича и мнения его современников могут не совпадать. Возможно, в то время, на которое приходится его деятельность в Херсонесе, кто-то другой мог бы сохранить и исследовать памятники на более высоком методическом уровне. Но смог бы?

Рождение серии «Памятники христианского Херсонеса»

Один из историографических сюжетов, который, возможно, покажется не столь значимым в сравнении с концепциями исследователей или анализом источниковой базы научных штудий — это рождение идеи создания той или иной книги. Как правило, от внимания читателей он остается скрытым, являясь частью «исследовательской кухни». Наше время повсеместного использования компьютера вряд ли сохранит данную часть работы. Мы делимся своими замыслами на конференциях, в дружеских беседах, все реже и реже сообщаем друзьям-коллегам о трудностях или недостаточности информации. В период, когда не столь распространенными были телефонные переговоры, писались письма. Они содержат сведения о повседневных заботах, личностном восприятии происходящих событий, что редко находит отражение в официальных документах или газетных сводках. Для познания особенностей эпохи, интересов, взглядов и психологии ее представителей большое значение имеют личные архивы. Люди XIX столетия писали друг другу письма. Более того, некоторые из них создавали собственные архивы.

Примером такого собрания является личный архив К. К. Косцюшки-Валюжинича, в котором сосредоточены копии официальных документов, переписка с коллегами и официальные отношения. Он хранил не только письма своих корреспондентов, распоряжения из ИАК, но прикладывал к ним копии своих ответов. В связи с обращением к не-

риал» (Косцюшко-Валюжинич К. К. — А. А. Бобринскому, 10.09.1898 г. // Арх. НЗХТ, д. 40, л. 45—46).

которым историографическим аспектам такие архивные документы позволяют «восстановить» истоки рождения гипотез, споры, которые не были доведены до дискуссий в печати, те противоречия, которые сопровождали подготовку публикаций.

В одном из фондов Отдела письменных источников Государственного исторического музея сосредоточены письма и дневники председателя Московского археологического общества П. С. Уваровой. На нескольких листах отражены записи бесед, предпринятых в связи с подготовкой издания «Памятников христианского Херсонеса», задуманного к юбилею основателя МАО С. А. Уварова, который в предисловии к первому тому назван «первым исследователем Херсонеса».

Приведем несколько цитат из архивного дела, на листах которого имеются пометки П. С. Уваровой «О разработке древностей в Херсонесе».

1902 г.: «На Харьковском съезде договорила с Айналовым и Рединым о разработке Херсонесских древностей и нашла у них полное сочувствие этому. Из Константинополя подала записку Императору о переводе из Херсонеса монастыря и неудовлетворительности работ в Херсонесе»¹.

1903 г.: «АК (Археологическая Комиссия) негодует на меня за записку, поданную Государю. Ведутся переговоры с деятелями и в Эрмитаже, в каком духе отвечать (сообщил Смирнов)², иногда признается правильность критики.

В январе Айналов представляет свою заметку с планом разработки материала и с предложением привлечь к этому делу Редина, Смирнова, Жебелева, Ростовцева из П(етербурга), Мальмберга и Шестакова из Казани. Во главе дела ему хотелось бы видеть Кондакова. ...В начале мая послан в П(етербург) Айналов поговорить с сотоварищи, после четырех дней отсутствия возвращается измученным. Осенью Айналов переводится на кафедру в П(етербург), но, вероятно, продолжит работать над одной из тем, без особого сочувствия молодых товарищей»³.

¹ См.: Уварова П. С. Дневник // ГИМ. ОПИ, ф. 17, д. 574, л. 156а.

² Речь идет о Я. И. Смирнове (1869–1918).

³ См.: Уварова П. С. Дневник. Л. 156.

1904 г.: «С 30 марта по 5 апреля была в Петербурге, видела материалы, собранные Айналовым¹. Мы с ним говорили и имели совещание с Я. И. Смирновым и Ростовцевым (Мальмберг уже ушел, Жебелев отговорился). Говорили много, спорили, (они) нападали на Айналова с целью отнять у него охоту работать, но под конец совещания постановили, однако ж, что Смирнов и Ростовцев могут обещать совместную обработку для издания: мелких вещей римской и греческой эпох, т. е. лампы, золотые вещи, *terra sigillata*, поливную глину, причем Ростовцев насмешливо замечал, что он готов работать, не ожидая содействия Смирнова. Серг. Алек. Жебелева² решено просить заметки о культуре и территории, ... Хрис(анфа) Меф(одиевича) Лопарева (1862—1918 гг.)³ о библиографии, Лаврова (проф. С.-Петербургского университета) — о выборке из житий святых, Мальмберга — о золотых вещах. Айналов решил подготовить свой отдел к съезду, в конце июля сможет быть в Херсонесе»⁴.

Так в начале XX в. велась работа по подготовке к изданию монографических исследований, которые стали первым в российской историографии обращением профессиональных историков к истории Херсонеса. Одно-

¹ Первоначально планировалось провести совещание будущих участников проекта в начале лета 1903 г.

² Позднее, уже в советское время, была издана большая работа С. А. Жебелева, посвященная античной истории Северного Причерноморья, над которой он работал одновременно с главами для «Всемирной истории». Первоначально «Херсонесские этюды» публиковались в «Вестнике Древней истории», в последующем вошли в сборник «Северное Причерноморье (М.; Л., 1953). О значении трудов С. А. Жебелева см.: Гайдукевич В. Ф. Академик Сергей Александрович Жебелев как исследователь Северного Причерноморья // СА. 1941. Т. 5. С. 7—12; Каллистов Д. П. Роль академ. Сергея Александровича Жебелева в исследовании Северного Причерноморья античного времени // ВДИ. 1940. № 1. С. 168—173; Толстой И. И. Академик С. А. Жебелев в развитии русской историографии по античности // ВДИ. 1940. № 1. С. 162—168. С. А. Жебелев, как и другие его коллеги, подвергался гонениям, когда развернулась кампания «против старых профессоров». Особенно вину ему ставили дружбу с находившимся в это время в Америке М. И. Ростовцевым.

³ О нем см.: Заливалова Л. Н. Х. М. Лопарев: Ученый и его рукописное наследство // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 213—225.

⁴ См.: Уварова П. С. Дневник. Л. 156.

временно, согласно плану МАО, следовало осуществить критическое издание памятников и находок из раскопок Херсонеса.

В исторических студиях конца XIX — начала XX в. обсуждался в основном вопрос о так называемом новом и «Страбоновом Херсонесе». В той или иной мере его удалось разрешить благодаря изучению оборонительных сооружений, которым до конца жизни уделял большое внимание К. К. Косцюшко-Валюжинич. Материалы раскопки также стали основой для первого выпуска «Памятников христианского Херсонеса», посвященного описанию христианских храмов.

План раскопок Д. В. Айналова и реалии времени

Первый выпуск «Памятников христианского Херсонеса» основан, как отметил автор, на «наблюдениях, сделанных во время летних экскурсий, предпринятых на средства графини П. С. Уваровой». «Развалины храмов» Д. В. Айналова хорошо известны всем, кто когда-либо работал в Херсонесе. В сущности, это свод всех данных о храмах, которые были раскопаны ко времени публикации. Именно в этом состоит ценность выпуска. Извлечения из отчетов Д. В. Айналов сопровождал описанием увиденного во время «научных экскурсий»; личные наблюдения, как и библиографические примечания, представляют интерес и в наше время¹. Вполне закономерно, что последующее исследование сакральных зданий внесло коррективы в датировку и представление о конструктивных особенностях многих из них, но любое обращение к анализу храмов Херсона начинается с изучения труда Д. В. Айналова².

¹ К числу самых ранних сооружений (правлению Константина I) он отнес базилику, раскопанную А. С. Уваровым (см.: Айналов Д. В. Развалины храмов // ПХХ (М.). 1905. Вып. 1. С. 6). Подобного мнения придерживаются и некоторые современные исследователи.

² В 4-м выпуске (Айналов Д. В., Редин Е. К. Описание мраморов, найденных в развалинах Херсонесского городища) планировалось издать архитектурные детали храмов и привести соображения относительно развития сакральной архитектуры Херсона. Он, как и другие материалы, на которых основывались хронологические соображения, остался неопубликованным. Это тем более вызывает сожаление, что «привязку» многих архитектурных деталей к конкретным храмам из-за неточностей фиксации находок в отчетах Археологической комиссии в настоящее время осуществить сложно.

Переписка Д. В. Айналова восполняет его взгляды на хронологию некоторых памятников и содержит сравнительный анализ археологических реалий с топографическими деталями агнографических источников¹. Его замечания позволяют проследить путь от рождения гипотезы,

¹ Переписка других участников проекта свидетельствует об отношении к нему корреспондентов и о существенных противоречиях между ИАК и МАО. В одном из писем М. И. Ростовцев просил своего корреспондента «черкнуть несколько строк относительно Айналовского предприятия и посещения Уварихи» (письмо № 34, Мисхор, 20.06.1903 г.; см.: Письма М. И. Ростовцева к С. А. Жебелеву, Ф. И. Успенскому и Н. А. Марру / Публ. И. В. Тункиной // Скифский роман. М., 1997. С. 399). С. А. Жебелев ответил, что «для меня, однако, ясно, что все это — поход Уварихи против Комиссии. У нас теперь все дела носят характер “походов” и сопряженных с ними побед и поражений. ...Я всегда стоял и стою того, что надо издавать памятники, и только после того можно будет подводить итоги. У нас же по части их издания как раз слабо, ибо все стремятся к итогам» (см.: Жебелев С. А. — Д. В. Айналову, 23.03.1903 г. // Письма М. И. Ростовцева к С. А. Жебелеву... С. 399. Соперничество двух организаций отражает сообщение Я. И. Смирнова к П. С. Уваровой: «Бобринский потому ли, что услышал о Вашем проекте, или сам по себе, набрал книг, касающихся Херсонеса, и пишет, а по слухам оканчивает, какое-то сочинение о Херсонесе. Вероятно, развитие читанного им в прошлом году в Археологическом институте реферата» (см.: Смирнов Я. И. — П. С. Уваровой, 12.04.1903 г. // ГИМ. ОПИ, ф. 17, д. 568, л. 523.). Спустя два месяца П. С. Уварова получила письмо от К. К. Косцюшки, сообщившего, что «для издания книги Шестакову, Айналову, Редину предоставил все материалы» (см.: Косцюшко-Валюжинич К. — П. С. Уваровой, 20.06.1903 г. // ГИМ. ОПИ, ф. 17, д. 555, л. 682). Примечательно, что при этом он просил до выхода отчетов за 1902—1903 гг. их не использовать для публикации. Стремление к приоритету отражает и переписка А. А. Бобринского с П. С. Уваровой. Он сообщает ей: «По слухам я, действительно, знал о намерении Вашем приступить к обширному изучению Херсонесских древностей». Обещая «полный доступ к древностям, имеющимся в Комиссии, которые послужили материалом для создания отчетов», он в то же время пишет: «Комиссия может предоставить только тот материал, который уже помещен в ее отчетах, т. к. она дорожит правом первой публиковать находки, полученные на ее средства в Херсонесе» (см.: Бобринский А. А. — П. С. Уваровой, 27.06.1903 г. // ГИМ. ОПИ, ф. 17, д. 543, л. 351 а, б). Для характеристики взаимоотношений Московского ар-

через поиск аргументов, к ее возможному подтверждению, правда, уже во второй половине XX в.

В 1892 г. Д. В. Айналов посетил Херсонес. Осмотрев раскопанные К. К. Косцюшкой-Валюжиничем памятники, он подверг критике деятельность заведующего херсонесскими раскопками и привел свои соображения о возможном плане исследования территории города. В записке в ИАК он писал: «Раскопки в настоящее время проводятся без определенного плана. Руководителями являются в данном случае заметные на поверхности земли следы хорошей кладки стен, полукругов апсид и пр.

Соображаясь же с данными топографии города, можно избрать более правильный путь к обнаружению города. Самое первое и главное, что затрудняет дальнейшие раскопки — это остающаяся земля и камни, которые в некоторых местах, еще со времен работы Одесского общества истории и древностей, заново погребли некоторые части города. И, главное, ввиду трудностей, представляемых вывозкой земли и камней, следует начать раскопки не внутри города, а на берегу, начиная с западной стены по всему западному берегу, этим сохранятся многие памятники и постройки от постоянных обвалов и разграблений¹, т. к. весь

хеологического общества и ИАК представляет интерес одно частное письмо ее делопроизводителя И. Сулова, сообщавшего о приеме в Комиссию нового сотрудника (некоего «обозного рядового» И. Маленко), который «официально аттестуется Керченским градоначальником как известный вор, правая рука кабатчика». «Беда, если об этом случае узнает Москва или кто-нибудь из доброжелателей Комиссии. Прoderут в лучшую, а графиня донесет престолу» (см.: Сулов Ив. — К. К. Косцюшке-Валюжиничу, 04.11.1899 г. // Арх. НЗХТ, д. 40, л. 346).

¹ Насколько прав был Д. В. Айналов, отмечая значение западной части Херсонесского городища, свидетельствует анализ аэрофотоснимков начала XXI столетия. Этот район до настоящего времени является наименее изученным, многие из памятников оказались разрушены не только грабителями, но последующей строительной деятельностью военного ведомства. Раскопки, начиная с 1928 г., были сосредоточены вдоль северной береговой линии, что, безусловно, имело большое значение для сохранения разрушаемых морем памятников. Во второй половине XX в. сотрудники Херсонесского заповедника обратились к изучению центральной части городища, вскоре начала работать Объединенная экспедиция в портовом районе. Длительный период бытовало мнение, что в

этот берег представляет обнаруживающиеся от обвалов помещения и могилы, привлекающие грабителей. Можно назначить здесь два пункта для работ: восточную часть — участок Феоны; главный торг в центре города, на него приходится два спуска. Раскопки пойдут к центру города, и тем *удастся привлечь к делу и известие о пути, по которому шел Св. Кирилл через Херсонес с мощами Св. Климента*»¹. (Соображения Д. В. Айналова отражают процесс рождения гипотезы о возможном крестном ходе с мощами, описанном в «Слове о перенесении мощей св. Климента». В разделе о сакральных сооружениях Херсона нам еще предстоит обратиться к данному сюжету, чтобы показать отражение его точки зрения в современных научных штудиях).

Ответ К. К. Косцюшки-Валюжинича на замечания последовал незамедлительно: «Напрасно г. Айналов полагает, что раскопки велись и ведутся без определенного плана. Первые два года я исключительно преследовал одну мысль: собрать возможно больше интересных находок, т. к. был уверен, что ИАК признает неудобным производить ежегодную крупную денежную затрату, если раскопки не приведут к хорошим результатам, и продолжаю думать, если б не были открыты: в 1888 г. мастерская с моделями терракотовых фигур и в 1889 г. большой храм с остатками превосходного мозаичного пола (базилика № 15. — А. Р., см. рис. 2), то дальнейшее расследование Херсонесского городища было бы приостановлено.

...Позволю себе спросить: были бы открыты те ценные эпиграфические памятники, между которыми первое место занимает Присяга, если бы не производились раскопки на площади в центре города, и

западной части Херсонеса вряд ли сохранились объекты, достойные внимания исследователей. Опровержением его стали аэроразведки и анализ снимков с самолета, на которых прослеживается местоположение некоторых весьма внушительных сооружений, отчасти определяют их планировка и размеры (об этом см.: Romanchuk A. I., Filippov V. A. Results of Application of Prospecting Air Photography of the Western Part of Tauric Chersonesos Settlement. 2005 // Archaeologia Bulgarica. 2007. № 1. P. 79—97). Безусловно, это не может заменить полевых работ. Задача аэроразведки совершенно иная: дать археологам предварительную информацию для планирования исследований.

¹ Айналов Д. В. — ИАК, 20.05.1892 г. // Арх. ИИМК, ф 1/1892, д. 10, л. 27.

может ли поручиться г. Айналов, что в то время, когда по прошествии, быть может, 10 лет раскопки, производимые по его теории, дошли бы, наконец, до площади, где находится освещенный в 1891 г. храм (собор св. Владимира, строительство его было начато в ознаменование 900-летия крещения Руси. — А. Р.), где в это время посажены деревья, — монастырское начальство разрешило бы перекопать эту площадь?

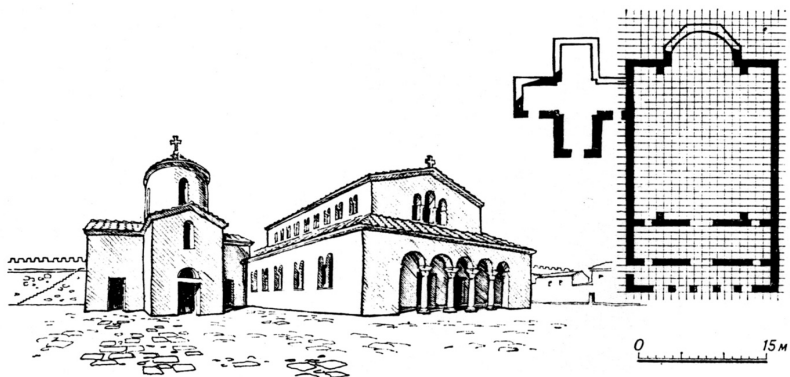

Рис. 2. Западная базилика,
план и графическая реконструкция Ю. Г. Лосицкого

...Говоря о спуске к морю, г. Айналов принимает за один из них разрушенную водой цистерну. ... В единственном спуске к морю на северном берегу нет портов, но здесь производятся ежегодные раскопки, хотя, каюсь, не мечтал об открытии пути, по *которому шел Св. Кирилл*, но исключительно преследовал цель: собрать в глубоком культурном слое берега возможно больше амфорных ручек с надписями, черепков тонкой расписной посуды, обломков терракотовых фигур, — как лучшее доказательство глубокой древности той местности, на поверхности которой мы видим теперь развалины византийского Херсонеса»¹.

Д. В. Айналов придавал большое значение исследованию западного района городища, полагая, что это позволит обнаружить храмы, упоминаемые в источниках в связи с деятельностью в Херсоне Кирилла и Мефодия.

¹ См.: Косцюшко-Валюжинич К. К. — ИАК, 07.06.1902 г. // Арх. ИИМК, ф. ИАК, 1/1892, д. 10, л. 29–30.

Действительно в западном районе города, на берегу моря около оборонительных стен, у ворот, которые вели на территорию западной части некрополя, можно видеть руины большого сакрального комплекса. Во время раскопок 1891, 1892, 1895 и 1901 гг. К. К. Косцюшко открыл здесь трехнефную базилику (на плане ИАК базилике присвоен № 13) с пятигранной с внешней стороны и полукруглой — с внутренней апсидой, нартексом, с южной стороны — галереей¹. В базилике сохранились остатки мозаичного пола: виноградный стебель и рисунок в виде паркета². В дальнейшем было установлено, что западная базилика возведена не ранее VI в. и разрушена в начале XI в. В единый комплекс входили также два небольших сооружения, одно из них обозначено литерой «Г». О его назначении, как и других построек, о последовательности строительства на данном участке дискуссия началась в конце XX в. Но об этом, как и о мнениях исследователей о том, с именем какого святого был связан тот или иной храм города, позднее.

Рис. 3. Западная базилика, объемная реконструкция Ю. Г. Лосицкого

¹ Первое наиболее полное описание сакральных комплексов данного участка: Айдалов Д. В. Развалины храмов. С. 29—42 (ср.: Romančuk A. Zur Geschichte des Kultbaus im früh- und mittelbyzantinischen Cherson // АДСВ. 1998. Вып. 29. С. 278—280).

²См.: Бармина Н. И. Мозаика Западной базилики // АДСВ. 1965. Вып. 3. С. 168—171.

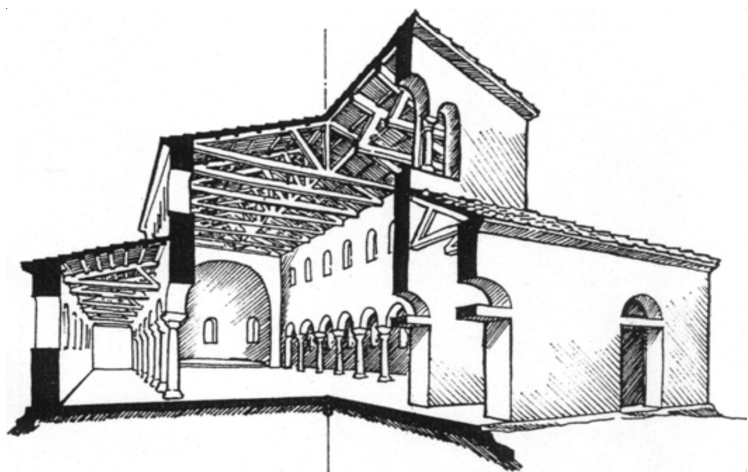

Рис. 4. Западная базилика, разрез

Д. В. Айналов предлагал не только свой план раскопок, но и в целом сформулировал задачи изучения средневекового города, обосновывая необходимость публикации находок. Этому была посвящена его докладная записка по поводу издания серии «Памятников христианского Херсонеса», где сказано следующее: «Он (Херсон. — *А. Р.*) приобретает особенно важное значение для Древней Руси в ее стремлении выйти к Черному морю и являлся связанным с Тмутараканским княжеством. ... Указанные факты делают понятным значение Херсонеса для всякого русского человека. ... В нашей науке еще мало оценен такой знаменательный факт, что и стольный Киев развивался по типу средневекового византийского города и важнейших образцов Цареграда и Корсуни. ... Город оставил важные памятники. Эти памятники должны быть изучены на месте, чтобы лечь в основу изучения древнерусских древностей. ... Важность издания памятников Херсонеса, рассредоточенных по разным музеям России и за границы, давно уже чувствуется в науке.

...Общедоступный материал возрос за последнее десятилетие в огромном количестве и, тем не менее, до сих пор, несмотря на существование улиц, домов, развалин церквей, открываемых десятками, этот материал не издан в снимках и не изучен в деталях, а топография города не освещена даже вполне общедоступными данными, которые находятся у византийских историков и в русских письменных источниках.

Новонайденные херсонесские скульптуры, посуда, различная утварь и драгоценные украшения по большей части не изданы, не описаны, не исследованы научно, т. е. методически, во всем своем составе. Первые шаги, сделанные академиком Кондаковым и Бертье-Делагардом в отношении научной постановки некоторых отделов херсонесских древностей, показывают, как важно у нас теперь приступить к систематическому и возможно более полному и тщательному изучению и изданию в свет херсонесских древностей. Со времен графа А. С. Уварова и статей его, посвященных находкам и катакомбам близ Херсонеса и в самом городе, в нашей науке не появлялось капитальных, научно разработанных отчетов о раскопках в Херсонесе, а начало издания таких отчетов, сделанное ИАК в прошлом году, представляет лишь издание дневников. Таким образом, за исключением немногих работ, посвященных некоторым отделам Херсонесских древностей, каковы эпиграфика, некоторые отделы классических и византийских древностей, в общем своем составе древности Херсонеса не изучены, не исследованы и не изданы».

Далее Д. В. Айналов писал о необходимости создания специальных штудий, что «является одной из настоятельных потребностей не только русской, но и европейской науки. И теперь даже западные ученые начинают издавать некоторые херсонесские памятники, находящиеся в музеях Европы, и раздаются даже голоса, требующие немедленного опубликования таких памятников. Нечего ждать, чтобы иностранные ученые еще раз показали нам, как надо ценить и исследовать подобные исторические руины, наподобие того, как это сделал на почве Херсонеса Дюбуа де Монперье.

И прежде всего должны быть изучены самые развалины в связи с обильными данными, касающимися истории и топографии. Остатки домов, церквей, башни, стены, исследование и классификация дадут ясную картину города и позволят найти не одну точку отправления для научной постановки вопросов и стиля построек и времени их возведения.

План публикаций.

1. История города со времени его основания до эпохи запустения по историческим данным, данным эпиграфики и сфрагистики, известиям историков и летописным свидетельствам.

2. Общий обзор руин Херсонеса. Исследование его топографии. Определение исторически известных объектов; издание с хорошими снимками его видов с различных пунктов. Измерение улиц, домов, башен и т. д.
3. Исследование памятников античного периода. Издание и описание фрагментов античных храмов, посвячительных надписей и декретов, античных скульптур, посуды, драгоценных вещей, бронз, терракот в хронологическом порядке по их стилю.
4. Исследование памятников христианского и византийского Херсонеса. Исследование архитектурных построек гражданского и религиозного отделов. Описание и издание в свет развалин церквей и домов, катакомб, мозаик, рельефов, капителей, колонн, икон, крестов, церковной утвари, домашней посуды, печатей и plomb, драгоценных предметов, монет.
5. В предложенном плане исследований пишущий эти строки мог бы взять на себя некоторые отделы христианского и византийского, храмы и дома, отделы искусства (мозаики и скульптуры), равно как и средневековую топографию Херсонеса.

Прибавлю также, что проф. Казанского университета С. П. Шестаков изъявляет полную готовность заняться историей Херсонеса по письменным источникам, если таковой труд будет ему предложен»¹.

Спустя почти сто лет, к великому сожалению, приходится отмечать, что многое из того, о чем писал Д. В. Айналов, осталось не выполненным.

Фактически одновременно с подготовкой работ по Херсонесу в Московском археологическом обществе создавал свой труд по истории города А. А. Бобринский (Херсонес Таврический. СПб., 1905), чьи научные поиски были встречены с иронией в кругу П. С. Уваровой. В близкое время появилась и монография С. П. Шестакова «Очерки по истории Херсонеса в VI—X вв. по Р. Х.», которая стала очередным выпуском серии «Памятников христианского Херсонеса».

¹ Айналов Д. В. Докладная записка об исследовании Херсонеса, приложение к письму гр. Уваровой, пр. МАО № 0528 // Арх. НЗХТ, д. 41, л. 23—24. Документ процитирован с незначительными купюрами. Это обусловлено тем, что многое из сказанного Д. В. Айналовым имеет значение и в наши дни.

Книга С. П. Шестакова и отзывы на нее

Систематическое изложение истории Херсона VI—X вв., как и предполагалось при разработке проекта, было сделано С. П. Шестаковым. Восстанавливая историю раннесредневекового Херсона на основании данных письменных источников, он наибольшее внимание уделил следующим сюжетам:

1. Таврика в эпоху Великого переселения народов.

2. Херсон VII—VIII вв. В рамках этого периода представлено положение города на основании писем отбывавшего здесь ссылку папы Мартина. С. П. Шестаков отметил, что в них содержатся данные о существовании традиционного для херсонитов соляного промысла и торговле солью в середине VII в. Но вместе с тем послание ссыльного свидетельствует об упадке; в сравнении с предшествующим периодом значение Херсона уменьшилось. Причину изменений он видел в войнах Ираклия и Константина II.

Следующее событие, которому автор уделил значительное внимание, — это пребывание в городе свергнутого с престола Юстиниана II и провозглашение херсонитами в качестве императора Вардана-Филиппика. По мнению С. П. Шестакова, свидетельства византийских хронистов говорят об усилении в Таврике в конце VII — начале VIII в. хазар, которые оказали поддержку херсонитам во время их выступления против Юстиниана II. О хазарском влиянии, как полагал С. П. Шестаков, можно судить также на основании данных житий, освещающих события периода иконоборчества. «Монашество в Тавриде обладало большим количеством обителей; ... хазарская власть ... служила защитой (христиан) в период господства в Византии иконоборчества», — полагал историк¹. Оппозиционные настроения херсонитов, с одной стороны, возрастание значения города как торгового и дипломатического центра, с другой, привели к тому, что здесь при императоре Феофиле была создана фема. В X в. значение Херсона еще более усиливается, так как он становится центром торговли с печенегами и Русью². (В данном случае следует сравнить выво-

¹ См.: Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса в VI—X вв. по Р. Х. // ПХХ. 1908. Вып. 3. С. 35.

² Там же. С. 57.

ды С. П. Шестакова с мнением А. Л. Бертье-Делагарда, который полагал, что город во все века своего существования не играл значительной роли в истории Средиземноморско-Черноморского бассейна).

О высокой оценке исследования С. П. Шестакова современниками свидетельствует то, что оно было рекомендовано ООИД на премию имени Д. М. Княжевича (одного из основателей общества). Но в отзывах также отмечалось, что некоторые положения работы следует дополнить и уточнить¹.

1. Для периода до VI в., писали рецензенты, положительно то, что С. П. Шестаков осветил отношения Херсонеса и Римской империи в I—VI вв. н. э.; **начало христианства в Херсонесе; рассмотрел литературные источники, данные эпиграфических и археологических свидетельств** (С. 13—29)².

2. Изложена история Херсона и соседних областей в VII—VIII вв.: **положение в Крыму в эпоху иконоборчества и появления фемы** (С. 30—42). Особое внимание при этом уделено первым свидетельствам западных и арабских источников о Руси, описаны походы Руси в Тавриду в первой половине IX в. и торговые связи между северным и южным побережьем Черного моря во второй половине IX в. (С. 42—57)³.

¹ Варнеке Б. В., Попруженко М. Г., Пападимитру С. Д. // ЗООИД. 1912. 30. Протоколы: С. 131—135.

² В качестве приложения С. П. Шестаков поместил статьи из ЖМНП «К истолкованию Херсонской надписи времени Зенона»; «К истории текстов жития св. Климента, папы римского, пострадавшего в Херсоне: Полемика с И. Франко» (см.: Франко И. Святый Климент у Корсуні // Записки Наукова товариства ім. Шевченка. 1903. Т. 6/56). Положительным является, по мнению рецензентов, и то, что в издании приведены «извлечения из писем римского папы Мартина I».

³ Для сравнения можно привести отношение к данному сюжету одного из современных историков: «С. П. Шестаков постарался как можно тщательнее проследить их (торговые связи. — А. Р.) через Херсон. Иногда такая привязка оказывается надуманной, искусственной, как, например, известное свидетельство “Книги путей” Ибн Хордабеха о сборе с русских товаров десятины римским императором в первой половине — середине IX в. ... Речь могла идти не только о Черном, но и о Эгейском или Средиземном море, и уж тем более не только о Херсоне» (см.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 42). Упрек

3. Показаны положение и роль Херсона в период посещения города св. Кириллом; торговые связи города с Византией в X в. и его роль в торговле с Русью и печенегами.

Рецензенты особо подчеркнули обращение автора к такому сюжету, как поход киевского князя Владимира к стенам Херсона и постановку вопроса о месте крещения Владимира (С. 57–93).

В числе недостатков отмечено то, что исследование не свободно «от скачков и незаполненных промежутков изложения»; однако задача — «дать по возможности полный свод сообщений с научной критикой — выполнена, особенно по части собирания источников литературных и эпиграфических». Упрек вызвала аргументация выводов С. П. Шестакова о том, что «к этому времени (к середине III в.) в результате готского нашествия относится падение Ольвии». Как и его

С. П. Шестакову не совсем ясен: если речь в источнике идет, по мнению исследователя, в том числе и о Херсоне, почему автор монографии не должен был останавливаться на его показаниях. Если внимательно проанализировать критические замечания в историографической преамбуле монографии харьковского исследователя, то оказывается, что положительными в работах его предшественников являются выводы, совпадающие с его собственной концепцией. Все остальное — это «взгляд издалека», «безапелляционность предлагаемых наблюдений», как выразился С. Б. Сорочан в отношении монографии С. П. Шестакова, «навязчивая идея», «исторические мифологемы» и т. д. Кстати сказать, если бы не существовало длительного периода разработки «исторических мифологем», то вряд ли стало возможным появление многостраничного труда и С. Б. Сорочана, как и любого другого исследования о Херсоне. Примером некорректности историографического анализа является следующее. Рассматривая одно из замечаний С. П. Шестакова о том, что Юстиниан II избегал на пути в Константинополь остановок на хазарском крымском побережье, С. Б. Сорочан пишет, что он «изворотливо пытался объяснить (это) ссылкой на некоторое мифическое соглашение, состоявшееся между Херсоном и Боспором». Такую характеристику С. П. Шестаков «заслужил потому, что “не воспользовался случайно” высказанной идеей о кондоминате», а «свернул на привычную, давно проторенную дорожку хазарского господства» (Там же. С. 40). Однако тон замечаний меняется, когда обнаруживается соответствие выводов С. П. Шестакова с концепцией автора: «С. П. Шестаков, один из немногих, кто гораздо объективнее, чем другие историки, оценил положение Херсона в третьей четверти IX в. и не стал преувеличивать плачевность судьбы его обитателей» (Там же. С. 42).

замечание о том, что в данный период ослабевает Боспорское царство и римлянам более чем когда-либо были нужны их силы на Дунае для защиты границ от готов. В данном случае, писали рецензенты, «хотелось бы видеть либо древние надписи, либо свидетельства не новых, а древних писателей», как и о том, что Херсонес, вероятно, сохраняет независимость как от римлян, так и от варваров. Отмечено также, что в некоторых случаях критика источников очень кратка, особенно тогда, когда автор занимается обзором археологического материала. Труд С. П. Шестакова, гласит заключение, «скорее библиографический обзор, собрать который стоило большого труда. Это свидетельство хорошего знакомства с литературным предметом».

Подчеркнув основательную библиографическую базу, рецензенты все же дополнили ее некоторыми не упомянутыми статьями. В частности, по их мнению, одно из ценных исследований В. И. Григоровича «Исторические намеки о значении Херсона и его церкви в VIII—X вв.» и его же работу «Заметки о Солуни и Корсуни по поводу нерешенного вопроса» (Одесса, 1872) следовало бы ввести в монографию. Пропущенной оказалась и статья А. Н. Петрова «Спорные вопросы миссионерской деятельности св. Кирилла философа на востоке» (Одесса, 1894). Здесь «бы С. П. Шестаков нашел интересные сведения о положении Филлы или Фуллы близ Кара-су — на южном берегу Крыма».

С позиций наших дней к сказанному в начале XX в. можно было бы добавить еще несколько замечаний, но основную задачу С. П. Шестаков выполнил: на основании обобщения свидетельств письменных источников он представил последовательную концепцию развития города в раннесредневековый период. Безусловно, новое обращение к источникам последующих поколений историков в ряде случаев предложит иное видение событий, но это ни в коей мере не уменьшает значимости труда С. П. Шестакова.

«Херсонес Таврический» А. А. Бобринского и его дневниковые записи

Итогом научных изысканий А. А. Бобринского стала книга «Херсонес Таврический: Исторический очерк» (СПб., 1905). Сообщая о целях работы, автор отметил, что он стремится дать возможность посетителям

Херсонеса познакомиться с его историей, так как «историческая критика еще почти не коснулась многих сторон быта Херсонеса». Вместе с тем А. А. Бобринский полагал, что «трудно сказать что-либо новое, так как многое написано в путеводителях по Херсонесу», поэтому его задачей является сгруппировать данные (в основном литературных источников) и дать оценку их со стороны ученых, что исключает критику его труда, которая подчас звучит в работах современных исследователей Херсонеса. Безусловно, это сочинение не внесло существенных деталей в представление об истории Херсонеса-Херсона. Оно является скорее свидетельством характера первых популярных работ.

Так какие же сюжеты рассмотрены в работе, в которой предусматривалось как изложение истории города, так и научных идей, высказанных различными учеными? Остановим внимание на содержании сочинения, так как, с одной стороны, это позволяет представить хронологическую канву событий, которые упоминаются в письменных источниках, используемых и в наше время, с другой — все же отчасти представить состояние знаний о Херсонесе в начале XX столетия, а также познакомиться с первой периодизацией истории города. Но прежде, чем мы обратимся к структуре работы А. А. Бобринского, необходимо отметить, что на ее страницах нет места дискуссиям, которые имели место уже в начале столетия, отражением чего стали отзывы на книгу С. П. Шестакова.

А. А. Бобринский начинает работу с обращения к мифическим сказаниям об Ифигении и храме Девы, об особых «парфениях» в Херсонесе в честь этого божества (Гл. 1. С. 1–7).

В следующей главе (С. 8–33) он писал о том, что середина V — вторая половина II в. до Р. Х. является временем самостоятельности города. Первое поселение возникло у Казачьей и Камышовой бухт и имело связи с таким крупнейшим культовым центром Эллады, как Дельфы¹. Первоначально Херсонес являлся небольшим поселением. Когда был разрушен старый Херсонес, источники не сообщают. Но постепенно колонисты оттесняют тавров. В IV в. до н. э. для защиты города возведены оборо-

¹ Ко времени публикации работы А. А. Бобринского уже существовала точка зрения о расположении древнейшего Херсонеса на берегу Карантинной бухты (об этом см. в первом томе — дискуссия о «Страбоновом Херсонесе»).

нительные стены. Наконец в III в. до н. э. появляется новый Херсонес, расположенный на берегу современной Карантинной бухты.

Третья глава (С. 33—41) посвящена следующему периоду, когда город утратил самостоятельность, попав с середины II в. до н. э. под власть Митридата Понтийского. Поход Диофанта и события, связанные с пребыванием в Крыму понтийского полководца, изложены на основании свидетельств Страбона.

Середина I в. до н. э. и до V в. н. э. — это время римского господства в Северном Причерноморье (Гл. 4. С. 42—84). Здесь автор в качестве доказательств обратился к археологическим и эпиграфическим свидетельствам: привел тексты воинских латинских надгробий, надпись о трибуне I-го Итальянского легиона.

На основании опубликованных к этому времени В. В. Латышевым «Житий епископов Херсонских» А. А. Бобринский изложил легенды о свв. Клименте и Капитоне, полагая, что Капитон был послан императором Константином по просьбе жителей Херсона¹. К концу VI в. Херсонес достиг значения «первоклассного города на Таврическом полуострове» и здесь возникает епархия.

Эпоха переселения народов — IV в. н. э. — открывает новый этап в истории города: V — конец X в. — это «время византийского владычества» (Гл. 5. С. 85—128). Автор полагал, что при императоре Юстине гунны овладели всей Таврикой. Далее он пишет о византийских императорах, наиболее подробно останавливаясь на деятельности Зенона в связи с обнаруженной в Херсонесе надписью. При Юстиниане I, согласно свидетельству Прокопия, подчеркнул А. А. Бобринский, Херсон превратился в крупный торговый центр. Для середины VII—VIII в. использованы письма папы Мартина и византийские хроники, в которых говорилось о ссылке в Херсон Юстиниана II. Следующее примечательное событие — это миссия Кирилла и Мефодия² и об-

¹ Попутно можно заметить, что такая точка зрения существовала в отечественной историографии длительное время. О дискуссии относительно данного события см. в разделе о церкви Херсона.

² О миссии Константина в Хазарию в эти же годы писал А. Л. Бертье-Делагард (см.: Бертье-Делагард А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов... С. 44).

разование Херсонской фемы. Используя свидетельства Константина Багрянородного, он отметил заботу византийских императоров о процветании города. Обращается А. А. Бобринский и к свидетельствам такого источника, как «Записка Готского топарха»¹, считая, что события, о которых говорится в ней, относятся к X в. и должны быть соотнесены с территорией Болгарии.

Время процветания Херсона, развития культуры и торговых связей относится, по его мнению, к X в., в конце которого Владимир завоевывает город. Далее приведены данные о византийских императорах до 1204 г., до Четвертого крестового похода (Гл. 6. С. 129–152).

События 1204–1453 гг. изложены в главе 7 (С. 153–167). Согласно хорошо известным и повторяемым в обобщающих работах и настоящего времени данным источников, А. А. Бобринский отметил следующее: 1222 г. — появление в Крыму татар, затем грабительский набег Гетуна, расселение алан, которые имели мирные взаимоотношения с жителями Херсона. В XIII в. — как следствие развития генуэзской торговли — начался упадок экономики. Свидетельством этого является письмо папы Иоанна XX, а также споры местных иерархов, отраженные в документах Константинопольского патриархата.

Председатель Археологической комиссии приводит и краткие данные за 1453–1783 гг. (Гл. 8. С. 168–184). В числе наиболее примечательных событий упомянуты овладение крепостью Чембало в 1475 г. Мухаммедом II, описание руин Херсона польским послом Мартином Бронеvским, присоединение Крыма, первые описания памятников Таврики путешественниками², наконец, оценка раскопок в Херсонесе,

¹ «Записке Готского топарха» посвящены многочисленные работы, в которых показано, что к истории Крыма она не имеет отношения, некоторые историки полагают даже, что данный источник является подделкой (об этом см.: Ševčenko I. The date and author of the so-called Fragments of Toparcha Gothicus // DOP. 1971. Nr. 25. P. 115–188).

² В научном плане наибольший интерес представляет работа Дюбуа де Монперье, в которой содержатся наблюдения о состоянии памятников, свидетельства по истории Крыма и Кавказа (см.: Dubois de Montpéroux Fred. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkessrs et les Abkhases, en Colhide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée, avec un atlas géographique, archéologique, géologique. P., 1839–1840 (о Крыме: т. 5, 6).

при этом наиболее подробно он остановил внимание на деятельности К. К. Косцюшки-Валюжинича (Гл. 9).

Однако одного из своих обещаний — дать критическое осмысление исследований по истории Херсонеса — председатель ИАК не выполнил. Его работа — систематизированное изложение свидетельств письменных источников, предназначенное, как уже было сказано выше, тем читателям, которые интересовались историей города, будучи далекими от существовавших в те годы научных дискуссий.

И все же прислушаемся к отзывам на работу А. А. Бобринского. Относительно ее высказывались различные мнения.

К. К. Косцюшко-Валюжинич следующим образом охарактеризовал сочинение своего начальника и покровителя: «Орешников огорчен, что в приложении помещается бред ... о небывалом царе Гегетуагаросе, но я смотрю иначе и в следующем приложении поместил бы еще два припадка бреда о монетах с бюстом Диофанта (типичная голова Зевса) и монетах Владимира и Анны, где Алексеев¹ бедную Анну затолкал внутрь Владимира (речь идет о литере А, которая изображена внутри буквы В. — А. Р.). Но к этому нужно добавить соображения Сабатье², Мурзакевича! Об открытии Струкова я бы тоже упомянул, который нашел в Крыму “знаменитый в древности город Ахтияр”, и о бароне Кампенгаузене, который видел колонну с кольцом, к которому в храме Дианы привязывали жертву». Далее он отметил, что «в отделе литературного материала нельзя делать произвольный подбор, а приходится, по выражению графа, представить весь набор баснословия. Иное дело с материалами раскопок, на которые граф справедливо

¹ Речь идет о работе Р. Вакье (Vacquier P. Médaille de St. Vladimir, frappe dans la ville de Chersonèse. Moscou, 1879), полагавшем, что это монета Владимира и Анны. Ироническое замечание: «предположения настолько смелы, что вряд ли кто осмелится их опровергнуть» (см.: Бурачков П. О. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря. Одесса, 1884. Ч. 1. С. 126).

² См.: Sabatier J. Description générale des monnaies Byzantines. P., 1862. Т. 1—2.

возлагает главные надежды». «Как бы там не было, — продолжает К. К. Косцюшко, — я от книги в восторге, особенно понравился спор двух епископов, недаром же я 17 лет прожил в монастыре». В целом К. К. Косцюшко-Валюжинич отзывался о труде как книге «прекрасно составленной»¹.

Дневниковые записи А. А. Бобринского. Для характеристики состояния раскопок на территории городища, материалы которых были привлечены в названных выше первых монографического плана исследованиях, представляют интерес дневниковые записи А. А. Бобринского. В некоторых случаях автор путевых заметок высказывает и соображения о хронологии археологических комплексов.

По долгу службы А. А. Бобринский часто бывал в Херсонесе, описание одной из поездок сохранили его дневниковые записи, которые более наглядно, чем изданная книга, отражают его соображения относительно истории Херсонеса. (Этот раздел до некоторой степени является ино-родной вставкой при представлении концептуальных обобщающих исследований по истории Херсонеса. Его можно пропустить. Его можно было бы вынести в приложение. Но дневник позволяет увидеть, на какой основе покоились научные работы, о которых шла речь выше. Поэтому обратимся к впечатлениям председателя ИАК).

«Перед отъездом мы еще раз зашли в Комиссию, чтобы выслушать пожелания здоровья и удач. Опыт научил нас, как редко археологам улыбается счастье. Исследованием древних могил занимаются с незапамятных времен. Едва только был похоронен и в былое время. ... Едва над его могилой был насыпан древний курган, едва догорел над ним торжественный костер, свидетель последней тризны, как уже в

¹ См.: Косцюшко-Валюжинич К. К. — В. В. Латышеву, 19.04.1905 г. // Арх. ИИМК, ф. ИАК, 1/1901, д. 49, л. 183. В связи с интересом к античному периоду истории города он сообщает о подготовке каталога амфорных ручек Придиом, иронически замечая: «Уверен, что наши дети дождутся описания амфорных ручек г. Придиом» (см.: Косцюшко-Валюжинич К. К. — В. В. Латышеву, 19.04.1905 г. // Там же, л. 184). Исследование Е. М. Придика появилось после смерти К. К. Косцюшки (см.: Придик Е. М. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепице // Известия РАН (Пг.). 1917).

ночной тишине начался грабительский подкоп. Укрывшись под землею от взоров, грабитель довершает свою кропотливую работу, при тусклом свете глиняной лампочки он набрасывается хищным зверем на труп. Все, что было так тщательно уложено вокруг захоронения, разбрасывается святотатственно!! рукой. Он не замечает ни монеты, положенной в уста покойного для платы суровому Харону, ни грациозных рисунков, покрывавших погребальную вазу, ему нужны золото и металл.

Нужно торопиться, — писал он далее, — своды земляного прохода непрочны, того и гляди они могут обрушиться и еще раз похоронить под землей украденные сокровище и похитителя¹. Тогда удивленным взорам археологов представится поразительное зрелище скелета, раздавленного под тяжестью внезапного обвала: из рук его выпала глиняная лампочка, а вокруг собраны в беспорядочную кучу золотые кубки, украшения конской сбруи, обсыпанные цветными камнями, бронзовые доспехи, мечи, стрелы. ... Но такие находки редки. Грабители обыкновенно весьма успешно завершали свои поиски, а археологи вынуждены мириться со слишком известной картиной: после долгих и трудных поисков, когда курган добросовестно раскопан, могила обнаружена, вскрытие ее дает следы полного разорения».

Пропустим подробное описание картины разграбления захоронений. Обратимся к страницам, где А. А. Бобринский пишет о сохранности памятников и о недавних открытиях:

«Когда я в первый раз был здесь двадцать лет назад, в городе почти не было крыш. Все как бы застыло после ужасного разгрома 1855 г.

...Херсонес, расположенный на небольшом мысу, в нескольких верстах от Севастополя, представляет ныне невзрачные развалины, вернее, фундаменты древних зданий, среди которых уместился ныне Херсонесский монастырь, возвышается большой каменный собор, построенный в византийском стиле по проекту профессора Гримма.

Некогда в Херсонесе было большое количество христианских храмов, ранее того здесь существовали и храмы языческие. Теперь от всех этих зданий остались груды камней. Однако мы можем составить

¹ Граф частично описывает открывшуюся при раскопках картину одного из курганов в Восточном Крыму — так называемого Царского кургана.

себе представление о красоте древних храмов по многочисленным обломкам древних украшений, найденным в развалинах их. Косцюшко-Валюжинич соединил их подле небольшого домика, часть которого приспособлена для музея. Большинство принадлежит христианской эпохе и украшено крестами и иными эмблемами христианства. Другие же капители коринфского стиля прекрасной работы составляли, несомненно, украшения языческих зданий.

История Херсонеса должна насчитывать неоднократные дотла разорения города, о чем свидетельствуют произведенные здесь раскопки. Так, под бугром, составленным из массы наваленных камней, открывается небольшая апсида маленького христианского храма. Нижняя часть его стен вполне сохранилась, и мы убеждаемся, что церковь сложена из обломков другого, несравненно более богатого здания. Так, между камней, вставленных в кладку стен, находятся целые мраморные колонны, апсида устлана разбитыми мраморными плитами и основаниями больших мраморных колонн, местами еще видны красивые мраморные капители, доски из мрамора с крестами. Дальнейшие раскопки доказывают нам, что маленькая церковь построена на месте другого храма значительных размеров. Этому большому храму, очевидно, принадлежали и обломки мраморных колонн, капители и плиты, послужившие материалом для постройки часовни. От этого храма сохранились и части мозаичного пола, замечательные по сохранности и яркости красок¹. Трудно определить с точностью, к какому времени относится эта богатая постройка, к IX—X вв., или более раннему?

Но все эти памятники христианского времени построены, в свою очередь, на развалинах древнейшего греческого города. Раскопки Комиссии, принявшей за правило докапываться до грунтовой скалы²,

¹ В центральном нефе ранней базилики позднее был возведен храм базиликальной формы. Это и дало название памятнику — «Базилика в базилике» (№ 15). Она является одним из первых памятников, раскопанных в Херсонесе Археологической комиссией.

² В данном случае следует упомянуть газетную заметку В. Немировича-Данченко, которая содержит критику методики раскопок в Херсонесе. Н. П. Кондаков рекомендовал К. К. Косцюшке-Валюжиничу «производить исследования того или иного участка до конца» (в современных археологиче-

обнаружили под остатками поздних зданий фундаменты языческого города. Раскопки этих нижних слоев дали несколько предметов цветущей эпохи греческого искусства IV—III вв. до н. э. Таков ряд глиняных форм для изготовления статуэток, медальонов и головок, давших возможность вновь воспроизвести фигурки, замечательные по тонкости очертания и изяществу рисунка. Предметы эти доставлены в Комиссию, а мозаичные полы защищены от уничтожения большими надстроеными над ними постройками с железными крышами и крепкими стенами. Иначе огородить эти драгоценные остатки старины невозможно. Да и то требуется постоянное присутствие надсмотрщика. Увы! Что осталось от знаменитой Уваровской базилики? А от мозаичного пола, в былое время огороженного особой стенкой? От них не осталось и следа!

Сохранившиеся до нас эпиграфические памятники древнего Херсонеса составляют целый ряд свидетельств о перенесенных городом трудных годах и бедствиях. Несчастные жители не знали, где искать защиты. Мраморные памятники их тягот — это хвалебные гимны Диофанту, полководцу царя Митридата, отклонившего от города опасность погрома со стороны варваров. Но надолго ли отклонено бедствие? В конце концов в 987 г. город переживает знаменитую осаду от Великого Князя Киевского Владимира. Это последнее разорение должно было обратить его, по крайней мере, в святыню.

Стоимиллионный народ станет со временем искать здесь истоки православной веры, а трудолюбивые археологи будут добывать из развалин опустошенного города предметы далекого прошлого, немые свидетельства тех далеких времен.

Двое англичан-туристов, вооруженные ярко-красным путеводителем, добросовестно осматривая каждую грудку камней, просят нас указать, где был двор Владимира, где торговая площадь. Даже сопровождающий нас монах не решается указать им точное место этих сооружений! Впрочем, монахов интересует больше другой вопрос: как бы получить от Археологической комиссии разрешение на срытие

ских студий говорят — до материка). Безусловно, это приводит к разрушению более поздних построек, поэтому К. К. Косцюшко иногда обвиняли, что это — уничтожение христианских памятников во имя поиска языческих (см.: Немирович-Данченко В. О Херсонесе // Нива. 1891. Февр.).

фундамента небольшого византийского храма, расположенного у самых дверей собора. «Кто знает, не содержат ли обратные стороны мраморных плит, составляющих пол этого храма, интересных надписей!». Словом, все, что угодно, лишь бы получить разрешение уничтожить эти древнейшие сооружения. Мы на это не можем согласиться, хотя и заманчиво предложение монастыря об уступке Комиссии монастырским музеем его исторических греческих надписей. Мы еще раз осматриваем это небольшое, но ценное собрание. На плитах еще сохранились писанные нами листы с переводами, которые мы прикрепили пять лет назад. Конечно, мысль о слиянии этого музея с музеем Косцюшко в одно общее древнехранилище кажется весьма привлекательной, тем более, что последний разрастается с каждым днем. Правда, он не богат (речь идет о монастырском музее. — *А. Р.*), но содержит несколько весьма ценных надписей, среди них известную псефизму Диофанту, знакомую всему ученому миру Европы. Такому памятнику, очевидно, место в Эрмитаже или Историческом музее, но никак не здесь! Остальные предметы, собранные в двух музейчиках в Херсонесе, вполне заслуживают постройки для них специального здания в виде хорошего музея. Расходы на этот предмет были бы невелики. Тем более, что монастырь предлагает даровой, сложенный у ограды камень. Предполагая, что самые выдающиеся предметы были бы отсюда перевезены в столицы, нам все-таки кажется, что Херсонесский музей представлял бы много интересного¹. От предметов, вывезенных отсюда в другие музеи, следовало бы выставлять здесь фотографии, но за этим осталось бы богатое собрание греческих и римских надписей, всякого рода изобилие образчиков резьбы по мрамору разных времен, колонны, капители и, во-вторых, всевозможные предметы древнего быта: оружие, украшения, амфоры, как привозные, так и местные, терракотовые статуэтки, обломки привозных прекрасных ваз с живописью, сосуды всевозможных типов и времен, образцы византийской посуды, наподобие майолики, гирьки,

¹ Отношение к созданию в Херсонесе музея в столичных кругах было неоднозначным (об этом см. в разделе, посвященном истории Херсонесского музея). Даже в этих словах чувствуется, что основным местом хранения археологических памятников, тем более представляющих особую историческую или культурную ценность, должны быть или Эрмитаж, или Исторический музей.

весы, подсвечники... Словом, все принадлежности древней жизни.

При систематическом размещении этих вещей и при том замечательном порядке, который составляет характерную черту Косцюшко, музей представлял бы весьма поучительную и интересную картину жизни той древней колонии, которой Россия обязана первыми лучами христианского света.

Раскопки в Херсонесе ведутся в настоящее время на площади, выравниваемой монастырем вокруг нового собора.

Площадь эта обносится высокой стеной, постройка которой связана с разрушением нескольких незначительных фундаментов зданий христианской эпохи. Приходится сожалеть, что на это дано согласие.

Взамен его Археологическая комиссия получила право обстоятельного изучения до грунтовой скалы пространства, обращенного в площадь. Тут с самого начала работ найдены две мраморные плиты с греческими надписями, возможно, I—III, **даже IV столетия до рождения Христа**. ...Вот интересная почва для дальнейших исследований. В общем, мы приходим к убеждению, что в Херсонесе хватит дела и места для правильно веденных раскопок еще на долгие годы, и что делаемые здесь ежегодные раскопки по важности своей столь мало известной истории этого края богато окупают истраченные правительством на ведение этих поисков расходы. Итак, мы встречаем в Херсонесе памятники как новейшего, византийского, Херсонеса, так и древнейшей некогда цветущей эпохи республики классического времени

Мы начали раскопку вблизи тех могил, которые нашел здесь Косцюшко в прошлом году, рабочие быстро наткнулись на высеченные в скале ступени, которые вели к катакомбе. Все это, конечно, завалено камнями и землей. Нужна, наконец, опытность, чтобы различить следы искусственной прорубки и засыпки булыжников в этой массе камней и сырой глины. В этом отношении нам много помогают рабочие Косцюшко. Организованная им небольшая артель состоит, как нам удалось судить, из людей искусных в своем деле и чрезвычайно трудолюбивых»¹.

¹ Бобринский А. А. Путевые заметки от личного впечатления от Петербурга, Москвы, Харькова, Симферополя, Бахчисарая, Альмы, Инкермана, Севастополя, Херсонеса, Ялты // Арх. ИИМК, ф. ИАК, 25/1891, д. 22,

Описание открытых К. К. Косцюшко-Валюжиничем памятников содержится в книге, опубликованной в близкое время популяризатором истории Херсонеса Е. Э. Ивановым. Так в начале XX столетия появилась еще одна работа по истории Херсонеса, в которой большее внимание уделено археологическим материалам, но, как и к сочинению А. А. Бобринского, к ней редко обращаются исследователи.

Популяризатор истории Херсонеса Е. Э. Иванов

Не останавливаясь подробно на анализе приведенных свидетельств письменных источников, которые упоминались и А. А. Бобринским, отметим некоторые особенности труда Е. Э. Иванова. В первой части последовательно изложены события, упоминаемые в трудах древних авторов; во второй приведено описание археологических памятников, относящихся к быту и культуре города, но все они даны без ссылок. Правда, в отдельных случаях названы имена исследователей, к мнениям которых автор обращался. Эта часть труда небезынтересна и для наших дней. Иногда он пытается соотнести топографические свидетельства агиографических источников с археологическими реалиями. В отличие от Д. В. Айналова Е. Э. Иванов полагал, что один из храмов, упоминаемый в «Слове о перенесении мощей св. Климента», расположен у стен города на территории цитадели, другой — это загородный храм на участке некрополя¹. Ошибочным является предположение и о том, что в эпоху иконоборчества в городе появилось большое количество церквей.

л. 1—27 (завершаются записки сообщением о лекции К. К. Косцюшки и описанием дороги в Ялту, Алупку). Параллельно с описанием памятников Херсонеса А. А. Бобринский вспоминает Ивана Алексеевича Стемповского (1789—1832), во время пребывания которого в Керчи П. Дюбрюксом раскапывались скифские курганы.

¹ Иванов Е. Э. Херсонес Таврический: Историко-археологический очерк // ИТАУК. 1912. № 46. С. 256—257. Е. Э. Иванов — севастопольский врач, друживший с К. К. Косцюшкой-Валюжиничем. Цель написания книги созвучна задачам А. А. Бобринского: дать представление для интересующихся историей этого города о памятниках Херсонеса и событиях, участниками которых стали его жители.

Показательной является оценка раскопок оборонительных сооружений. Излагая результаты раскопок К. К. Косцюшки-Валюжинича, Е. Э. Иванов приводит слова А. Л. Бертье-Делагарда: «И если их описать с должной полнотой, то они составили бы памятник любопытнейших страниц вековой жизни Херсонеса»¹.

Начало XX столетия ознаменовалось выходом целого ряда работ, в которых были использованы и материалы раскопок. Необходимость обобщения открытий, сделанных в Херсонесе, осознавалась не только российскими историками. В 1903 г. из Кембриджа Е. Миннз спрашивал у К. К. Косцюшки-Валюжинича: «Вышла ли статья о Херсонесе в Большой энциклопедии?» И сообщал, что сам свою работу откладывает², «а потому очень снисходителен к откладываниям других. Но все-таки хочется видеть статью, резюмирующую все, имеющееся о Херсонесе и дающее общее представление о Ваших открытиях»³.

Безусловно, с точки зрения современных знаний, многое из написанного в начале двадцатого столетия представляет только библиографический интерес. Как пример можно привести еще одну публикацию. К числу таких работ относится сочинение М. Я. Энгеля «Русская Помпея», опередившее готовившиеся в Москве и в Петербурге книги. О ней сохранился отзыв члена Киевского общества древностей и искусства К. В. Болсуновского в письме к К. К. Косцюшке: «Труд этот в высшей степени интересен и потому что автор пробует обобщить результаты Вашего многолетнего труда; написано, однако, не в строгом научном смысле, беллетристически. Очевидно, автор хотел популяризировать научные вопросы, связанные с историей Херсонеса. Ну и на том спасибо! Вот бы другие додумались это сделать. Мне даже кажется, что питерские ученые, завидуя Вам, не охотно пишут и разрабатывают то, что относится к Вашим трудам. Я читаю труды Археологической комис-

¹ См.: Иванов Е. Э. Херсонес Таврический. С. 292.

² Речь идет о монографии: Minns E. H. *Scythians and Greeks. A Survey of Ancient and Archaeology on the North Coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus*. Cambridge, 1913.

³ См.: Миннз Е. Н. — К. К. Косцюшке-Валюжиничу, 13.07.1903 г. // Арх. НЗХТ, д. 44, л. 256.

сии и нахожу там статью и о Ваших исследованиях, и об исследовании Фармаковского в Ольвии (Парутино). В этой местности тоже лежат несметные сокровища. И там, как и в Херсонесе, глупость владельца и невежество крестьян вредили усилиям науки. Придет время, когда все по достоинству оценят Ваши труды, положенные для истории нашего края и отечества»¹.

Концепции советских историков первой половины 60-х гг. XX в.

В 1927 г. в Херсонесе состоялась Первая конференция археологов СССР, призванная подвести итоги археологических исследований на городище. Одновременно были поставлены задачи будущих раскопок. При этом основное внимание планировалось обратить на участки кварталов вдоль северного берега, наиболее интенсивно разрушаемые морем. К этому времени монастырь перестал существовать. Но новая эпоха оказала влияние на концептуальные подходы к истории, значительно удаленной от XX столетия.

¹ См.: Болсуновский К. В. — К. К. Косцюшке-Валюжиничу, 27.05.1904 г. // Арх. НЗХТ, д. 44, л. 300. Среди работ монографического плана следует также упомянуть исследования хранителя Исторического музея А. В. Орешникова о монетах из раскопок Херсонеса, которые публиковались в «Трудах Московского нумизматического общества» (см.: Орешников А. В. Херсоно-византийские монеты // ТМНО. 1905. Т. 3, вып. 2). Подготовка находок к печати отражена в переписке между К. К. Косцюшкой и А. В. Орешниковым. Письма содержат и отзывы разногласий между Московским археологическим обществом и Археологической комиссией, по ним можно составить впечатление о сложности положения К. К. Косцюшки-Валюжинича. В одном из писем А. В. Орешникова говорится: «Монеты византийские, собранные Вами, мне хотелось бы издать в «Трудах Московского нумизматического общества», в последнем печатающемся выпуске. Этим выпуском и закончу редактирование и сомневаюсь, чтобы общество скоро опять стало издавать «Труды» по соображениям материальным. Если Вас стесняет издание в московских изданиях из-за боязни петербургского начальства, то разрешите издать под моим флагом, выслав мне на время для слепков все херсоно-византийские монеты. ...Но если это Вам не желательно, то свою просьбу я беру назад, буду терпеливо ждать Вашей статьи» (Орешников А. В. — К. К. Косцюшке-Валюжиничу, 29.12.1904 г. // Арх. НЗХТ, д. 44, л. 319).

О диктате в постановке проблем отчасти уже говорилось в первом томе, посвященном античному периоду. Можно напомнить хотя бы о том, как были представлены события династической борьбы на Боспоре в конце II в. до н. э., которая в 30-х гг. изображалась как восстание рабов под руководством Савмака и считалась одной из составляющих «перманентной революции рабов». Характерным для этого периода являлся тезис о том, что «разница в уровне социально-экономического развития греков и ведущих племен Северного Причерноморья была сравнительно невелика», поэтому существовала «взаимная заинтересованность в развитии связей со стороны эллинов и варваров»¹.

В годы, когда наше общество обратилось к анализу событий своей истории до 1953 г., появились многочисленные документы о преследованиях советских ученых, военачальников, тех, кто представлялся опасным для диктаторского режима И. Сталина.

В их числе были опубликованы письма одного из героев Гражданской войны Ф. Ф. Раскольников, бывшего замнаркома флота, в последние годы находившегося на дипломатической службе. В одном из обращений к Сталину он писал: «Вы лишили советских ученых — особенно в области гуманитарных наук — минимума свободы научной мысли, без которого творческая работа исследователя становится невозможной»².

О том, что происходило в Херсонесском музее в первые годы после освобождения Крыма, затем в период репрессий после Великой Отечественной войны, свидетельствуют документы «дела Л. А. Мои-

¹ Сокольский Н. И., Шелов Д. Б. Историческая роль античных государств Северного Причерноморья // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959. С. 42, 45.

² Цит. по: Берберова Н. Железная женщина // Дружба народов. 1989. № 12. С. 103. (Произведение Н. Берберовой имеет подзаголовок «Рассказ о жизни М. И. Закревской-Бенкендорф-Будберг, о ней самой и ее друзьях». Это рассказ о первых годах советской власти, событиях, предшествующих Великой Отечественной войне, положении интеллигенции в новой России. Для характеристики эпохи впечатления очевидца событий представляют большой интерес. М. И. Закревская была некоторое время секретарем М. Горького и переводчицей его произведений).

сеева», обвиненного в сотрудничестве с белыми после того, когда он вынужден был спасти ценнейшие находки и от красных, и от белых. После Великой Отечественной войны обвинения в «измене Родине и сотрудничестве с оккупантами» обрекли одного из сотрудников Херсонесского музея, А. К. Тахтая, на многие годы лагерей.

Официальная установка о наличии кризиса рабовладельческой системы, переходном периоде между двумя формациями — рабовладельческой и феодальной — повлияла и на изложение истории раннесредневекового Херсонеса.

Отчасти отражением этого стали работы двух советских историков: Д. Л. Талиса и А. Л. Якобсона.

Д. Л. Талис, начавший научную карьеру в музее, в последующем сотрудник Государственного исторического музея, избрал объектом научных штудий историю раннесредневекового Херсона. Он полагал, что до середины VI в. город сохранил прежнее значение торгового, ремесленного и культурного центра Средиземноморско-Черноморского региона. На конец V — начало VI в. приходится монументальное строительство, возводятся базилики, наблюдается кардинальный ремонт оборонительных стен¹. В середине VI в. наступает новый этап, завершившийся в середине IX в. Отличительной особенностью его является резкое сокращение торговли, упадок ремесла, рассчитанного на рынок, что в свою очередь привело к натурализации экономики. Появившиеся в Таврике кочевники не смогли захватить город, но их набеги вызвали упадок земледельческой округи. Исчезает такая товарная отрасль, как виноградарство, а хора античного Херсонеса превращается в пастбища;

¹ См.: Талис Д. Л. Вопросы периодизации истории Херсонеса в эпоху раннего средневековья // ВВ. 1961. Т. 18. С. 58, 67; также см.: Он же. Раннесредневековый Херсонес: Из истории социально-экономического и политического развития города в V—X вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1956; Он же. Некоторые проблемы раннесредневековой Таврики и литература последних лет // ВВ. 1961. Т. 19. С. 241—259. Научные интересы Д. Л. Талиса в последующем изменились. Став руководителем одного из археологических отделов Государственного исторического музея, он предпринял раскопки на городище Бакла, а также кратковременное исследование другого из так называемых пещерных городов — городища Тепе-Кермен.

возрастает зависимость горожан от экспорта вина и хлеба из Малой Азии. Одной из важнейших причин упадка являлось ухудшение экономической конъюнктуры. С VII в. город постепенно превращается в военно-административный и церковный центр. Но в последующем сохранение данных функций способствовало сравнительно быстрому подъему экономического значения Херсона, что начинает проявляться с середины IX в., когда изменилась внешнеполитическая обстановка. К этому времени Д. Л. Талис отнес период нового возрождения торговых связей с Южным Понтом, Константинополем и другими центрами Средиземноморско-Черноморского региона.

Несколько иначе периоды «подъема и упадка» экономики Херсона представлены в работах А. Л. Яковсона, две монографии которого посвящены комплексному анализу археологических данных и письменных источников¹, в других он останавливается на истории города в связи с освещением событий в Крыму в целом². Одна из его работ посвящена обобщению материалов раскопок сельских поселений Юго-Западной Таврики³; некоторые аспекты развития Херсона представлены в монографии о керамическом производстве⁴.

Точка зрения А. Л. Яковсона, не претерпевшая с течением времени значительных изменений, сформировалась в период господства марксистской историографии. Средневековье, согласно официальной установке, «развилось на совершенно примитивной основе. ...Единственное, что оно заимствовало от погибшего древнего мира, было христианство и несколько полуразрушенных, утративших свою прежнюю цивилиза-

¹ См.: Яковсон А. Л. Средневековый Херсонес, XII–XIV вв. // МИА. 1950. № 17; Он же. Раннесредневековый Херсонес: Очерки истории материальной культуры // МИА. 1959. № 63; Он же. О некоторых спорных вопросах истории раннесредневекового Херсонеса (По поводу статьи Д. Л. Талиса «Вопросы периодизации истории Херсона в эпоху раннего средневековья». ВВ. 1961. Т. 18) // ВВ. 1964. Т. 24. С. 226–229.

² См.: Яковсон А. Л. Крым в средние века. М., 1973.

³ См.: Яковсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. 1970. № 168.

⁴ См.: Яковсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.

цию городов»¹. Это обстоятельство, как и малочисленность находок, относящихся к раннесредневековому периоду, игнорирование причин образования культурного слоя и особенностей отражения в нем реалий действительности, обусловили появление вывода о глубоком кризисе Херсона в VII в., «его обезлюдении в VIII в.»².

Вывод строился на следующих посылках:

1. О резком упадке в VIII в. — первой половине IX в. «косвенно свидетельствует и то, что ясно выраженный культурный слой этого времени на городище, по-видимому, вообще отсутствовал, по крайней мере, до сих пор выявить его не удалось».

2. Свидетельством упадка является также прекращение деятельности монетного двора в VII в.

3. Ограниченный круг сведений письменных источников (заметим, что это характерно и для других периодов истории города, в том числе для тех, которые, как полагал А. Л. Якобсон, являются временем его расцвета — X в. и экономической стабильности города — XII — первая половина XIII в.). Одним из основных аргументов доказательства кризисного развития Херсона в VII в. стали письма папы Мартина, который жаловался своим корреспондентам на «голод и нужду».

В целом, согласно убеждениям А. Л. Якобсона, в VII—VIII вв. Херсон переживает глубокий кризис, как и остальные центры бывшей Римской империи.

Рассматривая события, приведшие к воцарению нового императора — Юстиниана II в начале VIII в. (участниками их были херсониты), тем не менее исследователь не внес корректив в тезис об «обезлюдении города». В середине IX в., согласно его мнению, начинается кратковременное возрождение экономического и культурного значения Херсона, которое было прервано походом князя Владимира. Следующий период истории города — это медленное восстановление ремесел, связей с заморскими территориями. Наконец, к XII в. Херсон становится крупным провинциальным центром. Но во второй половине XIII в. вновь начи-

¹ См.: Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 360.

² См.: Якобсон А. Л. Крым в средние века. С. 27.

нается кризис и в XIV в. на смену городу приходит «полудеревенское поселение». Обосновывается вывод о «медленном умирании города» содержанием переписки крымских иерархов с Константинопольским патриархатом, которая относится к концу XIV в.

Безусловно, в настоящее время отдельные положения, высказанные А. Л. Якобсоном, скорректированы благодаря свидетельствам последних археологических раскопок¹. Но это не уменьшает значимости его научных штудий, в которых последовательно рассмотрены различные стороны материальной культуры пограничного причерноморского центра².

¹ Можно отметить и более ранние критические замечания относительно отдельных выводов, см. рец.: Удальцова З. В. // ВИ. 1951. № 8. С. 136—139; Скржинская Е. Ч. // ВВ. 1953. Т. 6. С. 252—269.

² Незаслуженная оценка без учета влияния времени, в которое сформировались взгляды А. Л. Якобсона, приведена С. Б. Сорочаном. Относительно концепции о кризисном развитии Херсона в VII в. он пишет, что «выводы А. Л. Якобсона превратились едва ли не в догму»; «сложились главным образом под влиянием выводов А. Л. Якобсона, которые этот исследователь насаждал с конца 50-х гг. XX в., чем дальше, тем меньше заботясь об их аргументации» (см.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 231. Прим. 1). Анализируя взгляды А. Л. Якобсона, не следует забывать, что при создании монографий, написание которых в основном пришлось на период с 40-х гг. до 60-х гг. XX столетия, исследователь использовал в значительной мере депаспортизированные находки из раскопок конца XIX — начала XX в. и немногочисленные материалы экспедиции, в составе которой он работал в течение нескольких лет. Единичные разрозненные свидетельства, которые противоречили логике его доказательств о кризисном развитии города, в те годы имелись. Вместе с тем, как было сказано в одном из отчетов тех лет, «ясно выраженного культурного слоя», датированного VII—IX вв., обнаружено не было. Новые, первоначально единичные комплексы VII в. появились в процессе раскопок Объединенной экспедиции в портовом районе. И несмотря на стойкую приверженность сформировавшейся у него концепции, А. Л. Якобсон учел эти материалы, скорректировав время существования некоторых типов амфор. Повторюсь еще раз: вряд ли справедливо обвинять одного из крупнейших исследователей в «тиражировании взглядов». Безусловно, в каждой последующей работе он отчасти возвращался к более ранним выводам. Однако это не может служить основанием для обвинений «в тиражировании собственных научных идей». Повторы, то бишь «тиражирование» собственных тезисов, характерно и для С. Б. Сорочана. К примеру, см.

Мнения относительно истории Херсона VI — середины IX в. можно свести к двум положениям: «глубокий кризис» экономики города (А. Л. Якобсон) или превращение его в крепость с церковными и административными функциями (Д. Л. Талис). Однако следует отметить, что теория упадка византийского города в период так называемых темных веков была характерна не только для советских историков. Наиболее последовательно тезис о «смерти» византийского города» высказан французской исследовательницей Э. Патлажан в последней четверти XX в.¹. Иной подход к оценке развития городов в Византии, наличию «континуитета» содержится в работах советского византиниста Е. Э. Липшиц и югославского историка Г. Острогорского. О сохранении городов в переходный период при наличии кризисных явлений писал основатель уральской школы византиноведения М. Я. Сюзюмов. Однако об этом несколько позднее.

ряд статей, посвященных интерпретации некоторых сакральных комплексов: Сорочан С. Б. О локализации храма Св. Прокопия в византийском Херсоне // *Культ святых мест в древних и современных религиях: Тез. докл. и сообщ.* Севастополь, 2005. С. 48–49; Он же. О храме Св. Прокопия в византийском Херсоне // *Sacrum et Profanum*. Вып. 1: *Культ святых мест в древних и современных религиях.* Севастополь, 2005. С. 157–162; Он же. О северной базилике и храме св. Прокопия в византийском Херсоне // *Древнее Причерноморье.* Одесса, 2005. С. 168–171. Можно привести также еще один цикл работ, посвященных восстанию Иоанна Готского, см.: Сорочан С. Б. «Дело» епископа Иоанна Готского в связи с историей византийско-хазарских отношений в Таврике // *Хазарский альманах.* Киев; Харьков; М., 2003. Т. 2. С. 77–78; Он же. О характере и датировке восстания Иоанна Готского // *Памятники Южного берега Крыма. Вчера, сегодня, завтра: Материалы Всеукраин. науч.-практ. конф., 24–26 апреля 2002 г.* Ялта, 2004. С. 39–45; Сорочан С. Б., Карнаухова А. М. О положении христианской церкви в Крыму в VIII–IX вв. // *Херсонес Таврический. У истоков мировых религий: Материалы конф.* Севастополь, 2001. С. 11–18. Следует отметить недавно вышедшую коллективную монографию, в которой опубликовано Житие Иоанна Готского (см.: Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Шапошников А. К. *Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода».* Симферополь, 2007.

¹ См.: Patlagean E. *Pauvreté économique et pauvreté sociale à Byzance*, 4–8 s. P., 1977. P. 431.

Штудии российских и украинских авторов последней четверти XX в. — начала XXI в.

Во второй половине XX — начале XXI в. были опубликованы многочисленные статьи, посвященные отдельным аспектам истории Херсона, принадлежащие крымским исследователям и представителям различных научных учреждений Украины и России, кроме того, появилось несколько монографий. Необходимость и возможность нового обращения к темам, которые неоднократно затрагивались, начиная со времени становления херсоно-византийской историографии (если уместно подобное определение), обусловило новое поступление археологических материалов.

Наряду с фактически постоянно действующей, начиная с 30-х гг., экспедицией Государственного Эрмитажа, возглавляемой Г. Д. Беловым, начались раскопки первоначально небольших отрядов Государственного исторического музея (Н. В. Пятышева), Уральского университета (Е. Г. Суров), несколько позднее была создана Объединенная археологическая экспедиция (1963), возглавляемая С. Ф. Стржелецким¹, в составе которой работали сотрудники заповедника (И. А. Антонова, Л. Г. Колесникова, А. В. Шевченко, Т. И. Костромичева) и преподаватели Харьковского (В. И. Кадеев) и Уральского (В. Н. Даниленко, В. В. Кучма) университетов².

¹ О задачах экспедиции см.: Сводный отчет Объединенной экспедиции в 1963–1964 гг. / Под ред. В. Н. Даниленко, А. И. Романчук // АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 7–10.

² Наиболее интенсивные и масштабные раскопки экспедиции приходятся на 1963–1968 гг., когда она действительно возглавлялась С. Ф. Стржелецким, курировавшим работы всех отрядов, входивших в ее состав. При этом он стремился к тому, чтобы на всей территории портового квартала 1 одновременно исследовались хронологически единые культурные слои и сооружения. Кроме того, под его руководством разрабатывалась классификация керамических находок, производилась в соответствии с нею статистическая обработка. Все извлеченные из земли фрагменты «находили свое место» в соответствующих графах полевых описей. Безусловно, обработка и реставрация находок требовали значительного времени и сил, именно поэтому непосредственно на раскопе было занято не более 40–50% состава лаборантов экспедиции. Именно благодаря такому положению и наблюдениям С. Ф. Стржелецкого в последующем стала возможной публикация следующих работ: Антонова И. А., Даниленко В. Н., Ивашута Л. П., Кадеев В. И., Романчук А. И. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 81–101; Ивашута Л. П. Неполивная керамика позд-

Принимали эпизодическое участие в раскопках портового района также студенты Башкирского и Пермского университетов.

несредневекового Херсонеса // АДСВ. 1975. Вып. 11. С. 14–22; Симонова Т. И. Метки на черепице кровли дома XIII–XIV вв. // АДСВ. Вып. 17. Античные традиции и византийские реалии. 1980. С. 104–120; Романчук А. И. Граффити на средневековой керамике из Херсонеса // СА. 1986. № 4. С. 171–182; Она же. Глазурованная посуда поздневизантийского Херсонеса. Екатеринбург, 2003; Она же. Строительные материалы византийского Херсона. Екатеринбург, 2004; Романчук А. И., Сазанов А. В. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. Свердловск, 1991; Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995.

С. Ф. Стржелецкий ввел также правило регулярного обсуждения итогов раскопок каждого из отрядов, что выливалось в записи в сводном полевом дневнике. После его кончины экспедиция превратилась в формальное объединение; прежнего «единого руководства» не существовало; каждый из отрядов проводил раскопки на своем участке. В последней четверти XX в. руководителями отрядов стали С. Б. Сорочан, С. В. Дьячков (о раскопках этих лет см.: Дьячков С. В. Раскопки XIV продольной улицы Херсонеса Таврического // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье, IV–IX вв.: Тез. докл. Симферополь, 1994. С. 17–18; Раскопки XIV продольной улицы в портовом районе Херсонеса Таврического // Древности: ХИАЕ. 1994. С. 141–152; Херсонесская археологическая экспедиция в 1996–1998 гг. // Древности: ХИАЕ. 1997–1998. С. 210–213; Клейма на краснолаковой керамике из раскопок херсонесской «казармы» // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. М., 1998. Вып. 1. С. 88–93; Дьячков С. В., Золотарев М. И. Раскопки «казармы» в портовом районе Херсонеса в 1993 г. // Древности: ХИАЕ. 1994. С. 192–193; Дьячков С. В., Магда А. В. Работы Херсонесской археологической экспедиции Харьковского университета в 1994 г. // Древности: ХИАЕ. 1995. С. 176–177). После завершения раскопок комплекса, который получил в исторической литературе со времен раскопок К. К. Косцюшки-Валюжинича обозначение «римские казармы», С. В. Дьячков вошел в состав экспедиции, которая обратилась к исследованию Балаклавы (итоговую статью об этом см.: Дьячков С. В. Археологические исследования генуэзской крепости Чембало в 2000–2005 гг. // Древности: ХИАЕ. 2005. С. 212–227).

С. Б. Сорочан стал помощником И. А. Антоновой, руководившей раскопками на территории цитадели. Его участие в раскопках данного участка отражено в ряде статей, например, см.: Сорочан С. Б. Об архитектурном комплексе византийского претория в Херсоне // Россия – Крым – Балканы: Диалог культур: Науч. докл. междунар. конф., Севастополь, 6–10 сентября 2004 г. Екатеринбург, 2004. С. 200–205; Он же. Об архитектурном комплексе фемного претория в Херсоне // АДСВ. 2004. Вып. 35. С. 108–121.

Объектом исследований являлся один из кварталов портового района (квартал 1). Большое значение имело то, что раскопками одновременно была охвачена территория всего квартала, площадью свыше 2 тыс. м², что позволяло сопоставить находки и комплексы, существовавшие в близкий хронологический период¹.

Во второй половине XX в. исследователи обратились к повторному изучению раскапывавшихся ранее участков. Примером являются работы на территории северо-восточного района городища (ранее изучавшегося Р. Х. Лепером) под руководством сотрудника Херсонесского заповедника М. И. Золотарева² и Московской экспедиции в квартале

¹ После 1969 г. руководителем экспедиции Уральского университета стала А. И. Романчук. После завершения работ на юго-восточном участке квартала — территории, которая традиционно являлась местом раскопок университета, в 1978 г. было начато исследование расположенного рядом портового квартала 2 (об этом см.: Романчук А. И. Исследования поздневизантийских слоев на участке портового квартала 2 Херсонеса // АИУ, 1978—1979 гг.: Тез. докл. Днепропетровск, 1980. С. 170; Раскопки второго портового квартала Херсонесского городища // АО — 1982. М., 1984. С. 323; Раннесредневековые комплексы портового района Херсонеса // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса: 1888—1988: Тез докл. Севастополь, 1988. С. 90—91; Хроника раскопок в Херсонесе // ВВ. 1990. Т. 51. С. 234—235; Хроника раскопок в Херсонесе. 1989—1990 гг. // ВВ. 1992. Т. 53. С. 206—207; Итоги раскопок в портовом квартале 2 Херсонесского городища // АИК. 1994 г. Симферополь, 1997. С. 232—235; Раскопки Уральского университета в Херсонесе: К сорокалетию Крымской археологической экспедиции // ВВ. 1999. Т. 58 (83). С. 293—296). Параллельно производилось изучение Западного загородного храма, который был открыт экспедицией Института археологии Украины (руководитель В. М. Зубарь). Некоторые итоги исследований опубликованы: Лосицкий Ю. Г. Западный загородный храм: Архитектурная реконструкция // ВВ. 1990. Т. 51. С. 172—173; Романчук А. И. Западный загородный храм Херсонеса // Там же. С. 165—171.

² См.: Сазанов А. В. Амфорный комплекс первой четверти VII в. н. э. из северо-восточного района Херсонеса // МАИЭТ. 1991. Вып. 2. С. 60—71; Он же. Базилика 1987 г. и некоторые проблемы интерпретации памятников христианского Херсонеса // Причерноморье в средние века. М., 2000. Вып. 4. С. 276—316.

VII (И. Т. Кругликова и А. В. Сазанов)¹. Новые материалы были получены О. И. Домбровским в процессе изучения так называемого храма с ковчегом (№ 19 по плану ИАК), руины которого скрывали остатки античного театра². Ученики О. И. Домбровского возвратились к рас-

¹ Работы М. И. Золотарева см.: Исследования в северо-восточном районе Херсонеса // АО — 1977. М., 1978. С. 326–327; Раскопки в северо-восточном районе Херсонеса // АО — 1978. М., 1979. С. 331–332; Керамические клейма из раскопок северо-восточного района Херсонеса в 1974–1975 гг. // КСИА. 1979. Вып. 159. С. 66–73; Раскопки в северо-восточном районе Херсонеса // АО — 1982. М., 1984. С. 261; Домашнее святилище первых веков н. э. в северо-восточном районе Херсонеса // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса, 1888–1888: Тез. докл. Севастополь, 1988. С. 49–50; Золотарев М. И., Коробков Д. Ю., Ушаков С. В. Кладовая дома XIII в. в северо-восточном районе Херсонеса // ХСб. 1998. Вып. 9. С. 182–194; Золотарев М. И., Ушаков С. В. Раскопки в северо-восточном районе Херсонеса в 1991 году // АИУ. Киев, 1993. С. 32–33 (на укр. яз.); Они же. Исследования в северо-восточном районе Херсонеса // АИК. Симферополь, 1994. С. 134–137; Они же. Один средневековый жилой квартал северо-восточного района Херсонеса // ХСб. 1997. Вып. 8. С. 30–45; Они же. Новые исследования в северо-восточном районе Херсонеса: Средневековые памятники // Россия–Крым–Балканы: Диалог культур: Науч. докл. междунар. конф. Севастополь, 6–10 сентября 2004 г. Екатеринбург, 2004. С. 195–197; Они же. Новые исследования в северо-восточном районе Херсонеса: Средневековые памятники // АДСВ. 2004. Вып. 35. С. 279–294. Находки из раскопок этого района были опубликованы не только авторами раскопок (см.: Сазанов А. В. Амфорный комплекс первой четверти VII в. н. э. из северо-восточного района Херсонеса // МАИЭТ. 1991. Вып. 2. С. 60–71).

² См.: Домбровский О. И., Золотарев М. И. Раскопки у «Храма с ковчегом» // АО — 1971. М., 1972. С. 392; Они же. Раскопки античного театра в Херсонесе // АО — 1972. М., 1973. С. 279–280; Домбровский О. И., Орлов К. К., Кутайсов В. А. Раскопки на участке античного театра в Херсонесе // АО — 1976. М., 1977. С. 291; Домбровский О. И., Паршина Е. А. О раннесредневековой застройке территории античного театра // СХМ. 1960. Вып. 1. С. 36–42. Раскопки привели к возобновлению дискуссии о времени возникновения возведенного на «театральном участке» храма. Отражением ее является статья: Сорочан С. Б. О датировке и интерпретации храмового архитектурного

копкам открытого в 1908 г. четырехапсидного сакрального сооружения (№ 47 по плану ИАК), что позволило уточнить время его строительства¹. К выявлению новых данных привело и исследование так называемой базилики на холме (№ 14 по плану ИАК), которое было предпринято московским археологом С. А. Беляевым².

К числу памятников, исследование которых осталось не завершенным в начале XX в., принадлежит и Западная базилика (№ 13), с изучения которой начала работы в Херсонесе экспедиция Уральского университета (1958 г., Е. Г. Суров)³.

После значительного перерыва возобновились раскопки на участке цитадели, первоначально В. В. Борисовой⁴, затем под руководством

комплекса на месте античного театра Херсонеса // Вестн. Харьков. ун-та. 2003. № 594. История. Вып. 35. С. 5–72.

¹ См.: Домбровский О. И., Кутайсов В. А. Раскопки четырехапсидного храма в Херсонесе // АО — 1977. М., 1978. С. 322; Кутайсов В. А. Раскопки на участке четырехапсидного храма в Херсонесе // АО — 1978. М., 1979. С. 355; Он же. Раскопки на участке четырехапсидного храма в Херсонесе // АО — 1979. М., 1980. С. 295; Он же. Четырехапсидный храм Херсонеса // СА. 1982. № 1. С. 155–169.

² См.: Беляев С. А. Работы Херсонесской экспедиции // АО — 1976. М., 1977. С. 268–269; Он же. О работе Херсонесской экспедиции // АО — 1977. М., 1978. С. 298–299; Он же. О работе Херсонесской экспедиции // АО — 1981. М., 1983. С. 242; Он же. Вновь найденная ранневизантийская мозаика из Херсонеса: По материалам раскопок 1973–1977 гг. // ВВ. 1979. Т. 40. С. 114–126; Беляев С. А., Кропоткин А. В., Бусяцкая Н. И., Игнатьева Т. И., Янюнайте М. К., Бушенков В. А. О работе Херсонесской экспедиции // АО — 1978. М., 1978. С. 300.

³ Некоторые итоги их см.: Суров Е. Г. Херсонес Таврический. Свердловск, 1961. С. 65–102.

⁴ Об этом см.: Борисова В. В. Раскопки в цитадели 1958–1959 гг. // СХМ. 1963. Вып. 3. С. 45–54; Раскопки римской цитадели в Херсонесе // АО — 1968. М., 1969. С. 288–289; Раскопки римской цитадели в Херсонесе // АО — 1969. М., 1970. С. 251–252; Раскопки римской цитадели в Херсонесе // АО — 1971. М., 1972. С. 392–394; Археологические работы Херсонесского историко-археологического музея за 1955–1956 гг. // СА. 1957. № 4. С. 280; Археологические работы музея за 1957–1958 гг. // СХМ. 1960. Вып. 1. С. 67–72.

И. А. Антоновой¹. Результатом стало выявление ряда сооружений военного характера, относящихся к римскому и средневековому периодам². Примечательно, что данный участок пополнил лапидарий Херсонеса новыми эпиграфическими памятниками³.

Значительными открытиями ознаменовались раскопки заведующего Херсонесским городищем С. Г. Рыжова (выпускник Харьковского

¹ См.: Антонова И. А. Античная протейхизма в Херсонесе // НОСА: Тез. докл. Киев, 1975. Ч. 2. С. 68–70; Она же. Раскопки в цитадели Херсонеса // АИК. Симферополь, 1994. С. 27–30; Она же. Раскопки в цитадели Херсонеса // АИК. Симферополь, 1997. С. 23–25; Антонова И. А., Аркадова Л. А. Раскопки терм и античной протейхизмы в Херсонесе // АО — 1970. М., 1972. С. 270–271; Антонова И. А., Бабинов Ю. А. Исследование 20-й куртины Херсонесских оборонительных стен // АО — 1969. М., 1970. С. 248–249.

² См.: Антонова И. А. Административные здания херсонесской вексилляции и фемы Херсона // ХСб. 1997. Вып. 8. С. 10–22; Зубарь В. М. Об интерпретации одного сооружения на территории римской цитадели Херсонеса // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы междунар. конф. Харьков, 2001. С. 61–62; Зубарь В. М., Антонова И. А. О времени и обстоятельствах возникновения так называемой цитадели Херсонеса // БИАС. 2001. Вып. 2. С. 45–53. Сорочан С. Б. Об архитектурном комплексе фемного претория в византийском Херсоне // АДСВ. 2004. Вып. 35. С. 108–121; Шацко Г. О. И. А. Антонова и археологические исследования Херсонеса // Археологія. 2000. № 4. С. 123–125 (на укр. яз.).

³ Виноградов Ю. Г. Новые надписи из Херсонеса Таврического // ВДИ. 1970. № 3. С. 127–132; Зубарь В. М., Антонова И. А. Новый фрагмент латинской надписи из Херсонеса // Археологія. 1996. № 1. С. 91–95 (на укр. яз.); Соломоник Э. И., Антонова И. А. Надгробия врачей из античного Херсонеса // ВДИ. 1974. № 1. С. 94–105; Яйленко В. П. К дискуссии о херсонесском декрете в честь Т. Аврелия Кальпурниана Аполлонида (II) // Закон и обычай гостеприимства в античном мире: Док. конф. М., 1996. С. 154–176; Он же. К дискуссии о херсонесском декрете в честь Т. Аврелия Кальпурниана Аполлонида (I) // ВДИ. 2000. № 1. С. 118–135; Яйленко В. П., Антонова И. А. Херсонес, Северное Причерноморье и Маркоманнские войны по данным Херсонесского декрета 174 г. н. э. в честь Тита Аврелия Кальпурниана Аполлонида // ВДИ. 1995. № 4. С. 58–86.

университета)¹, который поставил задачу соединить в единое целое кварталы северо-восточного и северного районов.

Возвращением к ранее раскапываемым памятникам стали работы Л. В. Седиковой по изучению участка около водохранилища и так называемого дворца Петроны (комплекс был открыт К. К. Косцюшкой-Валюжиничем, затем здесь работала экспедиция Государственного исторического музея под руководством Н. В. Пятышевой, которая полагала, что открытое монументальное сооружение связано с деятельностью первого стратига города Петроны Каматира)². Со временем

¹ Отражением результатов являются краткая информация автора раскопок об открытых памятниках и ряд публикаций находок: Рыжов С. Г. О раскопках Хб квартала северного района Херсонеса // АИК. Симферополь, 1977. С. 236–237; Дом IV–III вв. до н. э. в северо-восточном районе Херсонеса // АО — 1979. М., 1980. С. 333–334; Доследования «Северной базилики» в Херсонесе // АО — 1981. М., 1983. С. 314; Раскопки девятого квартала Херсонеса // АО — 1983. М., 1985. С. 349–350; Дом IV–III вв. до н. э. в Херсонесе // СА. 1985. № 4. С. 155–162; Раскопки в северном районе Херсонеса // АО — 1984. М., 1986. С. 299–300; Керамический комплекс III–IV вв. н. э. из северо-восточного района Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Киев, 1986; Раскопки в северном районе Херсонеса // АО — 1985. М., 1987. С. 403–404; Исследование жилых усадеб в северном районе Херсонеса // АИК. Симферополь, 1994. С. 293–311; Терракотовая мастерская в северном районе Херсонеса // Древности: ХИАЕ. 1995. С. 64–69; Новые данные о «базилике в базилике» // Античный мир. Византия. Харьков, 1997. С. 290–299; Средневековая усадьба XIII в. в северном районе Херсонеса (постоялый двор) // Древности: ХИАЕ. 1997–1998. С. 168–180; Средневековые жилые кварталы X–XIII вв. в северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Т. 8. С. 290–311; Малые храмы-часовни Херсонеса // Древности: ХИАЕ. 2004. С. 160–166; Художественная керамика XII–XIII вв. из Херсонеса // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья, X–XVIII вв. Киев, 2005. С. 62–69; Рыжов С. Г., Голофаст Л. А. Поливная керамика из раскопок квартала Ха северного района Херсонеса // АДСВ. 2000. Вып. 31. С. 251–265; Они же. Комплекс ранневизантийского времени из раскопок квартала Хб в северном районе Херсонеса // ПИФК. 2000. Вып. 9. С. 78–118; Они же. Раскопки квартала Х в северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2003. Вып. 10. С. 182–260.

² Об этом см.: Пятышева Н. В. Раскопки Государственного исторического музея в Херсонесе // Экспедиции Государственного исторического музея.

первоначально небольшой отряд Херсонесского заповедника превратился в международную экспедицию¹.

Большое значение имело и то, что объектами раскопок стали средневековые памятники, расположенные за пределами городских стен Херсона. Неблагодарный труд — с точки зрения представительности и массовости находок — взяла на себя заведующая средневековым отделом заповедника Т. Ю. Яшаева². К сожалению, невозможность обустроить

М., 1969. С. 141—159; Раскопки средневекового замка с главным городским водохранилищем в г. Херсонесе и их консервация // Сообщения (Научно-методический совет по охране памятников культуры Министерства культуры СССР). М., 1969. Вып. 4. С. 45—47; Раскопки Государственного исторического музея в Херсонесе в 1946 и 1948 гг. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974. С. 72—86; Раскопки Государственного исторического музея в Херсонесе // НОСА: Тез. докл. Киев, 1975. Ч. 2. С. 65—66.

¹ Отдельные наблюдения изложены: Седикова Л. В. Столовая посуда первой половины IX в. из засыпи водохранилища в Херсонесе // МАИЭТ. 1993. Вып. 3. С. 134—136; Раскопки водохранилища в Херсонесе // АИК. Симферополь, 1994. С. 238—240; Керамическое производство в Херсонесе в IX в. // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье, IV—IX вв.: Тез. докл. Симферополь, 1994. С. 64—65; Столовая посуда первой половины IX в. из засыпи водохранилища в Херсонесе // РА. 1995. № 2; Раскопки водохранилища в Херсонесе // АИК, 1994 г. Симферополь, 1997. С. 238—240; Исследования квартала поздневизантийского времени в южном районе Херсонеса // Россия—Крым—Балканы: Диалог культур. Екатеринбург, 2004. С. 198—199; Стратиграфия южного района Херсонеса по данным раскопок участка водохранилища // Проблемы исследования археологических памятников: раскопки, хранение, экспозиция: Тез. докл. и сообщ. Севастополь, 2005. С. 33—34.

² Статьи Т. Ю. Яшаевой, отражающие первые результаты раскопок, и публикации некоторых находок см.: Средневековое поселение ближней округи Херсонеса на Гераклеяском полуострове // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье, IV—IX вв.: Тез. докл. Симферополь, 1994. С. 79—80; Раскопки позднесредневекового христианского скита на мысе Виноградный // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995; О типах загородных монастырей средневекового Херсона на Гераклеяском полуострове // Византия и Крым: Тез. докл. Симферополь, 1997. С. 93—95; Раскопки пещерного монастыря в Сарандинакиной балке // АИК. Симферополь, 1997. С. 282—285; Поливная керамика из раскопок

стационарный археологический лагерь рядом с раскопом (на расстоянии 6–8 км от Херсонеса), а также недостаточность финансирования¹ замедляют полное раскрытие чрезвычайно интересных сельских комплексов, существовавших в течение длительного времени, в том числе и загородных монастырей. Остается только надеяться, что в нынешнем столетии изменится отношение к изучению ближайшей округи Херсона.

Результаты раскопок различных по своему назначению объектов (выше приведен далеко не полный их перечень), к которым обратились исследователи во второй половине XX столетия, существенно пополнили источниковую базу. Благодаря этому, как и использованию свидетельств из отчетов более ранних лет, стало возможным создание новых монографических штудий. Не касаясь деталей интерпретации памятников, отдельных тезисов и гипотез, остановим внимание на концептуальных выводах трех авторов, которым принадлежат монографии по истории византийского Херсона. Если следовать алфавиту, то первой должна быть названа работа, посвященная типологическим особенностям развития Херсона в X–XV вв., **Н. М. Богдановой**, ученицы профессора МГУ С. П. Карпова².

загородных пещерных монастырей Херсона // Историко-культурные связи Причерноморья — Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики: Тез. докл. Симферополь, 1998. С. 198–200; Раннесредневековое поселение в предместье Херсона на Гераклеяском полуострове // ХСб. 1999. Вып. 10. С. 349–360; Раннехристианская символика в поздневизантийском загородном монастыре Херсонеса // Проблемы религий стран Черноморско-Средиземноморского региона: Тез. докл. Севастополь; Краков, 2001. С. 182–185; Поздневизантийская пещерная лавра Херсона // МАИЭТ. 2006. Вып. 12. С. 321–360. До этого представление о сельской округе Херсона создавалось на материалах, представленных в монографии А. Л. Якобсона.

¹ И несмотря на трудности, на раскопе у Т. Ю. Яшаевой работают энтузиасты во время летних отпусков, которые не получают никакого вознаграждения за свой труд.

² К сожалению, вскоре после защиты кандидатской диссертации, опубликованной в сборнике научных работ кафедры истории Средних веков МГУ (см.: Богданова Н. М. Херсон X–XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. М., 1991. С. 8–172), она прервала изучение истории Херсона.

Н. М. Богданова исходит из тезиса о том, что Херсон в X—XIV вв. развивался в соответствии с тенденциями, которые были характерны в целом для византийских провинциальных городов. В сравнении со своими предшественниками она уделила значительное внимание социальной структуре и этническому составу горожан, системе управления и городским движениям, выделив следующие этапы: IX—XI вв. — выступления херсонитов против константинопольского правительства; с XII в. — рост внутригородских противоречий, усилившихся в начале XIII в. в связи с недовольством политикой городского управления.

Характерной чертой экономики рассматриваемого времени автор считает «связь отдельных отраслей ремесла с домашним хозяйством, незавершенность внутриотраслевой дифференциации производства», отсутствие упадка в период активизации предпринимательской деятельности итальянского купечества (со второй половины XIII в.) в Черноморском бассейне¹.

В отличие от А. Л. Якобсона, Н. М. Богданова полагает, что Херсон как город существовал до 50—60-х гг. XV в., татарские погромы конца XIV в. не привели его к гибели. Привлечение таких источников, как постановления венецианского сената конца XIV — начала XV в., не использованных ранее, позволило проследить маршрут плавания судов по Черному морю: Тана—Кафа—Херсон и далее в Средиземное море. Для более раннего периода, делает вывод Н. М. Богданова, большое значение имела торговля, в том числе и транзитная в хазарские земли, с Тмутараканью и Восточной Европой.

Акцент прежде всего на археологические свидетельства, а не на письменные источники характерен для «Очерков по истории и археологии византийского Херсона» А. И. Романчук (Екатеринбург, 2000), в которых внимание уделено наиболее дискуссионным вопросам истории города: периоду «темных веков» и времени «обезлюдения», по выражению А. Л. Якобсона (середина VII — середина IX в.); последствиям Корсунского похода князя Владимира; значению Херсона в XIII—XIV вв. На основе новейших материалов раскопок, прежде всего из портового района, где были открыты комплексы начала VII в., слои разрушения

¹ См.: Богданова Н. М. Херсон X—XV вв. С. 122.

первых десятилетий XI в., а также двукратных пожаров XIII и XIV в., показано, что мнение о глубоком кризисе в период «темных веков» требует корректировки¹, также преувеличенной является точка зрения о глубоком «упадке» в последние века существования города.

Новым обращением к одному из наиболее дискуссионных периодов истории Херсона стала монография С. Б. Сорочана. Исследователь подробно остановился на взглядах своих предшественников, отметив при этом значение работ представителей уральской школы византиноведения, в работах которых впервые прозвучал тезис об отсутствии глубокого упадка Херсона после VI в. Исследователь последовательно изложил данные о ремеслах и промыслах города, о его торговых связях; развил тезис о взаимоотношениях херсонитов с варварским миром, рассмотрел вопрос о статусе города в системе Византийской империи, что ранее отчасти уже прозвучало в многочисленных статьях исследователя. Большое внимание уделил он следующим положениям: проблеме кондомината, объясняющей характер взаимоотношений херсонитов с хазарами; вопросу о самоуправлении, «призрак» которого, согласно его мнению, присутствует в исследованиях И. В. Соколовой и Г. Г. Литаври-

¹ Собственные выводы и наблюдения оценивать некорректно, потому сошлюсь на слова одного из рецензентов, который образно пишет, что А. И. Романчук удалось добиться «кардинально нового взгляда на историю средневекового Херсона, особенно разительного на фоне давления авторитета предшествующих обобщающих исследований, из плена которого удалось вырваться немногим» (см.: Сорочан С. Б. // Древности: ХИАЕ. 2004. С. 301–306). Позднее коллега повторил эти слова в монографии «Византийский Херсон» (С. 65). Столь высокая оценка наполняет гордостью, что научная деятельность, посвященная изучению памятников Херсона, хотя бы отчасти была успешной. Но замечу, что «удалось вырваться из плена» только благодаря идеям учителя — М. Я. Сюзюмова, но главное — это появление новых археологических свидетельств в результате раскопок Объединенной экспедиции, благодаря реализации тех задач, которые были сформулированы ее создателями: С. Ф. Стржелецким, В. Н. Даниленко и В. И. Кадеевым. Однако вряд ли стоит обольщаться, что поставлена точка в решении ряда дискуссионных вопросов: появятся новые материалы, придет новое поколение историков, работа которых уточнит или отринет прежние гипотезы и выводы.

на¹, и тех, кто склоняется к высказанной ими точке зрения. Следующее фундаментально развитое положение — это доказательство наличия в Херсоне в раннесредневековый период «архитектурного бума», что отразилось в масштабном строительстве храмов и оборонительных стен. (Но о деталях подхода к некоторым из названных выше вопросов истории Херсона поговорим позднее в соответствующих разделах).

Следует также упомянуть еще две работы, созданные в последней четверти XX в. Это исследование В. А. Анохина, посвященное монетному делу Херсонеса-Херсона, и монетам и печатам византийского времени И. В. Соколовой.

Новым при изучении Херсонеса стало обращение к данным радиоуглеродного анализа, что оказалось возможным благодаря работам новосибирского геолога Л. В. Фирсова, опубликовавшего специальную работу, в которой приведен ставший «классическим пример» из истории радиоуглеродной хронологии Херсонеса. Во время раскопок на «театральном участке» (исследования О. И. Домбровского) Л. В. Фирсову удалось собрать чрезвычайно интересную серию проб, являющихся остатками балок перекрытия, дверного полотнища, очажных углей от двух периодов существования одного из домов, а также пробу топлива, лежавшего рядом с наиболее поздним из них. Это показало не только время возникновения сооружений, возведенных позднее, но и хронологические отличия строительных материалов, использованных для различных конструкций дома².

¹ См.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 62. Думается, что характеризовать замечание Г. Г. Литаврина о стремлении херсонитов к автономии «как внеисторические знания» вряд ли корректно и правомерно (однако это уже область научной этики).

² См.: Фирсов Л. В. Этюды радиоуглеродной хронологии Херсонеса Таврического. Новосибирск, 1976. С. 81—93. Серия проб охватывала период от эллинистической эпохи до XIII в. На основании соотношения слоев и фундамента храма № 19 он пришел к выводу, что он «сооружен либо в X в., либо позднее». К сожалению, некоторые современные исследователи забывают и о стратиграфических наблюдениях О. И. Домбровского, и анализах Л. В. Фирсова. Слово «забывают» в данном случае означает, что не упоминают или, приведя в подстрочнике соответствующую ссылку на работы О. И. Домбровского, игнорируют мнение автора раскопок. Но об этом ниже, когда речь пойдет о

современном состоянии датировки сакральных памятников Херсона. Однако нельзя не заметить, что при всем недоверии к методам естественных наук, их свидетельства все же заслуживают внимания. Сегодня, за давностью лет можно вспомнить своеобразную проверку «сомнений» в данных Л. В. Фирсова. В самом начале его появления в Херсонесе ему, наряду с другими пробами, был предложен фрагмент обугленной доски из собора св. Владимира. Проба дала дату, близкую ко времени его строительства. Правда, почему-то именно после этого Л. В. Фирсов предпочитал наблюдать за отбором угля или остатков дерева, или же спускаться в раскоп для этой цели. При упоминании его имени в памяти встает образ энтузиаста, большую часть свободного времени посвящавшего памятникам Херсонеса. Свое видение его истории он выразил в поэме, в которой отчасти отразились существовавшие в те годы научные концепции. В данном случае не место спорить с концептуальными положениями, отразившимися в поэме. Но хотелось бы отметить тонкое проникновение в свидетельства источников, образное изложение основных событий из истории Херсонеса-Херсона. В качестве примера несколько строф, воссоздающих романтический облик памятников и находок: «Вот брешь в стене — ее пробил таран, / Пожара след на черепичной глине... / А сколько стерло время старых ран / С камней на каждой крепостной куртине... / Пролог скрывает безизвестья тьма, / Не прочтены вступительные акты. / Да, далеко не истина сама, / А только путь к ней — домыслы и факты... / Из Ватикана изгнанный Мартин / Писал, что город — бедный, просто нищий / Еще, как варвар, дик христианин, / Не раздобудешь ни вина, ни пищи...».

Нельзя не упомянуть следующие статьи исследователя: Опыт радиоуглеродного датирования античных и средневековых образцов из Херсонеса, Крым // СА. 1973. № 2. С. 244—349; Опыт радиоуглеродного датирования известковых вяжущих растворов // СА. 1975. № 2. С. 133—137.

Говоря о подготовительной стадии работы исследователя, следует заметить, что для него было характерно внимание не к единичным результатам анализов, а стремление предоставить в руки исследователей ряд данных в соответствии с археологической историей памятника или участка. Такая цепочка проб, отобранная им для уточнения времени строительства одного из храмов в портовом квартале I (храм с аркасолиями), уточнила время его строительства и выявила инверсию археологических слоев. Первоначально в отчете автор раскопок Л. Г. Колесникова предположила, что строительство храма относится к периоду не ранее конца X — начала XI в. (об этом см.: Сводный отчет о раскопках в Херсонесе... С. 30). В последующем Л. Г. Колесникова изменила мнение, полагая, что храм сооружен в IX—X вв., что, пережив несколько перестроек, он прекратил существование после пожара в конце XIV в. При этом исследовательница отметила, что прояснить судьбу памятника станет возможно только после раскопок с его внешней стороны (см.: Колесникова Л. Г.

Тщательный анализ керамических находок из раскопок северо-причерноморских центров¹, анализ на этом фоне коллекций из фондового хранения заповедника и обнаруженных в северо-восточном и портовом районах² в конечном итоге завершился созданием дис-

Храм с портовым районе Херсонеса: Раскопки 1963—1965 гг. // ВВ. 1978. Т. 39. С. 160—172). Когда публиковался сводный отчет Объединенной экспедиции, исследование примыкающего к храму участка было произведено, поэтому редакторы выразили несогласие с датировкой комплекса: он возник не ранее XII в. (см.: Сводный отчет... С. 77. Прим. 21). Примечательно, что анализы Л. В. Фирсова совпали с выявленной археологической ситуацией (см.: Фирсов Л. В. Этюды радиоуглеродной хронологии... С. 126—129). Он полагал, что на основании серии анализов можно говорить о непрерывности застройки участка, начиная с V в., и строительстве храма с аркасолиями, как и соседних домов, относится ко времени не ранее XI—XII вв.

¹ См.: Сазанов А. В. Амфоры Газы ранневизантийского времени в Северном Причерноморье // Проблемы истории Крыма. Симферополь, 1991. С. 106—107; Боспор ранневизантийского времени // Археология. 1991. № 2. С. 16—26 (на укр. яз.); Сазанов А. В., Иващенко Ю. Ф. К вопросу о датировке позднеантичных слоев Боспора // СА. 1989. № 1. С. 84—102.

² См. работы Сазанова А. В.: Седьмой квартал Херсонеса: Хронология позднеантичных и средневековых слоев // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса, 1888—1988: Тез. докл. Севастополь, 1988. С. 95—97; Амфорный комплекс первой четверти VII в. н. э. из северо-восточного района Херсонеса // МАИЭТ. 1991. Вып. 2. С. 60—71; Светлоглиняные амфоры с рифлением типа набегающей волны, IV—VII вв. // Археология. 1992. № 2. С. 51—60; Тонкостенные красноглиняные амфоры типа 95 по И. Б. Зеест: Типология и хронология // ПАВ. 1992. № 2. С. 110—112.; Импортная краснолаковая керамика первой половина VII в. н. э. из Херсонеса // КСИА. 1992. Вып. 208. С. 40—46; Поздние типы узкогорлых светлоглиняных амфор // МАИЭТ. 1993. Вып. 3. С. 16—21; Хронология керамических комплексов Херсонеса конца VI—VII в. // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье, IV—IX вв.: Тез. докл. междунар. конф. Симферополь, 1994. С. 62—64 (также см.: Российское византиноведение. Итоги и перспективы: Тез. докл. междунар. конф., посв. 100-летию «Византийского временника» и 100-летию Русского археологического института в Константинополе. М., 1994. С. 126); Амфоры «carottes» в Северном Причерноморье ранневизантийского времени: Типология и хронология // БС. 1995. Вып. 6. С. 185—196; Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневи-

сертационного исследования А. В. Сазанова¹. Правда, удивление, как отметил С. Б. Сорочан, вызывает вывод о «дезурбанизации и кризисе византийского города в целом» на фоне убедительных доказательств о континуитете Херсона, отмеченном для VII в.²

Выше уже не раз упоминалось имя О. И. Домбровского, пропустить работу которого, написанную для обобщающего издания «Археология Украины»³, было бы некорректно, поэтому следует сказать несколько слов о ней. Но при этом будем помнить, что она основана на выводах, изложенных в монографиях А. Л. Якобсона, за исключением тех сюжетов, которые разрабатывал непосредственно автор, — это его точка зрения о строительстве храмов в Херсоне⁴.

зантийского времени // МАИЭТ. 1995. Вып. 4. С. 406–440; Византийская археология: Проблемы и методы // ХСб. 1996. Вып. 7. С. 5–12.

¹ См.: Сазанов А. В. Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999.

² Весьма часто использующий яркие, неординарные оценки работ предшественников, С. Б. Сорочан заметил, что А. В. Сазанов «поспешил с трафаретной, бездоказательной констатацией» такого вывода в диссертации (см.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 65). Однако дело не в поспешности, а в том, что материалы из раскопок византийских городов на территории исторической Византии пока еще малочисленны для того, чтобы стал возможным кардинальный отход от «традиционных историографических схем». На фоне подобных замечаний вызывает некоторое удивление чрезвычайно высокая оценка статьи французских исследователей А. Бортоли и М. Казански (см.: Bortoli A., Kazanski M. Kherson and its Region // *The Economic History of Byzantium From the Seventh through the Fifteenth Century* / Ed. A. E. Laiou (Dumbarton Oaks Studies. 39). Wash., 2002. Vol. 2. P. 652–656), фактически полностью основанная на выводах российско-украинских историков и являющаяся, в сущности, небезуспешным представлением западному читателю достижений исследователей Херсона (замечания о данной работе см.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 75). Правда, и в этом случае не обошлось без замечаний, но только вернее было бы адресовать их не французским историкам.

³ См.: Домбровский О. И. Средневековый Херсонес // Археология Украинской ССР. Киев, 1986. Т. 3. С. 535–548.

⁴ Представляется, что в подобном издании должны были бы быть обобщены археологические свидетельства и показано то новое, что они вносят в

Первая половина XX в. стала для российской историографии временем систематического обращения к истории Херсонеса¹. Показателем являются три выпуска «Памятников христианского Херсонеса», изданных благодаря инициативе П. С. Уваровой.

Обобщением материалов, полученных до середины XX в., стали работы Д. Л. Талиса и А. Л. Яковсона. В годы, о которых идет речь, основная полемика по истории раннесредневекового Херсона велась между ними. Дальнейшее накопление археологических свидетельств, новое обращение к анализу письменных источников привело во второй половине XX столетия к постановке вопроса о типологических особенностях Херсона как византийского провинциального города.

Среди историков, создавших научные штудии в эти годы, наибольшее расхождение взглядов характерно для таких сюжетов, как особенности развития Херсона в VII — середине IX в. и экономический потенциал города в XIV в. Планомерное изучение северного района (с 1929 г.), масштабные работы в портовом районе (с 1963 г.), возвращение к изучению кварталов, расположенных вдоль центральной городской магистрали, и раскопки на территории цитадели (с 1959 г.) позволили составить представление о микросреде обитания херсонитов в поздневизантийский период. В 50–60-е гг. XX в. появились первые классификации керамических изделий, уточненные в последующем. Можно отметить и

понимание истории города в сравнении с фундаментальными исследованиями А. Л. Яковсона. Вероятно, поспешность написания сказалась на качестве содержания, для которого характерны ошибки в хронологии и выводы, противоречащие показаниям источников. Примером может служить, с одной стороны, утверждение, что появление тюрок-болгар (датировано временем между 665 и 730 гг.) привело к развитию «перманентной торговли» (что являлось ее предметом, не отмечено), которая, однако, не изменила состояния экономики города, для которого, как и в целом для Византии, являлся характерным упадок начиная с середины VI в. и до второй половины IX в. (Там же. С. 536).

¹ Следует упомянуть научно-популярную работу: Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000. До некоторой степени ее можно рассматривать как апробирование идей, в последующем изложенных в монографиях украинских историков, которые стали результатом проекта Института археологии Национальной академии наук Украины.

стремление исследователей ввести в научный оборот наиболее примечательные артефакты, памятники прикладного искусства. Наибольшее внимание уделено анализу отдельных находок, обнаруженных в годы раскопок экспедиции Государственного Эрмитажа В. Н. Залесской².

² См. работы В. Н. Залесской: Часть бронзового креста-складня из Херсонеса // ВВ. 1964. Т. 25. С. 167–175; Византийский votивный памятник в собрании Эрмитажа и его прототипы // ПС. 1967. Вып. 17. С. 84–89; Свинцовый медальон с изображением Симеона Столпника // СГЭ. 1972. Вып. 34. С. 15–17; Об одном украшении византийской мебели // ВВ. 1973. Т. 34. С. 196–199; Фрагмент ранневизантийского саркофага с цирковой сценой // СГЭ. 1974. Вып. 39. С. 42–44; Ранневизантийские мраморные блюда в собрании Эрмитажа // ВВ. 1976. Т. 37. С. 207–211; Византийский votивный сосуд с текстом псалма (Об одной группе памятников иконоборческого периода) // ВВ. 1979. Т. 40. С. 135–138; Группа свинцовых ампул-эвлогий из Фессалоники // СА. 1980. № 3. С. 263–269; Новая находка votивной византийской иконы в Херсонесе // СГЭ. 1982. Вып. 47. С. 56–59; Византийские белоглиняные расписные кружки и киликовидные чашки // СА. 1984. № 4. С. 217–223; Створка триптиха с изображением св. Димитрия // СГЭ. 1984. Вып. 49. С. 60–62; Византийская белоглиняная расписная керамика (IX–XII вв.): Каталог. Л., 1985; Белоглиняная расписная керамика Малой Азии X–XIII вв. // Материалы симпозиума по проблеме «Полихромная поливная керамика Закавказья: Истоки, пути распространения»: Тез. докл. Тбилиси, 1985. С. 49–50; Ампулы–эвлогии из Малой Азии (IV–VI вв.) // ВВ. 1986. Т. 47. С. 182–190; Два раннесредневековых глиняных светильника из Северного Причерноморья // СА. 1988. № 4. С. 233–237; Литургические штампы–эвлогии (св. Лонгин Криний и св. Мамант Кипрский) // Византиноруссика. Литургия, архитектура и искусство византийского мира. СПб., 1995. Т. 1. С. 236–242; Памятники византийского прикладного искусства IV–VII вв. СПб., 2006; Zalesckaja V. Nouvelles découvertes de bronzes byzantins à Chersonèse // АqП. 1984. Т. 39. Р. 149–168; Idem. Céramique byzantine des XIIe–XIIIe siècles de Chersonèse // BCH. Suppl. 1989 (Paris; Athenes). Vol. 18. Р. 142–149; также см.: Белов Г. Д. Два поливных блюда из Херсонеса, XIII–XIV вв. // СГЭ. 1957. Вып. 11. С. 48–49; Он же. Средневековая бронзовая чаша из Херсонеса // СА. 1958. № 2. С. 203–206; Он же. Шиферная икона из Херсонеса // СА. 1960. № 2. С. 257–263; Он же. Бронзовые статуэтки из Херсонеса // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 23–30. Большое внимание уделялось уточнению времени бытования массовых археологических

К середине XX столетия началась регулярная публикация отчетов о раскопках. Правда, в последующем данная традиция была заменена краткой информацией об итогах очередного сезона¹. Перечислить все заметки, освещающие итоги сезонов раскопок в Херсонесе начиная с 1965 г. в таком издании, как «Археологические открытия в СССР», затем в нескольких выпусках на русском и украинском языках «Археологических открытий на Украине», не представляется возможным, да и вряд ли это необходимо. К некоторым из сообщений еще предстоит обратиться, чтобы представить эволюцию взглядов исследователей по мере накопления археологических свидетельств.

находок: см.: Якобсон А. Л. Средневековые амфоры Северного Причерноморья: Опыт хронологической классификации // СА. 1951. Т. 15. С. 325–344; Он же. Средневековые пифосы Северного Причерноморья // СА. 1966. № 2. С. 189–202. В более поздней монографии, посвященной в целом керамическому производству Таврики, концепция автора существенно не изменилась. Но на основании появившихся к этому времени материалов из раскопок портового района расширен обзор керамической продукции (см.: Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство...). Первым обобщением находок Объединенной экспедиции стала коллективная статья: Антонова И. А., Даниленко В. Н., Ивашута Л. П. и др. Средневековые амфоры... В последующем находки были опубликованы в коллективной работе (Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В. Амфоры из комплексов...). О ранневизантийской керамике также см.: Беляев С. А. Краснолаковая керамика Херсонеса IV–VI вв. // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 31–38; Он же. К вопросу о северо-африканской краснолаковой керамике IV в. н. э. из Херсонеса и Керчи // КСИА. 1972. Вып. 130. С. 122–125; Он же. Об одном блюде из Херсонеса, IV–V вв.) // СГЭ. 1973. Вып. 37. С. 47–50; Романчук А., Сазанов А. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. Свердловск, 1991.

¹ См.: Белов Г. Д. Раскопки Херсонеса в 1931 г. // СГАИМК. 1932. № 1–2. С. 61; Он же. Раскопки Херсонеса в 1934 году: Отчет. Симферополь, 1936; Он же. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935–1936 гг. Симферополь, 1938; Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф. Кварталы XV–XVI: Раскопки 1937 г. // МИА. 1953. № 34. С. 32–108; Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф., Якобсон А. Л. Квартал XVIII: Раскопки 1941, 1947 и 1948 гг. // МИА. 1953. № 34. С. 160–236; Белов Г. Д., Якобсон А. Л. Квартал XVII: Раскопки 1940 г. // МИА. 1953. № 34. С. 109–159.

Краткие сообщения об итогах сезонов в некоторых случаях остались единственной опубликованной информацией об открытом памятнике. Интерес они представляют еще по одной причине: в них выражено подчас не подвергнувшееся концептуальной корректировке мнение исследователя о раскапываемом объекте.

В XX в. находки из византийских комплексов Херсонеса были представлены на целом ряде выставок¹. Уникальные изделия местных мастеров и привезенные из других центров, обнаруженные в процессе изучения средневековых комплексов городища, вошли в обобщающие работы по искусству и культуре Византии не только российских исследователей², но и искусствоведов других стран³.

¹ См. путеводители А. В. Банк: Византия (залы 224–229) // Путеводитель по залам Отдела Востока. Л., 1939. С. 88–97, 135–142; Византийское блюдо с изображением пастуха // Сокровища Эрмитажа. М.; Л., 1949. С. 119–122; Диптих с изображением цирковых сцен // Сокровища Эрмитажа. М.; Л., 1949. С. 123–126; Искусство Византии в собрании Эрмитажа: Альбом. Л., 1960; Международная выставка византийского искусства в Эдинбурге–Лондоне // ВВ. 1960. Т. 17. С. 366–372; Искусство Византии в собраниях Советского Союза: Краткий путеводитель по выставке. Л., 1975; Искусство Византии в собраниях Советского Союза // СГЭ. 1978. Вып. 43. С. 81–83; Банк А. В., Бессонова М. А. Искусство Византии в собраниях СССР. М., 1977. Т. 1–3; Банк А. В., Шандровская В. С. Выставка «Искусство Византии в собраниях Советского Союза» // ВВ. 1979. Т. 40. С. 242–248.

² См.: Barnea J. Cu privire la relațiile dintre Dobrogea și Chersones în secolele IV–X // Omagiu lui P. Constantinescu-Jași cu prilejul împlinirii à 70 de ani. București, 1965. Bortoli-Kazanski A., Kazanski M. Les sites archéologiques datés du IVe au VIIe siècle au Nord et au Nord-Est de la mer Noire État des Recherches // TM. 1987. Vol. 10. P. 437–489.

³ См.: Банк А. В. Прикладное искусство Византии IX–XII вв.: Очерки. М., 1978. Для данного историографического сюжета интерес представляют также: Банк А. В. Константинопольские образцы и местные копии: По материалам прикладного искусства XII в. // ВВ. 1973. Т. 34. С. 190–195; Она же. Тенденция развития малых форм византийского искусства в XII–XIII вв. // XVe Congrès International d'études byzantines. Résumés des communications. 3. Athènes, 1976. P. 39–46; Она же. Взаимопроникновение мотивов в прикладном искусстве XI–XII веков // Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции.

В последней четверти XX в. херсонесские памятники стали доступными для зарубежных историков, проявлявших постоянный интерес к публикациям исследователей Херсонеса¹.

М., 1977. С. 72–82; Она же. Художественные связи Византии и сопредельных стран (По материалам прикладного искусства XI–XII вв.) // *Культура Востока. Древность и раннее средневековье*. Л., 1978. С. 91–99. Также см.: Даркевич В. П. Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X–XIII вв. М., 1975. Следует обратить внимание на работы А. В. Банк на западноевропейских языках: Banc A. *Monuments des arts mineurs de Byzance (X–XIIe siècles) au Musée de l'Ermitage (argenterie, stéatites, camées)* // IX Corso di culture sull'arte ravennate e bizantina. Ravenna, 1962. P. 125–138; *Monuments des arts mineurs de Byzance (X–XIIe siècles) au Musée de l'Ermitage (argenterie, stéatites, camées)* // IX Corso di culture sull'arte ravennate e bizantina. Ravenna, 1962. P. 125–138; *Monuments des arts mineurs de Byzance (X–XIIe siècles) au Musée de l'Ermitage* // IX Corso di culture sull'arte ravennate e bizantina. Ravenna, 1962. P. 125–138; *Les monuments de la peinture byzantine du XIII siècle dans les collections de l'URSS* // *L'art byzantin du XIII siècle. Symposium de Sopoćani*, 1965. Beograd, 1967. P. 91–101; *Les stéatites. Essai de classification, méthodes de recherches* // *L'art byzantin du XIII siècle. Symposium de Sopoćani*, 1965. Beograd, 1967. P. 355–381; *Les modèles de Constantinople et les copies locales (d'après les monuments d'arts mineurs du X–XII siècles)* // *Actes du XXII Congrès International d'histoire de l'Art (Budapest, 1969)* Bud., 1972. T. 1. P. 177–184; *Byzantine Art in the Collections of Soviet Museums*. Leningrad, 1977 (переиздано в 1978 г.: Harry Abrahams. N. Y.; то же на фр. яз.); *L'art byzantin dans les collections de l'Union Soviétique* // *Cahiers de civilisation médiévale*. 1977. T. 20, nr 2–3. P. 301–306.

¹ В качестве примера приведу только несколько статей, в которых авторы стремились обобщить итоги работ коллег или обращались к находкам в качестве аналогий: Dagron G. *Crimée ambigüe (IVe–Xe siècles)* // МАИЭТ. 2000. Вып. 7. С. 289–301 (на рус. и фр. яз.); Bortoli A., Kazanski M. *Kherson and its Region*. P. 652–657. Megaw A. H. S. «Zeuxippus Ware» // *The Annual of the British School of Archaeology at Athens*. 1968. Vol. 63. P. 67–88; Pülz A. *Die frühchristlichen Kirchen...* S. 45–78; Smedley J. *Archaeology and the History of Cherson: A Survey of some Results and Problems* // АгП. 1979. Т. 30. P. 172–192; Idem. *Trade in Cherson, 6th–10th centuries* // *Actes du XV-e Congrès Intern. d'études Byzantines*. 1980. T. 4 (Histoire). P. 291–297.

Вместе с тем, несмотря на значительное пополнение археологических источников, раскопки не привели к получению массового материала, относящегося к XI в. Не позволили заполнить событийную хронику этого времени и нарративные данные. Не разработанным остался вопрос о социальной и исторической топографии Херсона. Дискуссионна, как и ранее, датировка отдельных памятников, особенно хронология строительства базиликальных храмов. К мнениям по данным вопросам, поиску доказательств, характерных для той или иной концепции, нам предстоит обратиться в дальнейшем повествовании, в котором освещаются такие сюжеты, как Херсон и варварская периферия (вопрос о кондоминатной зоне и крепостной ограде города); херсониты и их сакральные сооружения; причины малочисленности археологических свидетельств (или вопрос об «археологических лакунах»); значение материалов археологических раскопок для воссоздания исторической топографии; взгляды историков на развитие Херсона в поздневизантийский период. Безусловно, наряду с названными выше проблемами имеется значительное количество историографических сюжетов, которые являются показателем неоднозначности мнений

В связи с публикацией археологических исследований других районов Византии упоминался Херсонес в следующих чрезвычайно интересных, фундаментальных работах: Bouras Ch. *City and Village: Urban Design and Architecture* // JÖB. 1981. В. 31/2. Р. 611–653; Brandes W. *Die Städte Kleinasien im 7. und 8. Jahrhundert*. В., 1989. Закономерным является появление статей о Херсонесе, написанных российскими историками в энциклопедиях, изданных на западноевропейских языках: Chichurov I. S., Zolotarev M. I. *Chersonesos* // *Lexikon des Mittelalters* (München). 1983. Т. 2, nr 3. Интерес к истории средневекового Херсона вполне закономерен, поскольку, не учитывая особенности развития данного центра, невозможно создать целостную картину для Средиземноморско-Черноморского региона. Работы западноевропейских историков, в которых упоминается средневековый Херсон, многочисленны. Для истории херсонской фемы интерес представляют, например, исследования Н. Икономидиса. Некоторые из его статей были опубликованы на Украине (см.: Qikonomides N. *Le «système» administrative byzantin en Crimée aux IXe — Xe s.* // МАИЭТ. 2000. Вып. 7. С. 318–323); для более позднего времени можно назвать: Nystazopoulou M. *Venise et la Mer Noire du XI-e au XV-e ss.* // *Venaezia e il Levante fino al secolo XV*. Firenze, 1973. Vol. 1, parte 2. Р. 541–582.

историков о локальных особенностях развития данного провинциального византийского города.

В заключение следует объяснить диспропорцию представленных в книге материалов: значительное внимание к историографии конца XIX — начала XX в. и схематичный краткий очерк для всего XX столетия, в котором только перечислены отдельные проблемы, ставшие предметом внимания историков. Это объясняется тем, что на концепциях историков второй половины XX в., поиске доказательств, деталях, отражающих различия в интерпретации свидетельств как письменных, так и археологических источников, нам предстоит остановиться ниже.

Начальный период изучения Херсонеса — это истоки формирования представлений, которые за небольшим исключением повлияли на систему поиска доказательств, логику представления новых гипотез в работах исследователей последующих поколений. Некоторые из выводов и гипотез выдержали проверку временем и были подтверждены. Чтобы, дискутируя, не забывать, что некоторые аргументы были уже приведены ранее, времени рождения первых выводов об истории Херсонеса уделено наибольшее внимание.

Очерк 1. РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ ХЕРСОН

Облик цивилизации изменился отнюдь не сразу же после Великого переселения народов. Несмотря на грабежи и разрушения, традиционные очаги культуры лишь в редких случаях быстро угасали и переставали излучать свой свет. Города, ставшие первой жертвой нашествий, в той или иной мере еще сохраняли жизнь.

Жак Ле Гофф

О периодизации истории Византии. Хронологические рамки первого периода истории Херсона. Краткая справка о состоянии источников IV—IX вв. и представленных в них событиях. Дискуссия о византийском городе VII в. Оценка археологической ситуации для византийских городов. Папа Мартин и его письма из Херсона. Вопрос об «археологических лакунах». Нумизматические находки как свидетельства «кризиса». Ссылка Юстиниана II и вопрос о том, кто возглавил провозглашение в Херсоне нового императора. О личности и характере Юстиниана II и его отношении к херсонитам.

Для Херсонеса античного времени традиционными являлись политические и экономические связи с малоазийскими городами, балканскими центрами Эллады. В римское время его судьба в значительной мере зависела от событий, происходивших в восточных пределах Римской империи. В 326 г. Константин I сделал столицей греческий город Византий, названный в его честь Константинополем (330). Призрачное единство государства в это время еще существовало. Конец ему положил Феодосий, провозглашенный, как и Константин, Великим. Перед смертью в 395 г. он разделил управление империей между сыновьями: Аркадием (377—408), которому достался Восток, и Гонорием (384—423), ставшим правителем Запада. В 476 г. командир германских наемников и императорской гвардии Одоакр (433—493) низложил последнего императора

Западной Римской империи Ромула Августа, став первым «варварским» правителем Италии. Его столицей стала Равенна. За бывшими восточными провинциями Рима и Северо-Причерноморским регионом сохранилось официальное название Империя Ромеев. В исторических штудиях она предстает как Византия.

К этому времени Херсонес сменил свое имя, став Херсоном (Корсунь в русских летописях), превратившись в один из провинциальных византийских городов.

О периодизации истории Византии

Историю Византии принято начинать с IV в. (со времени правления Константина I), завершая ранний период первой половиной VII в.¹. Следующий период — это время, на которое приходится противостояние представителей двух религиозных течений: иконоборцев и иконопочитателей: середина VII — середина IX в., из-за состояния источниковой базы его характеризуют как «темные века» (первый этап средневизантийского периода, второй включает середину IX—XII в.).

Однако при обращении к периоду «темных веков» (середина VII — середина IX в.), особенно к истории одного из значимых цивилизационных институтов — городу, вероятно, следует учитывать данные, о которых еще в начале XX в. писал А. П. Рудаков: «Территория Византии сократилась почти наполовину, на ней считалось 33 метрополии, 356 епископств и 34 автокефальных архиепископств. Подобные статистические данные церковной географии Византии имеют ту ценность,

¹ Представленной выше периодизации истории Византии придерживаются как российские историки, так и некоторые исследователи других стран, например, см.: История Византии. М., 1967. Т. 1—3; Ангелов Д. История на Византия. София, 1976. Ч. 1—3; Ducellier A. Byzanz. Das Reich und die Stadt. Frankfurt; New York; Paris, 1990 (фр. изд.: Byzance et le monde orthodoxe. P., 1986). Близкая периодизация отражена в фундаментальном труде выдающегося российского византиниста Ф. И. Успенского, неоднократно переиздававшегося со времени публикации в 1912 г. (см.: Успенский Ф. И. История Византийской империи. М., 1996. Т. 1—3).

что они неоспоримо указывают на изначальную многочисленность и самодовлеимость городских центров-полисов, унаследованных империей через посредство Рима от эллинизма»¹.

В 1204 г. единое государство распалось на Никейскую и Трапезундскую империи (Малоазийская территория); на Балканах возникла Латинская империя со столицей в Константинополе, Фессалоникийское, Эпирское царства. С этого времени Херсонес номинально находился под контролем Трапезунда.

В 1261 г. Михаил VIII Палеолог (1259–1282), правитель Никеи, после продолжительной борьбы вступил в Константинополь. Византия как единое государство была восстановлена, XIII — середину XV в. принято выделять как поздневизантийское время. Конец существования империи положен захватом столицы 29 мая 1453 г. турецким султаном Мехмедом II (1451–1481).

Хронологические рамки первого периода истории Херсона

Развитие исторических явлений, институтов, общий ход исторических процессов подчиняются определенным закономерностям. Вместе с тем в конкретном событийно-хронологическом плане того или иного региона существуют локальные особенности.

Если следовать традиции, которая существует в российском византиноведении, то начало нового этапа развития Херсона следует отнести к IV в. С этого времени начинал изложение истории города А. Л. Якобсон, выделив при этом специально раздел «Таврика накануне средневековья», в котором приведена краткая хроника событий III в.²

До конца III — IV в. доведен анализ ремесел и промыслов города и изложение таких сюжетов, как быт и культура, специалистом в области античной истории В. И. Кадеевым³.

¹ Рудаков А. П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. СПб., 1997. С. 88.

² См.: Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес: Очерки истории материальной культуры // МИА. 1959. № 63. С. 17–21.

³ См.: Кадеев В. И. Очерки истории экономики Херсонеса Таврического в I–IV веках н. э. Харьков, 1970; Он же. Статус Херсонеса Таврического во

В первом обобщающем труде по истории Херсона — монографии С. П. Шестакова — представление о хронологических рамках иное. Оно отражено непосредственно в названии монографии: «Очерки по истории Херсонеса в VI—X вв. по Р. Х.».

Близкая точка зрения была характерна для Д. Л. Талиса. В статье, посвященной периодизации раннесредневековой истории города, он отметил, что археологические и нарративные источники свидетельствуют о том, что принципиальных изменений до середины VI в. в сравнении с первыми веками нашей эры не прослеживается. Правда, облик города изменяется в V в., когда началось, по мнению Д. Л. Талиса, строительство базиликальных храмов. В отличие от А. Л. Якобсона, полагавшего, что VI в. — это время расцвета Херсона, он сделал вывод о начале экономического упадка именно с середины данного столетия¹. Завер-

время римской оккупации, II—III вв. н. э. // 15 Confer. Internationale d'études classiques des Pays socialistes «Eirene», Nessebar 2-6 Octobre. 1978: Resumes des Communications. Sofia, 1978. S. 34—35; Он же. Северное Причерноморье и Фракия в I—IV вв.: Проблема контактов // Дриновские чтения: Тез. докл. Харьков, 1988 С. 60—61; Он же. Херсонес Таврический: Быт и культура (I—III вв. н. э.). Харьков, 1996. В совместной работе В. И. Кадеева и С. Б. Сорочана анализ ареала торговых связей Херсонеса доведен до начала VI в. (см.: Кадеев В. И., Сорочан С. Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н. э. — V в. н. э.: На материалах Херсонеса. Харьков, 1989).

¹ См.: Талис Д. Л. Вопросы периодизации истории Херсонеса в эпоху средневековья // ВВ. 1961. Т. 18. С. 54—73; Он же. Некоторые проблемы раннесредневековой Таврики и литература последних лет // ВВ. 1961. Т. 19. С. 241—259. Касаясь концепции Д. Л. Талиса в монографии 2005 г., С. Б. Сорочан замечает, что прошло почти 50 лет с тех пор, как она была изложена, появились доказательства, опровергающее ее, но тезиса об упадке Херсона, начиная с VI в., склонны придерживаться отдельные исследователи (см.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон: Очерки истории и культуры, вторая половина VI — первая половина X в. Харьков, 2005. С. 53). В частности, это характерно для некоторых научно-популярных работ, см.: Крым: Дорога тысячелетий / Сост. В. А. Сидоренко. Симферополь, 2001. С. 158 (на укр. яз.). Авторами многих популярных изданий являются не историки, подчас создатели таких брошюр не очень хорошо знают даже географическую номенклатуру, что

шение первого периода в развитии Херсона, согласно точке зрения Д. Л. Талиса, приходится на первую половину IX в., когда в экономике начинает прослеживаться оживление, что и привело к превращению его из военного и религиозного центра в средневековый город¹.

Тенденция начинать средневековый период Херсона с VI в. в последние годы нашла отражение в работах украинских историков. Одним из выразителей ее является В. М. Зубарь. В работах монографического характера и отдельных статьях он, отмечая малочисленность источников IV—V вв., все же полагает, что на основании эпиграфических данных можно говорить об изменении статуса города. В течение IV в. Херсон еще не входил «официально» в состав империи, а взаимоотношения с ней херсониты строили на союзной основе. Защиту своего города они осуществляли с помощью местного гарнизона, который набирался за счет субсидий центральной власти. Будучи организованным по образцу баллистариев позднеримского времени, он, подчеркивает исследователь, в сущности, являлся городской милицией. Однако командование принадлежало «римским кадровым офицерам». Одним из оснований для такого предположения стало выявленное на участке цитадели строительство, «которое производилось не без помощи центральной власти»², и привело к изменению функционального назначения данной территории»³.

В более ранних работах В. М. Зубарь писал, что крайняя фрагментарность материала не позволяет сказать что-либо определенное о взаимоотношениях Херсона с Восточной Римской империей. Отмечая,

приводит к искажению реалий прошлого, но для В. А. Сидоренко, который занимается историей Крыма профессионально, все же желательно знание работ своих коллег, не считающих VI в. «временем упадка Херсонеса».

¹ См.: Талис Д. Л. Вопросы периодизации... С. 67.

² Зубарь В. М. Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. Киев, 1994. С. 147—148. Отражением этого являются надписи времени правления Валентина, Валента и Грациана, Феодосия и Аркадия.

³ Зубарь В. М. Еще раз о римском военном присутствии в Херсонесе во второй половине III — на рубеже IV—V вв. // Археологія. 2000. № 3. С. 83—97.

что все гражданские дела, «связанные с регламентацией отношений между городом и империей», после административной реформы Диоклетиана находились в ведении префектуры Востока, а гарнизон города мог курироваться военным командованием Фракии; по его мнению, в Херсоне существовали органы городского самоуправления во главе с первым архонтом на протяжении всего позднеантичного времени. О значении Херсона свидетельствует то, что он превращается в форпост империи в Таврике и в место ссылки опальных сановников.

Воссоздание В. М. Зубарем статуса Херсона как союзного, но контролируемого империей города строится в основном на отсутствии упоминания его среди провинциальных римских центров. Вероятно, поэтому, сознавая слабость аргументов, исследователь неоднократно повторяет, что «формально Херсон не входил в состав империи», подчеркивая при этом отсутствие возможности решить данный вопрос окончательно. Однако итоговый вывод звучит следующим образом: «К первой половине VI в., очевидно, можно относить начало новой эпохи в истории города, для которой был характерен ряд новых черт, совершенно не свойственных позднеантичному этапу развития»¹.

Объяснение содержания «новых черт» приведено в коллективной монографии по истории и культуре Херсонеса I—VI вв.². Это прежде всего завершение процесса христианизации и широкая строительная деятельность Юстиниана I **не только в Херсоне, но и в целом в Таврике**. Вместе с тем констатация в качестве «новой черты» широкой строительной деятельности для более раннего периода — времени правления императора Зенона — вызвала корректировку вывода: «В конце V—VI в. Херсон являлся составной частью и главным опорным

¹ Зубарь В. М. Херсонес Таврический и Римская империя. С. 146—148. Концепцию исследователя отражает название одной из монографий «Северный Понт и Римская империя, середина I в. до н. э. — первая половина VI в.» (Киев, 1998).

² См.: Владимиров А. А., Журавлев Д. В., Зубарь В. М., Кржыцкий С. Д., Русяева А. С., Русяева М. В., Сорочан С. Б., Скржинская М. В., Храпунов Н. И. Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. — VI в. н. э.: Очерки истории и культуры. Харьков, 2004.

пунктом империи»¹. Следующей посылкой, обосновывающей нижнюю хронологическую границу нового этапа истории Херсона, является предположение (и не более) о том, что при Юстиниане Херсон превратился в центр провинции, в состав которой входили упоминаемые Прокопием Кесарийским крепости Алустон и Горзувиты².

Об изменении статуса Херсона, что также положено в качестве аргумента для обоснования начала новой эпохи со времени правления императора Юстиниана I, **можно говорить, согласно мнению С. Б. Сорочана**, в связи с заменой местного гарнизона регулярными войсками — свидетельством этого является наличие «отдельного регионального командования в лице дукса или дуки». Однако, как отмечено автором, должность дуки (коменданта города и наместника владений империи в Таврике) впервые упоминается в строительной надписи времени правления Юстиниана II и Софьи (565—578)³. В данном случае можно отметить, что, следуя традиции, восходящей к историку VI в. Прокопию Кесарийскому, создавшему панегирик Юстиниану I (трактат «О постройках»), затем фундаментальному описанию эпохи Шарлем Дилем, все «новое и выдающееся» проецируется подчас на время правления этого императора, даже в тех случаях, когда прослеживается противоречие с конкретными свидетельствами источников.

Безусловно, отсутствие более раннего упоминания в источниках дуки не противоречит предположению о том, что он мог появиться в Херсоне в эпоху Юстиниана I. Более существенным для обоснования нижней границы нового периода истории города является ряд положений, которые приводит С. Б. Сорочан в монографии 2005 г. К числу

¹ Владимиров А. А., Журавлев Д. В., Зубарь В. М. и др. Херсонес Таврический... С. 530, 552, 555.

² Там же. С. 637.

³ См.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 176, 178. К содержанию надписи неоднократно обращались исследователи Херсонеса; первая публикация: Латышев В. В. Надпись о постройке Херсонесской стены // ИАК. 1901. Вып. 1. С. 56—59. Обоснование тезиса о начале новой эпохи в истории Херсона также см.: Сорочан С. Б. Око и щит империи. Херсонес к концу правления Юстиниана I и при его ближайших преемниках // БИ. 2004. Вып. 5. С. 320—361.

таковых он отнес масштабное строительство христианских храмов во второй половине — конце VI в., что к началу VII в. «бесповоротно изменило облик Херсона в сторону классических средневековых черт»¹.

Положение о том, что к началу VII в. появление крупных базиликальных храмов и других сакральных сооружений «выкристаллизовалось в модель топографии провинциального христианского византийского города», высказанное во введении к работе, предопределило подход к последующему изложению археологического материала и обращение к письменным источникам. Данное замечание, опережающее анализ конкретных данных, являясь отражением концепции автора, изначально показывает значение херсонесских материалов для урбанистических штудий по истории Византии, особенно для дискуссии о судьбах византийских провинциальных городов в период «темных веков». Это придает особую значимость исследованию С. Б. Сорочана, но одновременно заранее подготавливает сторонников мнения об упадке византийского города в середине VII — середине IX в. к критическому восприятию всех аргументов, которые содержатся в работе. Провозглашение тезиса, доказательству которого посвящено основное содержание монографии, придает ей особую остроту и, безусловно, способствует тщательному сопоставлению всех аргументов, приводимых для доказательства концепции. Но построение гипотезы вызывает два вопроса: а) а воссоздана ли в настоящее время «модель топографии провинциального христианского византийского города», с которой можно соотнести облик Херсона; б) что означают при этом «классические средневековые черты». Второе замечание обусловлено именно тем, что если принимать за таковые вычленение в эпоху Средневековья двух характерных компонентов: бург и посад, то для византийского Херсона подобной «классики» не прослеживается, о чем в дальнейшем пишет и сам исследователь.

Но вернемся к обоснованию хронологических рамок истории Херсона.

Вторым положением, свидетельствующим о возможности вести отсчет истории города со второй половины VI в., являются наблюдения

¹ См.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 7.

относительно изменения политической обстановки в Таврике, вылившейся в «победную для Империи конфронтацию с воинственными пришельцами», чему способствовало и грандиозное оборонительное строительство¹.

Возможно, поиск «границ нового периода» не имеет столь существенного значения, чтобы этому сюжету было уделено столько внимания; достаточно было бы отметить дискуссионность вопроса и то, что в последние годы появились специальные работы, посвященные обоснованию периодизации истории Херсона², тем более что, предлагая таковую, С. Б. Сорочан пишет: «В источниках такой поворот прорисовывается не сразу». Именно это привело его к признанию, что «противоположный “полос” периода не улавливается в материальной и духовной культуре херсонеситов»³.

Следующее положение, которое следует отметить, это выделение С. Б. Сорочаном на основании общеполитической ситуации в Таврике трех этапов для второй половины VI — первой половины X в.: первый — до конца VII в. (времени появления хазар и «складывания нового статуса города», второй — это существование особых византино-хазарских отношений (кондомината), которые исчерпали себя к концу первой трети IX в. **В последующем создание фемы, уничтожившей окончательно «контактный статус», заложило основы для укрепления позиций Византии в Таврике, что проявилось к 40-м гг. X в., — это отражение конца раннесредневековой эпохи Херсона**⁴.

Относительно предлагаемой периодизации можно сделать следующий вывод: аргументы, положенные в ее основу, носят до некоторой степени гипотетический характер. Конкретных документов о создании провинции в Таврике с центром в Херсоне при Юстиниане I или несколько ранее пока не обнаружено. Если же как доказательство при-

¹ См.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 7.

² См.: Сорочан С. Б. В поисках грани. *Terminus ante quem* раннесредневекового Херсона // Вестн. Харьк. ун-та. 2002. № 566. История. Вып. 34. С. 45–55.

³ См.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 8.

⁴ Там же.

нимать такой факт, как «массовая христианизация» херсонитов, о чем свидетельствует строительство многочисленных базилик, то встает иной вопрос: а было ли возможным столь масштабное возведение са-кральных зданий в течение не более чем столетнего периода, который назван С. Б. Сорочаном временем «архитектурного бума».

Попытка «наметить основные хронологические вехи» для последующего анализа взглядов историков Херсонеса показала дискуссионность данного вопроса, поэтому в дальнейшем при обращении к историографическим сюжетам за начало принят IV в. Это основывается на следующих положениях.

Изложение истории Византии в научных штудиях и учебной литературе начинается с середины — конца IV в. Для Таврики этого времени характерно начало перманентных миграционных процессов; из Херсона выведен римский гарнизон; город включен в орбиту политики нового государственного образования — Восточной Римской империи. Это время, когда Херсонес предстает в источниках уже под новым именем — «Херсон», превращаясь постепенно в один из провинциальных византийских городов.

Своеобразным рубежом в развитии клонящейся к упадку Римской империи является эпоха Константина I (272—337), не только продолжившего некоторые начинания своего предшественника Диоклетиана (245—316, император в 284—305 гг.), но и внесшего много нового в жизнь государства. Особое значение при Константине I, ставшем императором в ходе гражданской войны, разгоревшейся после ухода от власти Диоклетиана, имели его взаимоотношения с христианской церковью. Церковные историки называли его Великим. При нем христианство начало обретать статус государственной идеологии. Еще во время борьбы за власть, в феврале 313 г., он и его союзник Лициний провозгласили христианство равноправной с языческими культами верой, издав Миланский эдикт¹. В 325 г. по инициативе Константина созван Первый вселенский собор в Никее, а за 4 года до этого воскресенье было объявлено «днем покоя». При Константине появляется и новая

¹ Его мать Елена (ум. в 326 г.), бывшая хозяйка постоянного двора и наложница отца Константина, щедро одаривала церковь и покровительствовала возведению храмов. Пожалуй, она является одной из первых женщин-паломниц по «святым местам».

столица — Второй Рим. Таковым стал в 326 г. Византий, значительный в прошлом греческий центр, возникший в эпоху Великой греческой колонизации. В 330 г. он был переименован в Константинополь.

Для обоснования такого подхода использованы аргументы исследователей, имена которых были названы выше, но акценты расставлены иначе: а) фиксируемое в настоящее время появление христианских захоронений в Херсоне с IV в.; б) миграционные процессы в Таврике, кардинально изменившие этническую картину региона.

За верхнюю веку принято время, когда при императоре Феофиле (829–842) появляется фема Климатов, преобразованная позднее в фему Херсона. Эти события не могли не способствовать существенному изменению статуса города. Безусловно, значительное влияние на жизнь и судьбы херсонитов оказывало все то, что произошло в IV — середине IX в., поэтому в рамках названных столетий как некоторый рубеж следует отметить середину VII в. (конец ранневизантийского периода). Середина VII — середина IX в. считаются в византиноведении периодом «темных веков». Объясняется это малочисленностью письменных источников, о чем уже неоднократно говорилось выше, а также слабой изученностью археологических памятников, что отразилось на дискуссии об особенностях развития византийского города, породив две диаметрально противоположные точки зрения: глубокий кризис и процесс дезурбанизации в Византии и теория «континуитета» городов, переживавших кризис, но сохранивших торгово-ремесленный статус.

При изложении мнений историков, несмотря на иные точки зрения в отношении периодизации истории Херсона, все же последуем за веками, которые выделены для истории Византии в целом: IV — середина VII в. (ранневизантийское время), середина VII — середина IX в. (первый этап средневизантийского периода), середина IX — X в. (второй этап этого периода). В качестве «верхней границы» примем мнение С. Б. Сорочана, который полагает, что в 20–40-е гг. X в. Византия «сумела занять лидирующие позиции на территории Крымского полуострова. ...К данным десятилетиям завершилось формирование этноконфессиональной общности, ... отличительными чертами которой явилось глубокое восприятие христианства и греческой культуры»¹.

¹ См.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 1220.

Эта периодизация имеет некоторые отличия от изложенной в фундаментальных монографиях А. Л. Якобсона, который выделял для раннесредневекового Херсона V—VI вв. (превращение города в византийский провинциальный центр), VII—VIII вв. — **время глубокого кризиса, упадка города и «обезлюдения»**, IX—X вв. — период стабилизации, экономического подъема, завершившийся разрушением Херсона в результате Корсунского похода Владимира, ставшего рубежом для исторического развития Таврики в целом¹.

Правомерными ли являются выводы о разрушительных последствиях военной операции киевского князя, о глубоком кризисе в VII—VIII вв., какие аргументы приводят противники подобных взглядов, нам предстоит выяснить ниже. Однако прежде о дискуссии относительно византийского города VII в. и о том, подтверждают ли материалы раскопок Херсонесского городища точку зрения сторонников теории упадка и дезурбанизации Византии или мнение о сохранении городов в Восточной части бывшей Римской империи. Первоначальное обращение именно к данному историографическому сюжету объясняется значением археологических материалов из Херсонеса, которые, возможно, помогут найти весомые аргументы для завершения затянувшейся на многие годы дискуссии о судьбах византийских городов в период «темных веков».

Краткая справка о состоянии источников IV—IX вв. и представленных в них событиях

Большое значение для освещения событий, происходивших в Северном Причерноморье, особенно миграционных процессов, имеют археологические данные. Поступление их увеличилось в последней

¹ В соответствии с такой периодизацией А. Л. Якобсон излагал политические события (см.: Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсон: Очерки истории материальной культуры // МИА. 1959. № 63). В более ранней работе (Средневековый Херсонес, XII—XIV вв. // МИА. 1950. № 17), он остановил внимание на немногочисленных материалах XI в. Исследователь неоднократно использовал обозначение «позднесредневековый период», правда, при этом отмечал, что оно носит условный характер (Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 16).

четверти XX столетия, когда были предприняты широкомасштабные раскопки памятников Таврики: исследование могильников, оставленных представителями различных этносов, раскопки крепостей Алустон и Горзувиты, упоминаемых автором VI в. Прокопием из Кесарии. Возвращение к анализу археологических материалов из раскопок К. К. Косцюшки-Валюжинича и новые исследования, уточняя датировку таких фундаментальных общественных сооружений, как крепостные стены и храмы Херсона, привели к возобновлению существующих более столетия дискуссий об их хронологии. Но новых нарративных источников не появилось. Как авторы первых обобщающих очерков по истории раннесредневекового города, так и последующие поколения историков XX в. для восстановления событийной истории используют все те же немногочисленные свидетельства средневековых хронистов¹.

С середины III в. во время миграционных процессов, вошедших в историю как Великое переселение народов, в Таврике сменяли друг друга различные этносы: гунны, готы, позднее хазары и протобулгары, мадьяры и печенеги. На побережье Черного моря в течение непродолжительного времени существовало Тмутараканское княжество².

¹ Обзор источников в целом для Византии см.: Karayannopoulos J., Weiss G. *Quellenkunde zur Geschichte von Byzanz (324–1453)*. Wiesbaden, 1982. В наиболее позднем обзоре С. Б. Сорочана, посвященном раннесредневековому Херсону, приведены извлечения из источников (с комментариями), в которых упоминается данный центр, начиная с труда Иордана (см.: Сорочан С. Б. *Византийский Херсон*. С. 1233–1584).

² Исследования, посвященные Тмутараканскому княжеству, времени его образования и политического статуса, многочисленны, например, см.: Гадло А. В. *Тмутараканские этюды*. 1 // *Вестн. Ленингр. ун-та*. 1989. Вып. 1; Он же. *Византийские свидетельства о Зихской епархии как исторический источник по истории Северо-Восточного Причерноморья* // *Из истории Византии и византиноведения*. Л. 1991; Кабанец Е. П. *Восточные славяне и византийские христианские миссии в Таврике и Северном Причерноморье на рубеже IX–X вв.* // *Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси — Украины: Материалы конф., 16–22 сентября 2002 г.* Киев; Судак, 2002 (публ. доклада: ССб. 2004); Котляр Н. Ф. *Дипломатия Южной Руси*. СПб., 2003; Левченко М. В. *Очерки по истории русско-византийских отношений*. М., 1956; Литаврин Г. Г. *Неизвестное свидетельство о Боспоре Киммерийском во времена Алексея I*

Крым стал своеобразной контактной зоной варваров и греко-римско-византийской цивилизации. Среди ранее существовавших на побережье городов особое место по-прежнему занимал Херсон. В отличие от других центров, возникших во время великой греческой колонизации, он не пострадал от нашествия сменявших друг друга варваров, среди которых первыми вызвавшими ужас своим вторжением в пределы римского государства стали гунны. О появлении их писал последний римский историк Аммиан Марцеллин.

IV в. Аммиан Марцеллин родился в Антиохии (около 330 г.), одном из известнейших городов Сирии. В юности он служил в императорской лейб-гвардии при Константине II (337–361), позднее принимал участие в восточных походах императора Юлиана (332–363), за попытку вернуть язычество прозван Апостатом (Отступником). В 80-х гг. после длительных путешествий Аммиан Марцеллин поселился в Риме, где и создал состоявшийся из 31 книги труд «Res gestae», охватывающий историю Римской империи с 96 по 400 гг.

Некоторые события, происходившие в начале IV в. в Херсоне, отражены в агиографических сочинениях, изданных В. В. Латышевым¹,

Комнина // VII Всесоюз. конф. византистов: Тез. докл. Тбилиси, 1965; Он же. Русско-византийские отношения в XI–XII вв. // История Византии. М., 1967. Т. 2; Он же. Русь и Византия в XII в. // ВВ. 1972. № 7. Один из современных историографов отмечает, что за два века обращения к истории Тмутаракани было написано более 200 статей и около 10 монографий, однако вопросы существования и возникновения данного политического образования не стали более ясными (см.: Чхаидзе В. Н. Тмутаракань, 80–90-е гг. XI в.: Очерки историографии // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа (Армавир). 2006. Вып. 6. С. 139). К истории княжества нам придется обратиться в связи с устранением в 1066 г. князя Ростислава Владимировича херсонским катепаном и, как сообщается в летописях, избиением последнего камнями херсонитами (Радзивилловская летопись // ПСРЛ. 1989. Т. 38. С. 71). Имеются также свидетельства о торговых связях Херсона и Тмутаракани — находки монет (см.: Болдырев С. И., Чхаидзе В. Н. Динар Фатимидов с Таманского городища // 12-я Всерос. нумизматическая конф. М., 2004. С. 66).

¹ См.: Латышев В. В. Жития святых епископов Херсонских. Исследования и тексты // ЗАН. СПб., 1906. Сер. VIII: Ист.-филол. отд. Т. 8, № 3. С. 1–81.

и эпиграфических памятниках, в которых содержатся сведения и о более позднем времени, например, о ремонтах стен в надписи Юстина II (565—578); о стратилате и дуке Херсона, восстанавливавшим дворец на Боспоре (590)¹.

Одним из авторов VI в., постоянно цитируемым при обращении к истории Херсона, является политический деятель и дипломат Прокопий из Кесарии (родился ок. 500 г.). В 527 г. он стал секретарем и советником полководца Велизария, вместе с которым участвовал во многочисленных военных операциях². Его осведомленность о военных

Эти свидетельства являются чрезвычайно ценными по двум причинам: 1) как показал В. В. Латышев, они принадлежат местной агиографической школе, следовательно, позволяют судить об уровне культуры Херсона; 2) в текстах упоминаются топографические детали, которые могут быть соотнесены с археологическими реалиями для гипотетического определения названия храмов. В. В. Латышев полагал, что Жития были созданы в середине VII в.

И. Франко датировал их серединой V в. Его концепция отчасти поддержана молодыми крымскими исследователями, см.: Юрочкин В. Ю., Джанов А. В. Церковная история Херсонеса V в. // Церковная археология Южной Руси. Симферополь, 2002. С. 53—56. Правда, она вызвала существенные замечания. В свое время возражения против отнесения Житий к V в. высказывали и современники И. Франко (см.: Шестаков С. П. Очерки по истории Херсона в VI—X вв. по Р. Х.» // ПХХ. 1908. Вып. 3. С. 20—23; Спиридонов Д. С. Д-р И. Франко. Святый Климент у Корсуни: Критико-библиографическая заметка // ИТУАК. 1914. Вып. 51. С. 269). Последнее обращение к выявлению времени создания Житий принадлежит С. Б. Сорочану, который полагает, что они являются памятником третьей четверти VI в. (см.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 98).

¹ См.: Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896. С. 105—109; Он же. Эпиграфические новости из Южной России // ИАК. 1906. Вып. 18. С. 122—123 и другие его публикации.

² Великолепный очерк, посвященный творчеству и личности Прокопия, сопровождает издание его сочинений, переведенных А. А. Чекаловой, см.: Чекалова А. А. Прокопий Кесарийский: Личность и творчество // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. А. А. Чекаловой. СПб., 1998. С. 344—373. О Прокопии также см.: Удальцова З. В. Мировоззрение Прокопия Кесарийского // ВВ. 1971. Т. 31. С. 8—22.

делах отразилась в обширном труде «История войн Юстиниана». Для Херсона первостепенное значение имеет написанный в 567 г. «Трактат о постройках», в котором среди других великих деяний императора назван предпринятый Юстинианом I (527–565) кардинальный ремонт оборонительных стен в Херсоне и на Боспоре¹.

В 551 г. римский историк, происходивший из среды готов, Иордан (ок. 485 — после 550 г.) завершил труд «Гетика», или «О происхождении и деянии гетов». Для истории Таврики интерес представляет картина расселения варваров и сообщение о торговле Херсонеса с пришельцами².

Краткие упоминания о военных событиях, происходивших в Таврике, и византийской дипломатии сохранились в сочинении Менандра Протиктора³, в котором имеется свидетельство о византийском посольстве к тюркам, о захвате ими Боспора в 576 г. и о том, что спустя некоторое время «они разбили стан» у стен Херсона⁴. К 575 г. относится новелла об освобождении жителей «Херсоннииса», наряду с Боспором и Лазикой, от морской повинности поставки судов⁵.

Время, обозначаемое для истории Византии как период «темных веков», из-за малочисленности источников, как ни парадоксально, для Херсона было насыщено примечательными событиями, о которых

¹ См.: Прокопай. О постройках, III. 7, 10.

² См.: Иордан. Гетика, 37 / Пер. Е. Ч. Скржинской. М., 1997.

³ Почетный императорский телохранитель (протиктор) Менандр освещает события, происходившие между 558–582 гг. Сочинение полностью не сохранилось. Публикации см.: Menander Protektor. Fragmenta // HGM. Lipsiae, 1871. Т. 2. Р. 125, 26–50; Менандра Византийца Продолжение истории Агафиевой (1–77) / Пер. С. Дестуниса // Византийские историки Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец / Пер. с греч. С. П. Дестуниса, прим. Г. Дестуниса. СПб., 1860.

⁴ А. И. Айбабин полагает что это произошло осенью 580 или в 581 г. (см.: Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 141). Публикуя извлечения из источников, С. Б. Сорочан пишет, что скорее всего данное событие следует относить к летней кампании 581 г. (см.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 1255. Прим. 102).

⁵ См.: CIC. Nov. CLXIII, cap. II / Rec. R. Shoell. Opus Shoellii morte interseptum absoluit G. Kroll. Berolini, 1895. Vol. 3. P. 751.

имеются свидетельства в трудах хронистов и письмах папы римского Мартина I.

В середине VII в. Херсон стал местом ссылки папы Мартина. Содержание двух его писем из Херсона (летние месяцы 655 г.), как правило, используется для характеристики положения города, нравов херсонитов¹. В конце столетия (695 г.) здесь оказался свергнутый с престола император Юстиниан II, после возвращения трона (705–711 гг.) отправивший сюда знатного армянина Вардана, который был провозглашен херсонитами императором (Вардан-Филиппик, 711–713). О драматичных событиях этого времени, о карательных экспедициях против Херсона оставили свидетельства хронисты позднего времени. Более подробно описал их Феофан Исповедник (около 752–818) в «Хронографии» и патриарх Никифор в «Бревиарии»² (ок. 759–828 гг., патриарх в 806–815 гг.). Оба автора при освещении событий пользовались, скорее всего, одним источником.

Для характеристики статуса кафедры Херсона и других крымских епархий VII в., как и более позднего времени, ценным источником являются акты вселенских и поместных соборов, на которых присутствовали херсонские иерархи, о чем свидетельствуют их подписи. В число таковых относятся Пято-Шестой (692) и Седьмой Никейский (787) соборы³. Для выявления ранга Херсонской церкви, реконструкции церковной географии Таврики⁴ данные содержатся в ведомостях

¹ См.: Martini, papa. Epistola XVI, XVII // PL. 1863. T. 87. Col. 201D–202D; Col. 203B–204C.

² См.: Феофан. Хронография / Пер. И. С. Чичурова // Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. М., 1980. С. 63; Никифор. Бревиарий / Пер. И. С. Чичурова // Там же. С. 163 (более раннее издание: Феофан. Хронография // Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта / Пер. В. Оболенского, Ф. Терновского; предисл. О. Бодянского. М., 1884).

³ См.: Mansi J. Sacrorum consiliorum nova et amplissima Collectio. Graz, 1960. T. 12. P. 992; Ohme H. Das Consilium Quinisextum und seine Dischefslisten. Studien zum Konstantinopeler Konzil von 692. Berlin; New York, 1990. S. 151.

⁴ См.: Бертъе-Делагард А. Л. Исследования некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. III. Справки о Фуллах // ЗООИД. 1915.

Константинопольского патриархата (*Notitiae episcopatum*), которые неоднократно использовались историками Таврики¹.

В VIII в. Херсон и его окрестности упоминаются как место ссылки в период противостояния иконоборцев и иконопочитателей. К этому времени относится Житие Стефана Нового (около 754 г.)²; о сосланных в 776 г. заговорщиках против императора Льва IV (775–780) писал Феофан³.

В начале IX в. Херсон посетил монах-иконпочитатель Епифаний, совершавший паломничество по местам, связанным с миссией апостола Андрея в северные земли. Он оставил нелицеприятную характеристику горожан, подверженных «любому ветру», не склонных к истинной вере⁴. О пребывании в Таврике и Херсоне монахов-иконпочитателей писал идеолог иконопочитания Феодор Студит⁵.

Немногочисленные, но чрезвычайно важные сведения о событиях, имевших место в регионе в IX в., сохранились в агиографии⁶. Это

Т. 32. С. 229–256; Он же. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде: 1. Поселения южного побережья. 2. Православные и униатские епархии, их пределы. 3. Справки о Фуллах // ИТУАК. 1920. № 57. С. 1–135; Науменко В. Е. К вопросу о церковно-административном устройстве Таврики в VIII–IX вв. (по данным *Notitiae episcopatum*) // АДСВ. 2003. Вып. 35. С. 123–145.

¹ См.: Богданова Н. М. Акты Константинопольского патриархата XIV в. как источник по истории Херсона // Проблемы социальной истории и культуры средних веков. Л., 1986. С. 87–97; Она же. Херсон X–XV вв. по данным *Notitiae episcopatum* // Количественные методы в изучении истории стран Востока. М., 1986. С. 154–166; Науменко В. Е. Церковная география Таврики по данным *Notitiae episcopatum* // КА. 1999. № 5. С. 12–18.

² См.: Житие Стефана Нового // PG. 1860. Т. 110. Col. 181C–D; Рус. пер.: Васильевский В. Г. Труды. Пг., 1912. Т. 2, вып. 2. С. 326; *Vita Sordilium Stethani* // PG. 1864. Т. 117.

³ См.: Феофан. Хронография / Пер. И. С. Чичурова. С. 69.

⁴ См.: Васильевский В. Г. Труды. Пг., 1909. Т. 2, вып. 1. С. 268.

⁵ См.: *Theodori Studitae. Letter 48, 99* // CFHB. Berolini, 1991. Vol. 31/2 (рус. пер.: Творения Феодора Студита. СПб., 1908. С. 296, 454).

⁶ См.: Житие Иосифа Гимнографа // Зап. ист.-филол. фак. С.-Петербург. ун-та. 1901. С. 10–11.

упоминание осады города хазарами (около 820 г.) в одном из Житий¹; описание миссии в Таврику просветителя славян Кирилла. О варварском окружении города во время пребывания его в Херсоне сообщает со слов смиренного епископа Митрофана глава архива понтификата Адриана II (867—872) библиотекарь Анастасий². К числу источников, которые по степени объективности содержания должны быть поставлены на первое место, относится «Тактикон» (842—843), изданный Ф. И. Успенским³.

Данные о чиновной иерархии и значении фемы Херсон содержатся в Клеторологии Филофея (899)⁴ и «Тактиконе Бенешевича» (между 934—944 гг.), «Тактиконе Икономидиса (или Эскуриальский тактикон, 971—975 гг., или 979 г.)⁵.

В середине X в. при дворе Константина VII (908—959) появилось сочинение анонимных авторов «Жизнеописания византийских царей», являющееся продолжением «Хронографии» Феофана. «Продолжатели» рассказывают о беспокойной обстановке в городе, приведшей к

¹ См.: Житие Иоанна Психаита // Лопарев Х. М. Греческие жития святых VIII—IX вв. Пг., 1914. С. 236.

² Vita cum translatione St. Clementis // Лавров П. Жития херсонесских святых... С. 130, 144—145 (также см.: ЗАН. 1893. Т. 22. Прил. 3. С. 6—7); славянский вариант: Слово о перенесении мощей св. Климента // Там же. С. 130; Франко I. Святый Климент у Корсуни // Записки наукового товариства ім. Шевченка. Львов, 1904. Т. 6 (56), кн. 3. Миссии солунских братьев посвящено значительное количество работ историков славянских стран.

³ См.: Успенский Ф. И. Византийская табель о рангах (Тактикон 843 г.) // ИРАИК (София). 1898. Т. 3. С. 98—137; Winkelmann F. Byzantinische Rang- und Amterstruktur im 8. und 9. Jahrhundert. B., 1985. S. 23—25.

⁴ См.: Philotheou kletorologion // Bury J. The Imperial Administrative System in the Ninth Century. With a Revised Text of the Kletorologion of Philotheos. L., 1911. P. 131—179.

⁵ См.: Benescevič V. Die byzantinischen Ranglisten nach dem Kletorologien Philothei und nach den Jerusalem Handschriften zusammengestellt und revidiert // Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher. 1926—1927. Bd. 5. S. 97—167; Oikonomides N. Les listes de prestance Byzantines des IXe — et Xe siècles. Introduction, texte, traduction et commentaire. P., 1972. P. 41—63.

убийству стратига Симеона, вероятно, в 896 г. На это сообщение следует обратить особое внимание. В описании деяний Льва VI оно стоит сразу же после такого весьма значимого для империи события, как разгром византийской армии болгарами («Ромеи потерпели жестокое поражение, все погибли. ... В это время жители Херсона убили своего стратига Симеона, сына Ионы»)¹. В связи со словами хрониста возникают два соображения: в Византии настолько ценили своих военных чиновников, что смерть одного из них ставилась на одну ступень с крупнейшими поражениями армии (маловероятно); скорее — это особое внимание к весьма значимому для империи пограничному городу.

Заказчиком «Жизнеописаний византийских царей», как полагают историки Византии, являлся император Константин VII Багрянородный, который и сам не был лишен литературного таланта. Итогом его ученой и собирательской деятельности стал ряд трудов: «О фемах», «О церемониях», «Об управлении империей». Фундаментальный трактат, в котором содержатся географические и этнографические excursus, «Об управлении империей»² был создан как наказ 14-летнему сыну Роману (Роман II, 959—963). Среди рекомендаций по управлению государством император-историк описывает, как должно поступить в случае восстания херсонитов и, обращаясь к истории города, рассказывает об образовании здесь феи в период правления Феофила (829—842). Следует отметить, что столь подробного описания не заслужил никакой другой город.

Херсон и его рыбные ловы упоминаются в русско-византийских договорах (944 и 971 гг.). Возможно, отчасти в них отражена более ранняя традиция.

Безусловно, кроме перечисленных источников, существуют и другие материалы, позволяющие представить развитие Херсона в византийское время, в частности, строительные надписи, опубликованные

¹ См.: Theophanis Continuatus. Chronographia, VI, 10 / Ex. red. I. Bekkeriy // CSHB. Воннае, 1838. Р. 360, 15—17. Русский перевод: Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей / Пер. Я. Н. Любарского. М., 1992. С. 150.

² См.: Константин Багрянородный. Об управлении империей / Текст, пер., коммент. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1989.

В. В. Латышевым. Правда, в отличие от античного периода, они немногочисленны¹. Далее, нельзя не упомянуть официальных документов, касающихся взаимоотношений центральной власти и провинциальных городов, полицейские правила и указы, регулирующие застройку и правила пожарной безопасности и т. д. Однако, за небольшим исключением, Херсон в них не упоминается².

Не «называют» событий, но упоминают некоторых действующих лиц молливдовулы, коллекция которых начала стремительно пополняться после выявления в конце XX столетия, возможно, двух городских архивов — Судака и Херсона³.

¹ См.: Латышев В. В. Этюды по византийской эпиграфике. 2. Вопрос о времени надписи Евпатерия // ВВ. 1894. Т. 1, вып. 3–4. С. 657–672; Он же. Древности Южной России. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1892–1894 гг. СПб., 1895; Он же. О поддельных греческих надписях из Южной России // ЗООИД. 1895. Т. 18. С. 1–18; Он же. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896; Он же. Заметки к христианским надписям из Крыма. (По сообщениям А. Л. Бертье-Делагарда) // ЗООИД. 1897. Т. 20. С. 149–162; Он же. Заметки к христианским надписям из Крыма // ЗООИД. 1897. Т. 20. С. 149–162; Он же. Заметки к христианским надписям из Крыма. 2 и 3 (продолжение статьи 20-го тома) // ЗООИД. 1898. Т. 21. С. 225–254 (о надписи Евпатерия) и другие публикации выдающегося российского эпиграфиста. К анализу некоторых из них обратился в XX в. московский исследователь С. А. Беляев, который отметил факты частных пожертвований на строительство храмов (см.: Беляев С. А. Из истории социальной жизни Херсонеса второй половины IV–VI вв. // ПС. 1987. Вып. 29 (92). С. 76–84).

² Сведения об источниках приведены: Moravčík Gy. Byzantinoturcica. В., 1958. Bd. 1–2.

³ См.: Соколова И. В. Администрация Херсона в IX–XI вв. по данным сфрагистики // АДСВ. 1973. Вып. 10. С. 207–214; Она же. Печати архонтов Херсона // ЗРВИ. 1978. Кн. 1. С. 81–97; Она же. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983; Она же. Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсона // ВВ. 1991. Т. 52. С. 201–213; Она же. Византийские печати из Херсона // АДСВ. Вып. 26: Византия и средневековый Крым. 1992. С. 191–203. Об обнаружении «архива херсонитов» и его значении речь пойдет ниже, предварительно отметим только некоторые статьи: Алексеев Н. А. Новые

Большое значение имеют и публикации монет¹.

Безусловно, кроме названных выше сочинений для анализа особенностей развития Херсона представляют интерес свидетельства и других авторов, писавших о раннесредневековом периоде в более позднее время. Представления о их творчестве позволяют получить многочисленные работы, посвященные непосредственно истории и культуре Византии².

Событийная хроника, восстанавливаемая на основании нарративных источников, имеет существенные лакуны; как для данного времени,

находки печатей представителей городского управления Херсона // МАИЭТ. Симферополь, 1996. Вып. 5. С. 155—170; Он же. Уникальная находка группы византийских печатей из Херсона // XIX International Congress of Byzantine Studies. Copenhagen, 1996. P. 284. О «судакском архиве» см.: Степанова Е. В. О связях Херсона и Сугдеи по данным сфрагистических архивов // Херсонес Таврический. У истоков мировых цивилизаций: Материалы конф. Севастополь, 2001. С. 24; Она же. Новые находки из судакского архива печатей // Сугдея, Сурож, Солдаёя в истории и культуре Руси — Украины: Материалы конф., 16—22 сентября 2002 г. Киев; Судак, 2002. С. 231—233.

¹ Представление о методике использования нумизматических источников позволяет получить своеобразная дискуссия между А. П. Кажданом и И. В. Соколовой, отраженная в статьях: Соколова И. В. Клады византийских монет как источник для истории Византии VIII—XI вв. // ВВ. 1959. Т. 15. С. 50—63 (также см. более поздний доклад: Соколова И. В. Находки византийских монет в Крыму // Тез. докл. VII Всесоюз. конф. византистов. Тбилиси, 1965. С. 94—96); Каждан А. П. Византийские города в VII—XI вв. // СА. 1954. Т. 21. С. 164—188. Некоторые наблюдения повторены, см.: Каждан А. П. Деревня и город в Византии, IX—X вв. М., 1960.

² Не перечисляя всех изданий, упомянем лишь некоторые, опубликованные на русском языке: Курбатов Г. Л. История Византии. Л., 1975; Он же. История Византии: От античности к феодализму. М., 1984; Он же. Ранневизантийские портреты: К истории общественно-политической мысли. Л., 1991; Удальцова З. В. Идеино-политическая борьба...; Она же. Византийская культура. М., 1988. Обзору работ, появившихся до 1967 г., посвящена монография: Удальцова З. В. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969. Для характеристики литературно-исторического творчества ранневизантийского периода, как и более позднего времени, интерес представляет работа: Бибииков М. В. Историческая литература Византии. СПб., 1998.

так и более позднего информация о внутригородской жизни чрезвычайно ограничена. Отчасти восполняют ее археологические свидетельства, что вызывает интерес к раскопкам в Херсонесе не только специалистов, занимающихся непосредственно его историей¹.

Малочисленность и отрывочность данных — одна из причин дискуссий, истоки которых восходят к концу XIX — началу XX в. Мнения и выводы историков, пережив стадию рождения гипотезы, обретая доказательства по мере накопления новых материалов, в последующем оказались подтвержденными или же были кардинально пересмотрены. К числу проблем, для которых вполне применим диалектический закон перехода количества в качество, принадлежит ответ на вопрос о том, что представлял собой Херсон в «темные века» византийской истории: в середине VII — середине IX в.

Обращение к трудам византинистов середины — второй половины XX столетия показывает, что одни и те же факты, отраженные в письменных источниках, как и археологические свидетельства, используются для доказательства противоположных мнений. В дискуссии относительно специфики урбанистического развития Византии в целом со времени постановки вопроса о византийском городе середины VII — середины IX в. данные источников интерпретируются в зависимости от концепции исследователя, поэтому ниже будет сделан акцент на новых

¹ В урбанистических штудиях Византии, как правило, Херсон упоминается. В качестве примера только несколько работ: Липшиц Е. Э. Очерки истории византийского общества и культуры VIII — первой половины IX в. М.; Л., 1961; Удальнова З. В., Осипова К. А. Типологические особенности феодализма в Византии // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1974. Вып. 1. С. 4—28; Они же. Крестьянство и город ранневизантийского средневековья // История крестьянства в Европе. М., 1985. Т. 1. С. 505—507; Сюзюмов М. Я. Византийский город (середина VII — середина IX в.) // ВВ. 1967. Т. 27. С. 38—70 (также см.: Византийские этюды. Екатеринбург, 2002. С. 91—130). М. Я. Сюзюмов придавал большое значение археологическим исследованиям Херсонесского городища; об этом см.: Поляковская М. А. Михаил Яковлевич Сюзюмов: Ученый и время // Византийские этюды. Екатеринбург, 2002. С. 5—24; Она же. Херсонес в письмах М. Я. Сюзюмова // Византия, византийцы, византинисты. Екатеринбург, 2003. С. 320—323.

аргументах в защиту тезиса о непрерывном существовании одного из провинциальных центров империи — Херсона.

Эта проблема отражает и научные пристрастия автора. Правда, один из оппонентов высказал упрек, что вопросы истории раннесредневекового Херсона не освещены мною систематически. Но это объясняется двумя причинами:

1. Прежде чем сравнивать материалы раскопок других византийских центров с херсонесскими, следовало увидеть эти города (а не судить об археологической ситуации в них по публикациям), а сие совершить в те годы, на которые приходится первое обращение к материалам из Херсонеса VII в., было фактически невозможно.

2. Вероятно, для каждого исследователя существует понятие временной «исчерпанности темы». Проблема поставлена, аргументы в ее защиту приведены, а далее начинается повтор того, что уже было сказано, правда, дополняемый некоторыми рассуждениями, новыми гипотезами и фантазийными логическими построениями.

И наконец, прежде чем возвратиться к ранним страницам истории Херсона, следовало «произвести раскопки» в фондах заповедника, результатом чего стало создание ряда публикаций непосредственно находок.

Завершая раздел, отметим, что к числу наиболее дискуссионных принадлежат следующие аспекты крымской истории в целом и непосредственно Херсона:

1. Статус Херсона, или вопрос о самоуправлении.

2. Истоки христианства в Херсонесе.

3. Характер взаимоотношений херсонитов и мира варваров, или вопрос о кондоминатной зоне.

4. Херсон и его памятники ранне- и средневизантийского периодов, особенно времени «темных веков». Другими словами — значение раскопок Херсонесского городища для понимания особенностей развития византийского города и оценка состояния археологических исследований других городских центров империи.

Дискуссия о византийском городе VII в.

В 1980 г. на XVI Международном византиноведческом конгрессе в Вене греческий археолог и архитектор Хр. Бурас сделал обобщающий

доклад, посвященный степени изученности византийских городов. Он констатировал, что для изучения эволюции материальной культуры византийского провинциального города, развития его светской архитектуры и градостроительной структуры имеющиеся материалы чрезвычайно ограничены, особенно для ранневизантийского периода, относительно которого вопрос о том, были ли непрерывно заселены города, уже тридцать лет разделяет историков на два лагеря. В некоторых случаях, подчеркнул исследователь, имеются свидетельства длительного запустения, функциональных изменений характера градостроительства для VII—IX вв., в других же — доказательства их культурной преемственности¹.

Первым всесторонним обсуждением особенностей развития византийского города в период «темных веков» стали доклады на XI конгрессе византинистов в 1958 г. К этому времени относится начало широкой дискуссии историков о процессах урбанизации в Византии. Состояние источниковой базы не позволяло прийти к однозначному выводу. Так возникли две концепции о наличии глубокого упадка и аграризации города, трансформации некоторых из них в VII—IX вв. в крепости² и тезис о сохранении городов в переходный от античности к Средневековью период³. Различия мнений характерны и для советских историков. Е. Э. Липшиц полагала, что специфической особенностью Византии являлось сохранение в VIII—IX вв. значительных остатков рабовладельческих отношений, городов и ремесленного производства⁴. Об аграризации византийского города и натурализации его экономики

¹ См.: Bouras Ch. City and Village: Urban Design and Architecture // JÖB. 1981. Т. 31/2. P. 617.

² См.: Kirsten E. Die byzantinische Stadt // Berichte zum XI. Intern. Byzantinisten Kongreß. München, 1958. Bd. 5. S. 1—48.

³ См.: Dölger F. Die frühbyzantinische und byzantinisch beeinflusste Stadt, 5.—8. Jahrhundert // Parasporea. Ettal. 1962. S. 107—139; Ostrogorsky G. Byzantine Cities in Early Middle Ages // DOP. 1959. Т. 13. P. 45—65. Г. Острогорский привлек наиболее характерные археологические памятники для доказательства отсутствия перерыва в развитии городов в Византии.

⁴ См.: Липшиц Е. Э. Очерки истории византийского общества и культуры VIII — первой половины IX в. М.; Л., 1961. С. 421.

писал в те годы А. П. Каждан¹. Выявлению сущности изменений, происходивших в византийских городах в период «темных веков», посвятил несколько работ М. Я. Сюзюмов². В одной из фундаментальных статей создатель уральской школы византистики обратил внимание на то, что нумизматические находки и раскопки в Херсонесе свидетельствуют о кризисном развитии византийского провинциального города, но не об его исчезновении: Византия была «страной городов» в сравнении с Западной Европой. Несколько позднее французская исследовательница Э. Патлажан иначе оценила археологические материалы, считая, что они являются отражением массовой «смерти» городов³.

Нашей задачей не является изложение выводов многочисленных урбанистических штудий византинистов второй половины XX в., посвященных византийскому городу, но еще две работы заслуживают внимания, поскольку они относятся или непосредственно к Херсонесу, или объясняют причины дискуссии.

Комплексный анализ памятников материальной культуры значительного ареала (Балканский полуостров, Западная и Восточная Европа) позволил археологу В. В. Седову выделить две зоны — северную и южную⁴,

¹ См.: Каждан А. П. Византийские города в VII—XI вв. // СА. 1954. Т. 21. С. 164—188; также см.: Деревня и город в Византии, IX—X вв. М., 1960. Одним из основных аргументов являлась малочисленность монет для периода «темных веков».

² См.: Сюзюмов М. Я. Роль городов-эмпориев в истории Византии // ВВ. 1956. Т. 8. С. 26—41; Он же. О функциях раннесредневекового города // АДСВ. 1977. Вып. 14. С. 34—51 (повторная публикация: Византийские этюды. С. 131—148).

³ См.: Patlagean E. *Pauvreté économique et pauvreté sociale à Byzance*, 4—8 s. P., 1977. P. 431. Иное представление выражено в обобщающем исследовании «Истории Европы»: «Ранняя Византия, в отличие от стран Западной Европы, изобиловала крупными городскими центрами с многочисленным населением» (см.: Гутнова Е. В., Удальцова З. В. Генезис феодализма в Европе // История Европы: Средневековый период. М., 1992. Т. 2. С. 24).

⁴ Для исторических штудий еще до появления работы В. В. Седова были отмечены типологические различия генезиса феодализма, и в качестве критериев выделялось также наличие или отсутствие в развитии общества

в которых становление города имело особенности¹. В южной зоне, включающей территорию бывшей Римской империи (Апеннинский полуостров и Балканы), раннесредневековый город, согласно его мнению, восходит к позднеантичному, несмотря на разрушения городов в эпоху Великого переселения народов (зона превалирующего влияния позднеантичных начал, согласно типологии византинистов). В южной зоне не произошло «угасания античного города». Претерпевая изменения в переходный период, он эволюционизировал без существенных перерывов в развитии ремесла, строительного дела, торговли и церковных институтов, фортификационных и сакральных сооружений. Наблюдения и выводы В. В. Седова, несмотря на то, что они повторяют в некоторых случаях то, о чем говорил М. Я. Сюзюмов в статье о византийском городе еще в 1967 г., значимы для рассматриваемого вопроса, поскольку его можно считать до некоторой степени экспертом, исследователем, который не зависел ни от одной из концепций византинистов, а на основании обращения только к археологической ситуации подтвердил тезис о сохранении городских поселений в значительном географическом ареале.

Другая статья, посвященная историографии вопроса, принадлежит английскому историку Д. Смедли². Прежде всего он подчеркнул богатейшие возможности археологического изучения Херсонеса в сравнении с другими центрами Византии, несмотря на то, что памятники здесь по-

позднеантичных и варварских начал, интенсивность и характер их взаимодействия. Выводы, изложенные в ряде работ З. В. Удальцовой (Проблема типологии феодализма в Византии // Проблемы социально-экономических формаций: Историко-типологические исследования. М., 1975. С. 124–157), А. Я. Гуревича (Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970), А. Д. Люблинской (Типология раннего феодализма в Западной Европе и проблема Романо-германского синтеза // СВ. 1968. Т. 31. С. 9–44) и других российских историков советского времени, отражены в «История Европы» (см.: Гутнова Е. В., Удальцова З. В. Генезис феодализма... С. 16–33).

¹ См.: Седов В. В. Становление европейского раннесредневекового города // Становление европейского средневекового города. М., 1989. С. 6–55.

² См.: Smedley J. Archaeology and the history of Cherson: A survey of some results and problems // А П. 1979. Т. 35. Р. 173.

страдали в ходе Крымской и Второй мировой войн, а также в середине XIX в. во время строительства монастыря. Недостатком раскопок до 1950 г., по его мнению, являлось отсутствие «дробной» стратиграфии. При изучении раскапываемого материала до середины века в северном районе выделялись следующие слои: V—VI вв., IX—X вв., XII—XIII вв. Анализируя публикации российских коллег, он подчеркивает, что с 1958 г. меняется направление исследований. Предприняты раскопки северо-западной части городской территории, портового района. Во второй половине XX в. археологическое изучение Херсона развивается по трем направлениям: реконструкция истории собственно Херсона, его изучение как модели развития византийского города, место данного центра в системе торговых связей в Черном море. Однако по-прежнему наиболее дискуссионным остается период «темных веков». Вместе с тем Д. Смидли считает возможным говорить о том, что в конце VI в., может быть даже ранее, начался упадок, который был характерен для VII—IX вв. С середины IX в. начинается новый подъем экономики, отражением его явилось новое строительство и ремонт оборонительных стен, перестройка базилик; подтверждают новый этап керамические находки и монеты местной чеканки. Но «схема подъемов и падений» города требует уточнений. Уточнение датировки археологических данных позволит это сделать. Например, он заметил, что некоторые керамические изделия, датируемые IV—VI вв., продолжают существовать и в VII в., не исчезла традиция строительства рыбозасолочных цистерн в VI в., как это считалось ранее на основании материалов северного района. Историограф высоко оценил работы И. А. Антоновой, которая проследила наличие ремонтов и перестроек в крепостной ограде для VII—VIII вв. О том, что Херсон не опустел и не «обезлюдел» в «темные века», свидетельствует и то, что стены зданий IX—X вв. следуют более ранней линии границ кварталов. Но кризис, вернее некоторый упадок, корректирует собственное мнение Д. Смидли, все же имел место. В заключение статьи, ознакомившей западноевропейского читателя с исследованиями в Херсонесе, он заметил: кто прав в дискуссии между А. Л. Якобсоном (тезис «обезлюдения») и А. И. Романчук, выступающей с противоположных позиций, смогут показать только дальнейшие раскопки.

Истоки тезиса об уменьшении значения Херсона в VII в. (в сравнении с предшествующим временем) восходят к работе С. П. Шестакова,

полагавшего, что главным образом это было обусловлено внешнеполитической ситуацией. Наиболее последовательно придерживался точки зрения о кризисном развитии Херсона в середине VII в. — середине IX в. А. Л. Якобсон. В соответствии с существовавшим в те годы в советской историографии тезисом о переходе от одной формации к другой он писал, что Херсон «разделил судьбу многих византийских городов, пришедших в упадок в результате крушения рабовладельческого строя»¹.

Период с середины VII в. до середины IX в. являлся очень сложным для Византии: кроме многочисленных военных действий, создания нового — феменого — строя, на это время приходится иконоборческие споры. Все это не могло не сказаться на состоянии источников.

Но можно ли на основании имеющихся археологических свидетельств говорить о «смерти городов»?

Насколько репрезентативны они для периода «темных веков»?

Является ли правомерным вывод, что «все большее количество накапливаемого материала, преимущественно археологического, побуждает ... признать высокую степень фактического упадка городов Византии VII—IX вв.»?²

Чтобы ответить на эти вопросы, попытаемся представить археологическую ситуацию для наиболее исследованных районов исторической территории Византии по состоянию раскопок лет, когда звучали такие выводы.

Оценка археологической ситуации для византийских городов

Состояние археологического материала, который может быть использован для характеристики провинциального города азиатской территории Византии, представлен в обзорной статье американского

¹ См.: Якобсон А. Л. Средневековый Крым. С. 22. Сказанное в данной монографии повторяет некоторые выводы более ранних работ (Раннесредневековый Херсонес; О некоторых спорных вопросах истории раннесредневекового Херсонеса: По поводу статьи Д. Л. Талиса «Вопросы периодизации истории Херсона в эпоху раннего средневековья» // ВВ. 1964. Т. 24. С. 226—229).

² См.: Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е. Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму // Становление и развитие раннеклассовых обществ. Л., 1986. С. 105.

византиниста К. Фосса. Она посвящена анализу археологических и письменных источников о двенадцати городах, которые упоминаются в трактате Константина Багрянородного «О фемах»¹. Для того чтобы убедиться, что интенсивные раскопки Малоазийского побережья не могли привести к массовому поступлению археологических источников, на основании которых можно было бы составить представление о городской топографии, остановимся на оценке археологической ситуации для каждого из упоминаемых К. Фоссом центров. При этом отметим, что прогресс в изучении поселений не может быть достигнут без всестороннего изучения стратиграфии и всех находок, а подобные исследования до 80-х гг. XX в. были проведены лишь в немногих случаях. Так, в уже упоминавшемся выше докладе Хр. Бурас говорил, что, кроме Северной Сирии и Херсонеса, в других местах исследователи далеки от методического подхода к изучению поселений. Малочисленность письменных источников, а для некоторых небольших городов их полное отсутствие, увеличивает значимость археологических материалов, но как раз такие центры практически не изучены археологически. Это относится как к тем городам, для которых историками признается непрерывное развитие, так и к тем, которые, согласно существующим представлениям, пережили глубокий упадок².

Итак, какие же археологические свидетельства имеются для малоазийских центров и насколько они репрезентативны?

В *Милете* раскопки и зондажи концентрировались в центральной части его территории, особенно детальному изучению подвергнут участок театра; частично открыта оборонительная стена, построенная в период «темных веков», выявлены следы строительных работ, которые привели к вычленению в ядре города цитадели (VII в.). Были обнаружены также остатки домов и храмов этого времени. На основании имеющихся материалов К. Фосс сделал вывод, что центральная часть античного города, занимающая четвертую часть его площади, в VII в.

¹ См.: Foss C. Archeology and the «Twenty Cities» of Byzantine Asia // AJA. 1977. Vol. 81. P. 469–486.

² См.: Brandes W. Die Städte Kleinasien im 7. und 8. Jahrhundert. B., 1989. S. 120–130; Foss C. Archeology and the «Twenty Cities». P. 485.

была огорожена оборонительной стеной, разрушенной в X в. В целом средневековые памятники Милета изучены слабо, исчерпывающие публикации отсутствуют.

Приена, расположенная неподалеку от Милета, утратила свое значение в позднеантичный период, размеры города уже в это время сократились наполовину. В период арабских вторжений возникло новое укрепление на акрополе. С конца X в. началось заселение нижнего города.

В *Пергаме* возможности археологических исследований существуют только на территории акрополя. В равнинной части, занятой современными постройками, раскопки не производились, за исключением небольшого участка, где был расположен храм Сераписа. Здесь открыта базилика.

Смирна — современный город занимает то же место, что и ранний. Возможность произведения широкомасштабных раскопок отсутствует. Исследован только небольшой участок древней агоры. Строительная надпись 629—641 гг. свидетельствует о функционировании города в период правления императора Ираклия.

В *Магнезии*, *Тралле*, *Нисе*, называемых в трактате Константина Багрянородного, раскопки, как отметил К. Фосс, не были ни обширными, ни тщательными; поздним периодам уделялось поверхностное внимание. То же в *Колоссах* — изучена только церковь св. Филиппа, в целом раскопки не производились.

В *Иерополисе* светские сооружения не раскопаны, время возведения оборонительной стены определено условно.

Ряд мелких городов Малоазийского региона вследствие неизученности ничего не могут дать для обсуждаемой темы, констатирует американский исследователь.

Археологические свидетельства, перечисленные выше вслед за К. Фоссом, в сущности, ничего не добавляют к скудным данным литературных источников как периода «темных веков», так и более позднего времени. Отсутствие систематических раскопок не позволило выявить даже наиболее выразительные и насыщенные массовыми находками слои разрушения. А они должны были отложиться в стратиграфии, если учитывать чрезвычайно сложную и напряженную внешнеполитическую ситуацию в регионе, особенно в прибрежной зоне, которая являлась

ареной военных столкновений между Византией и Персией в 602—628 гг., затем — объектом опустошительных набегов арабов.

Обратимся к анализу данных раскопок относительно двух наиболее крупных и лучше других археологически исследованных городов: Сард и Эфеса.

В *Сардах* детально исследована территория цитадели и район, где в позднеантичный период располагался гимнасий. Во время раскопок здесь собрано значительное число монет первой половины VII в. Но значение и объем археологической информации для реконструкции развития города показывает соотношение раскопанной территории и площади, которую занимал город в позднеантичный период. В монографии, посвященной Сардам, К. Фосс отметил, что из 270 секторов размерами 100 x 100 м полностью исследованы два, где была выявлена оборонительная стена византийского времени. Возможно, заметил исследователь, памятники, характеризующие Сарды VIII в., находятся в еще не раскопанных районах. В предисловии к книге сказано, что только через 13 лет раскопок (систематические раскопки начаты в 1958 г.) в экспедиции появился археолог-медиевист¹.

Наиболее исследованным археологически является *Эфес*, изучение которого начато в 1895 г. К числу характерных памятников VII—VIII вв. К. Фосс отнес оборонительную стену, линия которой свидетельствует о сокращении размеров города и делении его на две укрепленные части. К сожалению, размеры их не указаны. Но на основании приведенного в работе плана можно судить, что поселение в равнинной, наиболее низкой части занимало около 560 000 кв. м². Внутри этой территории открыта церковь св. Марии и купольная базилика, возведенная в начале VIII в. Интенсивность жилой застройки на плане не отмечена. Правда, для

¹ См.: Foss C. *Byzantine and Turkish Sardis*. Cambridge (Mass.); London, 1976. P. V—VII, 57—61. Такому замечанию вполне соответствуют слова Г. М. А. Хауфманна о том, что имеется множество указаний на строительство после 616 г. (Haufmann G. V. A. *Excavations and Restovration at Sardis* // TAB. 1974. T. 21, nr. 2. P. 59—77).

² См.: Foss C. *Ephesos after Antiquity. A Late Antiquie, Byzantine and Turkish City*. Cambridge, 1979. Tab. 35.

юго-западной части и центральной в тексте работы говорится, что здесь были расположены дома, но занимаемая ими площадь не установлена. К. Фосс отмечает только, что это были небольшие дома¹. Вполне возможно, что вся территория была занята жилыми комплексами. Такое предположение более чем вероятно, так как некоторые из зданий примыкали к оборонительной стене. А согласно рекомендациям даже более позднего времени, стратиг должен был сносить подобные постройки, поскольку они мешали переброске воинов в случае необходимости и создавали опасность шпионажа и возможности сношения с неприятелем². Фортификационная теория, восходящая к античному времени, требовала наличия вдоль оборонительных стен незастроенной территории — помериума. Из-за отсутствия свободных участков внутри стен это правило, как можно видеть из примеров, приводимых византийским полководцем Кекавменом, нарушалось, потому и рекомендовалось стратигу обходить как можно чаще город и принимать соответствующие меры — вплоть до разрушения частной постройки, сколь бы значительной она не была.

Если принять за условие, что вся территория, о которой пишет К. Фосс, была застроена домами, то появляется возможность определить количество обитателей данного района.

К сожалению, площадь городских усадеб, план которых восстанавливается полностью, имеется только для поздневизантийского периода. Так, в Пергаме и Херсонесе в среднем их площадь составляла 180—250 кв. м. В таком случае на участке в 560 000 кв. м могло быть расположено 2 204—3 111 жилых усадеб (дом и прилегающий к нему

¹ См.: Foss C. *Ephesos after Antiquity*. P. 112.

² Интересный пассаж об этом содержится в сочинении византийского полководца Кекавмена, знавшего череду сменявших друг друга императоров между смертью Василия II Болгаробойцы и воцарением Алексея I Комнина (от 1025 до 1081 г.). В одном из параграфов он рекомендовал стратигу: «Каждый день осматривай стены и ворота и изнутри и снаружи. Стены крепости должны быть свободными — пусть дома не примыкают к ним. А если и есть [такой дом], разрушь его и совершенно оголи стены и изнутри и извне, в особенности же ворота» (Кекавмен. Стратегикон, §32 / Пер. Г. Г. Литаврина. СПб., 2003. С. 193).

двор). В них могло обитать до 13 224—18 666 человек¹. Значительное ли это количество? По оценке византинистов в городе среднего размера для поздневизантийского периода проживало 2—5 тыс. человек². Города Далматинского побережья, например Котор, Трогир, Сплит, в 1400 г. имели 2,5—3 тыс. Площадь Сплита и Трогира этого времени составляла 10 га. В более крупном Дубровнике (территория в 30 га) число жителей приближалось к 8 тыс.³.

Для сравнения посмотрим на данные относительно западноевропейских городов. Наиболее распространенными в Средневековье здесь были небольшие и средние города с числом жителей в 1—2 тыс. Города, которые насчитывали 2—10 тыс., составляли 10% от общего числа городских центров⁴.

При обращении к судьбам городов в период «темных веков» исследователи фактически не используют данные о городах северо-западного побережья Черного моря. В качестве примера можно привести *Несебр*, который играл существенную роль в торговле до его включения в состав Болгарской державы при владетеле Круме (802—814) в 812 г., о чем свидетельствуют литературные данные и печати коммеркиариев. Позднее, по словам Константина Багрянородного, он служил одним из последних пристанищ для русских купцов, направлявшихся из Новго-

¹ Средняя численность византийской семьи, по данным Хиландарских практиков, определяется в 4—5 человек (см.: Хвостова К. В. Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византии, XIV—XV вв. М., 1968. С. 264—269). Эту цифру с небольшой поправкой использует Г. Г. Литаврин для определения жителей Лампсака (см.: Литаврин Г. Г. Провинциальный византийский город на рубеже XII—XIII вв.: По материалам налоговой описи Лампсака // ВВ. 1976. Т. 37. С. 29).

² См.: Maksimovič Lj. Charakter der sozial-wirtschaftlichen Struktur der spätbyzantinischen Stadt (13.—15. Jh.) // JÖB. 1981. Т. 31/1. S. 152.

³ См.: Фрейденберг М. М. Балканские города XIV—XV вв.: Опыт типологической характеристики // Средневековый город (Саратов). 1981. Вып. 6. С. 76—77.

⁴ См.: Ammann H. Wie gross war die mittelalterliche Stadt? // Die Stadt des Mittelalters. Darmstadt, 1966. S. 413.

рода в Константинополь¹. Часто упоминается в источниках и *Анхиалло*, превратившийся после создания Первого болгарского царства (680/681) в пограничный. Под его стенами не единожды разыгрывались сражения. Для VIII в. имеются упоминания в источниках и о *Берое* (Иринопополис, Стара Загора) и *Филиппополе*. Как показали раскопки болгарских археологов, во время нашествия протоболгар и славян в основном были разрушены городские центры в Подунавии, города же, находящиеся в южной части современной Болгарии, продолжали существовать².

Перечислить все города Балканского полуострова, относительно которых имеются свидетельства византийских авторов и где производились раскопки, не представляется возможным. Но в качестве еще одного примера обратимся к *Серди́ке* (Средец, София), которую Константин Великий собирался сделать столицей. Из событий, отраженных в письменных источниках, остановим внимание на осаде города императором Василием II в 986 г. Она длилась 20 дней, но ромеям не удалось сломить сопротивление жителей. Мощь оборонительных стен, в основе которых лежали возведенные еще римлянами фортификационные сооружения, оберегала горожан. Раскопки М. Станчевой, предпринятые во время строительства метрополитена, показали отсутствие перерывов в развитии города. Для нашей темы примечательны отмеченные исследовательницей особенности стратиграфии: уровень некоторых построек VI и IX—X вв. близок; в отдельных случаях здания XIII—XIV вв. или же другие поздние строения расположены непосредственно над сооружениями IV в. Стратиграфия Сердики свидетельствует о том, что в «живом» городе во время очередного, более позднего, строительства уничтожались ранние комплексы. М. Станчева предположила, что подобная ситуация характерна для других городов Южной и Юго-Западной Болгарии, но решить это окончательно невозможно

¹ См.: Гюзелев В. Несебър // Български средновековни градове и крепости. Варна, 1981. С. 325—333. Данный том, в котором собраны материалы о городах и крепостях по Дунаю и побережью, дает и другие примеры сохранения городских центров в VII—IX вв.

² Подробные свидетельства приведены в монографии: Ваклинов С. Формиране на старобългарската култура., VI—XI в. София, 1977. С. 47—78.

из-за слабой археологической изученности Пловдива, Старой Загоры и других центров¹.

В названном выше докладе Хр. Бураса перечислены византийские города, расположенные на территории современной Греции, где производились раскопки. Они были или эпизодическими, или носили спасательный характер в связи со строительными работами. Безусловно, это не могло дать в руки исследователей материалы, позволяющие составить представление о поступательном развитии населенных пунктов. А если учесть, что в письменных источниках, за небольшим исключением, сообщается о деятельности того или иного императора, описываются военные эпизоды или какие-либо другие выдающиеся события, то напрашивается пессимистический вывод о невозможности на основании письменных источников получить полноценные свидетельства для решения вопроса о том, насколько «городской» была Византия, как выглядели ее города в период «темных веков».

Подведем некоторые итоги обращения к описанию археологической ситуации, характерной для византийских городских центров. В процессе их исследования прослеживается сочетание объективных и субъективных факторов.

К числу объективных причины относятся:

1. Территориальный континуитет (от античного времени вплоть до сегодняшнего дня) многих исследуемых в настоящее время византийских провинциальных центров (Афины, Коринф, Несебр, Филиппополь-Пловдив, Фессалоника-Солунь и др.), что делает невозможным планомерное изучение, раскопки обширных площадей.

2. Разрушение ранних комплексов в результате строительства в последующие хронологические периоды. В данном плане чрезвычайно показательны замечания в отчетах о раскопках в Херсонесе, в которых неоднократно отмечалось, что полная картина стратиграфии средневековых слоев редко наблюдается из-за разрушений: остатки построек предшествующего времени в большинстве случаев были разобраны или, что реже, использованы в качестве основания позднесредневе-

¹ См.: Станчева М. Археологическо проучване на средновекония Средец, IX—XIV вв.: Резултати и проблеми // Сердика—Средец—София. София, 1976. С. 52.

ковых стен. Раннесредневековые остатки малочисленны, так как «они подверглись разрушению при строительных работах следующего времени». Все это привело к тому, что «находки раннесредневековой керамики крайне слабо изучены. Это обстоятельство является тормозом для выявления раннесредневекового слоя Херсонесского городища»¹.

Следует отметить и субъективные причины:

1. Наиболее существенная из них — отсутствие в течение длительного периода раскопок городов, возникших в античное время и существовавших в средние века, внимания к менее выразительным средневековым постройкам в сравнении с античными памятниками (или, как образно выразился греческий археолог Хр. Бурас: «Рвение археологов-античников достичь более важных для них нижних слоев уничтожило средневековые уровни»). Далее, отсутствие в составе экспедиций археологов-медиевистов приводило к недоброкачественной фиксации поздних находок.

2. Избирательность объектов археологического исследования. Внимание прежде всего уделялось храмам и оборонительным стенам. Показательной является фундаментальная работа К. Манго, посвященная византийской архитектуре, в которой фактически отсутствует описание городских кварталов и жилых построек².

Причины субъективного и объективного характера обусловили спорадичность раскопок и концентрацию их на ограниченной площади. Безусловно, положение во второй половине XX в. начало изменяться. В 70-е гг. обсуждаются стратегия и методика византийской археологии³, но стадия ее «эмбрионального развития» оказалась очень длительной⁴.

¹ См.: Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф., Якобсон А. Л. Квартал XVIII: Раскопки 1941, 1947 и 1948 гг. // МИА. 1953. № 34. С. 213; Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф. Кварталы XV—XVI: Раскопки 1937 г. // Там же. С. 90; Белов Г. Д., Якобсон А. Л. Квартал XVII: Раскопки 1940 г. // Там же. С. 123.

² См.: Mango C. Byzantinische Architektur. Stuttgart, 1975.

³ См.: Roser J. H. A Reserch Strategy for Byzantine Archaeology // BSt. 1979. Т. 6. Р. 152—166.

⁴ Такой вывод был сделан австрийским историком Е. Кислингером, который привел некоторые примеры использования памятников материальной культуры в византиноведческих студиях (см.: Kislinger E. La cultura materiale

И еще одно обстоятельство необходимо отметить. Как правило, при анализе памятников и облика средневекового города он сравнивается со своим античным предшественником. В значительной мере это способствует появлению у исследователей вывода об упадке, кризисе, превращении городского поселения в деревенское. С точки зрения методологии, это некорректно. Новые социально-экономические условия не могли не отразиться на технике строительства, размерах и облике городских домов. Один из крупнейших византинистов XX в. Г. Л. Курбатов в отношении типологических отличий позднеантичного и средневекового города писал, что одной из «причин упадка города в переходный период является разложение античной городской собственности. Это привело к тому, что товарные связи города вышли из-под полисного контроля, поэтому возникали новые очаги контроля, но уже не экономические, а административные. Город сохраняется, но он становится государственным, античные полисы эволюционируются. ...Города угасают как полисы с исчезновением античной формы собственности в течение VII в.»¹.

Обусловили изменения облика и уменьшение территории, занимаемой жилой застройкой, и участвовавшие набеги «варваров», экономическая ситуация в целом. Города в отдельных случаях «сокращались» до оптимально защищаемой территории.

Обзор археологической ситуации для считающихся наиболее изученными в археологическом плане византийских городов показывает, что Херсонесское городище является исключительным памятником. Многие византинисты обращали внимание на лучшую его изученность, считая, что Херсон был типичным для империи городом.

Если ревизовать все отчеты об археологических раскопках в Херсонесе и учитывать местоположение строений бывшего монастыря, то наличие объективных (город существовал с VI в. до н. э. до конца XIV в.) и субъективных факторов характерно и для его территории.

di Bisanzio. Un nuovo inizio della ricerca scientifica // Schede Medievali. 1986. Nr 11. P. 299–313; Idem. Notizen zur Realienkunde aus byzantinischer Sicht // Medium Aevum Quotidianum (Krems). 1987. Nr. 9. S. 26–33).

¹ См.: Курбатов Г. Л. Разложение античной городской собственности в Византии // ВВ. 1973. Т. 35. С. 20, 32.

Правда, проявлялись они в меньшей степени, чем при исследовании других городских центров Византии.

Папа Мартин и его письма из Херсона

Послания папы Мартина со времени появления работ, посвященных раннесредневековому периоду, традиционно использовались как свидетельства уменьшения значения города в VII в. или же для вывода о проявлении кризисных явлений.

События, предшествующие ссылке папы Мартина в Херсон, развивались следующим образом. Папа Мартин занял престол в 649 г. Одним из первых мероприятий его стал созыв Латеранского собора, на котором подверглась осуждению деятельность константинопольского патриарха Павла и других представителей «ереси» с точки зрения западной церкви. В этот период в Восточной церкви господствовало монофелитство. Император Константин II приказал арестовать Мартина назначенному в качестве равенского экзарха Олимпию. Но тот не смог выполнить поручение и отложился от империи. В течение 4 лет Олимпий в союзе с папой правил в Италии. В 653 г. Олимпий умер во время чумы. Его сменил новый экзарх Феодор Каллиопа, который арестовал папу и доставил его в Константинополь. После прибытия в балканские пределы Византии папа провел в заключении около года, часть времени — на о. Наксос. В сентябре 654 г. было организовано судилище, на котором его как политического преступника приговорили к смертной казни. Ходатайство патриарха Павла привело к замене казни на ссылку. После открытия навигации в марте 655 г. Мартина отправили в Херсон, где он умер¹.

¹ Судебному процессу над папой Мартином посвящена специальная работа: Brandes W. «Juristische» Krisenbewältigung im 7. Jahrhundert? Die Prozesse gegen Papst Martin I. und Maximos Homologetes // Forschungen zur Byzantinischen Rechtschichte. Fontes Minores. 1998. Bd. 10. S. 141–212. Перевод писем папы Мартина с комментариями принадлежит О. Р. Бородину: Бородин О. Р. Римский папа Мартин I и его письма из Крыма // Причерноморье в средние века. М., 1991. С. 173–190. См. также его статью: Церковно-политическая борьба в Византии и «дело» папы римского Мартина // ВВ. 1991. Т. 52. С. 47–56.

Папу привезли в Херсон 15 мая, через 50 дней после того, как корабль покинул Константинополь. Переводчик писем О. Р. Бородин объясняет длительность плавания «конспиративным характером» высылки Мартина, стремлением скрыть место его пребывания, что привело к многочисленным заходам судна в различные порты.

От времени ссылки дошло два письма сподвижникам папы, в которых тот жаловался на тяготы жизни (их усугубляли болезнь — подагра и то, что он не владел греческим языком).

Содержание первого послания папы показывает, что через 30 дней после того, как он оказался в Херсоне, прибыл «носитель письма», от которого он ожидал получить средства, «присланные нам из Италии», которые «должны были облегчить нашу участь».

Второй пассаж письма — жалоба на голод и нужду в «этой земле», поскольку «хлеб в ней только упоминается по названию, однако его совсем не видят». И далее следует просьба о присылке хлеба, оливкового масла и «всякого иного прочего», так как «в этой стране невозможно ни за какую цену найти в обеспечение себе хотя бы умеренного питания».

Завершается письмо словами: «Я все же поставил в известность Вашу милость о кое-каких вещах, которые должны быть куплены; и прошу, чтобы обычным образом, как сам разумеешь, ты позаботился об их приобретении и отправке нам».

Второе письмо было отправлено в сентябре, незадолго до кончины Мартина. Для характеристики его жизни в Херсоне интерес представляют несколько деталей. Первое — это то, что обитающие здесь «не имеют совершенно никакой человечности» и сострадания. Но непосредственно для реконструкции истории города более ценны следующие за этим заявлением слова: «Так вот, ни разу не смог бы я купить хлеба, происходящего из этой страны, ... как и других продуктов какого-либо рода, если бы, повторяю, не с суденышек, кои изредка заходят сюда, чтобы уйти с грузом соли. Так мы могли приобрести три или четыре модия за номисму вплоть до нынешнего месяца сентября. Но до сих пор мы не смогли купить [зерна] из нового урожая иначе, чем за номисму четыре модия».

Далее папа жалуется на черствость и безжалостность всех, кто был в его подчинении, напоминает, что церковь св. Петра если уж не золота, то хлеба или вина не лишена.

Так о чем же свидетельствуют письма папы Мартина? Приведенный ниже раздел является до некоторой степени отступлением от обращения к истории Херсона в историографическом плане. В нем представлена авторская концепция, как и далее, где речь пойдет о нумизматических находках. Однако объяснение этому существует. Под влиянием идей учителя, М. Я. Сюзюмова, более тридцати лет назад был высказан тезис о том, что в словах папы Мартина следует видеть как объективное содержание, так и элемент субъективности¹. В последующем было показано существование в период «темных веков» рыбозасолочного промысла². Очередным аргументом, который не зависел от логики, отчасти присутствующей при обращении к письмам папы Мартина, стало обнаружение датированных монетами слоев разрушения VII—VIII вв.³. Из этих комплексов была составлена значительная коллекция импортной краснолаковой посуды и амфор, которые оказались аналогичными находкам с затонувшего около мыса Ясси-Ада византийского корабля⁴. Противоречия возникли из нового видения посланий папы Мартина, но малочисленность археологических источников, особенность стратиграфии портового района, где производила раскопки экспедиция Уральского университета, потребовали объяснения. Так был поставлен

¹ См.: Романчук А. И. К вопросу о положении Херсонеса в «темные века» // АДСВ. 1972. Вып. 8. С. 42—55.

² См.: Романчук А. И. Новые материалы о времени строительства рыбозасолочных цистерн в Херсонесе // АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 45—56; Она же. План рыбозасолочных цистерн Херсонеса // АДСВ. 1977. Вып. 14. С. 18—26.

³ См.: Романчук А. И. Слои VII—VIII вв. в портовом районе Херсонеса // АДСВ. 1975. Вып. 11. С. 3—13; Она же. Раннесредневековые комплексы Херсонеса // *From Late Antiquity to Early Byzantium*. Prague, 1985. P. 123—135; Романчук А. И., Седикова Л. В. «Темные века» и Херсон: Проблема репрезентативности источников // *Византийская Таврика*. Киев, 1991. С. 30—46.

⁴ См.: Романчук А. И. Комплекс VII в. из портового района Херсонеса // АДСВ. 1974. Вып. 7. С. 246—250. Находки на затонувшем корабле, аналогичные встреченным в портовом районе Херсонеса, сопровождалась монетами первых десятилетий VII в. Близость материала и нумизматических находок и в Херсонесе, и на корабле стала подтверждением, что не встречавшиеся ранее слои VII в. все же существуют в Херсонесе.

вопрос о методике работы с памятниками материальной культуры¹ и на основании положений, разработанных В. Д. Блаватским для античной археологии, предложена для обсуждения проблема «археологических лакун» и причин образования культурного слоя².

Поскольку лучшим доказательством является конкретный материал, которого, как писали, «до сих пор обнаружить не удалось», следующим этапом для доказательства тезиса, что масштабы кризиса VII в. и «обезлюдения» Херсона в VIII в. сильно преувеличены, стало издание находок из слоев разрушения, в том числе и периода «темных веков»³. За этим последовали обращение к нумизматическим данным и поиск причин малочисленности монет для VII—VIII вв. Анализ сводок из других районов Византии показал, что в статистико-хронологических таблицах учитывается время выпуска денежного знака, а не период его обращения на рынке. На основании структуры кладов можно судить о совместном обращении монет различных хронологических периодов. Находки из слоев разрушения в портовом районе Херсонесского городища это подтвердили. Так появилась возможность судить о некорректности использования сводок, составленных на основании времени

¹ См.: Романчук А. И. К вопросу об интерпретационных возможностях археологических данных // Научные чтения, посвященные столетию со дня рождения профессора М. Я. Сюзюмова: Тез. докл. Свердловск, 1993. С. 31—33; Она же. К вопросу об «археологических лакунах» для античного и византийского города // Актуальные проблемы археографии, источниковедения и историографии. Тез. докл. Вологда, 1995. С. 411—412; Она же. Раскопки экспедиции Уральского университета в Херсонесе // Крымский музей. 1994. № 1. С. 144—145.

² См.: Романчук А. И. Развитие византийской археологии и ее возможности для изучения ранневизантийского города // Власть, политика, право в античности и средневековье. Барнаул, 2003. С. 95—110; Она же. Два сюжета из истории Херсона, или проблема традиционных датировок археологических источников // Византийские очерки. М., 1996. С. 234—244; Романчук А. И., Щеглов А. Н. Проблема культурного слоя в византийской археологии // ВВ. 1998. Т. 55 (80), ч. 2. С. 178—183.

³ См.: Романчук А. И., Сазанов А. В. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. Свердловск, 1991; Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995.

выпуска монеты, для выводов относительно экономического состояния городского рынка¹.

Только после того, как был пройден этот путь, стало возможным признание «принципиально важных» выводов, свидетельствующих о полифункциональности города; удалось «поколебать, казалось, незыблемый пьедестал, на котором покоились выводы А. Л. Якобсона и разделявших его концепцию», как отметил один из друзей и оппонентов «колебателя пьедестала»².

¹ См.: Романчук А. И. Состояние городской экономики и находки монет // Византийское государство в IV—XV вв.: Центр и периферия: Тез. докл. Барнаул, 1998. С. 67—69; Она же. Нумизматические находки и археологический контекст: На примере раскопок портового района Херсонесского городища // Одиннадцатая Всесоюзная нумизматическая конференция: Тез. докл. и сообщ. СПб., 2003. С. 49—50; Она же. К вопросу об использовании нумизматических данных при изучении византийского города периода «темных веков» // Мир Александра Каждана. СПб., 2003. С. 132—137; Она же. Очерки истории и археологии...

² См.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 59. Однако, если уж речь зашла о рецензии С. Б. Сорочана, то следует заметить, что каждый из пишущих идет своим путем при изложении материала: одних в большей степени удовлетворяет последовательное хронологическое изложение истории, других — постановка проблем и попытка показать ее возможное решение (это в ответ на упрек, что в различных разделах монографии «Очерки истории и археологии...» сосредоточены данные о крепостном строительстве, в другом — о сакральном, в третьем — о ремеслах и т. д. (Следующее замечание только для моего критика и очень внимательных читателей: рецензент, вероятно, не заметил, что дата — X в. (возможно, и позднее) — в отношении сакральных сооружений на так называемом театральном участке относится к крестообразному храму и соответствует стратиграфическим наблюдениям автора раскопок О. И. Домбровского и мнению архитектора Ю. Г. Лосицкого, а не к небольшому храмику, расположенному от него неподалеку. И второе: в «Очерках» сказано, что ворота около первой куртины, выводящие на некрополь около западных стен города, могли называться Мертвыми; и датируются они на основании археологических данных И. А. Антоновой VI в., последующее строительство здесь происходило между VI в. и IX в. Поэтому никакой путаницы с Южными воротами (их предлагает называть Мертвыми С. Б. Сорочан), также ведущими на некрополь, нет, как и относительно переноса главных, которые, согласно

Большое значение для обоснования мнения, не согласующегося с выводами А. Л. Якобсона, имели раскопки Объединенной экспедиции в портовом районе. Одной из методических особенностей исследований являлось стремление составить более «дробную стратиграфию», в отличие от представленной в отчетах раскопок северного района, о чем, как о недостатке, писал Д. Смидли. Второй, столь же значимой особенностью являлась статистическая обработка всех керамических находок¹

агиографическим свидетельствам, можно называть Красными. И уж совсем непонятным является замечание в адрес историков из Франции, что они «необоснованно постулируют» факт концентрации знати на северо-восточном берегу (См.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 75). Речь идет о статье: Bortoli A., Kazanski M. Kherson and its Region. Этот «постулат» не имеет никакого отношения к членению византийского города на аристократическую часть и посад, как «прочел» С. Б. Сорочан, а относится к существовавшим в византийской архитектурной практике традициям апопсии — трем видам на местность, в числе которых назывались вид на море, городские памятники и сады. Одним из свидетельств этого является трактат VI в. (см.: Юлиан Аскалонит. О законах или обычаях Палестины, §47–49 / Пер. М. Я. Сюзюмова // Византийские этюды. Екатеринбург, 2002. С. 52–53). Во введении к изданию перевода М. Я. Сюзюмов отметил, что отдельные правила застройки, упоминаемые Юлианом Аскалонитом, известны также по «Шестикнижью Арменопула», которое было действующим законодательством в поздней Византии (Там же. С. 28–29). Но завершим замечание в адрес оппонента. Тем более, что соображения о возможном обращении к Трактату Юлиана Аскалонита в связи с топографией Херсона уже были высказаны (например, см.: Романчук А. И., Белова О. Р. К проблеме городской культуры раннесредневекового Херсонеса // АДСВ: Проблемы идеологии и культуры. 1987. С. 52–67). Французские же исследователи пишут о более дорогих домах в северо-восточной части Херсона (с их балконов открывался вид и на море и на главную городскую площадь с многочисленными храмами), на этом основании предполагая, что в данной части проживала городская знать. Ни о каком делении на верхний и нижний город, согласно традициям, существовавшим на Руси и в Германских землях, речь в статье не идет.

¹ К сожалению, до сих пор существует тенденция облегчать процесс полевой обработки материалов раскопок: выбрать характерные части сосудов и положить такую выборку в основу выводов о статистическом соотношении различных типов амфор или иного вида глиняных изделий. В соответствии

и обнаружение в 1971 г. слоя разрушения середины VII в.¹ Накопление массового археологического материала, среди которого количественно преобладали фрагменты изделий из керамики: амфор, черепицы, столовой и кухонной посуды, было положено в основу первоначально «рабочих классификаций», но позволило поставить вопрос о возможности использования находок тарной керамики для создания картины торговых связей города².

Последующее изучение материалов из раскопок различных городов Средиземноморского бассейна значительно увеличило информацию, а дальнейшие раскопки убедили в правильности датировки и способствовали появлению первого обобщения и классификации краснолаковой

со своим несколько авторитарным характером С. Ф. Стржелецкий (научный руководитель Объединенной экспедиции до 1967 г.) требовал, чтобы «все обломки соединились в целый сосуд» и, безусловно, все просматривались и подсчитывались. Самым тщательным образом он следил за малейшими изменениями цвета и плотности грунта, пытаясь тем самым создать «более дробную стратиграфию».

¹ Куже упомянутым выше добавим: Романчук А. И. Херсонес VI — первой половины IX в.: Учеб. пособие. Свердловск, 1976; Она же. Жалобы ссыльных как источник // Иностранцы в Византии. Византийцы за рубежами своего отечества: Тез. докл. М., 1997. С. 42—43; Она же. Образ города — одна из причин субъективизма папы Мартина // Кумуляция и трансляция византийской культуры: Тез. докл. XI науч. Сюзюмовских чтений. Екатеринбург, 2003. С. 85—86; Сорочан С. Б. Херсонес в системе константинопольской торговли IV — первой половины VII вв. // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса 1888—1988 гг.: Тез. докл. Севастополь, 1988. С. 104—107; Он же. Еще раз о письмах папы Мартина I и о положении византийского Херсона // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы: Материалы V Боспорских чтений. Керчь, 2004. С. 342—348. Однако, справедливости ради, следует отметить, что первым на материалах раскопок экспедиции Уральского университета о непрерывности существования Херсонеса в период «темных веков» писал Е. Г. Суров (см.: Суров Е. Г. К истории северо-западного района Херсонеса Таврического // АДСВ. 1965. Вып. 3. С. 119—145).

² См.: Романчук А. И. Торговля Херсонеса в VII—XII вв. // *Byzantinobulgarica* (Sofia). 1981. T. 7. С. 319—331.

керамики и амфор из закрытых комплексов Херсонеса византийского времени.

Публикация находок, относящихся к наиболее дискуссионному вопросу о Херсоне периода «темных веков», потребовала объяснения малочисленности их для других районов Византии. Так возник следующий вопрос: об интерпретационных возможностях археологических источников, начал разрабатываться сюжет о культурном слое и «археологических лакунах». Постепенно выстраивалась цепочка аргументов, в основе которых отчасти лежали логические соображения, отчасти — конкретные археологические находки.

Но вернемся к письмам папы Мартина и посмотрим на их содержание иначе, вразрез с существовавшей традицией считать их свидетельством «глубокого кризиса» Херсона в середине VII в.

После публикации работ о соотношении объективного и субъективного в письмах папы Мартина¹ к их содержанию еще раз обратился С. Б. Сорочан, посвятивший раздел «Реальность и вымысел в письмах папы Мартина» в монографии, где он пишет: «К слову, нет никакой уверенности, что папа отбывал наказание именно в Херсоне»². И все же далее он полагает, что ссыльный, описывая тяготы жизни в Херсоне, противоречит себе, сообщая своему корреспонденту о хлебе, известном только по названию, а затем в другом письме, что можно его купить, когда в порт приходят суда за грузом соли. Если следовать логике С. Б. Сорочана, папа Мартин преднамеренно искажает действительное положение вещей, а потому и невольно противоречит себе, «забыв», что «присочинил» ранее. В поисках противоречий исследователь забыл, что письма разделяют несколько месяцев (май — сентябрь), в течение которых не могла не измениться ситуация.

С. Б. Сорочан полагает также, что ссыльный преувеличивал стоимость зерна. Правда, далее он приводит свидетельства, что даже в этом случае цена хлеба не так велика³. Объясняется недостаток товарного

¹ Первым высказал замечание о субъективном характере источника В. Г. Васильевский (Житие Иоанна Готского // Труды. 1912. Т. 2, вып. 2. С. 388), которое в работах первой половины XX в. внимания не заслужило.

² См.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 308.

³ См.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 314.

зерна тем, что процесс оседания протоболгар был еще в самом начале. В последней четверти VII в. положение изменилось, сотрудничество населения округа с херсонитами привело к улучшению снабжения их продовольствием. Отражением этих связей являются находки монет в захоронениях внутренних районов Таврики¹.

Сторонником концепции А. Л. Якобсона является О. Р. Бородин, обвиняющий тех, кто придерживается противоположного мнения, в преувеличенности «субъективного элемента в посланиях папы Мартина». Однако приводимые им же в комментариях данные свидетельствуют о регулярных сношениях между Херсоном и центральными районами империи. В частности, он отметил, что местонахождение ссыльного стало известно в Константинополе не более чем через 15 дней. В этот же срок смог прибыть к нему и посланник. Сообщение между столицей империи и Херсоном осуществлялось по двум черноморским маршрутам. Один из них, кратчайший, фактически по прямой линии использовался в торговых и военных целях с античных времен². Для торгового тихоходного судна при благоприятной погоде путь длился около 10–11 дней. Другой вариант морского сообщения — вдоль западного и северо-западного побережья. Для конца XIV в. средняя продолжительность его (от Константинополя до Кафы) составляла 13 дней³. Тот факт, что уже через 30 дней после приезда в город папа

¹ Там же. С. 321. На еще одном замечании, вытекающем из «нового прочтения» писем папы Мартина, не будем останавливаться подробно, лишь отметим, что суть его в том, что жалобы на отсутствие сострадания косвенно свидетельствуют о верноподданнических чувствах херсонитов. Оно готовит почву для обращения к сюжету «о призраке самоуправления». И все же: может быть, в действительности все было проще. Одно из условий ссылки — это вырвать опального из привычной среды. Само по себе это уже обрекает его на страдания. Да и кому был нужен не знающий языка, больной старик (а не глава латинской церкви) в городе, где каждый из жителей занимался своим делом.

² См.: Todorova E. One of Black Sea Routes. 13th–15th Centuries // *Le Povoire central et les villes en Europe de l'Est et Sud-Est du XVe siècle aux débuts de la révolution industrielle: Les villes portuaires*. Sofia, 1985. P. 156–162.

³ См.: Бородин О. Р. Римский папа Мартин I ... С. 182.

Мартин встретился в Херсоне с одним из своих сподвижников, является несомненным свидетельством регулярного сообщения между Херсоном и столицей. Осуществить такую поездку можно было только на торговых судах.

Херсонес был основан в регионе, в котором существовала возможность добычи соли и, следовательно, торговля ею, приносящая и в античности, и в средние века значительные доходы. О ценности данного природного богатства свидетельствует выдача соляного пайка магистратам Рима; в императорский период соль использовалась в качестве вознаграждения.

Соляные озера, расположенные неподалеку от городских стен, упоминаются географом Страбоном. Он писал, что на мысе в 15 стадиях от Херсонеса имеется значительный залив, обращенный к городу. Над этим заливом расположен лиман, где есть соляная варница (Страбон, VII, 4,7).

В начале сентября, когда выпаривалась соль в салинах херсонитов, суда из пределов Романии (окрестностей Константинополя) стали заходить за ней. Об этом и пишет ссыльный во втором письме, отмечая, что с этих судов можно было приобрести продукты. Обратим внимание, что во втором письме он уже не умоляет своего корреспондента о присылке продовольствия, учтем и то, что первое письмо было написано в июне, когда запасы зерна старого урожая были исчерпаны, поэтому торговля им до сбора нового не могла не сократиться.

Возможности добычи соли и расположение города на берегу моря привели к развитию традиционного для прибрежных городов промысла — рыболовного. В Херсонесе в римское время и до X в., когда начался подъем уровня моря и цикл похолодания, развитым являлось приготовление из мелкой рыбы соуса. О масштабах промысла свидетельствуют специально сооружаемые цистерны, некоторые из них имели объем до 250 м³ (1 м³ соуса весил 8 ц). Из более чем 100 цистерн 36 использовались с VI до X в.

Второй традиционный аргумент в защиту тезиса «об обезлюдении» Херсона — это то, что «ясно выраженный культурный слой на городище, по-видимому, вообще отсутствует». Он вызывает обращение к такому сюжету, как «археологические лакуны», и к вопросу о причинах отложения культурного слоя.

Вопрос об «археологических лакунах»

Рекомендации по обработке находок, принципам, которые необходимо соблюдать при их описании, или же правил разбивки исследуемой территории, которые приводятся в различных учебных пособиях по археологии, являются чрезвычайно важными, но они имеют значение в основном для тех, кто непосредственно занимается археологической практикой. Историка, обращающегося к археологическим свидетельствам, интересует информация, заложенная в данном виде источника, возможность ее использования для реконструкции жизни города (или другого вида поселенческой структуры, истории быта, этнического состава населения, его занятий и т. д.) — одним словом, то, насколько возможно привлечение данных раскопок для реконструкции исторического развития того или иного региона.

Наиболее известное из учебных пособий по античной археологии (по византийской таковое отсутствует) принадлежит И. Т. Кругликовой. Оно предназначено для студентов, обучающихся по специальности «История», и состоит из четырех разделов: истории важнейших открытий, археологии Греции, археологии Рима, античные памятники на территории СССР. Анализируя строительные объекты и артефакты, которые позволяют получить представление о различных сторонах жизни населения, автор не обсуждает такие чрезвычайно важные аспекты, как особенности формирования культурного слоя на многослойных памятниках и вопрос об «умолчании источников», или «об археологических лакунах» и причинах их возникновения¹.

Для объяснения причин отсутствия культурного слоя или малочисленности археологических свидетельств большое значение имеют положения, разработанные для античной археологии В. Д. Блаватским. На основании многолетних исследований памятников на территории Северного Причерноморья он пришел к следующим выводам относительно причин отложения культурного слоя:

1. Разрушение памятника (вследствие обветшания или экстраординарных событий: пожар, военные действия).

Строительная деятельность.

¹ См.: Кругликова И. Т. Античная археология. М., 1984.

3. Результат постепенных отложений, образующихся в течение длительного времени — текущей (обычной) жизнедеятельности обитателей города (или другой поселенческой структуры).

Наибольшее количество находок содержат слои разрушения, далее по степени их убывания и мощности (высоты) на второе место следует поставить слой, который образовался во время строительства¹.

В городах с каменной архитектурой и высоким уровнем санитарии, а именно таковыми являлись античные и византийские города, текущая (обычная жизнедеятельность) оставляла незначительные следы: кучи мусора на улицах и площадях не скапливались. Конечно, за чертой жилой застройки таковые можно обнаружить. Однако за пределами городских стен раскопки производятся весьма редко, исключение составляют некрополи. Эпизодичность обращения к раскопкам территории за пределами крепостных сооружений — одна из причин редкого выявления ремесленных мастерских, которые в силу пожарной опасности располагались чаще всего за пределами жилой застройки².

Особое внимание В. Д. Блаватский обратил на ошибочность представления о том, что «мощность культурных напластований и обилие их (накопление) в течение какого-то отрезка времени являются надежным доказательством интенсивности жизни, а иной раз даже большого подъема»³. Наибольшее количество находок встречается именно в слоях разрушения, которые образовались вследствие нарушения ординарной (обычной) жизнедеятельности. Таким образом, согласно правилам элементарной логики напрашивается вывод о том, что число артефактов и хронологическая близость строительных остатков — не во всех случаях показатель «процветания» жизни. А при изучении слоев разрушения следует помнить, что они являются своеобразным горизонтальным срезом последнего периода функционирования здания

¹ См.: Блаватский В. Д. Античная полевая археология. М., 1967. С. 191 — 192 (причины образования культурного слоя применительно к византийскому городу рассмотрены в статье: Романчук А. И., Щеглов А. Н. Проблема культурного слоя... С. 178—183).

² О некоторых правилах застройки ранневизантийского города см.: Юлиан Аскалонит. О законах или обычаях Палестины.

³ См.: Блаватский В. Д. Античная полевая археология. С. 191.

и позволяют реконструировать жизнедеятельность его обитателей в течение времени не более чем жизнь одного поколения (правда, в некоторых случаях предметы, которые встречаются в домах, могли быть приобретены в более ранний период, но это единичные находки. Массовый археологический материал — изделия из керамики, металлов, в некоторых случаях из кости — не мог быть использован в течение значительного срока).

Блестящий пример многочисленности культурных слоев, не свидетельствующих «о процветании города», получен при исследовании столицы Боспорского царства Пантикапея, где в течение кратковременного периода (две последние трети VI в. до н. э.) отложилось восемь микрослоев. В. Д. Блаватский объяснял это плохим качеством строений. На основании выявленной археологической ситуации исследователь сделал вывод: быстрая смена культурных напластований «не наблюдается в условиях более солидного строительства»¹. Данное замечание необходимо для объяснения причин возникновения «археологических лакун» и решения вопроса об «умолчании источника».

Итак, какие выводы напрашиваются применительно к стратиграфии Херсонесского городища, если принять во внимание разработанную В. Д. Блаватским теорию культурного слоя?

1. В Херсоне на протяжении VII — середины IX в. не происходило экстраординарных событий, которые привели бы к отложению выразительных слоев.

Постройки VI — начала VII в. были «солидны», что и обусловило их длительное использование.

3. Из-за «умолчания источника», в данном случае наличия «археологических лакун», нельзя делать вывод о кризисном развитии Херсона. К тому же необходимо учитывать, что «археологические лакуны» заполняются некоторыми «солидными» сооружениями. К их числу относятся базилики, возведение которых началось в конце V в. или в третьей четверти VI в. (в зависимости от того, какой хронологии следовать), а разрушены они были только в конце X или первой половине XI в. В опустевшем, «обезлюдившемся» городе они пришли бы в упадок и оказались руинированными гораздо раньше.

¹ Блаватский В. Д. Античная полевая археология. С. 193.

Нумизматические находки как свидетельства «кризиса»

В качестве доказательства глубокого кризиса византийских городов в период «темных веков» в штудиях историков используются два тезиса: о закрытии монетных дворов и малочисленности встречаемых при раскопках монет VII—VIII вв.

Одним из методов, используемых для оценки состояния денежного обращения, насыщенности городского рынка платежными средствами и, следовательно, состояния экономики города, является их статистическая обработка, составление статистико-хронологических таблиц. При этом, как уже было отмечено, в большинстве случаев в подобных таблицах распределение монет по векам производится на основании времени их выпуска¹. А. М. Гилевич², анализируя структуру кладов X в., показала, что при использовании нумизматических данных для суждений о состоянии экономики следует учитывать не столько время выпуска, сколько длительность периода их обращения³.

В качестве примера клада, не вызывающего сомнения в происхождении, правда с меньшим числом монет, можно упомянуть материалы из портового района Херсонеса. Во время раскопок улицы, разделяв-

¹ Наиболее полные данные о находках монет из раскопок византийских городов по состоянию на 1960 г. приведены: Каждан А. П. Город и деревня Византии. С. 264—269; ср.: Brandes W. Die Städte Kleinasiens... S. 146—147.

² См.: Гилевич А. М. Новый клад херсоно-византийских монет // ВВ. 1964. Т. 24. С. 150—158; Она же. Клад херсоно-византийских монет IX—X вв. из округа Херсонеса: К вопросу о денежном обращении Херсонеса в IX—X вв. // Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР: Тез. докл. Баку, 1965. С. 159—160. Чрезвычайно интересный клад был обнаружен в одном из кварталов (XXV) северного района во время раскопок Г. Д. Белова. В разбившемся глазурованном кувшине «лежало» 197 монет. Л. Н. Белова, публикуя его, отметила, что все они принадлежат литым херсоно-византийским монетам IX—X вв. (Белова Л. Н. Монеты раскопок кварталов Херсонеса // ТГЭ. 1981. Вып. 21. С. 42). Однако в описи под № 710—711 приведены монеты типа: Орешников, IX, 34—35, которые, по мнению некоторых исследователей, относятся к более позднему времени.

³ См.: Гилевич А. М. Новый клад... С. 150—158.

шей два квартала (1970), обнаружено 9 монет. В древности они были завернуты в тряпочку или находились в кошельке, поэтому оказались плотно прижатыми друг к другу. Ранняя из монет относится ко времени правления Василия I (867–886), поздняя — монета Василия II (976–1025). В отличие от известных кладов, спрятанных их владельцами, возможно, накапливаемых в течение длительного времени, этот был, скорее всего, «утерян» жителем Херсона. Содержание «кошелька» является несомненным свидетельством совместного обращения монет, относящихся к 150-летнему периоду (см. диагр. 1).

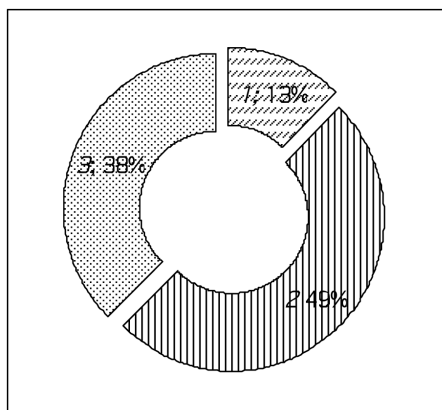
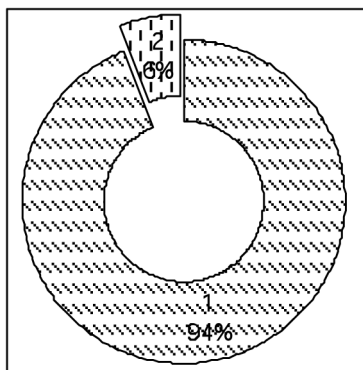

Диаграмма 1. Соотношение монет из «кошелька»:

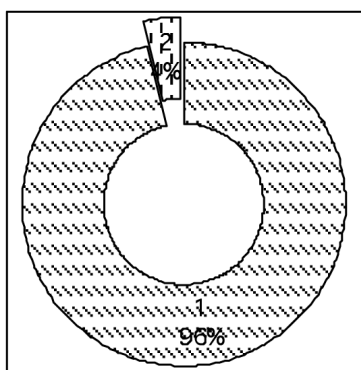
1 — монеты IX в.; 2 — монеты X в.; 3 — X — начала XI в. Василий I (867–886) — 1 экз. (Ор., т. 9, 22); Роман I (920–944) — 2 экз. (Ор., т. 10, 51); Константин VII и Роман II (920–944) — 1 экз. (Ор., т. 10, 48); Никифор Фока (963–969) — 1 экз. (Ор., т. 10, 57); Василий II (976–1025) — 3 экз. (Ор., т. 10, 60)

Сравним период обращения монет из этого клада и нумизматические находки из слоев разрушений VII в.

В связи с публикацией керамических находок из портового района было приведено соотношение монет в здании, расположенном в квартале 1, которое оказалось разрушенным не ранее середины VII в. Если учитывать только монеты, которые имели хорошую сохранность, то оказывается, что число наиболее поздних монет, которые датируют время гибели здания, составляет 4% (см. диагр. 2, 2а — слой разрушения в портовом квартале 1 около куртины 17).

2. Все монеты

2a. Монеты хорошей сохранности

Диаграмма 2, 2a. Соотношение монет из слоя разрушения в портовом квартале 1:

1 — монеты VII в., 2 — более ранние

В соседнем квартале также были обнаружены монеты, лежавшие на полу сгоревшего помещения¹. Соотношение поздних и ранних является близким к находкам в портовом квартале 1 (см. диагр. 3, 3a — слой пожара здания с пифосами в портовом квартале 2).

В нумизматической литературе уже было отмечено, что в VII в. в Херсоне в обращении находились монеты, начиная со времени правления Феодосия (379–395), на которых при императоре Ираклии (610–641) была сделана надчеканка². Процентное соотношение монет диаграмм 2–3 свидетельствует, что более ранние монеты использовались в VII в.

Исследование памятников Юго-Западного Крыма также показало, что в захоронениях второй половины VII в. встречаются монеты, выпу-

¹ См.: Романчук А. И., Седикова Л. В. «Темные века»... С. 30–45. На с. 35, где приведены нумизматические находки, допущена ошибка: следует читать «монета Фоки (602–610)». В последующих публикациях она исправлена (см.: Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В. Амфоры из комплексов... С. 12).

² См.: Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. С. 106–108.

ценные в предшествующие столетия¹. На основании этих материалов А. И. Айбабин заметил, что херсониты, имевшие торговые связи с населением Юго-Западной Таврики, расплачивались за товары более ранними денежными знаками².

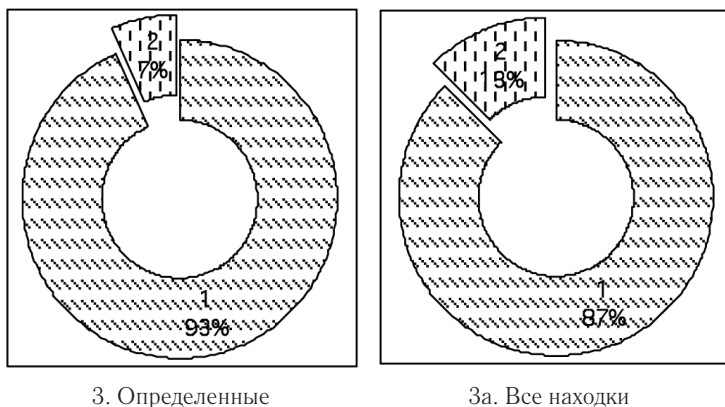

Диаграмма 3, 3а. Соотношение монет VII в. и более ранних в слое разрушения в портовом квартале 2:
1 — ранние монеты; 2 — монеты VII в.³

¹ См.: Веймарн Е. В., Айбабин А. И. Скалистинский могильник. Киев, 1993. С. 167; Айбабин А. И. Погребения конца VII — первой половины VIII в. в Крыму // Древности эпохи Великого переселения народов (V—VIII вв.). М., 1982. С. 186—187; Он же. Могильники VIII — начала IX в. в Крыму // МАИЭТ. 1993. Вып. 3. С. 123.

² См.: Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 164.

³ Анализ существующей ситуации состояния археологических источников позволил греческой исследовательнице Е. Саради отметить, что при обращении к выявлению особенностей развития византийского города следует учитывать использование монет более ранних столетий; после закрытия провинциальных монетных дворов ранняя монета находилась в обращении подчас более века. И это явление характерно не только для Византии, но засвидетельствовано и «на Западе в начале средневековья» (см.: Saradi H. G. The byzantine City in the sixth Century. Literary Images and Historical Reality. Athens, 2006. P. 22). Вслед за Хр. Бурасом она отмечает и причины малочисленности данных археологии.

Итак, если не учитывать конкретную археологическую ситуацию, действительно, количество монет, выпущенных в VII в., единично (это постоянно отмечается в публикациях, посвященных периоду «темных веков»). Но в обращении находились монеты предшествующего времени. Следовательно, при составлении статистико-хронологических таблиц, которые приводятся как доказательство упадка византийских городов в период «темных веков», должны быть учтены все монеты, которые продолжали «ходить» на рынке.

Детальный анализ нумизматических источников Херсона — это дело специалистов. Наиболее полно монетное дело представлено в статьях и монографиях И. В. Соколовой и В. А. Анохина. Не останавливаясь на дискуссии относительно хронологии отдельных типов монет, обратим внимание на замечания о методике использования нумизматических материалов. В частности, И. В. Соколова, хорошо знающая состав коллекций Херсонесского заповедника и Эрмитажа, отметила: «Методика использования нумизматических свидетельств сторонников данной теории (глубокого упадка византийского города. — *А. Р.*), основывающих многие свои доказательства на количественном подсчете опубликованных в каталогах монет, имеет много уязвимых мест»¹. Вывод исследовательницы подтверждают приведенные выше примеры.

Относительно работы монетного двора Херсона В. А. Анохин писал, что в период правления Ираклия были проведены меры по упорядочению денежного обращения: массовая надчеканка находившейся в употреблении монеты, в том числе и на монетах IV–V вв. «Эта реформа обеспечила стабильность денежного обращения на длительный отрезок времени. При Ираклии монетный двор Херсона прекращает свою деятельность. (Обратим внимание на продолжение фразы.) Факт прекращения собственной чеканки не может быть использован как довод в пользу тезиса об упадке городской экономики». Перерыв в выпуске монет В. А. Анохин объяснял влиянием политических событий, а не экономическими причинами².

¹ См.: Соколова И. В. Монеты и печати... С. 110; Она же. Клады византийских монет как источник для истории Византии VIII–XI вв. // ВВ. 1959. Т. 15. С. 50–63.

² См.: Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса... С. 108.

При малочисленности письменных источников относительно внутренней истории византийского города для реконструкции его экономического развития все большую роль приобретают археологические свидетельства. Они позволяют составить представление и о связях города и округи. К числу последних «поступлений» источников, касающихся Херсона периода «темных веков», относятся клады, опубликованные Н. А. Алексеенко. Состав их убеждает в наличии товарооборота в дискуссионное для истории города время; примечателен и вывод автора: Херсон «не обнищал и не обезлюдел»¹. Однако прежде, чем стало возможным такое согласие с тезисом, который первоначально вызвал полное неприятие, прошло, как было показано выше, более тридцати лет.

В тот период, когда впервые прозвучал тезис о субъективном характере посланий папы Мартина, другие доказательства, позволяющие «смягчить» негативную окраску жизни в Херсоне, являлись косвенными. Потому и стал возможным упрек тем, кто писал о наличии субъективного элемента в письмах папы Мартина: «Следовать подобным версиям, полностью обесценивающим источник, можно лишь при наличии непосредственных документальных свидетельств в их пользу»². Теперь они появились, вернее, создан значительный массив предметов, позволивших подтвердить тезис о том, что папа Мартин преувеличивал «скудость и нищету Херсона».

Большое значение для истории Херсона периода «темных веков» имеют выявленные в 90-х гг. XX в. Н. А. Алексеенко уникальные материалы: печати из «архива города»³ (полная обработка их не завершена).

Вторым столь же значимым открытием, уточняющим наши представления о Херсоне VII—VIII вв., **явилось «обнаружение остатков судакского архива»**, что позволило отметить наличие связей между двумя городами Таврики в VIII в. Проанализировав 50 моливдовулов конца VII—VIII в., найденных в море около Судакской крепости, Е. В. Степа-

¹ См.: Алексеенко Н. А. Денежное обращение округи византийского Херсона в VII в. // МАИЭТ. 2005. Вып. 11. С. 437—451; также см.: Алексеенко Н. А., Ковалевская Л. А. Клад позднеантичных и раннесредневековых монет из округи Херсонеса // Проблемы античной культуры: Тез. докл. Симферополь, 1988. Ч. 3. С. 231—232.

² См.: Бородин О. Р. Римский папа Мартин I... С. 185.

³ См., например: Алексеенко Н. А. Архонтия Херсона VIII—IX вв. по данным сфрагистики // МАИЭТ. 2002. Вып. 9. С. 455—500.

нова показала, что 11 из них (фактически каждая пятая) принадлежат Херсону, что свидетельствует об активности взаимоотношений между городами¹. Кроме того, как заметил в последующем С. Б. Сорочан, печати свидетельствуют о подчиненности Сугдеи властям Херсона².

Почти тридцать лет назад на XVI Международном византиноведческом конгрессе греческий историк Хр. Бурас говорил о наличии построенных на археологическом материале диаметрально противоположных выводов в отношении византийских городов в период «темных веков»³. Новые находки в Крыму способствуют сближению взглядов и позволяют скорректировать мнения историков об особенностях развития византийского провинциального города в целом.

В свете сказанного об «археологических лакунах», «умолчании источников» хотелось бы обратить внимание, что, в сущности, они не «молчали», только в связи с концептуальными положениям авторов штудий по истории Херсона на них не обращали должного внимания. Как это ни парадоксально звучит, именно для периода «темных веков» существует наибольшее число упоминаний города в письменных источниках. И пожалуй, наиболее информативными о событиях, происходивших в городе и его округе, о характере взаимоотношений двух миров (херсонитов и хазар) являются хроники Никифора и Феофана, описавших ссылку в Херсон Юстиниана II.

Ссылка Юстиниана II и вопрос о том, кто возглавил провозглашение в Херсоне нового императора

В 695 г. свергнутый с престола император Юстиниан II был отправлен в ссылку в Херсон. Некоторые детали его пребывания в городе и последовавшие вслед за этим события описаны византийскими хро-

¹ См.: Степанова Е. В. О связях Херсона и Сугдеи по данным сфрагистических архивов // Херсонес Таврический. У истоков мировых цивилизаций: Материалы науч. конф. Севастополь, 2001. С. 24; Она же. Новые находки из судакского архива печатей // Сугдея, Сурож, Солдаёй в истории и культуре Руси—Украины: Материалы науч. конф., 16–22 сентября 2002 г. Киев; Судак, 2002. С. 231–233.

² См.: Сорочан С. Б. Византия и хазары в Таврике: Господство или кондоминимум? // ПИФК. 2002. Вып. 12. С. 517.

³ См.: Bouras Ch. City and Village. P. 617.

нистами и неоднократно использовались при анализе таких сюжетов, как взаимоотношения хазар и Херсона и особенности статуса города в системе империи.

Феофан Исповедник в «Хронографии» рассказывает¹: «Когда Юстиниан, живший [в это время] в Херсонесе, заявил, что вновь собирается царствовать, тамошние жители, убоявшись опасности со стороны империи, решили либо убить его, либо выслать василевсу. А он, проведая [об этом], смог спастись бегством и, достигнув Дараса, потребовал свидания с хаганом хазар. Узнав [об этом], хаган принял Юстиниана с величайшими почестями и отдал ему в жены Феодору, свою кровную сестру. Спустя некоторое время Юстиниан, отпросившись у хагана, уехал в Фанагорию и жил там с Феодорой». (Далее речь идет о том, что провозглашенный после свержения Леонтия (695—698) новый император Тиверий Аписмар (698—705) склонил хагана за богатые дары выдать Юстиниана живым или мертвым.) «Хаган уступил такой просьбе и послал Юстиниану охрану под предлогом, как бы его собственные соплеменники не устроили против него заговор, а [сам] приказал Папацу, бывшему в Фанагории от его лица, и Валгицу, архонту Босфора, убить Юстиниана, как только им дадут знать». (Извещенный Феодорой Юстиниан убивает Валгицу и Папацу и, отослав жену в Хазарию, бежит.) Он «дошел до Символа, недалеко от Херсона. Послав тайно в Херсон, он взял с собой Барисбакура и его брата, а также Салива и Стефана, Моропавла с Феофилом. Отплыв вместе с ними, Юстиниан прошел мимо маяка Херсона, потом также Некропилы, устье Днепра и Днестра». (С помощью болгарского правителя Тервела Юстиниан возвращает трон.)

706/707 г. Казни в Константинополе; приезд Феодоры.

711/712 гг. «Юстиниан отправил в Херсон по злопамятству патрикия Мавра с патрикием Стефаном, по прозвищу Асмикт. Помня о заговоре против него херсонитов, босфориан и остальных климатов, он ... снарядил большой флот на средства жителей города. ... Отослав их, василевс приказал истребить мечом всех жителей в тех крепостях, и никого не оставлять в живых. Юстиниан придал им также спафария

¹ Цит. по: Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980. С. 62—63.

Илью, которого должны были поставить архонтом Херсона¹. Ромеи, прибыв в Херсон, захватили крепость, так как никто не воспротивился, и уничтожили всех мечом, кроме подростков, пощадив их как неразумных и годных в услужение. А Тудуна — архонта Херсона, бывшего там от лица хагана, и Зоила, первого гражданина по роду и племени, также и сорок знатных мужей, протевонов Херсона, вместе с семьями, связанными отослали василевсу. Других же семь протевонов Херсона ромеи подвесили на деревянных вертелах и зажарили на огне; остальных двадцать, связав им руки за спиной и привязав к ремням хеландия, наполнили его камнями и потопили в пучине». Узнав о спасении подростков, Юстиниан потребовал возвращения флотилии в Константинополь. По дороге в столицу из-за бури (наступил уже октябрь) многие корабли погибли. Юстиниан угрожает послать новую экспедицию, с тем чтобы сровнять с землей город «вплоть до стен». Узнав об этом, «жители крепостей приняли меры к безопасности и, вынужденные задумать [что-то] против василевса, послали к хагану в Хазарию просить войска для своей охраны. Между тем восстает спафарий Илья и изгнанник Вардан, ... который был с флотом в Херсоне. Узнав об этом, Юстиниан послал [в Херсон] с небольшим числом дромонов патрикия и логофета Георгия, по прозвищу Сириец, епарха Иоанна и турмарха Фрасийцев Христофора с тремястами вооруженными воинами, передав им тудуна и Зоила, которым они должны были вернуть их прежнее [положение] в Херсоне; а через послов они должны были оправдаться перед хаганом, Илью же и Вардана — привезти к василевсу. Когда ромеи переправились в Херсон, херсониты отказались вступать с ними в мирные переговоры. На следующий день горожане, склонив войти в город только [Георгия, Иоанна и Христофора], закрыли ворота, логофета геникона вместе с епархом зарубили мечом, а Тудуна, Зоила и упомянутого турмарха с тремястами стратиотами выдали хазарам и отослали хагану. Когда в дороге умер Тудун, хазары принесли ему жертву, убив турмарха с тремястами стратиотами. Тогда херсониты и жители других крепостей свергли Юстиниана и провозгласили василевсом сосланного туда Вардана-Филиппика». Возглавивший новую карательную экспедицию патрикий Мавр Бесса, имевший в своем рас-

¹ Обратим внимание на слова «поставить архонтом Херсона».

поряжении тараны и другие осадные орудия, разрушил две расположенные рядом башни — Кентенарисий и Сиагр, «но тут пришли хазары, и наступило перемирие. Вардан, бежав, прибыл к хагану. Покуда флот бездействовал и в то же время не осмеливался вернуться к василевсу, ромеи низложили Юстиниана, а Вардана провозгласили василевсом и попросили хагана выдать им Филиппика. Но каган потребовал с них обещание не предавать Вардана и доставить ему за каждого человека по номисме¹. Тотчас дав это, они получили василевсом Филиппика». Завершается описание событий сообщением о возвращении флота в Константинополь и воцарении нового императора².

Более кратко освещает события Никифор. Не повторяя приводимого им описания, обратим внимание только на использованные хронистом термины. Аписмар, узнавший о стремлении Юстиниана вернуться на трон, просил «архонта хазар» выдать ему находившегося на Боспоре беглеца. Хаган приказывает «архонту из соплеменников, жившему при Юстиниане, а также архонту Скифского Боспора выжидать, пока он не поручит им убить Юстиниана». Вернувшийся на престол Юстиниан снаряжает огромный флот с приказом «истребить весь народ в Херсоне, Босфоре и других архонтсвах, а своего дорифора Илью поставить архонтом Херсона». Казнь семи мужей из первенствующих Херсона, «до двадцати мужей, управляющих другими городами», потоплены в море. Узнав о новой карательной экспедиции, «архонты тех областей» обращаются к хазарам с просьбой о военной помощи³.

Описывая действия Юстиниана II, византийские историки называли

¹ В связи с упоминанием своеобразной выплаты за Вардана вспомним слова папы Мартина о стоимости хлеба. Правда, их отделяет 50 лет, и цены за это время не могли не измениться. И. В. Соколова полагает, что это весьма внушительная сумма и то, что она была очень быстро внесена, вряд ли является свидетельством бедственного положения херсонитов. Для сравнения она приводит пример о посылке в Херсон из государственной казны в X в. 10 литр золота (о чем писал Константин Багрянородный), или 720 номисм, что составляло в среднем по десятой части номисмы на человека (Соколова И. В. Монеты и печати... С. 10).

² См.: Феофан Исповедник. Хронография / Пер. И. С. Чичурова. С. 63–65.

³ См.: Никифор. Бревиарий / Пер. И. С. Чичурова. С. 163–164.

их причиной мести херсонитам, которые не поддерживали ссыльного императора в его стремлении вернуть трон. Только ли особенности личности императора привели к организации карательных экспедиций, закончившихся для императора трагически?

О личности и характере Юстиниана II и его отношении к херсонитам

В 685 г., когда Юстиниан II был провозглашен императором, ему было 16 лет. Историки отмечают, что этот чрезвычайно властолюбивый, воинственный, безрассудный в решениях, беспощадный к действительным и мнимым врагам человек обладал неутолимой энергией. В первый период царствования он подчинил Фракию, населенную славянами, и около 30 тыс. ее жителей были переселены в Вифинию. Во главе славянских колоний был поставлен начальник «славянских рабов Вифинской провинции». Посаженные на землю переселенцы стали защитой пограничной зоны. Однако во время начавшейся в 692 г. войны с арабами славяне переходят на сторону неприятеля.

Правительство Юстиниана II ввело ряд новых обременительных налогов, от которых страдали жители и городов, и сельской местности. Основная тяжесть налогового бремени ложилась на состоятельную городскую знать. Она же должна была финансировать строительные работы; невыполнение требований приводило к арестам, казням, конфискациям имущества. Недовольство создало основу для заговора, поддержанного военными. После свержения Юстиниана II императором провозглашен полководец Леонтий. В отличие от Юстиниана, боровшегося против городской аристократии, Леонтий являлся ставленником патрициата столицы. Но против него выступили в 698 г. фемные войска во главе с Апсимаром. После четырехмесячной осады Константинополь был захвачен, а Апсимар под именем Тиверия III (698–705) провозглашен императором.

К этому времени и относится описанный хронистами сюжет о вторичном воцарении Юстиниана II. Щедро расплатившись с болгарами за помощь, он обрушил репрессии против городской знати и командного состава фемного войска. Карательные экспедиции Юстиниана против херсонитов — это составная часть политики, направленной против го-

родской знати. Личная месть, о которой сообщают историки, является лишь видимым проявлением деспотического характера мстительного императора. Обратим внимание на замечание С. Б. Сорочана по этому поводу: Юстиниан II **стремился «к замене муниципальных властей присылаемыми из центра стратигами»**¹. Данная фраза косвенно свидетельствует о наличии муниципального управления в Херсоне.

717 г. — период смут в Византии, начавшихся в 695 г. со времени свержения с престола Юстиниана II, завершается провозглашением Льва III, ставшего основателем новой Исаврийской династии.

В свете политики Юстиниана, проводимой в первый период его царствования, понятно его стремление «стереть с лица земли» город, в котором имелась значительная прослойка городской знати — протевонов, возглавляемых протополитом (первым гражданином) Зоилом. В конечном итоге — это попытка уничтожить тот слой, который мог возглавить или возглавлял (последнее вероятнее) граждан Херсона.

Во взаимоотношениях между людьми симпатии и антипатии играют большую роль, характерно это явление для представителей власти. Однако основанием для деятельности государственного лица являются не столько чувства, сколько целесообразность того или иного мероприятия, безусловно, как она им понимается, поэтому «месть Юстиниана II» **херсонитам, жителям одного из провинциальных центров империи**, следует рассматривать с учетом проводимой им и ранее политической доктрины, стремления к централизации и укреплению контроля столицы.

В борьбе императора с Херсоном слились воедино две тенденции — государственная необходимость и неприязнь к городу, жители которого «донесли» о его стремлении вернуться в Константинополь в качестве императора.

При описании событий начала VIII в. хронисты отметили, что во время репрессий 27 протевонов было казнено, а 40 знатных мужей,

¹ См.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 342. Вывод подкреплен ссылками на работы: Сюзюмов М. Я. Византийский город... С. 38—70; Head С. Justinian II of Byzantium. Madison, 1972. P. 685. Вскользь брошенное замечание о ликвидации муниципальных властей нам будет необходимо при анализе концепции автора о «призраке самоуправления».

вместе с первым среди них Зоилом и Тудуном, бывшим в Херсонесе от лица хагана, были отправлены в столицу. Скорее всего, находящиеся под наблюдением в Константинополе представители городской верхушки стали заложниками, благодаря которым должно было быть обеспечено «понимание» между императором и остальными горожанами. Возможно, что хронисты преувеличивают численность знатных граждан, как и масштабы репрессий и величину войска, посланного против Херсона.

Однако вряд ли они ошибаются в приводимой для обозначения правителей окрестных крепостей терминологии. Характерно, что во главе второй экспедиции в Херсон, которая должна была вернуть Тудуна и Зоила в «прежнее состояние», стоял патрикий и логофет геникона Георгий. Это должность главы финансового ведомства и государственной сокровищницы, где сосредотачивались налоговые поступления. Сбором налогов в ведомстве ведал комеркиарий. Вторым лицом, на которого возлагалась задача обеспечить порядок в Херсонесе, являлся городской эпарх — один из высших должностных лиц в империи. В руках константинопольского эпарха была сосредоточена административная и судебная власть. В столице — это, в сущности, второе лицо после императора. Если учесть, что посланные должны были принести извинения хазарскому хагану, понятным становится столь высокий ранг чиновников, в сопровождении которых возвращались в «прежнее состояние» Тундун и Зоил. Но отправка главы финансового ведомства позволяет полагать, что, кроме «урегулирования» взаимоотношений с хазарами, посланцам следовало решить и финансовые проблемы. Во время первой экспедиции, как отметили хронисты, херсониты не оказали сопротивления, но результатом ее стали репрессии, направленные против городской верхушки. Посылая вместе с логофетом геникона Георгием и эпархом для наведения порядка небольшое число дромонов (отмечено в источниках, «дромонов логофета геникона» и отряд численностью в 300 человек) и нового архонта Илью, император вряд ли мог предполагать о последующем ходе событий. Несмотря на репрессивные меры против протевонов Херсона, сомнений в верноподданнических чувствах херсонитов, как можно полагать, у Юстиниана не возникло, тем более что в столице находились заложники. В противном случае вряд ли сюда был переве-

ден в ссылку знатный армянин Вардан, которому было предсказано стать императором.

На основании анализа приведенных выше свидетельств историков С. Б. Сорочан делает вывод, который согласуется с разработанной им концепцией кондоминатной зоны в Таврике. Задачи посольства Георгия — это примирение с хаганом из-за «ареста» Тудуна, обеспечение сбора налогов. Рисуемое в источниках поведение императора свидетельствует, что после репрессий первой карательной экспедиции и наличия заложников Юстиниан II не усомнился в том, что херсониты воспротивятся его воле. Император мог рассчитывать на отсутствие сложностей в восстановлении союзных отношений с хазарами благодаря браку с сестрой хагана. Однако разыгравшиеся события опрокинули возможные расчеты¹.

Толкование термина «тудун» и изображенный хронистами ход событий привели С. Б. Сорочана к постановке проблемы кондомината, времени его возникновения и кризиса. Но прежде обращения к этому вопросу следует остановить внимание на взглядах исследователей в целом относительно варварского мира, соседствующего с Херсоном.

¹ См.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 337–348.

Очерк 2. ХЕРСОН И ВАРВАРЫ

Я обещал в труде своем представить истину и нигде, как думаю, сознательно не отступил от этого обещания умолчанием и ложью. Остальные события пусть опишут другие. Более сильные, чем я, имеющие преимущества молодых лет и учености.

Аммиан Марцеллин. XXVI, 16,9

Появление гуннов в Причерноморье. Периодизация варварских волн в Таврике и свидетельства о соседях Херсона. Отражение в трудах историков этнической картины Северного Причерноморья. «Готский вопрос» применительно к истории Таврики. Дискуссия о фортификационном строительстве Херсонеса—Херсона. Раскопки оборонительных стен К. К. Косцюшкой-Валюжиничем. А. Л. Бертье-Делагард о крепостном строительстве. Монографическое изучение оборонительных стен в первой половине XX в. Выводы И. А. Антоновой о крепостном строительстве. Таврика: протекторат хазар или кондоминатная зона? Периодизации миграционных процессов А. И. Айбабина. Крымский вариант салтовомаяцкой культуры в работах И. А. Баранова. Хазары и Херсон. От кого защищал построенный Петроной Каматиром Саркел.

Эпоха Великого переселения народов существенно изменила этническую картину Римской империи и ее наследницы Византии. Особенно сильно сказались эти изменения в пограничных районах, и ранее являвшихся зоной контактов между варварским и греко-римским миром. К числу таких территорий относится Северное Причерноморье.

Этническая история Таврики позднеантичного, раннесредневекового времени относится к числу сложнейших тем. Как и во многих других случаях, причиной, не позволяющей составить целостную картину, является состояние источников: их фрагментарность и малочисленность, а также противоречивость сообщений древних авторов относительно племенного мира Северного Причерноморья.

Появление гуннов в Причерноморье

Современник событий Аммиан Марцеллин, который считается последним представителем историков античности¹, следующим образом описывает население Крыма: «Неподалеку отсюда лежит Меотида, занимающая весьма большое пространство. ... Вокруг этих крайних и отдаленных болот обитает множество народов, весьма различных между собой по языку и обычаям: яксаматы, меоты, язиги, роксоланы, аланы, меланхтоны, гелоны и агафирсы. ... За этими народами еще дальше обитают другие, нам неизвестные, так как они живут дальше всех вглубь материка» (Amm. Marz. XXII, 8,30–31). За Меотидским озером обитает еще одно племя, «превосходящее другие своей дикостью всякую меру» — гунны (Amm. Marz. XXXI, 2,1). В числе центров, лежавших на правом берегу Пантикапейского (Керченского) пролива, историк назвал Фанагорию и Гермонассу, а на левой стороне (в Таврике) находятся Евпатория и Феодосия. Относительно населения, соседствующего с греческими городами, он заметил, что оно «живет спокойно и миролюбиво, полагая свои заботы в земледелии и питается плодами земли» (Amm. Marz. XXII, 8,32).

Так Аммиан Марцеллин характеризует ситуацию в Таврике, которая относится к начальному периоду эпохи Великого переселения народов. Расположенные в Северо-Причерноморском регионе города первыми приняли удар миграционных волн. Сначала гунны и готы, позднее хазары, половцы и печенеги на некоторое время являлись ближайшими соседями жителей городов прибрежной зоны Черного моря.

На основании письменных источников, за небольшим исключением, трудно представить, как складывались взаимоотношения с пришельцами тех, кто находился под защитой крепостных стен. Однако тотальных следов разрушений, которые относятся к раннесредневековому времени, до настоящего времени на территории Херсонесского городища не выявлено.

Первой значительной силой, устранившей римлян, стали гунны, европейский период истории которых, по мнению историков, начинается с

¹ См.: Mackail J. W. The Last Great Roman Historian Classical Studies. N. Y., 1926. P. 159–187; также см.: Seyfarth W. Einführung in: Ammianus Marcellinus. Römische Geschichte. B., 1975. Bd. 1. S. 9.

70-х гг. IV в. Во главе значительного военного объединения они перешли Волгу и двинулись через западный Прикаспий к низовьям Дона, в Приазовье, и далее — в степные районы Таврики. К концу 70-х гг. IV в. гунны закрепляются в Северном Причерноморье, где начинает формироваться центр власти. В конце IV в. — начале V в. они появляются в Нижнем и Среднем Подунавии; на вторую четверть V в. приходятся масштабные завоевательные походы, завершающиеся созданием Державы Атиллы, распавшейся после его смерти. При характерной для гуннов массовой миграции, как считают некоторые исследователи, территория их обитания редко была обособленной, поэтому речь должна идти о территории власти, а не об этнической территории¹.

В VI в., согласно географо-этнографическим представлениям Прокопия Кесарийского, земли, расположенные между Херсоном и Боспором, были заняты гуннами. Рассказывая об отправке на Боспор императором Юстинианом патрикия Прова со значительными средствами для того, чтобы он склонил гуннов помочь ивирам в борьбе с персами, историк сообщил, что Херсон — самый отдаленный город империи (Война с персами. I, 12.6—8). В последующем подобная характеристика еще не раз будет звучать в сочинениях византийских авторов. Так, в связи с описанием миссии Константина Философа говорится: «Этот город пограничный и лежит на окраине царства, и различные варварские толпы весьма часто наезжают туда»².

Но данный пограничный город, вероятно, и в этот период и позднее имел большое значение, недаром боевому состоянию его стен уделялось большое внимание. Так, согласно надписи времен Юстиниана II, комит и дука Херсона предприняли ремонтные работы. Отдельные исследователи полагают, что под контролем дуки находились земли вплоть до Боспора³.

¹ См.: Черниенко Д. А. Гунны в Европе: Историко-этнографический очерк. Ижевск, 2003. С. 40.

² См.: Ягич И. В. Вновь найденное свидетельство о деятельности Константина Философа, первоучителя славян св. Кирилла // ЗАН. 1893. Т. 72. Прил. 6. С. 9—10 (приведены также слова Анастасия библиотекаря, что Херсон почти обезлюдел).

³ См.: Зубарь В. М., Сорочан С. Б. О положении Херсона в конце V—VI вв.: Политический и экономический аспекты // ХСб. 1998. Вып. 9. С. 118—132

Однако среди археологических находок из раскопок Херсонеса и его окрестностей не выявлены материалы, которые свидетельствовали бы о присутствии здесь гуннов. Впрочем, обнаружить таковые чрезвычайно сложно, если учитывать стремительное движение гуннов на восток, отсутствие принадлежащих им долговременных поселений и мощь оборонительных стен города.

Согласно представлениям историков первой половины XX в., приход гуннов в Северное Причерноморье стал концом Боспорского царства. Столица его Пантикапей и соседние города были разорены, большая часть их перестала существовать. Избежавший гуннского опустошения Херсонес превратился в экономический центр и опору византийской власти на полуострове¹. С этого времени, по мнению А. Л. Якобсона, судьбы расположенных в прибрежной зоне городов в Восточной и Юго-Западной части Крымского полуострова имели существенные отличия. Исследователь полагал, что Херсон сохранил в данный период значение торгового центра, в существовании которого были заинтересованы гунны, так как они могли приобретать здесь ремесленные изделия в обмен «на продукты своего скотоводческого хозяйства»².

Обратим взор на восток — к памятникам Восточного Крыма.

Время вторжения гуннов в Таврику ранее определялось на основании материалов из слоев разрушения в одном из Боспорских городов — Тиритаке³. Их анализ, предпринятый в последние годы, и уточнение хронологии находок показали, что встреченные здесь краснолаковые сосуды и амфоры происходят из Малой Азии, Северной Африки, Запад-

(также см.: Зубарь В. М., Сорочан С. Б. Новые данные о положении Херсонеса Таврического в IV — первой половине VII в. н. э. // ССПК (Запорожье). 1997. Вып. 6. С. 123—131). А. И. Айбабин полагает, что в обязанности дуки Херсона входило руководство строительством укреплений в регионе и размещение в них гарнизонов из числа местного населения (Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 226).

¹ См.: Якобсон А. Л. Средневековый Крым: Очерки истории и истории материальной культуры. М.; Л. 1964. С. 7.

² Там же. С. 87.

³ См.: Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. // МИА. 1952. № 25. С. 195—127, 133—134.

ного Причерноморья и являются типичными для комплексов V—VII вв.¹. Другим доказательством разрушений служил инвентарь из склепов, обнаруженных в Керчи. А. И. Айбабин со ссылкой на И. Вернера, разработавшего классификацию одного из типов фибул (пальчатых фибул), обнаруженных в склепах Восточного Крыма², делает вывод о более позднем происхождении склепов и полагает, что Боспор первой половины V в. являлся «центром гуннского господства»³.

Ревизия находок, полученных во время раскопок первой половины XX в., и новые археологические исследования свидетельствуют, что вторжение гуннов не оказало отрицательного воздействия на экономику Боспора, как это считалось ранее. Гунны овладели степью, разрушили Феодосию⁴. Однако на Боспоре сохранилась прежняя династия, по крайней мере, до 483 г. Свидетельством этого является надпись с именем царя Диптуна. Херсон, как, скорее всего, и Боспор, остался в стороне от устремившихся на восток гуннов.

Для IV в. каких-либо сообщений о варварском окружении Херсона и слабости имперской власти в источниках не сохранилось. Но известно, что здесь в 365 г. скрывался племянник Юлиана Прокопий, готовивший заговор против Валента. Опасаясь, что херсониты выдадут его императору, он оставил город, вернувшись на попутном корабле в Константинополь⁵. В следующем году соправитель и брат Валента Валентиниан распорядился сослать в Херсон одного из сподвижников Прокопия Фронемия (Амт. Магз. XXVI, 10,8). Аммиан Марцеллин,

¹ См.: Сазанов А. В., Ивашенко Ю. Ф. К вопросу о датировке позднеантичных слоев городов Боспора // СА. 1989. № 4. С. 84—100.

² См.: Werner J. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956. S. 86, 99.

³ См.: Айбабин А. И. Этническая история... С. 58. Эта же точка зрения высказана в работе: Засецкая И. П. О хронологии и культурной принадлежности памятников южнорусских степей и Казахстана // СА. 1978. № 1. С. 54; Она же. Материалы боспорского некрополя второй половины IV — первой половины V в. н. э. // МАИЭТ. 1993. Вып. 3. С. 38.

⁴ См.: Айбабин А. И. Этническая история... С. 225.

⁵ См.: Zosime. Histoire nouvelle. T. 2, livre IV, 5,2 / Trad. F. Paschoud. P., 1971. P. 266.

описывая гуннов, появившихся в степных районах Таврики в IV в., подчеркнул, что они сокрушают все, что попадает им на пути, но «никогда не приходилось видеть, чтобы они штурмовали укрепление или грабили вражеский лагерь» (Amm. Marz. XXXI, 1,8). Устремившиеся на восток гунны привели в движение и других варваров. В 238 г. готы захватили некоторые города Истрии. С этого времени атаки германцев на границы империи становятся постоянными¹.

Периодизация варварских волн в Таврике и свидетельства о соседях Херсона

На основании анализа внешнеполитической ситуации в целом в современной историографии существует следующая периодизация этнических изменений в Таврике. Первый этап: середина III в. н. э.; второй: от вторжения гуннов до прихода к власти Юстиниана I; третий: с середины VI в. до конца VII в. (появление на полуострове хазар). «Хазарский период» завершается в последней четверти IX в. — время изгнания их с территории Крыма². Но это лишь одна из точек зрения. Дискуссионными являются вопросы о времени появления хазар в Таврике, характере их взаимоотношений с городскими центрами и империей и влиянии политической ситуации на экономическое развитие городов, различии их судеб в Восточной (Боспор) и Юго-Западной частях полуострова.

По мнению А. И. Айбабина, первые значительные разрушения в Восточном Крыму вызваны приходом тюрков в 576 г.³. Менандр Протиктор, касаясь правления Тиберия II (578—582), заметил, что спустя некоторое время после захвата Боспора, тюрки угрожали Херсону, но овладеть им не смогли⁴. Что предотвратило захват города: мощные стены или события, происходившие в Тюркском каганате, сказать

¹ См.: Wolfram H. *Histoire des Goths*. P., 1990. S. 61—65.

² См.: Айбабин А. И. *Этническая история...* 1999. С. 12.

³ Там же. С. 137.

⁴ См.: Menander Protector. *Fragmenta*, 62 / Ed. L. Dindorf // HGM. Lipsiae, 1871. T. 2. P. 125, 26—30.

трудно. Правда, С. Б. Сорочан полагает, что спасла херсонитов смерть кагана в 581 г.¹ В таком случае оказывается, что противостояние длилось почти 5 лет, что вряд ли могло иметь место в действительности. Восстановить хронологически последовательную картину происходивших в Таврике событий не представляется возможным, поскольку существуют только единичные свидетельства, отделенные друг от друга многими десятилетиями. К их числу относится характеристика взаимоотношений херсонитов с новыми соседями, которую оставил Иордан, упоминая, что на побережье Скифии расположены «небезызвестные города Борисфенида, Ольвия, Каллиполида, Херсона, Феодосия, Кареон, Мирмикий». В «Гетике» говорится также, что в этом регионе обитают акациры, не ведающие злаков, но питающиеся «от скота и охоты». «Далее за ними тянутся над Понтийским морем места расселения булгар. Там же находятся гунны. Одни из них зовутся альциагирами, другие — савирами. Но места их поселения раздельны: альциагиры — около Херсоны, куда жадный купец ввозит богатства Азии» (Гетика, 32).

Безусловно, для оказавшихся в непосредственной близости двух миров характерна конфронтация, но существовали и длительные периоды мирного сосуществования. Ремесленники Херсона и Боспора приспосабливались к вкусам варварской среды. В Северном Причерноморье в раннесредневековый период распространяется новая мода, отразившаяся в использовании и варварами, и горожанами (Херсона, например) однотипных украшений одежды. К сожалению, в значительной мере некрополь Херсона был раскопан в конце XIX — начале XX в., когда не производилось должной фиксации находок, соотнесения их с изучаемыми комплексами. Однако сохранившиеся в фондах Херсонесского заповедника материалы свидетельствуют о том, что фибулы и пряжки, которые встречались в захоронениях, известны и на других памятниках Крыма. Более того, А. И. Айбабин полагает, что в Херсоне существовало их производство². Матрицы для пряжек, по мнению

¹ См.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 175.

² См.: Айбабин А. И. О производстве поясных наборов в раннесредневековом Херсоне // СА. 1982. № 3. С. 190—198.

С. Б. Сорочана, принадлежали «заезжим ремесленникам», продукция которых предназначалась для сельского населения — федератов¹. (А почему бы и не для херсонитов? Ведь такие изделия встречались во время раскопок некрополя Херсона).

Отражение в трудах историков этнической картины Северного Причерноморья

Вопросы этнической истории стали предметом пристального внимания исследователей во второй половине XX в., но это не означает, что данная тема не разрабатывалась ранее. Отдельные замечания имеются фактически у всех историков, которые обращались к истории Таврики. Более того, можно сказать, что первым, кто выдвинул концепцию господства хазар в Таврике и власти их над Херсоном, являлся В. Н. Татищев. В примечаниях к «Истории Российской» он отметил: «Хазары и Херсоном владели»². Однако более полно этническая картина в связи с историей готов представлена в работе А. А. Васильева³.

Об актуальности «варварской проблематики» в наши дни свидетельствуют специальные конференции и интернациональные проекты, в рамках которых исследуются археологические памятники, оставленные варварами⁴. Археологические раскопки имеют большое значение потому, что в письменных источниках данные о специфике взаимоотношений варваров и херсонитов отрывочны и немногочисленны. Они хорошо известны и неоднократно привлекались исследователями при реконструкции событийной истории Северного Причерноморья. Не

¹ См.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 243.

² См.: Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1963. Т. 2. С. 176.

³ См.: Васильев А. А. Готы в Крыму. Ч. 1 // ИРАИМК (Пг.). 1921. Вып. 1. С. 265—344; Он же. Готы в Крыму. Ч. 2: Время византийского, хазарского и русского влияния (с VI до начала XI в.) // ИГАИМК. 1927. Вып. 5. С. 179—282; переработанное издание: Vasiliev A. A. The Goths in Crimea. Cambridge (Mass.), 1936.

⁴ См.: Айбабин А. И., Пиле К. Варвары на границах Римской империи в Нормандии и Крыму в эпоху Великого переселения народов // БИ. 2002. Т. 2. С. 5—18.

касясь всех вопросов, обсуждаемых в исторической науке относительно этнической картины Крыма, остановим внимание только на тех наблюдениях, которые относятся непосредственно к Херсону. Они с известной долей вероятности позволяют судить, как складывались взаимоотношения двух миров в Юго-Западном регионе полуострова. Так как анализ взглядов историков на события, происходившие в Крыму в раннесредневековый период, является специальной темой, приведем только синопсис работ по «варварской проблематике», с тем чтобы представить, как изменялись взгляды различных поколений исследователей на макросреду обитания херсонитов до появления здесь фемы.

«Готский вопрос» применительно к истории Таврики

Истоки обращения к проблеме взаимовлияния варваров и эллинов в Северном Причерноморье восходят к штудиям выдающегося историка античности М. И. Ростовцева, изложившего свое видение проблемы «эллиинства» и «иранства» на юге России¹. При обсуждении раннесредневековой истории Таврики некоторые из поставленных исследователем вопросов, несмотря на дискуссионность отдельных выводов в свете новых археологических источников, представляют интерес. Однако первым фундированным трудом по «варварской проблематике» Таврики стала работа А. А. Васильева «Готы в Крыму».

Его предшественники — историки конца XIX — первых десятилетий XX в. — на основании свидетельств письменных источников только констатировали наличие в Крыму потомков древнегерманских племен².

¹ См.: Ростовцев М. И. Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918. Подробно дискуссии различных лет по «готскому вопросу» изложены в коллективной монографии: Колтухов С. Г., Юрочкин В. Ю. От Скифии к Готии. Симферополь, 2004.

² См.: Кеппен П. И. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических // Крымский сборник. СПб., 1837; Кондараки В. Х. Христианство в Тавриде. Одесса, 1871; Арсений. Готская епархия в Крыму // ЖМНП. 1873. № 1; Куник А. А. О записке Готского топарха // ЗАН. 1874. Т. 24, кн. 1. С. 61—160; Брун Ф. К. Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России. Одесса, 1879—1880. Ч. 1, 2 («готской проблематике» посвящена вторая

«Готский вопрос» стал одним из объектов дискуссий в 50-х гг. XX в. Это было вызвано, с одной стороны, накоплением археологического материала, позволившего обратиться к детальному анализу этнической истории, с другой — идеологическим давлением на историков, политической задачей: найти прародину восточных славян¹. Показательными являются изложение «готской» проблемы и отрицание «сказок о крымских готах» старой литературы в небольшой по объему популярной книге П. Н. Надинского², а также развернувшаяся на Объединенной научной сессии Отделения истории и философии АН СССР и Крымского филиала АН (создан в 1947 г.) дискуссия.

На основании стенограммы заседаний крымские исследователи С. Г. Колтухов и В. Ю. Юрочкин³ воссоздали напряженные и подчас далекие от научного подхода споры, для которых являлись характерными обвинения в аполитичности.

Среди других упоминавшихся в выступлениях статей была названа совместная работа С. Ф. Стржелецкого и Е. В. Веймарна о славянах в Крыму⁴, где авторы писали о появлении мигрантов-славян в эпоху

часть исследования Ф. К. Бруна: Черноморские готы и следы долгого их пребывания в Южной России // Черноморье. Одесса, 1889). Также см.: Брун Ф. К. О крымских готах. СПб., 1890; Штерн Э. Р. К вопросу о происхождении «готского стиля» предметов ювелирного искусства // ЗООИД. 1897. Вып. 20; Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса в VI—X вв. по Р. Хр. // ПХХ. 1908. Вып. 3; Вестберг Ф. Записка готского топарха // ВВ. 1909. Т. 15, вып. 1—2; Васильевский В. Г. Житие Иоанна Готского // Труды. СПб., 1912. Т. 2; Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды. Краткий исторический очерк. 2-е изд. Киев, 1914 (Киев, 2002).

¹ См.: Колтухов С. Г., Юрочкин В. Ю. От Скифии к Готии. С. 107.

² См.: Надинский П. Н. Очерки по истории Крыма. 1. Симферополь, 1952.

³ См.: Колтухов С. Г., Юрочкин В. Ю. От Скифии к Готии. С. 108—119.

⁴ В годы, когда актуальность «поиска славян в Крыму» утратила остроту, к историографии этого сюжета обратился И. С. Пиоро: К вопросу о ранних славянах в Крыму в исторической литературе // Вестн. Киев. ун-та. Ист. науки. 1980. Вып. 22. С. 102—109 (на укр. яз.).

переселения народов, приводя в качестве примеров материалы из раскопок некоторых некрополей неподалеку от Херсонеса¹.

На заседаниях сессии А. А. Васильев был представлен как автор антинаучной работы о готах². В итоговой резолюции, как это было принято в те годы, подчеркивалась выдающаяся роль И. В. Сталина и Коммунистической партии и отмечена фальсификация исторической роли готов. Так на некоторое время «готская тема» оказалась закрытой.

Возвращением к анализу письменных источников и обобщением данных археологических разведок можно считать совместную статью О. И. Домбровского и Э. И. Соломоник. Авторы полагали, что готов-федератов, обитавших в стране Дори (на южном побережье Крыма), защищали построенные при императоре Юстиниане I «Длинные стены»³. Безусловно, к этому времени в работах и других историков обсуждался вопрос о стране Дори и строительной деятельности Юстиниана I. В последующем после детального анализа топографии районов, где были обнаружены остатки «Длинных стен», оказалось, что они не могли защищать Южный берег Таврики и относятся к различным хронологическим периодам⁴.

Следующее обращение к «готской проблематике» — это исследование последних десятилетий XX в. и начала XXI столетия: работы киевского исследователя И. С. Пиоро⁵ и австрийского историка

¹ См.: Веймарн Е. В., Стржелецкий С. Ф. К вопросу о славянах в Крыму // ВИ. 1952. № 4.

² Об этом см.: Колтухов С. Г., Юрочкин В. Ю. От Скифии к Готии. С. 116. С таким заявлением выступил П. Н. Надинский, рекомендовавший не упоминать работы А. А. Васильева. Обвинениям подвергся «окопавшийся после Первой мировой войны в Симферополе Н. Л. Эрнст, заделавшийся археологом и проч.», написавший «несколько книжек, конечно, лживых».

³ См.: Соломоник Э. И., Домбровский О. И. О локализации страны Дори // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968. С. 11–44.

⁴ См.: Фирсов Л. В. О положении страны Дори в Таврике // ВВ. 1961. Т. 19 (также см.: Фирсов Л. В. Исары: Очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма. Новосибирск, 1990).

⁵ См.: Пиоро И. С. Крымская Готия: Очерки истории Крыма в позднеантичный период. Киев, 1990 (рец.: Зубарь В. М., Козак Д. Н. // Археологія. 1992. № 1. С. 127–132).

Х.-Ф. Байера¹. Его монография представляет интерес благодаря обширной библиографии, анализу свидетельств письменных источников, однако, «археологическая часть, как и концепция, вызвали существенную критику крымских археологов, особенно для разделов, в которых привлечены материалы раскопок².

И. С. Пиоро обратил внимание на распространение памятников так называемой черняховской культуры, которая считалась «археологическим отражением проникновения племен готского союза». Доказательством обитания готов вблизи Херсона в середине III — первой половине V в. стали материалы некрополей³. Страна Дори, для защиты которой, согласно Прокопию Кесарийскому, Юстиниан I возвел «Длинные стены», локализована И. С. Пиоро в Юго-Западном Крыму, при этом он полагал, что таковыми являются остатки укреплений, загораживающие проходы между горами к плато Мангуп-Кале. В конце IV в., согласно

¹ См.: Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001.

² См.: Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. О некоторых вопросах истории Таврики иконоборческого периода в интерпретации Х.-Ф. Байера // МАИЭТ. 2002. Вып. 9. С. 615—632.

³ К числу таковых принадлежит некрополь, расположенный в Инкерманской долине у подножья высоты Сахарная головка. Исследование его было начато С. Ф. Стржелецким, который не успел опубликовать материалы раскопок. И. С. Пиоро первым подробно описал обнаруженные комплексы. В последующем публикаторы выделили в функционировавшем в течение длительного периода могильнике (с конца I — до начала V в.) несколько фаз в соответствии с изменением этнической картины в Причерноморье. В отличие от исследователей, которые ранее обращались к данным материалам, они отмечают различия в обряде кремации у черняховцев и населения, оставившего могильник; примечателен вывод: попытки выделить в Северном Причерноморье элементы материальной культуры собственно готов являются бесплодными. Вопрос относительно этнической принадлежности погребений, относящихся к каждой из фаз, исследователи оставляют на будущее. Безусловно, тщательно подготовленная публикация будет способствовать этому (см.: Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И. Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия н. э. (по материалам некрополя «Совхоз № 10» // *Stratum plus*. 2003—2004 (2005). № 4. С. 189, 40, 194—195).

его концепции, гунны разгромили готский союз, подчинив обитавших в Таврике алан, но на протяжении всего Средневековья этногеографический термин «Готия» (готы) употреблялся¹.

В работе И. С. Пиоро имеется раздел, носящий название «Население, которого не было», в котором наряду с архаизированным обозначением в трудах средневековых авторов населения Крыма как «тавро-скифы», «скифы», он остановил внимание и на политико-историографических аспектах проблемы «автохтонного происхождения славян» в Крыму или появления их (колонизации) в раннем Средневековье, показав несостоятельность поисков славянского компонента в Таврике, как и искусственное преувеличение значения готов в ее истории². Однако данные историографические проблемы не имеют непосредственного отношения к истории Херсона. В источниках город упоминается как центр, выдержавший волны миграционных потоков, возможно, отчасти благодаря мощи крепостной ограды.

¹ См.: Пиоро И. С. Крымская Готия. С. 57—112, 162—168. Он напоминает, что еще и в XVI в. население Таврики употребляло некоторые слова, которые относили к крымско-готскому диалекту (Там же. С. 168). Для реконструкции событий, участниками которых являлись готы, интерес представляет следующая работа: Schwarcz A. Die Gotischen Seezüge des 3. Jahrhunderts // Die Schwarzmeerküste in der Spätantike und im frühen Mittelalter. Wien, 1992. S. 47—57. Автор ее пишет о готских морских экспедициях, отмечает, что в 238 г. готы вместе с карпами появляются на нижнем Дунае. Около 250 г. Танаис и поселения в нижнем течении Дона разрушены ими. В 253/254 г. появляется на престоле Боспора узурпатор Фарсанцес. Далее он говорит о военных экспедициях Валериана против готов. На основании данных Аммиана Марцеллина отмечает наиболее крупный морской поход 268/269 г., в котором участвовало до 2 000 кораблей. Все побережье Греции было разорено. В 276 г. готы («скифы») возвращаются на северные берега Черного моря. Но после 278 г. набеги готов не осуществлялись. Последний, согласно данным источников, состоялся между 275/276 и 279/280 гг. н. э. Готы, побежденные Боспорским правителем Тайраном, перестали быть угрозой населению городов Северного Причерноморья.

² Вопросы этнической истории Крыма приобрели актуальность в наше время. Это привело к появлению популярных работ. Безусловно, отчасти содержание их строится на выводах историков. Среди популярных сочинений последних лет следует отметить книгу, написанную крымскими историками: От киммерийцев до крымчаков: Народы Крыма с древнейших времен до конца XVIII в. / Ред. И. Н. Храпунов, А. Г. Герцен. Симферополь, 2004.

Дискуссия о фортификационном строительстве Херсонеса – Херсона

Упоминание о «Длинных стенах», возведенных для защиты готов, в трактате Прокопия Кесарийского «О постройках» приведено наряду с рассказом о сооружении Юстинианом I крепостей Алустон и Горзувиты и ремонтных работах оборонительных сооружений в Херсоне и на Боспоре (Прокопий. О постройках, III. 7, 10).

Историографический сюжет о фортификации Херсонеса-Херсона многогранен. Анализ и периодизация оборонительных стен позволили в XIX в. решить вопрос о местоположении древнейшего Херсонеса, выявить размеры города в тот или иной хронологический период. Внешнеполитическая обстановка, состояние экономики отчасти находят отражение в проведении строительных или кардинальных ремонтных работ оборонительных сооружений, что и обуславливает внимание к строительной биографии крепостной ограды города.

Истоки дискуссии о времени возведения куртин и башен Херсонеса-Херсона восходят к раскопкам К. К. Косцюшки-Валюжинича и первоначально касались только наиболее раннего хронологического периода. Изменение взглядов исследователей на фортификацию города прослеживается в работах А. Л. Бертье-Делагарда, К. Э. Гриневича, А. Л. Якобсона и посвятившей многие годы изучению фортификации Херсонеса И. А. Антоновой. При этом историки анализировали как античные, так и средневековые сооружения, поэтому историографический сюжет о крепостной ограде города вызывает необходимость отступления от хронологии и обращение к периодизации крепостного строительства города в целом, а не только византийского времени.

Раскопки оборонительных стен К. К. Косцюшкой-Валюжиничем

Трудно объяснить, почему именно ранним, дохристианским находкам К. К. Косцюшко-Валюжинич придавал большее значение в сравнении с византийскими. Возможно, причиной являлось то, что о значении города, особенно в связи с походом князя Владимира и крещением Руси, к этому времени было написано уже немало.

Итак, с первых лет раскопок К. К. Косцюшко поставил две главные цели: найти древний — ранний — Херсонес и создать музей, что должно было предотвратить расхищение и продажу древностей Херсонеса. А для доказательства местоположения раннего города большое значение имело изучение его фортификации. Последуем за сообщениями К. К. Косцюшки-Валюжинича о раскопках оборонительных стен.

1893—1894 гг. Обнаружен фрагмент древней оборонительной стены в юго-западном углу городища. Стремясь продолжить раскопки, К. К. Косцюшко обратился к настоятелю монастыря: (Стена) «указывает прежние очертания Карантинной бухты и определяет площадь, которую занимал древний город. ... Я уверен, что Ваше Высокопреподобие, обратите Ваше преосвященное внимание на этот чрезвычайно важный для истории Херсонеса вопрос и окажите содействие к его успешному разрешению»¹. (Так как стена поворачивала на запад и шла через монастырский виноградник, Косцюшко стремился получить разрешение «выявить ее полное направление», отметив, что «она облицована штучным камнем».)

1895—1896 гг. В 1895 г. К. К. Косцюшко приступил к изучению оборонительных стен в портовом районе. Раскопки, открывшие значительный участок крепостной ограды, продолжались до 1905 г. Они привели к обнаружению материалов, на основании которых появилась возможность судить о топографии античного Херсонеса². Одновременно

¹ См.: Косцюшко-Валюжинич К. К. — Архимандриту Александру, 06.01.1895 г. // Арх. НЗХТ, д. 42, № 44.

² Большое значение открытию оборонительных стен придавал А. Л. Бертье-Делагард, постоянно интересовавшийся раскопками еще с тех времен, когда занимался сооружением военных объектов в Севастополе. Осмотрев открытые К. К. Косцюшкой стены, он сделал краткое предварительное сообщение на одном из заседаний Одесского общества истории и древностей (см.: Бертье-Делагард А. Л. Об археологических розысканиях в Крыму в течение 1898 г. // ЗООИД. 1900. Т. 22, разд. 5: Протоколы. С. 26—27). В докладе говорилось также об обнаружении на г. Митридат (Керчь), как полагал А. Л. Бертье-Делагард, пропилей. В этом году он и городская дума Одессы назначили премию за исследования по истории Новороссийского края (в протоколах сказано, что размер ее составлял 600 руб. (Там же. С. 139).

производилось исследование в центре городища, о чем он сообщал: «Раскопки в юго-восточном углу площади, впереди храма (имеется в виду собор св. Владимира. — *А. Р.*) ... происходили плантажным способом¹. Ниже уровня византийского города ... обнаружены остатки древних построек, сооруженных из больших плит, отесанных с обеих сторон и плотно пригнанных без извести ... Характер кладки стен и найденные здесь черепки тонкой чернолаковой посуды высокого качества доказывают древнее происхождение этих построек, а если принять во внимание, что все они составляют южную часть главной улицы, то можно с уверенностью сказать, что эта широкая и красивая улица досталась византийскому городу в наследство от древнегреческого Херсонеса и проходила через его акрополь. Тут должны находиться лучшие храмы и памятники; из последних некоторые во время раскопок найдены заброшенными поблизости, как-то стела с гражданской присягой, псефизма в честь Диофанта и Аристона и пьедестал от Афины»².

1899 г. Во время изучения оборонительной стены выявлены «наслоения около нее римского, античного и более позднего времени, а также пристенная гробница»³. Следует добавить, что были открыты и ворота античного времени. Во время раскопок обнаружен ряд эпиграфических памятников, свидетельствующих о строительных работах, предпринимаемых по приказу различных императоров.

1900 г. О стенах в портовом районе (юго-западная часть оборонительных стен) говорится:

«Это наиболее интересный пункт раскопок городища по тому значению, которое он имел в древние времена. Он служил для обороны древнего города в продолжение 2-х тыс. лет, и для такой роли он соот-

¹ Наличие монастырских строений в центральной части города не позволяло К. К. Косцюшке производить раскопки так, чтобы открыть весь памятник. Он вынужден был последовательно прокладывать траншеи, которые затем засыпалась.

² См.: Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет заведующего раскопками в Херсонесе за 1896 г. // ОАК за 1896 г. СПб., 1898. С. 168–169.

³ См.: Цехановский. Новая находка в Херсонесе (письмо в редакцию) // Крымский вестник. 1899. № 63 (вырезка в личном архиве К. К. Косцюшки-Валюжинича).

ветственно устроен. ... Раскопки дают ответ о том, где находился древний Херсонес, для изучения топографии и географии города»¹.

1901 г. Итоги исследований завершившегося столетия подвел сам К. К. Косцюшко-Валюжинич в статье «Новости археологии»². О значении раскопок оборонительных стен и методике исследований в Херсонесе сообщалось и в заметках различных корреспондентов местной периодической печати:

«1. Профессор Э. Р. фон-Штерн, исследования которого по разным отделам классических древностей всегда отличаются убедительностью, первый высказал мысль, что при производстве раскопок особенное внимание должно быть посвящено находимой посуде³. В этом я совершенно убедился во время раскопок в Херсонесе в последние два года, с наружной стороны главного участка городской оборонительной стены. Раскопки заключались в систематическом удалении культурных наслоений отдельных эпох, сначала верхней византийской, затем римской и, наконец, греческой автономной. ... Послойная раскопка в этом месте настолько интересна и поучительна, что могла бы служить практической школой для лиц, изучающих археологию.

... Вот вполне достойное место, где наши ученые археологи могли бы в каникулярное время читать лекции по истории древнего Херсонеса, без всяких затрат на туманные картины!

2. Считалось, что Херсонес был настолько беден, ... что не имел даже собственной посуды. Раскопки прошлого года совершенно разрушили эту

¹ См.: Энгель М. Глубь веков, 11 // Крымский вестник. 1900. 9 июня. № 146; Он же. Глубь веков, 13 // Там же. 1900. 20 июня. № 157. (Заметка или, как их в то время называли, «фельетон», обращает внимание читателей на то, что древний Херсонес был именно здесь, а не в Казачьей бухте).

² Эта статья подписана «Косцюшко-Валюжинич». На это следует обратить внимание в связи с беседой председателя Археологической комиссии с императором. А. А. Бобринский специально подчеркнул, что фамилия пишется через «ц», помня о восстании Тадеуша (Андрея) Косцюшки.

³ Безусловно, внимание к самому массовому археологическому материалу было далеко от совершенства. В отчетах, как правило, менее выразительные фрагменты приведены по разделам, в основу которых были положены два критерия: материал и эпоха (греческая, автономная, римская или византийская).

теорию, которая перешла к нам от старой школы и сохранилась подобно археологическому гипнозу. Оказалось, что местность, непосредственно прилегающая к наружной стороне боевой стены от большой фланговой башни (башня Зенона, или XVII), **была занята разными фабричными производствами**. Здесь, у материковой скалы, обнаружены остатки целого ремесленного поселка. ... Вырубленные в скале ямы для приготовления глины, превосходный глубокий колодец грушевидной формы и печи для обжига посуды. ... Теперь не подлежит никакому сомнению, что длинный ряд имен астиномов на амфорных ручках ... принадлежит херсонесским астиномам, которые в то же время заведовали чеканкой монеты»¹.

Итак, с 1895 г. и до последних дней жизни для К. К. Косцюшки-Валюжинича одним из основных объектов исследований являлись оборонительные стены. Даже будучи смертельно больным, он размышлял об аргументах для продолжения дискуссии с А. Л. Бертье-Делагардом о датировке отдельных участков фортификации Херсонеса-Херсона. Роковой для него стала поездка в октябре 1907 г. в Ялту (на Харакс, где находился римский лагерь), предпринятая с тем, чтобы осмотреть оборонительные стены и найти дополнительные данные для выявления хронологии крепостного строительства в Херсонесе. После кончины первого заведующего городищем его зять, В. Роот, писал в Императорскую археологическую комиссию, что Косцюшко не обращал внимания на начавшуюся болезнь, в октябре и ноябре, «пренебрегая слабостью, продолжал работу, желая наверстать потерянное время». Простуда перешла в воспаление легких. ... В начале болезни был озадачен и обрадован вновь открытыми древнегреческими стенами у батареи в западной части городища и просил по возможности поспешить с окончанием раскопок некоторых участков и фотоснимков с них, но, к сожалению, не пришлось видеть ни того, ни другого, а стены эти были бы большим козырем в его руках для опровержения теории уважаемого А. Л. Бертье-Делагарда»².

¹ См.: Косцюшко-Валюжинич К. К. Новости археологии // Крымский вестник. 1901. 8 янв. № 8.

² См.: Рот В. — ИАК (на письме, в котором приведены биографические данные и описание последних дней жизни К. К. Косцюшки-Валюжинича, не стоит даты. Возможно, оно отправлено в начале 1908 г., когда решался вопрос о назначении вдове умершего пенсии) // Арх. ИИМК, ф. 1/1891, д. 149, л. 2.

22 ноября 1907 г. К. К. Косцюшко-Валюжинич отправил последнее письмо в Археологическую комиссию, где сообщал о сильном снежном шторме, разыгравшемся в Севастополе 18 ноября, и отметил, что стенам, открытым в 1899 г., вреда не нанесено.

Спор с А. Л. Бертье-Делагардом, изучавшим фортификацию с позиций военного инженера, К. К. Косцюшке-Валюжиничу решить не пришлось. Для этого потребовались монографические исследования последующих поколений археологов.

Дискуссия о периодизации строительства оборонительных стен античного и средневекового Херсонеса велась исследователями на протяжении всего XX столетия. Но начало систематического описания раскопанных участков крепостной ограды и выявление хронологии строительства было положено в XIX в. К. К. Косцюшкой-Валюжиничем и А. Л. Бертье-Делагардом, большое внимание уделявшим топографии местности. Завершением исследований стали работы И. А. Антоновой о фортификации средневекового периода.

А. Л. Бертье-Делагард о крепостном строительстве

Первым наиболее полным описанием крепостной ограды Херсона является фундаментальная работа А. Л. Бертье-Делагарда, посвященная анализу двух памятников, открытие которых привело к дискуссии с К. К. Косцюшкой-Валюжиничем: оборонительным стенам и загородному крестообразному храму¹.

Описывая линию фортификации, А. Л. Бертье-Делагард отметил последовательность возведения куртин и башен. Суммарно его выводы можно свести к следующим положениям:

1. Полученные материалы свидетельствуют о «цельности идеи сооружения стены»², окружавшей город со всех сторон.
2. Архитекторы, проложившие линию фортификации, наилучшим образом учли рельеф местности³, поэтому Херсонес занял наи-

¹ См.: Бертье-Делагард А. Л. О Херсонесе. Крестообразный храм. Крещальня. Крепостная ограда // ИАК. 1907. Вып. 21. С. 1–208.

² См.: Бертье-Делагард А. Л. О Херсонесе... С. 128.

³ См.: Марченко Л. В. Топография и планировка Херсонесского городища // ХСб. 1997. Вып. 8. С. 62–67. В тезисном виде исследователь останавлива-

более удобное для обороны положение. Только с юго-западной стороны имелся доступ в город.

3. Портовый район являлся самым сложным местом для возведения оборонительной стены. Расположение здесь в античное время входа в город было неудачным. Поэтому позднее его перенесли на юго-запад, где начинались оси уличных магистралей (главная и 15-я поперечная улицы)¹. Для того чтобы обеспечить наилучшие условия при прокладке линии защитных городских сооружений, херсонеситы засыпали рукав Карантинной бухты, как и вдоль куртин 15—17-й и 19-й, чтобы проложить через ложину дамбу и дорогу².
4. «В известную пору своей жизни город ... приступил к делу с большою, даже излишней роскошью облицовки первого яруса, но не смог выдержать этой затеи и на самом незначительном

ется на следующих вопросах: 1) палеорельеф городища; 2) местоположение раннего поселка (последняя четверть VI—V в. до н. э.) в северо-восточной части; 3) площадь города в конце V — первой половине IV в. до н. э. (на основании древнейшей линии стен в портовом районе она могла составлять около 12 га); 4) формирование планировочной структуры (вторая половина IV в. до н. э.).

¹ Об этом см.: Марченко Л. В. Западный район Херсонеса в эллинистический период // ХСб. 1998. Вып. 9. С. 81. Проанализировав керамические находки, посвятельные граффити, надписи, автор предположил, что в античный период на участке пресечения главной продольной улицы и поперечной находилась агора (рынок), а с юго-восточной стороны от главной оси города размещался стадион. В пользу такого предположения говорят надписи о спортивных состязаниях, которые обнаружены вблизи, а также топографические особенности местности, неудобной для застройки жилыми домами (Там же. С. 81); Он же. Эллинистический комплекс у перекрестка главных магистралей города // ХСб. 1997. Вып. 10. С. 101—106.

² См.: Бертъе-Делагард А. Л. О Херсонесе. С. 124—125. Он отметил «высокий уровень грамотности и продуманность решений при возведении каждой куртины и башни». С выводом солидарны и исследователи конца XX в. (см.: Марченко Л. В. Топография и планировка... С. 65). Однако мнение о «бедности Херсонеса» античной эпохи не выдержало проверки временем.

протяжении стены». Стены наращивались вверх, что приводило к изменениям первоначального плана и ухудшениям. Этот вывод отчасти отражает мнение А. Л. Бертье-Делагарда о том, что в древности Херсонес был бедным и незначительным городом¹.

Сравнивая свидетельства письменных источников и особенности топографии, А. Л. Бертье-Делагард высказал предположение о названии некоторых башен² и полагал, что в цитадели находилось здание претория. В римское время здесь размещался гарнизон³. Обратил внимание

¹ См.: Бертье-Делагард А. Л. О Херсонесе. С. 99–101, 172.

² У византийского хрониста Феофана при описании карательной экспедиции Юстиниана II против херсонитов приведены названия двух башен: Кентенарисий и Сиагр (см.: Феофан. Хронография / Пер. И. С. Чичурова. С. 65). А. Л. Бертье-Делагард, а вслед за ним и некоторые другие исследователи полагают, что это башни, защищавшие морские ворота (см.: Бертье-Делагард А. Л. О Херсонесе. С. 163). Материалы раскопок И. А. Антоновой показали, что строительство стен на данном участке развернулось позднее.

³ См.: Бертье-Делагард А. Л. О Херсонесе. С. 145. Анализ застройки участка цитадели проведен на основании раскопок самого конца XX в. И. А. Антоновой (см.: Антонова И. А. Административные здания херсонесской вексилляции и фемы Херсона // ХСб. 1997. Вып. 8. С. 10–22). В цитадели в 1897 г. К. К. Косцюшко открыл термы и позднее средневековый храм (о его раскопках отчеты в ОАК за 1897, 1898, 1900, 1905, 1906 гг.); кратковременные раскопки производились в 1926–1928 гг. Возобновление исследований относится к 1956 г. Некоторые итоги их освещены В. В. Борисовой (см.: Борисова В. В. Раскопки в цитадели в 1958–1959 гг. // СХМ. 1963. Вып. 3. С. 45–54). Исследования И. А. Антоновой выявили здание, построенное в IX в. В упоминаемой выше статье она остановила внимание на следующих разновременных объектах: здании векселляции конца II–первой четверти III в. и второй четверти III–VI в., комплексе сооружений херсонской фемы, относящихся к середине — второй половине IX в. Новым обращением с использованием материалов раскопок И. А. Антоновой и собственных наблюдений стала статья С. Б. Сорочана, который в течение нескольких лет работал в содружестве с И. А. Антоновой: Сорочан С. Б. Об архитектурном комплексе фемного претория в византийском Херсоне // АДСВ. 2004. Вып. 35. С. 108–121.

исследователь на метки¹, которые были выбиты камнетесами на блоках, использованных при строительстве. В некоторых случаях он объясняет и причины проведения ремонтных работ. Так, один из ремонтов мог быть связан с землетрясением в конце V в. Подтверждением этого, по его мнению, является надпись времени правления императора Зенона, в которой говорится о фортификационном строительстве².

Следующий этап фортификационных работ византийского времени А. Л. Бертъе-Делагард отнес к эпохе Юстиниана I. **Строительная деятельность**, предпринятая в период его правления, завершает создание оборонительной линии города³. Но, как показали раскопки второй половины XX в., А. Л. Бертъе-Делагард ошибся в том, что существенных изменений в расположении отдельных куртин и башен Херсона после середины VI в. не произошло.

¹ См.: Бертъе-Делагард А. Л. О Херсонесе. С. 93. Он опубликовал 39 знаков на блоках нижнего яруса стен. Эти данные использованы в последующем: Гриневиц К. Э. Стены Херсонеса Таврического. Ч. 1 // ХСб. 1926. Вып. 1. Рис. 1; Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964. С. 66. В. В. Латышев отнес некоторые из меток камнетесов Херсонеса к концу V в. до н. э. (см.: IosPE. P., № 439, также: ОАК за 1899 г. С. 15). В связи с новыми находками (в 1958 г. был извлечен блок с метками из забутовки стены у башни XVI) Э. И. Соломоник датировала знаки концом V — началом IV в. (см.: Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964. № 23; Она же. Каменная летопись Херсонеса. Симферополь, 1990. № 59). Ее датировку уточнил Ю. Г. Виноградов. На основании анализа особенностей шрифта он пришел к выводу о строительстве древнейшей стены Херсонеса в последней трети V в. до н. э. За пределами стен города располагался некрополь, к которому относился и склеп № 1012, или «подстенный склеп» (об этом см.: Золотарев М. И. Ранние этапы градостроительства в Херсонесе Таврическом // ХСб. 1998. Вып. 9. С. 30). При этом исследователь отметил, что остатки древнейшей стены в настоящее время проследить невозможно. Куртины и башни крепостной ограды, которые исследовал К. К. Косцюшко в портовом районе, по мнению М. И. Золотарева, были возведены около середины IV в. до н. э. Поселение херсонеситов в конце V в. до н. э. располагалось на северо-восточном мысу плато.

² См.: Бертъе-Делагард А. Л. Надпись времен императора Зенона в связи с отрывками из истории Херсонеса // ЗООИД. 1893. Т. 16. С. 82.

³ См.: Бертъе-Делагард А. Л. О Херсонесе. С. 158—160.

Монографическое изучение оборонительных стен в первой половине XX в.

В 30-е гг. XX столетия появилось фундаментальное исследование о крепостной ограде города К. Э. Гриневича¹, в котором содержится подробное описание всех открытых куртин и башен в соответствии с «великими культурными эпохами Херсонеса: древнегреческой, римской и византийской». Вслед за А. Л. Бертье-Делагардом, обособив внимание к оборонительным сооружениям портового района, исследователь писал, что, во-первых, такой анализ является ключом для «датировки и понимания всех периодов древних построек и даже отдельных частей всего Херсонесского городища», во-вторых, юго-восточная часть — это «место древнейшего поселения»². Наибольшее внимание уделено анализу свидетельств о монументальной фланговой башне (№ XVII)³.

¹ Первая часть работы была посвящена анализу «нижнего яруса» оборонительных стен (ХСб. 1926. Вып. 1); далее К. Э. Гриневич описал все три выделенные им и А. Л. Бертье-Делагардом периоды фортификационного строительства на юго-восточном участке. Следует отметить и приложения: Предварительный отчет о разведках 1927 г. около куртин 16 и 17 (ХСб. Вып. 2. С. 98), в котором приведена датировка двух ранних строительных периодов (первой половины—середины V в. до н. э. и середины IV в. до н. э.). Новое строительство было предпринято из-за увеличения городской территории. Второе приложение — это публикация извлечений из дневника Р. Х. Лепера о раскопках 1910 г. около башни Зенона (С. 99—104). Завершением должно было стать исследование протейхизмы. В статье, опубликованной в 1959 г. (см.: Гриневич К. Э. Стены Херсонеса Таврического, 3 // ХСб. 1959. Вып. 5. С. 75—114), он остановил внимание на южном и западном участках фортификационной линии.

² См.: Гриневич К. Э. Стены Херсонеса Таврического. 2 // ХСб. 1927. Вып. 2. С. 8—9.

³ Во второй половине XX столетия в связи с консервационными работами башня Зенона стала объектом детального изучения, что привело к обнаружению не известных ранее ремонтных работ и перестроек, датировка которых вызвала дискуссию (см.: Стржелецкий С. Ф. XVII башня оборонительных стен Херсонеса: Башня Зенона // СХМ. 1969. Вып. 4. С. 7—28;

Центром интересов К. Э. Гриневича в основном являлись сооружения античной эпохи, замечания о более позднем периоде немногочисленны. В I тыс. н. э., согласно его мнению, масштабные работы приходится на период принципата Нерона, когда стены, давно не ремонтировавшиеся, приведены в порядок. Следующее крупное строительство предпринято в эпоху Великого переселения народов, затем — при императоре Зеноне и Юстиниане I¹.

Материалы о крепостной ограде третьей «великой культурной эпохи» проанализированы А. Л. Якобсоном. Не останавливая внимания на более ранних этапах, он описал особенности кладок, характер строительных материалов. Эти признаки, наряду с эпиграфическими памятниками, стали основанием для выделения периодизации строительной деятельности.

А. Л. Якобсон отметил, что хронологические наблюдения А. Л. Бертье-Делагарда заслуживают доверия, при этом он подчеркнул, что «соображения, изложенные им в очень осторожной форме, могут быть теперь подкреплены и дополнены новыми материалами и не вызывают существенных возражений»².

В соответствии с концепцией в отношении истории Херсона средневекового времени А. Л. Якобсон вслед за А. Л. Бертье-Делагардом сделал вывод о том, что после VI в. значительных фортификационных работ не производилось, полагая, что при Юстиниане I завершилось создание единой линии крепостной ограды. Даже для периода экономического подъема города (IX—X вв.), согласно его точке зрения, «вряд ли оно (строительство. — *А. Р.*) велось в более или менее крупных масштабах». Только в середине XI в. херсониты **вынуждены были предпринять** небольшие ремонтные работы, так как стены пострадали во время осады Владимира (свидетельством служит надпись стратига Льва

ср.: Щеглов А. Н. Рец. на: Сообщения Херсонесского музея. Вып. 4: Башня Зенона: Исследования 1960—1961 гг. Симферополь, 1969 // ВДИ. 1970. № 3. С. 172—178).

¹ См.: Гриневич К. Э. Стены Херсонеса Таврического, 3 // ХСб. 1959. Вып. 5. С. 114.

² См.: Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. С 68.

Алиата)¹. Вместе с тем исследователь справедливо отметил, что линия средневековой крепостной ограды в основном повторяет античную².

Ко времени создания монографии А. Л. Якобсона поступление археологического материала в сравнении с тем, которым располагали его предшественники, было незначительным. Новые данные появились только после 1957 г., когда в Херсонесском заповеднике начались работы по консервации и реставрации оборонительных стен, параллельно с которыми производилось их изучение. Они уточнили строительную биографию фортификации и показали, что предложенные А. Л. Якобсоном этапы и вывод о том, что после VI в. «значительного строительства не производилось», не согласуются с логикой событий и материалами археологических раскопок.

Рассматривая историю строительства и ремонтов стен Херсона, следует учитывать природные катаклизмы. Так, для интересующего нас времени в сводке землетрясений, которые, возможно, происходили в Таврике, отмечено несколько крупных сейсмических катастроф: около 480 г., около 600 г., в середине VIII в., около 900 г., в середине XI в., около 1200 г., в 1292 и 1341 г.³ Каждая из них могла нарушить целостность крепостной ограды города.

На основании новых материалов, полученных после 1957 г., И. А. Антонова попыталась составить представление и о хронологии изменений территории Херсона⁴. Большое внимание она уделяла изучению передовой стены — протейхизмы и цитадели, расположенной в низкой прибрежной зоне (размеры ее 90,0х35,0 м). Она пришла к заключению,

¹ Там же. С. 68–70.

² Этот вывод повторяет сказанное А. Л. Бертье-Делагардом, который считал, что в VI в. заново отстроены только стены в Карантинной бухте, возможно, вдоль северного берега (см.: Бертье-Делагард А. Л. О Херсонесе. С. 158–160).

³ См.: Фирсов Л. В. Этюды радиоуглеродной хронологии Херсонеса. Новосибирск, 1976. С. 160.

⁴ См.: Антонова И. А. Рост территории Херсонеса: По данным изучения оборонительных стен // АДСВ. Вып. 25: Византия и сопредельный мир. 1990. С. 19.

что во II в. н. э. территория города увеличилась в юго-восточном направлении и одновременно была сооружена протейхизма¹. Передовая стена усилила систему обороны города, в котором «военно-теоретические достижения эпохи быстро воплощались в практику». При этом, как выявили геологические исследования, передовая стена «выполняла роль плотины, задерживающей наносы, устремлявшиеся по руслу перегороженного оборонительной стеной оврага»². Из-за наносов в V–VI вв. протейхизму вынуждены были перестроить.

Следующее радикальное изменение передовой стены приходится на IX–X вв. одновременно с другими работами, улучшившими линию фортификации. Обобщая стратиграфические наблюдения раскопок в периболе А. М. Гилевич³ и Н. В. Пятышевой⁴, И. А. Антонова пришла также к выводу, что считающиеся подземными склепы № 1013 и 1014 являлись наземными сооружениями⁵. Так, почти век спустя после открытия и изучения крепостной ограды Херсонеса стали доступны данные, объясняющие очередность строительства в одном из самых сложных участков крепостной ограды или, как назвал его А. Л. Бертье-Делагард, «загадочном феномене Херсонеса».

¹ См.: Антонова И. А. Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса: Проблемы датировки // ХСб. 1996. Вып. 7. С. 105. И. А. Антонова уточнила датировку передовой стены — конец I — II в. (С. 123), приведенную в ранней публикации: Антонова И. А., Аркадова Л. А. Раскопки терм и античной протейхизмы в Херсонесе // АО — 1970. М., 1971. С. 271.

² См.: Антонова И. А. Юго-восточный участок... С. 123.

³ См.: Гилевич А. М. Раскопки участка перибола у 17-й куртины оборонительных стен Херсонеса // СХМ. 1960. Вып. 1. С. 24–29.

⁴ См.: Пятышева Н. В. Раскопки Государственного исторического музея в Херсонесе в 1946 и 1948 гг. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974. С. 72–86.

⁵ См.: Антонова И. А. Юго-восточный участок оборонительных стен... С. 125. Ср.: Белов Г. Д. Римские приставные склепы 1013 и 1014 // ХСб. 1927. Вып. 2 С. 105–146. Подробнее о раскопках и интерпретации склепов см. в первой части работы.

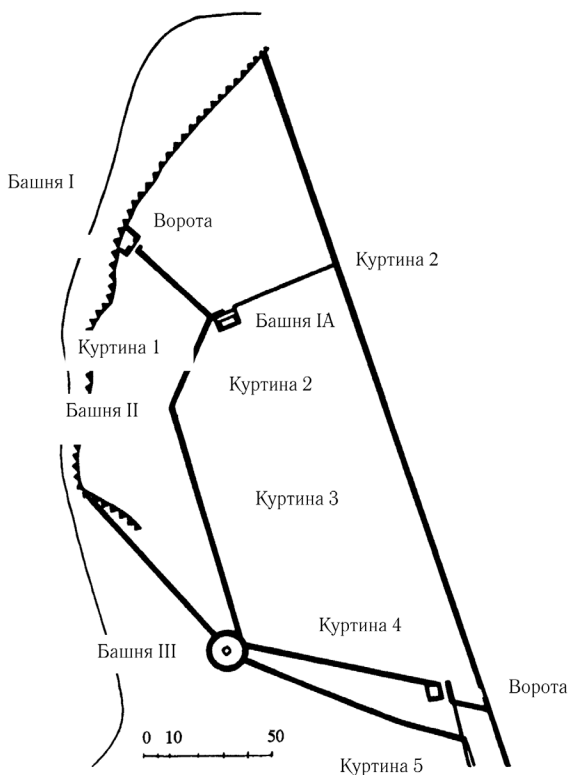

Рис. 5. План северо-западной линии крепостных стен по И. А. Антоновой

Выводы И. А. Антоновой о крепостном строительстве

Однако вернемся к наблюдениям И. А. Антоновой, которая была убеждена, что определять время строительства того или иного участка стен по характеру кладки и использованным строительным материалам нельзя: стремление уменьшить существенные экономические затраты приводило к использованию облицовочных блоков более ранних построек¹.

¹ См.: Антонова И. А. Юго-восточный участок... С. 126.

И. А. Антонова смогла выделить на юго-восточном (наиболее сложном) участке линии фортификационных сооружений 8 строительных периодов, начиная с конца V в. до н. э. до X—XI вв.¹ По ее мнению, это соответствовало 7 этапам изменения территории города, которые обусловлены влиянием морского режима и стремлением максимального учета рельефа². Далее, в VI в. в результате переноса линии западных стен была включена в состав Херсона значительная территория, где неподалеку от ворот возводится западная базилика (№ 13). Ворота около 1-й куртины вели на некрополь, который использовался до середины VII в. Возможно, это стало одной из причин возведения храма, который мог входить в состав монастыря³.

¹ Существенным дополнением к статье является Сводная хронологическая таблица, в которой сведены данные о датировке всех башен и куртин этого участка оборонительных стен (см.: Антонова И. А. Юго-восточный участок... С. 128).

² Сравнив свидетельства византийских трактатов по полиоркетике, рельеф местности и расстояния между башнями, В. В. Кучма заметил, что создатели фортификации в основном соблюдали требования военной теории (см.: Кучма В. В. Оборонительные сооружения Херсонеса Таврического в свете установок Тактики Льва // АДСВ. 1965. Вып. 3. С. 148—163).

³ Западная оборонительная стена римского времени была расположена восточнее. Некрополь начинался непосредственно за ней. Западная базилика и ряд храмов рядом (некоторые из них до сих пор не поставлены на план Херсонеса, но они видны на снимках с воздуха, сделанных в 1998—2005 гг.), возводятся на участке, где существовали до этого захоронения. Такая ситуация не является единичной и характерной только для Херсонеса. Строительство на небольшом расстоянии друг от друга нескольких христианских храмов на территории некрополя — нередкое явление. В качестве примера можно привести археологическую ситуацию, выявленную в Каринтии, где на склоне холма было обнаружено 6 сакральных сооружений на площади около 2000 м². Примечательным в данном случае является то, что здесь открыты захоронения, датируемые IV—VII вв. О раскопках позднеантичной крепости в восточных Альпах см.: Ciglennečki S. Die Kärnten spätantiken Befestigungen im Rahmen der Ostalpinen Anlage // Studien zur Geschichte von Millstatt und Kärnten: Vorträge der Millstätter Symposien 1981—1995: Archiv für vaterländische Geschichte und Topographie. Klagenfurt, 1997. T. 78. S. 31—38; Gleirscher P. Karantanien. Das slavische Kärnten. Klagenfurt, 2000.

Изменение линии стен на западе увеличило площадь Херсона на 4,0 га¹. Затем в X—XI вв. в портовой части в связи с исправлением ошибок, допущенных в процессе строительства, как полагала И. А. Антонова, проложена новая трасса фортификации с максимальным учетом рельефа местности. Результатом стало включение во внутригородскую территорию участка около 1,5 га. Одновременно ближе к береговой линии перенесены и стены. (рис.5. План северо-западной линии крепостных стен)

Таким образом, детальный анализ материалов раскопок К. К. Косцюшки-Валюжинича и новые исследования И. А. Антоновой позволили к концу XX в. составить представление о хронологии строительства крепостной ограды Херсонеса².

В последующем для античного времени уточнения выводов И. А. Антоновой сделаны М. И. Золотаревым³, который выделил следующие этапы строительства крепостных стен:

Последняя четверть V—первая четверть IV в. до н. э. Остатки стен этого времени прослеживаются в портовой части города. Сразу же за линией оборонительных сооружений располагался некрополь. Со временем он расширился к юго-западу, в результате его территория полукольцом охватила Херсонес.

Середина — третья четверть IV в. до н. э. — возведение новой линии крепостных стен; оформление градостроительной структуры, в

¹ См.: Антонова И. А. Западный фланг обороны... С. 60—66.

² Кроме приведенных выше работ следует упомянуть тезисное изложение результатов раскопок, в результате которых стало возможным считать, что образование насыпи вызвано естественными процессами и деятельностью ремесленных мастерских в III—II вв. до н. э. Около башни XVII в 1955—1957 гг. В. В. Борисова исследовала несколько печей, в которых производился обжиг амфор (см.: Борисова В. В. Гончарные мастерские Херсонеса // СА. 1958. № 4. С. 145. Рис. 1), остатки еще одной мастерской были обнаружены А. М. Гилевич (Гилевич А. М. Раскопки участка периболы у 17-й куртины оборонительных стен Херсонеса // СХМ. 1960. Вып. 1. С. 24—29).

³ Периодизация крепостного строительства дана по: Золотарев М. И. Ранние этапы градостроительства в Херсонесе Таврическом // ХСб. 1998. Вып. 9. С. 34.

основе которой лежали две структурообразующих магистрали (главная и 15-я поперечная улицы).

На рубеже IV—III вв. до н. э. из-за увеличения площади города херсонеситам пришлось возвести новые башни и куртины. Широкомасштабная строительная деятельность свидетельствует о высоком уровне экономического развития. С небольшими изменениями то, что заложили градостроители в этот период, сохранилось до конца античности, а сложившаяся система улиц — до конца существования города.

Постоянное внимание к состоянию оборонительных стен в Херсонесе Херсонесе вполне объяснимо, если учитывать «варварское» соседство. Вполне вероятно, что благодаря мощи крепостной ограды город не был захвачен ни в один из тех периодов, когда варвары стояли у его стен. Правда, С. Б. Сорочан предположил, что не столько они спасли херсонитов, сколько то, что основной поток миграционных волн проходил севернее. Пожалуй, справедливо и то и другое.

Но, как показывает история изучения памятников Херсонеса, казалось бы, убедительные выводы все же не приводят к окончанию дискуссий. Поставить точки над «i», как обещал один из современных историков города, при существующем состоянии источниковой базы вряд ли возможно.

Новым обращением к анализу фортификационных сооружений Херсонеса—Херсона (попутно с другими сюжетами) стала работа А. В. Буйских. В связи с реконструкцией облика некрополя она остановила внимание на некоторых деталях оборонительных стен города, отметив, что расположение надмогильных сооружений указывает направление трассы дороги к воротам. Отметив значение работ И. А. Антоновой и соглашаясь с предложенной ею хронологией ранних периодов, автор полагает все же, что ранняя городская стена, вероятнее всего, проходила не отклоняясь от будущей 9-й улицы, а в районе кварталов XII и XXIII располагались ворота¹.

Неоднократное обращение к анализу свидетельств относительно фортификационных сооружений, уточняющих отдельные детали и кор-

¹ См.: Буйских А. В. Хронологии и атрибуции сооружений у юго-восточных ворот Херсонеса Таврического // БИ. 2005. Вып. 9. С. 65. Согласно мнению И. А. Антоновой, они находились юго-западнее.

ректирующих хронологию строительства, делают вполне справедливыми слова А. В. Буйских: «Каждый археологический памятник имеет несколько этапов своего изучения и, соответственно, несколько жизней в археологической науке. Первый — тот, когда его не только раскапывает, но и интерпретирует и публикует первоисследователь, второй — когда он, введенный в научный оборот, становится общим достоянием. При этом авторитет первого интерпретатора на долгие годы остается неоспоримым и зачастую довлеющим, а выводы, к которым он пришел, приобретают характер неоспоримых аксиом. Однако спустя десятилетия к таким аксиомам следует возвращаться. Необходимость их критического пересмотра диктуется объективным развитием археологической науки и прежде всего постоянным пополнением источниковой базы, позволяющей по-новому видеть и осмысливать, казалось бы, давно известные факты»¹.

Но несомненным остается то, что Херсонес изначально имел мощные оборонительные сооружения, оберегавшие граждан от появлявшихся время от времени у стен города варваров. Наиболее опасным, согласно традиционной точке зрения, было противостояние в начальный период Великого переселения народов, однако гунны были заинтересованы в существовании такого центра, где они могли приобретать ремесленные изделия в обмен на «продукты своего скотоводческого хозяйства», как уже говорилось выше.

Что же изменилось позднее, когда на полуострове появились хазары? Каковы взаимоотношения с ними херсонитов, согласно мнениям, высказанным при самых первых обращениях к данному сюжету? Какие детали остались при этом незамеченными? В чем суть концепции С. Б. Сорочана о кондоминатной зоне и какие свидетельства источников позволяют говорить о ее наличии в Таврике?

Таврика: протекторат хазар или кондоминатная зона?

Одной из наиболее значительных политических сил в VII в.—IX в. в Таврике был Хазарский каганат. Относительно времени появления

¹ См.: Буйских А. В. К хронологии и атрибуции сооружений... С. 138. Анализ топографии некрополя привел к некоторым уточнениям: в середине III в. (во время создания цитадели), затем в I в. н. э. (возведение протейхизмы) уничтожили часть некрополя (Там же. С. 59).

хазар в Крыму и их роли в истории региона существует несколько мнений. Присутствие данной политической силы характеризуется как «хазарская оккупация», «господство» или «протекторат», а в последние годы все чаще в работах историков Крыма используется термин «кондоминатная зона», прозвучавший первоначально в статьях С. Б. Сорочана¹, позднее — в работах других историков.

¹ См.: Сорочан С. Б. Боспор как византийско-хазарский кондоминимум // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья: Материалы II Боспорских чтений. Керчь, 2001. С. 145–150; Он же. Византия и хазары в Таврике: Господство или кондоминимум? // ПИФК. 2002. Вып. 12. С. 509–525; Домановский А. Н. О зонах кондоминатного управления на границах Византии IV–IX вв.: Аспект государственного регулирования внешней торговли // Вестн. Харьков. ун-та. 2005. № 701. История. Вып. 37. С. 127–138. Применительно к Боспору, сохранившему статус части империи, вопрос о контактной зоне, районе двойного контроля наиболее последовательно разрабатывается крымским историком В. Е. Науменко: Боспор в системе византийско-хазарских отношений // Боспор Киммерийский. На перекрестке греческого и варварского миров: Материалы I Боспорских чтений. Керчь, 2000. С. 96–105; Место Боспора в системе византийско-хазарских отношений // БИАС. 2001. Вып. 2. С. 336–361; К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII — середине IX в. // ПИФК. 2002. Вып. 12. С. 544–567; К вопросу о характере хазарского присутствия в Таврике в начале VIII в. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Материалы IV Боспорских чтений. Керчь, 2003. С. 195–198; К вопросу о хазарском «тудуне» в Херсонесе в начале VIII в. // Кумуляция и трансляция византийской культуры: Материалы XI Сюзюмовский чтений. Екатеринбург, 2003. С. 70; Хазарский «тудун» в Херсоне в начале VIII в.: Византийская версия // МАИЭТ. 2003. Вып. 10. С. 427–440; Таврика в контексте византийско-хазарских отношений: Политико-административный аспект // Россия—Крым—Балканы: Диалог культур. Екатеринбург, 2004. С. 93–95; К вопросу о титулах «топарх» и «кир» в истории Таврики конца VIII — начала IX в. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Периоды дестабилизаций, катастроф. Керчь, 2005. С. 219–221. Исследователь подчеркивает, что мирным отношениям Византии с Хазарией способствовали династические браки, общие задачи противостояния арабам на Кавказе. Приводимые им данные свидетельствуют о правомерности тезиса о том, что Боспор являлся своеобразным отражением Херсона. Правда, в Восточном Крыму, в непосредственной близости от Боспора, памятники, которые относятся к салтово-маяцкой культуре, многочисленнее, что позволило сделать вывод о возможном «оседании некоторого числа носителей иной, негреческой

Обращение к хазаро-византийской проблематике в последней четверти XX в. обусловлено массовым поступлением археологических материалов из раскопок средневековых некрополей Крыма, а также изучением ряда поселений. Кроме публикаций комплексов и статей, в которых исследователи пытаются составить представление об этнической картине средневековой Таврики, последние десятилетия XX столетия ознаменовались и изданием ряда фундаментальных монографий. Прежде всего — это исследования И. А. Баранова¹ и А. И. Айбабина.

Обращение к взглядам И. А. Баранова и А. И. Айбабина², к историографическим преамбулам их работ показывает, что разночтения среди историков вызывают в основном два аспекта: время появления хазар в Крыму и характер их власти. Возможно, более детальное изуче-

культуры». Исследователь полагает, что «зависимость города от хазар выражалась, вероятно, в выплате дани и определенных торговых привилегиях каганата в районе Керченского пролива» (см.: Науменко В. Е. Место Боспора... С. 350). Анализ археологических свидетельств и обращение к содержанию терминов «тудун», «валгица» привели В. Е. Науменко к заключению о том, что доминирующее в историографии мнение, начиная с А. А. Васильева и В. Г. Васильевского, писавших о господстве хазар, или М. И. Артамонова (протекторат), согласно которому значительная часть Таврики, за исключением Херсона, находилась под властью хазар, не соответствует реалиям времени (Науменко В. Е. К вопросу о характере... С. 195—198).

¹ См.: Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990. В более ранних работах исследователь большее внимание уделял непосредственно археологическим находкам, ряд которых включен в монографию.

² См. работы А. И. Айбабина: Византия и Крым в IV—IX вв. // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье, IV—IX вв.: Тез. докл. междунар. конф. Симферополь, 1994. С. 3—4; Крым под властью Хазарского каганата // Византия и Крым: Тез. докл. Симферополь, 1997. С. 3—9; Этническая история ранневизантийского Крыма: Автореф. дис. д-ра. ист. наук. СПб., 1998; Проблемы этнической истории средневекового Крыма // Исторический опыт межнационального и межконфессионального согласия. Симферополь, 1999. С. 3—10; На окраине византийской цивилизации: Византийский Крым // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. Киев, 2002. С. 30—33; Айбабин А. И., Герцен А. Г., Храпунов Н. И. Основные проблемы этнической истории Крыма // МАИЭТ. 1993. Вып. 3. С. 211—222.

ние археологических памятников делает возможным хронологические уточнения. Однако вряд ли можно ожидать, что будут обнаружены новые письменные источники, которые позволят расширить представление о статусе городов прибрежной зоны.

Итак, о чем же свидетельствуют археологические материалы, полученные в последние годы.

Примечательными в данном плане являются выводы в одной из работ А. В. Сазанова, который полагает, что появление (конец VII — начало VIII в.) нового этноса в восточной части полуострова завершает историю византийского периода. Вместе с тем предпринятая им ревизия археологических находок из раскопок прежних лет с учетом уточненной в последние годы хронологии свидетельствует о том, что непосредственно Боспор (под этим именем предстает бывший Пантикапей) не был захвачен¹. Более того С. Б. Сорочан пришел к убеждению, что Боспор, являясь зеркальным отражением Херсона, сохранил облик греческого города². Материалы, которые бы свидетельствовали о господстве хазар в данном регионе, отсутствуют, что вынуждена была признавать и ведущий специалист по истории Хазарского каганата С. А. Плетнева, придерживавшаяся мнения о господстве хазар в Крыму: «Пребывание хазар или, вернее, следы хазарского владычества в Крыму по археологическим данным прослеживаются слабо»³. К числу следов хазарского

¹ См.: Сазанов А. В. Боспор ранневизантийского времени // Археологія. 1991. № 2. С. 25 (на укр. яз.). На основании анализа монет из слоя разрушения одного из зданий, погибшего во время пожара, А. И. Айбабин пришел к выводу, что Боспор оказался в руках хазар после 687 г. (см.: Айбабин А. И. Этническая история... С. 185—187).

² См.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 384, 392.

³ Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. М.; Иерусалим, 1999. С. 118. Исследовательнице принадлежит выделение крымского варианта салтово-маяцкой культуры, носителем которой являлось население, входившее в состав Хазарского каганата. Обобщением памятников является ее работа: Плетнева С. А. От кочевий к городам // МИА. 1967. № 142. Обращение к херсонско-хазарским отношениям, пересказ событий времени карательных экспедиций Юстиниана II содержится и в работах ее учителя: Артамонов М. И. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936; Он же. История хазар. Л., 1962

пребывания в Таврике исследователи относили кладку *opus spicatum* (в елочку, или рыбаья кость), которая, по мнению С. А. Плетневой, появилась одновременно с приходом хазар¹. Проанализировав археологические материалы различных памятников Крыма, С. Б. Сорочан установил, что данный тип кладки характерен для позднеантичных памятников и применялся вплоть до XIII в.² В более поздней работе С. А. Плетнева отмечала, что в береговой зоне существовало около 20 поселений со слоем хазарского времени. Но и на их территории пребывание хазар археологически прослеживается слабо, поэтому можно считать, что данные византийские поселения оказывались лишь на какое-то время захваченными хазарскими войсками³.

К числу «временно» захваченных населенных пунктов она относит и Херсон, который якобы неоднократно входил в состав владений Хазарии, поэтому вполне закономерно, что здесь находился ставленник кагана⁴.

(СПб., 2001), писавшего о хазарском протекторате. В связи с упоминанием карательных экспедиций следует привести мнение А. В. Гадло, полагавшего, что они создали прецедент для полной оккупации хазарами Крымского полуострова, а находившийся в Херсоне «от имени кагана» тудун являлся их чиновником (см.: Гадло А. В. Тмутараканские этюды. 1 // Вестн. Ленингр. ун-та. 1989. Вып. 1. С. 25–30; Он же. Византийские свидетельства о Зихской епархии как исторический источник по истории Северо-Восточного Причерноморья // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991. С. 99).

¹ См.: Плетнева С. А. Хазары. М., 1986. С. 46; Она же. Кочевники южно-русских степей в эпоху средневековья (II–XIII вв.): Учеб. пособие. Воронеж, 2003. С. 3.

² См.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 407, 412, 424, 441.

³ См.: Плетнева С. А. Кочевники южно-русских степей... С. 90.

⁴ См.: Плетнева С. А. Города в Хазарском каганате (доклад к постановке проблемы) // Хазарский альманах. Харьков, 2002. Т. 1. С. 115; Она же. Очерки хазарской археологии. С. 166. За все время раскопок в Херсонесе обнаружены единичные артефакты, которые можно отнести к салтово-маяцкой культуре, и немногочисленные погребения, датируемые VIII–IX вв. (Тахтай А. К. Раскопки Херсонесского некрополя в 1937 г. // ХСб. 1948. Вып. 4. С. 19–43), где встречались поясные наборы середины — второй половины VII в. (ср.: Айбабин А. И. Салтовские поясные наборы из Крыма // СА. 1977. № 1. С. 226–239).

Так, начиная с одного из первых обращений к хазарской проблематике, с В. Н. Татищева, о чем упоминалось выше, оформлялось мнение о господстве хазар в Крыму, или о хазарском протекторате. Однако логика событий, характер взаимоотношений хазар и Византии, ее подданных херсонитов (как и боспорян) свидетельствуют скорее о наличии кондоминатной зоны в Таврике, что было показано в работах украинских исследователей.

Периодизация миграционных процессов А. И. Айбабина

К числу наиболее поздних работ, являющихся своеобразным завершением исследований крымских историков XX в., относится монография А. И. Айбабина. Ее заключительная глава названа «Под властью Хазарского каганата»¹ и является концептуальным выражением позиции автора, который на основании массового археологического материала (в значительной мере раскопок некрополей) и «нового прочтения» письменных источников попытался составить последовательную картину этнополитических процессов в раннесредневековый период. Не останавливаясь на всех положениях работы крымского историка, который отметил в предисловии, что многие из поставленных им вопросов носят дискуссионный характер², проследим предложенную им схему смены варварских волн в Таврике, начиная с «военной активности германцев, сильно изменившей» этнополитическую ситуацию в регионе с конца III в. н. э.³

После вывода войск Римской империи в начале второй половины III в. Боспор, согласно мнению А. И. Айбабина, на 20 лет попал под контроль боранов и готов; исчезло с политической карты позднескифское государство; изменения привели в 260-х гг. к глубокому кризису в Херсоне. Но в конце III в. здесь вновь появляется римский гарнизон, и к концу IV в. город превращается в важнейшего торгового партнера

¹ Об этом свидетельствует и один из докладов: Айбабин А. И. Крым под властью... С. 5–9.

² См.: Айбабин А. И. Этническая история... С. 5.

³ Там же. С. 225.

империи¹. На следующую «волну варваров» — захват степей европейского Боспора гуннами — Византийская империя отреагировала усилением обороны Херсона² и привлечением общин готов (и, возможно, алан) на службу в качестве федератов. Очередное изменение этнополитической картины приходится на последнюю четверть VII в. и вызвано появлением хазар, установивших протекторат над областью Дори и на несколько лет овладевших Херсоном. В отношении характера взаимоотношений Херсона и Хазарского каганата А. И. Айбабин солидарен с И. А. Барановым, но имеет иное представление о времени появления хазар в Крыму.

В начале VIII в. независимые от империи области Дори византийцы именовали Климатами. Существовавшие здесь архонтства были подчинены архонту Дораса. В середине 30-х гг. IX в. в Таврику проникают мадьяры, изгнавшие из степей Северного Причерноморья хазар. Это, по мнению А. И. Айбабина, стало толчком для императора Феофила восстановить власть в Климатах.

В середине IX в. византийцы оказались вынужденными реорганизовать фему Климатов в фему Херсон. В третьей четверти IX в. хазарские войска изгнаны из Крыма, чем воспользовалась империя. Но уже в 889 г. печенеги, разгромив мадьяр, становятся ближайшими соседями и торговыми партнерами Херсона, о чем писал Константин Багрянородный. В отношении Херсона X в. А. И. Айбабин отметил только то, что городом управляла фемная администрация³.

Крымский вариант салтово-маяцкой культуры в работах И. А. Баранова

И. А. Баранов (1946—2001) уделял большое внимание изучению археологических памятников, относимых к кругу салтово-маяцкой

¹ Здесь и в далее события изложены на основании заключения монографии: Айбабин А. И. Этническая история... С. 225—230.

² Как подчеркивает А. И. Айбабин: «Империя стремилась защитить Херсон и область Дори от сменявших друг друга степных кочевников» (Айбабин А. И. Этническая история... С. 226).

³ См.: Айбабин А. И. Этническая история... С. 227.

культуры. На основании материалов собственных раскопок он следующим образом представлял этническую картину раннесредневековой Таврики: в начале VII в. в результате консолидации тюркских племен (оногуров, гунно-кутригуров, упоминаемых в письменных источниках не ранее середины V в., и родственных им, входивших в состав гуннского союза), в Приазовье возникает Оногурское государство. Столицей его стала Фанагория¹.

Степи и предгорья Крымского полуострова использовались для «весенней кольцевой перекочевки», осуществляемой вдоль побережья Азовского моря. Этот регион являлся зоной контактов салтово-маяцкой культуры, сформировавшейся за пределами Крыма, с миром цивилизации. Носители крымского варианта салтово-маяцкой культуры проникают на полуостров в середине VII в. К этому времени относится распад Оногурского объединения. Дальнейшее продвижение хазар к западу (за пределы Керченского полуострова) было приостановлено дипломатическими усилиями, как отмечал И. А. Баранов, Византии и войсками ее федератов из крепостей Готии, а также силами херсонитов².

В настоящее время хорошо известны керамические комплексы, которые исследователи связывают с крымским вариантом салтово-маяцкой культуры. В Херсонесе находки так называемых салтовских сосудов единичны, что делает вполне справедливым замечание И. А. Баранова: «Нет никаких данных о присутствии хазар в Херсоне после Юстиниана»³; «хазарский наместник появился» в Херсоне вследствие ошибочной интерпретации терминологии источников, начиная с С. П. Шестакова все рассуждения о хазарском господстве строятся на неверном переводе слова «тондун». И. А. Баранов пытался доказать, что это имя собственное, усиливая аргументацию следующим замечанием: Никифор «нигде даже не намекает о хазарской принадлежности или подчиненности этого лица (Тондуна. — *А. Р.*) ...», говоря же о хазарском архонте на Боспоре, он подчеркивает его неромейское

¹ См.: Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990. С. 146

² Баранов И. А. Таврика... С. 146.

³ Там же. С. 150.

происхождение»¹. Имя Тондун встречается у среднеазиатских тюрок, но как титул, кроме «Хронографии» Феофана, не употреблен ни в одном источнике². Не ромейское «имя представителя власти» в Херсоне привело И. А. Баранова к предположению, что в данном случае имела место обычная для Византии практика привлечения варваров на службу. Поэтому не является, по его мнению, необычным то, что тюрок Тондун в 711/712 г. возглавлял в Херсоне городской гарнизон.

Для обоснования мнения о том, что слово «тондун» является собственным именем, И. А. Баранов ссылается на перевод византийских хроник: «И. С. Чичуров совершенно справедливо считает, что оба должностных лица — Тондун и Зоил — ромеи»³. Проверка ссылки И. А. Баранова (на с. 165 работы И. С. Чичурова) показывает, что здесь помещен перевод текста «Бревиария» Никифора и не более, а в комментариях И. С. Чичуров пишет, что «чтение Ватиканского списка “Бревиария” дают неправильную форму тюркского титула»⁴.

Вместе с тем нельзя не отметить, что исследования И. А. Баранова отчасти подготовили появление концепции «кондомината». Так, он выделил два периода политики Хазарского каганата в Крыму. Первый — это время становления государства хазар и их «борьбы с другими тюрками за гегемонию в Северном Причерноморье». Для этого времени характерен нейтралитет между хазарами и Византией⁵, который временами перерастал в «союзные отношения». В захваченном хазарами Боспоре «помимо хазарского военачальника управлял и византийский

¹ Баранов И. А. Таврика... С. 148.

² Для доказательства приведена ссылка на труд Г. Моравчика: Moravčsik Gy. Byzantinoturcica. В., 1958.

³ Баранов И. А. Таврика... С. 148—149.

⁴ Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980. С. 181. Прим. 121.

⁵ И. А. Баранов полагал, что хазары в первый период захватили Боспор, Фанагорию, Тмутаракань. Если считать, что овладение византийским Боспором — это политика нейтралитета, то с таким выводом можно согласиться. О том, что это не хазарский город, свидетельствуют события после возвращения Юстиниана II на трон: он отправил карательную экспедицию и против херсонитов, и боспорян, и других жителей тамошних мест.

архонт». «Попытку вмешательства каганата» в династическую борьбу в Херсоне И. А. Баранов отнес к кратковременным эксцессам — «дружественные отношения» сохранились до 30-х гг. VIII в.

Однако в IX — начале X в., по мнению исследователя, ситуация меняется. Археологические свидетельства (появление в ближайшей округе города со второй половины IX в. салтово-маяцких поселений) подтверждают слова Анастасия Библиотекаря, описавшего миссию Константина Философа и заметившего, что обитавшие в Херсоне, «казалось, были скорее жителями тюрьмы, чем города, из которого не смели выходить»¹. К периоду около середины VIII в. относится «вторая миграционная волна салтовцев» и оседание их в непосредственной близости от Херсона. Одновременно они «плотно заселяют Керченский полуостров и районы, прилегающие к Сугдее (Судаку); разрушают существовавшие тюркские поселения в Юго-Западном Крыму. Попытка местного населения избавиться от хазаро-кутригурского владычества около 804 г. оказалась неудачной, как и во время восстания Иоанна Готского около 820 г. Хазарское господство прекратилось во второй половине IX в., что, как подчеркивал И. А. Баранов, совпадает с гибелью салтово-маяцких поселений и городищ. До 960 г. большая часть Таврики входила в состав Хазарского каганата, а херсониты платили дань. В подтверждение такого вывода приведены слова Константина Багрянородного, на основании которых можно полагать, что «обладали Боспором (замечание И. А. Баранова: «в контексте хазары»), владели самим Херсоном и остальными Климатами»². Поход князя

¹ Эти слова после публикации И. В. Ягича (см.: Ягич И. В. Новое свидетельство о деятельности Константина Философа // ЗАН. 1893. Т. 1. Прил. 6), цитируются всеми исследователями, которые характеризуют положение Херсона в середине IX в.

² Баранов И. А. Таврика... С. 152. И. А. Баранов ссылается на перевод сочинений Константина Багрянородного «Об управлении империей. О фемах Запада. Изложение царского чина», опубликованных в серии ИГАИМК (1934. Вып. 91. С. 45). Безусловно, право исследователя приводить ту или иную ссылку из трудов древних авторов. Однако в данном случае следует обратить внимание и на слова византийского историка и императора о противоречиях между аланами и хазарами: «Если эксусиократор Алании не живет с ними

Святослава в 965 г. привел к разгрому основных сил каганата и его союзников в Поволжье. Позднее был установлен контроль Руси над берегами Боспорского пролива. Существенную пользу из новой внешнеполитической ситуации извлекла Византия: хазарское войско было изгнано из Юго-Западной Таврики, а после поражения Святослава в русско-византийской войне в 971 г. восстановлено влияние империи на востоке Крымского полуострова и Тамани¹.

Хазары и Херсон

Прежде чем мы обратимся к данному сюжету, следует ответить на, возможно, возникший вопрос: историографические сюжеты посвящены Херсону, но представленные выше исследования отражают «варварскую проблематику» в целом для Таврики, при этом внимание в основном было уделено Восточному Крыму. В ответ можно привести существовавшее ранее концептуальное положение историографии: Боспор был более хазарским в сравнении с другим крупным политическим центром — Херсоном. Но, как показали исследования историков

в мире (хазарами. — А. Р.), то длительным и глубоким миром пользуются и Херсон, и Климаты». И далее император пишет, что сил у хазар, чтобы воевать против алан и херсонитов одновременно, не достаточно (Константин Багрянородный. Об управлении империей. Гл. 11 / Пер. Г. Г. Литаврина. М., 1989. С. 53). Следует отметить и то, что факт соседства Херсона с тем или иным варварским народом вряд ли может быть использован в защиту тезиса о контроле над городом. В частности, у Константина Багрянородного сказано, что печенеги «соседствуют с областью Херсона, то они, не будучи дружески расположены к нам, могут выступать против Херсона, совершать на него набеги и разорять и самый Херсон, и так называемые Климаты» (Константин Багрянородный. Об управлении империей. Гл. 1. С. 37). Но они и торгуют, и оказывают услуги, если херсониты сумеют с ними договориться (Там же. Гл. 6. С. 41). Возможности соглашений, как и торговли, обусловлены именно соседством: «Печенеги занимают земли до России, Боспора, Херсона» (Там же. Гл. 42. С. 171). О власти хазар, даннических отношениях херсонитов для первой половины IX в. Константин Багрянородный не упоминал, зато несколько раз отметил склонность горожан «замышлять противное царским повелениям или восстать» (Там же. Гл. 53. С. 274).

¹ См.: Баранов И. А. Таврика... С. 153—154.

второй половины XX в., эти два региона являются почти зеркальным отражением¹. В преломлении к истории Херсона тема взаимоотношений Византии и Хазарского каганата в последние годы представлена в фактически одновременно опубликованных работах исследователей из Москвы, Харькова и Симферополя. Это коллективное исследование Ю. М. Могаричева и А. В. Сазанова, продолжением которого является еще одна их совместная статья, посвященная в основном анализу археологических источников.

Хронологическим развитием темы стали штудии В. Е. Науменко².

В совместной работе А. В. Сазанов и Ю. М. Могаричев отметили, что в «последнее время вновь развернулась дискуссия ... о так называемом хазарском периоде в истории Таврики», и прежде чем представить свое мнение, они обращаются к историографии вопроса, излагая точки зрения, начиная с работ В. Г. Васильевского. Остановим внимание на преамбуле коллективной работы, сделав при этом некоторые дополнения.

В. Г. Васильевский полагал, что во второй половине VII в. хазары соседствовали с независимой Готией и «вольным греческим городом Херсоном»³. Согласно мнению Ю. А. Кулаковского, в конце VII в. в Боспоре находился наместник хазар; их власть распространилась до Готии и Херсона⁴. Соглашаясь с ним в отношении присутствия наместника в Боспоре и с тем, что большая часть полуострова принадлежала хазарам, А. А. Васильев, продолжают исследователи, считал, что «готские владения завоеваны хазарами не были»⁵.

¹ См.: Сорочан С. Б. Византия и хазары в Таврике: Господство или кондоминиум? // ПИФК. 2002. Вып. 12. С. 523. В последующем этот сюжет был развит в ряде докладов.

² См.: Науменко В. Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII — середине IX в. // ПИФК. 2002. Вып. 12. С. 568—582.

³ См.: Васильевский В. Г. Житие Иоанна Готского // Труды. СПб., 1912. Т. 2, вып. 2. С. 388.

⁴ См.: Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды... С. 65—66; Он же. Из истории Готской епархии (в Крыму) в VIII веке // ЖМНП. 1898. Февр. С. 179—180.

⁵ См.: Васильев А. А. Готы в Крыму // ИГАИМК. 1927. Вып. 5. С. 186.

А. В. Сазанов и Ю. М. Могаричев не сочли необходимым обратиться к точке зрения С. П. Шестакова, который, рассматривая события времени ссылки в Херсон императора Юстиниана II, перевел слово «*Τουδουνον*», стоящее рядом с титулом «архонт» в «Хронографии» Феофана, как титул хазарского наместника. Характер свидетельств хронистов привел его к выводу об усилении хазарского влияния в Таврике в конце VII — начале VIII в. Показателем являются и данные агнографии, освещающие события периода иконоборчества. Он писал, что «монашество в Тавриде обладало большим количеством обителей. ... Хазарская власть ... служила защитой (христиан) в период господства в Византии иконоборчества»¹.

Отражение точки зрения С. П. Шестакова можно видеть в опубликованной в середине XX в. монографии А. Л. Якобсона, полагавшего, что в конце VII в. хазарский тудун находился в Фанагории и на Боспоре; во время восстания херсонитов против Юстиниана II «протополит Зоил (глава местного самоуправления) действовал в Херсоне около 710 г. наряду с хазарским тудуном, которые захватили Херсон в начале VIII в.»². Уже в конце VII в. хазары соседствовали с городом, но во второй половине VIII в. их владения сократились до Восточного Крыма³.

Однако вернемся к работе Ю. М. Могаричева и А. В. Сазанова, которые обращают внимание на мнения двух ведущих специалистов в области хазарской проблематики: М. А. Артамонова и С. А. Плетневой. С приходом хазар (середина VII в.) связывал разрушения некоторых поселений полуострова М. А. Артамонов, полагавший, что они заселили степную и южную части Таврики⁴. Новый период в изучении крымско-хазарской проблематики начинается с исследования памятников салтово-маяцкой культуры. Носителями ее на полуострове являлись не собственно хазары, а население, входившее в Хазарский каганат, согласно мнению С. А. Плетневой⁵. Остановив внимание на концепции

¹ См.: Шестаков С. П. Очерки... С. 31, 35.

² См.: Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 36—38.

³ См.: Якобсон А. Л. Средневековый Крым. М.; Л., 1964. С. 28—29.

⁴ См.: Артамонов М. А. История хазар. Л., 1962. С. 196.

⁵ См.: Плетнева С. А. Очерки истории... С. 151—153.

И. А. Баранова и до некоторой степени близкой к ней точке зрения Н. Н. Болгова, считавших, что владычество хазар, появившихся в Восточном Крыму в конце VII в., **являлось недолгим; Византии удалось сохранить свое влияние, но в конце VIII в. «хазары вернули господство»** в этом районе, в Боспоре они сооружают citadel, а в ряде населенных пунктов размещают вооруженные отряды¹.

Во второй части статьи исследователи для выявления особенностей периода предлагают выделять «хронологические срезы»: первый — наиболее важный — это конец VII — начало VIII в. (проникновение хазар на Крымский полуостров)². Но еще в начале VIII в. Боспор, Херсон и крымские архонтии — в будущем Климаты — оставались частью империи как в представлении жителей, так и византийских хронистов. Хазары не претендовали на политическое господство.

Хазары, втянутые во внутривизантийские конфликты на полуострове, имели в основном материальные, а не политические или территориальные интересы³.

Анализу материалов из раскопок некрополей посвящена другая совместная работа Ю. М. Могаричева и А. В. Сазанова, в которой они показали, что для конца VII — середины VIII в. число тюрко-болгарских (или салтовских) захоронений составляет не более 9–10%. Следовательно, в «первую волну» хазарского проникновения в Таврику (до середины VIII в.) **этническая картина не претерпела существенных изменений** в сравнении с VI — первой половиной VII в.: «Города Боспор, Судак и Херсон, крепости-климаты Юго-Западного Крыма по-прежнему контролировались Византией, влияние Хазарии — ми-

¹ См.: Болгов Н. Н. Боспор византийский: Очерки истории // ПИФК. 1998. Вып. 6. С. 118–120.

² См.: Сазанов А. В., Могаричев Ю. М. Боспор и Хазарский каганат в конце VII — начале VIII в. I. Проблема «хазарских слоев» в Керчи // ПИФК. 2002. Вып. 12. С. 469.

³ Сазанов А. В., Могаричев Ю. М. Боспор и Хазарский каганат... С. 469–508; также см.: Сазанов А. В. Боспор и Хазария в конце VII—начале VIII в. // Сугдея, Сурож, Солдаия в истории и культуре Руси—Украины: Материалы конф. Судак, 2002. С. 222–223.

нимально и сводилось к получению дани»¹. Анализ стратиграфии памятников в Керчи, новые данные о датировке амфор, краснолаковых изделий, стеклянных сосудов и монет привели исследователей к выводу, что «существующие на сегодняшний день археологические материалы не подтверждают концепцию захвата хазарами Керчи в 679/680 г. и принадлежности города хазарам в VIII — первой половине IX в.»; материальная культура Боспора носит ярко выраженный провинциально-византийский характер². Как, собственно, и Херсона.

Картина изменяется в середине — второй половине VIII в.: в Восточном и Северо-Западном Крыму появилось около 250 новых поселений (ок. 85 % от числа известных). Основаны они были на незанятых землях. Фортификационные сооружения на них не выявлены, но христианские храмы имелись (большая часть археологически не изучена). После поражения хазар в арабо-хазарской войне 722—737 гг., полагают исследователи, происходит неконфликтное проникновение нового населения с согласия и под контролем византийских властей — политика расселения варваров на границах империи. Новые черты во взаимоотношениях Византии и хазар появляются только в 80-е гг. VIII в.³

Примечательны слова авторов: «При такой картине решающее слово ... принадлежит письменным источникам», новое прочтение которых предпринято С. Б. Сорочаном.

Отправной точкой для представления концепции исследователя может служить уже приведенная выше образная характеристика, что Херсон являлся почти зеркальным отражением судьбы Боспора, а в целом регион на протяжении многих столетий был зоной контактов двух миров: варваров и греко-римско-византийской культуры.

Нетрадиционное решение вопроса о взаимоотношениях Византии

¹ Сазанов А. В., Могаричев Ю. М. Крым и Хазарский каганат в первой половине — середине VIII в. // Россия—Крым—Балканы: Диалог культур: Науч. докл. междунар. конф. Севастополь, 6—10 сентября 2004 г. Екатеринбург, 2004. С. 89—92.

² См.: Сазанов А. В., Могаричев Ю. М. Боспор и Хазарский каганат... С. 501.

³ См.: Сазанов А. В., Могаричев Ю. М. Крым и Хазарский каганат... С. 89—92.

и Хазарского каганата, в том числе и статуса Херсона с конца VII в. до середины IX в. (начала X в.), С. Б. Сорочан изложил в ряде статей¹, полагая, что «Крым являлся кондоминатной зоной», в которой хазары «вынуждены были мириться с мощным византийским влиянием. ... Наличие близкого хазарского присутствия не позволяло перевести сложившуюся ситуацию в плоскость протектората или господства только одной из сторон»².

Так какие же свидетельства письменных источников характеризуют положение Херсона, особенности его взаимоотношений с варварским миром?

Вернемся еще раз к словам Анастасия Библиотекаря, писавшего, что «этот город, пограничный, лежит на окраине царства; и различные варварские толпы весьма часто наезжают туда», и сопоставим их с другими характеристиками средневековых авторов. Как о пограничном городе, окруженном варварами, говорится о Херсоне в «Гетике» Иордана.

Далее, «народ пачинакифов соседствует с областью Херсона...», — замечает Константина Багрянородный³, что созвучно со словами Анны Комниной, которая писала о пребывании в Херсоне самозванца, выдававшего себя за сына Романа IV: «По ночам (начал он) подниматься на городскую стену и, высунувшись, заводить беседы с куманами, которые обычно туда приходили торговать» (Комнина Анна. Алексиада, X, 2).

Следует вспомнить отражение пограничного статуса Херсона в русских летописях, что позволяло его жителям отчасти контролировать перемещение варваров в Причерноморской зоне, о чем свидетельству-

¹ См.: Сорочан С. Б. Византия и хазары в Таврике. С. 509—525; Он же. Об элементах меркантилизма... С. 70—71; Он же. Корреляция торговых и политических интересов Византии в Крымской Готии VII—IX вв. // Культура степей Евразии второй половины I тысячелетия н. э.: Тез. докл. Самара, 1995. С. 79—81; Он же. О торгово-экономической политике Византии в Таврике VII—IX вв. // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1996. С. 114—122; Он же. Боспор как византийско-хазарский кондоминиум // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья: Материалы II Боспорских чтений. Керчь, 2001. С. 145—150.

² Сорочан С. Б. Византия и хазары в Таврике. С. 525.

³ См.: Константин Багрянородный. Об управлении империей, гл. 1, 15—20.

ют события времени похода Игоря в 944 г. («Се слышавше, корсунци послаша к Роману, глаголюще: “Се идут русь бес числа корабль, покрыли суть море корабли”»).

О неспокойной обстановке в Северном Причерноморье упоминал патриарх Николай Мистик со слов херсонского стратига. Наконец, еще два свидетельства, которые отделены друг от друга почти тысячелетним промежутком времени: Аммиана Марцеллина (IV в.)¹ и епископа Феодора (первая половина XIII в.), который отметил в «Аланском послании», что «близ Херсона живут аланы столько же по своей воле, сколько по желанию херсонцев, словно некое ограждение и охрана»². Византийские хронисты Феофан и Никифор, а также «Продолжатель Феофана», рассказывая о миссии в Хазарские земли Петроны Каматира, отмечали, что он пересел в Херсоне на круглые суда (с меньшей осадкой) с тем, чтобы плыть далее. Это косвенное свидетельство наличия более или менее регулярной торговли с соседями-варварами.

Для конца X — начала XI в. известна печать (из числа новых находок моливдовулов городского архива Херсона), на которой упомянут турмарх Готии. В Трактате Константина Багрянородного о церемониях византийского двора его статус определен как второго лица в феме после стратига, назначаемого в пограничный округ распоряжением императора. Турмарх являлся командиром крупного подразделения, входившего в состав воинского контингента провинции, и комендантом той части фемы, где располагалась турма. По мнению опубликовавшего печать Н. А. Алексеенко, она свидетельствует о сношениях стратига Херсона с подчиненным ему военачальником. Новая находка является несомненным свидетельством того, что в конце X — начале XI в. Готия являлась военно-административным округом — частью фемы Херсон. Представляет интерес гипотеза Н. А. Алексеенко о том, что появление моливдовула турмарха, возможно, связано с такими событиями,

¹ «Hier sind die Menschen ruhig und gesetzt, sie widmen sich dem Landbau und aben von den Ertregen ihrer Felder» (Amm. Marz. 22, 8, 29–32). Цитата приведена по: Ammianus Marcellinus. Römische Geschichte. Lateinisch und deutsch und einem Kommentar von W. Seyfarth. B., 1975. T. 3.

² См.: Феодора, епископа «Аланское сказание» / Пер. Ю. А. Кулаковского // ЗООИД. 1898. Вып. 21, отд. 2. С. 18.

как Корсунский поход князя Владимира или восстание херсонитов во главе с Георгием Цулой¹. Возможно, последующий анализ материалов городского архива Херсона усилит или скорректирует аргументацию исследователя.

В имеющихся в распоряжении историков источниках нет непосредственных указаний на существование «кондоминатной зоны» в Таврике. Вывод С. Б. Сорочана строится на логике событий, однако в свете его гипотезы и новых находок, особенно сфрагмистических данных, мнение о глубоком кризисе в VII в., причиной которого стало хазарское завоевание, нарушившее связи Херсона с земледельческой округой, что и привело в свою очередь к «обезлюдению» города в VIII в., перестало быть бесспорным.

Характер данных письменных источников, а также отсутствие археологических свидетельств о разрушениях в Херсоне для периодов наибольшей «экспансии» варваров делает вполне правомерными заключение С. Б. Сорочана о том, что стабильность в регионе обеспечивала обоюдная заинтересованность в этом и «варваров», и Византии. Однако херсониты не могли не учитывать существующей опасности, отсюда постоянная забота о мощи своей крепостной ограды².

Один из аргументов критиков тезиса «контроль — протекторат» хазар в Крыму, привлекаемый С. Б. Сорочаном первоначально, был в последующем пересмотрен. Речь идет об отсутствии «археологических следов»³. Теория культурного слоя, разработанная В. Д. Блаватским,

¹ См.: Алексеенко Н. А. Готия в структуре византийской административной системы в Таврике во второй половине X в. // ХСб. 1998. Вып. 9. С. 230–235.

² См. об этом в монографии «Очерки истории и археологии», разделы «Херсониты и варвары, или Еще раз о необходимости внимания к крепостной ограде Херсона» и «Противоборство или сотрудничество: Варвары и Херсон в IV в. и в VII–VIII вв.» (С. 54–59); также статью «Соседство двух миров: Варвары и Херсонес» (България като мост между евразийските култури: България, толерантност, евразийство. Шумен, 2004. С. 54–59).

³ В данном случае С. Б. Сорочан цитирует слова С. А. Плетневой: «Пребывание хазар или, вернее, следы хазарского владычества в Крыму по археологическим данным прослеживаются слабо» (см.: Плетнева С. А. Очерки хазарской

о чем уже говорилось выше, объясняет, что «умолчание источника» о каком-либо событии (факте) не может являться доказательством отсутствия возможного события. В последующем, повторив гипотезу о кондоминатной зоне, С. Б. Сорочан, используя тезис «об умолчании источников» и собрав воедино все косвенные и непосредственные археологические данные, представляет более чем радужную картину развития Херсона в VII—IX в.

«Зеркальное отражение Херсона», Восточный Крым, также отнесен В. Е. Науменко к числу контактных, лимитрофных зон, которые могли иметь двойное или даже тройное подчинение. Наличие кондоминатной формы управления обеспечивало политическую стабильность в Северном Причерноморье при доминировании Хазарского каганата, что и привело к процветанию экономики региона в конце VIII — середине IX в. Но несмотря на доминирующее положение Хазарского каганата, светская верхушка областей Крыма сохраняла ориентацию на Византию, полагает исследователь¹. Образования, сложившиеся в условиях хазарской экспансии, в политико-административном отношении имели различный статус, что отразилось в титулатуре местных правителей. При этом Херсон «представлял собой архонтат — особый вид административной области, признающей зависимость от империи, но сохраняющий внутреннюю автономию»². Миссию Петроны Каматира исследователь характеризует

археологии. С. 169). Несколько выше, объясняя «эту слабую выраженность археологических данных», С. Б. Сорочан совершенно справедливо отмечает: датировать слои, которые связывают с «хазарскими разрушениями», сложно, так как фрагменты керамики второй половины—конца VII в. трудно отделить от материалов VIII в., медные византийские монеты долго не выходили из обращения (см.: Сорочан С. Б. Византия и хазары в Таврике. С. 522).

¹ См.: Науменко В. Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII — середине IX в. // ПИФК. 2002. Вып. 12. С. 549. Свидетельством экономического развития является, согласно его точке зрения, появление массового производства амфор, а, следовательно, и развитие виноградарства.

² Науменко В. Е. К вопросу о характере... С. 548. Со ссылкой на широкий круг исследований он подчеркнул, что архонтом мог являться глава местного самоуправления, а протополитом — высший муниципальный чиновник

как наличие военно-политического «сотрудничества» Византии и хазар. Сокращение возможности прямого контроля хазар над политической ситуацией в Таврике, а также содержание «доклада Петроны» стали причиной создания фемы Климатов (ее территорию ограничивали Херсон на западе и Боспор — на востоке). С середины IX в. появляются печати стратигов фемы Херсона, что связано, как предполагает В. Е. Науменко, с сокращением территории фемы Климатов до пределов города¹.

В свою очередь он подразделяет византийско-хазарские отношения на следующие периоды:

1. Конец VII — третья четверть VIII в. — расширение пределов Хазарского каганата на запад остановлено Византией с помощью даров и династических браков и «введением особой формы организации провинциального управления в Херсоне и на Боспоре», которая определяется как «совладение» (кондоминимум). При этом приморские центры (Херсон, Сугдея, Боспор) сохранили провизантийскую политическую и торгово-экономическую ориентацию, а области Крымской Готии — традиционный «союзный статус по отношению к империи». Политический кризис 710—711 гг. (карательные экспедиции Юстиниана II и провозглашение императором Вардана-Филиппика) вызвал учреждение поста архонта в Херсоне — имперского наместника в центре византийского присутствия в регионе, под контроль которого была поставлена муниципальная система управления.

2. Последняя четверть VIII — 30-е гг. IX в. — время прекращения борьбы между хазарами и арабами в Закавказье, что привело к разрыву византийско-хазарского союза, а затем и к экспансии хазар в пограничные области Византии. В источниках это отразилось в появлении титулатуры местных правителей — топархов Боспора и Готии, киров Херсона, Готии и Фуллы. Данные территориальные единицы воспринимались в Византии как независимые, но союзные империи политические

Херсона. Замечание о наличии внутреннего самоуправления в свете теории кондомината возвращает нас к поискам «призрака самоуправления», о чем говорилось выше. Следует отметить, что В. Е. Науменко следует за концепцией С. Б. Сорочана при характеристике хазаро-херсонских взаимоотношений, но не согласен с ним в том, что город не пользовался некоторой автономией.

¹ См.: Науменко В. Е. К вопросу... С. 549—551.

образования. Такой статус наиболее удачно определяется в рамках гипотезы о византийско-хазарском «кондоминимуме», ибо отражает обоюдный контроль империи и каганата. Самостоятельный статус имела Сугдея — титул ее правителя (тархан) является показателем специфики данного «кондоминатного» округа с позиций хазар.

3. На рубеже VIII — IX вв. положение в Таврике изменилось, а в конце 30-х г. IX в. появляются мадьяры, что привело к реставрации союза хазар и Византии. Именно в рамках таких отношений осуществлялось строительство Саркела. Новые политические реалии обусловили создание фемы Климатов, охватывающей области горного и приморского Крыма. Одновременно исчезает институт киров в Херсоне. Изменение названия фемы вызвано новой военно-политической ситуацией и сокращением территории фемы до пределов города и его округа. Институт архонтов был ликвидирован. К данному времени относится, как полагает исследователь, разработка проекта о создании единой церкви в Таврике. Отражением его является миссия Константина Философа¹.

4. После вытеснения мадьяр печенегами в 80-х гг. IX в. Византия ориентируется на печенежский фактор², освобождающиеся из-под контроля Хазарского каганата районы Таврики постепенно включаются в состав фемы Херсон. Процесс завершается к концу IX в. В новый округ входило пять территориальных единиц; столица провинции являлась отдельным административным подразделением³.

Логическим продолжением вопроса о политико-административном статусе региона является сюжет, касающийся церковной географии, прежде всего территории Готской митрополии⁴.

¹ См.: Науменко В. Е. Таврика в контексте византийско-хазарских отношений: Политико-административный аспект // Россия — Крым — Балканы: Диалог культур. Екатеринбург, 2004. С. 94.

² Вспомним, что о печенежском факторе ранее говорил А. И. Айбабин. Он также полагал, что в начале VIII в. независимую от империи «страну Дори» византийцы именовали Климатами, именно ее архонты боролись вместе с Херсоном против Юстиниана II.

³ См.: Науменко В. Е. Таврика в контексте... С. 93—95.

⁴ Реконструируемые на основании изданных К. де Боором нотий (также см.: *Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae / Text critique, notes par J. Darrouzds. P., 1981*) размеры митрополии вызывали сомнения у исследо-

Рассматривая вслед за Г. Вернадским миссию Константина Философа в Хазарию, В. Е. Науменко предположил, что в «проект» церковной организации в Хазарии включены сведения о географии христианских общин на территории каганата, но реализации его помешало появление нового политического фактора — печенегов¹.

Ревизия старых археологических находок, новые раскопки, «воссоздаваемая логика» событий позволили исследователям сделать вывод об отсутствии конфронтации между херсонитами и хазарами, за исключением кратковременных периодов.

Безусловно, начало каждой «новой волны» варваров приводило к разрушениям. Однако существовали длительные периоды мирного соседства, торговли.

Расцвет кондоминатных отношений, по мнению С. Б. Сорочана, приходится на VIII в., истоки его он относит к концу VII в., что и объясняет интерес каганата к событиям в Херсоне во время карательных экспедиций Юстиниана II и наличие в городе «представителя от лица кагана» тудуна². Одной из причин политической нестабильности в Таврике стало усиление в 80-е гг. VIII в. критики иудаизма, «что не могло не вызвать расхождения с верхушкой хазарского общества, склонной к иудаизму». Вторая причина — «ослабление мусульманской угрозы со стороны багдадских Аббасидов и взаимный отказ от борьбы за передел сфер влияния в Закавказье лишили Хазарский каганат необходимости придерживаться стойкой ориентации на союз с Византией»³. После

вателей в достоверности источника (см.: Бертъе-Делагард А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. 1920. № 57. С. 47—48; Васильев А. А. Готы в Крыму. С. 215—216; Vasiliev A. A. The Goths... P. 102—104; Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. О возникновении Готской епархии в Таврике // МАИЭТ. 1991. Вып. 2. С. 121). Ранее уже было высказано предположение, что епископальный список — проект по церковной организации областей Хазарского каганата (Мошин В. Ἐπαρχία Γοτθίας в Хазарии в VIII в. // Труды IV Съезда Русских Академических организаций за границей. Белград, 1929. С. 249—256).

¹ См.: Науменко В. Е. К вопросу... С. 554.

² См.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 490.

³ Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 503.

смерти Контантина V, как пишет С. Б. Сорочан, хазар начали «посещать мысли» о собственном одностороннем утверждении и нарушении сложившегося статуса кондомината. Но в это время в Константинополе еще «не желали идти на полный разрыв с хазарами»¹.

¹ Там же. С. 506. Стремление отойти от традиционной научной сухой лексики в изложении событий можно только приветствовать. Но вряд ли кто-то из исследователей сегодняшних дней может «восстановить» мысли, которые «посещали» правителей каганата, как и то, какие и о чем «желания» высказывались при дворе византийских императоров. Вряд ли возможно также «узнать», о чем думал возглавивший восстание в 785 г. (или 786 г.) «амбициозный» епископ Иоанн. К такой дате приходит С. Б. Сорочан, сопоставив существующие мнения о времени восстания. Публикаторы Жития Иоанна Готского относят восстание к периоду между концом 784 и 786 г. (см.: Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Шапошников А. К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь, 2007. С. 22). О датировке события см. также: Баранов И. А. О восстании Иоанна Готского // Феодальная Таврика. Киев, 1974. С. 151–162; Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. // АДСВ. 1999. Вып. 30. С. 113–114; Соколова И. В. Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсонеса // ВВ. 1991. Т. 52. С. 209; Huhley D. On the Vita of St. Jone of Gotthia // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1978. Vol. 19, nr 2. P. 166–168).

С. Б. Сорочан полагает, что епископ Иоанн хотел «выслужиться перед патриархом и императрицей, создать условия для организации официально признанного византийскими властями собственного самостоятельного епископства». Однако при этом «поспешил» (Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 514). Не известны и какие-либо источники, способные подтвердить и весьма смелую реконструкцию дальнейших событий. В «Житии Иоанна Готского» говорится, что он был предан одним из селений, выдан хазарским властям и оказался в тюрьме, но благодаря попустительству местного архонта, отвечавшего за узника, смог ее покинуть.

По мнению С. Б. Сорочана, этот местный архонт «не мог не знать, что за этим кроется молчаливое одобрение и кагана и Ирины, не пожелавших раздувать громкого политического дела». Поражает в данном случае способность «местного архонта» узнавать о замыслах сильных мира сего. Или же и императрица и каган сообщили ему о своем желании видеть Иоанна на свободе? Причина такого молчаливого согласия правителей состоит в том,

К каким же выводам пришли исследователи конца XX — начала XXI в. на основании нового анализа письменных источников и обращения к археологическим находкам?

Распространенное ранее мнение о существенных разрушениях, вызванных приходом (вторжением) варваров в Таврику, является преувеличенным. Влияние двух миров — варварского и греко-римско-византийского — было обоюдным. Одним из крупных центров кондоминатной зоны стал Херсон, который не «обнищал и обезлюдел» в период «темных веков». Так кардинально изменилось представление о городе в сравнении с выводами историков начала — первой половины XX в.

Тезис о «хазарском господстве», прозвучавший впервые в труде В. Н. Татищева, получил развитие у многих поколений историков. Завершением его стали замечания А. И. Айбабина о том, что Византия смирилась с потерей владений в Крыму и поддерживала дружеские отношения с Хазарией¹. Однако в последней четверти XX в. объяснением сравнительно мирных взаимоотношений Хазарии и Византии стала теория «кондоминатной зоны», наличие которой позволяло и византийской дипломатии, и правителям каганата извлекать пользу из мирного сосуществования. Такой вывод объясняет наличие в Херсоне архонтов и представителя хазарской власти тудуна и то, что он сохранил статус провинциального города империи.

Продолжится ли дискуссия о характере присутствия хазар в Таврике или сторонники «протектората» признают право на существование

что «время для серьезных изменений в Таврике еще не настало»; мнение в пользу кондомината еще держалось (Там же. С. 533). Свидетельством этого является то, что один из стойких иконодулов монах Епифаний (ок. 820 г.) мог свободно перемещаться в Северном Причерноморье, совершая паломничество по следам св. Андрея. Но уже «Житие Иоанна Психаита» (по мнению С. Б. Сорочана, созданное после 843 г.) свидетельствует о нарастании угрозы, ибо в нем говорится, что хазары подошли к стенам Херсона (Там же. С. 545). А несколько позднее херсониты уже не могли безбоязненно покидать город. Времена кондомината пришли к концу.

¹ См.: Айбабин А. И. Крым под властью Хазарского каганата // Византия и Крым: Тез. докл. Симферополь, 1997. С. 6.

мнения своих оппонентов, покажет время. Сложность ситуации состоит в том, что в нарративных источниках бесспорных аргументов в пользу любой из точек зрения не содержится. Однако гипотеза о кондоминатной зоне позволяет объяснить и помощь со стороны хазар во время карательных экспедиций Юстиниана II, и присутствие среди властей города тудуна от лица кагана и архонта Зоила. Именно это обстоятельство давно смущало историков, попыткой объяснить его является вскользь брошенное замечание А. Л. Бертье-Делагарда о совместном управлении территориями региона¹, или же вывод об отсутствии непосредственной зависимости Юго-Западной Таврики и от Византии и от хазар², или же тезис о наличии в Северном Причерноморье буферной зоны³. С. Б. Сорочан обращает внимание на то, что даже те исследователи, которые писали о «протекторате» или «господстве» хазар в Крыму, отмечали, что в сохранении Херсона как транзитного торгового пункта были заинтересованы как Византия, так и хазары, потому-то он и не был разрушен во время их вторжения в Крым⁴. Отдельные замечания об особом статусе Херсона, основанные

¹ См.: Бертье-Делагард А. Л. Надпись времени императора Зенона. С. 81. Собственно к этому времени следует отнести рождение тезиса о кондоминатной зоне.

² См.: Яacobсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения... С. 190.

³ См.: Гадлю А. В. Рец. на: Яacobсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения... // ВВ. 1973. Т. 37. С. 275.

⁴ См.: Домбровский О. И. Средневековый Херсонес // Археология УССР. Киев, 1986. Т. 3. С. 536. Более того, в Восточном Крыму, где, как полагали исследователи, разрушения для времени появления хазар были значительны, в начале VIII в. существовало двоевластие (см.: Баранов И. А. Таврика... С. 54–55; Он же. Таврика в составе Хазарского каганата, середина VII–X вв.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Киев, 1994. Непосредственно о Херсоне: Баранов И. А. Хазары и Херсонес в VIII в. // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса, 1888–1988 гг.: Тез. докл. Севастополь, 1988. С. 10–11; Он же. Административное устройство раннесредневекового Херсонеса // МАИЭТ. Симферополь, 1993. Вып. 3. С. 137–143. Более того, экономическую стабильность, к примеру Партенит, в VIII в. А. Л. Яacobсон, позднее Е. А. Паршина, видел именно в наличии двоевластия (мнение Е. А. Паршиной изложено в ст.: Торжище в Партенитах // Византийская Таврика. Киев, 1992. С. 93).

на свидетельствах византийских хронистов, описавших время ссылки и карательных экспедиций Юстиниана II, постепенно подготовили почву для введения в научный оборот термина «кондоминат».

Одним из последних свидетельств мирного сотрудничества двух политических сил можно считать строительство будущим стратигом Херсона крепости Саркел.

От кого защищал построенный Петроной Каматиром Саркел

Один из пассажей Константина Багрянородного о создании фемы и строительстве Саркела породил три гипотезы о том, против какой опасности стремились защититься хазары. Император-историк писал, что ближайшими соседями их являлись печенеги, места расселения которых простираются от низовий реки Дунай до Саркела, и ниже он добавляет: «Пачинакия занимает всю землю [до] России, Боспора, Херсона, а в верховьях Днепра живут росы, которые по этой реке прибывают в землю ромеев»¹.

Согласно предположению В. Г. Васильевского, создание крепости должно было послужить защитой от мадьяр, печенегов и алан². Комментируя перевод, Г. Г. Литаврин замечает, что предположительно неприятелем хазар могли быть русы³. Наиболее обоснованным такой вариант считал и А. Л. Якобсон⁴. Ссылаясь на выводы Д. И. Иловайского⁵, В. И. Ламанского⁶ и В. В. Васильева⁷, он отметил, что маловероятной является угроза со стороны мадьяр-венгров.

¹ См.: Константин Багрянородный. Об управлении империей, гл. 37.

² См.: Васильевский В. Г. Житие Георгия Амастридского // Труды. СПб., 1915. Т. 3. С. CXIV.

³ См.: Константин Багрянородный. Об управлении империей. Комментарии. С. 401.

⁴ См.: Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 49.

⁵ См. об этом: Иловайский Д. И. Разыскания о начале Руси. М., 1982. С. 269.

⁶ См.: Ламанский В. И. Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение // ЖМНП. 1903. Июнь. С. 354.

⁷ См.: Васильев А. А. Готы в Крыму // ИГАИМК. 1927. Т. 5. С. 225–227.

Однако время наибольшей активизации военных действий в восточном для Руси направлении приходится на поздний период. В 965 г. Саркел сменил имя; захваченный Святославом, он стал называться Белой Вежей. Овладение крепостью, лежащей на берегу Танаиса, впадающего в Меотидское озеро (Азовское море), открывало одну из торговых дорог¹. К тому же она располагалась на излучине, имеющей наименьшее расстояние до другой водной артерии — реки Итиль (Волга).

А это — дорога в Хазарское (Каспийское) море.

Тезиса о наличии венгеро-хазарского противостояния в Крыму в период создания фемы придерживается французский историк К. Цукерман, полагая, что именно это и заставило хазарского правителя обратиться к византийскому императору с просьбой о строительстве крепости².

С. Б. Сорочан, отметив заинтересованность ромеев в создании крепости Саркел, что происходило на фоне развала кондомината, компромиссно замечает: не обязательно считать, что противостояние хазар с каким бы то ни было противником вызвало строительство³. Последовательный в объяснении характера событий на фоне существования кондомината, он делает вывод о том, что в крепости была заинтересована империя, ибо это — попытка разрядить обстановку, сложившуюся после развала кондоминимума. Для каганата же строительство Саркела — это стремление продублировать и усилить морской таможенный пункт в портовом Самкерце — Таматархе⁴.

¹ См.: Калинина Т. М. Торговые пути Восточной Европы IX в.: По данным Ибн Хордадбека и Ибн ал-Факиха // История СССР. 1986. № 4. С. 68–83.

² См.: Цукерман К. Венгры в стране Леведии: Новая держава на границах Византии и Хазарии около 836–889 гг. // МАИЭТ. 1998. Вып. 6. С. 663–688.

³ См.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 553–572.

⁴ Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 557–558. Отмечено, что наличие караван-сарая не противоречит использованию Саркела в качестве ставки кагана. Он также полагает, что одной из причин отправки Петроны Каматира в хазарские земли могла быть и боязнь укрепления позиций руссов, что склонило империю к поддержке просьбы (Там же. С. 564–565).

Расположение крепости, осуществлявшей контроль над переправой через Дон и дорогами вдоль него, находки монет Херсона, начиная со времени правления Василия I, привели его к частичному согласию с выводом Ф. И. Успенского: византийцы строили Саркел для себя¹; наличие крепости соответствовало торгово-политическим интересам обоих государств². Защита торговых дорог, стремление к сохранению стабильности в регионе, создание буфера из одних варваров против других воедино слились при удовлетворении просьбы. Назначение стратига, создание фемы — это новая страница в истории города, изменившая его статус в общеимперской системе. Описание миссии Петроны Каматира положено в основу развенчания «историографической традиции» о наличии самоуправления в Херсоне. Так ли это было, или же исследователи только видят «призрак самоуправления», «возникший» из-за непонимания смысла источников? На чем основаны мнения историков об особом статусе в структуре империи одного из провинциальных, пограничных городов? Итак, какие доказательства приводятся исследователями Херсона относительно особого статуса города в структуре Византийской империи?

¹ См.: Успенский Ф. И. Византийские владения на северном берегу Черного моря в IX—X вв. // КС. 1889. Т. 25. С. 257—259; Васильевский В. Г. О построении крепости Саркеле // ЖМНП. 1989. Окт. С. 273—289; ЖМНП. 1889. Дек. С. 550—557. Отзвуки борьбы мнений отражены в работе: Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды. Киев, 2002. С. 153.

² См.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 564. А. И. Айбабин полагает, что дипломатическая миссия Петроны Каматира к хазарам для строительства Саркела — это помощь Византии хазарам в их противостоянии мадьярам. Археологические материалы позволили выделить на территории Саркела сооружения, которые, скорее всего, являлись караван-сараями: Плетнева С. А. Города в Хазарском каганате... С. 118—120. О «трансформации» Саркела из крепости в торгово-ремесленный центр см.: Плетнева С. А. Саркел и «шелковый путь» // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье, IV—IX вв.: Тез. докл. Симферополь, 1994. С. 49—52.

Очерк 3. РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ ХЕРСОН В СТРУКТУРЕ ИМПЕРИИ

*Che, non men che saper, dubiar m'aggrata
(Сомнение доставляет мне не меньшее
наслаждение, чем знание)*

Данте А. Ад, XI, 93

Историографическая традиция о статусе Херсона. Причины создания фем. О времени появления фемы в Таврике. «Призрак самоуправления» и доказательства лояльности херсонитов. Несколько слов об «архиве Херсона».

Реформа Диоклетиана — создание тетрархии: два августа и два цезаря для управления Восточной и Западной частями Римского государства и через 20 лет переход цезарей в статус августов — была призвана обеспечить мирный переход власти. Но она не исключила новой вспышки гражданской войны сразу же после отречения Диоклетиана. Не сохранилось и единство империи. При Константине Великом перенос столицы на новое место усиливает значимость и внимание императоров к Востоку, а завещание Феодосия (395) о разделе управления между сыновьями стало концом существования единого государства. Херсонес, в прошлом самостоятельное государственное образование, стал к этому времени одним из обычных городских центров. Безусловно, на судьбах его граждан отражались происходившие в Империи Ромеев события. Но вопрос о том, сохранил ли этот удаленный от столицы город что-то из тех «свобод», которые в свое время даровались ему Римом, начиная с Цезаря, является одним из дискуссионных. Схематично точки зрения можно свести к двум положениям: наличие городского самоуправления (или же некоторых отзвуков прежних свобод в решении внутригородских дел); согласно другому мнению, появившемуся в последние годы, по страницам трудов историков Херсона «бродит призрак самоуправления», в действительности не существовавшего.

Историографическая традиция о статусе Херсона

Характер сведений источников не позволяет составить целостную картину взаимоотношений херсонитов с центральной властью во время эпохи «солдатских императоров» (до создания тетрархии) и в годы становления Восточной Римской империи (от Диоклетиана до Феодосия). События тех лет, как признают современные историки, могут быть восстановлены только гипотетически. Правда, некоторые отправные точки для их реконструкции все же имеются.

Вполне вероятно, что в связи с борьбой, происходившей в империи за власть, в третьей четверти III в. н. э. из Херсонеса был выведен дислоцировавшийся здесь гарнизон. К такому заключению на основании раскопок цитадели — территории, где он размещался, и анализа эпиграфических памятников пришел В. М. Зубарь¹. Новые материалы изменили традиционную точку зрения о том, что римские войска находились в Херсонесе непрерывно вплоть до IV в., высказанную В. В. Латышевым² и нашедшую отражение в монографии С. П. Шестакова³. Однако мнения, близкие к взглядам исследователей начала XX в., встречаются в работах историков второй половины столетия. Так, не останавливаясь подробно на событиях III — начала IV в., А. Л. Якобсон все же полагал, что строительные надписи и пребывание в Херсоне мятежных сановников свидетельствуют о наличии в городе имперских военных сил со времени правления Константина Великого и до эпохи Юстиниана I. Но самостоятельность в решении внутренних дел сохранилась. Она ликвидирована в начале IX в. в связи с образованием фемы. На основании данных о ссылке Прокопия, участника заговора против императора Валента (328—378), и александрийского патриарха Тимофея Элур, он дал следующую характеристику городу: «В этих сообщениях Херсонес IV—V вв. выступает как отдаленный, северный

¹ Об истории вопроса см.: Зубарь В. М. Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху. Киев, 2004. С. 209.

² См.: Латышев В. В. Жития святых епископов Херсонских: Исследования и тексты // ЗАН. 1906. Т. 8. Ист.-филол. отд. № 3. С. 39—41.

³ См.: Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса в VI—X вв. по Р. Х. // ПХХ. 1908. Вып. 3. С. 19.

пункт империи среди сплошь враждебного населения, где византийское господство было далеко не прочным. Город, по существу, был оторван от Византии»¹. («Оторван» от Византии при наличии военного присутствия!).

В. М. Зубарь, не исключая вероятности нового появления римских войск в Херсоне в конце III в. или на рубеже III—IV вв., заметил, что пребывание их, скорее всего, являлось кратковременным; было вызвано возникшей со стороны варваров угрозой и изменением в целом политической обстановки в Таврике, в том числе и конфронтацией между Херсоном и Боспорским царством в конце III в.

Отчасти восстановить, как развивались события, позволяет сочинение «Об управлении империей». Одна из глав его носит название «Повествование о крепости Херсон». Кроме советов, какие меры предпринять, если херсониты поднимут мятеж, Константин Багрянородный рассказывает о происходившем в Северном Причерноморье при императорах Диоклетиане и Константине. Начинает он рассказ следующими словами: «Когда Диоклетиан царствовал в Риме, а венценосцем и протевоним в стране херсонитов был Фемист, сын Фемиста, Савромат из боспорян, сын Крискорона, собрав сарматов, населяющих берега Меотиды, выступил против ромеев»².

По мнению переводчика и комментатора трактата Г. Г. Литаврина, в тексте имеется пять сюжетов. В первом говорится о войне Савромата с римским полководцем Константом (Констанций Хлор—?). Во втором и третьем описаны военные действия против «скифов», которые завершилась победой херсонеситов. В четвертом речь идет о неудачной попытке «другого» Савромата взять реванш над херсонитами. Последний, наиболее подробный и целостный сюжет — это описание подвига Гикии, дочери «венценосца и протевона» Ламаха, спасшей город от захвата боспорян.

Реальность событий, описанных Константином Багрянородным, долгое время вызывала у историков сомнения. В значительной мере на

¹ Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес: Очерки истории материальной культуры // МИА. 1959. № 63. С. 19.

² Константин Багрянородный. Об управлении империей, гл. 53.

это повлиял авторитет выдающегося немецкого историка античности Т. Моммзена (1817—1903), считавшего рассказ императора «херсонесскими сказками».

В 1967 г. была опубликована статья Я. Харматты¹, доказавшего, что содержание главы об истории Херсонеса-Херсона построено на местных хрониках, которые созданы не позднее V в. Он же привел дату Херсонесско-Боспорской войны: 291—293 гг. Изменившееся отношение к источнику позволило реконструировать события конца III — начала IV в. и предположить, что после окончания столкновений с Боспором херсониты приняли участие в отражении варваров на Дунае (322). За это городу дарована золоченая статуя императора, освобождение от податей и установлена выплата 100 пайков на содержание баллистариев.

К концу IV в. относится строительная надпись (383—395), в которой сказано: «За владык наших вечных Августов, непобедимых Флавиев Феодосия и Аркадия² и много потрудившегося при деле Флавия Вита, трибуна, и строителей (*mechanikos*) построена стена Херсона при Евферии» («превосходительном архонте» — ?)³. Примечательно, что в декрете наряду с трибуном назван гражданский глава города — архонт.

Следующее хронологически установленное событие, позволяющее судить об отношении центральной власти к Херсону, относится к 488 г. — времени правления императора Зенона (474—491). В надписи, обнаруженной неподалеку от одной из фланговых башен в портовом районе, которую со времен находки стали называть «башней Зенона», кроме восхвалений императору отмечено, что «их благочестие, возревновавший во всех городах, так и в этом его городе, даровало выдачу денег, именно собираемые на мытницы здешнего викарата преданных баллистариев. На эти (суммы) возобновляя стены во спасение этого самого города и благодарствуя, поставили мы эту надпись в вечное воспоминание их царствования. Возобновлена же башня эта трудом светлейшего комита Диогена лета 512 индикта (?)».

¹ См.: Харматта Я. К истории Херсонеса Таврического и Боспора // Античное общество. М., 1967. С. 204—208.

² Аркадий (377—408) стал соправителем Феодосия в 383 г.

³ Перевод с латинского В. В. Латышева, уточненный В. М. Зубарем.

Надпись, как считал издавший ее В. В. Латышев, свидетельствует о том, что в городе таможня и баллистарии находились в подчинении викарата¹.

В последующем данный сюжет стал объектом внимания историка-античника В. М. Зубаря и специалиста в области средневековой истории Византии С. Б. Сорочана. Основываясь на содержании текста о восстановлении стен и сообщениях Константина Багрянородного, исследователи предположили, что Константин Великий подтвердил «свободы» Херсону, но до V в. город в состав империи не входил. Анализ данных из других районов империи позволил авторам заключить, что упоминаемый в надписи Диоген, которого М. И. Ростовцев, а вслед за ним С. П. Шестаков и А. Л. Якобсон считали комитом города, только курировал дела в Херсоне².

Присмотримся внимательнее к сообщениям источников: таможенные сборы и местное ополчение контролируются (курируются) комитом Диогеном; император определяет, на какие нужды расходовать финансовые средства; византийское правительство озабочено ремонтом оборонительных стен и безопасностью херсонитов — все это, скорее, свидетельствует в пользу тезиса о том, что город был включен в административную систему государства, являлся со времени Константина Великого составной частью Империи Ромеев, однако выявить, какие «свободы» дарованы херсонитам, не представляется возможным.

Именно отсутствие хронологически последовательных данных о структуре городских властей и привело к появлению двух взаимоисключающих гипотез.

¹ См.: Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896. С. 15. Это мнение отражено и в работах российских эпиграфистов конца XX в.: Виноградов Ю. Г. Греческие надписи IV—VI вв. как источник по истории стеностроительства в Херсонесе // Докл. на 2-м коллоквиуме советских и греческих историков. Дельфы, октябрь 1988 г. (не опубликован).

² См.: Ростовцев М. И. Новые латинские надписи с юга России // ИАК. 1907. Вып. 23. 10—11; Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса... С. 98. А. Л. Якобсон полагал, что Диоген исполнял функции коммеркиария и был главой финансового управления Херсона (см.: Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 22).

Одна из них, основанная на сообщениях византийских хронистов Никифора и Феофана, а также Константина Багрянородного, восходит к работам С. П. Шестакова и А. Л. Якобсона. Они полагали, что в Херсоне на протяжении всего раннесредневекового периода существовало самоуправление, состоявшее из представителей местной знати — «отцов города», которые могли оказать противодействие центральной власти. К этой точке зрения склоняется И. В. Соколова, дополняя свидетельства письменных источников сфрагистическими данными и наблюдениями за характером монетной чеканки местного монетного двора.

Несколько иначе представляет взаимоотношения «центра» и горожан С. Б. Сорочан, образно заметивший, что «более полувека в историографии византийского Херсона бродит призрак “самоуправляемого города”, в действительности же херсониты являлись лояльными верноподданными империи, что доказывается и фактом ссылки сюда мятежников»¹. (В скобках заметим, что лояльное отношение к центральной власти никоим образом не противоречит тому, что херсониты внутригородские дела решали сами. А о том, что они не всегда были «верноподданными империи», свидетельствует мятеж против Юстиниана II, завершившийся провозглашением нового императора, и рекомендации Константина Багрянородного, как должно поступить стратегу в случае выступления херсонитов. К конфликту могло привести несогласие с какими-либо мерами или распоряжениями императора. Но вряд ли это свидетельствует, что «мятеж» направлен лишь против конкретного лица. Горожане оказывали противодействие политике, которая формировалась в столице, при дворе; следовательно, оказывали противодействие существующей власти², и потому не совсем

¹ Сорочан С. Б. Государственное устройство раннесредневекового Херсона и «призраки самоуправления» // ВВ. 2003. Т. 62. С. 21–46.

² В этой связи следует обратить внимание на акцент, который на основании комментариев И. С. Чичурова (см.: Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения... С. 130. Коммент. 344) делает С. Б. Сорочан: выступление против Юстиниана II — это конфликт императора и херсонитов. Однако возникает вопрос к исследователю: если император — олицетворение власти, то вряд ли мятеж можно рассматривать только лишь как «конфликт» между горожанами и Юстинианом II.

соответствует реалиям времени тезис о наличии характерных для всех времен «верноподданнических чувств» херсонитов).

Последуем за показаниями источников, которые привлекаются для доказательства существования в Херсоне самоуправления, а затем обратимся к логике доказательств оппонентов. Но прежде отметим, что для византийского периода истории города не может быть речи о «государственном устройстве», как оговариваются некоторые авторы. Приводимые выше распоряжения императоров о постройке оборонительных стен и источниках их финансирования свидетельствуют о том, что имперское правительство заботилось о городе, где проживали его подданные, поэтому речь может идти только лишь о статусе Херсона в структуре государств. Именно поэтому суть проблемы следует перевести в несколько иную плоскость: насколько сильными являлись традиции самоуправления в этом окраинном пограничном городе, насколько последовательно следовали политике центра те, кто стоял во главе местной городской администрации, какие изменения претерпевали органы самоуправления (если они существовали) с течением времени? При этом следует учитывать, что вне зависимости от того, назначался ли представитель столицы из числа местной знати или являлся новым человеком, посланным из Константинополя, он состоял на государственной службе, поскольку Херсон являлся составной частью империи.

Таким образом, проблема статуса Херсона — это вопрос о том, можно ли считать наличие в городе «чиновников», назначаемых сюда, несовместимым с элементами муниципальных свобод. Сложность такого аспекта состоит в том, что в распоряжении историков нет «списка должностных обязанностей» тех, кто считался городским магистратом или чиновным лицом. В сущности, сохранилась только лишь одна рекомендация, изложенная Константином Багрянородным: если херсониты «замысляют совершить противное царской воле», то стратиг должен покинуть город.

Итак, упоминания о наличии самоуправления в Херсоне имеются в работах общего характера. В частности, на основании приведенных выше свидетельств средневековых историков М. И. Артамонов писал о внутренних неурядицах в городе в начале VIII в., о балансировании его верхушки между хазарами и центральным правительством. При этом

он предположил, что в этот период город стал независимым¹. Действительно, о какой зависимости может идти речь во время выступления против правившего императора?²

Упоминал Херсон в связи с обращением к особенностям развития византийского города в целом М. Я. Сюзюмов. Ссылаясь на выводы историков, посвятивших свои штудии непосредственно Херсону, он писал, что до появления стратига, до образования фемы город имел самоуправление³.

Первым ярким проявлением сопротивления херсонитов воле императора, проявлением «мятежного духа» стали события времени карательных экспедиций Юстиниана II. К более позднему времени относятся слова «о самовластии» архонтов города Константина Багрянородного накануне образования в Таврике фемы. Эти данные, как и анализ сфрагистического материала, позволили И. В. Соколовой сделать вывод о том, что во главе городских дел до создания фемы стояли местные протевоны и архонты, а не имперские чиновники⁴.

Причины создания фем

Формирование фем относится ко времени правления Ираклия (610—641). Но причины, вызвавшие необходимость изменений, проявились при его предшественниках. Многочисленные военные экс-

¹ См.: Артамонов М. И. История хазар. М., 1962. С. 302. Исследователь отмечал, что в Херсоне существовало самоуправление. Именно эта фраза вызывает возражения С. Б. Сорочана.

² Ниже нам придется говорить об аргументах С. Б. Сорочана в защиту тезиса о «призраке самоуправления в историографии», доказывающего, что для херсонитов характерны верноподданнические и лояльные настроения. Однако следует помнить, что именно из-за «нелояльности» херсонитов и не без их помощи оказался на престоле Вардан-Филиппик. Попробуем домыслить, как это свойственно в некоторых случаях исследователю, о чем мог думать Юстиниан II, назначив местом ссылки Вардану далекий окраинный город. Вполне вероятно, что он надеялся, что тот, удаленный из столицы, будучи изолированным от сподвижников, опасности для престола представлять не будет.

³ См.: Сюзюмов М. Я. Византийский город (середина VII — середина IX в.) // Сюзюмов М. Я. Византийские этюды. Екатеринбург, 2002. С. 127.

⁴ См.: Соколова И. В. Монеты и печати... С. 113.

педии Юстиниана Великого, стремящегося восстановить Великую державу ромеев, требовали значительных расходов. При его преемниках — Юстине II (565—578) и Тиверии Константине (578—582) — содержание пышного двора, строительство, раздачи солдатам и подарки вождям варваров во имя сохранения мира продолжали подрывать государственные финансы. Не способствовали стабилизации экономики щедрые награды и дарование должностей многочисленным родственникам императора Маврикия. В 597 г. в завещании он делает попытку изменить систему управления провинциями. После его смерти Константинополь с восточными землями должен был отойти одному из старших сыновей, другой унаследовал бы Рим и западные острова. Младшие получали в управление Иллирик и Северную Африку. Введение в жизнь завещания означало полное крушение планов Юстиниана I. Оно и не было претворено в жизнь, но процесс образования новых административных единиц уже начался. В 584 г. возник Равенский экзархат, около 590/591 г. — Карфагенский. В руках экзархов сосредотачивалась военная и гражданская власть. Стремясь предотвратить мятежи и восстания, успокоить растущее недовольство населения, Маврикий на 1/3 снизил размер податей. Одновременно он сократил военные расходы. В 588 г. был издан закон, уменьшивший военную аннону. Это привело к неповиновению в войсках; первой выступила Дунайская армия. Оставленная зимовать в славянских землях, она из-за недостатка средств вынуждена была существовать за счет грабежа. На волне возмущения, охватившего и жителей столицы, к власти пришел центурион Фока (602—610). Новый император не нашел общего языка со знатью. На сопротивление оппозиции он ответил террором, что вызвало настоящую гражданскую войну. Ухудшилось положение и на границах: усилилось проникновение славян и авар на севере Балканского полуострова; осложнилась ситуация на востоке. Войска персидского шаха Хосрова II вторглись в малоазийские пределы государства; один из его полководцев подошел к стенам Константинополя. Карфагенский экзарх Ираклий отказался отправлять хлеб в столицу, а его сын, как и отец, носивший имя Ираклий, во главе большого флота выступил против Фоки. В октябре 610 г. Ираклий вошел в Константинополь. Фока был казнен, а сын Карфагенского экзарха провозглашен императором.

Доставшаяся Ираклию держава переживала огромные трудности. Императору пришлось бороться с неприятелем на севере (славяне, авары), востоке (персы) и западе (вестготы). Спасло государство превосходство на море и дипломатия. В лице хазар Ираклий нашел союзников против персов. Приготовившийся к штурму флот славян был потоплен. К тому же в это время разразилась религиозная борьба в Иране, а Аварская держава распалась: на западе из нее выделилось государство Само, а в Причерноморье возник союз протоболгар во главе с ханом Кувратом.

События, предшествующие приходу к власти Ираклия и разразившиеся в начале его правления, требовали кардинальных перемен. Для решения проблем содержания армии и обеспечения защиты пограничных районов создаются фемы. Они являлись военно-административными округами, в которых военная и гражданская власть принадлежала стра-тигу. Войско, состоявшее из стратиотов, формировалось из местных жителей, владевших наследственными земельными участками, которые призваны были обеспечить несение службы в военное время, а также приобретение вооружения и амуниции. Боевая единица, называемая также фемой, подразделялась на турмы, друнги, ванды. Возникшее в результате реорганизации войско призвано было обеспечивать себя в значительной мере за счет доходов с земли. Наиболее ранние из фем — это Опсикой, Анатолий, Армениак, Карависион — расположены на Малоазийской территории. Начиная с реформ Маврикия, в течение второй половины VI—VIII в. фемы постепенно заменяют прежние территориальные единицы — провинции.

О времени появления фемы в Таврике

Обращение к свидетельствам хронистов, изложивших события времен Юстиниана II, не позволяет получить однозначного ответа о том, насколько самостоятельными в местных (городских) делах были знатные люди Херсона.

Для показа наличия самоуправления и самовластия протевонов и архонтов города, как правило, используется описание миссии Петра Каматира в хазарские земли при императоре Феофиле в изложении Константина Багрянородного.

Согласно свидетельству императора-историка, события развивались следующим образом. Ко двору императора Феофила (829—842) прибыли хазарские послы с просьбой о помощи в строительстве крепости Саркел. Она была удовлетворена. И спафарокандидат Петрона на хеландиях императорского флота и судах катепана Пафлагонии (побережье Малой Азии) пересек Понт. Оставив в Херсоне суда, на которых прибыли люди и, вероятно, какой-то груз, он отправился далее к низовьям реки Танаис-Дон на кораблях, имевших меньшую осадку, поэтому приспособленных для плавания по рекам. Вернувшись в Константинополь после завершения строительства Саркела, Петрона Каматир изложил императору свои наблюдения. «Если ты хочешь, — передает его слова Константин Багрянородный, — всецело и самовластно повелевать крепостью Херсоном и местностями в нем и не упустить их из своих рук, избери собственного стратига и не доверяй их протевонам и архонтам». И далее историк после пояснений: «Ведь до василевса Феофила не бывало стратига, посылаемого [туда] из этих мест, но управителем всего являлся так называемый протевон с так называемыми отцами города», продолжает: «Итак, василевс Феофил, размышляя при сем, того или этого послать в качестве стратига, решил, наконец, послать вышеозначенного спафарокандидата Петрону как приобретшего знания местности и понимания дел отнюдь не лишенного, которого и избрал стратигом, почтив чином протоспафария, и отправил в Херсон, повелев тогдашнему протевону и всем [прочим] повиноваться ему. С той поры до сего дня стало правилом избирать для Херсона стратигов из здешних»¹.

В первую очередь целью, которую преследовал Феофан при создании одной из поздних фем, безусловно, являлась защита северных рубежей империи. Но реализация ее должна была привести и к усилению контроля над местными властями, возглавляемыми, как и ранее во время выступления херсонитов против Юстиниана II, архонтами и протевонами.

¹ Константин Багрянородный. Об управлении империей, гл. 42. Цитата, неоднократно приводимая в работах историков, дана фактически полностью, для того чтобы показать, как воспринимались события и как оценивалось отношение к центральной власти «отцов города», а также потому, что историк назвал одну из целей создания фемы.

Но в трактате «Об управлении империей» не приведен год, когда Петрона Каматир был назначен стратигом, поэтому время создания фемы в Таврике вызвало у исследователей разночтения и датировалось периодом между 832—841 гг.

Уточнить год образования фемы позволил один из пассажей «Жизнеописания византийских царей» Продолжателя Феофана, на что обратил внимание крымский исследователь В. Е. Науменко¹. Прежде чем мы последуем за логикой доказательств и хронологическими сопоставлениями исследователя, сравним рассказ о строительстве Саркела и миссии Петроны Каматира в изложении Константина Багрянородного и Продолжателя Феофана, где содержится информация и о некоторых событиях, предшествовавших посольству хазар.

«Двадцать первого числа апреля месяца, в воскресенье, рукополагается епископом Константинополя Яннес (Иоанн Грамматик), получивший священство наградой за нечестие, неверие и непоклонение божественным иконам. ... На следующий год и агаряне и Феофил выступили друг против друга, но каждый опасался противника и, ничего не совершив, вернулся в свою землю. В это время хаган Хазарии и пех отправили к самодержцу Феофилу послов с просьбой отстроить им крепость Саркел, ту, что расположена на реке Танаис, разделяющей по одну сторону печенегов, по другую — хазар. В ответ на их просьбы и мольбы послал Феофил спафарокандидата Петрону, сына Каматира, с царскими хеландиями и катепаном Пафлагонии и приказал выполнить просьбу хазар»². В сочинении Константина Багрянородного и у Продолжателя Феофана прослеживается только одно разночтение: «и хеландии катепана Пафлагонии» (у Константина Багрянородного). Далее следует близкий рассказ, как Петрона из-за отсутствия камня, пригодного для возведения стен, соорудил печи и изготовил кирпич, из которого и была возведена крепость.

¹ См.: Науменко В. Е. Учреждение и развитие византийской фемы в Таврике // Древности: ХИАЕ. 1996. Харьков, 1997. С. 23—30; Он же. К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике // МАИЭТ. 1998. Вып. 6. С. 689—700.

² Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. Феофил, 26—28 / Пер. Я. Н. Любарского. М., 1965.

Время патриархата Иоанна Грамматика датировалось 837—843 гг.¹. Переводчик и комментатор Продолжателя Феофана Я. Н. Любарский считал, что рукоположение Иоанна, скорее всего, относится к 838 г.

Дальнейший ход событий, реконструируемый В. Е. Науменко, выглядит следующим образом. В 839 г. Феофил возглавил военную кампанию против арабов. В его отсутствие прибыло хазарское посольство. Вернувшийся осенью с восточной границы Феофил решил удовлетворить просьбу о создании крепости. Началась подготовка морской экспедиции, которая требовала значительного времени. Только в следующем 840 г. Петрона отплыл к Херсону (по Константину Багрянородному, от Дуная до Саркела 60 дней пути). Далее последовали: строительство крепости, возвращение в столицу, доклад Петроны и назначение его стратигом фемы, которую он возглавил осенью 841 г. (в январе 842 г. император скончался). Так вслед за французским историком К. Цукерманом² датирует создание фемы В. Е. Науменко³. Первоначально она носила название фемы Климатов, включала, кроме Херсона, и другие крепости: «от Херсона до Боспора расположены крепости Климатов, а расстояние 300 миль»⁴. В 60-х гг. IX в. фема Климатов переименована в фему Херсон, что было связано с преобразованием системы управления. Согласно мнению И. В. Соколовой, одновременно исчезают сохранившиеся и после появления стратига архонты Херсона⁵.

¹ См.: История Византии. М., 1967. Т. 3. С. 387.

² См.: Цукерман К. Венгры в стране Леведии: Новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836—889 г. // МАИЭТ. 1998. Вып. 6. С. 675, 683. К. Цукерман считает, что строительство было вызвано необходимостью защиты от венгров, которые в этот период не были союзниками хазар.

³ Интуитивная догадка о времени создания фемы (так можно считать, поскольку аргументация не была приведена) принадлежит С. Богуш-Сестренцевичу (История царства Херсонеса Таврийского. СПб., 1806. Т. 1. С. 333). Ни один из историков XX в., кроме С. Б. Сорочана, не обратил на это внимания (Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 15). Вероятно, сказалась негативное отношение к сочинению.

⁴ Константин Багрянородный. Об управлении империей, гл. 42.

⁵ См.: Соколова И. В. Монеты и печати... С. 115.

«Не доверяй их протевонам и архонтам», — советовал Петрона Каматир после возвращения в столицу. Именно они, стоявшие во главе граждан города, являлись той социальной силой, которая могла выразить несогласие с волей императора. При назначении стратига император повелел «тогдашнему протевону и всем [прочим] повиноваться ему». Этим актом еще не ликвидировались полностью элементы муниципального управления, но оно поставлено под контроль посылаемого из столицы должностного лица, которому Константин Багрянородный на случай мятежа херсонитов рекомендовал поступать следующим образом: стратиг должен удалиться из города, торговые суда херсонитов, находящиеся в пределах фем южного побережья Черного моря, должны быть арестованы. Одним словом, следовало принять меры экономической блокады: прервать торговые сношения и снабжение продовольствием мятежного города. Слова Константина Багрянородного в отношении «самовластия» местных архонтов и протевонов и указания на меры, способствующие умирению мятежа, не могут не привести к предположению, что в городе должны были иметься силы, способные организовать (возглавить) противодействие распоряжениям из столицы. Такой силой могли являться «знатные города», которые каким-то образом должны были быть организованы. Это обстоятельство и позволяет исследователям полагать, что для Херсона характерно самоуправление (или его элементы), чему никоим образом не противоречит контроль со стороны центрального правительства, наличие в целом лояльности по отношению к столице, но в отдельных случаях проявление противодействия тому, что исходило из Константинополя. В этом свете вполне оправданным представляется вывод И. В. Соколовой, что создание фемы Климатов, в которой стратиг являлся только военачальником, первоначально принципиально не затронуло власти «отцов города». Упоминание архонтов Херсона имеется в составленной около 842—843 гг. «Табели о рангах»¹, где перечислены чиновники Византии, что свидетельствует о сохранении представителей муниципальной власти до времени, когда исчезают печати архонтов Херсона — до 70-х гг. IX в.²

¹ См.: Успенский Ф. И. Византийская табель о рангах // ИРАИК. 1898. Т. 3.

² См.: Соколова И. В. Монеты и печати... С. 112.

Вернемся еще раз к событиям начала VIII в. Посланный из столицы спафарий Илия в качестве архонта, как полагает И. В. Соколова, устраивал горожан, но он не сохранил верность императору, примкнул к выступлению херсонитов против Юстиниана II. В связи с этим она отметила, что наличие архонта как «представителя центрального правительства совместно с существованием полновластного самоуправления» стало возможным лишь в результате конфликта императора и херсонитов. После провозглашения императором Вардана-Филиппика и до образования фемы Херсон, оставаясь, безусловно, в пределах империи (речи об отделении и быть не могло), город обладал широкими полномочиями самоуправления, что подтверждается и монетной чеканкой¹. Постепенное уменьшение роли знати в решении городских дел отразилось в исчезновении печатей архонтов, но и во времена Константина Багрянородного жители Херсона были способны выступить против воли императора, потому-то и советует сыну Роману Константин Багрянородный установить экономическую блокаду; «сколько ни найдется херсонских кораблей в столице, конфисковать вместе с их содержимым, а моряков и пассажиров-херсонитов связать и заключить в работные дома. Затем же должны быть посланы три василика (служитель императора, выполнявший его поручения): один — на побережье фемы Армениаки, другой — на побережье фемы Пафлагония, третий — на побережье фемы Вукуллариев, чтобы захватить все суда херсонские, конфисковать и груз, и корабли, а людей связать и запереть в государственные тюрьмы и потом донести об этих делах, как их можно устроить. Кроме того, нужно, чтобы эти василики препятствовали пафлагонийским и вукулларийским кораблям и береговым суденышкам Понта переплывать через море в Херсон с хлебом и вином, или с каким-либо иным продуктом, или товаром. Затем также и стратиг должен приняться за дело и отменить десять литр², выдаваемых крепости Херсона из казны, и две литры пакта³, а затем стратиг уйдет

¹ Соколова И. В. Монеты и печати... С. 113.

² Литра равнялась 72 номисмам, в середине X в. около 320 г. золота.

³ Пакт — арендная плата за наем земли. В данном случае плата херсонитам за военную помощь, как полагает Г. Г. Литаврин.

из Херсона, отправится в другую крепость и обоснуется там». И далее император подчеркивает действенность мер: «если херсониты не приезжают в Романию и не продают шкуры и воск, которые покупают у пачинакитов, то не могут существовать. [Знай], что если херсониты не доставляют зерно из Амиса, Пафлагонии, Вукуллариев и со склонов Армениака, то не могут существовать»¹.

О том, что советы императора содержат не теоретическую возможность выступлений херсонитов, свидетельствует убийство ими стратига Симеона, сына Ионы, в 896 г. Известно и другое восстание горожан, возглавленное стратигом Георгием Цулой в 1016 г. О том, что могло стать причинами подобных выступлений, в источниках нет свидетельств. Но в данном случае можно вспомнить один из пассажей из «Алексиады» Анны Комниной, где она рассказывает, что будучи еще стратигом, Алексей, отправившийся на подавление мятежа некоего Руселя в Армениаке, испытывая недостаток средств, вынужден был обратиться к горожанам Амасии: «Проведя целую ночь в тягостных раздумьях, он решил собрать необходимую сумму у жителей Амасии. С наступлением дня Алексей, несмотря на трудности, созвал всех граждан, особенно наиболее влиятельных и состоятельных. (Он просит помочь ему собрать необходимую сумму, обещая позднее вернуть ее.) ... Не успел он кончить, как его слова вызвали крики протеста, и среди подстрекаемых к бунту амастрийцев началось сильное брожение. Нашлись злокозненные и неугомонные люди, сеятели смут, которые побуждали толпу кричать и неистовствовать» (Алексиада, I, 2). Вполне вероятно, что «влиятельные и состоятельные» херсониты могли стать зачинщиками мятежных действий в тех случаях, когда это грозило их финансовому благополучию. Обратим внимание на слова Анны Комниной, что именно к «наиболее влиятельным и состоятельным» обратился будущий император с просьбой, а не приказал предоставить ему необходимые средства. Возможно, все разногласия о наличии самоуправления в Херсоне или его отсутствии порождены тем, что из-за внимания к нему Константина Багрянородного данный провинциальный центр оказался поставленным в исключительное положение.

¹ Константин Багрянородный. Об управлении империей, гл. 53.

В свою очередь это привело к тому, что в отношении его возник тезис о существовании автономистских устремлений. Возможно, дело в другом: какие-то организующие горожан начала, несмотря на режим автократии, сохранялись в империи. Но сопоставлять это с античной эпохой, считать их рудиментом не совсем корректно.

Богатство любого государства, кроме его граждан, зависит от состояния его казны. Не касаясь всех средств ее пополнения, отметим только два источника: налоговая политика и таможенные сборы. И. В. Соколова на основании анализа печатей, известных по публикациям и поступивших в коллекции музеев к 1990 г.¹, отметила преобладание в преобразованной феме (с 70–80-х гг. IX в.) моливдовулов стратигов и коммеркиариев. Многочисленность первых, отмечает исследовательница, объясняется тем, что высшая юридическая власть (наряду с военной) находилась в руках стратига; печати коммеркиариев свидетельствуют о значении Херсона как торгового центра Причерноморья². В данной связи можно еще раз вспомнить рассказ Константина Багрянородного о том, что Петрона Каматир пересел в Херсоне на транспортные корабли, на которых последовал далее. Этот факт — несомненное свидетельство наличия судов в городской гавани, которые использовались для торговых сношений с землями, населенными «варварами». Доходы, получаемые от торговли, являлись одним из источников богатства знатных лиц города. В X в. и ранее соседями херсонитов являлись сменявшие друг друга номады, что и определяло характерную для города номенклатуру товаров. Выявить, насколько значительными были доходы, на основании имеющихся свидетельств не представляется возможным. Правда, косвенные данные все же существуют.

Феофан пишет, что во время прибытия в Херсон логофета геникона Георгия Сирийца Вардан, опасаясь за свою жизнь, бежал к хазарам. За возвращение в город Вардана, провозглашенного херсонитами императором, каган потребовал «доставить ему за каждого человека

¹ См.: Соколова И. В. Византийские печати из Херсона // АДСВ: Византия и средневековый Крым. 1992. С. 191–203.

² См.: Соколова И. В. Монеты и печати... С. 115; также см. таблицу на с. 169–171.

по номисме¹. Тотчас дав это, они получили василевсом Филиппика». Сообщение хрониста привело к следующему замечанию И. В. Соколовой: «Чтобы представить себе, насколько велика была сумма, без больших проволочек выплаченная кагану, следует обратить внимание на сообщение Константина Порфирородного, относящееся к периоду признанного всеми расцвета города — к X в. Херсон в это время получал из императорской казны помощь в 10 литр золота, т. е. 720 номисм в год, в среднем по одной десятой номисмы на человека»².

Можно, однако, сослаться на более близкие данные для оценки величины собираемой с каждого человека суммы. Шестьюдесятью годами ранее рассматриваемых событий в Херсоне находился ссыльный папа Мартин. Жалуясь на тяготы жизни и дороговизну продовольствия, он писал: «Так мы могли приобрести три или четыре модия за номисму вплоть до нынешнего месяца сентября». Византийский модий равнялся 7,5 кг. Вес номисмы колебался в различные периоды от 3,79 до 4,55 г. Не будем в данном случае касаться вопроса о том, какие обстоятельства экономического развития диктовали стоимость товаров потребления. Для нас важным является другое: 22,0–30,0 кг зерна составляют фактически месячную норму хлеба. Вряд ли при «бедности» жителей

¹ Размер выкупа, приведенный в «Бревиарии» Никифора, в сто раз больше.

² См.: Соколова И. В. Монеты и печати... С. 10. За численность населения приняты расчеты А. Л. Якобсона, согласно которым в этот период в Херсоне могло проживать 5–7 тыс. (см.: Якобсон А. Л. О численности населения средневекового Херсонеса // ВВ. 1961. Т. 19. С. 154–165). Представление о структуре жителей города на основании упоминавшихся выше данных попытался воссоздать С. Б. Сорочан. Он полагает, что в раннесредневековом Херсоне примерно 1% (около 50–70 человек) составляли «первенствующие» (потомственная знать, богатые предприниматели, владельцы недвижимости), высшее духовенство было представлено около 10 лицами (епископ, пресвитеры), к профессиональным военным относилось 80–100 человек; примерно 10% от жителей — это среднее и низшее духовенство (500–600 человек), торгово-ремесленное население, средние собственники — наиболее многочисленная группа — около 1000 человек (17–20 %) и, наконец, городские низы, в том числе и рабы, — около 10 % (см.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 1218).

было возможно быстро собрать запрошенную за возвращение Вардана весьма значительную сумму.

Для полноты историографической картины обратимся к основным положениям оппонентов «традиционной точки зрения» о муниципальных свободах.

«Призрак самоуправления» и доказательства лояльности херсонитов

Первой ласточкой, свидетельствующей о появлении сомнений по поводу наличия у херсонитов права решать внутригородские дела, стала коллективная статья В. М. Зубаря и С. Б. Сорочана. Выделим основные положения работы:

1. Начиная с периода правления Анастасия (491—518) и при Юстиниане I переживающая экономический подъем Византийская империя усиливает присутствие в Крыму. Главным форпостом ее в регионе стал Херсон¹, где в рассматриваемый период происходила реорганизация войска.

2. Для историографии характерен «расхожий штамп», согласно которому совет и сорок протевоноров во главе с протополитом, упоминаемые при описании Феофаном и Никифором карательных экспедиций Юстиниана II, считаются свидетельством «местного сепаратизма и некоего особенного автономного самоуправления».

3. Авторы отметили, что термин «первенствующие» (протевоны) «не был уникальным, применявшимся только для обозначения властей и знати Херсона»².

¹ См.: Зубарь В. М., Сорочан С. Б. О положении Херсона в конце V—VI в.: Политический и экономический аспекты // ХСб. 1998. Вып. 9. С. 118—132. При этом исследователи в отличие от И. В. Соколовой (см. Соколова И. В. Монеты и печати... С. 34—36) считают, что монограммы «П—Х» и «ПХ» на монетах этого периода — не свидетельство крепких полисных традиций, а географический показатель. О том, что не следует преувеличивать факт чеканки таких монет как доказательство устойчивости полисных традиций, ранее писал В. А. Анохин (см.: Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса, IV в. до н. э. — XII в. н. э. Киев, 1977. С. 107).

² Ссылка приведена на первое издание работы А. П. Рудакова: Рудаков А. П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917.

Предшественники В. М. Зубаря и С. Б. Сорочана обращали внимание не столько на «особенность» Херсона¹, сколько подчеркивали наличие автономистских устремлений для некоторых периодов², что проявилось, в частности, во время выступления против Юстиниана II. О том, что наличие протевонов в Херсоне — явление не «уникальное», российские византинисты писали и до появления статьи В. М. Зубаря и С. Б. Сорочана. Кроме сводки, составленной на основании агиографических данных, в монографии А. П. Рудакова, можно привести наблюдения Г. Г. Литаврина в работе «Византийское общество и государство в X—XI вв.», в которой на основании значительного круга нарративных источников сделан следующий вывод: «Признаки сохранения муниципальных традиций прослеживаются в XI в. не только в удаленных от центра эмпориях, но и в некоторых континентальных городах Греции». Обратим внимание и на предшествующий абзац: «Свидетельства о жизни эмпориев, особенно крупных, неизменно говорят о социальной прослойке, которая играла главенствующую роль в торговле и ремесле данного центра не только в силу своего экономического преобладания, но и вследствие какой-то формы организованности этого слоя. Эти

С. 77—78 (см. новое издание: СПб., 1997. С. 91—92). В качестве аргумента об отсутствии «особенностей в системе управления, внимание авторов обращено также на замечание в одной из работ О. Р. Бородина (Бородин О. Р. Византийская Италия в VI—VII вв.: Равенский экзархат и Пентаполь. Барнаул, 1991. С. 284) о том, что «городские власти в лице архонтов, протополитов, “известных” и протевонов в это время вполне соответствовали облику обычных византийских чиновников, подчиненных центральному управлению».

¹ Можно полагать, что в данном случае акцент на слове об «особенностях некоего автономного самоуправления» вызван использованием его в названии одного из разделов монографии И. В. Соколовой. Но это не дает повода обвинять исследовательницу и тех, кто касался истории раннесредневекового Херсона, в использовании «расхожего штампа». Вывод И. В. Соколовой, покоящийся на нумизматических и сфрагистических данных, звучит следующим образом: «Черты, представляющие Херсон как город Византийской империи, значительно существеннее, чем свидетельства его отличия» (Соколова И. В. Монеты и печати...С. 110).

² См.: Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977. С. 125.

«протевоны» и «прухороны» известны для X—XI вв. для Антиохии, Херсона, Диррахия, Скопье и для других крупных городов»¹.

Для подтверждения одного из тезисов авторы коллективной статьи сослались на слова из монографии А. П. Рудакова, которые должны были усилить вывод о том, что Херсон, обладавший органами самоуправления, наряду с посылаемыми из столицы чиновниками, не являлся единичным явлением. Но следовало бы учесть и другие замечания исследователя: «Но чаще всего и в агиографии, и в других источниках горожане обозначаются как люди, принадлежащие к самоуправляющейся городской общине. ... Для обозначения высших классов городского общества агиография употребляет несколько выражений, смотря по тому, отмечается ли просто выдающееся социальное положение известного лица или же имеется в виду его значение в городском самоуправлении. В первом случае знатные горожане называются просто “эвпатридами” или “ктиторами” (т. е. крупными владельцами), во втором они именуются как “первенствующие”»².

Следующее положение В. М. Зубаря и С. Б. Сорочана относится к показу экономического статуса Херсона раннесредневекового времени. Вспомним, что время стабильного существования экономики города Д. Л. Талис завершал серединой VI в., а согласно концепции А. Л. Якобсона VI в. — **это последний период его процветания**. В отличие от них авторы статьи полагают, что с IV в. вплоть до VII в. для Херсона характерно ускоренное развитие промыслов, ремесел и торговли³; город являлся составной частью империи и крупным центром

¹ Литаврин Г. Г. Византийское общество... С. 124—125.

² Рудаков А. П. Очерки византийской культуры... С. 91 (по изданию 1997 г.).

³ Этот сюжет подробно рассмотрен в коллективной монографии: Каде-ев В. И., Сорочан С. Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н. э. — V в. н. э.: На материалах Херсонеса. Харьков, 1989. Анализ экономической ситуации в Черноморском регионе посвящено несколько статей С. Б. Сорочана: О торговых связях Херсонеса в IV—V вв. н. э. // АИУ. 1978—1979. Киев, 1980. С. 23—124; О внутренней торговле Херсонеса в I в. до н. э. — V в. н. э. // Вестн. Харьков. ун-та. 1981. № 214. С. 95—101; Экономические связи Херсонеса со скифо-сарматским населением Крыма в I в. до н. э. — V в. н. э. // Античные государства и варварский мир.

ремесленного производства и обмена. Во второй половине VI — начале VII в. проведены масштабные строительные работы¹, которые можно характеризовать как «архитектурный бум»: массовое строительство храмов и одновременно с этим перестройка и ремонтные работы крепостной ограды.

Выше, обращаясь к вопросу о наличии двух мнений относительно самоуправления в Херсоне, уже была названа работа С. Б. Сорочана, в заглавии которой стоят слова «призраки самоуправления». Перечислив данные об имперских представителях власти в Херсоне и имена ссыльных как свидетельство благонадежности херсонитов, исследователь замечает: «Раннесредневековый Херсон являлся на удивление лояльным, послушным имперским городом, а сами херсониты — вполне образцовыми верноподданными ромеями»². Но ответ на вопрос, толь-

Орджоникидзе, 1981. С. 26–37; Экономические связи Херсонеса Таврического с Балканами, I в. до н. э. — VI в. н. э. // Народно-демократические революции и развитие славянских стран по пути социализма: X Всесоюз. науч. конф. историков-славистов: Тез. докл. Харьков, 1985. С. 156–157; Херсонес в системе константинопольской торговли IV — первой половины VII вв. // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса 1888–1988 гг.: Тез. докл. Севастополь, 1988. С. 104–107; О торгово-экономической политике Византии в Таврике VII–IX вв. // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1996. С. 114–122; Экономические связи Херсонеса Таврического с Боспором в I в. до н. э. — V в. н. э. // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья: Материалы III Боспорских чтений. Керчь, 2002. С. 223–225. Наблюдения отчасти суммированы в работах: Византия IV–IX веков: Этюды рынка. Структура механизмов обмена. Харьков, 1998; 2-е изд. Харьков, 2002, а в последующем нашли развитие в монографии, посвященной средневековому Херсону (2005).

¹ Они были обнаружены во время исследований М. И. Золотарева (см.: Золотарев М. И., Ушаков С. В. Один средневековый жилой квартал в северо-западном районе Херсонеса // ХСб. 1997. Вып. 8. С. 30–45), во время раскопок портового района (Романчук А. И., Седикова Л. В. «Темные века» и Херсон. С. 30–46) и четырехапсидного храма (Кутайсов В. А. Четырехапсидный храм Херсонеса. С. 155–169).

² Сорочан С. Б. Государственное устройство... С. 46.

ко ли «призраки самоуправления» существовали в Херсоне или оно действительно имело место (при наличии имперских представителей власти), носит несколько декларативный характер, а доказательства отсутствия муниципальных свобод в значительной мере сведены к обвинениям исследователей в недостаточно хорошем знании источников или непонимании ситуации.

Как пример аргументации можно привести не совсем корректную расстановку акцентов в выводах исследователей, на которые делается ссылка, что создает возможность для подчас беспочвенной дискуссии. В частности, С. Б. Сорочан отметил, что «даже тогда, когда Н. М. Богданова резонно отмечала, что средневековый Херсон находился под властью василевсов, был включен в административную структуру Романии, она все же не пожелала отказаться от мысли, что город имел определенные привилегии» в виде отдельных элементов городской автономии и самоуправления¹. Безусловно, нет необходимости приводить полный текст двух страниц, где якобы об этом пишет Н. М. Богданова. Однако для того, чтобы показать «своеобразие» в прочтении написанного исследовательницей, следует остановить внимание на выводах, которые содержатся на указанных С. Б. Сорочаном страницах работы Н. М. Богдановой:

1. Отмечены функции стратига; изменение управления в XI в., вызванное упадком феменного строя в целом; высказано предположение, что назначение катепанов в пограничную область, «нередко выступающую против центральной власти», — это попытка упрочения господства империи».

2. Она констатирует, что «наличие элементов самоуправления всегда было характерной чертой городской жизни Херсона, не исчезнувшей, очевидно, и в период существования фемы».

3. Исследовательница замечает, что речь идет о «представителях внутригородского управления (или, как принято в литературе, самоуправления)»².

¹ См.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 585.

² Богданова Н. М. Херсон в X—XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в Средние века. М., 1991. С. 91.

Примечательно, что Н. М. Богданова обратила внимание на то, что «до ликвидации феодного строя ... в Херсоне наряду с представителями константинопольской администрации существовали городские чиновники из числа местных жителей»¹. Этим замечанием исследовательница предвосхитила выводы, основанные на анализе моливдовулов Н. И. Храпуновым, посвятившем ряд работ взаимоотношению общегосударственных элементов и городского самоуправления².

Следует отметить и еще одну черту, характерную для аргументации С. Б. Сорочана: сравнение положений из работ исследователей, которые, на его взгляд, являются противоречащими. Для примера приведем две ссылки, демонстрирующие характер его дискуссии с российскими византинистами.

Г. Г. Литаврин, как пишет С. Б. Сорочан, подчеркивал «характерную местную тенденцию, доходившую порой до стремления полностью порвать с центром»³. Выступая против тезиса «об особом положении Херсона в структуре империи», С. Б. Сорочан не обратил внимания на то, что Г. Г. Литаврин со ссылками на источники упоминает и другие крупные города, в которых имелаась социальная прослойка, имевшая какую-то форму организованности⁴.

¹ Богданова Н. М. Херсон в X—XV вв. С. 92.

² См.: Храпунов Н. И. О взаимосвязи византийской и муниципальной администрации Херсона: Чиновники *paters tes polios* // Исторический опыт межнационального и межконфессионального согласия в Крыму. Симферополь, 1999. С. 161—167; Он же. Администрация византийского Херсона в VIII — начале IX в. // ПИФК. 2002. Вып. 12. С. 568; Он же. О континуитете администрации византийского Херсона // Древности: ХИАЕ. 2004. С. 51—59.

³ Ссылка на: Литаврин Г. Г. Византийское общество... С. 125.

⁴ Литаврин Г. Г. Византийское общество... С. 124. Кроме того, он приводит примеры сохранения муниципальных традиций не только в удаленных от столицы городах-эмпориях, но и в некоторых континентальных центрах. Его замечание основано на изучении такого источника, как «Советы и рассказы Кекавмена», издателем и переводчиком которого он является, и для XI в. — на исследованиях коллег (см.: Панов Б. Городское самоуправление в Охриде во время Алексея I Комнина // XV Congrès Intern. d'études Byzantines: Resumés des Communications. Athènes, 1976).

Второе положение, также вызвавшее критику, о том, что «стратегическое значение как форпоста империи вынуждало Византию крепко держаться за его (Херсон), а отсюда, вопреки политической логике, идти на некоторые уступки — на признание принципа полисной автономии»¹.

С. Б. Сорочан полагает, что «расхожий штамп» об автономии влияет и на тех, кто обратился к анализу полученных в последние годы новых сфрагистических материалов. Публикуя новые находки, Н. А. Алексеенко, вопреки концепции харьковского исследователя, считает, что отцы города, экдик и протевоны «являлись как муниципальными, так и имперскими служащими», а на этом основании полагает возможным говорить об элементах самоуправления в IX—X в.²

¹ Ссылка на главу «Дипломатия» (без указания имени З. В. Удальцовой; см.: Культура Византии, вторая половина VII—XII в. М., 1989. Т. 2. С. 243) и монографию Д. Оболенского «Византийское содружество наций» (М., 1998. С. 42). Неловко напоминать, но Д. Оболенского, который получил за свои византиноведческие штудии титул «сэр» и для которого была создана в одном из престижных английских университетов кафедра, безлико подразумевать под «некоторыми», как и бывшую главу сектора истории Византии Института всеобщей истории, не совсем этично. Кроме того, из ссылки, как и из текста, не ясно, кто же — З. В. Удальцова или сэр Дмитрий пришли к такому выводу. Историографические преамбулы требуют хотя бы относительного соответствия с текстом.

Посмотрим, что писала З. В. Удальцова в главе «Дипломатия»: «Второй важный регион ..., речь идет о Северном Причерноморье, включая Крым, сохранявший вплоть до начала XIII в. для Византии серьезное экономическое и политическое значение. Византийские политики придерживались здесь древнего принципа «разделяй и властвуй». ... В качестве одного из методов византийской политики в этом регионе было вынужденное признание древнего принципа полисной автономии, которой пользовались, например, жители Херсона, довольно долго и успешно игравшего роль форпоста империи в Крымском регионе». Далее она отметила изменения в первой половине IX в. К сожалению, проверить слова Д. Оболенского по русскому переводу работы не представилось возможным.

² См.: Алексеенко Н. А. Новые находки печатей представителей городского управления Херсона // МАИЭТ. Симферополь, 1996. Вып. 5. С. 155—170.

Согласно С. Б. Сорочану, эти «члены “городского совета”, якобы существовавшие и в фемном Херсоне, будучи на государственной гражданской службе, без какой-то номинальности были ни кем иным, как теми же имперскими чиновниками», а говорить о том, что стратиг «делил верховную власть, руководство с подчиненным ему сановным архонтом, абсурдно»¹.

Далее С. Б. Сорочан предлагает «различать субъективный и объективный аспекты при оценке положения “самоуправляемого” Херсонеса—Херсона в III—V вв. *de jure* оставался “свободным” по меньшей мере до правления Константина Великого. ... Но *de facto* это был имперский город, послушный римским законам»². Невольно возникает вопрос: какие свидетельства источников позволяют отличить в реальной жизни граждан того времени проявление субъективных и объективных факторов. Безусловно, любой субъект мог нарушить существовавшие

По этому поводу замечено: «наличие отцов города в фемной структуре можно объяснить попытками сохранить угасающий городской совет как чиновный орган» (Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 607). Далее приведена ссылка на мнение В. Г. Васильевского, который «предостерегал от преувеличения самостоятельности херсонитов» (Там же. С. 615). Так была она или нет — эта самостоятельность? Ответ на вопрос содержится в предложении: «Византийское правительство поддерживало призрачную автономию окраинных городов». Следовательно, хотя и призрачная, она все же существовала. Мнение В. Г. Васильевского приведено со ссылкой на статью: Заливалова Л. Н. Византийский город в трудах В. Г. Васильевского // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991. С. 156 (представлять точку зрения исследователя в пересказе других, без обращения непосредственно к его работам, метод не совсем корректный).

¹Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 587. Других доказательств, кроме «абсурдности» мнения в данном случае не приведено.

²Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 591. Суть *de jure* исследователь не разъясняет. Это вполне понятно, ибо в источниках характер «свобод» не отражен, но то, что херсониты отмечали заслуги августов, «с благодарностью принимали» их заботу, является свидетельством *de facto*. Но почему такое отношение к «своим владыкам» можно считать показателем отсутствия права самостоятельно решать внутригородские дела, из контекста работы остается неясным.

и общепринятые традиции и законы, но объективно он должен был им подчиняться. Факт «лояльности» горожан по отношению к центральной власти обуславливался именно тем, что они являлись его подданными. «Лояльность» и наличие возможности решать дела, относящиеся к внутригородской деятельности, повторим еще раз, не противоречат друг другу.

Далее как показатель отсутствия традиций самоуправления приведено то, что Херсонская епархия была подчинена Константинопольскому патриархату в 451 г., «то есть утратила свою автокефальность»¹.

Можно было бы продолжить анализ аргументов, которые С. Б. Сорочан приводит как доказательство положения, что все исследователи склонны видеть в истории Херсона не существовавшие традиции самоуправления. Только еще одно обращение к таковым и комментарий исследователя к законодательной практике. Приводя новеллу Льва VI, «декларировавшего» отмену права курий на занятие некоторых начальственных должностей и самостоятельного управления городом, он отметил, что она имеет абстрактное содержание, «плохо сочетающееся с нормами и реалиями городской политической жизни». «Старая администрация была сломана, на смену ей пришла новая государственная администрация, остатки полисного самоуправления почти полностью исчезли, и уже к середине IX в. вполне сложилась иерархизированная структура центрального аппарата в сочетании с феменным территориальным делением»². В выводе и дальнейших рассуждениях, сам того не замечая, исследователь заложил противоречие: признание того, что «полное упразднение рудиментов куриального управления» не было изжито и после выхода новеллы Льва VI, поскольку далее следуют слова о том, что Херсон не был уникальным в плане самоуправления, «поскольку номинально сохранявшиеся городские советы, курии

¹ Безусловно, в эпоху, о которой идет речь, церковные и государственные дела были тесно связаны, но вряд ли настолько, что «лишение автокефальности» может являться аргументом в пользу исчезновения традиции решать внутригородские дела самостоятельно. Церковное и гражданское управление — это «различные епархии». Согласно используемой С. Б. Сорочаном аргументации следует признать, что до появления московского патриарха Россия политически зависела от Константинополя.

² Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 594—595, 601.

формально сохраняли свои управленческие начальственные полномочия и в других центрах Романии по меньшей мере до конца IX в., судя по 46-й новелле императора Льва VI, стремившегося узаконить окончательную отмену полномочий их членов»¹. Сопоставление только лишь этого позволяет считать, что вольно или невольно С. Б. Сорочан признает наличие того самого «призрака самоуправления», борьбе с которым он посвятил многие страницы монографии.

И наконец, после неоднократного повторения, что херсониты являлись лояльными, законопослушными верноподданными, что для них не были характерны сепаратистские тенденции, С. Б. Сорочан объясняет значительное количество печатей стратигов с различными именами тем, что имела место частая сменяемость стратигов, отражающая возможное стремление избежать местного сепаратизма, вrastания стратигов в местную среду². Следовательно, даже после создания фемы «сепаратистские тенденции» продолжали иметь место у херсонитов, без их поддержки «вросший в местную среду» стратиг вряд ли смог бы предпринять что-либо масштабное.

Да простит мне читатель несколько ироничный оттенок в некоторых случаях при изложении позиции С. Б. Сорочана. Это вызвано только тем, что громко заявленная проблема, обещание расставить точки над «i» остались не реализованными, о чем свидетельствуют противоречия между отдельными послылками и выводами-замечаниями, как и «толкование-домысливание» свидетельств хронистов. К примеру, согласно мнению С. Б. Сорочана, протополита Зоила во времена карательных экспедиций Юстиниана II «вызвали в Константинополь». Вероятно, чтобы он предоставил отчет о своей деятельности, а затем вернули, поскольку «этот глава городской администрации утверждался василевсом» и, значит, ни о каком стремлении Юстиниана II ликвидировать городское самоуправление говорить не приходится³.

¹ Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 648–649. Для подтверждения вывода приведены соответствующие страницы статьи: Лебедева Г. Е. К проблеме городского самоуправления в Византии VIII–IX вв. С. 111–113.

² См.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 656.

³ Там же. С. 635–636.

Невозможно проверить все ссылки на источники или работы историков. Принято считать, что коллега корректно обращается к источникам и близко к тексту излагает мнения, если не приводится прямая цитата. Однако в случае с «вызовом в столицу Зоила» ревизия необходима. Итак, Феофан пишет: «А Тудуна — архонта Херсона, бывшего там от лица хагана, и Зоила, первого гражданина по роду и племени, а также и сорок других знатных мужей, протевоноров Херсона, вместе с семьями, связанными отослал василевсу». У Никифора в описании карательной экспедиции флота, возглавляемого патриkiem Стефаном, об этом событии сказано следующее: «И вот Стефан ... исполнил приказание, оставив в живых несколько подростков, якобы пленников для бывшего при нем войска. Тондуна же — архонта Херсона, Зоила, называемого протополитом, и прочих сорок мужей известных вместе с женами и детьми, связанными послал к Юстиниану»¹. Изложение ситуации византийскими хронистами не совсем соответствует предположению «о приглашении Зоила» в столицу с тем, чтобы «утвердить» его как архонта. И все же «борец с призраками» вынужден признать, что «херсонские протевоны, видимо, являлись верхушкой муниципального совета»². И сделаем еще один вывод, который не прозвучал на страницах работы С. Б. Сорочана, но подразумевается: не только страницы истории Херсона необходимо переписать, но историю Византии, где сказано, что «фемный строй выступает как средство подавления городского сепаратизма». (Его же не было, этого сепаратизма, как и имперской политики, направленной против муниципальных органов городов³).

Конец XX столетия ознаменовался поступлением значительной коллекции сфрагистических данных. По мере их анализа и введения

¹ Цитаты приведены в переводе И. С. Чичурова. С. 64, 164.

² Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 602.

³ Как же невнимательно читали историки источники, освещающие политику Юстиниана II, если пришли к выводу, что его «репрессии были направлены и против городского патрициата, и против фемной администрации» (Осипова К. А. Государственный строй // История Византии. М., 1967. Т. 2. С. 39), что «его политика была направлена против городского самоуправления» (Сюзюмов М. Я. Социально-политическая борьба и внешнее положение империи в конце VII — начале VIII в. // Там же. С. 45).

в научный оборот, вполне вероятно, представления о некоторых страницах истории Херсона будут уточнены и дополнены, какие-то из прежних выводов будут, вероятно, кардинально пересмотрены. Выявление функций совета херсонитов и круга дел его членов, как и характер взаимоотношений со столицей, — задача историков XXI в. Пока ответы на эти вопросы получить не удалось, как и решить, «призрак самоуправления» характерен для историографии, или все же «призрачная автономия» в решении внутригородских дел имела место в раннесредневековом Херсоне¹.

Несколько слов об «архиве Херсона»

Показателем накопления новых данных, расширяющих представление о структуре и характере самоуправления, являются публикации, продолжающие заложенную И. В. Соколовой традицию анализа сложнейшего источника — византийских моливдовулов. Это работы крымского исследователя Н. А. Алексеенко, обнаружившего на дне моря остатки херсонского архива, вернее, свинцовые печати, коллекция которых, начиная с 90-х гг. XX в., постоянно пополняется².

Последуем за наблюдениями и выводами открывателя архива (некоторые из них уже упомянуты выше), основанными на анализе новых находок, относящихся к VI—XI вв.³ Безусловно, Н. А. Алексеенко прав,

¹ И все же С. Б. Сорочан вынужден был признать, что, по крайней мере, до «акта централизации» в 740 г., когда была отменена обязанность городов заботиться об оборонительных сооружениях, «обветшалые традиции полисного самоуправления» существовали (Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 625).

² См.: Алексеенко Н. А. Новые находки печатей представителей городского управления Херсона // МАИЭТ. Симферополь, 1996. Вып. 5. С. 155—170; Он же. Моливдовулы адресантов Херсона VII—IX вв. // Древности: ХИАЕ. 1996. Т. 3. С. 122—133.

³ Подчеркивая значимость обнаружения сфрагистических памятников, Н. А. Алексеенко пишет, что все они найдены в одном месте на дне моря, около северо-восточного участка городища, некоторые из них представлены в нескольких экземплярах (см.: Алексеенко Н. А. Новые находки... С. 155).

что для реконструкции внутригородского управления Херсона большое значение имеют моливдовулы архонтов, протевонов, протополитов, ипата и кира, дополняющие свидетельства о должностях местных чиновников¹. Его открытие значительно пополнило список «адресантов». Некоторые из них заслуживают особого внимания как в связи тезисом об «обезлюдении» Херсона, так и потому, что они играли большую роль в жизни города. К периоду «темных веков» относятся печати Саввы, архонта Херсона, и епископа Захария. Для IX в. стал известен экдик Никифор. Автор публикации напоминает, что должность гражданского экдика восходит к периоду поздней античности. Он назначался из почетнейших граждан своего города, знающих законы, и являлся его адвокатом-дефензором. Появление экдика и исчезновение архонтов с введением феменного строя отражает изменения, происходившие в системе муниципальных властей Херсона. Объясняет Н. А. Алексеенко и причину отсутствия данной должности в «Табели о рангах»: она принадлежала, вероятно, «к институту городских магистратов»².

Столь же большой интерес вызывает обнаруженная впервые печать Сергея, «отца (куратора) города Херсона», датированная первой половиной X в.

Уникальной, если это подтвердится, стала находка с именем Калокира, патрикия и стратилата (?) и протевона Херсона. Имя протевона Калокира известно как одного из участников посольства на Русь при императоре Иоанне Цимисхии. К сожалению, не все литеры, относящиеся к имени, сохранились хорошо, поэтому уверенности в правильности прочтения нет.

В связи с тезисом «о призраке самоуправления» в Херсоне чрезвычайно примечательны выводы, которые, возможно, станут еще более аргументированными, когда будут опубликованы все новые находки.

Итак, Н. А. Алексеенко полагает, что в X — начале XI в. изменяется статус протевонов, которые в предшествующее время по поручению и под контролем чиновной администрации осуществляли руководство городом. Однако сохранение в Херсоне и в X в. «элементов городских

¹ Алексеенко Н. А. Новые находки... С. 159.

² Там же. С. 163.

свобод» отразилось в том, что протевоны по-прежнему оставались в положении так называемых отцов города. Но правительство превратило их в государственных служащих, поставив под контроль фемной администрации.

Автор отмечает, что значимость Херсона для империи и изменение политики столицы нашли отражение и в титулатуре, которая прослеживается на печатях. В VIII в. появляется должность кира; в конце IX в. упразднены архонты; представителями возрожденного института кураторов стали «отцы города», являвшиеся, возможно, одновременно государственными служащими. Усиление авторитарных тенденций в империи все же не привело к полному исчезновению муниципального самоуправления. И многообещающими являются заключительные слова одной из статей, в которой сказано о предстоящей публикации находок «из комплекса предполагаемого архива», принадлежащих фемной администрации Херсона, что «позволит продолжить совершенствование наших представлений о его городском устройстве»¹.

Анализируя одну из групп печатей, Н. А. Алексеенко заметил, что, несмотря на упразднение муниципальных органов власти при императоре Льве VI (886—912), процесс ликвидации органов самоуправления не стал единовременным актом (что невольно признает и С. Б. Сорочан). Создание фемы не привело к полному исчезновению городской администрации, а реорганизовало ее структуру. Привлекая новые данные, он делает вывод, что печати экдика Никифора и «патер полиса Сергея» позволяют получить традиционный набор муниципальных должностей, упоминаемых источниками для ранневизантийских провинциальных центров, и напоминает, что по законодательству Юстиниана I экдики контролировали сбор налогов, осуществляли надзор за нравственностью, в ведении их находились мелкие уголовные и гражданские иски².

¹ Алексеенко Н. А. Новые находки... С. 16.

² См. статьи Н. А. Алексеенко: *Defensor civitatis (ἐκδικος)* и его роль в управленческом аппарате Херсона // Россия—Крым—Балканы: Диалог культур: Науч. докл. междунар. конф. Севастополь, 6—10 сентября 2004 г. Екатеринбург, 2004. С. 99—101; *Defensor civitatis (ἐκδικος)* и его роль в управленческом аппарате Херсона // АДСВ. 2005. Вып. 36. С. 67—75. Для того, чтобы расширить представление о новых сфрагистических памятниках,

Обнаруженный Н. А. Алексеенко «архив Херсона» приобретает исключительное значение из-за малочисленности письменных источников. Введение в научный оборот моливдовулов позволяет остановить

следует привести еще несколько работ Н. А. Алексеенко, созданных после обнаружения «Херсонского архива»: Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики IX–XI вв. // МАИЭТ. 1998. Вып. 6. С. 732–736; К вопросу о существовании службы нотарииев в Херсоне // АДСВ. 1998. Вып. 29. С. 221–227; Готия в структуре византийской административной системы в Таврике во второй половине X века // ХСб. 1998. Вып. 9. С. 230–235; Херсон и города Малой Азии по данным сфрагистики // Проблемы истории и археологии Украины: Тез. докл. Харьков, 1999. С. 63; Провинциальный Херсон в сфере интересов византийского двора по данным императорских моливдовулов // Древности: ХИАЕ. 1997–1998. Харьков, 1999. С. 145–160; Херсон и города Малой Азии по данным сфрагистики: К вопросу о поставках продовольствия в Херсон в IX–X вв. // АДСВ. 2000. Вып. 31. С. 98–104; Херсонская родовая знать X–XI вв. в памятниках сфрагистики // МАИЭТ. 2000. Вып. 7. С. 256–266; Протевоны Херсона в системе городских структур власти X в. // АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 154–162; Печати боспорских церковных иерархов из Херсонеса // Проблемы религий стран Черноморско-Средиземноморского региона. Севастополь; Краков, 2001. С. 131–138; Христианские сюжеты на печатях представителей херсонской городской администрации // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе. Севастополь, 2001. С. 45–52; Архонтия Херсона VIII–IX вв. по данным сфрагистики // МАИЭТ. 2002. Вып. 9. С. 455–500; Херсон на византийско-хазарском пограничье в начале IX в. // Сугдея, Сурож, Солдаия в истории и культуре Руси–Украины: Материалы науч. конф., 16–22 сентября 2002 г. Киев; Судак, 2002. С. 21–24; Коммеркия и коммеркирии Херсона в IX–X вв. // Сфрагистика, история, культура. СПб., 2004. С. 92–101; Имперская администрация на хазарско-византийском пограничье в Таврике: Печати киров Херсона // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы: Материалы V Боспорских чтений. Керчь, 2004. С. 13–14; Таможня и коммеркирии Херсона // Сорочан С. Б. Византийский Херсон. Прил. С. 1592–1626; Печати с родовыми именами из Херсонесского архива // Византия в контексте мировой культуры: Научная конференция, посвященная столетию А. В. Банк (1906–1984). СПб., 2006. С. 265–266. Приношу извинения автору и читателям, если какие-либо значительные исследования оказались незамеченными.

внимание на некоторых аспектах взаимоотношений между городами Таврики с другими центрами. Один из примеров — это вопрос о херсоно-сицилийских связях. Этот сюжет в прошлом веке рассматривался И. В. Соколовой. Она полагала, что находки сицилийских монет были вызваны притоком в Таврику иконопочитателей. Однако работа по подготовке к изданию печати стратига Сицилии Епифания¹ (середина — третья четверть IX в.), найденной во время раскопок К. К. Косцюшки-Валюжинича, изменила ее мнение — монеты и печать являются свидетельством пребывания какого-то сицилийского контингента войск в Херсоне².

Последующая публикация двух печатей середины — второй половины VIII в., предпринятая К. Д. Смычковым³, вернула интерес к теме, вызвала новые гипотезы, отражением которых стала статья Е. В. Степановой. Анализируя внешнеполитическую ситуацию в Средиземноморье, исследовательница отмечает, что военная помощь сицилийцев вряд ли была возможной, как и торговые связи с островитянами. Новые находки не привели к уточнению особенностей взаимоотношений между Херсоном и Сицилией. Но все же можно предположить, что появление фолисов Льва V и Константина в Херсоне обусловлено тем, что на монетном дворе Сиракуз выпускали денежные знаки, предназначенные для Херсона. Но такому тезису противоречит интенсивная работа константинопольского монетного двора, расположенного к Херсону значительно ближе итальянских пределов империи. Следовательно, поиски будут продолжены и, возможно, к результатам более определенным позволит прийти анализ печатей из недавно открытого «архива Херсона»⁴.

¹ См.: Sokolova I. Les monnaies siciliennes du IXe siecles des fouilles de Chersonese // Congresse Internationale di numismatica. Roma, 1965. Vol. 2. P. 565—570; Она же. Византийские печати VI — первой половины IX в. из Херсонеса // ВВ. 1996. Т. 52. С. 211.

² См.: Соколова И. В. Византийские монеты... С. 203.

³ См.: Смычков К. Д. Новые находки печатей представителей военно-административных округов из Херсонеса // Проблемы истории и археологии Украины. Тез. докл. Харьков, 1999. С. 75—76.

⁴ См.: Степанова Е. В. Связи Сицилии и Херсонеса по данным сфрагистических и нумизматических памятников // Россия—Крым—Балканы: Диалог

Так только ли «призрак самоуправления» витал над Херсоном? Точку в дискуссии ставить рано. Доказательства обратного — сохранение традиций городских свобод при наличии «верноподданнических позиций по отношению к центральной власти» — все же у херсонитов существовали. Бунты и мятежи горожан — это своеобразная защита собственных интересов, причины их могли быть различными. Проявление «несогласия» с распоряжениями и действиями императоров не следует трактовать как попытку к отделению от империи, силу которой не могли не осознавать жившие в Херсоне. Как свидетельствуют византийские хронисты, херсониты оказались единожды «замешанными в борьбе за престол». Но подобные явления не были редкими в истории Византийской империи.

Появление новых свидетельств уточняет представления об истории Херсона, в некоторых случаях приводит к отказу от ранее прозвучавших выводов. Путь к познанию реалий жизни бесконечен, поэтому и невозможно поставить точку во многих дискуссиях сегодняшнего дня. А «расхожий штамп о призраке самоуправления», несмотря на попытку «его уничтожить», продолжает «блуждать» в научных штудиях, и новые находки о реальности муниципальных свобод в Херсоне аккумулированы в одной из небольших по объему, но весьма содержательных работ Н. А. Алексеенко¹. Остается надеяться, что полное издание и анализ материалов «херсонского архива», ставшего достоянием исследователей в конце XX — начале XXI в., позволят скорректировать существующие в историографии мнения.

В следующем разделе речь пойдет о мнениях историков относительно Херсона X—XI вв. В связи с этим неминуемо обращение к одному из событий, упоминаемых византийскими хронистами — к восстанию Георгия Цулы (1015—1016).

культур. Екатеринбург, 2004. С. 96—98; Она же. Связи Сицилии и Херсонеса по данным сфрагистических и нумизматических памятников // АДСВ. 2006. Вып. 36. С. 83.

¹ См.: Алексеенко Н. А. Административно-политический очерк истории византийского Херсона IX—X вв. // ХСб. 2006. Suppl. 1 (Топография Херсонеса Таврического: водосборная цистерна жилого дома в квартале VII, IX—XI вв.). С. 17—21.

Опережая представление существующих точек зрения, хотелось бы привести оценку его Г. Г. Литавриным. Отметив характерный для византийских провинциальных городов экономический подъем, торговую активность и обусловленную этим политическую активность горожан, он выдвигает предположение, что херсониты, как жители некоторых городов-эмпориев, ставили перед «собой далеко идущие цели»; «эти восстания знаменовали борьбу торгово-ремесленного городского населения за «венецианский путь развития города» — путь независимых торговых республик»¹. И Г. Г. Литаврин полагает, что Херсон в силу географического положения, представлявшего широкие возможности для торговли и получения сырья, а также благодаря наличию стойких полисных традиций в общественной жизни мог быть одним из центров, жители которого стремились обрести максимум самостоятельности в решении своих дел.

Вернемся к тезису о кондоминатной зоне — существование таковой не могло не предопределить наличие некоторой самостоятельности от далекого Константинополя. Может быть, именно это и обусловило силу местной знати, не склонной делиться своими доходами с центром. Возможно, именно благодаря тому статусу, который сложился у Херсона в рамках кондомината, следует искать и объяснение: существовали ли элементы автономии, имелись ли муниципальные власти, или только «призрак их» бродит в штудиях историков.

¹ Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). СПб., 2000. С. 221

Очерк 4. ЦЕРКОВЬ И САКРАЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ХЕРСОНЕ (IV–XI вв.)

*Если из множества истин ты выберешь только одну
и будешь слепо за нее держаться, она превратится
в неправду, а ты станешь фанатиком.*

Р. Капусцинский

Первые епископы Херсона, мученики св. Капитона. Ссылка папы Климента. А. Л. Бертье-Делагард о храмах Херсона, дискуссия о датировке Уваровской базилики. Монастырь Богородицы Влахернской: время и причины строительства. Свидетельства агиографии о Константине Философе. Сакральные памятники Херсона и топографические детали Житий. Имеют ли значение споры о приоритете? Продолжение дискуссии о памятниках, расположенных около западной базилики. «Примат концепции», или Факты: к вопросу о синагоге. Дискуссия о хронологии крестообразных храмов, или «Храм с ковчегом». Концепция «архитектурного бума». Посещение апостольских мест монахом Епифанием и его характеристика херсонитов, или О Херсоне периода иконоборчества. Христианская археология и византийский Херсон. Замечания относительно нумерации храмов.

В начале предыдущего раздела уже говорилось о том, что в первой четверти — середине III в. начинают проявляться изменения в статусе Херсона. На эпоху Константина Великого приходится еще одно событие, сыгравшее огромную роль в жизни населения Средиземноморья-Причерноморья. После отречения Диоклетиана, при котором были предприняты последние массовые гонения на христиан, боровшиеся за первое место в государстве полководцы определили свое отношение

к новой идеологии. 28 октября 312 г. Константин, которого церковь объявит святым, одержал победу над Маккенцием на Мельвишском мосту в Риме. Согласно преданию, перед сражением ему было явление креста. В феврале 313 г. состоялась знаменательная встреча Константина и Лициния в Милане, результатом которой стал эдикт о веротерпимости¹. С именем Константина агиографическая традиция связывает появление в Херсоне епископа.

Первые епископы Херсона, мученики св. Капитона

Одним из первых, кто на основании анализа агиографических источников связал создание епископской кафедры в Херсоне с эпохой Константина Великого, был В. В. Латышев².

Согласно сведениям, приводимым в «Житии св. Капитона», херсониты обратились к Константину I с просьбой о присылке епископа. Откликнувшийся на нее император отправил в Херсон Капитона в сопровождении отряда воинов во главе с Феоней. У ворот города прибывших радостно встретили христиане³. На следующий день, когда

¹ События этих лет подробно освещены: Heinen H. Frühchristliches Trier: Von den Anfängen bis zur Völkerwanderung. Trier, 1996 (также см. хронологическую таблицу на с. 282).

² См.: Латышев В. В. Жития св. епископов Херсонских: Исследования и тексты // ЗАН. СПб., 1906. Сер. VIII: Ист.-филол. отд. Т. 8, № 3. Создание Житий он отнес к середине VII в. Наиболее поздним обращением к их изучению стала статья: Сорочан С. Б. О датировке житий свв. епископов херсонских // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Периоды дестабилизаций, катастроф. Керчь, 2005. С. 270–274. В отношении датировки источника он не согласен с В. В. Латышевым, полагая, что появление его относится к VI в.

³ С. Б. Сорочан полагает, что эти слова можно понимать двояко: херсониты-христиане были изгнаны из города язычниками или же специально вышли встречать Капитона; этим он присоединяется к мнению других исследователей (см.: Глушак А. С., Наумова Н. В. Христианство в Херсонесе и на Боспоре: Крушение идеалов античности. Путь к единому богу. Сведения о первохристианах Крыма. Появление и распространение христианства в Херсонесе // Крым христианский: История религий народов Крыма. Севастополь, 1997.

Капитон приступил к «изложению слов благочестия», приверженцы языческих богов воспротивились и потребовали явить чудо¹, доказывающее истинность новой веры. Только после этого они соглашались на проведение обряда крещения². Чтобы горожане «не передумали», были взяты заложники из числа отроков знатных горожан, а Капитон явил чудо: вошел в горящую печь и, как говорится далее в Житии, вышел из нее невредимым, «держа уголья в устах». После этого Капитон приступил к осуществлению своей миссии, а прибывший с ним отряд был размещен в восточной части города, в последующем получившей название «участок Феоны».

Но в агиографии содержатся данные о том, что Капитон имел предшественников. Еще во время правления Диоклетиана (на 16-й год) якобы из Иерусалима в Херсонес Тавроскифский был послан Василий, скрывавшийся в пещере Парфенон³, но обнаруженный и растерзанный язычниками⁴. После него, когда стало известно о гибели святого от одного из его спутников, в город прибывают Евгений, Агафодор, Елпидий,

С. 85). Более вероятным, согласно мнению С. Б. Сорочана, является предположение, что имела место торжественная встреча Капитона христианской общиной (Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 1270. Прим. 163).

¹ После совершения чуда Капитон приступил к строительству храма апостола Петра: «Итак, великий, повелев тотчас построить крещальню из обожженной извести, всех окрестив в ней; воздвиг он и храм, примыкавший к ней, во имя первого и верховного из апостолов Петра» (Жития святых епископов Херсонских, 17 (текст Житий приведен в качестве приложения к монографии С. Б. Сорочана (Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 1255–1274). В последующем место, где Капитон вошел в печь, стало почитаемым, и после канонизации здесь, возможно, был возведен мавзолей).

² Данному сюжету посвящена статья: Золотарев М. И., Коробков Д. Ю. О епископе Капитоне и крещении жителей Херсонеса в IV в. по Р. Х. // Сборник материалов по церковной археологии. Киев, 2002.

³ О локализации памятника писал Д. В. Айналлов в выпуске «Развалины храмов (ПХХ. 1905. Вып. 1. С. 121) и отдельной статье: Айналлов Д. В. Мемории св. Климента и св. Мартина в Херсонесе // Древности: ТМАО. 1916. Т. 25. С. 67–88.

⁴ См.: Латышев В. В. Жития св. епископов Херсонских... С. 16.

также пострадавшие за веру. «Через немалое время» после них также из Иерусалима был послан Эферий, который умер на острове у устья Днепра (идентифицируется с о. Белый — Березань). К этим именам и рукоположению епископов в Иерусалиме нам еще придется вернуться при обращении к мнениям исследователей относительно хроники событий. Но сначала несколько слов о памятнике (мартирии Капитона), возведенном в память святого. Время его строительства, следовательно, и канонизации, вызвало разночтения среди историков.

Мартирий св. Капитона. В начале XX в. в южной части Херсонесского городища открыта небольшого размера четырехапсидная постройка, в центральной части которой под мозаичным напольным полотном обнаружена печь. В последующем, после повторного обращения к изучению памятника, крымский исследователь В. А. Кутайсов ввел материалы раскопок в научный оборот, и с этого времени его условно начали обозначать мартирием Капитона (по плану ИАК № 47). Но предположение об отражении в археологической ситуации чуда, совершенного Капитоном, впервые высказано К. Э. Гриневичем в статье, которая долгое время лежала в архиве Херсонесского заповедника¹.

Автор последних раскопок памятника полагает, что печь функционировала в IV в. В конце VI — начале VII в. в связи с канонизацией первых епископов на этом месте возводится теофанический мартирий в память

¹ История обнаружения памятника и первые его упоминания приведены К. Э. Гриневичем (раскопки К. К. Косцюшки-Валюжинича в 1906 г. и Р. Х. Лепера в 1909 г). К. Э. Гриневич отмечал также, что о наличии «большого кургана» в данной части городища упоминали путешественники конца XIX — начала XX в. В силу обстоятельств работа К. Э. Гриневича осталась неопубликованной и только спустя многие годы появилась в свет в качестве приложения к монографии С. Б. Сорочана (см.: Гриневич К. Э. Четырехапсидное здание в Херсонесе: Новая попытка его объяснения // Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 1586—1591). К. Э. Гриневич, соглашаясь с В. В. Латышевым в том, что «Житие св. Капитона» возникло в Херсоне в середине VII в., писал: «Четырехапсидное здание датируется примерно этой же эпохой (Гриневич К. Э. Там же. С. 1588).

о деятельности Капитона¹. Стены здания (разрушено в X в.) возведены с использованием кладки *opus mixtum* — чередование рядов плинфы и известняковых блоков. Можно предположить, что в оказавшейся под полом печи обжигался кирпич (плинфа), который стал материалом для строительства первых храмов. Безусловно, такое предположение не-бесспорно, как и предложенная дата начала строительства памятника. Положив в основу такой аргумент, как отсутствие в слое, на котором покоится здание, фрагментов импортных краснолаковых сосудов, относящихся к началу VII в., А. В. Сазанов сделал вывод, что оно возведено не позднее 60—70-х гг. VI в. Датировка памятника, как и других сакральных зданий, является предметом дискуссии. Обусловлено это отсутствием источников, в которых говорилось бы о времени закладки храмов, и тем, что археологические свидетельства (стратиграфии, нумизматические находки и фрагменты керамических изделий) не способствуют получению абсолютных дат, позволяют определить только *terminus post quem*.

К сожалению, в некоторых случаях стремление предложить иное видение приводит к тому, что на первом месте оказываются концептуальные соображения. В отношении мартирия Капитона это проявилось в статье, авторы которой полагают, что мнение о его возведении в первой половине VI в. является «предпочтительным»². Собственно же

¹ Теофания — явление могущества Бога; тетраконхиальные сооружения чаще всего являлись мемориальными памятниками — мавзолеями или баптистериями. О памятнике см.: Кутайсов В. А. Четырехапсидный храм Херсонеса // СА. 1982. № 1. С. 155—169. В отношении времени строительства иные соображения изложены: Сазанов А. В. К вопросу о времени сооружения четырехапсидного храма Херсонеса // ХСб. 2004. Вып. 13. С. 202—210. Предполагая, что мартирий возведен в конце VI в., А. В. Сазанов осторожно замечает, что ответ могут дать только последующие раскопки всего участка. О датировке близких керамических находок см.: Сазанов А. В. Амфорный комплекс первой четверти VII в. н. э. из северо-восточного района Херсонеса // МАИЭТ. 1991. Вып. 2. С. 60—71.

² Юрочкин В. Ю., Джанов А. В. Церковная археология Херсонеса V в. // Церковная археология Южной Руси. Симферополь, 2002. С. 59—62. Разночтения присутствуют даже в рамках одной работы. Примером может служить примечание в монографии С. Б. Сорочана. Критикуя своих предшественников, стремящихся «пересмотреть» время возведения мартирия, он отмечает, что в слое

гипотеза о его связи с увековечиванием памяти о «житийном подвиге» Капитона, предложенная К. Э. Гриневичем и В. А. Кутайсовым, не оспаривается. Гипотезы о том, какому святому посвящен тот или иной храм Херсона, существовали и ранее¹, но, пожалуй, впервые описание чуда, совершенного одним из деятелей херсонской церкви времени становления христианской общины, «отразилось» столь наглядно в археологической ситуации.

Отступление, вызванное обращением к мученику Капитона, опережает анализ взглядов исследователей относительно христианской топографии Херсона — одного из направлений истории города, заложенного еще в начале XX столетия и на долгое время являвшегося забытым². Возвращением к использованию топографических данных Житий стали статьи последней четверти XX в. Но об этом речь пойдет ниже, а пока следует вернуться к начальным страницам церковной истории Херсона.

Издатель «Житий св. епископов Херсонских» В. В. Латышев отнес прибытие в город первого епископа к 325 г.³ В последующем

нивелировки встречались фрагменты амфор, которые бытовали в конце VI — начале VII в. В списке, где приведены общественные сооружения Херсона, он поместил мучеников среди сооружений третьей четверти VI в. Сорочан С. Б. Византийский Херсон (Ср. прим. 671 на с. 852 и список на с. 1026).

¹ См.: Айналов Д. В. Мемории св. Климента... С. 67–88; Он же. Заметки по исторической топографии средневекового Херсонеса // Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи: Тез. докл. Керчь, 1926. № 6. С. 4; Мурзакевич Н. Херсонесская церковь св. Василия (Владимира) // ЗООИД. 1963. Т. 5. С. 593–594.

² В этом, как и в некоторых других случаях, сказалась «политизированность» и «ангажированность» исторических исследований, необходимость следования концепциям, которые формировались идеологическими структурами государства. Как уже говорилось в первом томе, восстание Савмака на Боспоре считалось проявлением «революции рабов», отражением тезиса о перманентной классовой борьбе, создателями которого являлись Л. Д. Троцкий и воспринявший его И. В. Сталин.

³ См.: Латышев В. В. Жития св. епископов Херсонских. С. 62, 71–81; Латышев В. В., Кекелидзе К. Жития святых епископов Херсонских в грузинской минее // ИАК. 1913. Вып. 49. С. 85.

данный год неоднократно повторялся в различных изданиях¹. Правда, некоторые отечественные историки выражали сомнение в том, что Константин мог отправить для сопровождения епископа отряд воинов. В научно-популярных работах это обосновывалось тем, что во время издания Миланского эдикта император-язычник, принявший крещение на смертном одре, провозглашал только равенство вер, только то, что никто не должен посягать на права язычников или христиан. Это исключало «военное» вмешательство в дела церкви².

В сущности, авторы последовали за выводом французского исследователя К. Цукермана, который на основании детального сопоставления свидетельств различных источников попытался выявить время возможной деятельности Капитона в Херсоне. Анализ общеисторической ситуации и сохранившихся подписей под актами Вселенских соборов привел его к заключению о том, что в агиографических источниках существуют «хронологические сдвиги». Назначение Капитона на Херсонскую кафедру, скорее всего, относится только к середине 380-х гг. — началу 390-х гг.

Выше уже упоминалось, что в Житиях сохранились свидетельства о предшественниках Капитона. Одним из них был направленный в Херсон еще при Диоклетиане иерусалимским иерархом Гермоном для проповеди христианства Василий. Для доказательства истинности новой веры тот совершил чудо, оживив сына местного архонта. Но это не убедило херсонитов-язычников. Растерзанный ими и иудеями Василий, как говорится в Житии, был похоронен около западных стен города³. Также от рук неверных погибли еще три посланные из Иерусалима епископа: Евгений, Агафодор и Элпидий. Церковная традиция свидетельствует, что следующим стал Эферий, о котором в Житиях

¹ См.: Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес: Очерки истории материальной культуры // МИА. 1959. № 63. С. 18.

² См.: Зубарь В. М., Павленко Ю. В. Херсонес Таврический и распространение христианства на Руси. Киев, 1988. С. 54. Среди недавно появившихся популярных работ, посвященных христианству, следует назвать: Зубарь В. М., Сорочан С. Б. У истоков христианства в Юго-Западной Таврике: Эпоха и вера. Киев, 2005.

³ См.: Латышев В. В. Жития св. епископов Херсонских... С. 16.

епископов херсонских сказано, что он, будучи назначенным иерусалимской церковью, убедившись в трудностях обращения херсонитов в истинную веру, вскоре после приезда покинул город, отбыв в столицу, где обратился с жалобой на горожан к Константину I. После этого он возвращается в Херсон, но умирает по дороге.

К. Цукерман полагает, что если учитывать состояние в тот период иерусалимской церкви, то следует критически воспринимать приведенные в агиографии данные. К тому же среди присутствовавших на заседаниях Первого Вселенского собора в Никее херсонский епископ не известен, а имя Эферия сохранилось в списке участников Второго Вселенского собора, состоявшегося в Константинополе в 351 г.¹ Следовательно, гипотетическая очередность пасторского служения в Херсоне выглядит следующим образом: до Эферия попытка проповеди новой веры предпринята Василием, Евгением, Агафодором и Элпидием. Но они вряд ли могли быть рукоположены в Иерусалиме, поскольку данная кафедра в тот период не играла большой роли. Назначение же Капитона в Херсон, которого сопровождал отряд воинов, отражает политику насильственной христианизации жителей империи, проводимую Феодосием I².

Следует отметить, что первым, кто использовал свидетельства «Житий св. епископов Херсонских», кроме их издателя В. В. Латышева,

¹ Списки епископов Первого Вселенского собора см.: Лебедев Д. Список епископов Первого Вселенского собора: К вопросу о его происхождении и значении для реконструкции подлинного списка имен никейских отцов // ЗАН. 1916. Сер. 8. Т. 13, № 1.

² Цукерман К. Епископы и гарнизоны Херсона в IV в. // МАИЭТ. 1995. Т. 4. С. 545–561. Статья является расширенным переводом работы, опубликованной во Франции: Zuckerman C. The Early Byzantine Strongholds in Eastern Pontus // ТМ. 1991. Vol. 11. P. 527–553. Предложенная К. Цукерманом очередность назначения епископов в Херсон в настоящее время принята и другими исследователями истории Крыма (см.: Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 51). Также см.: Le Quien M. Oriens christianus, in quatuor patriarchatus, digestus, quo exhibentur ecclesiae, patriarchae, caeterique praesules totius 1. Parisiis, 1740 (также см.: Reprint: Graz, 1958); Halkin F. La passion des sept évêques de Cherson (Crimée) // Analecta Bollandiana. 1984. Nr. 102. P. 253–261.

был С. П. Шестаков¹. Спустя более полувека после него, благодаря новому обращению к анализу источников, в научных штудиях начало утверждаться иное представление о возможном времени деятельности Капитона. Но, вполне вероятно, что дальнейшее изучение истории христианства, а также появление новых источников позволят уточнить гипотезу К. Цукермана.

В сущности, этот процесс уже начался. Так, П. Д. Диатропов замечает, что христианизация жителей Херсона приходится только на конец V — VI в., но небольшая христианская община могла возникнуть в первой четверти IV в. Епископы же могли прибыть не из Иерусалима, а из Антиохии².

Беглое замечание в отношении точки зрения К. Цукермана сделано Л. Г. Хрушковой³.

Добавим к сказанному выше несколько положений статьи крымской исследовательницы И. А. Завадской. Относительно соотношения приверженцев языческих богов и сторонников новой веры она пишет, что только для VI в. характерно преобладание в Херсоне христиан, полагая, что свидетельством этого является массовое строительство храмов, формирование целостных сакральных комплексов, занимающих значительную территорию. На это же время приходится распространение власти епископа на население Юго-Западного Крыма, где херсонская кафедра главенствовала до конца своего существования. Как и многие другие историки Херсона, она подчеркнула, что поздняя застройка уничтожила ранние храмы: христианские сооружения, бесспорно, относимые к I—III вв., не известны. Но с середины III в. херсониты воспринимают обряд трупоположения — свидетельство новых веяний, однако христианские погребения зафиксированы на некрополе только со второй половины

¹ Шестаков С. П. К истории текстов жития св. Климента, папы римского, пострадавшего в Херсонесе // ВВ. 1909. Т. 14. С. 215—226.

² См.: Диатропов П. Д. Некоторые дискуссионные моменты начального этапа христианизации Северного Причерноморья // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси — Украины: Материалы науч. конф., 16—22 сентября 2002 г. Киев; Судак, 2002. С. 96—99.

³ Хрушкова Л. Г. Христианские памятники Крыма: Состояние изучения // ВВ. 2004. Т. 63 (88). С. 169. Прим. 12.

IV в.¹ В первой половине 70-х гг. IV в. усиливается процесс христианизации, на что оказало влияние усиление имперской власти в Херсоне².

Итак, если следовать археологическим свидетельствам, на которых покоятся представленные выше мнения исследователей, то ко времени появления в Херсоне Капитона в городе, безусловно, существовала христианская община. Второй вопрос — это возможная ее численность.

Ссылка папы Климента

Свидетельства о количестве христиан, страдавших за веру в каменоломнях Херсона, относятся к I в. и приведены они в Житии посланного сюда в эпоху принципата Флавиев (в 94 г.) сподвижника апостола Петра, третьего римского епископа Климента. Правомерно, что в исследованиях по истории церкви внимание уделено его взглядам³. Биографические же данные о Клименте Римском немногочисленны и противоречивы. Как писал один из авторов, Климент «скончался, скорее всего, естественной смертью» в Херсоне⁴. Далее отмечено,

¹ В. М. Зубарь и А. И. Хворостяный неоднократно подчеркивали, что для некрополя Херсонеса не характерны «ярко выраженные» христианские погребальные комплексы второй половины IV — первой половины V в., к тому же христианские захоронения «ни спецификой погребального обряда, ни инвентарем» не отличаются от языческих (см.: Зубарь В. М., Хворостяный А. И. От язычества к христианству. С. 56). По мнению А. И. Айбабина, свидетельства присутствия христиан в Херсонесе являются артефакты конца III — первой половины IV в.: стеклянный сосуд в форме рыбы и светильник с изображением двух рыб (см.: Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 52).

² См.: Завадская И. А. Христианизация ранневизантийского Херсонеса (IV—VI вв.) // МАИЭТ. 2003. Вып. 10. С. 402—426.

³ См., напр.: Лебедев А. П. Духовенство древней Вселенской церкви от времен апостольских до X в. СПб., 1997. С. 48, 109—111.

⁴ Исследователи истории церкви отмечали, что только в начале V в. появляется упоминание о мученической гибели Климента Римского в «Церковной истории» Руфина (см.: Лебедев А. П. Эпоха гонений на христиан и утверждение христианства в греко-римском мире при Константине Великом. М., 1897. С. 80). Данные агиографии о св. Клименте Римском собраны: Лавров П. Жития херсонских святых в греко-славянской письменности // ПХХ. 1911. Вып. 2.

что мощи святого были обретены просветителями славян Кириллом и Мефодием и привезены в Рим, часть же их осталась в одном из храмов и после захвата Херсона перенесена в Киев князем Владимиром¹.

¹ Писарев Л. И. Климент Римский // Христианство: Энцикл. словарь. М., 1993. Т. 1. С. 767–768 (здесь же см. библиографию). Анализ памятников, отражающих почитание святого, посвящено несколько работ: Марголина И. Е. Почитание херсонесской святыни во фресках Киево–Кирилловского храма // ССб. 2004. С. 245–252 (она отмечает, что культ Климента приобрел популярность в славянских землях после Кирилла, а мощи Климента являлись одним из аргументов в борьбе за независимость Русской Церкви (С. 246, 248); также см.: Марголина И. Е. Крымский узник (Святой Климент Римский) и стенопись Кирилловской церкви в Киеве // Судья, Сурож, Солдая в истории и культуре Руси — Украины: Материалы науч. конф., 16–22 сентября 2002 г. Киев; Судак, 2002. С. 175–179; Никитенко Н. Н. Рецепция Херсонеса в идейной программе Софии Киевской // Там же. С. 201–203. Исследовательница обращает внимание на то, что образ Климента Римского ключевой в идейной программе Софии Киевской (с. 202), представляющей своеобразный херсонесский маририй в западной части южной внутренней галереи, среди которых имеются образы Николая, Фоки, Созонта, Игнатия, Петра Александрийского, Ермила; Фока, епископ Синопы, был особенно почитаем в Херсонесе; имел херсонские корни и св. Николай; с Кирилло-Мефодиевской традицией связан Созонт. Символически иконографическая программа собора Софии отражает деяния Владимира по христианизации Руси (с. 203). Реликвиям Херсона посвящена статья Н. В. Верещагиной, считающей, что Корсунские иконы, упоминаемые в Житии Владимира, являются дарами (Верещагина Н. В. Реликвии Херсонеса в древнерусской святокультовой традиции // Судья, Сурож, Солдая в истории и культуре... С. 51–54). Новым обращением к личности и служению папы Климента стал доклад: Бабинов Ю. А. Климент Римский в истории раннего христианства // Небесные патроны и земные служители культа: Тез. докл. и сообщ. Севастополь, 2007. С. 6–7. Автор на основании скудных свидетельств источников отмечает: Климент «в течение десяти лет возглавлял обучение Божественному слову»; его ссылку не следует рассматривать как проявление правительственной политики гонений на христиан; скорее всего, противостояние между могущественным императором Траяном и влиятельным в римском обществе епископом Климентом стало причиной ссылки последнего в каменоломни близ Херсона.

Столь же кратка информация «Жития св. Климента»: он отбывал ссылку в каменоломнях в окрестностях Херсона, где претерпел мучения; здесь явил чудо «добычи воды» страдавшим от жажды многочисленным христианам. После смерти останки его брошены в море, в последующем в память святого сооружен храм. Конкретное место страданий св. Климента в Житии не приведено, сказано только, что каменоломни находились в пустынной местности около города. На этом основании в некоторых работах местом отбывания ссылки назван Инкерман, где разработка камня восходит к очень раннему времени. Обращаясь к данному сюжету, А. Л. Бертъе-Делагард отметил, что «Инкераман возник с легкой руки Сестренцевича, написавшего так много бездоказательного и выдуманного им вздора по истории Крыма». В то же время он полагал, что легенда о мучениях Климента вблизи Херсона (именно вблизи Херсона, но не в Инкермане) имеет несомненные доказательства. В древности на Гераклейском полуострове существовали каменоломни в балках. В одном из этих мест, а не в Инкермане, «где течет целая речка, можно найти безводие». Следовательно, Климент не мог отбывать ссылку в Инкермане, так как в его окрестностях имеется вода и потому вряд там могли испытывать в ней недостаток.

Ссылаясь на раскопки, проведенные князем В. И. Барятинским в 1845 г., А. Л. Бертъе-Делагард предположил, что храм, возведенный в память Климента, находится на островке около Казачьей бухты: «Все это не оставляло во мне никакого сомнения в том, что этот островок, образованный сначала крепостной оградой Херсонеса, впоследствии был занят византийско-христианскими постройками, находившимися в прямой связи с открытием мощей св. Климента». Он считал также, что Константину Философу, посетившему Херсон, «были известны древние указания. Одно из них — случайная вставка в рукопись VIII—IX вв., в которой имеется описание Святой земли, восходящее в VI в. Здесь после рассказа об Иерусалиме говорится: «Также город Херсон, что у моря Понта; там претерпел мучения св. Климент; гробница его в море, куда было брошено его тело. Теперь в день его памяти священники и народ садятся в ладьи». ... Расстояние указано в 6 миль. Константин мог его легко пройти за один день. Но дорога плохая и быстрее добраться туда морем. Вскоре после открытия

мощей храм могли отстроить, о чем свидетельствуют (обнаруженные во время раскопок) монеты Романа I»¹.

Несмотря на критику мнения С. Сестренцевича о месте страданий Климента, предпринятую А. Л. Бертье-Делагардом, Инкерман как место ссылки Климента до сих пор упоминается историками. Авторы одной из научно-популярных работ утверждают: «Церковное предание о ссылке и гибели св. Климента именно в Херсонес сформировалось на протяжении V—VI вв. Первым, кто написал биографию Климента, был Ириней Лионский, живший во II в. н. э. Он упомянул, в частности, что епископ в конце жизни томился на каторге в каменоломнях», и далее подчеркнуто, что таковыми являлись каменоломни в Инкермане². Гипотеза об инкерманских каменоломнях, введенная в научный оборот С. Богуш-Сестренцевичем, продолжает существовать. Решить, кто прав — А. Л. Бертье-Делагард или сторонники мнения «написавшего так много бездоказательного и выдуманного» по истории Крыма С. Богуш-Сестренцевича — без данных, которые бы уточнили последние годы жизни святого, не представляется возможным. Все же наличие реки около Инкермана не может не служить существенным аргументом в пользу предположения А. Л. Бертье-Делагарда (если только свидетельство агиографии о ссылке Климента в окрестности Херсона соответствует историческим реалиям)³.

¹ Бертье-Делагард А. Л. О Херсонесе // МАР. 1893. Т. 12. С. 58—62.

² Об этом см.: Золотарев М., Хапаев В. Херсонесские святыни. Севастополь, 2002. С. 13.

³ В коллективной монографии о Херсонесе, опубликованной в 2004 г., говорится, что если даже не подвергать сомнению факт существования римского епископа Капитона как исторической личности, то сомнение вызывает факт пребывания его в Херсоне. Вероятнее всего, он был сослан в мраморолмни, расположенные на полуострове Херсонес Фракийский (см.: Зубарь В. М. Глава 4: Проникновение и утверждение христианства // Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. — VI в. н. э. Киев, 2004. С. 570). В данном случае повторен вывод, сделанный в научно-популярной работе: Зубарь В. М., Павленко Ю. В. Херсонес Таврический... С. 48—49. Безусловно, выявить место возможной ссылки по прошествии столь значительного времени при отсутствии точных указаний в источниках чрезвычайно сложно. Создатели Жития могли «спутать» Херсонес Таврический и Херсонес Фракийский. Но в таком случае как

Истории раскопок храма, который связывают с именем ссыльного, посвящена одна из работ С. Б. Сорочана¹, в которой собраны воедино все данные о находках и приведены первые описания памятника. Обнаружение его восходит ко времени путешествия П.-С. Палласа². Позднее В. И. Барятинский открыл в юго-восточной части острова 9 средневековых помещений и небольшую церковь.

Находка монеты с «якорем» (монограммой «Ϟω») в одной из могил привела к предположению, что храм в это время являлся действующим (в XI–XII вв.). Отметив, что о сакральной реликвии уже были высказаны соображения на основании топографии местности, С. Б. Сорочан останавливает внимание на интерпретации отдельных построек комплекса и уточнении времени его строительства. Сопоставление первых материалов раскопок, последующих исследований К. К. Косцюшки-Валюжинича, как и соображений А. Л. Бертье-Делагарда, позволило реконструировать

быть с традицией об обретении мощей св. Климента Константином Фило-софом во время пребывания его в Херсоне? В связи с сомнениями в отношении историчности факта ссылки Климента в Херсонес возникает вопрос к В. М. Зубарю. Но прежде об обстоятельствах, которые его вызвали. Одна из недавних работ исследователя посвящена западной базилике и сакральным сооружениям около нее (Зубарь В. М. О времени и обстоятельствах строительства комплекса западной базилики Херсонеса-Херсона // *Археология*. 2006. № 1. С. 25–41). Дискутируя с С. Б. Сорочаном относительно периодизации строительства сооружений около базилики, он пишет, что первоначально был построен небольшой поминальный храм св. Василия, затем западная базилика. В данном случае В. М. Зубарь не высказывает сомнений в историчности миссионерской деятельности в Херсоне данного святого, о котором еще более скудные известия дошли до наших дней. А вопрос следующий: почему данные одного жития вызывают доверие в отличие от других. Сомнения о Херсоне как месте ссылки Климента высказаны также: Jasrzebowska E. *Il culto di S. Clemente a Chersoneso alla luce della ricerca archeologica* // *Studi su Clemento Romano*. Roma, 2003. P. 136–137.

¹ См.: Сорочан С. Б. О мартирии св. мученика Климента Римского вблизи византийского Херсона // *Проблемы теологии*. Екатеринбург, 2006. С. 172–179.

² Об этом см.: Паллас П.-С. Путешествие по Крыму академика П.-С. Палласа в 1793 и 1794 гг. // *ЗООИД*. 1881. Т. 12, отд. 1. С. 102–103.

облик монастыря и уточнить хронологию памятника. К числу наиболее ранних археологически фиксируемых следов относятся единовременное создание насыпного островка и двух линий оборонительных стен с башнями на перешейке Маячного полуострова («старого Херсонеса»).

В Византийскую эпоху на искусственном острове возникает христианский храм или монастырек. Сакральный комплекс был обнесен стеной (периволом), имел двор площадью в 480 м² с восточными воротами и «группу небольших зданий» с помещениями для немногочисленных служителей. Исследователь предполагает, что они происходили из числа монахов одного из херсонских монастырей. В двухъярусной церквушке (*templum*) была устроена гробница, в которой находились мощи до перенесения их в город Константином Философом в январе 861 г.

Относительно времени возникновения монастыря С. Б. Сорочан¹ выдвигает гипотетическое предположение, что церковь в память о легендарном событии могла быть возведена в последней четверти VI в. Разрушение и «забвение» святого места, скорее всего, вызвано подъемом уровня моря, начиная с VIII в.², в результате чего стены

¹ Отличительной особенностью историко-топографических штудий С. Б. Сорочана является привлечение по возможности всех доступных свидетельств о памятнике, который он представляет читателю. В данном случае он делает замечание, что описание сооружения сохранилось у епископа херсонского Ефрема (по рукописи XII в., где храм назван святым памятником). Далее приводит мнение В. Г. Пуцко (см.: Пуцко В. Г. Мраморный саркофаг Ярослава Мудрого // *Byzantino-Bulgaria*. 1986. Т. 8. С. 301), считающего, что каменный гроб с резными крестами в 989 г. был вывезен вместе с мощами Климента и его ученика св. Фива Владимиром и послужил в последующем саркофагом для Ярослава. О саркофаге также см.: Jaszebowska E. Der Sarkophag des Jaroslav in Kiev // *Akten des Symposiums «Frühchristliche Sarkophage»*. Marburg, 30.06—4.07.1999. Mainz, 2000. S. 129—135.

² Об изменениях береговой линии Черного моря см.: Агбунов М. В. Проблемы и перспективы изучения произведений античных авторов о Причерноморье // *Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования*, 1982. М., 1984. С. 239—246. Приводя соображения относительно изменений уровня моря, М. В. Агбунов пишет, что наиболее реально мнение П. В. Федорова (об этом см.: Федоров П. В. Последледниковая трансгрессия Черного моря и проблемы изменения уровней океана за последние 15 тыс. лет // *Колебания*

оказались на уровне морской поверхности. Возобновляется храм в конце IX в.¹.

Безусловно, не все гипотезы можно доказать свидетельствами источников. Сомнения в объективном отражении реалий жизни при обращении к любому нарративному источнику всегда имеют место, особенно по отношению к свидетельствам агиографии. Однако для возникновения той или иной «легенды» должны были существовать какие-то основания. Но не будем далее заниматься выявлением «жизненного пути» святого, восстановить который не смогли и более близкие к его времени авторы, тем более что в данном случае и не ставится задача источникового анализа житий. Цель сюжета показать, как использовались сведения агиографии при прочтении страниц истории Херсона.

В Житии говорится о более 2 тыс. христиан, страдавших вместе с Климентом в каменоломнях, и строительстве 75 церквей, что вызывает вполне обоснованные сомнения в приводимых данных. В агиографическом памятнике, созданном более чем через пять веков после кончины ссыльного, когда совершенно изменилось соотношение приверженцев старых языческих культов и христиан, не могло не отразиться идеологическое значение города. Возможно, этим объясняется «преувеличение» его роли в становлении христианства для более раннего периода.

Ответ на вопрос о соотношении язычников и христиан среди жителей города первых веков нашей эры принято искать в материалах раскопок херсонесского некрополя, что и было впервые предпринято В. Ф. Мещеряковым, подчеркивавшим, что уверенно датированные христианские погребения появляются только с середины IV в.² Согласно

уровня морей и океанов за 15 000 лет. М., 1982. С. 154). Отметим, что в других разделах монографии С. Б. Сорочан датирует начало подъема уровня вод Черного моря более поздним временем — концом IX или даже X в.

¹ См.: Сорочан С. Б. О мартирии св. мученика Климента... С. 179.

² См.: Мещеряков В. Ф. О времени появления христианства в Херсонесе Таврическом // Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. Л., 1978. С. 132; также см.: Зубарь В. М., Мещеряков В. Ф. Некоторые данные о верованиях населения Херсонеса: По материалам некрополя первых веков // Население и культура Крыма в первые века нашей эры. Киев, 1983. С. 96—114.

его мнению, процесс христианизации происходил в Херсоне медленнее, чем на Боспоре, так как здесь не был распространен культ Бога высочайшего, который подготовил почву для утверждения новой идеологии. В данном случае следует заметить, что вряд ли Херсон, имевший в позднеантичное время торговые связи, в том числе и с Малой Азией¹, являлся «более закрытой» территорией для проникновения новых верований в сравнении с Боспором.

В. Ф. Мещеряков считал, что херсониты еще и в IX в. имели склонность к язычеству, о чем свидетельствует нелицеприятная характеристика их, принадлежащая монаху Епифанию, посетившему город в начале столетия².

¹ См.: Зубарь В. М. Некрополь Херсонеса... С. 49.

² См.: Мещеряков В. Ф. О времени появления христианства в Херсонесе... С. 134. Об апостоле Андрее см.: Pillinger R. Der Apostel Andreas. Ein Heiliger von Ost und West im Bild der frühen Kirche // Sitzungsberichte der Österreichische Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Klasse. (Wien). 1994. Bd. 612. Автор «Деяний и хождения святого и всехвального апостола Андрея, соединенные с похвалой» монах-иконопочитатель Епифаний предпринял паломническое путешествие в Северное Причерноморье, во время которого посетил Херсон. Он считал, что апостол Андрей долгое время оставался в городе (об этом см.: Васильевский В. Г. Хождение апостола Андрея в стране мирмидонян // Труды. СПб. 1909. Т. 2. С. 215—295; Виноградов А. Ю. К становлению легенды об Андрее Первозванном — апостоле Понта // Византия и Крым: Тез. докл. Симферополь, 1997. С. 24—26; Иванов С. Апостол Андрей в Мирмекии // Там же. С. 47). В русских летописях говорится: «Якоже рекоша, Андрею учащу в Синопе, и пришедшу ему в Корсунь, и увиде, яко ис Корсуня близ устье Днепрское, и восхоте ити в Рим, и прииде в устье Днепрское, и отоле поиде по Днепре горе, и по прилучаю прииде, и ста под горами на березе. И став, заутра, и рече к сущим с ним учеником: “Видите ли горы сия? Яко на сих горах восияеть благодать божья. Имаеть град велик быти и церкви многы имаеть. ...Идеже после бысть Киев, и поиде по Днепру горе. И прииде в словены, идеже ныне Новыград”» (Радзивилловская летопись // ПСРЛ. Л., 1989. Т. 38. Л. 3). Среди упоминаний о миссии Апостола Андрея имеются как мифологизированные, так и реальные факты (см.: Шелов Д. Б. Глиняные штампы из Танаиса // Новое в советской археологии. М., 1965. С. 229—234. Примечательной является статья И. С. Чичурова, посвященная анализу ис-

точников о посещении апостолом Андреем Северо-Причерноморского региона (плавание по рекам вплоть до Киева). Тщательный анализ свидетельств позволил ему выделить три источниковых аспекта: 1) данные, позволяющие полагать достоверность апостольской миссии; 2) тенденциозную летописную переработку; 3) время включения «рассказа» в Повесть временных лет, которое относится, скорее всего, к 30-м гг. XI в.; в 1039 г. составлено «Слово об обновлении Десятинной церкви», где приведена похвала св. Клименту Римскому, пострадавшему в Херсонесе при Траяне. Исследователь отмечает существенное влияние на летописный рассказ византийских преданий (см.: Чичуров И. С. «Хождение апостола Андрея» в византийской и древнерусской литературной традиции // *The Legacy of Saints Cyril and Methodus to Kiev and Moscow: Inter. Congress on the Millennium of the Conversion of Rus' to Christianity*. Thessaloniki, 26–28 November 1988. Thessaloniki, 1992. P. 195–213, особенно p. 209). Библиография работ, посвященных данному сюжету, представлена: Podskalsky G. *Christentum und theologische Literatur in der Kiever Rus (988–1237)* München, 1982. Историчность миссии св. Андрея в Северное Причерноморье отрицается авторами коллективной монографии (см.: Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. Гл. 4. С. 557). По этому поводу Л. Г. Хрушкова замечает, что отношение к агиографическим источникам обусловлено политизированностью исторической науки: «Читая эту книгу, мы замечаем неявный и, возможно, неосознанный дух гиперкритицизма, витающий на многих ее страницах. Это направление умов, во второй половине XIX в. процветавшее в Европе, а затем, в потоке множества других популярных идей, пришедшее в Россию, позже было естественно поддержано идеологией советского периода, когда иные идеологические руководители простодушно смешивали критику источников с критикой религии. В книге В. М. Зубаря и А. И. Хворостяного общая картина раннего христианства в Крыму получилась обедненной, суженной, краски и нюансы в ней поглощены общим темным колоритом. Всякая неясность, неопределенность источников истолковывается в отрицательную сторону. Вот некоторые примеры. «Сообщения о пребывании апостола Андрея... не соответствуют исторической действительности». Действительно, византийская традиция апостолата Андрея является поздней. В то же время существуют ранние сведения о проповеди ап. Андрея в Скифии, которые попали в труды Арнобия и Тертуллиана. Аналогичным образом полностью отрицается историческая основа “Житий святых епископов Херсонских”». Вместе с тем она называет работу В. М. Зубаря и А. И. Хворостяного «храброй и удавшейся попыткой обобщить большой и разнородный материал»

том или ином районе на основании материалов раскопок некрополей был поставлен Л. Г. Хрушковой. Приведя примеры из различных регионов, она констатирует, что «было бы опрометчиво их ничтожное количество (христианских захоронений. — А. Р.) отождествлять с числом похороненных христиан. Таким образом, одни некрополи вряд ли могут служить полным и доказательным источником по вопросу христианизации населения, будь то в Крыму или в других краях»¹.

Вернемся к мнениям относительно времени распространения христианства среди херсонитов. Изучая эпиграфические памятники, хранящиеся в лапидарии заповедника, крымский историк Э. И. Соломоник (1917–2006) обратила внимание на плиту с изображением семисвечника и надпись с посвящением Богу Высочайшему. Одновременно она предположила, что встречающаяся на некоторых геммах символика отражает наличие среди жителей Херсона приверженцев гностицизма, показав тем самым, что процессы, происходившие на Боспоре, в равной степени характерны и для Херсонеса².

(Хрушкова Л. Г. Христианские памятники Крыма: Состояние изучения // ВВ. 2004. Т. 63 (88). С. 168–169).

Действительно, Епифаний отмечал, что «херсаки не тверды в вере» (Епифания, монаха и пресвитера, о жизни, деяниях и кончине святого и всехвального первозванного апостола Андрея, 34 / Пер. А. Ю. Виноградов // Виноградов А. Ю. Греческие предания о св. апостоле Андрее: Жития. СПб., 2005. Т. 1. С. 280–218). В источнике говорится: «Нестойкий народ херсаки вплоть до сегодняшнего дня и не тверды в вере, лживы, носимые всяким ветром ереси, но гостеприимные и нищелюбивые. Апостол Андрей, проведя у них достаточно дней и оставив их, вернулся в Боспор, и, найдя херсакский корабль, переправился в Синопу». Но оставим на будущее ответы на вопросы: какую «веру» имел в виду иконопочитатель Епифаний и можно ли считать сказанное им как показатель существования языческих традиций. Нам еще предстоит обратиться к страницам истории Херсона конца VIII — начала IX в. — времени иконоборческих споров в Византийской империи.

¹ Хрушкова Л. Г. Христианские памятники Крыма. С. 170.

² См.: Соломоник Э. И. К вопросу о населении Херсонеса Таврического // АДСВ: Социальное развитие Византии. 1979. С. 119–124. В данном плане примечательны находки граффити с изображением креста из цистерны на горе Митридат в Пантикапее, на основании археологической ситуации да-

Фактически одновременно с В. Ф. Мещеряковым к анализу отчетов К. К. Косцюшки-Валюжинича о раскопках некрополя обратился Е. В. Веймарн. Ему удалось выявить свидетельства, подтверждавшие использование некрополя в VI–IX вв., а для IV в. н. э. отметить сосредоточение христианских захоронений в одном районе — на южном участке¹. В последующем здесь возник Южный загородный храм. В монографическом исследовании некрополя Херсонеса, предпринятом В. М. Зубарем, зафиксированы, начиная с III в., захоронения с труположением, появление которых связано, как подчас предполагается, с влиянием новой идеологии².

Обратимся еще раз к наблюдениям и выводам блестящего знатока христианской археологии Л. Г. Хрушковой, показавшей на основании анализа широкого круга данных археологии наличие консерватизма в погребальном обряде, на котором появление новых представлений о смерти отразилось только с течением времени³.

тированные временем не позднее II в. (см.: Толстиков Б. П., Журавлев В. Д. О древнейшем изображении символа христианства на Боспоре // Православные древности Таврики: Сб. материалов по церковной археологии. Киев, 2002. С. 51–55). Далее, раскопки некрополя Боспора привели исследователей к предположению, что распространение христианства в регионе относится к середине II в. (см.: Мыц В. Л., Лысенко А. В., Юрочкин В. Ю. Некрополь Пантикапея-Боспора: Проблемы и перспективы исследования // Боспорский феномен: Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства: Материалы междунар. конф. СПб., 2001. Ч. 1. С. 174–180; Diatroptov P. D. The Spread of Christianity in the Bosphorus in the 3th–6th Centuries // ACSS. 1999. P. 215–244). О предметах с изображением креста и рыб из погребений III и даже II в. см.: Юрочкин В. Ю. Древнейшие изображения Креста Господня // Православные древности Таврики. С. 24–25.

¹ См.: Веймарн Е. В. Некрополь около крестообразного загородного храма в Херсонесе // АДСВ. 1977. Вып. 14. С. 5–17.

² См.: Зубарь В. М. Некрополь Херсонеса... С. 64.

³ Объяснением этого является следующее замечание исследовательницы: «Можно было бы сказать, что человек раннехристианской эпохи в могиле выглядит “менее христианином”, нежели при жизни. И это понятно: христианские понятия о смерти и бессмертии существуют в мире идей и представлений, а не в телесных и материальных объектах, с которыми имеет дело археолог.

Начало масштабного строительства базилик в Херсоне (вне зависимости от дискуссионности вопроса о времени их возведения: с середины V в. или с середины VI в., о чем пойдет речь ниже) и использование на монетах местного монетного двора изображений креста (монеты 582—602 гг.) — показатель победы христианства. С этого периода можно уверенно говорить об устойчивых позициях новой идеологии в городе.

Для III—IV вв. артефакты, которые являлись бы несомненным отражением христианских верований херсонитов, единичны¹, среди них исследователи отмечают находки светильников с изображением рыбы на щитке². (К сожалению, полный каталог светильников, обнаруженных во время раскопок в Херсонесе, еще не создан). Только обработка и классификация находок, выявление среди них продукции местных мастеров и импортных изделий дадут в руки исследователей дополнительные данные как для реконструкции торговых связей, так и дискуссии о восприятии гончарами города сюжетов, характерных для христианства. Столь же необходимым является обращение к материалам раскопок херсонесского некрополя³, о предстоящих задачах исследования

Если в языческом контексте могильный инвентарь является полноценным, а нередко и главным источником для изучения верований населения и его этнического состава, с христианами дело обстоит иначе. Они не различали “ни эллина, ни иудея”, они не изобрели ни нового обряда захоронения, ни новых типов могильных конструкций, не было у них и предубеждения относительно языческих саркофагов. Вспомним хотя бы знаменитый порфиновый саркофаг с великолепными батальными сценами (сейчас в Музеях Ватикана) — в нем была похоронена св. Елена. Изменения в обряде происходили медленно, и как раз такие, которые мало что дают археологам» (Хрушкова Л. Г. Христианские памятники Крыма. С. 170).

¹ См.: Сорокина Н. П. Три стеклянных сосуда IV в. н. э. с рельефными изображениями из Северного Причерноморья // Материалы археологии Северного Причерноморья. Одесса, 1960. С. 232; Мещеряков В. Ф. О времени появления христианства... С. 125.

² См.: Зубарь В. М. Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом // Византийская Таврика. Киев, 1991. С. 13.

³ Нельзя не отметить, что чрезвычайно сложная и трудоемкая работа по введению в научный оборот материалов, находящихся в фондах заповедника, ведется крымскими исследователями. Одним из результатов ее стала публикация итогов раскопок некрополя «Совхоз № 10», раскопками которого руководили

С. Ф. Стржелецкий (1954–1966) и Ю. А. Бабинов (1967). Примечательными являются не только тщательнейший анализ всех групп находок, сопровождаемый статистическими таблицами, но и этика публикации. В титуле работы, которую издатели назвали «монография в журнале», на первом месте среди авторов стоит имя автора раскопок (см.: Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И. Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия н. э. (по материалам некрополя «Совхоз № 10» // *Stratum plus*. 2003–2004 (2005). № 4. С. 27–277). И другой пример, на который в связи с этикой, характерной для некоторых исследователей, хотелось бы обратить внимание. В появившихся фактически одновременно материалах раскопок средневековой водосборной цистерны Херсонесского городища издатели «забыли» выразить хотя бы благодарность автору раскопок (С. Г. Рыжову), в отличие от тех лиц, которые их финансировали. Более того, разрешение С. Г. Рыжова, имевшего Открытый лист на исследование памятника, опубликовать фотографию одного из граффити в путеводителе (Glenn R. Mack, Carter J. C. (ed.). *Crimean Chersonessos: City, Chora, Museum and Environs*. Texas, 2001 (рус. пер.: *Техас, 2003*. С. 37. Рис. 4,8) представлено «как абсолютное насилие над основными правами авторов» (Бернацки А. Б., Кленина Е. Ю. Предисловие // *Топография Херсонеса Таврического: водосборная цистерна жилого дома в квартале VII, IX–XI вв.* // *ХСб. Suppl. 1*. Севастополь, 2006. С. 13–16). Вряд ли можно считать корректным и содержание предисловия, посвященного изложению фактов, кто еще что-то «похитил» у гг. Бернацки и Клениной, и обвинениям в адрес представителя Техасского университета Дж. Картера и заместителя Генерального директора заповедника по научной консервации Л. В. Седиковой, результаты «мероприятий» которых по консервации привели к «утрате последней надежды даже на дискуссию среди специалистов о назначении, роли и конструктивных особенностях памятника» (Там же. С. 14). Для непосвященного читателя: 1. Взявшие на себя труд раскопок объекта А. Бернацки и Е. Кленина оставили цистерну открытой, не приняв никаких мер для предотвращения ее разрушения. 2. Реставраторы Техасского университета закрепили падающую из-за попадания влаги штукатурку, покрывающую ее стены. После этого она была засыпана, поскольку иного метода для предотвращения дальнейшего разрушения не представлялось возможным использовать. Кроме того, территория подлежала нивелировке после восстановления Владимирского собора. Но авторы предисловия, увлекшись разоблачениями, «высекли себя сами»: они отметили, что памятник исследован полностью, следовательно, на основании отчета о раскопках и полевой документации существует возможность «вести дискуссию» и потому об «утрате последней надежды» на выявление конструктивных особенностей цистерны вряд ли правомерно говорить (или отчет не написан, фиксация хода раскопок не производилась?). Вместе с тем, несмотря на «утрату последней надежды» вести дискуссию относительно памятника,

которых для античного времени высказал несколько соображений В. М. Зубарь¹. В опубликованной в начале нашего столетия фундамен-

она уже началась. Свидетельством ее является статья А. В. Сазанова (см.: К интерпретации комплекса водосборной цистерны жилого дома в квартале VII Херсонеса // БИАС. 2008. Вып. 3. С. 368—383). А. В. Сазанов прежде всего отметил значимость публикации находок из комплекса, относящегося к концу XI в., времени слабо представленному археологическими материалами. «Пре-красно, как отметил автор статьи, выполненный стратиграфический разрез позволяет реконструировать процесс засыпи цистерны», но «он не сопровождается расшифровкой легенды слоев». Кроме того тезис о том, что в первой половине XI в. цистерна использовалась как тюрьма, привел к «подгонке» под него материалов, которые не разделены в соответствии со стратиграфией. На основании имеющихся на стенках цистерны граффити в публикации сделан вывод о том, что в тюрьме содержались в разное время две группы людей, предположительно одной из них являлись представители имперского патрициата, пострадавшие во время восстания в Херсоне в 1016 г., как считают А. Бернацки и Е. Клемина. Непосредственное обращение к находкам, распределение их в соответствии со стратиграфией позволило А. В. Сазанову уточнить время образования слоев и сделать следующие выводы: 1. В конце XI в. в городе «происходит генеральная реконструкция»; свидетельством этого является также появление в северном районе «на мусорном слое засыпи, образовавшемся на протяжении XI в.», новых кварталов. 2. Накопившийся в результате перестройки одной из базилик и какого-то хозяйственного здания мусор был сброшен в цистерну, но не одновременно, а в несколько этапов в течение кратковременного периода. 3. После заполнения цистерны примерно на высоту 1 м и «заблокировав водостоки, питающие цистерну», рабочие спустились в нее и нанесли первые граффити (причины этого необъяснимы). А. В. Сазанов полагает, что вода из цистерны использовалась для нужд церкви, поэтому и появились молитвенные надписи. 4. Несколько позднее в цистерну вновь спустились рабочие (из-за просачивания воды), они нанесли следующий ряд граффити, а затем в цистерну вновь был сброшен мусор. В третий раз грунт был взят из различных мест, при реконструкции площади оказались затронутыми захоронения, что позволяет объяснить попадание в цистерну человеческих костей, которые не имеют отношения к гибели содержащихся в тюрьме-цистерне. Подчеркнув в заключение еще раз значимость опубликованной работы, А. В. Сазанов отметил, что разночтения с авторами работы вызваны интерпретацией верхних двух фаз «функционирования цистерны», к образованию которых привело использование ее для сброса мусора, появившегося в результате строительства.

¹ При использовании материалов раскопок некрополей следует помнить о предупреждении Л. Г. Хрушковой, основанном на многочисленных примерах:

тальной статье он излагает историю и методику раскопок; одновременно представлена погодная хроника и топография памятников, что делает работу значимой и для византийского периода¹. Исследователь обобщил все разрозненные свидетельства, в том числе и об единичных склепах и захоронениях, расположенных в различных районах некрополя. При этом уделено внимание и тем материалам, которые до сих пор не введены в научный оборот. Анализ расположения погребальных комплексов позволил уточнить первоначальные границы Херсонеса, а обращение к методике раскопок и публикации находок — наметить пути дальнейшего (коллективного, комплексного) изучения материалов, хранящихся в фондах Херсонесского заповедника².

Предпринятый обзор позволил подтвердить наблюдения предшественников В. М. Зубаря, что «компактный участок некрополя первых веков и раннесредневекового периода располагался там», где в VI в. возник загородный монастырь Богородицы Влахернской. Это отмечено и в появившейся в близкое время статье Л. Г. Хрушковой³.

В известной мере продолжением обращения к топографии некрополя, но христианского периода стал доклад молодого харьковского историка М. В. Фомина в 2007 г., в котором он решил показать, что существующему в литературе мнению о сокращении некрополя в IV в. н. э. противоречат археологические свидетельства. При этом он выделил два значительных участка христианских захоронений: около кладбищенской церкви св. Созонта у западных стен города и в Карантинной

«Позднеантичные некрополи Крыма или областей — источник особенный, требующий большой осторожности, тем более когда хотят подсчитать количество христиан» (Хрушкова Л. Г. Христианские памятники Крыма. С. 170).

¹ См.: Зубарь В. М. История и методика раскопок античного некрополя Херсонеса Таврического // ССб. 2005. Вып. 2. С. 670—707.

² В масштабности находок из раскопок херсонесского некрополя убеждают приводимые исследователем количественные данные: до 1917 г. было раскопано свыше 4,5 тыс. погребальных сооружений; в последующем к их числу добавилось несколько сотен погребений (Зубарь В. М. История и методика... С. 698).

³ См.: Хрушкова Л. Г. О начале христианства Херсонеса Таврического: Крестовидная церковь на главном кладбище // ССб. 2005. Вып. 2. С. 393—420.

балке у храма Богородицы Влахернской, где захоронения совершались вплоть до XI—XII вв.¹ Доказательства исследователя о значительных размерах христианского некрополя, более позднем использовании его территории дополняет наличие еще одного храма, расположенного в Карантинной балке (в литературе он обозначается как «загородный храм на Девичьей горке»). Храм находится на расстоянии около 200 м от башни Зенона и около 100 м от церкви Богородицы Влахернской².

К изучению его спустя сто лет после открытия обратилась заведующая средневековым отделом Херсонесского заповедника Т. Ю. Яшайева (2002). Исследования подтвердили наличие раннего здания и более позднего строительства в его центральном нефе (не ранее XII в.)³. К сожалению, автор еще не ввела в научный оборот информацию о результатах повторных раскопок⁴.

Отчасти подведением итогов дискуссий о времени распространения новой веры и численности херсонской христианской общины можно считать выводы авторов коллективной монографии по истории и культуре Херсонеса в I в. до н. э. — VI в. н. э. Наряду с другими сюжетами,

¹ См.: Фомин М. В. О топографии христианского некрополя в Херсонесе // Небесные патроны и земные служители культа: Тез. докл. и сообщ. Севастополь, 2007. С. 52—53.

² См.: Айналов Д. В. Развалины храмов. С. 119—121; также см.: Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1902 г. // ИАК. 1904. Вып. 9. С. 15—17.

³ Краткая информация о раскопках и находках приведена в приложении к монографии Романчук А. И. Очерки истории... (С. 242), где вслед за Д. В. Айналовым допущена ошибка в годе открытия памятника.

⁴ Повторением уже известного по отчетам К. К. Косцюшки-Валюжинича с небольшими дополнениями-наблюдениями во время «визуальной разведки» стали тезисы доклада С. Б. Сорочана (см.: Сорочан С. Б. О монастырском комплексе на Девичьей горке около Херсонеса // Небесные патроны... С. 47—48). Вероятно, в докладе прозвучала бы ссылка на новые материалы, которые были получены Т. Ю. Яшайевой во время раскопок, однако представляется, что до их введения в научный оборот именно автором раскопок не совсем корректно излагать соображения стороннего, хотя и заинтересованного, посетителя места работы.

в частности, обращением к агиографии (что вполне закономерно), исследователи приводят все имеющиеся свидетельства о некрополе Херсонеса. При этом повторено описание росписи склепов из ставшей малодоступной работы М. И. Ростовцева¹. Обращение к ранним рас-

¹ М. И. Ростовцев относил роспись склепов ко второй половине IV — началу V в., считая это одним из основных аргументов для доказательства раннего распространения христианства в Херсоне (см.: Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на Юге России. Пр., 1914. С. 503—507; Rostovzeff M. I. *La peinture décorative antique en Russie méridionale*. St. Petersburg, 1913 — 1914. T. 1—2 / Trad. par A. Frayssé et A. Rychtecky. P., 2003—2004). Авторы коллективной монографии склонны датировать фресковую живопись двумя веками позднее (об этом также см.: Зубарь В. М. К интерпретации одного из сюжетов росписи склепа 1912 г. из Херсонеса // ХСб. 1999. Вып. 10. С. 298—302; Он же. Еще раз о датировке раннехристианской росписи склепа № 1, исследованного в 1998—1999 гг. на территории некрополя Херсонеса // ССб., 2004. Вып. 1. С. 75—82; Он же. По поводу методики датировки склепов с раннехристианской росписью некрополя Херсонеса // РА. 2006. № 4. С. 131—136). В связи с иной датировкой Л. Г. Хрушкова отмечает некорректность аргументации и справедливость выводов М. И. Ростовцева (Хрушкова Л. Г. Христианские памятники Крыма. С. 172—173). В подтверждение неубедительности поздней даты она ссылается на широкий круг памятников (Kraeling C. M. *The Synagogue; the Excavations at Dura Europos. Final Report I*. New Haven, 1956; Idem. *The Christian Building. The Excavation at Dura Europos. Final Report VIII, II*. New Haven, 1967; Duval N. *Le rappresentazioni architettoniche* // Piccirillo M., Alliata E. *Umm al-Rasas Mayfa'ah. I. Gli scavi del complesso di Santo Stefano*. Jerusalem, 1994 (Studium Biblicum Franciscanum. Collectio Maior, 28). P. 165—207; Valeva J. *Les tombeaux ornés de croix et chrismes peints* // Acta XIII CIAC. Citta del Vaticano-Split. 1998 (Studi di Antichità cristiana LIV. Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku, supl. Vol. 87/89). III. P. 761—786; Rostovzeff M. *Dura Europos and Its Art*. Oxford, 1938), в том числе и крымских: Диатроптов П. Д. Еще раз к вопросу о датировке росписей херсонесских христианских склепов // Церковная археология Южной Руси: Сб. материалов междунар. конф. «Церковная археология: проблемы, поиски, открытия» (Севастополь, 2001). Симферополь, 2002. С. 34—37. Новым обращением к датировке росписей крымских склепов является работа: Хрушкова Л. Г. О живописи раннехристианских склепов в Крыму: Сто лет после Михаила Ивановича Ростовцева // Византия в контексте мировой культуры (Труды

копкам и материалы последних лет показали, что в росписи 10 склепов присутствует христианская символика¹. В живописи раннехристианского Херсона использовались зооморфные и растительные сюжеты,

ГЭ. 42). СПб., 2008. С. 121–132. Исследовательница вновь обращает внимание на неправомерность датировки росписи склепов VI в. или VI–VII вв., повторяя ранее приведенные аналогии, она отмечает недавнее открытие склепа начала V в. в Стамбуле, где сохранились росписи и рельефы с библейскими сюжетами, изображениями хризмы; подчеркивает блестящую интуицию М. И. Ростовцева, основанную на знании позднеантичной культуры в целом, отмечая, что новые открытия подтверждают его хронологические наблюдения. Л. Г. Хрушкова полагает, что на основании единичных параллелей мотивов росписей делать вывод о «предпочтительных связях Крыма с Палестиной или Римом» некорректно. Согласно ее мнению, «речь должна идти о мотивах, общих для всего раннехристианского мира», а то, что херсонесские художники «почти не изображали сцен из Ветхого или Нового Заветов, включает Крым в понтийско-балканский контекст» (там же. С. 129). Список публикаций о склепах Херсонеса дополняет работа: Marchenko L. V., Turovskij E. J. A New Early Christian Crypt in the Outskirts of Chersonesse Tauric // Inter. Conference: the Cult of Martyrs and Relics and its Architecture in East and West (3rd–7th AD). Varna, 2003. P. 19–20. О склепах Боспора см работы Е. А. Зинько: Боспорские склепы на северном склоне горы Митридат // МАИЭТ. 2000. Вып. 7. С. 69–76; Позднеантичные пантикапейские расписные склепы // Боспор Киммерийский на перекрестке греческого и варварского миров. Керчь, 2000. С. 66–68; Проблемы исследования позднеантичных расписных склепов // МАИЭТ. 2001. Вып. 8. С. 67–73; Культовая символика в росписи нового склепа пантикапейского некрополя // БИ. 2002. Вып. 2. С. 249–258; Новый (?) склеп некрополя Боспора ранневизантийского времени // Византия в контексте мировой культуры. СПб., 2008. С. 112–120. В данном случае следует вспомнить также одну из ранних работ: Кулаковский Ю. А. Две керченские катакомбы с фресками // МАР. 1896.

¹ Два из них были исследованы украино-австрийской экспедицией (см.: Зубарь В. М., Пилленгер Р., Туровский Е. Я., Сон Н. А., Русяева М. В., Фарбей А. М. Отчет о раскопках склепов с полихромной росписью на территории некрополя Херсонеса в 1998–1999 гг. // Зубарь В. М., Хворостовский А. И. От язычества к христианству: Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III — первая половина VI в.). Киев, 2000. С. 144–154.

единичны изображения человека. На этом основании сделан вывод о восточном влиянии на искусство города. По мнению авторов, аналогии существуют среди памятников Антиохии, Сирии и Палестины V—VI вв. Необходимо отметить и впервые прозвучавшее замечание: «Характер и сюжеты христианской росписи склепов свидетельствуют о заметном влиянии ... религиозного учения монофизитов и изобразительного искусства» восточных районов империи¹. Кроме того, В. М. Зубарь полагает возможным выделить переходный период — от языческой идеологии к утверждению христианства², который завершился не ранее времени правления Юстиниана I, что вполне согласуется с начавшимся именно в это время масштабным строительством базилик.

В одной из более ранних работ, рассматривая широкий круг находок, исследователь также писал, что до конца V—VI вв.³ для Херсона нельзя говорить о широком распространении новой веры. Подобная картина прослеживается и на основании раскопок могильников Юго-Западного Крыма, в которых только с первой половины VI в. характерны пряжки с христианской символикой. Кардинальные изменения в погребальном обряде относятся к VIII—IX вв.; на рубеже IX—X вв. появляются захоронения рядом с храмами. Время строительства базилик в Таврике следует относить к более позднему периоду, чем полагал А. Л. Якобсон (возможно, к VIII

¹ Выше уже не раз пришлось обращаться к замечаниям Л. Г. Хрушковой. Здесь будет уместным еще одно, показывающее «искусственность вывода»: «Чтобы не останавливаться на проблеме Востока и Запада, о которой несколько раз упоминает В. М. Зубарь, ограничусь ссылкой на работу У. Шуберт, которая провела ряд аналогий между росписями синагоги Дура-Европос и фресками римской катакомбы середины или второй половины IV в. под Виа Латина» (Хрушкова Л. Г. Христианские памятники... С. 172. Прим. 28 — ссылка на: Schubert U. Spätantikes Judentum und frühchristliche Kunst. Wien, 1974 (Studia Judaica Austriaca, II).

² См.: Владимиров А. О., Журавлев Д. В., Зубарь В. М. и др. Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. С. 599, 620, 626.

³ Среди сторонников раннего и массового распространения христианства среди херсонитов — в IV в. — следует упомянуть московского исследователя С. А. Беляева, проводившего повторное изучение так называемой базилики на холме (№ 14), строительство которой он отнес к IV в.

в.). Вместе с тем В. М. Зубарь считает, что могли существовать (и, скорее всего, существовали) и более ранние храмы. Но они не сохранились до наших дней, именно из них происходят архитектурные детали, обнаруженные во время раскопок на Мангупе и Эски-Кермене¹.

Хронология сакральных памятников — это уже другой сюжет. Оставим его на будущее, а пока вернемся к начальным годам исследования храмов Херсона.

А. Л. Бертье-Делагард о храмах Херсона, дискуссия о датировке Уваровской базилики

До появления книги Д. В. Айналова описание сакральных зданий города, как и соображения относительно времени строительства, уже имелось в работах А. Л. Бертье-Делагарда², заметившего, что среди памятников Херсонеса «наибольший интерес представляют остатки церквей»³. Он полагал, что архитектурные детали, найденные «в базиликах далекого Херсонеса, совершенно одинаковы с находками на за-

¹ См.: Зубарь В. М. Об основных тенденциях процесса христианизации населения Юго-Западного Крыма // ХСб. 1999. Вып. 10. С. 291–297. Авторы коллективной монографии замечают, что изображения рыб на сосудах и светильниках вряд ли можно считать аргументом для подтверждения «их христианской принадлежности». Самые ранние памятники, свидетельствующие о проникновении новой религии, — это скульптура Доброго Пастыря и сосуд, датируемый первой третью IV в., с изображением креста и надписью: «Господи, помоги...» (опубликован: Романчук А. И., Соломоник Э. И. Несколько надписей на средневековой керамике Херсонеса // ВВ. 1987. Т. 48. С. 98–99). Одновременно уточнена датировка артефактов, которые были использованы В. Ф. Мещеряковым для доказательства принадлежности захоронений к христианским. Согласно мнению В. М. Зубаря, они являются более поздними (см.: Зубарь В. М. Проникновение... // Владимиров А. А., Журавлев Д. В., Зубарь В. М. и др. Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. С. 561–563).

² Из более ранних работ, посвященных храмам Херсона, можно отметить: Арнольд М. Храм св. Владимира в Херсонесе // Зодчий. 1875. № 10; Лебединский О. П. Остатки церквей на развалинах древнего Корсуна // ЗООИД. 1863. Т. 5; Мансветов И. Д. Историческое описание древнего Херсонеса и открытых в нем памятников. М., 1872.

³ Бертье-Делагард А. Л. Раскопки Херсонеса. С. 22.

паде, в базиликах Равенны, не только в смысле стиля, а тождественны. ... И в Херсонесе, и в Равенне одна школа — византийская. Появляются в Херсонесе мраморы в VI в., может быть, несколько позднее, чем в Равенне, судя по отличиям в пропорциях. Следует допустить, что одни и те формы повторялись длительное время».

На основании широкого сравнения архитектурных деталей (насколько это было возможно в те годы) А. Л. Бертъе-Делагард датировал мраморные детали VI—VII вв., отметив, что, «конечно, нет возможности полагать, что все базилики построены в VI в., надо думать, что и позднее строились церкви, да и невероятно, чтобы уцелело так много церквей столь давнего времени. Вероятнее, что была в VI—VII вв. построена большая базилика типа Уваровской, затем после ее разрушения мраморы пошли на другие храмы»¹. Согласно его концепции, Херсонес византийского периода не был значительным центром. Он называл его «медвежьим углом», именно поэтому здесь и после X в. продолжали возводить базилики², не отличавшиеся художественно-архитектурным обликом. «Базилика могла быть громадна, роскошно и даже красиво убрана, и все-таки по существу оставалась сараем, который легко строился любым невеждою каменщиком, художник требовался уже после, лишь для внутренней декорации стен»³.

Целью одной из частей статьи, в которой А. Л. Бертъе-Делагард остановил внимание на строительстве христианских храмов, являлось показать многократные разрушения памятников еще во время существования Херсона, в связи с этим он последовательно отмечал вторичное использование архитектурных деталей: «Внутри больших церквей находили колонны и части иконостасов из мрамора и мозаичные полы, все это малых размеров, с весьма слабым художественным значением и к тому же вытасненным из других более древних построек».

¹ Там же. С 26, 30, 31, 33.

² В нескольких местах статьи сказано, что «в конце VI и в VII в. в Херсонесе строились базилики с привозными мраморами типа равенских».

³ Бертъе-Делагард А. Л. Раскопки Херсонеса. С. 48. Если учитывать размеры базилик, конструкцию их перекрытия, необходимость в проведении расчетов в размещении световых окон, то вряд ли можно согласиться с таким замечанием.

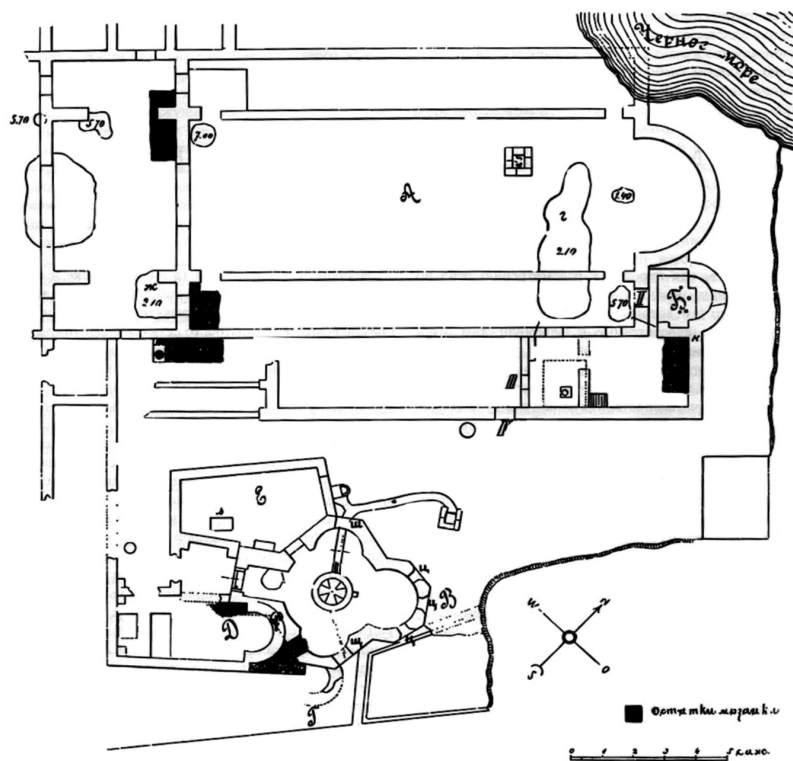

Рис. 6. План Уваровской базилики по К. К. Косцюшке-Валюжиничу

Особенно ярко проявилась его оценка материальной культуры византийского Херсона в словах: «Если столь плохи церкви, то, понятно, что частные дома должны быть еще хуже. ... Еще не нашлось ни одного заслуживающего этого названия; все это жалкие лачужки, одноэтажные, все без исключения построенные из самого плохого мелкого бутового камня и к тому же не на известковом растворе, а просто на глине, или, вернее сказать, на местной грязи. ... Не открыто ни в одном доме ни самонаименьшего признака какого-либо архитектурного украшения, хоть бы клочка штукатурки»¹.

¹ Бертъе-Делагард А. Л. Раскопки Херсонеса. С. 16. Можно простить А. Л. Бертъе-Делагарду преувеличенно негативную оценку материальной

Вместе с тем исследователь придавал большое значение раскопкам Херсонеса: «Но много ли таких мест для находок византийских? Вот в этом отношении важность раскопок в Херсонесе чрезвычайная, даже почти единственная, так как не скоро найдется город, брошенный в XIV в. и, стало быть, дающий находки без примеси новейших. В Херсонесе нам открывается весь быт, вся культура византийского города, тем более интересные, что они относятся к обыденному мелкому городку, а не крупному исключительному центру. ... Это особенно важно, если вспомнить значение этого города в нашей истории, политической, а особенно церковной. ... Раскопки обнаруживают нетронутые улицы и кварталы зданий»¹.

Итак, первые соображения о хронологии и облике херсонесских храмов восходят к концу XIX — началу XX в. **Строительство, например, базилики, раскопанной А. С. Уваровым, датировалось началом VII в., так, под стеной ее нартекса был открыт засыпанный во время нивелировки местности колодец с монетой конца VI — начала VII в.**

Пример «нового прочтения» (после раскопок К. К. Косцюшки-Валюжинича) отчетов и анализ материалов из раскопок Уваровской базилики является блестящим показателем влияния концепции исследователя на датировку комплекса. Пожалуй, ни один из храмов Херсона не вызвал столь пристального внимания, особенно в публикациях конца XX в. — начала нашего столетия. Безусловно, обращение к археологическим свидетельствам (к находкам и стратиграфии) выявило оставшиеся ранее не замеченными детали, которые легли в основу «иного прочтения» строительной биографии памятника.

культуры и облика города. Она относится ко времени, когда многие памятники еще не были открыты. Последующие раскопки показали, что в Херсоне существовали двухэтажные дома, тимпаны окон украшались росписью (об этом см.: Даниленко В. Н. Жилые дома Херсонеса XIII—XIV вв. // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988. С. 60—66), а стены жилых помещений штукатурились. Во время раскопок второго портового квартала остатки штукатурки обнаружены на нижних камнях кладки стен с внешней стороны здания, а арка окна этого дома имела двухцветную геометрическую роспись.

¹ Бертье-Делагард А. Л. Раскопки Херсонеса. С. 19—20.

Более чем полуторавековое обращение к изучению одного из крупнейших храмов города — кафедрального собора — привело к появлению в конечном итоге трех точек зрения относительно времени его возведения.

К. К. Косцюшко и А. Л. Бертъе-Делагард подчеркивали, что «базилика эта не могла быть построена ранее VII в.». В отчете выделены слова о находках монет в колодце, который был засыпан в процессе нивелировки местности перед строительством храма¹. Правоту автора раскопок склонны признавать и некоторые исследователи наших дней².

Иное видение хронологии принадлежит А. Л. Якобсону, изложено в соответствующем разделе монографии: «Первоначальная базилика построена не позднее второй половины V в.»; «перестройку первоначальной базилики следует отнести к периоду между второй половиной V в. и началом VII в, скорее всего, к VI в.»³.

Близкой является периодизации строительства сотрудницы Херсонесского заповедника Е. Ю. Клениной. При этом она игнорирует замечание К. К. Косцюшки-Валюжинича о колодце, засыпанном *перед строительством*⁴. Такое следование мнению А. Л. Якобсона выглядит странным, если учитывать, что в 1979 г. крымский археолог В. А. Кутайсов под руководством О. И. Домбровского предпринял повторное исследование храма. Оно показало, что нартекс был сооружен одновременно с остальной частью здания⁵, которое функционировало до конца жизни Херсона, пережив ряд ремонтов и перестроек. Но чтобы как-то объяснить возникающее противоречие, Е. Ю. Кленина

¹ См.: Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 г. // ИАК. 1902. Вып. 4. С. 80.

² См.: Романчук А. И. Херсонес XII—XIV вв. С. 160—161; Она же. Очерки истории... С. 225—226; Завадская И. А. Некоторые проблемы датировки комплекса Уваровской базилики Херсонеса // БИАС. 1997. Вып. 1. С. 305; Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 769.

³ Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 160.

⁴ См.: Кленина Е. Ю. Уваровская базилика (№ 23) // Ранневизантийские сакральные постройки Херсонеса Таврического. Познань, 2004. С. 71—75.

⁵ См.: Кутайсов В. А. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1979 г. // Арх. НЗХТ, д. 2061.

выдвигает предположение, что монета VII в. попала в колодец во время ремонтных работ, поскольку стена нартекса перекрывает его только на одну треть. (В ходе ремонтных работ монета более поздняя, в сравнении со временем строительства остальной части комплекса, могла попасть в колодец только в одном случае: стенку нартекса разобрали и сложили вновь — археологически это не выявлено; не доказывает такого факта и Е. Ю. Кленина. Можно, конечно, предложить и иное объяснение: из двух третей колодца, не перекрываемых стеной нартекса, по непонятной причине удалили часть грунта и подложили туда монету).

Не учитывает данных раскопок В. А. Кутайсова и австрийский исследователь А. Пюльц, полагая, что первый строительный период Уваровской базилики на основании «скупых данных строительной орнаментики» можно датировать V в.; следующая хронологическая фаза относится к VI или первой половине VII в. Именно в это время возникли экзонартекс и атриум. Подтверждением такой последовательности для него, как и для А. Л. Якобсона, является монета из заполнения колодца. Характерно пессимистическое заявление исследователя: стратиграфические наблюдения из-за особенностей геологического строения территории не могут помочь в определении времени строительства храма; эта базилика, как и другие, возведена непосредственно на скале (прим. 21). Расположенную рядом малую базилику «А» он датирует V в., полагая, что она являлась мемориальным сооружением¹.

Наконец, существует гипотеза С. А. Беляева о строительстве базилики в IV в. В основе ее лежит соображение о том, что кафедральный собор должен был возникнуть в период пребывания в городе епископа Капитона².

Строительную биографию участка в целом попытался восстановить С. Б. Сорочан. Согласно его точке зрения, «не исключено», что Уваровская базилика сооружается в самом конце VI — начале VII в., позднее возникают входившие в состав единого с ней комплекса крещальня и

¹ См.: Pülz A. Die frühchristlichen Kirchen des Taurischen Chersonesos (Krim) // MiChA. 1998. Т. 4. С. 49—50.

² См.: Беляев С. А. Исторические предпосылки постройки кафедрального храма Херсонеса во имя Константина Великого (Уваровской базилики — храма апостола Петра) // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси — Украины: Материалы конф. Киев; Судак, 2002. С. 34—36.

базилика «А». Это произошло в то время, когда архитектурный ансамбль принял завершённый вид¹.

Другим сакральным сооружением, на примере которого А. Л. Бертье-Делагардом была показана периодизация строительной деятельности, является так называемая Базилика в базилике (два разновременных храма, обозначаемых под № 15, рядом с которыми располагалась более поздняя часовня). Относительно последовательности строительства он писал: «Наша базилика была разрушена ближе к IX—X вв. вследствие какой-то катастрофы, скорее всего, пожара. После X в. строится малая базилика; под вымосткой абсиды новой базилики найдена монета Романа I. Она уже не подвергалась расхищению. Вся базилика вокруг застроена маленькими помещениями. Некоторые связаны с церковью и, как и она, изобилуют могилами. К юго-востоку от нее построена часовня. Сооружена только после малой базилики. С южной стороны базилики обнаружены ранние стены, около них в продолговатой яме найдены кости и сбруя лошади с золотыми круглыми бляшками». Позднее возводятся (имеется в виду в целом строительство храмов) церкви крестового плана; третий тип сакральных сооружений — часовни².

Обратившись к примеру одного из комплексов, А. Л. Бертье-Делагард показал хронологическую типологию христианских сакральных зданий, полагая при этом, что в VI—VII вв. и после X в.³ продолжалось возведение базилик.

¹ См.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 721. Для обоснования более поздней даты приведены два соображения: сжатые формы храма, характерные для византийских храмов не ранее VI в., и то, что рядом находилась рыбозасолочная цистерна, засыпанная не ранее второй половины — конца VI в. Это уже отмечалось в работе «Очерки истории и археологии византийского Херсона» (с. 226), но как косвенный показатель, позволяющий ориентироваться в хронологии строительной деятельности в целом на участке.

² См.: Бертье-Делагард А. Л. Раскопки Херсонеса. С. 38—40.

³ Подтверждение предположению А. Л. Бертье-Делагарда было получено более чем полвека спустя: совместные исследования И. Т. Кругликовой и А. В. Сазанова выявили на территории квартала VII базиликальный храм, возведенный после X в. (см.: Сазанов А. В. Базилика 1987 г. и проблемы интерпретации памятников христианского Херсонеса // Причерноморье в средние века. М., 1999. Вып. 4. С. 276—316).

В отличие от Уваровской базилики, храм № 15 не вызывает у современных исследователей значительных разногласий в датировке. Повторное обращение к его изучению принадлежит сотруднику заповедника С. Г. Рыжову. Он выявил новые детали и связал входившие в состав сооружения части здания с литургией.

Исследованиями С. Г. Рыжова (1971–1976) выявлено, что к ранней трехнефной базилике с полукруглой апсидой и нартексом с северной стороны пристроены четыре помещения, отделенные от основного ядра здания узким коридором. Находка купели в одном из них привела к заключению, что помещения входили в состав баптистерия. Такое расположение крещальни, подчеркивает исследователь, соответствует существовавшему до **XI–XII вв. правилу, согласно которому до совершения обряда крещения непосвященный не мог находиться в храме вместе с верующими**¹.

Реставрационные работы позволили² обнаружить материалы, отчасти уточняющие хронологию строительства. Наиболее поздние монеты, встреченные в субструкции мозаичного пола, относились к периоду правления Юстиниана I³.

¹ Несколько ранее уже говорилось о том, что начиная с работ С. А. Беляева и отца Александра (Пелина) в исследовании храмов Херсона появилась новая тема: соответствие их христианской литургии. В данном случае нельзя не отметить, что заслуга в постановке этого вопроса принадлежит и сотрудникам Херсонесского заповедника.

² В связи с ними и было предпринято исследование, завершением которого стала установка мозаичного пола. К сожалению, повышенный интерес к памятнику туристов привел к тому, что в последние года мозаичное полотно вновь оказалось в фондах.

³ См.: Рыжов С. Г. Новые данные о «базилике в базилике» // Античный мир. Византия. Харьков, 1997. С. 294. Это свидетельствует о том, что ранний храм был возведен или между 527–565 гг., или несколько позднее: по А. Л. Якобсону — в VI в., согласно мнению С. Б. Сорочана — во 2-й половине VI — начале VII в. При отсутствии для Херсона надписей о закладке храмов более точно говорить о времени строительства не представляется возможным. Это, в сущности, и порождает «избирательность дат» в соответствии с концепцией исследователей. Для поздней — малой — базилики С. Г. Рыжов принял датировку А. Л. Бертье-Делагарда. Разрушение базиликальных хра-

В определении времени строительства Уваровской базилики К. К. Косцюшко-Валюжинич и А. Л. Бертъе-Делагард были единодушны. Расхождение мнений между ними вызвало исследование загородного монастыря (монастырь Богородицы Влахернской). Дискуссия,

мов, согласно мнению А. Л. Якобсона, произошло в X в. Вероятной причиной мог стать поход Владимира. Анализ находок из «слоев разрушения X в.» показал, что они отложились, скорее всего, в XI в. (об этом см.: Романчук А. И. Слои разрушения X в. в Херсонесе: К вопросу о последствиях Корсунского похода Владимира // ВВ. 1989. Т. 50. С. 182—188). В данной работе как возможная причина разрушений в городе предполагается землетрясение. О правомерности гипотезы пишет крымский исследователь В. В. Хапаев, на основании топографии Херсонеса показавший, что прекратили существование после катастрофы храмы, которые были возведены на рыхлом грунте. Правда, автор относит это событие к рубежу IX—X вв., но не связывает с походом князя Владимира. Основанием для него послужил анализ монет из слоев разрушения. При этом он отмечает, что «разночтения» в датировке вызваны неразработанностью типологии монет, относящихся к началу XI в. (см.: Хапаев В. В. К вопросу о причинах разрушения Херсонеса Таврического на рубеже X—XI вв. // Материалы научной конференции «Ломоносовские чтения» 2004 г. и Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов—2004». Севастополь, 2004. С. 248—250; Он же. Разрушение Херсонеса на рубеже X—XI вв.: К изучению причины // БИАС. 2008. Вып. 3. С. 143—160). Безусловно, при отсутствии конкретных указаний источников, только лишь основываясь на стратиграфии памятников и находках невозможно точно датировать время их функционирования. В равной мере время разрушений можно отнести к середине—концу XI в., согласно мнению А. В. Сазанова, который полагает, что в конце столетия в Херсоне были произведены значительные строительные работы, основанием для него послужили материалы из заполнения водосборной цистерны и ситуация, выявленная в ходе раскопок М. И. Золотарева (Сазанов А. В. К интерпретации комплекса водосборной цистерны... С. 380). В краткой информации о памятнике С. Г. Рыжов повторяет свои наблюдения, отмечая, что часовня со склепом, пристроенная к южной стене, сооружена в X—XI вв. Позднее на месте баптистерия возникает ряд подсобных помещений и галерея, выходящая на улицу. Конец существования поздних строений вызвал пожар в третьей четверти XIII в. (см.: Рыжов С. Г. Базилика в базилике // Ранневизантийские сакральные постройки... С. 67—70).

начатая в начале XX в., не утихла и сегодня. Анализ архивных материалов, в которых отражено изучение памятника, позволяет увидеть и как рождались гипотезы о назначении сакральных построек, и какие обстоятельства сопутствовали этому.

Монастырь Богородицы Влахернской: время и причины строительства

Хорошая сохранность стен храма и ограды вокруг него привлекали внимание еще до начала раскопок. Сооружение указано на одном из первых планов Херсонеса (К. И. Габлиц, 1786), описание имеется в сочинениях П.-С. Палласа¹ и П. И. Сумарокова². Если вести отсчет обращения к памятнику с той поры, то можно считать, что его изучение длится более двух веков. Но дискуссия о назначении и времени строительства началась после раскопок К. К. Косцюшки-Валюжинича.

В первой публикации, посвященной храму, расположенному на некрополе, А. Л. Бертье-Делагард писал: «Храм представляет редкое, до сих пор не встречавшееся явление в Херсонесе; он никогда не подвергался переделкам и его остатки дошли до нас точно в том самом виде, как были построены при Юстиниане. ... Наибольший интерес имеет фрагмент фрески — лицо мужчины в нимбе, показавшийся мне весьма близким к равенской мозаике — портрету Юстиниана. ... Великолепная мозаика с птицами и павлином того же времени. В диаконнике в стене кирпичного водоема, сделанного для омовения рук и сосудов, была найдена в одном месте заделанная в кладку кучка монет, почти исключительно Юстиниана и несколько более раннего времени». До возведения крестообразного храма здесь находилась надмогильная церковь небольшого размера. «На некотором расстоянии, — отмечал далее исследователь, — были открыты остатки стены: вероятно, в целом, комплекс представлял собой отделенную от города крепосцу с храмом, вокруг которого располагались могилы и склепы, в том числе

¹ См.: Паллас П.-С. Путешествие по Крыму... С. 107–108.

² См.: Сумароков П. И. Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду. СПб., 1803. Т. 1. С. 205.

и языческие, поэтому о первых веках христианства, о катакомбах и могилах мучеников не может быть и речи». Под храмом расположен ход, по мнению А. Л. Бертье-Делагарда, сооруженный для сообщения с городом, но оставшийся недостроенным, так как при строительстве начали поступать грунтовые воды. Построена была «крепосца для обеспечения безопасности; и для связи с городом предполагалось устроить тайный ход»¹.

Итак, время появления храма — это период правления Юстиниана I. Ранее здесь находилась надмогильная церковь небольшого размера. Храм просуществовал до IX в.: «Об этом свидетельствует то, что монеты IX—X вв., столь обильно находимые в Херсонесе, не найдены»².

После одного из посещений Херсонеса епископ Симферопольский и Таврический Николай сообщал в Синод: «Если факт влияния Корсуны на Киевский период нашей истории и многое из церковной жизни неоспоримо, то полагаю, что для нашей церковно-исторической науки не должно быть безразлично, где и как будут храниться такие драгоценные вещи, как те, что доселе были найдены». (Выше в послании он жаловался на Косцюшку-Валюжинича, что тот «по своему усмотрению» распределяет находки). «Если только мое предположение не ошибочно, то в открытых развалинах был монастырь, в котором жил епископ Херсонеса и где была усыпальница епископов»³.

¹ Бертье-Делагард А. Л. По поводу раскопок в Херсонесе. Протоколы // ЗООИД. 1906. Т. 26. С. 4—5.

² Там же. С. 8. Дискуссия К. К. Косцюшки-Валюжинича и А. Л. Бертье-Делагарда велась не только в печати (в дополнениях к отчетам), но и в личной переписке: «Ваши расследования крайне любопытны. ...Важно расследовать самую середину храма, ... уже можно сказать, что первоначальное назначение здания не было храмовым в нашем смысле этого понимания» (см.: Бертье-Делагард А. Л. — К. К. Косцюшке-Валюжиничу, 09.03.1906 г. // Арх. НЗХТ, д. 44, № 360).

³ Николай, епископ. Представление в Синод, 26.06.1899 г. // Арх. НЗХТ, д. 40, л. 102. Интерес епархии к раскопкам загородного храма вызван прозвучавшей в послании епископа Николая гипотезой. Обратим внимание, что в первом сообщении о раскопках А. Л. Бертье-Делагард подчеркивал, что на некрополе располагались могилы не только христиан.

На первый взгляд казалось, что преосвященный благожелательно отнесся к проводимым раскопкам. Свидетельством служит запись в книге посетителей: «С величайшим удовольствием и с глубочайшим интересом рассматривал вновь открытый храм с катакомбами и пещерами христианскими I—V вв. Честь и благодарение Н. К. Косцюшко¹ за его труд на пользу науке, желательно бы видеть такое же отношение к сему делу и всех тех, кому дороги интересы православия и кто сверх всего этого имеет еще власть и средства помогать доброму делу»².

Извещая руководство Императорской археологической комиссии о посещении раскопок Владыкой, К. К. Косцюшко, сославшись на мнение Н. П. Кондакова, писал: «Храм этот был сначала памятником, сооруженным в V в. н. э. над катакомбой, проходившей под ним и служившей усыпальницей, быть может, одного из епископов, пострадавших за христианскую проповедь, и что уже потом он был обращен в церковь...

Епископу Николаю угодно было предположить иное объяснение значения этого места и прочитавшего отрывок из всем известной летописи Нестора о перекопанном Великим князем Владимиром трубном водопроводе, Его Преосвященство высказал убеждение, что из колодца вода была проведена трубами в древний город и что именно здесь и имелось место, описанное у Нестора». И далее К. К. Косцюшко замечает, что «водопровод входил в древний город в юго-западном углу, направление его давно выяснено до самих источников, а колодец при храме вырублен в скале специально для христианской катакомбы»³.

Но в послании в ИАК епископ Николай выражал недовольство деятельностью исследователя, считая необходимым обратить внимание Археологической комиссии на «отношение г. Косцюшко к раскапываемым могилам христиан, а также вообще к церковным святыням. Г. Косцюшко выбрасывает кости из могил прямо в мусор, забывая, что это по правилам святой церкви называется оскорблением святыни и

¹ Полное имя Косцюшки-Валюжинича Карл Николай Казимир.

² Николай, епископ. Запись в книге отзывов // Арх. НЗХТ, д. 452, л. 42.

³ См.: Косцюшко-Валюжинич К. К. Рапорт в ИАК о посещении императорской семьи, 12.05.1902 г. // Арх. НЗХТ, д. 40, л. 225—232.

влечет за собою отлучение от св. Причастия на десять лет¹. ... В катакомбах, им раскрытых, было 58 погребений первых христиан (и, может быть, священномученика Василия), он не сказал того, что все эти кости (имеется в виду разговор с императором) он святотатственно выбросил в мусор. А для нас, православных христиан, эти кости составляют святыню. ... Предписать, чтобы впредь костей не выбрасывать, куда попало, а собирать их в ящик и относить на монастырское кладбище, где они и будут предаваться земле по христианским правилам. Церковные предметы отдавать в монастырь, а не хранить вместе с языческими»².

В дополнении к отчету за 1902 г. К. К. Косцюшко-Валюжинич писал о несогласии с рядом предположений А. Л. Бертье-Делагарда. Наибольшие возражения (и не только у К. К. Косцюшки) вызвал тезис о том, что здесь располагалась «крепосца»³.

¹ В объяснениях по этому поводу сказано, что все кости свозятся в одно место, хоронят подобно братской могиле. Правда, К. К. Косцюшко иронически заметил, что определить, какие из останков являются христианскими, чтобы похоронить их в соответствии с обрядом, невозможно. В отношении хранения рядом языческих и христианских древностей он указал, что в монастырском складе аналогичное положение (см.: Отношение в ИАК, 21.11.1902 г. // Арх. НЗХТ, д. 40, л. 261). В последующем его сын еще раз отмечал, что около крестообразного храма были захоронены не только христиане: здесь были обнаружены также языческие погребения (см.: Косцюшко Д. Н. Некрополь у крестовидного храма в Херсонесе. Раскопки 1907 г. // ИТУАК. 1912. № 46. С. 124–134).

² См.: Николай, епископ. Отношение в ИАК, 24.10.1902 г. // Арх. НЗХТ, д. 40, л. 259.

³ Предположение А. Л. Бертье-Делагарда о «крепосце» вызвало возражения и у посетившего раскопки Э. Р. Штерна (см.: Штерн Э. Р. Новый эпиграфический материал // ЗООИД. 1906. Т. 26. Протоколы. С. 74–78). Отчет о раскопках был написан и послан в ИАК до того, как К. К. Косцюшко ознакомился с докладом А. Л. Бертье-Делагарда, поэтому он не учел его замечаний, с которыми не был согласен. Отражением дискуссии является приложение к отчету за 1902 г. (копия статьи Э. Р. Штерна и А. Л. Бертье-Делагарда с пометками К. К. Косцюшки (Косцюшко-Валюжинич К. К. Дополнение к отчету о раскопках в Херсонесе в 1902 г. // Арх. НЗХТ, д. 11, л. 31–39). В данном случае можно показать, как рождаются «историографические легенды» в

К. К. Косцюшко-Валюжинич полагал, что если бы строители хотели соединить храм тайным ходом с городом, то он должен был начинаться в другом месте. В ответ на замечание А. Л. Бертье-Делагарда, что удивление вызывает расположение храма за городом, он назвал еще один «загородный храм», который имел два разновременных строительных периода¹.

В последующем к вопросу о времени строительства и объяснению причин появления южного загородного монастыря историки Херсонеса возвращались неоднократно. Первым стал Д. В. Айналов, который пришел к выводу, что за городом располагался монастырь с кладбищенским

наши дни. В одной из заметок, посвященных деятельности Одесского общества истории и древностей, следующим образом объяснено отсутствие работ К. К. Косцюшки в «Записках» общества: его «статья ... появилась впервые только в 1901 г. Вероятно, это стало результатом сложных отношений руководителя херсонесских раскопок и некоторых членов Общества» (Шаманаев А. В. Деятельность Одесского общества истории и древностей по изучению Херсонеса // АДСВ. 2003. Вып. 34. С. 424). Молодой человек, вероятно, не знает, что к мнению А. Л. Бертье-Делагарда, фактического главы Одесского общества, «руководитель херсонесских раскопок» всегда прислушивался, обсуждая с ним открытые памятники. Пожалуй, единственный серьезный спор между ними вызвала интерпретация раскопок загородного монастыря (1902). Но и позднее, о чем свидетельствуют письма А. Л. Бертье-Делагарда, он делился своими наблюдениями с К. К. Косцюшкой. Частыми гостями были в Херсонесе и другие члены общества, в частности Э. Р. Штерн, который по некоторым вопросам дискутировал с А. Л. Бертье-Делагардом, что не являлось препятствием для публикации статей в Записках общества.

¹ Выше уже говорилось о его раскопках. Расположен на высоком холме по направлению от городских стен к загородному южному крестообразному храму. В отчете К. К. Косцюшки сказано, что сооружение представляет собой большой однонефный храм с притвором. После его разрушения был сооружен храм меньших размеров с пристройкой с юго-восточной стороны, в которой обнаружено 10 гробниц. В отчете упомянуты керамиды с метками в виде тамги. Это позволяет датировать строительство временем не ранее XI—XII вв. Позднее около западных стен Херсонеса, также на участке некрополя, В. М. Зубарь открыл крестообразный храм. В ходе раскопок выявлено, что в центральной части его (после разрушения) возведен однонефный храм.

храмом Богородицы Влахернской. Возможно, здесь и был погребен отбывавший ссылку в Херсоне папа Мартин¹. Следует упомянуть и мнение относительно раннего сооружения М. И. Ростовцева, предполагавшего, что мартирий был построен над могилами спутников св. Василия, пострадавших во время гонений на христиан при Диоклетиане. Сам же Василий похоронен в другом месте (за западными воротами)².

Следующим наиболее полным обращением к истории комплекса стала монография А. Л. Якобсона, не согласившегося с тезисом А. Л. Бертье-Делагарда о «беспримерности» расположения храма за пределами города³, который он отнес к сооружениям первой половины VI в. В X в. были произведены «переделки» (как отмечено К. К. Косцюшкой-Валюжиничем), затем храм превратился в «сплошную усыпальницу»⁴. Подробно анализируя все данные о памятнике, А. Л. Якобсон писал, что первоначально крестообразный храм являлся мавзолеем и не имел алтаря и только во второй четверти VI в. стал храмом, который украшала великолепная мозаика с павлинами. Рядом находились различные постройки и часовня. Сопоставлять храм с равненскими памятниками, как это было свойственно А. Л. Бертье-Делагарду, по его мнению, вряд ли правомерно⁵.

¹ См.: Айналов Д. В. Мемории св. Климента... С. 81–83.

² См.: Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись... Т. 1. С. 505. Доказательства приведены: Сорочан С. Б. О храме Созонта, «Доме св. Леонтия» и мартирии св. Василия в раннесредневековом Херсоне // АДСВ. 2003. Вып. 34. С. 146–173. Повторно к данному сюжету обратился В. М. Зубарь (см.: Зубарь В. М. О времени и обстоятельствах строительства комплекса западной базилики Херсонеса-Херсона // Археологія. 2006. № 1. С. 25–41 (на укр. яз.). С именем Василия С. Б. Сорочан связывает два памятника: расположенную рядом с западной базиликой (№ 13) часовню (№ 12), считая ее гробничным мартирием Василия, и крестообразный храм на центральной площади города, возведенный, согласно его мнению, в конце VI — первой половине VII в. (№ 27; см.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 1026).

³ См.: Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 202.

⁴ См.: Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 202.

⁵ Там же. С. 204.

В 1953–1954 гг. во время реставрационных работ, вызванных переносом мозаики на территорию заповедника, О. И. Домбровский обнаружил под полом фрагменты глазурованных сосудов IX–X вв. Это привело к иному видению хронологии строительства: крестообразного плана храм с мозаичным полом возведен не ранее X в. над разобранной до фундамента часовней VI в. В кладке стен храма еще К. К. Косцюшко выявил следы ремонтных работ, в результате которых постепенно менялся облик храма: были заложены все окна и двери, кроме западной; в восточном крыле сооружен синтрон (восточная ветвь стала алтарем); появился жертвенник и диаконник с небольшой круглой апсидой¹. Так называемый подземный ход, прорубленный в скале под храмом, использовался как водосборная галерея². Единодушен с мнением О. И. Домбровского о времени строительства храма киевский архитектор Ю. Г. Лосицкий. Основанием для выявления хронологии памятника, как и других крестообразных храмов, стали характерный для эпохи строительный модуль и отчасти аналогии³.

Соображения О. И. Домбровского о времени строительства крестообразного храма вызвали критику. Одним из основных аргументов оппонентов является то, что встреченные в субструкции

¹ Мнение о длительном существовании монастыря со ссылкой на материалы раскопок О. И. Домбровского было воспринято А. И. Романчук.

² См.: Домбровский О. И. Средневековый Херсонес // Археология Украинской ССР. Киев, 1986. Т. 3. С. 542.

³ См.: Лосицкий Ю. Г. Западный загородный храм: Архитектурная реконструкция // ВВ. 1990. Т. 51. С. 172–173; также см.: Он же. Опыт реконструкции крестообразных храмов Херсонеса // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988. С. 27–36; Он же. К вопросу об эволюции типологии монументальной архитектуры средневекового Крыма // Археология. 1990. № 2. С. 33–47 (на укр. яз.). Сомнение в такой датировке памятника высказал австрийский исследователь А. Пюльц (см. его статью, посвященную храмам Херсона: Pülz A. Die frühchristlichen Kirchen... S. 45–78). Эта точка зрения приведена в обзорной библиографической статье польского специалиста по христианской археологии Е. Ястжебовской (Jaszebowska E. Chersonèse dans l'Antiquité tardive: état de recherches et bibliographie // Ant Tard. 2001. Vol. 9. P. 399–418).

пола фрагменты глазурированной посуды попали сюда случайно в ходе ремонтных работ¹.

Возвращением к обсуждению вопроса о последовательности строительства сакральных комплексов на некрополе стала фундаментальная статья Л. Г. Хрушковой.

Исследовательница подчеркнула сложность проблемы датировки храмов Херсонеса, далее отметила, что при дискуссионности времени строительства относительного фактически каждого из сооружений данного вида наибольший разброс дат существует для монастыря Богородицы Влахернской, в состав которого последовательно входили: мавзолей-мартирий (небольшого размера, прямоугольного плана), поздний, возникший над его руинами мартирий и, наконец, церковь обычного культа для совершения евхаристии. Отдав должное подготовленной В. А. Кутайсовым публикации отчетов О. И. Домбровского, она замечает, что все крестообразные храмы Херсона возводятся не позднее VI в. На участке, где возник сакральный комплекс, от наиболее раннего времени, судя по отчету, сохранились только остатки могилы, над которой в последующем и построен мартирий². Обращение к аналогичным памятникам показывает, что они, как и ранний мартирий загородного монастыря, появляются в близкое время. Отвергая мнение А. Л. Бертье-Делагарда о том, что в городе новые строительные приемы появились позднее в сравнении с другими районами Византии, она отсылает к примерам близких по конструкции и планировке памятникам, приводя параллельно и некоторые логические соображения. Согласно ее мнению, епископ Херсона Эферий во время работы Второго Вселенского собора мог узнать о таких постройках от епископов Милетия и Прокопия, создателей двух других мартириев³, что и вызвало его наме-

¹ См., напр.: Завадская И. А. Еще раз о датировке загородного крестообразного храма и его мозаиках // Восток — Запад: Межконфессиональный диалог. Севастополь, 2003. С. 51—59.

² Л. Г. Хрушкова приводит близкий пример — теофанический мартирий в Палестине в г. Флавии Неаполисе, возникший на месте колодца Иакова. Позднее здесь была возведена церковь. Другая аналогия — сакральное сооружение в Каусье в пригороде Антиохии, возведенное в 381 г.

³ См.: Хрушкова Л. Г. О начале христианства ... С. 399.

рение «увековечить» память херсонесских мучеников¹. Следовательно, ранний комплекс возникает в конце IV или на рубеже IV—V вв. Это соответствует находкам монет, обнаруженным во время раскопок.

Являясь одним из наиболее информированных светских специалистов в области церковной топографии, в значительной мере благодаря регулярной работе в библиотеках Франции и Италии и участию в конгрессах по христианской археологии, Л. Г. Хрушкова имеет возможность широких сопоставлений с памятниками других регионов, что делает ее реконструкции облика херсонесских памятников, как и обоснование периодизации строительства, вполне убедительными. Безусловно, некоторые из логических допущений при этом являются не более чем гипотезами, в частности предположение о том, что при строительстве Эферий «предусмотрел» место для собственного погребения².

Согласно мнению Л. Г. Хрушковой, почитание мучеников привело к увеличению раннего мартирия, а затем и к возведению кладбищенской церкви. Именно ее, украшенную мозаичным полом, следует связывать, вслед за Д. В. Айналовым, с храмом Богоматери Влахернской, в котором позднее похоронили ссыльного папу Мартина³. Ремонтные работы вызваны длительностью функционирования сакрального зда-

¹ Еще одна аналогия: мавзолей в Равенне Галлы Плацидии, имевший один вход, что свидетельствует о его частном характере. Мавзолеи с четырьмя входами (как в мартирии загородного монастыря) в ветвях креста служили для раздельного входа мирян и клира (центральный вход).

² Возвращением к теме является доклад на IX Крымской конференции по религиоведению (Хрушкова Л. Г. Мартирии и епископы Херсонеса Таврического IV—V вв. // Небесные патроны и земные служители культа: Тез. докл. и сообщ. Севастополь, 2007. С. 54—55). Вслед за К. Цукерманом она отметила, что «Жития св. епископов Херсонских» являются «многослойным памятником».

³ См.: Айналов Д. В. Мемории св. Климента... С. 67—88. Топографии средневекового Херсона был посвящен доклад Д. В. Айналова: Заметки по исторической топографии средневекового Херсонеса // Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи: Тез. докл. Керчь, 1926. № 6. С. 40; также см.: Grabar A. Martyrium. Recherches sur le culte des reliques et l'art chrétien antique: Album. P., 1940. T. 2. P. 158—159.

ния, что объясняет попадание фрагментов глазурованной керамики в субструкцию мозаичного пола. При идентичности используемых в течение длительного времени растворов археологически «отделить новый» раствор не представляется возможным. Поздний храм датируют находки монет Юстиниана I, которые упоминаются в отчетах К. К. Косцюшки-Валюжинича, работах А. Л. Бертье-Делагарда и А. Л. Якобсона.

Подробно останавливается Л. Г. Хрушкова и на интерпретации помещений храма, уточняя использование терминологии, в частности, в отношении предположения диакона Н. Е. Гайдукова о том, что памятник имел «крипту»¹, она замечает, что углубление, которое он, как и другие, считает криптой, должно быть обозначено термином «конфессия» (о чем свидетельствуют его размеры). А в южном помещении храма находилась купель, поэтому оно вряд ли являлось диакоником, в северном хранились литургическая посуда, дары и одеяния священнослужителей. Подробно описав мозаичное полотно, Л. Г. Хрушкова отметила оригинальность его исполнения и хорошую работу, относящуюся к эпохе Юстиниана I².

Следующий сюжет, который освещен в статье, — это датировка склепов. Методика фиксации, характерная для XIX — начала XX в., не позволяет уверенно судить о топографии языческих и христианских захоронений. Сложность их выделения делает особо значимыми склепы с христианской символикой, для живописи которых характерен и раннехристианский репертуар. В отличие от В. М. Зубаря, датирующего

¹ Об этом см.: Гайдуков Н. Е. Отверстия для вложения мощей в престолах византийских храмов Херсонеса // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: Материалы II Судакской конф. Киев; Судак, 2004. Ч. 2. С. 51–63.

² В дополнение к приводимым Л. Г. Хрушковой ссылкам о ранневизантийских мозаиках следует обратить внимание также на мозаичные полы раннехристианских храмов, открытые в 15 км от Сандански (юго-западная Болгария), для которых характерны ромбы, вписанные в окружность, окаймленные четырехполосным прямоугольником, по его периметру расположена вьющаяся виноградная лоза. Исследователи датируют мозаичное полотно второй половиной V в. (см.: Asamer B., Zimmermann B. Die Mosaiken der Frühchristliche Kirche bei Mikrevo/Sandanski // MiChA. 1989. Bd. 4. S. 31–44).

росписи VI—VII вв.¹, Л. Г. Хрушкова полагает, что склепы появились на некрополе Херсона в IV в. Помимо аналогий, об этом свидетельствует изображение хризмы.

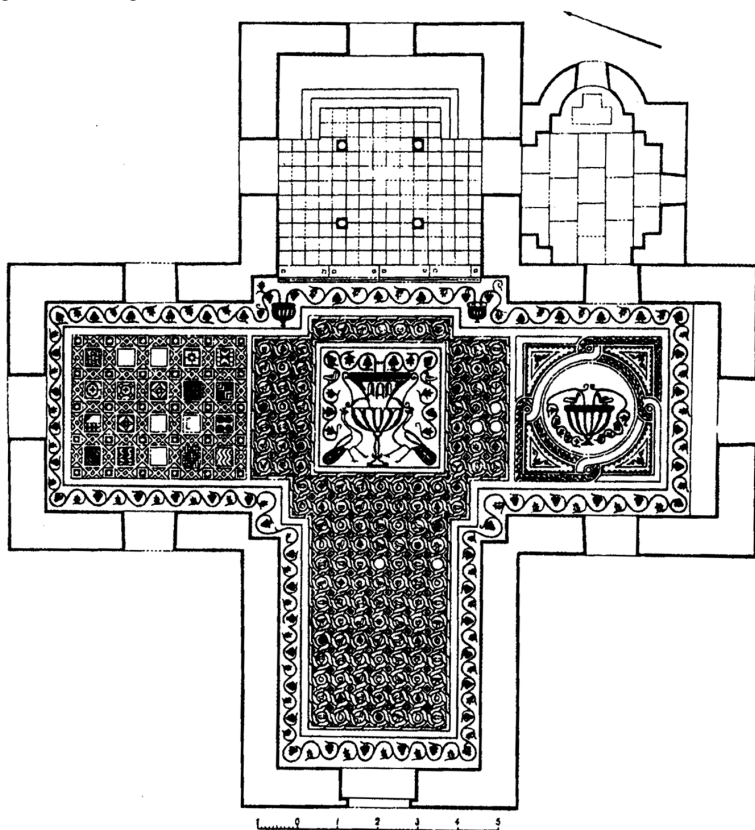

Рис. 7. План Восточного загородного монастыря

Фактически одновременно с работой Л. Г. Хрушковой появилась еще одна статья, посвященная монастырю Богородицы Влахернской — это статья С. Б. Сорочана, уделяющего в последние годы большое внимание

¹ Кроме упоминавшихся работ см.: Зубарь В. М. Еще раз о датировке раннехристианской росписи склепа № 1, исследованного в 1998—1999 гг. на территории некрополя Херсонеса // ССб. 2004. С. 75—82.

историко-топографическим штудиям. Он солидарен с Л. Г. Хрушковой в том, что историю монастыря следует начинать с возведения малого раннего мартирия, но относит его появление к V в., полагая, что в VI в. он был снесен и заменен крестообразным храмом с мартирием. На конец VI — начало VII в. приходится его переделка, итогом которой и стало появление церкви «обычного культа» с установкой алтаря для отправления литургии. Вероятно, полагает С. Б. Сорочан, одновременно комплекс был обнесен оградой. Внутри нее находились мартирий и мощная агиасма, посвященная Богоматери-Целительнице. Так в одном сооружении совмещалось отправление различных обрядов: «обычного, мемориального, крещального и целительного». В таком виде монастырь существовал до следующей перестройки — не ранее IX в., оставаясь и позднее священным местом¹.

К каким же выводам пришли исследователи в результате более чем столетнего обращения к комплексу сооружений загородного (южного) монастыря?

Начальный период функционирования комплекса приходится на IV—VI вв. — это строительство мартирия над усыпальницей одного из херсонских епископов, как предполагали Н. П. Кондаков и М. И. Ростовцев. В первой — второй четверти VI в. сооружение кардинально изменилось, украшено мозаичным полом и настенными фресками, среди которых в отчетах упоминается изображение трех святых. В следующий период — в X—XI вв. — **производились ремонтные работы** в синтроне. Вполне вероятно, они вызваны разрушениями (можно вспомнить о возможном землетрясении в XI в.). В последний период — четвертый (поздневизантийский) — храм перестал использоваться как кладбищенская церковь и превращен в усыпальницу². Такими выводами завершилась к концу XX — началу XXI в. дискуссия о назначении и времени строительства храма «внутри крепосцы», которую вели К. К. Косцюшко-Валюжинич и А. Л. Бертъе-Делагард.

¹ См.: Сорочан С. Б. К вопросу о датировке и интерпретации херсонесского загородного монастыря Богоматери Влахернской // ХСб. 2004. Вып. 13. С. 211—232

² Описание фресок и мозаичного пола см.: Яшаева Т. Ю. Крестообразный загородный храм // Ранневизантийские сакральные постройки Херсонеса... С. 93—97.

В связи с обращением к Южному загородному монастырю следует отметить работу В. М. Зубаря, уже упоминавшуюся выше, в которой при изложении методики раскопок поставлен вопрос о необходимости коллективной, комплексной работы над коллекцией артефактов, хранящихся в фондах Херсонесского заповедника¹.

Проблема классификации и введения в научный оборот находок не является новой. Об этом говорил при подготовке серии «Памятников христианского Херсонеса» Д. В. Айналов. С тех пор прошло почти сто лет.

О том, что необходимо сделать для изучения Херсонеса и его древностей, изложено Д. В. Айналовым в докладной записке по поводу издания серии «Памятники христианского Херсонеса». (О чем уже говорилось выше). Среди задач, касающихся публикации находок, Д. В. Айналов отметил необходимость изучения в целом топографии города². Следует напомнить еще один сюжет, интересовавший исследователя — расположение храмов, упоминаемых в агиографии в связи с деятельностью в Херсоне Константина Философа.

Свидетельства агиографии о Константине Философе

Пребыванию в Херсоне Константина Философа, как и в целом его миссии в Северное Причерноморье, посвящены многочисленные работы³. Если останавливаться на исследованиях, касающихся непо-

¹ См.: Зубарь В. М. История и методика раскопок... С. 670—707. Следует отметить ценность схематического плана захоронений, прилагаемого к работе (см. рис. 3).

² Айналов Д. В. Докладная записка об исследовании Херсонеса, приложение к письму гр. Уваровой, пр. МАО № 0528 // Арх. НЗХТ, д. 41, л. 23—24.

³ См.: Можаяева И. Е. Библиография по кирилло-мефодиевской проблематике, 1945—1974 гг. М., 1980. Миссии 860/861 г. в хазарские земли посвящена статья С. Николова с обширной библиографией: Nicolov S. The Magyar connection or Constantine and Methodius in the steppes // BMGS. 1997. № 21. Р. 79—92. Одним из наиболее поздних обращений к миссии Кирилла и Мефодия является статья: Станков Н., священник. Споры в историографии о целях хазарской миссии равноапостольных Кирилла и

средственно Херсона, то в числе наиболее ранних необходимо вспомнить монографию львовского филолога И. Франко¹, встретившую существенную критику у современников.

Итак, настало время поближе познакомиться с некоторыми свидетельствами Жития св. Константина Философа и св. Мефодия.

В «Житии Преподобных Мефодия и Кирилла» говорится: «Прежде всего, святые братья отправились в сопредельный хазарам греческий город Херсон. ... В Херсоне Константину удалось найти «Евангелие и Псалтирь, русскими письменами писаны», а также человека, говорившего этим языком. ... Здесь же святые братья узнали, что мощи святого священномученика Климента, папы римского, находятся в море. Они стали убеждать херсонского епископа открыть святые мощи. О сих мощах повествуется следующее.

Когда святой Климент был заточен из Рима в Херсон и многих обратил там в христианскую веру, тогда игемон Авфидиан, по повелению царя Траяна, приказал потопить его в море, навязав на его шею корабельный якорь, чтобы христиане не смогли отыскать тела его.

Мефодия // Мир православия (Волгоград). 2000. Вып. 3. С. 21–27. Автор, не останавливаясь на деталях, отличающих точки зрения исследователей, заметил, что в историографии существует несколько концепций: миссия была предпринята с целью проповеди среди славян, живших в хазарских землях; ее задачей являлось просвещение хазар и создание церковной организации для хазарских христиан. Он полагает, что следует учитывать и религиозную, и политическую задачи миссии солунских братьев. На политический, а не на религиозно-просветительный характер миссии обращал внимание чешский историк Ф. Дворник (Dvornik F. *Les legends de Constantin et de Methode vues de Byzance*. Prague, 1933. P. 176; ср.: Obolensky D. *Six Byzantine Portraits*. Oxford, 1988).

¹ См.: Франко І. Сьвятий Климент у Корсуни // Зап. наукового товариства ім. Т. Г. Шевченка. 1902 (Львов). Т. 46, кн. 2, ч. 1–3; Франко І. Повне зібрання: В 50 т. Киев, 1981. Т. 34. С. 7–347; Он же. Сьвятий Климент у Корсуні, причинки до історії староруської легенди // Зап. наукового товариства ім. Т. Г. Шевченка. 1903. Т. 56, кн. 6, ч. 8 (критические замечания: Спиридонов Д. С. Д-р И. Франко. Св. Климент в Корсуни: Критико-библиографическая заметка // ИТУАК. 1914. № 51. С. 259–279).

Верные ученики святого стояли на берегу и с рыданием смотрели на потопление их учителя.

... По молитве христиан море отступило назад на три поприща. Народ, как древле израильтяне в Чермном море, пошел по сухому дну, и нашли мраморную гробницу, сделанную наподобие церкви, и там увидели лежащим святое тело и якорь, с которым был потоплен святой. Христиане намеревались взять оттуда святое тело, но вышеупомянутые ученики сподобились получить откровение, чтобы святыя мощи были оставлены неприкосновенными, а что каждый год в воспоминание святого море будет отступать назад на семь дней, давая желающим поклониться святым мощам. Так продолжалось 700 лет от царствования Траяна до греческого царя Никифора. По грехам же людей море перестало отступать назад в царствование Никифора, что доставило великую скорбь христианам¹.

Святыя Константин и Мефодий прибыли в Херсон, когда прошло уже более 50 лет со времени окончательного сокрытия святыя мощей. Георгий, блаженный епископ Херсона, которого святыя братья убедили открыть святыя мощи, прежде всего отправился в Константинополь к царю и патриарху взять у них позволение на сие открытие. Вместе с епископом из Константинополя на открытие святыя мощей прибыл весь клир церкви святой Софии. Затем все вместе, а также и святыя Константин и Мефодий, в сопровождении народа отправились на берег моря, надеясь получить желаемое.

... Тогда, по захождении солнца, сели на корабль и отплыли в море. ... Святыя мощи положили на корабль и с великой честью отвезли в город и положили в Апостольской церкви. Святыя Константин и Мефодий взяли часть святыя мощей и возили их всюду, куда сами ходили, пока не отвезли эту часть в Рим»².

¹ В связи данными о колебаниях уровня Черного моря следует обратить внимание на эти слова «Жития».

² Жизнь и труды Преподобных Мефодия и Кирилла // Избранные жития святыя, III–IX вв. М., 1992. С. 386–387. (Жития перепечатаны из: Четьи минии св. Дмитрия Ростовского с дополнениями из Пролога. М., 1902–1911. Кн. 1–12. См. также: Трендафилов Х. Три непубликувани преписа на Херсонската легенда // Глубины книжныя. Шумен, 2003. С. 7–66. Переводы

Конечно, с точки зрения современного человека некоторые слова Жития кажутся сомнительными. Вряд ли «на открытие мощей» при- был весь клир св. Софии, а епископ Херсона плавал в Константино- поль, чтобы заручиться согласием императора и патриарха. Факт же «переноса мощей» в город подтвержден другими, хорошо известными источниками, в которых приведены и названия некоторых храмов Херсона.

Кроме изложения событий в агиографических источниках боль- шой интерес представляет письмо Анастасия, бывшего во время пантификата Адриана II (867—872) библиотекарем, а в сущности являвшегося главой архива и канцелярии папы. Значимость и наи- большая достоверность содержания «Слова о перенесении мощей св. Климента», известного в славянском и латинском вариантах, определяется тем, что в основу его положен отчет Константина¹; свидетельства находившегося в ссылке около Херсона смирнского митрополита Митрофана².

Остановим внимание на основных сюжетах письма Анастасия Библиотекаря, чтобы показать их соответствие (или отличие) от из- ложенного в Житии.

различных вариантов Жития св. Константина приведены в приложении к монографии С. Б. Сорочана (см.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 1408—1476).

¹ Подтверждением этого являются слова из письма Анастасия Библио- текаря: «Так как [греческий] памятник деяний святого уже существует в латинском переводе, то требует перевода на латинский язык еще только то, что Константин, Философ Солунский, муж жизни апостольской, недавно на- писал об обретении мощей того же блаженного Климента» (*Epistola Anastasii apostolicae sedis bibliothecarii ad Gaudericum episcopum*, 1 // Лавров П. Жития Херсонских святых... С. 141).

² *Epistola Anastasii apostolicae sedis bibliothecarii ad Gaudericum episcopum*, 3 // Лавров П. Жития... С. 141. Пребыванию Митрофана в Крыму посвящена работа: Алексеенко Н. А. Митрофан Смирнский — ссыльный митрополит в Таврике // Небесные патроны и земные служители культа: Тез. докл. и сообщ. Севастополь, 2007. С. 3—4. Основанием обращения к личности Митрофана стала находка печати с именем опального иерарха.

Одной из причин забвения святого места стало прекращение явления чуда: «отступления моря», «народ начал мало помалу остывать в чествовании храма». «Охладела любовь многих, место опустело и стало необитаемым; храм разрушился, вся та область Херсонской стороны пришла в упадок». Существовала и боязнь варваров, которые «весьма часто наезжают туда», поэтому «епископ Херсона с очень немногочисленным населением оставался внутри того города, да и те, казалось, были скорее жители тюрьмы, чем города».

Анастасий, отметив, что детали он узнал от Митрофана, сосланного патриархом Фотием вместе с другими в местность неподалеку от Херсона, пишет, что Константин Философ, «находясь часто в Херсоне», — городе, пограничном с Хазарией, куда он был направлен императором Михаилом, «стал внимательно разведывать, где храм, где гробница, ... которые точно определялись в памятниках, о нем написанных».

Моление и чтение написанного о св. Клименте способствовали обретению реликвий.

Кроме того, в «Слове о перенесении мощей св. Климента» приведен ряд топографических деталей, гипотетически сопоставимых с памятниками Херсона.

Сакральные памятники Херсона и топографические детали Житий

В 1891 г. по рекомендации А. Л. Бертье-Делагарда предприняты раскопки на острове в Казачьей бухте. Сообщая о них в ИАК, К. К. Косцюшко-Валюжинич писал: «Так как на нем (острове) открыты остатки интереснейшего христианского храма (подводный храм св. Климента), не признает ли Комиссия возможным взять этот островок, вернее, полуостров в свое владение»¹. Легенда о существовании памятников, связанных с именем святого, начала обретать некоторые археологические свидетельства.

Во время научных экскурсий в связи с подготовкой тома «Развалины храмов» Д. В. Айналов рекомендовал К. К. Косцюшке обратить вни-

¹ См.: Косцюшко-Валюжинич К. К. — ИАК, 15.08.1891 г. // Арх. НЗХТ, д. 38, л. 64.

мание на исследование западной части городища, во-первых, потому, что здесь могут быть памятники, упоминаемые в «Слове о перенесении мощей св. Климента», а во-вторых, потому, что этот участок, будучи неохраняемым, подвергается разграблению.

Так постепенно начала формироваться гипотеза, в основу которой легли раскопки на Казачьем острове и свидетельства агиографии.

После Д. В. Айналова сопоставить раскопанные в Херсонесе храмы с топографическими деталями, приведенными в «Слове», попытался севастопольский врач Е. Э. Иванов. Он полагал, что один из храмов, упоминаемых в источниках, — храм Леонтия — это храм, открытый К. К. Косцюшкой-Валюжиничем в 1907 г. (юго-восточная часть городища, участок цитадели около 19-й куртины оборонительных стен)¹.

В 1926—1928 гг. В. Ф. Гайдукевич с целью проверки времени строительства и планировки так называемой базилики Леонтия—Лаврентия исследует памятник. Раскопками было установлено, что сооружение состояло из небольшого помещения, ориентированного на северо-восток и имеющего полукруглую апсиду (длина храма 5,6, ширина 3,6 м); оно близко по размерам и отчасти плану к квартальным храмам города. В статье, посвященной итогам раскопок, В. Ф. Гайдукевич подчеркнул: «Нет никаких оснований называть такое сооружение базиликой». На расстоянии 9,0—10,0 м находился храм, открытый в 1907 г., по мнению В. Ф. Гайдукевича, он возведен в X—XI вв. и существовал до конца жизни города. На основании стратиграфических наблюдений был сделан вывод о том, что так называемая базилика Леонтия—Лаврентия построена позднее храма².

Вернемся к мнению Д. В. Айналова, который предлагал вести раскопки от центра города к западу, считая, что это позволит обнаружить сооружения, отражающие путь, по которому были перенесены мощи св. Климента. Действительно, в западном районе города, на берегу

¹ См.: Иванов Е. Э. Херсонес Таврический // ИТУАК. 1912. Вып. 46. С. 105.

² См.: Гайдукевич В. Ф. Мнимая базилика Леонтия—Лаврентия // МИА. 1953. № 34. С. 299, 306. О сооружениях на территории цитадели см.: Антонова И. А. Административные здания херсонесской вексилляции и фемы Херсона: Раскопки 1989—1993 // ХСб. 1997. Вып. 8. С. 16.

моря около оборонительных стен, у ворот можно увидеть руины сакрального комплекса. Во время раскопок 1891, 1892, 1895 и 1901 гг. К. К. Косцюшко-Валюжинич открыл здесь трехнефную базилику с пятигранной с внешней стороны и полукруглой — с внутренней — апсидой, с нартексом, с южной стороны — галереей. В базилике сохранились остатки мозаичного пола: виноградный стебель и рисунок в виде паркета¹.

Периодизация строительной деятельности в северо-западном районе, по мнению работавших здесь Е. Г. Сурова и И. А. Антоновой, представляется следующим образом. До середины VI в. территория была занята некрополем. В одном из склепов, исследованных Е. Г. Суровым, обнаружены монеты первых десятилетий V в. В середине VI в. возводятся две новые куртины крепостной ограды и участок размером около 4 га оказался включенным в состав города. Возможно, в это же время сооружается рыбозасолочная цистерна, перекрывшая вход в склеп. После прекращения использования резервуара для приготовления рыбного соуса возведена базилика, функционировавшая до конца X — начала XI в.².

Итак, ко времени событий, описанных в агиографических источниках, в западной части Херсона существовал значительных размеров базиликальный храм. Для нашей темы он представляет интерес благодаря еще двум археологическим открытиям.

В 1969 г. с внешней стороны оборонительных стен был выявлен склеп³, в котором находились останки 31 человека. Большая часть их принадлежала мужчинам с различными врожденными заболеваниями, приведшими к деформации скелета и черепа. Вполне вероятно, что в склепе были похоронены умершие в богадельне, существовавшей при

¹ См.: Бармина Н. И. Мозаика Западной базилики // АДСВ. 1965. Вып. 3. С. 168—171.

² О периодизации строительства см.: Суrow Е. Г. К истории северо-западного района Херсонеса Таврического // АДСВ. 1965. Вып. 3. С. 138; Антонова И. А. Западный фланг обороны Херсонеса // СХМ. 1963. Вып. 3. С. 61; Романчук А. И. Очерки истории... С. 71, 91.

³ См.: Антонова И. А., Рыжов С. Г. Оборонительный ров и могильник около первой куртины стен Херсонеса // АИУ. 1972. Вып. 4. С. 262 (на укр. яз.).

монастыре, в состав которого и входила западная базилика. О том, что в городе имелся «нищеприемный дом», можно судить по керамическим штампам с изображением св. Фоки в лодке и надписью «Евлогия св. Фоки, покровителя нищеприемного дома Херсона»¹.

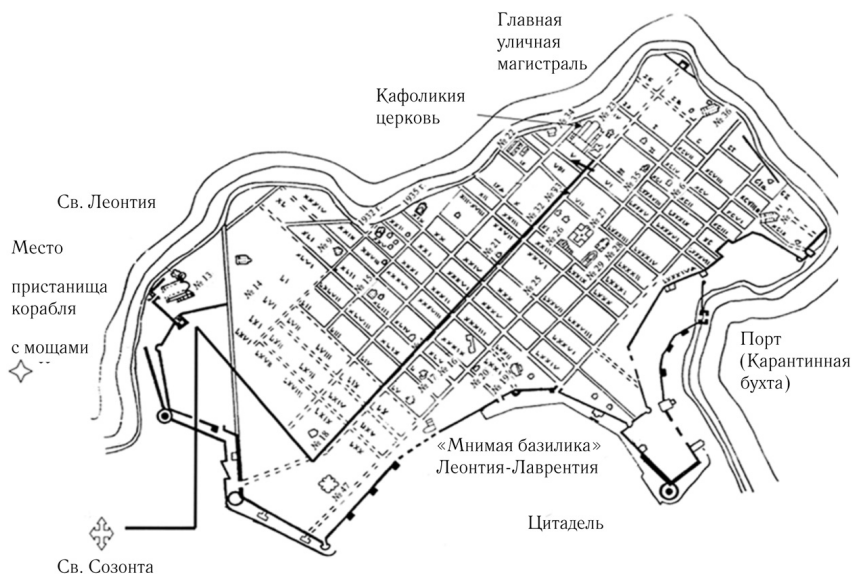

Рис. 8. Схематический план Херсонесского городища с указанием номеров кварталов и храмов

Позднее, также за пределами городских стен, был обнаружен крестообразного плана храм, прекративший существование не ранее X в.²

¹ Подобные находки датируются VI–VII вв.; см.: Ошарина О. В. Об одной херсонесской находке // Античный и средневековый город: Тез. докл. VII Сюзумовских чтений. Екатеринбург; Севастополь, 1994. С. 55; Она же. Глиняная евлогия св. Фоки из собрания Эрмитажа // Херсонес Таврический. У истоков мировых цивилизаций: Материалы науч. конф. Севастополь, 2001. С. 29–33.

² О его раскопках, датировке и реконструкции см.: Романчук А. И. Западный загородный храм Херсонеса // ВВ. 1990. Т. 51. С. 165–171; Лосицкий Ю. Г. Западный загородный храм: Архитектурная реконструкция // Там же. С. 172–173.

Так появились археологические свидетельства, которые стало возможным сопоставить с топографическими деталями «Слова о перенесении мощей».

Согласно Житию св. Константина, храм, построенный на островке в одной из бухт неподалеку от города, ко времени посещения им Херсона стоял заброшенным. Мощи св. Климента перестали являться херсонитам. После торжественных молений в хмурый январский день, как сказано в «Слове», воссияло солнце, и открылись святые останки. Кирилл и Мефодий в сопровождении множества народа и херсонского пастыря прибыли к островку на корабле, на котором и была перевезена рака к городу. Так как приближалась ночь, ее поместили в храм св. Созонта, «по стене града, близ забрал сушу»¹. В первую стражу ночи священнослужители во главе с архиереем перенесли ее в церковь св. Леонтия, где рака находилась до утра. До полуночи, по повелению архиерея, в храме совершались песнопения «убо мужеским полом, от полуночи до утра черноризицами и благоверными женами»². На следующий день после крестного хода рака была помещена в собор свв. Апостолов.

Латинский вариант «Слова» не имеет существенных расхождений: «Уже начало смеркаться, когда толпа вступила в храм святого Созонта, который расположен по соседству с городом, ... с тщанием оберегая мощи, только на следующий день перенесли их в церковь св. Леонтия». С наступлением дня «собравшаяся толпа с восхвалением пронесла мощи вокруг города и принесла к большой базилике»³.

Вполне возможно, что западный загородный крестообразный храм — это храм св. Созонта, о котором сказано: «по стене града близ забрал сушу; *in templo S. Sozontis*». Западная базилика — дом св. Леонтия (*ad ecclesiam S. Leontii*), в котором всю ночь, пока здесь находились мощи святого, проходила торжественная служба.

¹ Ср. цитируемые отрывки с новым изданием Корсунской легенды: Трендофилов Х. Три неопубликовани преписа... С. 8—19 (Волоколамская рукопись № 195). На с. 33 названо еще одно действующее лицо — священник церкви св. Прокопия.

² Слово о перенесении мощей Преславного Климента, 11.

³ См.: *Vita cum Translatione S. Clementis*, 5 // Лавров П. Жития... С. 144.

Утром реликварий был перенесен в «кафоликию» (*ad maiorem basilicam*).

В противоположном по отношению к западной базилике конце Херсона расположен один из крупнейших храмов Херсона (базилика № 23, или Уваровская).

Можно полагать, что судно с мощами из-за быстрого наступления темноты в зимнее время не смогло достичь удобной бухты (совр. Карантинная бухта), где находился порт. Оно причалило с западной стороны, где также имелась бухта, а на берегу — несколько храмов. На следующий день по главной, наиболее широкой улице процессия прошла через весь Херсон (обошла его, как сказано в «Слове»), перенеся реликварий в базилику № 23.

Имеют ли значение споры о приоритете?

При подведении итогов обращения к тому или иному историографическому сюжету приходится останавливаться на какой-то дате, избирая ее хронологическим рубежом. Выделять «рубежные года» можно различными способами. Наиболее приемлемый и обычно используемый — это круглые даты значимых событий в истории рассматриваемого объекта. Для Херсонеса-Херсона таким годом является 2007 г. — 180-й юбилей с начала раскопок. Однако вполне приемлемо завершение историографических экскурсов 2005 г., когда была опубликована монография С. Б. Сорочана, в которой подведен своеобразный итог многолетнего обращения к историческим судьбам Херсона раннесредневекового периода.

Сомнения в корректности тезиса о глубоком кризисе и «обезлюдении Херсона» получили подтверждение в археологических материалах, которые представлены в монографии С. Б. Сорочана; значительное внимание он уделил времени строительства и связи храмов с именами почитаемых в Херсоне святых. Безусловно, обращение к такому аспекту, как хронология строительства сакральных зданий, имеет большое значение для приближения к реалиям жизни херсонитов, как и уточнение (выявление) «временной протяженности» функционирования храма. Именно поэтому научный поиск в восстановлении «строительной биографии», будь то базилики или иные типы общественных зданий Херсона, будет

иметь продолжение. Консенсус в научных штудиях вряд ли полезен и достижим. При использовании археологических свидетельств не могут не возникать сомнения в хронологическом определении той или иной группы массового материала. Уточнение датировок артефактов сказывается на последующем использовании их при определении времени сооружения памятника. Логическая обоснованность той или иной гипотезы, не противоречащей показаниям источников, способствует появлению среди исследователей некоего единства мнений. Но обнаружение новых свидетельств, а в связи с этим и иных аргументов, приводит к кардинальному изменению выводов или же к их уточнению.

Мнение о времени функционирования памятников Херсона дискуссионно. И дело не только в методике раскопок, но в том, что находки, которые лежат в основе хронологических построений, не имеют узких границ бытования. Это относится к такому массовому материалу, как керамические изделия, в частности амфоры, так и к нумизматическим данным. Безусловно, корреляция уточняет хронологию образования культурного слоя, но для Херсонеса (и не только) отсутствуют закрытые комплексы, которые отражали бы типологические изменения в рамках соответствующих групп керамики в пределах хотя бы пятидесятилетий, поэтому невозможно создание последовательной хронологической шкалы. Именно потому приходится чаще всего при создании гипотезы, опираясь на всю совокупность археологических данных, в том числе и стратиграфию, говорить об относительной датировке памятника в широких временных пределах. Отражением являются фактически одновременно опубликованные статья В. М. Зубаря, монография С. Б. Сорочана и работа аспиранта Харьковского университета М. В. Фомина¹. Одним из аспектов, вызвавших дискуссию между ними, стала хронология сакральных сооружений, входящих в единый с Западной базиликой комплекс, а также то, какому святому они были посвящены.

Как уже говорилось выше, вопрос о том, где располагались храмы, названные в агиографических источниках, начали обсуждать еще в

¹ См.: Зубарь В. М. О времени и обстоятельствах строительства комплекса западной базилики Херсонеса-Херсона // Археологія. 2006. № 1. С. 25–41; Фомин М. В. О мартиріях при западній базиліці Херсонеса // БІ. 2006. Вип. 10. С. 132–152.

начале XX в. Остановим внимание на самых поздних работах, посвященных названиям храмов западной части Херсонесского городища. Время их публикации для такого аспекта, следует ли вести дискуссию о приоритете создания гипотезы, значения не имеет. Но поскольку вопрос об этом поставил С. А. Беляев, сначала обратимся к его точке зрения¹. В одном из примечаний к работе, посвященной реконструкции названий храмов Херсона, упоминаемых в «Слове...», он полагает, что его идею о том, что западная базилика являлась храмом св. Леонтия, «позаимствовали» другие исследователи² без соответствующих ссылок на его работу³. Далее автор сетует на то, что «почти дословно процитированы и поддержаны» его слова из газетной заметки⁴.

¹ См.: Беляев С. А. В какой храм в Херсонесе равноапостольные братья Кирилл и Мефодий положили святые мощи Климента I, папы Римского // Светильник. Церковное искусство и археология. 2001. Вып. 1. С. 23–39.

² См.: Романчук А. И. Западный загородной храм. С. 165–171

³ См.: Беляев С. А. В какой храм в Херсонесе... С. 38. Прим.

⁴ Действительно, заметка С. А. Беляева в газете «Литературная Россия» (1989. 26 мая. № 21/1373) появилась на несколько месяцев раньше по сравнению со статьей в «Византийском временнике», в которой были представлены результаты раскопок западного загородного храма (раскопки 1986–1987 гг.) и предпринято обращение к топографическим деталям Житий. При этом нельзя не заметить, что при публикации статьи, особенно в таком престижном, как иногда говорят, издании, как «Византийский временник», проходит больший срок между поступлением работы в редакцию и ее появлением в свет (не менее полутора-двух лет). Следовательно, в данном конкретном случае обвинение в «заимствовании идеи» можно направить в другую сторону. Статья А. И. Романчук находилась в портфеле редакции журнала несколько месяцев. Сотрудник сектора истории Византии С. А. Беляев за это время имел возможность с ней ознакомиться, тем более что все работы, предназначенные для публикации, рецензируются. Он является одним из специалистов по истории Херсонеса, потому можно полагать, что именно он и был рецензентом. Однако вопрос о «приоритете высказанных идей» не имеет никакого значения для истории Херсона. Данное замечание приведено для того, чтобы показать, как не следует вести дискуссию. Думается, что более верным является вывод о том, что два исследователя независимо друг от друга, основываясь на одном и том же круге источников, изложили свое видение связи топографических деталей и

Причиной нового обращения к сюжету «об обретении мощей св. Климента» другими авторами стала все же не газетная заметка, а раскопки в 1986 г. небольшого размера крестообразного храма у западных стен. Его с известной долей вероятности можно соотнести с храмом св. Созонта (расположен у стен города)¹. Ближайшей к нему в черте

археологических памятников. И произошло это потому, что только в последней четверти XX столетия стало возможным новое обращение к гипотезе, высказанной еще в конце XIX в. Д. В. Айналовым. Таким образом, гипотеза была «позаимствована» у Д. В. Айналова и у выдающегося российского эпиграфиста В. В. Латышева, который первым выказал ряд предположений о названиях храмов Херсона. Развитием мнений исследователей стала работа В. А. Кутайсова, напомнившего о чуде прибывшего в Херсон епископа Капитона, вошедшего в горящую печь для того, чтобы убедить херсонитов в истинности проповедуемой им веры.

¹ С. А. Беляев приводит возражения оппонентам в ряде статей, которые, безусловно, необходимо иметь в виду при обращении к исторической топографии Херсона: Беляев С. А. О храме апостола Петра в Херсонесе // Церковные древности: VIII Рождественские образовательные чтения. М., 2001. С. 5—28; Он же. Исторические предпосылки постройки кафедрального храма... С. 34. Нельзя не заметить, что если бы один из авторов «воспользовался» материалами более ранней работы, то оба исследователя согласились с тем, что западный загородный храм — это церковь св. Созонта. По мнению С. А. Беляева, храм св. Созонта был расположен в городской черте. Это отличает его гипотезу от топографических построений А. И. Романчук, что противоречит словам «о заимствовании почти дословно» им написанного. А если построения одного из авторов неверны, то он не мог «позаимствовать» их, при этом «дословно», у другого. Вместе с тем следует отметить, что С. А. Беляев действительно имеет приоритеты, но несколько иные: в выявлении связи отдельных частей сакральных сооружений с литургией, существовавшей в VII—IX вв. Такого обращения к археологическим памятникам Херсонеса, в сущности, до него не существовало. Данная тема получила развитие в диссертации ректора Саранского духовного училища отца Александра Пелина, которым рассмотрены церковно-топографические и литургические сюжеты (см.: Пелин А. Топография христианского Херсонеса, IV—XIV вв. Дис. ... канд. богословия. Сергиев Посад, 2001). Хотелось бы отметить также, что вряд ли московский исследователь (как и любой другой) будет иметь в распоряжении несомненные свидетельства, чтобы определить, как он обещает, мощи какого святого,

городской территории является западная базилика, которая могла быть церковью св. Леонтия, откуда реликварий утром следующего дня торжественно перенесен в большую базилику, или кафоликию, или храм свв. Апостолов.

В связи с изложением точки зрения С. А. Беляева новое обращение к гипотезе А. И. Романчук содержится в публикации С. Б. Сорочана, который, присоединяясь к ее мнению, привел и дополнительные аргументы¹.

Итак, если говорить о приоритетах, то следует отметить, что путь, намеченный Д. В. Айналовым и В. В. Латышевым в области церковно-

хранились в небольшой часовне, завершающей южную галерею Уваровской базилики. В ней располагается склеп, в который вела каменная лестница. Отметив особенности памятника, С. А. Беляев пишет, что часовня являлась мавзолеем, и интригует читателя обещанием в следующей статье назвать имя святого (Беляев С. А. В какой храм в Херсонесе... С. 32–33). Но вернемся к памятникам западного района. С. А. Беляев, с одной стороны, пишет, что его слова «повторены и поддержаны А. И. Романчук» относительно возможного соотношения названий храмов почти буквально, с другой, отмечает, что попытки локализовать некоторые из них у «похитительницы идеи» являются не удовлетворительными.

¹ С. Б. Сорочан не только склонен полагать, что данная гипотеза не противоречит возможному ходу событий, но и приводит детали, оставшиеся не замеченными. Основываясь на анализе всех вариантов «Слова...», он отмечает, что в предлагаемой С. А. Беляевым реконструкции «исчез» храм с внешней стороны оборонительных стен, где некоторое время находилась рака, пока стараниями стратига Никифора готовилось достойное место для ее пребывания, куда она и была торжественно перенесена на следующий день (Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 823–828). Безусловно, приятно читать о себе, что «исследовательница — одна из немногих, кто обратил внимание на такое приоритетное направление в церковной археологии, как изучение исторической топографии христианского Херсона» (Там же. С. 60). Признательна за поддержку, однако в научных изысканиях большую роль для приближения к реалиям прошлой жизни имеют дискуссия и критика, проверка временем достоверности гипотезы, потому-то большая благодарность С. Б. Сорочану за замечания и уточнения, высказанные им в рецензии на «Очерки истории и археологии византийского Херсона».

топографических штудий, получил развитие в работах конца XX — начала XXI в. Так проявилась связь идей и гипотез спустя фактически столетие. Не останавливаясь на аргументации, которая лежит в основе доказательств, какой из ныне раскопанных храмов Херсона был посвящен тому или иному святому, все же следует заметить, что любая из гипотез имеет право на существование, если она не противоречит показаниям источников, если доказательства в ее защиту убедительны¹. Однако «восстанавливая» страницы истории, необходимо помнить, что существует факт истории и исторический факт. Именно различие между ними обуславливает дискуссии, которые приближают к познанию реалий прошлого.

Продолжение дискуссии о памятниках, расположенных около западной базилики

В связи с интерпретацией комплексов в западной части городища следует обратиться к еще одному предположению, восходящему к работам С. Б. Сорочана и В. М. Зубаря, считающих, что одно из небольших сакральных сооружений являлось мартирием св. Василия. Рядом находились крещальня «Б» (или № 11), примыкающая к северному нефу западной базилики, и одноапсидная гробничная церковь, которая завершает южную галерею храма (носокомион, по датировке С. Б. Сорочана IX в.). **Комплекс зданий возник на территории некрополя, ряд склепов которого был исследован К. К. Косцюшкой, затем**

¹ Церковно-топографические изыскания в конце XX в. стали предметом внимания С. Б. Сорочана, который внес коррективы в логику построений своих предшественников и попытался соотнести упомянутые в источниках сакральные сооружения с археологическими реалиями. К их числу относятся: храм ап. Петра — восточная базилика, уже упоминавшаяся церковь св. Василия — крестовидный храм на агоре, Уваровская базилика — это епископальный храм свв. апостолов Петра и Павла. Он полагает также, что в портовом районе (квартал 1) существовал монастырь св. Феодора (см.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 1026). В ряде статей, предшествующих появлению монографии, исследователь изложил свои наблюдения, которые в последующем принципиальных изменений не претерпели.

Г. Д. Беловым, Е. Г. Суровым¹, а в последующем широкомасштабное, монографическое исследование предпринято экспедицией Института археологии АН Украины, возглавляемой В. М. Зубарем².

¹ Г. Д. Белов обнаружил на участке, где сооружается в последующем западная базилика и проложена новая линия крепостной ограды, 68 склепов римского времени (раскопанная территория имела площадь ок. 230 кв. м (см.: Белов Г. Д. Западная оборонительная стена и некрополь возле нее: Раскопки 1948 г. // МИА. 1953. № 34. С. 237–254; Суров Е. Г. К истории северо-западного района Херсонеса Таврического // АДСВ. 1965. Вып. 3. С. 119–145). Последовательности строительства посвящены также статьи И. А. Завадской (Завадская И. А. Раннесредневековые храмы западной части Херсонеса // МАИЭТ. 1998. Вып. 6. С. 337–343) и Е. Ю. Клениной (Кленина Е. Ю. Хронология христианских памятников на участке западной базилики Херсонеса // Культурные памятники в мировой культуре: Археологический, исторический и философский аспекты: Тез. докл. Севастополь, 2003. С. 23), которая отнесла сооружение мартирия св. Василия к V в.

² Об этом см. краткие сообщения в «Археологических открытиях», принадлежащие В. М. Зубарю: Раскопки западного некрополя Херсонеса // АО — 1981. М., 1983. С. 261–263; Раскопки западного некрополя Херсонеса // АО — 1982. М., 1984. С. 262–263; Исследования западного некрополя Херсонеса // АО — 1983. М., 1985. С. 278–279; Раскопки западного некрополя Херсонеса // АО — 1984. М., 1986. С. 236–237; также см.: Итоги и перспективы исследования западного некрополя Херсонеса // Задачи советской археологии: Тез. докл. Суздаль; М., 1987. С. 103–104. Более полно исследования освещены: Зубарь В. М., Ивлев С. М., Чепак В. Н. Западный некрополь Херсонеса Таврического (раскопки 1982 г.): Препринт. Киев, 1990; Зубарь В. М., Шевченко А. В., Липавский С. А. Западный некрополь Херсонеса Таврического: Материалы раскопок 1983–1985 гг.: Каталог погребений: Препринт. Киев, 1989; Они же. Западный некрополь Херсонеса Таврического: Материалы раскопок 1983–1985 гг.: Погребальные сооружения и обряд: Препринт. Киев, 1989; Они же. Западный некрополь Херсонеса Таврического: Материалы раскопок 1983–1985 гг.: Отдельные категории материальной культуры: Препринт. Киев, 1989; Они же. Западный некрополь Херсонеса Таврического: Материалы и исследования: Препринт. Киев, 1990. Исследования показали, что наиболее поздние захоронения относятся к VII в. Следует напомнить, что среди памятников, к анализу которых обращались исследователи этого участка, принадлежит оборонительная стена. Работами

Последовательность строительства сакральных комплексов, расположенных около западной базилики, изложена в статье С. Б. Сорочана, полагающего, что «гробничная часовня возведена над вырубленном в скале склепом, другого столь же подходящего объекта для мартирия св. муч. Василия в западной части Херсонеса нет», — так звучит один из его аргументов¹, который вряд ли может являться бесспорным подтверждением гипотезы.

Оппонентом С. Б. Сорочана и М. В. Фомина² в вопросе о последовательности строительства является В. М. Зубарь. Он считает, что мартирий св. Василия возник ранее, чем была возведена базилика³.

К. Э. Гриневича (Гриневич К. Э. Стены Херсонеса Таврического. Ч. 3: Южная и западная линия обороны // ХСб. 1959. Вып. 5. С. 75–114), но в большей степени И. А. Антоновой (Антонова И. А. Западный фланг обороны Херсонеса: По материалам исследований 1959–1960 гг. // Тез. докл. о раскопках Херсонеса Таврического на античной секции Сессии Отделения исторических наук и пленуме Института истории АН СССР, посвященной результатам полевых археологических исследований в 1960 г. Севастополь, 1961. С. 11–12; Она же. Западный фланг обороны Херсонеса // СХМ. 1963. Вып. 3. С. 60–67) выявлена хронологическая последовательность возведения башен и куртин на западном фланге обороны города. И. А. Антоновой удалось определить, что находящийся перед первой куртиной ров, вероятнее всего, не был завершен из-за обвала грунта, что произошло в IX–X вв. (Антонова И. А., Рыжов С. Г. Оборонительный ров... С. 261–264).

¹ Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 844. Параллельно он показывает ошибочность мнения М. И. Ростовцева, считавшего, что таковым мог быть склеп на земле Н. И. Тура (см.: Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись... С. 472 сл.). Описание и ход раскопок см.: Скубетов М. И. Древнехристианский фамильный склеп с фресковой росписью близ Херсонеса, на земле Н. И. Тура // ИТУАК. 1916. № 53. С. 177–189. По мнению архитектора И. А. Завадской, освоение территории (северо-западный район), удаленной от традиционного административного (античного) центра, обусловлено тем, что центральные районы оказались к этому времени занятыми храмами и для новых уже не осталось места (Завадская И. А. Христианизация ранневизантийского Херсонеса (IV–VI вв.) // МАИЭТ. 2003. Вып. 10. С. 402–426. С. 413).

² См.: Фомин М. В. О мартириях при западной базилике... С. 132–152.

³ Это вполне вероятно, если полагать, что мартирий располагался вне городских стен, а базилика была возведена после включения значительного

При отсутствии конкретных свидетельств, которые, несомненно, свидетельствовали бы о том, какому святому посвящен храм, надписей о времени его закладки исследователи в той или иной мере вынуждены использовать «скупые» археологические данные. Но задумываемся ли мы при этом о том, что слова, характеризующие историографию прошлого, отчасти могут быть отнесены и к нашему времени. «Историкам прошлых поколений приходилось довольствоваться весьма путанными и скуными сведениями. Это в значительной мере определяло возможность, а порой и создавало необходимость соединять разрозненные факты, сообщаемые источниками, в основном умозрительными связями, выстраивать отдельные факты в причинно-следственные ряды целиком гипотетического характера. В этих условиях и возникал подход к изучаемым проблемам, который можно кратко охарактеризовать как примат концепции над фактом»¹.

Не проявляется ли и в современных штудиях о храмах Херсона «примат концепции над фактом»?

«Примат концепции», или Факты: к вопросу о синагоге

Появление адептов новой веры (даже в небольшом количестве) должно было найти отражение в материальной культуре. Но к настоящему времени памятников, которые уверенно можно соотнести с христианскими сакральными постройками IV в., в Херсонесе пока не обнаружено. Для начального периода христианства местом отправления культа в Херсоне, как полагает В. М. Зубарь, могли являться места захоронений в соответствии с раннехристианской традицией². В качестве примера он называет пещерообразное подземное соору-

участка некрополя в состав территории города. Определить последовательность появления сакральных сооружений в северо-западном районе без обращения к стратиграфии участка невозможно. Но как выявить ее на фактически полностью раскопанной территории?

¹ Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России. Л., 1988. С. 16.

² См.: Зубарь В. М. Проникновение... // Владимиров А. А., Журавлев Д. В., Зубарь В. М. и др. Херсонес Таврический... С. 558.

жение около башни XVII¹. Кроме того, к их числу ученых вслед за М. И. Ростовцевым относит склеп, открытый на земле Н. И. Тура, который позднее был перестроен в часовню².

Среди наиболее ранних сакральных сооружений некоторые историки Херсона упоминают еще два комплекса: подземный храм на главной улице, выявленный раскопками Одесского общества истории и древностей, и «базилику на холме», открытую К. К. Косцюшкой-Валюжиничем.

¹ Мнение высказано со ссылкой на работу: Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 254.

² См.: Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись... С. 472–478; ср.: Зубарь В. М. Проникновение... // Владимиров А. А, Журавлев Д. В., Зубарь В. М. и др. Херсонес Таврический... С. 618. С критикой такого предположения выступил Ю. М. Могаричев. Он полагает, что первоначальные размеры сооружения для подобных целей недостаточны; позднейшая реконструкция (перестройка) вызвана не приспособлением его под культовое помещение, а скорее всего произведена в связи с предстоящим погребением «особого человека» (Могаричев Ю. М. Склеп на земле Н. И. Тура: К вопросу об интерпретации // Культ святых мест в древних и современных религиях: Тез. докл. и сообщ. Севастополь, 2005. С. 34). Ю. М. Могаричев считает, что погребение «особого человека» только усилило сакральные функции склепа. Дискуссионность вопроса стала причиной появления еще одной работы Ю. М. Могаричева (Склеп на земле Н. И. Тура: Погребальное сооружение или церковь? // БИАС. 2008. Вып. 3. С. 82–91), имеющей обширнейшую библиографию. Дав краткий анализ существующих мнений, исследователь повторил ранее высказанную гипотезу. Выявленные перестройки не изменили облика памятника, «церковности» его противоречит расположение сюжетов росписи. Склеп не относится к числу уникальных, как это считается, Ю. М. Могаричев приводит примеры из раскопок на Мангупе-Доросе, где при исследовании склепов также выявлены «подражания погребальных сооружений архитектуре наземных храмов» (ссылка на: Герцен А. Г. Раннехристианские памятники из некрополей Мангупа // Культура и искусство христиан-негреков: Тез докл. СПб., 2001. С. 10; Он же. Дорос-Феодоро (Мангуп): От ранневизантийской крепости к феодальному городу // АДСВ. 2003. Вып. 34. С. 99–100). Подчеркнув, что вряд ли правомерно предположение М. И. Ростовцева, что здесь нашел свое вечное пристанище один из местных святых, он отмечает гипотетичность собственной точки зрения, как и недостаточную аргументацию наблюдений С. Б. Сорочана и В. М. Зубаря.

Возвращением к изучению памятника стали раскопки 70-х гг. XX в. С. А. Беляева. Повторное изучение показало наличие двух разновременных храмов: раннего «Б» с мозаичным полом и позднего «А».

Автор раскопок предположил, что базилика «Б», возвышающаяся над северной частью города, являлась кафоликоном. Она была действующей в IV—VIII вв. После ее разрушения возводится базилика меньших размеров¹. Обращение других исследователей (И. А. Завадской, А. И. Романчук, С. Б. Сорочана) к анализу находок из заполнения колодца, засыпанного перед началом раннего строительства, привело к выводу, что «стратиграфические аргументы» С. А. Беляева не подтверждают предложенную им датировку.

Хронологическая последовательность строительства на участке представляется следующим образом: с последней трети VI в., возможно, с начала VII в. и до конца X в. функционирует ранний храм²; более поздний, вероятнее всего, возведен в начале XI в.; затем к югу от комплекса «базилика на холме» построена часовня (по мнению автора раскопок, это произошло в XI в.). На расстоянии 16,0 м от нее открыта еще одна часовня.

Возможно, обе часовни являлись действующими в поздневизантийский период³.

¹ См.: Беляев С. А. Вновь найденная раннесредневековая мозаика из Херсонеса: По материалам раскопок 1973—1977 гг. // ВВ. 1979. Т. 40. С. 125—126; Он же. «Базилика на холме» в Херсонесе и «церковь на горе» в Корсуни, построенная князем Владимиром // Byzantinorussica (М.). 1994. № 1. С. 7—47 (см. также другие работы исследователя: Новые памятники ранневизантийской пластики из Херсонеса: К вопросу об интерьере херсонесских базилик // ВВ. 1987. Т. 48. С. 142—153; Базилики Херсонеса: Итоги, проблемы и задачи их изучения // ВВ. 1989. Т. 50. С. 171—181).

² См.: Завадская И. А. Христианство... С. 106; Она же. Раннехристианские храмы Западной части... С. 336—227; Она же. Хронология памятников раннесредневековой христианской архитектуры Херсонеса: По археологическим данным // МАИЭТ. 2000. Вып. 7. С. 82; Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 726; Романчук А. И. Очерки истории... С. 223.

³ См.: Беляев С. А. Отчет за 1977 г. // Арх. НЗХТ, д. 1910, л. 14—18. В публикации размеры часовен не приведены, отсутствует в отчете и подробное описание находок. Просмотр депортированного материала (черепицы с кровли, возможно, одной из часовен) позволил полагать, что строительство

Одним из мест отправления культа до возведения базиликальных храмов, согласно мнению С. А. Беляева, мог служить подземный храм (мартирий раннехристианских мучеников) в квартале III. В последующем над ним был построен небольшой однефный храм (по плану ИАК № 35)¹, планировка которого фактически не отличается от квартальных сакральных зданий.

Близкая точка зрения принадлежит А. Л. Яacobсону, датировавшему крипту раннесредневековым периодом и полагавшему, что позднее над ней возведен храм небольшого размера².

Другое мнение: крипта-часовня и наземный храм являются одновременными — принадлежит С. Б. Сорочану³. С ним отчасти солидарен Ю. М. Могаричев⁴.

Все, кто обращался к интерпретации подземного храма, отмечали, что ранее здесь находилась рыбозасолочная цистерна, правда, определить время ее использования не представляется возможным.

могло быть осуществлено не ранее XII в. Фрагменты керамид, среди которых удалось собрать целые экземпляры, имели ангобированное покрытие и метки, выполненные тонкой, низкорельефной линией (см.: Романчук А. И. Строительные материалы византийского Херсона. Екатеринбург, 2004. С. 42–43).

¹ См.: Беляев С. А. Пещерный храм на главной улице Херсонеса // Византия и Русь. М., 1989. С. 54. Авторы коллективной монографии о культуре и истории Херсонеса римского периода полагают, что существовавшие в раннем христианстве традиции и византийское законодательство не позволяют принять точку зрения С. А. Беляева. В Херсонесе погребения в черте города появляются начиная с XI в., о чем писал А. В. Сазанов (см.: Сазанов А. В. Погребения в христианских храмах Херсонеса XI–XIV вв. // Херсонес Таврический: У истоков мировых религий. Севастополь, 2001. С. 38–46). Далее со ссылкой на А. Тяжелова (см.: Тяжелов А. Законы греческих императоров в отношении церкви после Юстиниана. М., 1876. С. 107) отмечено, что до правления Льва VI существовал запрет производить захоронения в черте города (см.: Владимиров А. А., Журавлев Д. В., Зубарь В. М. и др. Херсонес Таврический... С. 622).

² См.: Яacobсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 191–192.

³ См. сводку сакральных памятников Херсонеса на с. 1026 его монографии.

⁴ См.: Могаричев Ю. М. Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1997. С. 95.

Безусловно, при отсутствии документации о раскопках участка в целом сложно определить последовательность строительства: цистерна—подземный храм—наземная церковь. Однако можно привести некоторые косвенные соображения, отчасти способствующие ориентации в хронологии памятников.

На основании сохранившихся руин (апсиды небольшого размера) можно полагать, что наземный храм не отличался по планировке и размерам от других квартальных храмов Херсона, которые стали характерной чертой города начиная, скорее всего, с конца XI—XII в. (мнение А. Л. Якобсона).

Как свидетельствуют данные о более чем 100 рыбозасолочных цистерн, их прекращают использовать по прямому назначению не ранее IV в. Поэтому более чем вероятно предположение С. Б. Сорочана, что подземный храм возникает в VI—VII вв., когда надобность в производственном сооружении исчезла.

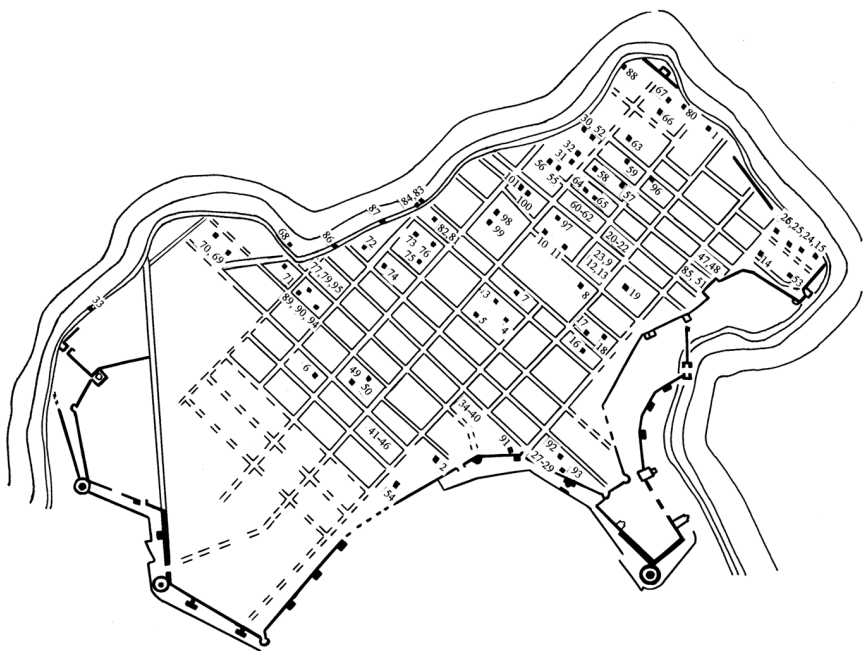

Рис. 9. План расположения рыбозасолочных цистерн
(по состоянию на 2002 г.)

Подготовка участков перед новым строительством, предшествующая возведению базилик, привела к изменению размеров отдельных кварталов, что уничтожило более ранние постройки, среди которых, возможно, имелись и первые христианские храмы. Но Херсонес являлся полиэтническим центром, поэтому вероятным является обнаружение в ходе раскопок иудейских древностей.

Начало поисков представителей иудейской конфессии восходит к работам Н. В. Пятышевой. Привлекая отдельные находки, которые, кстати, могли попасть в город в результате торговых связей, она сделала вывод о наличии в Херсонесе таких этнических компонентов, как сирийцы, иудеи, жители Кавказа¹. Сам по себе факт многонациональности херсонитов не противоречит историческим реалиям, как и то, что среди жителей имелись и христиане, и иудеи². Вопрос в другом — в

¹ См.: Пятышева Н. В. К вопросу об этническом составе населения Херсонеса в I—IV веках н. э. // *Античное общество*. М., 1967. С. 183—187; Она же. Ювелирные изделия Херсонеса. IV в. до н. э.—IV в. н. э.: Коллекция Государственного исторического музея. М., 1956 (Тр. Гос. исторического музея. Вып. 18); Соломоник Э. И. К вопросу о населении Херсонеса Таврического // *АДСВ: Социальное развитие Византии*. 1979. С. 119—124. Некорректность использования источников Н. В. Пятышевой и Э. И. Соломоник отмечена: Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981. С. 127.

² К свидетельствам о наличии представителей христианской конфессии в Северо-Понтийском регионе следует отнести упоминание Скифии в апостольских посланиях. Относительно наличия на Боспоре (в Пантикапее) иудейской общины сделано заключение на основании находки мраморной плиты с надписью «Синагога иудеев», которая датируется 59 г. Этот факт, как и некоторые другие материалы, не позволяет сомневаться в наличии как христианских, так и иудейских общин на северных берегах Понта. По мнению П. Биланюк, в Танаисе имелся уже во II в. храм (об этом см.: Bilaniuk P. B. T. *Die Religiöse Lage an der Skythischen Schwarzmeerküste und ihr Einfluss auf Westeuropa in der Spätantike und im frühen Mittelalter* // *Die Schwarzmeerküste in der Spätantike und im frühen Mittelalter*. Wien, 1992. S. 123—135). Интепес представляет работа: Galavaris G. *Bread and Liturgy. The Symbolism of Early Christian and Byzantine Bread Stamps*. Madison; London, 1970. Безусловно, археологические памятники имеют большое значение для выявления эволюции

численности представителей каждой из этнических составляющих среди горожан, которая достаточна (и имеет возможность) для появления (строительства) специального здания для отправления потребностей культа, кроме собственного жилища. После этих слов настал черед обратиться к интерпретации памятников, хронологически последовательно существовавших до возведения базилики, открытой Г. Д. Беловым в 1935 г., так как в конце XX в. это стало предметом дискуссии.

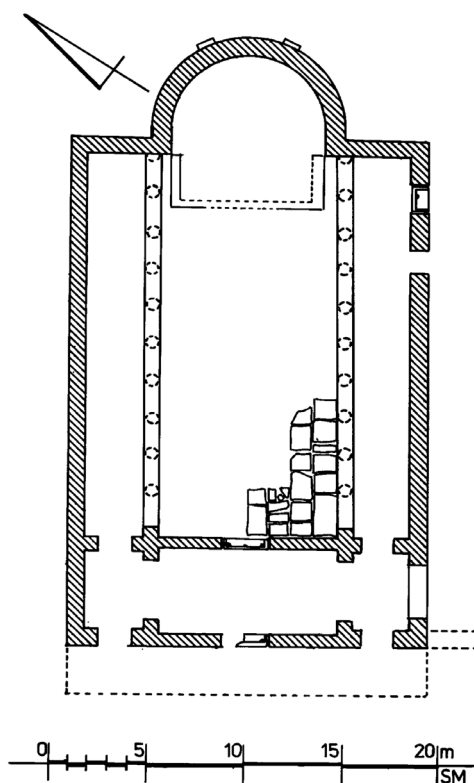

Рис. 10. План базилики 1935 г. по Г. Д. Белову

верований населения региона (об этом см.: Glaser F. Archäologie und Ideologie // Historische Reihe der Abteilung für Geschichte Ost- und Südosteuropas an der Universität Klagenfurt und des Bildungsheimes Sodalitas in Tainach. (Tinja 5). Klagenfurt; Ljubljana; Wien, 1997. S. 119–136 (besonders: S. 124–127).

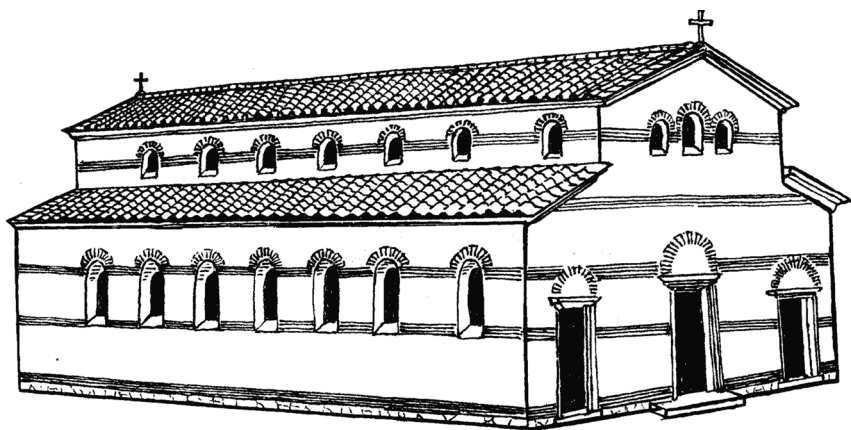

Рис. 11. Вариант графической реконструкции базилики 1935 г.

Обсуждение вопроса о синагоге в Херсонесе вызвали раскопки украинско-американской экспедиции около базилики 1935 г. Руководители исследований предположили, что храм возведен над руинами синагоги. В публикации приведено граффити на иврите, процарапанное на штукатурке раннего сооружения, как полагали авторы, в память об Иерусалиме¹.

Информация о синагоге в Херсонесе привела к поиску доказательств о наличии в различных районах Крыма в позднеантичный период иудейских древностей². Именно поэтому материалы, свидетельствующие о

¹ Первое сообщение участников украинско-американского проекта см.: Оверман Э., Макленнан Р., Золотарев М. И. К изучению иудейских древностей Херсонеса Таврического // Археология. 1997. № 1. С. 57–63; также см.: Коробков Д. Ю. Об особенностях планировки здания позднеантичной синагоги в Херсонесе // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе. Севастополь, 2001. С. 25–31; Он же. Вновь об иудейских сюжетах в декоре античных светильников // Проблемы религий стран Черноморско-Средиземноморского региона. Севастополь; Краков, 2001. С. 149–158. Правда, в некоторых случаях авторы раскопок осторожно отмечают, что базилика 1935 г. возведена в конце V в. на месте большого здания римского времени, где сохранились археологические следы присутствия иудейской общины.

² Несмотря на кратковременность существования гипотезы, список работ, в котором исследователи полагают, что это является доказанным фактом,

периодизации и назначении памятников, предшествовавших возведению базилики 1935 г., заслуживают пристального внимания.

Первое, на что следует обратить внимание, — это последовательность строительной деятельности на участке. Сторонники нового взгляда на хронологию представляют ее следующим образом: IV—V вв. — время функционирования синагоги; в V—VI вв. возведена базилика¹.

При таком хронологическом построении не принята во внимание весьма существенная деталь: экзонартекс позднего храма находится над рыбозасолочной цистерной; другая расположена через улицу, фактически напротив входа в храм.

Можно допустить, что небольшого размера раннему сооружению подобное соседство не мешало, или же цистерны для приготовления рыбного соуса функционировали между двумя периодами строительства. Но одновременное использование цистерн со стоящей в непосредственной близости и над одной из них базиликой вряд ли было возможно. При возведении более позднего сооружения обе рыбозасолочные цистерны засыпаны. Отметим, что в одной из них обнаружены монеты времени правления Константа II (641—668)².

внушитель. Соображения без дополнительной аргументации только со ссылкой на авторов раскопок о синагоге в Херсонесе как факте, не требующем доказательств, представлены в работах: Соломоник Э. И. Древнейшие еврейские поселения и общины в Крыму // Евреи Крыма: Очерки истории. Симферополь; Иерусалим, 1997. С. 15—16; Завадская И. А. Христианизация ранневизантийского Херсонеса. С. 402—426; Могаричев Ю. М. Крымская агиография как отражение изменений в политической и церковной структуре Таврики иконоборческого периода: К постановке проблемы // ПИФК. 2003. Вып. 13. С. 287—300. Интерес к теме объясняется длительным запретом обсуждать некоторые сюжеты в научных публикациях.

¹ В отчете отмечено три последовательно возведенных здания: сооружение с цементным полом римского времени — мавзолей, ранняя (последняя четверть V в.) и поздняя базилика (VI—VII в., скорее — эпоха Юстиниана I (см.: Белов Г. Д. Отчет ... за 1935 г. С. 80—82, 93).

² Этот факт уже неоднократно приводился. Однако обратимся непосредственно к отчету и описи монет периода раскопок. Их авторы отмечали, что цистерны имеют хронологически однородный материал и засыпаны в связи со строительством храма (Белов Г. Д., Якобсон А. Л. Квартал XVII: Раскопки

Какие же аргументы приводят авторы тезиса о том, что здание последней четверти IV—V в., не соответствующее «византийским традициям», являлось синагогой?¹

Первое — это относительность датировок херсонесских комплексов на основании находок монет, поскольку они имеют длительный период обращения: «Долговременное обращение ранних выпусков в последующее время лишает их возможности быть надежным универсальным источником при определении хронологии» (слова принадлежат одному из авторов гипотезы о синагоге). Далее он продолжает, что экспонируемые в средневековом отделе заповедника фресковая живопись и мозаика принадлежат предшествующему строительству базилики сооружению, которое датируется второй половиной IV в. н. э.

Второй аргумент — это блок с изображением семисвечника, встреченный в кладке фундамента базилики.

Но основным доказательством стало обращение к фресковой живописи (изображения павлинов, фазана, гирлянды, колонны с каннелюрами) и к напольной мозаике, на которой выложены кратер с виноградной лозой и геометрические сюжеты. Исследователи, предложившие пере-

1940 г. // МИА. 1953. № 34. С. 120. О монетах см.: Белова Л. Н. Описание монет из раскопок Херсонеса: Кварталы XV—XVI // Там же. С. 269). Обратим внимание на замечание И. А. Завадской, что в принципе «функционирование цистерн не вступает в противоречие с жилыми и общественными сооружениями» (Завадская И. А. Проблемы стратиграфии и датировки архитектурного комплекса «Базилика 1935 г.» // МАИЭТ. Симферополь, 1996. Вып. 5. С. 103). Однако в данном конкретном случае исследовательница признает, что только после ликвидации цистерн могло начаться строительство позднего храма — в конце VI — начале VII в. А как быть с более поздними монетами (середины VII в.), включенными в список находок? Хорошо знающий находки Херсонеса нумизмат не могла допустить несколько ошибок при определении. Посмотреть непосредственно монеты в настоящее время не представляется возможным, но имеющаяся отсылка к каталогам подтверждает датировку, не изменившуюся после фундаментальных исследований В. А. Анохина и И. В. Соколовой.

¹ См.: Завадская И. А. Проблемы стратиграфии... С. 104. Позднее сказано уже определеннее: под базиликой 1935 г. существовала синагога (Завадская И. А. Христианизация ранневизантийского Херсонеса. С. 414).

смотреть традиционное мнение, полагают, что они не характерны для христианского искусства. Иная точка зрения представлена в работах авторов «первоначальных раскопок» и крупнейшего исследователя истории Таврики А. Л. Якобсона, отмечавших близость фресковой росписи к росписи ранневизантийских христианских склепов¹.

Еще раз возвратившись к граффити на иврите, которые и ранее были известны, но не прочитаны², авторы новой интерпретации находок констатируют, что раннее здание — синагога, именно с ней следует соотносить и фрески, и мозаичный пол³.

¹ А. Л. Якобсон первоначально полагал, что фрагменты фресок относятся к ранней базилике (V в.) и были сбиты со стен во время ее перестройки в VI в. В последующем он связывал их с росписью мавзолея, пристроенного к раннему храму (см.: Якобсон А. Л. К изучению фресок из южного нефа базилики 1935 г. в Херсонесе // СА. 1978. № 2. С. 96–104). О. И. Домбровский относил фрески к иконоборческому времени — второму строительному периоду базиликального здания (см.: Домбровский О. И. Фрески южного нефа херсонесской базилики 1935 г. // ХСб. 1959. Вып. 5. С. 221–223). Для восполнения мнений относительно памятника следует привести работы: Стржелецкий С. Ф. К вопросу интерпретации и датировки некоторых памятников Херсонеса из раскопок 1935–1936 гг. // Историко-археологический сборник Научно-исследовательского института краеведческой и музейной работы. М., 1947. Т. 2. С. 145–160; Жеребцов Е. Н. К изучению раннесредневековых памятников Херсонеса // ВВ. 1964. Т. 23. С. 205–213. Единственным монографическим исследованием фресковой живописи является: Домбровский О. И. Фрески средневекового Крыма. Киев, 1966. Безусловно, в последние годы накопился новый материал, появились теоретические работы искусствоведов, посвященные средневековому искусству. Все это делает необходимым новый комплексный анализ произведений «херсонесских живописцев». Анализ стратиграфии, мнений исследователей в отношении хронологии и назначения памятника приведен в статье: Завадская И. А. Хронология памятников...

² С этим обстоятельством связана детективная история. Собранные во время раскопок фрагменты штукатурки с надписями после некоторого времени нахождения в фондах были отправлены в Ленинград. Но их получатель (С. А. Беляев) сообщил в музей о неприбытии ящиков с находками.

³ См.: Золотарев М. И. Археологическая периодизация памятников Херсонеса Таврического // ВДИ. 2002. № 2. С. 71.

При некоторых неточностях в датировке сакральных построек, которые допускал А. Л. Якобсон, что объясняется его концептуальной установкой: эпоха Юстиниана — расцвет культового строительства, — и отсутствие закрытых комплексов VI—VII вв. в годы его занятий историей Херсонеса, вряд ли можно говорить, что он не был знатоком византийской архитектуры. В отношении сооружения, «превратившегося» в конце XX в. в синагогу, исследователь писал, что храм соответствует раннему этапу христианского строительства и имеет аналогии среди памятников других районов Византии¹.

В последующем архитектор и искусствовед О. И. Домбровский, посвятивший фактически 40 лет исследованию памятников Крыма, также писал, что фрески относятся к одной из базилик, последовательно существовавших на одном и том же месте. Кроме росписи херсонесских склепов, для которых, как отмечали исследователи, характерно влияние христианского Востока, можно привести и другие аналогии. К приме-

¹ См.: Якобсон А. Л. Закономерности в развитии раннесредневековой архитектуры. Л., 1983. С. 162. Комплексное изучение мозаик Херсона, начало которому положил О. И. Домбровский (см. посмертное издание его работы, предпринятое В. А. Кутайсовым: Домбровский О. И. Византийские мозаики Херсонеса Таврического. Познань, 2004; Домбровский О. И. О некоторых итогах изучения мозаик средневекового Херсонеса // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса, 1888—1988. Севастополь, 1988. С. 40—42), позволит уточнить время создания напольной мозаики, открытой во время раскопок, что, безусловно, будет способствовать внесению корректив и в датировку, и в интерпретацию рассматриваемых сооружений. Очень осторожен в соотнесении фресок с возможной ранней базиликой А. Пюльц; повторив, что под мозаичным полом в южном нефе базилики найдены фрагменты фресок, он замечает, что, вероятно, они принадлежали не церкви, а более ранней постройке IV — начала V в. (см. об этом: Pülz A. Die frühchristlichen Kirchen... S. 52—55). О возможности существования здесь склепа свидетельствует близкая по характеру роспись позднеантичного склепа с изображением фазанов из Силистры, которую он упоминает со ссылкой на публикацию болгарских историков (см.: Димитров Д. П., Чичикова М. Късноантичната гробница при Силистра. София 1986). В числе новых работ можно назвать: Bühler B. Ranken und Palmetten. Studien zu pflanzlichen Ornamenten im Frühmittelalter // Archäologie Österreichs. 2000. Bd. 11/2. S. 60—72.

ру, сюжеты из катакомб Рима и синагоги Дура-Европос, являющиеся наиболее изученными, свидетельствуют, что в раннехристианской фресковой живописи использовались изображения чаш, павлинов, гирлянд¹.

Одним из последних по времени обращений к интерпретации раннего здания под базиликой 1935 г. стала монография С. Б. Сорочана. Кроме некоторых из приведенных выше замечаний, он, не отрицая в принципе возможности существования в Херсоне синагоги, полагает, что плита с семисвечником из фундамента более поздней постройки не является бесспорным аргументом. Кроме того, в период утверждения христианства строительство в престижном районе города здания, принадлежавшего представителям другой конфессии, вряд ли было возможно. К тому же план раннего сооружения не имеет черт, характерных только для синагог².

В заключение, вероятно, несколько затянувшегося обращения к историографии вопроса о базилике 1935 г., хотелось бы сделать небольшое отступление. Для современного мира характерно лавинообразное поступление новой информации, в том числе и в области истории. В отдельных случаях это позволяет уточнить высказанные

¹ Например, см.: Bisconti F. Il giro della esperienze figurative tra Roma e Constantinopoli nella pittura cristiana della origini // Akten des XIV Intern. Kongr. für Christliche Archäologie, Vaticano; Wien, 2006. S. 87–98 (Farbetafel XI). Исследователи отмечают, что библейские сцены в иудейских сакральных сооружениях, как и изображения павлинов и гирлянд, отсутствуют (см.: Schubert U. Spätantikes Judentum und frühchristliche Kunst // Studia Judaica Austriaca. Wien, 1974. S. 7–86).

² См.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 1013. Архитекторы, полагаящие, что ранний памятник являлся синагогой, обращают внимание на непропорциональность его апсиды, которая наряду с восточной стеной могла быть построена позднее и первоначально отсутствовала. Раннехристианские сакральные комплексы малоизвестны, единичные примеры показывают, что наличие апсиды не является обязательной деталью (см.: Беляев Л. А. Христианские древности. Введение в сравнительное изучение. М., 1998. С. 100). Исследователь привел изометрическое изображение «Дома собраний» в Дура-Европос, который относится к первым изученным храмам христианской общины.

ранее мнения, по-новому подойти к концептуальной оценке развития общества. Правда, для такого вида общественных сооружений Херсона, как храмы, в значительной мере исследователи вынуждены обращаться к материалам раскопок своих предшественников. Анализ не всегда совершенных, с точки зрения современной методики, археологических данных способствует уточнению истории сакрального строительства. Однако при создании «новых гипотез» о хронологии и назначении памятников следует, возможно, помнить об идеях и предположениях предшественников.

Один из исследователей, обращаясь к чрезвычайно дискуссионной теме середины XX столетия, писал, что прежде чем идти дальше, «предстоит употребить много времени и сил только на то, чтобы убрать с поля исследования хлам домыслов и ошибок, а затем уже приниматься за постройку нового здания; в процессе расчистки поля исследования подчас не принимаются во внимание факты, которые легли в основу выводов, представленных в работах предшествующих поколений и вряд ли могут считаться просто “хламом”»¹.

Другой историк тех лет относительно опыта предшествующих поколений пишет более образно, как о сохранении «строительных блоков», которые уже заложены в фундамент здания².

Дискуссия о хронологии крестообразных храмов, или «Храм с ковчегом»

При обращении к мнениям относительно отдельных сакральных комплексов Херсона можно видеть, насколько дискуссионным является этот аспект, представленный выше на примере базилик. Чтобы не сложилось впечатление, что только их датировка вызывает разночтения между историками и архитекторами, остановим внимание на точках зрения о времени строительства и функционирования одного из крестообразных храмов, который вошел в литературу как «храм с

¹ Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 16.

² Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России. Л., 1988. С. 4.

ковчегом», или № 19. Отчасти это отражает подходы и к выявлению времени возникновения других подобных сакральных зданий.

Храм № 19 открыт в 1897 г. Во время повторного обращения к исследованию комплекса, предпринятого О. И. Домбровским, был выявлен ряд сооружений: небольшого размера однефный храм, обозначаемый в литературе как храм 1958 г., и античный театр. На основании стратиграфических наблюдений и расположения памятников относительно друг друга исследователь сделал вывод, что «малый храм» существовал до возведения храма № 19. «Храм с ковчегом» он датировал временем не ранее X в. (возможно, даже XI в.).¹ А. Л. Якобсон на основании находки в храме серебряного реликвария с клеймами², являвшегося продукцией столичных мастеров эпохи Юстиниана I, отнес строительство к VI в.³ А. Л. Бертье-Делагард также считал храм № 19 памятником конца VI — начала VII в.⁴

¹ См.: Домбровский О. И., Паршина Е. А. О раннесредневековой застройке античного театра // СХМ. 1960. Вып. 1. С. 36–42. Наблюдения, сделанные во время раскопок, изложены также в ряде заметок, опубликованных в различные годы в сборнике «Археологические открытия в СССР». Наблюдения авторов раскопок отражены: Romančuk A. Zur Geschichte des im Kultbaus... С. 270–289. В подтверждение позднего строительства отмечено, что найденный при раскопках ковчег, на основании которого датировалось сооружение, мог быть перенесен из другого сакрального здания. При этом основное внимание уделено не выявлению времени возведения храма № 19, а периоду использования его по прямому назначению. К более поздним памятникам отнес храм № 19 Ю. Г. Лосяцкий на основании анализа пропорций (см.: Лосяцкий Ю. Г. Опыт реконструкции крестообразных храмов Херсонеса // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988. С. 27–36; Он же. К вопросу об эволюции типологии монументальной архитектуры средневекового Крыма // Археологія. 1990. № 2. С. 33–47).

² О реликварии см.: Effenberger U. A. Ausstellungskatalog: Spätantike und frühbyzantinische Silbergefäße aus Staatlichen Ermitage, Leningrad. Berlin, 1978; ср.: Buschhausen H. Die spätrömischen Metallscrinia und frühchristlichen Reliquiare // Wiener Byzantinistische Studien. 1971. Bd. 9. S. 252.

³ Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 79–112, 200.

⁴ См.: Бертье-Делагард А. Л. О Херсонесе. С. 68.

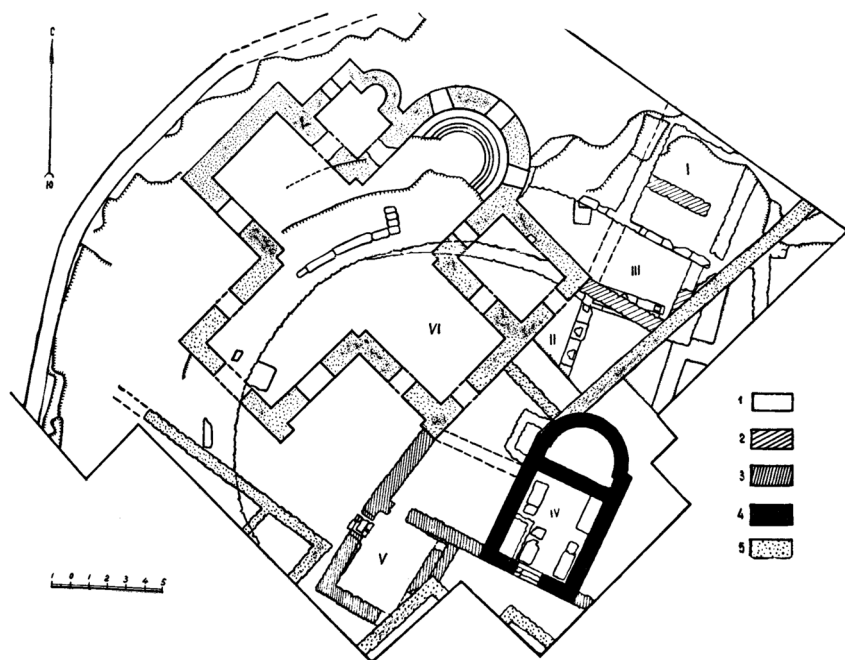

Рис. 12. План сакральных сооружений на «театральном участке» по О. И. Домбровскому: Храм № 19 и часовня
(1 — руины античного театра; 2 — остатки зданий V–VIII вв.;
3 — сооружения X–XII вв.; 4 — церковь, открытая в 1958 г.; 5 — храм 19)

Прежде чем мы коснемся других соображений о последовательности строительства на «театральном участке», следует остановить внимание на храме 1958 г., который имел два строительных периода. Авторы раскопок упомянули, что его поздняя переделка приходится на период между X–XII вв. (разрушен в XIV в.)¹. Считая, что здание

¹ См.: Домбровский О. И., Паршина Е. А. О раннесредневековой застройке... С. 37–38. В монографии С. Б. Сорочана он датирован VI в. (см.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 1026) и отмечено, что был возведен, как и полагал О. И. Домбровский, до строительства храма с ковчегом. Правда, в отличие от автора раскопок, С. Б. Сорочан считает, что крестообразный храм № 19 следует относить ко времени не позднее VII в. (Там же. С. 873). К сожалению,

было сооружено ранее храма № 19, О. И. Домбровский отнес время его строительства к периоду до X в.

Наконец, самая поздняя публикация, посвященная памятнику, в которой перечислены все раннесредневековые сакральные сооружения, — каталог «Ранневизантийские сакральные постройки Херсонеса Таврического», научным редактором которого являлся польский археолог А. Бернацки. Приведя краткую справку по истории раскопок и основных деталях планировки, автор раздела о храме № 19 Т. Ю. Яшаева с целью уточнения хронологии упоминает, кроме реликвария, архитектурные детали, украшавшие интерьер здания¹, но при этом

данные, приведенные для обоснования времени строительства храма 1958 г., противоречивы. Под слоем отеса между двумя сакральными зданиями обнаружены материалы конца V—VI в., но раскопки в том же месте в 1973 г. контрольного целика показали, что наиболее поздние находки принадлежат «краснолаковым сосудам, которые бытовали до времени правления Константа II (641—664)», о чем упоминает С. Б. Сорочан. Однако далее он продолжает: «Орхестра театра была окончательно засыпана и сневилирована для нового строительства не ранее конца VI — не позже середины VII в.» Если следовать логике, то следует признать, что археологическая ситуация свидетельствует о начале строительства храма 1958 г. не ранее середины VII в. Но следующий аргумент не разъясняет ситуации с датировкой, а усложняет ее. С. Б. Сорочан пишет, что во время изучения участка перед входом в храм встретились находки преимущественно VI—VIII вв., и далее: «К этому же промежутку относится обрушение кровли сцене» (Там же. С. 873—874). Возникает вопрос: если в слое нивелировки обнаружены материалы середины VII в., тем более VIII в., можно ли датировать начало строительства «храма 1958 г.» более ранним периодом. Согласно О. И. Домбровскому возведение храма № 19 отделено от строительства храма 1958 г. значительным отрезком времени. Такой вывод был сделан на основании прослеженной им стратиграфии и ориентации построек. Останавливаясь на последнем, С. Б. Сорочан полагает, что несовпадение осей двух храмов не является существенным, так как строители знали, что ограда храма № 19 закроет возникший ранее (но в близкое время) храм меньших размеров. Трудно судить о том, что знали или о чем предполагали архитекторы Херсона, но учитывать наблюдения, сделанные автором раскопок, и хронологию находок при обосновании иного мнения все же следует.

¹ См.: Яшаева Т. Ю. Крестообразный храм с ковчегом // Ранневизантийские сакральные постройки Херсонеса Таврического. Познань, 2004. С. 85—88.

игнорирует стратиграфические наблюдения О. И. Домбровского (у непосвященного читателя может сложиться впечатление, что он не имел никакого отношения к его изучению); не обсуждается и вопрос о показаниях пропорционального анализа здания, предпринятого архитектором Ю. Г. Лосицким¹. Детальный анализ материалов раскопок О. И. Домбровского, как и положений Ю. Г. Лосицкого, позволило бы внести отсутствующую в каталоге новизну. Однако критика пропорционального метода все же последовала и принадлежит она Л. Г. Хрушковой, подчеркнувшей, что «крестовидные церкви Херсонеса все еще не имеют точно установленной хронологии, но принадлежность хотя бы некоторых из них к раннехристианской эпохе находит все большее подтверждение и признание»² (это относится и к храму № 19).

Поскольку речь идет только о «все большем подтверждении и признании» датировки памятника VI в., следует полагать, что дискуссия о «храме с ковчегом» еще ждет завершения. Возможно, этому будут способствовать поиски новых свидетельств не только в отчетах, но и в фондовых хранилищах, где сосредоточены материалы раскопок так называемого театрального участка.

¹ См.: Лосицкий Ю. Г. Опыт реконструкции... С. 30–31. Мне как читателю, интересующемуся историей Херсона, осталась непонятной цель издания, о котором идет речь. Если сравнить более ранние публикации каталогообразного и библиографического характера, в которых представлены сакральные сооружения Херсона, начиная с Д. В. Айналова и завершая наиболее полной работой на французском языке Е. Ястжебовски (см.: Jaszcebowska E. Chersonèse dans l'Antiquité tardive: état de recherches et bibliographie // *Ant Tard*. 2001. Vol. 9. P. 399–418), то бросается в глаза, что ни в библиографическом, ни в содержательном плане книга, изданная в Познани, не внесла ничего нового. Российско-украинские исследователи Херсона все, что в ней представлено, знают хорошо; для западноевропейских историков и архитекторов текст, написанный на русском и польском языках, окажется мало востребованным, т. к. они могут познакомиться с историей раскопок памятника на русском.

² См.: Хрушкова Л. Г. Христианские памятники... С. 185.

Концепция «архитектурного бума»

Публикация в середине XX в. двух монографий А. Л. Якобсона о материальной культуре Херсона сделала их настольными книгами для всех исследователей города. В работах наряду с другими сюжетами приведен анализ фактически всех раскопанных к этому времени храмов. На основании анализа архитектурных деталей, мозаичных полов зданий и их планировки выдающийся исследователь Таврики сделал вывод о строительстве базилик в период с середины V—VI в., отметив при этом, что в основном они возводятся в VI в.¹

Для А. Л. Якобсона (а вслед за ним и для некоторых других исследователей) масштабное строительство в Херсоне (наряду с храмами оборонительных стен) — показатель блестящего периода Юстиниана I и последовавшего за этим кризисного развития города начиная с середины VII в. На мнение А. Л. Якобсона, вполне вероятно, могла повлиять оценка, которая сложилась у историков благодаря блистательному таланту Прокопия Кесарийского, описавшего строительную деятельность в своеобразном панегирике императору — в трактате «О постройках». Вслед за Прокопием к величественным деяниям Юстиниана I были отнесены многочисленные сооружения, в том числе и храмы, возведенные в различных частях Византии, возможно, поэтому и потомки в большей мере видели блеск эпохи Юстиниана I, нежели ее трагизм².

¹ См.: Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 131, 182. Позднее, вновь обратившись к архитектуре города, А. Л. Якобсон писал, что дата большинства базилик вряд ли выходит за пределы VI в., может быть, начала VII в. В подтверждение он привел аналогично датированные церкви, раскопанные на территории Греции и в Малой Азии. Соответствовала, по его мнению, масштабному строительству и историческая ситуация в Северном Причерноморье: активная византийская политика, особенно при императоре Юстиниане I (см.: Якобсон А. Л. Закономерности и этапы развития архитектуры средневекового Херсонеса // ВВ. 1988. Т. 49. С. 163).

² См. о Прокопии и его сочинениях: Чекалова А. А. Прокопий Кесарийский: Личность и творчество // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. и коммент. А. А. Чекаловой. СПб., 1998. С. 345–373).

Следует учитывать и существовавшее в российской историографии представление о глубоком упадке византийского города в VII — первой половине IX в.: «Такого рода явления наблюдались во всей Византийской империи — в Греции, Македонии, Северной Африке, Италии, Малой Азии; они носили, можно сказать, всеобщий характер и связаны были с упадком ремесла и аграризацией городов, которые приобретали натурально-хозяйственный облик»¹.

Определение вероятного (гипотетического) времени сооружения того или иного здания играет большую роль для реконструкции исторической топографии, это и индикатор общего состояния городской жизни. В последней четверти XX в. в портовом районе были выявлены закрытые комплексы, относящиеся к началу — середине VII в. Новые данные, отчасти изменившие представление о состоянии Херсона в период «темных веков», послужили С. Б. Сорочану основанием для вывода о том, что в это время в Херсоне разразился настоящий «архитектурный бум», отражением которого стало появление многочисленных христианских храмов и оборонительных сооружений. Так, к концу XX — началу XXI столетия произошло «смещение хронологических акцентов».

В сущности, замечание о «строительном буме» в Херсоне впервые прозвучало в одной из работ М. И. Золотарева. В процессе изучения кварталов северо-восточного района, которые не были полностью раскопаны ООИД и Р. Х. Лепером, он смог воссоздать стратиграфию участка и выявить ряд раннесредневековых комплексов. В свою очередь это привело его к выводу о том, что данная территория являлась непрерывно обитаемой с V в. до н. э. до XIII в. н. э. (наиболее полно отмечено для квартала С). Кроме того, что является весьма существенным, по всей территории кварталов был прослежен мощный раннесредневековый слой (VI — начала VII в.). Он представлял собой нивелировочную, искусственную подсыпку, предшествующую

¹ См.: Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 35; Yakobson A. L. Krim // *Reallexikon zur byzantinischen Kunst* (Stuttgart). 1995. Bd. 5. S. 375—440. К числу наиболее поздних обобщений исследований памятников Херсонеса в изданиях энциклопедического характера относится: Khrushkova L. G. Krim (Chersonesus Taurica) // *Reallexikon für Antike und Christentum*. 2007. Bd. 22. S. 76—125.

строительно-планировочным работам, охватившим, как предполагал М. И. Золотарев, весь город. В результате «строительного бума появились многочисленные базиликальные храмы, ставшие символом укрепления христианства и византийского владычества в Херсонесе»¹.

Итак, согласно распространенному в литературе мнению херсониты возвели 13 базилик в течение 150-летнего периода. В сущности, это объединяет взгляды А. Л. Якобсона, Д. Л. Талиса и С. Б. Сорочана, различие только в том, на какое время приходится «архитектурный бум». Все три исследователя, к именам которых следует добавить имена архитекторов Ю. Г. Лосицкого и И. А. Завадской и уже не раз упоминавшегося О. И. Домбровского, обосновывают хронологию строительства сакральных зданий Херсона одними и теми же свидетельствами археологии: стратиграфические наблюдения, анализ архитектурных деталей².

¹ Следует заметить, что тезису о масштабном строительстве противоречит замечание исследователя, что «экономика Херсона в это время была слаба». Показателем послужила немногочисленность находок импортных сосудов — свидетельств заморского привоза. (При «слабости экономики», такое масштабное строительство!). Следующим, ярко выраженным по всей площади района слоем являются следы пожара IX—XI вв. (Золотарев М. И., Ушаков С. В. Один средневековый жилой квартал северо-восточного района Херсонеса // ХСб. 1997. Вып. 8. С. 30—45).

² Обратим внимание на замечание Н. И. Репникова. На основании многолетнего опыта раскопок он полагал, что архитектурные детали не могут служить надежным источником для определения времени строительства, так как «мраморы — продукт ремесленного массового производства, доходили по периферии с неизбежным опозданием. Заготовленное в изрядном количестве теряло моду в центрах, в связи с чем направлялось на окраины» (Репников Н. И. О датах базилик Крыма // Арх. ИИМК, ф. 10, оп. 1, д. 3, л. 40). Не надежны хронологические построения и на основании находок церковной утвари, в том числе и реликвариев, так как факты переноса мощей в византийских храмах были частым явлением (Schreiner P. Eine unbekannte Beschreibung der Pammakaristos-Kirche (Fethiye Gamit) und weitere Texte zur Topographie Konstantinopels // DOP. 1971. Nr. 25. S. 240). Обращение к стратиграфии участков способствует «приоткрытию» завесы времени, но дает ответ только на вопросы: после чего, в какой последовательности могли быть возведены и до какого периода функционировали исследуемые памятники.

Другой путь — это изучение в целом топографии города, выявление наиболее значимых в тот или иной период районов с одновременной более точной фиксацией размеров и планировки храмов, с сопутствующим анализом отчетов и дневниковых записей, которые в отдельных случаях позволяют установить более точное местонахождение монет.

Разработка первых двух направлений присутствует в работах Ю. Г. Лосицкого, но без обращения к дневниковым записям авторов раскопок¹.

Возможны и некоторые логические и арифметические операции, которые могут показать, корректным ли является отнесение времени возведения всех базиликальных храмов к 150-летнему периоду.

Отсутствие в письменных источниках данных для ранневизантийского периода², которые касаются производительности труда строителей, не позволяет произвести даже гипотетический подсчет времени, в течение которого мог быть построен храм. Правда, имеется свидетельство

¹ См.: Лосицкий Ю. Г. Об изучении типологической эволюции монументальных архитектурных сооружений средневекового Крыма // Археология. 1990. № 2. С. 33–47 (на укр. яз.); Он же. Византийские базилики Херсонеса // Археология. 1991. № 2. С. 83–98 (на укр. яз.); Он же. О доминантном каркасе застройки средневекового Херсонеса // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси — Украины: Материалы конф. Киев; Судак, 2002. С. 167–169. Целенаправленное изучение раннесредневековой топографии Херсонеса — одна из целей совместной экспедиции Херсонесского заповедника и Познаньского университета (руководители ее А. Бернацки и Е. Кленина). Этот труд, безусловно, будет способствовать изменению наших представлений о периодизации строительства не только базилик, но и других сооружений ранневизантийского времени.

² Некоторым исключением являются поздневизантийские задачники, в которых говорится об артелях строителей, за определенный промежуток времени возводивших жилой дом. При этом не приведены размеры строения (см.: Hunger H., Vogel K. Ein byzantinisches Rechnenbuch des frühen 14. Jahrhunderts. Wien: Wiener byzantinische Studien. 1968. Bd. 6. S. 19, 57, 59). Но даже при наличии данных о размерах сооружений свидетельства задачников не могут быть использованы, потому что характер кладки и строительные материалы поздневизантийского жилого дома и храма имели существенные отличия; значительное время требовалось для росписи стен сооружения.

Льва Дьякона, писавшего, что при императоре Василии II (976—1025) для проведения ремонтных работ в св. Софии потребовалось 6 лет¹. За эти годы был восстановлен купол, пострадавший во время землетрясения. Первый на Руси храм — Десятинная церковь — возведен за 6 лет². Исследователи древнерусской архитектуры подчеркивали, что княжеский храм в Киеве сооружали столичные византийские мастера³. Однако Десятинная церковь имеет меньшие размеры в сравнении с большей частью базилик Херсона: длина ее 27,0; ширина 18,0; диаметр купола 8,0 м.

Единичные свидетельства о закладке храмов и времени их освещения содержатся в эпиграфических памятниках Армении. К примеру, церковь в Багаване была заложена в 631 г. и закончена в 639 г.⁴, семь лет шло строительство храма в Багаране (624—631)⁵. Обе постройки, конечно, имеют существенные отличия от храмов Херсонеса.

¹ Лев Дьякон писал: «Оно (землетрясение) разрушило и сбросило на землю купол и западный свод великой церкви; император Василий восстановил эти разрушения потом в шесть лет» (Лев Дьякон. История. X, 10).

² См. подробный анализ архитектуры Древней Руси: Комеч А. И. Древнерусское зодчество конца X — начала XI в. М., 1987 (история раскопок и описание Десятинной церкви — с. 170—178).

³ См.: Раппопорт П. А. Древнерусская архитектура. М., 1970. С. 10—11. Иное мнение было высказано в докладе О. М. Иоаннисяна и Г. Ю. Ивакина (К вопросу о мастерах Десятинной церкви: Константинополь или Балканы) на конференции «Византия в контексте мировой культуры, посвященной памяти Алисы Владимировны Банк, С.-Петербург 7 — 10.10.2008 г.» (не опубликовано). Авторы его уточнили строительную биографию памятника, выявили первоначальный базиликальный план постройки и привели данные, свидетельствующие об участии в возведении церкви балканских мастеров.

⁴ Подробнее см.: Орбели И. А. Багаванская надпись 639 г. и другие армянские ктиторские надписи VII в. // Христианский Восток. 1913. Т. 2, вып. 1. С. 106; Он же. Багаванский храм и его надписи // Христианский Восток. 1917. Т. 5, вып. 2. С. 128—134.

⁵ См.: Токарский Н. М. Архитектура Армении IV—XIV вв. Ереван, 1961. С. 148. В плане он в виде креста с четырьмя пятигранными с внешней стороны и полукруглыми с внутренней апсидами (длина с севера на юг и запада на восток — 15,0 м).

Для гипотетического выявления времени возможного строительства херсонесских базилик (учитывая только размеры), можно использовать данные о трехнефной трехапсидной купольной церкви в Багаване. Она считается одним из наиболее крупных сооружений первой половины VII в. (ее размеры: 46,0×27,0 м).

Более или менее близкую длину и ширину имеет самая внушительная базилика Херсонеса — № 23 (Уваровская). Ее размеры: 52,25×20,45 м. Можно полагать, что она была возведена за 8 лет¹.

В эпиграфических памятниках Армении упоминается также крестово-купольный собор Петра и Павла, входивший в состав монастырского комплекса Татева², который играл большую роль в политической и культурной жизни региона. Для его возведения потребовалось 11 лет (длина сторон 26,80 и 16,65 м. Заложен храм в 895 г. и завершен в 906 г.).

Если в качестве ориентира принять во внимание существующие сроки строительства храмов Армении, то можно предположить, что при наличии соответствующих средств для завершения строительства той или иной из херсонесских базилик требовалось 10—11 лет. Однако при этом, завершив возведение одного монументального здания, жители города должны были приступить к закладке следующего. Только при таком допущении — непрерывное сакральное строительство на протяжении фактически полутора веков — можно принять существующее в литературе мнение о строительстве базилик Херсонеса в середине V—VI в. (или последней четверти VI — первой половине VII в.).

Безусловно, сравнение памятников двух различных регионов с отличающимися архитектурными традициями и людскими ресурсами условно. Приведенные выше примеры позволяют судить лишь о том, что для строительства монументальных храмов требовалось от 6 до 11 лет. Ценное свидетельство о временных затратах при возведении храма привел Ф. И. Успенский. Речь идет о «надписи в церкви Иоанна

¹ Безусловно, сравнение храмов различных регионов не совсем корректно и не только из-за существенных различий в архитектурном убранстве, но еще и потому, что строительство храма в Багаване находилось под контролем князя Давида Сааруни. Вряд ли базилика № 23 имела столь могущественного ктитора.

² См.: Токарский Н. М. Архитектура Армении... С. 294.

на скале, что за городской стеной» (начало XIII в.), которую можно сравнить с запродажным актом об участке земли для ее строительства. Размеры здания характерны для небольших сакральных сооружений поздневизантийского периода: 5,075×2,32 м. Но примечательным является то, что от покупки участка до окончания работ, включая роспись храма, прошло 7 лет¹.

Итак, арифметические расчеты позволяют полагать: 1) 10 лет — вполне достаточный срок для строительства базилики, но окончательная отделка здания могла продолжаться и позднее; 2) в Херсоне должно было существовать непрерывное строительство фундаментальных общественных сооружений. При этом нельзя не обратить внимания на то, что город имел около 5 тыс. жителей (из них трудоспособным являлось не более 1 тыс.); 3) элементарная логика склоняет к выводу о том, что мнение, согласно которому базиликального вида храмы (и не только они) возводятся в течение 150-летнего периода, не вполне корректно. При этом вспомним, что раскопки одной из базилик, предпринятые И. Т. Кругликовой и А. В. Сазановым, показали, что подобные храмы строились и позднее. В 1986—1988 гг. они исследовали базилику в квартале VII, представляющую собой трехнефное, трехапсидное сооружение. По мнению одного из авторов раскопок, его следует датировать временем не ранее IX—X вв.² Добавим к этому слова А. Л. Бертье-Делагарда: «Конечно, нет возможности полагать, что все базилики построены в VI в., надо думать, что и позднее строились церкви, да и невероятно, чтобы уцелело так много церквей столь давнего времени»³.

Логические построения, которые приведены выше, и данные новых раскопок позволяют предложить в качестве гипотезы следующий те-

¹ См.: Успенский Ф. И. Очерки истории Трапезундской империи. СПб., 2003. С. 274—290.

² Об этом см.: Сазанов А. В. Седьмой квартал Херсонеса: хронология позднеантичных и средневековых слоев // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса, 1888—1888: Тез. докл. Севастополь, 1988. С. 95—97; Он же. Базилика 1987 г. и некоторые проблемы интерпретации памятников христианского Херсонеса // Причерноморье в средние века. М., 2000. Вып. 4. С. 276—316.

³ См.: Бертье-Делагард А. Л. Раскопки Херсонеса. С. 33.

зис: возведение базиликальных храмов Херсона происходило в более длительный хронологический период. Возможно, что начало нового масштабного строительства восходит к эпохе Юстиниана (или к V в.), но вряд ли оно завершается к концу VI в. (согласно точке зрения А. Л. Якобсона) или к середине VII в. (как полагает С. Б. Сорочан).

Второй сюжет в наиболее внушительной по объему главе о строящемся Херсоне в монографии С. Б. Сорочана посвящен строительству крепостей, что вполне закономерно: они в значительной мере обуславливали облик города¹. Обобщение данных о крепостном строительстве основано на выводах и наблюдениях блестящего знатока фортификации Херсонеса И. А. Антоновой, с которой С. Б. Сорочану посчастливилось работать в цитадели. Как и в других разделах,

¹ Недаром средневековые путешественники, описывая населенные пункты, прежде всего обращали внимание на оборонительные стены. В качестве примера можно привести сочинение Льва Африканского (ал-Хасана ибн Мухаммеда ал-Ваззана аз-Заййата ал-Фаси), араба, крещенного папой Львом X. Прежде чем описать различные достопримечательности города и представить сведения по его истории, автор говорит о стенах (например, см.: «Триполи был построен африканцами после разрушения Старого Триполи. Он обнесен высокими и красивыми, но не очень крепкими стенами» (Лев Африканский. Описание Африки и достопримечательностей, которые в ней есть: Африка — третья часть света / Пер. В. В. Матвеева. Л., 1983. С. 274). Как о сооружениях, характерных для города, пишет об оборонительных стенах автор второй половины XII в. Ибн Джубайр в путевом дневнике: «В селении есть древние следы, показывающие, что оно некогда было городом (речь идет о Джидде). Остатки стен, окружавшие его, сохранились до наших дней» (см.: Ибн Джубайр. Путешествие / Пер. Л. А. Семенов. М., 1984. С. 42). Правда, во время путешествия в Мекку паломнику встречались города, не имевшие стен: «Сооружения города по преимуществу кирпичные, — так начинает он описание Куфы. — Он не имеет стены, и его древняя мечеть находится на востоке города» (Там же. С. 148). Внимательный путешественник в ряде случаев подробно характеризует особенности оборонительных сооружений: «Городская стена окружает Тир с трех сторон; с одной стороны находится стена с каменными сводами; корабль проходит под них и бросает там якорь. А между двумя упомянутыми башнями натянута длинная цепь, которая не дает возможности входить [в гавань] и выходить [из нее]» (Там же. С. 221).

С. Б. Сорочан в историографической преамбуле обвиняет всех, кто до него в той или иной мере касался архитектуры города и его топографии в «предвзятости, недомолвках, отсутствии должного охвата письменных и вещественных источников»¹. Но, может быть, вместо этого следовало обратить внимание на время появления «классических трудов» о строительной технике, как и на круг источников, который имелся в распоряжении исследователей. Если учитывать, что в течение длительного периода раскопок византийских городов, имевших территориальный континуитет, исследовались наиболее представительные памятники античной эпохи, как отметил на одном из византиноведческих конгрессов Хр. Бурас, то причины имеющихся лакун относительно ранневизантийского и средневизантийского периодов становятся объяснимы. С сожалением приходится констатировать, что, несмотря на длительное

¹ См.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон: С. 681. Поскольку речь зашла о столь характерной особенности монографии, попутно отмечу, что вряд ли ее украшает частое употребление столь образных выражений, как «расхожий штамп», «курьез заявления», применительно к содержанию работ ведущих специалистов, к примеру, это прозвучало в отношении одного из пассажей работы С. А. Плетневой, или «фетиши, легенды» — в отношении других коллег. Высказывая критические замечания в отношении трудов коллег, следует анализировать источниковую базу, особенности эпохи, когда создавалась научная работа, а уж после этого говорить «о неверном прочтении» (тенденциозном) источника, если это было выявлено. И все же думается, что А. П. Каждан являлся хорошо осведомленным как в отношении особенностей средневекового греческого языка, так и содержания трудов византийских авторов, «неверное» прочтение которых приводило его к заблуждениям, как замечает С. Б. Сорочан в отношении некоторых выводов крупнейшего специалиста XX в. по истории Византии (напр. см.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 601). Безусловно, любой исследователь может «не заметить» противоречий, заложенных в источнике, увлекшись доказательством концепции, но обращая внимание на это, следует сохранять корректность. Как мне представляется, уважительным следует быть, когда высказываешь замечания в адрес такого блестящего знатока литературного наследия Византии, как А. П. Каждан, памятуя при этом, что вторгаешься в область знаний, которая не является для тебя специальным объектом исследования (да простит меня читатель за «навязывание» в данном случае своего мнения).

археологическое изучение некоторых византийских центров, комплексы, датированные нумизматическими находками и четко выраженной стратиграфией, единичны (о чем уже говорилось в разделе об археологических исследованиях византийских городов). Малочисленность их объясняется объективными причинами: территориальным континуитетом, последовательностью строительства, приводившего к разрушениям более ранних сооружений. Херсонесское городище в данном плане не является исключением, хотя и изначально здесь большое внимание уделялось средневековым памятникам в силу значимости города для российской истории как места, где, возможно, был крещен киевский князь Владимир. Впервые датированные монетами слои, относящиеся к раннесредневековому времени, были обнаружены в 70-х гг. прошлого столетия в портовом квартале I — почти через 150 лет с начала раскопок. До некоторой степени это и последующее возвращение к более ранним материалам стало основой для восполнения лакун.

Итак, одно из концептуальных положений, следующее по значимости после доказательств о кондоминатной зоне в Таврике для С. Б. Сорочана, — это гипотеза об «архитектурном буме» в разделе о «строящемся городе». Закономерно, что в начале историографической преамбулы отмечен вклад А. Л. Якобсона. Однако точка зрения А. И. Романчук, А. В. Сазанова, И. А. Завадской о времени возведения храмов имеет кардинальные отличия от взглядов А. Л. Якобсона и вряд ли корректно перечислять их работы в «одной строке»¹. Правда, далее С. Б. Сорочан критикует вслед за другими авторами хронологические выводы А. Л. Якобсона о времени сооружения базиликальных храмов. И все же следует еще раз отметить, что концепция С. Б. Сорочана отличается от сказанного А. Л. Якобсоном в основном смещением хронологии строительства: на смену «традиционному мнению» о масштабной строительной деятельности в середине V—VI в., предложена концепция «архитектурного бума», имевшего место на несколько десятилетий позднее. (Может быть, правильнее было бы говорить о «строительном буме»?)

Обосновывая наличие в Херсоне масштабного строительства в последней четверти VI — первой половине VII в., С. Б. Сорочан ссы-

¹ См.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 711. Прим. 102.

ляется на столь же беспрецедентный пример Равенны, где во второй половине VI в. фактически каждые 5 лет возникал, как он пишет, «очередной крупный строительный объект»¹. Другой пример, который он привел, — это Преслав, столица Первого Болгарского царства, что, как представляется автору, подтверждает возможность подобного явления и в Херсоне. Однако при этом не следует забывать, что Преслав был столицей государства, имевшего иные трудовые ресурсы в сравнении с Херсоном, а Равенна значительно превосходила его как по площади, так и по числу жителей (не говоря уже о внимании к городу Юстиниана I). Эти обстоятельства следует учитывать, поскольку, как отмечает исследователь со ссылками на эпиграфические памятники Сирии, «церкви строились вскладчину». В Херсоне, где население не превышало 5 тыс. (около 1000 семей), вряд ли было возможным привлечение финансовых средств, обеспечивавших непрерывное строительство в течение 75—100 лет². Правда, исследователь отметил, что для строительства могла быть использована четверть доходов местного церковного бюджета, предполагая также, что херсонитам оказывалась помощь со стороны столицы. Но если вспомнить обстановку в империи периода правления Юстиниана I и сменивших его императоров, то вряд ли гипотеза о существенном вливании финансов будет выглядеть бесспорной. Херсон не был единственным центром, требовавшим забот императоров.

Вполне вероятно, гипотеза о переживаемом Херсоном «архитектурном буме», сменившая тезис о глубоком кризисном развитии города, не соответствует реалиям времени, как и вывод об «обезлюдении» города в VIII в. Ответ на этот вопрос, возможно, даст тщательный анализ принципов датировки памятников, внимательней-

¹ Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 713. Исследования о Равенне многочисленны, к примеру см.: Deichmann F. W. *Ravenna. Hauptstadt des Abendlandes*. Wiesbaden, 1976; Idem. *Rom, Ravenna., Konstantinopel, Naher Osten. Gesammelte Stidien zur spätantiken Architektur, Kunst und Geschichte*. Wiesbaden, 1982.

² На с. 1026—1030 монографии приведен список общественных сооружений светского и церковного характера. Всего названо 103 памятника, большая часть отнесена ко второй половине VI — началу VII в.

шее изучение находок из раскопок объектов, возведенных в период «архитектурного бума»¹.

Конечно, предложенная в виде критического замечания гипотеза о последовательном и более длительном возведении сакральных комплексов вызывает ряд вопросов. В частности, не было учтено то, что частично при возведении того или иного храма использовались строительные материалы из более ранних зданий. Это удешевляло и убыстряло строительство. Далее, принимая во внимание значение Херсона как центра политического влияния на регион в целом, конечно, можно допустить, что помощь в сооружении храмов могла оказываться из столицы. Но вновь возникает вопрос: а разве в других окраинных городах не был заинтересован Юстиниан Великий или кто-то из императоров, сменивших его? А существовала ли возможность для оказания финансовой поддержки херсонитам у центральной власти? Список вопросов и замечаний можно продолжить. Однако при этом

¹ Не повторяя перечисление храмов, приведенное С. Б. Сорочаном, все же отметим, что строительство 12 из 16 известных к настоящему времени базиликальных храмов он датировал начиная с позднеюстиниановской эпохи до второй — третьей четверти VII в. (см.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 716). Заложить столь значительное число крупных общественных сооружений, безусловно, возможно. Но как быть с доставкой архитектурных мраморных деталей, которые следовало установить на соответствующее место, с подготовкой блоков, из которых возводились стены, с мозаичными или мраморными полами, росписью или украшением мозаичными панно стен здания? И осуществить такие работы при «ограниченных средствах» и трудовых ресурсах в столь сжатые сроки, как следует из построек С. Б. Сорочана? Монография его чрезвычайно фундирована, но в «многоименных сносках» происходит «приписывание» исследователям высказываний, которых они не произносили и не писали. Только один пример. Стремясь обосновать тезис, что после возможного землетрясения XI в. херсониты могли «ютиться в развалинах и вообще, где придется», в том числе использовать и склепы «из-за нехватки жилья в городе» (Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 1050. Прим. 42), исследователь ссылается на работу А. И. Романчук. Если исходить из контекста, то можно считать, что о подобном писала именно она, но в названной работе нет ни слова об этом. В статье, посвященной причинам образования слоев разрушения X в., обосновывалась возможность природной катастрофы, но нет ни слова об особенностях «квартирования» горожан (Романчук А. И. Слои разрушения X в. в Херсонесе. С. 182—188).

следует учитывать то, что одно дело — возможное (или вероятное) компенсирование строительных издержек, несколько другое — наличие трудовых ресурсов в городе.

На основании только археологических свидетельств установить сроки, необходимые для возведения того или иного здания, невозможно. Так же трудно объяснить причины разрушений. Безусловно, можно полагать, что таковой являлось обветшание построек. Однако сомнительно, чтобы к определенному времени многочисленные сооружения города вдруг внезапно потребовали ремонтных работ или вообще были заменены новыми.

Следовательно, вторая не менее важная проблема, которая связана с христианской топографией Херсона, — это время и причины разрушения базиликальных храмов¹. Имеющиеся в отчетах данные показывают, что в основном они были разрушены в первой половине XI в.², вполне вероятно, в результате землетрясения (А. Л. Якобсон полагал, что для Херсона катастрофические последствия имел захват Херсона князем Владимиром в конце X в.).

Каковы же причины, которые могли привести к разрушениям и последующей нивелировке, следы которой, фактически единовременно произведенной, отметил в кварталах северо-западного района М. И. Золотарев. Они обнаружены и в портовом районе, как и в кварталах, расположенных в северной части городища. Может быть, отложение слоев разрушения вызвано экстраординарными событиями? В свое время мною был предложен тезис, суть которого в том, что базилики Херсона

¹ Решение данного вопроса представляет интерес не только для памятников Херсонеса. Такие монументальные сооружения, как базилики, строились основательно и могли быть используемыми в течение длительного периода. Однако имеются наблюдения, что постройки второй половины V в. кардинально перестраиваются уже в следующем столетии (см.: Milčeva A. Eine frühchristliche Basilika aus dem Dorf Oreše im Gebiet von Nicopolis ad Nestrum (Westrhodopen, Bulgarien) // Akten des XIV Intern. Kongr. für Christliche Archäologie, Vaticano; Wien, 2006. S. 534). Не вызвано ли это было теми же причинами, что и в Херсоне?

² Выше уже упоминалась работа В. В. Хапаева, в которой он полагает, что землетрясение произошло на рубеже X—XI вв. (см.: Хапаев В. В. Разрушение Херсонеса на рубеже X—XI веков. С. 143—160).

пострадали не от коллизий времен Корсунского похода Владимира, а от землетрясения. Но имело ли место подобное стихийное бедствие в первой половине VI в.? Это отчасти может объяснить, почему на близкое время приходится ремонт или перестройка оборонительных стен и начало возведения новых храмов.

Возможно, следует обратить внимание на некоторые положения работы Н. Н. Болгова, собравшего свидетельства о сильных землетрясениях, упоминаемых в нарративных источниках. Так, он упоминает, что таковые произошли при Юлиане (360—363); Прокопий и Евагрий-схоластик сообщают о разрушениях в Константинополе 21 июля 365 г., среди событий 402, 407, 447 гг. они отметили, что землетрясения затронули и острова, а в столице очень сильно пострадали стены. В сентябре 480 г. случилось землетрясение в Малой Азии. Исследователь полагает, что оно достигло и Северного Причерноморья. (В данном случае следует вспомнить надпись о фортификационном строительстве времен императора Зенона). В 553 г. бедствие длилось целых 40 дней. В 554 и 556 гг. столичные жители вновь испытывали страх перед стихией, что красочно описано Агафием¹. Отзвуки землетрясений VI в. могли достичь и Херсона. Так не это ли и обусловило начало масштабного строительства, в конечном итоге изменившего облик города?

Оставим пока это как один из вопросов, который предстоит рассмотреть тем, кто обратится к истории Херсона в двадцать первом столетии.

Посещение апостольских мест монахом Елифанием и его характеристика херсонитов, или О Херсоне периода иконоборчества

В процессе археологических раскопок при датировке культурного слоя и находок применяется несколько методических приемов. Прежде всего — это стратиграфические наблюдения, что позволяет выявить

¹ Все данные приведены на основании работы: Болгов Н. Н. К истории сейсмических катастроф и стихийных бедствий в ранней Византии (по письменным источникам) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы: Материалы IV Боспорских чтений. Керчь, 2003. С. 15—20. Ссылки на источники не проверялись.

относительную хронологию существовавших зданий. Находки монет в исследуемых комплексах уточняют датировку, именно поэтому большое значение имеет точная фиксация их местоположения, как и всех сопутствующих артефактов. Выпуск монеты определяет время *post quem* образования культурного слоя. В свою очередь типологическая корреляция массового археологического материала, сопоставление его с находками, известными по другим памятникам, служат для уточнения хронологии. Малочисленность монет, находимых во время раскопок, относящихся именно к периоду «темных веков», стала одной из причин, вызывающих сложности в датировке археологических памятников. К тому же анализ структуры кладов показал, что период обращения монет является более длительным, чем время правления императора, при котором они были отчеканены. Продолжение политической линии предшественника обуславливало хождение на рынке денежных знаков, на которых имелась символика правителя, ранее стоявшего во главе государства. Но на период «темных веков» приходится борьба двух тенденций в Византии: иконопочитания и иконоборчества. И как это не раз уже имело место быть в истории различных государств, новый правитель стремился «изгладить» имя своего предшественника: изъятию и перечеканке подвергались монеты. Конечно, все выпущенные ранее денежные знаки обнаружить и отправить на переплавку было невозможно, но количество тех, на которых стояли имена императоров, придерживавшихся иных взглядов, все же значительно уменьшалось.

*Первый период иконоборчества*¹. В 717 г. с провозглашением императором Льва III завершилось время длительной смуты и борьбы за престол. Но осенью арабские корабли подошли к Константинополю. Только в середине августа следующего года осада столицы была снята. В Малой Азии борьба с арабами продолжалась еще 12 лет. Союзником

¹ Разделы-вставки о иконоборчестве носят не более чем справочный характер. Изложение событий приведено на основании соответствующих глав, написанных М. Я. Сюзюмовым для «Истории Византии» (М., 1967. Т. 2. Гл. 3 и 4. С. 41—80). В целом политической истории Византии конца VII — начала IX в. посвящены многочисленные исследования, но поскольку задачей раздела не является отражение существующих концепций на развитие событий этих лет, они не упомянуты.

Византии являлся Хазарский каганат, отношения с которым укреплены посольством в 729 г. и династическим браком в 732 г.: сын Льва III Константин женился на дочери кагана. Поражение хазар в 737 г. поставило каганат в зависимость от Арабского халифата. В 740 г. Лев III разгромил арабские войска в битве при Акротине. С этого времени началось постепенное освобождение захваченных арабами территорий в Малой Азии и Сирии.

Восстановление внешнеполитического престижа империи требовало значительных финансовых средств, что привело к росту налогов. В 740 г. из рук органов местного самоуправления изъята обязанность по поддержанию оборонительных стен, что значительно уменьшило значение городских властей. Политика централизации, проводимая Львом III, вызвала волнения в городах Сицилии; заговор против императора был раскрыт и в Фессалонике. К усилению конфликтов в обществе привело и то, что император поддержал иерархов малоазийских церквей, выступивших против почитания икон. В январе 730 г. был издан эдикт, запрещающий иконопочитание. Патриарх Герман, отказавшийся подписать его, заменен иконоборцем Анастасием.

Борьба против иконопочитания сопровождалась изъятием церковных сокровищ, казнями и преследованием знатных лиц, выступавших против императора-иконоборца. Фанатичным иконоборцем был сын Льва III Константин V (741—775). В начале его правления поднял восстание стратиг малоазийской фемы Опсикий Артавазд, являвшийся зятем умершего императора. После подавления восстания из ее состава выделены фемы Оптиматов, Вукеллариев.

В 754 г. состоялся Вселенский собор, на котором было заявлено, что иконопочитание возникло вследствие козней сатаны. С этого времени решительным противником иконоборчества становятся монастыри, которые извлекали выгоду от торговли иконами. Репрессии против монахов вызвали их бегство в Сицилию, Южную Италию и, возможно, в Таврику.

В 775 г. на престол вступил Лев IV, сын хазарской принцессы. В период его правления в Крымской Готии вспыхнуло восстание, во главе которого стоял иконопочитатель епископ Иоанн. Константинополь не оказал помощи восставшим. Непосредственно к Херсону это событие не имеет отношения, но в той или иной степени при обращении к

данному сюжету проявляется позиция историков, пытающихся оценить влияние борьбы иконопочитателей и иконоборцев на идеологическую ориентацию жителей данного города. При этом необходимо отметить, что свидетельства источников, на основании которых можно было бы составить представление о событиях в Северо-Причерноморском регионе, единичны и характер их таков, что сделать убедительные выводы не представляется возможным. Можно еще раз напомнить о них. Кроме Жития Иоанна¹, это письма идеолога иконоборчества Феодора Студита своим сподвижникам, сосланным в Таврику; нелицеприятная характеристика херсонитов иконопочитателя Епифания; а также Житие Стефана Нового, в котором рекомендовалось искать убежище от преследований в удаленных от Константинополя местах. Несмотря на скудные свидетельства источников и слабую изученность так называемых пещерных монастырей Крыма, был сделан вывод о том, что монашеская эмиграция в Таврику способствовала «быстрому росту монастырского феодального землевладения». В значительной мере на появление такого заключения повлияла оценка событий VIII — первой половины IX в. как «обостренной социальной борьбы, сопровождавшей процесс феодализации». Херсон, расположенный в «районе интенсивного монастырского строительства», представал, согласно концепции А. Л. Яковсона, «центром идейного сопротивления антимонастырскому курсу византийской политики», где «скапливались силы оппозиции, чему способствовала ссылка сюда опальных иерархов». Примечательным стал вывод, отражающий мнение исследователя: «Захиревшие и почти замершие города, в первую очередь Херсон, и многочисленные общинные земельные поселения, жившие натуральным хозяйством, развитие которого, однако, замедлялось оторванностью от городов». В Восточном Крыму, где уже были выявлены многочисленные печи для обжига амфор, предназначенных для транспортировки винодельческой продукции, ситуация, по мнению исследователя, имела отличия². Последующее

¹ Новым обращением к источнику стала публикация Жития Иоанна Готского с обширными комментариями (см.: Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Шапошников А. В. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода» Симферополь, 2007).

² См.: Яковсон А. Л. Средневековый Крым. С. 32—34.

обнаружение керамических комплексов в Юго-Западной Таврике¹, в том числе и в непосредственной близости от Херсона, скорректировало точку зрения А. Л. Якобсона. Изготовление амфор в данном районе не могло не свидетельствовать о вывозе сельскохозяйственной продукции на городской рынок.

Иначе представляется хронология возникновения пещерных монастырей в более поздних работах. Исследования Ю. М. Могаричева показали два этапа их существования: конец X—XI—XIII вв., XIV—XV вв.².

Обращение к новой археологической информации и «новое прочтение» источников привели С. Б. Сорочана к выводу, что *«активная, последовательная иконопочитательская, резко враждебная официальному Константинополю ориентация большинства иерархов Таврики и их паствы — такой же миф современной историографии, как и решительный сепаратизм ее “самоуправляемых властей”»*, а ссылки иконокластов в Херсон и его округу не позволяют рассматривать этот регион как центр антиправительственной оппозиции. Одновременно исследователь выражает недоумение: какие свидетельства послужили основанием для А. И. Романчук, когда она писала, что *«только в начале IX в. Таврика стала местом ссылки иконопочитателей»*³. В отдельных

¹ См.: Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство... С. 51—53; Рыжова Л. А. Гончарная печь VIII—IX вв. вблизи Херсона (в районе Радиогорки) // АДСВ. 1982. Вып. 19. С. 149—156.

² См.: Могаричев Ю. М. Пещерные церкви Таврики. С. 98—99. Наблюдения исследователя, неоднозначно воспринятые коллегами, безусловно, будут уточняться по мере появления новой информации. Но открытый после выхода его работы уникальный памятник неподалеку от Херсонеса не противоречит предлагаемой хронологической схеме (см.: Бобровский Т. А., Чуева Е. Е. Новооткрытая пещерная церковь с фресками византийского времени в Юго-Западном Крыму: Предварительные результаты первого сезона исследований // Праці Науково-дослідного інституту пам'яток охоронних досліджень (Київ). 2005. Вып. 1. С. 132—151; Они же. Новое о росписях «церкви с фресками» на Загайтанской скале в Юго-Западном Крыму // Византия в контексте мировой культуры (Труды ГЭ. 42). СПб., 2008. С. 133—147).

³ Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 493—494. Прим. 14.

случаях для С. Б. Сорочана характерно «некоторое искажение» мнений своих коллег, поэтому должно отметить, что на странице, на которую он ссылается, акценты расставлены несколько иначе. После упоминания свидетельств Жития Стефана Нового, рекомендовавшего искать убежища, в том числе и в Северном Причерноморье, говорится: «в последующем ситуация изменилась. Таврика из района, где иконопочитатели находили убежище, превратилась в место их ссылки». В подтверждение приведены письма Феодора Студита. Несколько ранее было сказано о том, что не следует преувеличивать влияние инокопачитательской эмиграции и сложности обстановки в Крыму в целом, о чем свидетельствует восстание Иоанна Готского¹.

О неясности обстановки во время иконоборческих споров писал П. Шпек², который отметил, что поток эмигрантов-иконопочитателей в историографии преувеличен³.

Восстановление иконопочитания произошло при вдове Льва IV Ирине. На Вселенском соборе, состоявшемся в Никее в 787 г., иконоборчество было осуждено. Фемная знать, лишенная при Ирине политического влияния, использовала противоречия между молодым Константином VI и матерью.

В 790 г. Ирина была отстранена от управления. Но в 797 г. в результате успешного заговора она вновь стала единодержавной правительницей, а Константин VI ослеплен. Ирина поддерживала монастыри, щедро одаривая и предоставляя им различные льготы.

Опустошение казны, усиление влияния монахов и евнухов, недовольство налоговой политикой, слухи о браке Ирины с императором

¹ См.: Романчук А. И. Очерки истории и археологии... С. 78. О третьем нападении монашеской эмиграции С. Б. Сорочан замечает, что совет Стефана Нового искать убежища в Северном Причерноморье мог и не относиться к Таврике. Правда, доказательств автор не приводит, более того, и не отрицает, что иконопочитатели могли найти убежище в небольших местечках Таврики (Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 494).

² См. его фундаментальное исследование об интересующем нас времени: Speck P. Kaiser Konstantin VI. Die Legitimation einer fremden und der Versuch einer Herrschaft. München, 1978.

³ См.: S[peck] P. Die Beiträge stehen zur weitem klärenden Diskussion // Rechtshistorisches Journal. 1984. Nr. 3. S. 26.

Франкской империи Карлом привели к новому дворцовому перевороту, и в октябре 802 г. императором провозглашен логофет геникона Никифор. Первый период иконоборчества завершился. Падение Ирины оплакивал один из идеологов иконопочитания — Феодор Студит, письма которого, отправленные к сподвижникам, находившимся в Крыму в ссылке, упоминались выше.

Второй период иконоборчества. Пришедший к власти Никифор представлял интересы столичной аристократии. Попытка заговора фемной знати во главе со стратигом фемы Анатолик оказалась безуспешной. После смерти иконоборца Тарасия патриархом стал иконопочитатель Никифор, автор исторического труда «Бревиарий». Борьба в церковных кругах продолжалась. Монашество, возглавляемое Феодором Студитом, выступило с обвинениями патриарха в отсутствии твердости по отношению к светской власти. В 809 г. собор осудил Феодора Студита, назвав его возмутителем спокойствия.

Безусловно, приведенные выше события не полностью отражают круг дел, которые пришлось решать новому императору. Не останавливаясь в целом на оценке его политического курса, все же нельзя не упомянуть активизацию арабских войск и поражение Никифора на Балканах: захват ханом Крумом Сердики в 811 г. и гибель императора.

Сменивший Никифора Михаил I Рангаве (Сильнорукий) освободил монахов из тюрем, а Феодор Студит стал одним из его советников. Однако военные неудачи — болгарский хан Крум даже осадил Константинополь — показали слабость власти императора, который вынужден был отказаться от престола. Следующим правителем империи стал стратиг Лев V Армянин (813—820). С приходом его к власти начался новый период иконоборчества. Созванный в 815 г. собор подтвердил решения иконоборческого собора 787 г.; вновь начались преследования монахов, прежде всего сторонников Феодора Студита, который призывал бойкотировать налоговые постановления императора. Недовольство политикой Льва V охватило, с одной стороны, провинциальную, прежде всего фемную иконоборчески настроенную знать, с другой — представителей высших кругов столичного населения, страдавших от жестоких репрессий. Кроме того, в восточных провинциях вспыхнуло восстание, во главе которого стоял славянин Фома, провозгласивший себя спасшимся Константином VI. Это ускорило свержение импера-

тора; в результате переворота во главе государства оказался стратиг Аморийской фемы Михаил. После подавления восстания в Малой Азии (825) Михаил II, стремясь не разжигать религиозных споров, разрешил почитание икон; запрещались споры об иконах; но временно под предлогом сочувствия Фоме Славянину из столицы высылались иконопочитатели из числа столичной знати, а их имущество конфисковывалось. Сменивший Михаила II его сын Феофил отошел от компромиссной политики отца.

Посещение апостольских мест монахом Епифанием. В начале IX в. монах-иконопочитатель Епифаний посетил Херсон во время паломничества по местам, связанным с деятельностью апостола Андрея Первозванного. Слова Епифания о херсонитах уже приводились выше. Повторим их еще раз: «Нестойкий народ херсаки вплоть до сегодняшнего дня и не тверды в вере, лживы, носимые всяким ветром ереси»¹.

Миссия апостола Андрея и предпринятое спустя столетия посещение святых мест иконопочитателем монахом Епифанием освещались неоднократно в исторических и источниковых штудиях. Выше уже был приведен список работ, в значительной мере касающихся сопоставления исторических реалий и мифологизированных данных.

Примечательно, что в летописных сказаниях о посещении Херсона апостолом Андреем выражена предопределенность связи этого города с Киевом в принятии христианской веры².

К «забытым» вследствие существовавшего в советской историографии отношения к истории церкви агиографическим свидетельствам в

¹ Греческие предания о св. Апостоле Андрее: Жития / Пер. А. Ю. Виноградова. С. 312–313. Предположение о том, что слова Епифания свидетельствуют о «языческих пристрастиях», сохранявшихся в Херсоне длительное время, противоречит наличию в городе многочисленных храмов. Ко временам Епифания, скорее всего, не без участия херсонских архитекторов они возводятся как в ближайшей округе города (например, см.: Романчук А. И. Раскопки сельского поселения в низовьях реки Бельбек // АДСВ. 1975. Вып. 13. С. 9–26), так и в более удаленных местностях (см.: Мыц В. Л. Загородный храм и некрополь Мангуна // АДСВ. 1984. Вып. 21. С. 57–65; Он же. Крестообразный храм Мангуна // СА. 1990. № 1. С. 224–242).

² Радзивилловская летопись. Л. 3 // ПСРЛ. Т. 38 (Л., 1989).

наши дни обратился А. Ю. Виноградов, предпринявший критическое издание греческих преданий¹. Более ранним и, в сущности, первым научным исследованием данных о св. Андрее является работа В. Г. Васильевского².

При обращении к источнику ценны скупые биографические указания о Епифании, монахе обители Каллистрата в Константинополе, который бежал от общения с иконоборцами. Вероятнее всего, встретив подобные настроения среди херсонитов, он и характеризует их как «нестойких», «не твердых в вере». И второе, что следует отметить: возможность совершать паломнические поездки в начале IX в., конечно же, используя торговые суда.

Конкретных данных о том, нашли ли Епифаний и его спутники реальные следы пребывания апостола Андрея в Северном Причерноморье, нет³. Действительное обретение священных реликвий в Херсоне отраже-

¹ Автор публикации показал, что большая часть житий относится к средне-византийскому периоду: IX—XI вв. (см.: Виноградов А. Ю. Греческие предания... С. 6; ср.: Макарий (Булгаков), митрополит. История русской церкви. М., 1994. Т. 1. С. 91—104.

² См.: Васильевский В. Г. Хожение апостола Андрея в стране мирмидонян // Труды. СПб., 1909. Т. 2, вып. 1. С. 215—295; также см.: Петровский С. В. Апокрифические сказания об апостольской проповеди по черноморскому побережью // ЗООИД. 1898. Вып. 21. С. 1—184. Одно из обращений к словам Епифания следует отметить особо. Э. И. Соломоник, исследуя средневековые надписи горной Таврики, сравнила географический термин одной из них (найдена при раскопках небольшого храма на хребте Басман), где речь шла о почившем пресвитере Херсайкеи, и слово «херсаки» у Епифания. Датировка памятника (не ранее X в.) позволила исследовательнице предложить для обсуждения тезис о том, что в данном случае обозначена «область Херсона» и хребет Басман являлся в X в. ее окраинной территорией (Соломоник Э. И. Некоторые новые греческие надписи средневекового Крыма // ВВ. 1986. Т. 47. С. 214—215).

³ Если следовать выводам не только светских историков, но и исследователей богословской литературы Древней Руси, они не могли их обнаружить, поскольку сомнению подвергается достоверность рассказа о миссии св. Андрея, возникшего под влиянием церковно-политических тенденций (см.: Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси.

но в других источниках, описывающих пребывание в Таврике Константина Философа. Приводимые в связи с переносом мощей св. Климента названия храмов, значительное число их, открытых к настоящему времени, не могли не привести к развитию церковно-топографических штудий.

Христианская археология и византийский Херсон

Херсонес «стал в XIX в. главным научным полигоном российской христианской археологии»¹, — говорится в одной из работ, посвященной христианским древностям. Собственно начало раскопок в 1827 г. связано с поисками храма, который мог являться местом крещения князя Владимира. Такое значение города неоднократно отмечали историки XIX в.: «Владимиру удалось овладеть Херсонесом, чтобы сделать его своей купелью и перенести ее (веру. — *А. Р.*) для русского народа в Киев»². Данное обстоятельство, а также строительная деятельность монастыря и стремление архиепископа Иннокентия сделать Херсонес частью Российского Афона³, особенно возведение на главной площади

СПб., 1996). Некоторые историки Херсонеса также выражают сомнения относительно предания о пребывании в Северном Причерноморье апостола Андрея. Критические замечания Л. Г. Хрушковой по этому поводу уже приводились выше.

¹ См.: Беляев Л. А. Христианские древности. С. 217. Вероятно, здесь будут уместны соображения об употреблении сочетания «церковная археология», которые приводит Л. А. Беляев, полагая, что более корректным является понятие «христианские древности», поскольку «хотя мы иногда называем для краткости архитектурные, археологические или другие исследования памятников, связанных с религиозной жизнью христиан, «церковной археологией», в России XIX в. сложилось устойчивое использование этого термина для обозначения историко-литургической дисциплины, призванной разъяснять происхождение церковных зданий и утвари с позиций их древней, желательной первоначальной, символики» (Там же. С. 10). О содержательной стороне христианской археологии см.: Deichmann F. W. Einführung in die christliche Archäologie. Darmstadt, 1983.

² См.: Лашков Ф. Историческая записка о сооружении в Херсонесе храма св. Равноапостольного Князя Владимира // ИТУАК. 1888. № 5. С. 2.

³ Подробнее о деятельности настоятелей Херсонесского монастыря см.: Антонова И. А., Филиппенко В. Ф. Монастыри Крыма. С. 109—171.

античного города собора в память крещения Руси, привели к раскопкам многочисленных сакральных христианских сооружений. Вполне закономерно, что В. В. Латышев обратил внимание на значение раскопок в Херсонесе для церковной археологии¹.

Исчезновение идеологических запретов во второй половине XX столетия привело к тому, что одним из направлений археологических исследований российских и украинских историков стало внимание к христианской археологии, разработка данного аспекта в херсонесских штудиях. В последней четверти XX в. опубликован ряд статей, в которых рассматриваются общие черты и отличия византийской и христианской археологии, подчеркивается, что эти дисциплины объединяет внимание к городской и христианской топографии².

Но христианская топография — это не только выявление места культовых сооружений в системе городской застройки, но и сопоставление свидетельств житийной литературы с открытыми в процессе раскопок памятниками. Один из таких сюжетов из истории Херсонеса (Херсона, Корсуни) уже был изложен выше. Начиная с конца XX в. появилась серия статей о местоположении храмов, упоминаемых в Житиях. Некоторые положения работ уже были отмечены выше, поэтому нет необходимости еще раз обращаться к изложению их содержания. И все же на одном из наблюдений следует остановиться, поскольку оно относится к числу тех, которые связывают идеи, отстоящие друг от друга фактически на целый век. Это вопрос о том, имя какого святого носил один из храмов на центральной площади города (№ 27). Раскопанный одним из первых в 1827 г. крестообразный храм (С. Б. Сорочан датирует его концом VI — первой половиной VII в.) был назван историками XIX в. храмом св. Василия³. Анализ скурых свидетельств о постройках на

¹ См.: Латышев В. В. К церковной археологии Херсонеса // ЖМНП. 1901. Окт. Отд. 3. С. 15—28; Беляев Л. А. Христианские древности... С. 217.

² См.: Хрушкова Л. Г. Христианская археология в Западной Европе и русская школа византистики // Учен. зап. Рос. Православ. ун-та (М.). 2000. Вып. 5. С. 217—245; Она же. Археология христианская, византийская, церковная: термины, предмет, современное состояние // Точки (М.). 2001. № 3—4. С. 192—211.

³ См.: Мурзакевич Н. Херсонесская церковь св. Василия (Владимира) // ЗООИД. 1863. Т. 5. С. 593—594.

центральной площади позволил С. Б. Сорочану следующим образом реконструировать последовательность строительства. К числу наиболее ранних отнесена базилика № 28, возможно, посвященная Богоматери. Позднее возведен крестообразный храм № 27 — церковь св. Василия. С восточной стороны от него располагались палаты, упоминаемые в летописном рассказе о крещении князя Владимира. С северной и западной сторон площадь оформляли небольшого размера базиликального плана храмы № 26 и 32; с южной — храм № 29. Еще одни палаты — триклиний (названы по аналогии с константинопольскими императорскими зданиями) — стояли рядом. Именно здесь, по предположению С. Б. Сорочана, и жил после захвата города Владимир, а в храме, одноименном с его христианским именем, был крещен¹. Так оказалась развитой гипотеза XIX в.²

Христианская археология, кроме топографических исследований, — это и планировка храма, и литургическое назначение его частей³, что для

¹ См.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 908.

² Вполне справедливые замечания в отношении погрешностей в аргументации отметили авторы введения к публикации материалов раскопок цистерны, расположенной в квартале VII (см.: Бернацки А. Б., Кленина Е. Ю. Введение // ХСб. Suppl. 1. С. 15.

³ Примечательным является вопрос, который ставят исследователи: «Христианская или византийская археология?» В преамбуле одной из статей Л. Г. Хрушкова отчасти отвечает на него: «Восточное Причерноморье, как и Крым, равным образом принадлежат двум ветвям исторического знания: христианской археологии и археологии византийской». Говоря о их связи, она подчеркивает, что византийская археология, не будучи долгое время самостоятельной отраслью науки, «отделилась» от христианской археологии (Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья. М., 2002. С. 30—33). Безусловно, каждый из нас имеет право на собственное мнение, но если анализировать историю раскопок различных центров, как Восточного Причерноморья, так и Таврики, то, пожалуй, более справедливым является заключение, что византийская археология «не отделилась», а развивается на основе тех достижений, которые были выработаны нашими предшественниками в области античной археологии. Вместе с тем автор права в том, что «только в последние десятилетия она (византийская археология. — А. Р.) нашла (или, может быть, еще только находит) свой дисциплинарный статус как

светского специалиста является чрезвычайно сложной темой¹ и для херсонесских древностей еще неразработанной. Первой попыткой осмысления ранневизантийских сакральных построек с точки зрения христианской литургии явилась небольшая статья одного из польских исследователей².

Во второй половине XX в. история Херсонеса стала объектом внимания нового поколения историков, которые не испытывали запрета при обращении к церковной тематике. Гипотезы, высказанные Д. В. Айналовым и В. В. Латышевым, были развиты в статьях С. А. Беляева и А. И. Романчук, независимо друг от друга попытавшихся связать упоминаемые в агиографических источниках храмы с открытыми в различных частях городища памятниками, и С. Б. Сорочана. В конце столетия внимание к историко-топографическим штудиям усилилось. Безусловно, соотнесение упомянутых в письменных источниках топографических деталей с археологическими реалиями носит гипотетический характер; их убедительность зависит от логики и непротиворечивости свидетельств археологии и агиографии. Дальнейшие поиски уточнят прежние выводы или вызовут появление новых.

особая отрасль исторического знания». Л. Г. Хрушкова ссылается при этом на работу: Zanini E. *Introduzione all'archeologia byzantina*. Roma, 1994 // *Studi Superiori*, N. S. 228, *Archeologia*. P. 11). Можно добавить и точки зрения на «византийскую археологию» других авторов, которые писали о поисках стратегии и тактики византийской археологии (Roser J. H. *A Reserch Strategy for Byzantine Archaeology* // *Byzantine Studies*. 1979. T. 6. P. 152–166) или о том, что она все еще находится в эмбриональном состоянии (Kislinger E. *Notizen zur Realienkunde aus byzantinischer Sucht* // *Medium Aevum Quotidianum*. Krems, 1987. Nr. 9. S. 33; ср.: Idem. *La cultura materiale di Bisanzio. Un nuovo inizio della ricerca scientifica* // *Schede Medievali*. 1986. Nr. 11. P. 299–313). Важнейшими связующими античную и византийскую археологию темами являются проблема культурного слоя, методика раскопок архитектурных памятников, которые имеют длительный период функционирования.

¹ См.: Хрушкова Л. Г. Новая октогональная церковь в Севастополисе и ее литургическое устройство // *Литургия, архитектура и искусство византийского мира*: Тр. XVIII Междунар конгр. византинистов: Тез. докл. М., 1991.

² См.: Kalinowski Z. *An Liturgical Analysis of Early-Christian Churches in Chersonesus Taurica* // *Ранневизантийские сакральные постройки...* С. 203–208.

Замечания относительно обозначения храмов

Выше не раз упоминались номера храмов, которые присвоены им на плане, составленном во времена раскопок К. К. Косцюшки-Валюжинича. Объяснить принцип обозначения сакральных построек, введенный Императорской археологической комиссией, не представляется возможным, так как какая-либо система не прослеживается. Нумерация не отражает ни последовательности обнаружения памятников, ни их хронологии. Кроме того, на некоторых планах повторяется один и тот же номер. Параллельно в штудиях по истории Херсона используется обозначение храмов по их местоположению (северная, западная базилика и т. д.) или по имени первооткрывателя (Уваровская базилика, базилика Крузе). Две базилики, открытые Г. Д. Беловым в северном районе, вошли в литературу с указанием года раскопок: базилика 1932 г. и базилика 1935 г. Ряд часовен и квартальных храмов, относящихся к поздневизантийскому времени, упоминаются исследователями с обозначением кварталов.

К числу первых храмов, открытых на территории Херсонесского городища, относятся так называемая базилика Крузе (№ 7), крестообразный храм на центральной площади города, над которым в последующем был возведен Владимирский собор (№ 27), и редко упоминаемое в публикациях базиликального плана сакральное здание в западном районе (№ 17). Этот пример наглядно показывает отсутствие логики в существующей нумерации, восходящей к первым планам. Если учитывать значимость и местоположение храмов, то в начале списка должны были бы стоять наиболее крупные комплексы, например, Уваровская базилика (№ 23) или сооружения, оформляющие одну из культовых доминант средневекового Херсона: крестообразный храм № 27, базилика и базиликального плана постройки № 26, 28, 32 и 33, а также крестовокупольный храм № 29. Другой способ нумерации — это следование по оси с востока на запад, и тогда в начале списка должна стоять базилика Крузе (№ 7). Но в таком случае выявленные позднее сакральные сооружения нарушат последовательность нумерации. Представляется, что наиболее логичным являлось бы присвоение номеров храмам по мере их раскопок. Это исключит двойное обозначение, примером которого является употребление номера 17: он присвоен сакральному сооруже-

нию, расположенному в квартале I¹, и одному из храмов в западной части городища. Существует еще один путь «создания списка» памятников — по времени сооружения. Он был использован С. Б. Сорочаном для вычленения сакральных и общественных (светских и оборонительных) сооружений². При существующих разночтениях в датировке это только увеличит сложности при изучении исторической топографии города, так как на планах различных исследователей будут появляться и различные обозначения для одних и тех же объектов. Но если «заложить» в создаваемые списки открытых памятников историографический элемент — время их открытия, — отличия мнений исследователей будут преодолены, вместе с тем вновь выявленные сооружения окажутся обозначенными последовательными номерами³.

Второй вопрос, который возникает при «чтении» планов в различных изданиях, — это их несоответствие друг другу. В некоторых случаях за основу принимается план, созданный к столетнему юбилею раскопок; в других — предпринимается попытка «совместить» топографическую ситуацию, представленную А. Л. Якобсоном (в ее основе лежит план 1927 г., дополненный данными из книги Д. В. Айналова), с материалами отчетов различных лет и планом, который был выполнен в Херсонесском заповеднике в 1956 г.⁴. Такое «сочетание» также приводит к ошибкам, искажению расстояний между комплексами.

Сказанное выше свидетельствует о том, что назрела необходимость создания новой топографической основы, плана, доступного для всех

¹ См. план раскопок Р. Х. Лепера, опубликованный К. Э. Гриневичем (Гриневич К. Э. Северо-восточные кварталы Херсонеса Таврического: по данным раскопок Р. Х. Лепера // ХСб. 1930. Вып. 3. С. 20. Рис. 5). Сравнение одного из планов М. И. Скубетова, хранящегося в архиве Херсонесского заповедника, с приведенным в книге Д. В. Айналова также свидетельствует об отсутствии четкости в нумерации.

² См.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 1026—1030.

³ Кстати, такой метод уже был использован Е. Г. Суровым, обобщившим материалы об обнаруженных к середине XX в. рыбозасолочных цистернах. В последующем его список дополнялся по мере появления новой информации.

⁴ Подобным образом «воссозданы» планы кварталов в монографии «Очерки истории...».

исследователей, выполненного с применением современной техники, что исключит грубые ошибки измерений.

Подготовка к новому этапу исследований христианских древностей — задача, которая, скорее всего, будет осуществлена в XXI столетии, требует создания фотоплана Херсонесского городища и топографической основы с обозначением изученных памятников, доступной для всех исследователей базы данных с последующим ее пополнением. Безусловно, осуществление этих задач возможно только при коллективном творчестве тех, кто посвятил себя исследованию истории Херсонеса. В свою очередь это приведет к «ускорению» введения в научный оборот информации о памятниках¹.

Завершение анализа того или иного историографического сюжета требует подведения итогов. В качестве такового можно отметить, как уже не раз говорилось выше, что источниковая база, которой располагают исследователи, не позволяет прийти к однозначному выводу в отношении многих вопросов, затронутых в настоящем разделе, что и является причиной дискуссий, в ходе которых одни и те же данные как нарративных источников, так и археологических свидетельств служат для обоснования различных мнений.

О нумерации храмов Херсона

Предлагаемая сводка сакральных сооружений Херсона не является первой. Только на конец XX — начало XXI в. приходится несколько попыток обобщения сведений о храмах. Западноевропейскому читателю, отчасти не имеющему возможности следить за всеми издаваемыми на русском языке работами, наиболее полную информацию представила профессор Варшавского университета Е. Ястжебовска². К более позд-

¹ Замечание вызвано ситуацией, с которой подчас сталкиваются исследователи при работе в фондах, в том числе и в Херсонесском заповеднике. Некоторые из сотрудников различных учреждений считают себя вправе заявлять, что те находки, которые они избрали объектом своего научного интереса, не могут быть доступными для других. Это приводит к тому, что при существующей «скорости» и квалификации иных из тех, кто «положил глаз» на определенную группу артефактов, они на многие годы останутся не известными широкому кругу научной общественности.

² Jaszebowska E. Cherssonèse dans l'Antiquité tardive: état de recherches et bibliographie // *AntTard*. 2001. Vol. 9. P. 399—418.

ним работам такого вида относится Приложение к монографии «Очерки истории и археологии византийского Херсона» (А. И. Романчук, 2000). Здесь приведены краткая характеристика комплексов, извлечения из отчетов, являющиеся основой для определения времени строительства и гибели зданий. Результатом польско-украинского научного сотрудничества стали два тома, один из которых посвящен раннесредневековой архитектуре Херсона¹.

К числу наиболее ранних сакральных сооружений относятся базиликальные храмы. Всего на территории Херсонесского городища и непосредственной близости от его стен открыто 15 подобных сооружений². Кроме того имеется еще 3 базиликального плана храма, для которых отсутствуют данные для определения начала строительства. В приведенный ниже список включены и другие храмы, которые традиционно относят к

¹ Бернацки А. Б., Кленина Е. Ю., Рыжов С. Г. (ред.) // Ранневизантийские сакральные постройки Херсонеса Таврического. Познань, 2004 (издание содержит статьи, написанные сотрудниками Национального заповедника «Херсонес Таврический» и Познаньского университета); Домбровский О. И. Византийские мозаики Херсонеса Таврического (ред. А. Б. Бернацки, В. А. Кутайсов). Познань, 2004. Чрезвычайно ценными для создания топографии, истории строительства и функционирования сакральных сооружений являются данные монографии С. Б. Сорочана «Византийский Херсон», в которой автор не только предлагает свое видение хронологии, но и описывает в большинстве случаев находки (со ссылками в том числе и на неопубликованные отчеты), приводит свидетельства об истории раскопок. Неоднократное обращение к систематизации данных о храмах Херсона, дискуссии в отношении их датировки являются свидетельством того, что существует необходимость монографических публикаций о каждом из раскопанных памятников сакральной архитектуры. Подготовка подобных томов позволит систематизировать все имеющиеся свидетельства, ввести в научный оборот находки, выявить слабые и сильные стороны аргументации исследователей. В конечном итоге, изложить наиболее убедительную периодизацию строительства. В качестве примера подобной монографии можно назвать: Harrison M. Ein Tempel für Byzanz: die Entdeckung und Ausgrabung von Anicia Julianas Palastkirche in Istanbul. Zürich; Stuttgart, 1990 (английское издание вышло в 1989 г.).

² Еще одна базилика (№ 35 данного списка) — это храм, расположенный в квартале VII, который датируется временем не ранее X в.

памятникам, характеризующим раннюю архитектуру Херсона (6 памятников). Это расположенные в различных частях города и за его пределами крестообразные храмы, согласно мнению А. Л. Якобсона и С. Б. Сорочана (и ряда других исследователей), они были возведены одновременно (или в близкий период) с базиликами. Более поздним временем их датировали О. И. Домбровский и Ю. Г. Лосицкий (не ранее конца IX—X вв.).

Разночтения в датировке базиликальных храмов менее существенны. В данном случае можно привести мнение А. Л. Якобсона, которое восходит к середине XX в., и опубликовавшего монографию о раннесредневековом Херсоне уже в начале следующего столетия С. Б. Сорочана. Некоторое «омоложение памятников», характерное для С. Б. Сорочана (на 100—50 лет), обусловлено концептуальным подходом к истории города. При этом следует отметить, что новых материалов для уточнения хронологии сакральных построек после раскопок базилик 1932 г. и 1935 г. не появилось, исключение составляет храм, открытый И. Т. Кругликовой и А. В. Сазановым в квартале VII¹.

Вне зависимости от дискуссии относительно времени возведения того или иного храма, всего в период между V (VI)—IX вв. было построено и функционировало 21 сакральное здание (пристроенные к ним сооружения, являющиеся составной частью комплекса, в это число не включены). На планах они могут быть обозначены сочетанием цифрового и буквенного индексов.

В поздневизантийский период фактически каждый квартал имел часовню или храм небольшого размера. В приводимом ниже списке они выделены курсивом, как и храмы, которые, как позволяют судить материалы отчетов и последующие исследования архитекторов, были возведены после XII в.

Список сакральных сооружений

Замечания к разделу. Этот раздел носит справочный характер. При перечислении сакральных сооружений приведены мнения ис-

¹ С тем, чтобы не перечислять в тексте мнения всех исследователей относительно времени строительства того или иного сакрального сооружения, они далее будут суммированы в виде таблицы.

следователей относительно их датировки. Многочисленные храмы-усыпальницы, фактически открытые в каждом из городских кварталов, за небольшим исключением не привлекали внимания. Безусловно, при освещении топографии византийского Херсона они упоминаются, а для тех, которые были раскопаны после 1927 г., имеются и некоторые данные для определения времени строительства. Однако они не носят бесспорного характера и могут быть использованы только лишь как *terminus post quem*.

В предлагаемом списке не приводятся такие детали, как размеры храмов и их планировка. Во-первых, в литературе это уже неоднократно сделано, начиная с работы Д. В. Айналова¹, во-вторых, расхождения в размерах, которые упоминаются в различных изданиях, свидетельствуют о необходимости измерений с помощью современных методов. Кроме того, для показа мнений относительно датировки храмов эти характеристики не относятся к числу принципиальных.

1) Базилика № 7, или базилика Крузе открыта в 1827 г. С ее раскопок началось исследование городища; она расположена в восточной части городища. Храм не доследован, планировавшиеся его раскопки украинно-австрийской экспедицией (М. И. Золотарев, Р. Пилингер) оказались кратковременными; в настоящее время исследуется сотрудником заповедника С. Ушаковым. Время строительства на основании аналогий А. Л. Якобсон отнес к V в.² Его мнения придерживается Т. Ю. Яшаева,

¹ См.: Айналов Д. В. Развалины храмов // ПХХ (М.). 1905. Вып. 1; Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес, XII—XIV вв. // МИА. 1950. № 17; он же. Раннесредневековый Херсонес: Очерки истории материальной культуры // МИА. 1959. № 63; Романчук А. И. Херсонес XII—XIV вв.: Историческая топография. Красноярск, 1986; она же. Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000; Бернацки А. Б., Кленина Е. Ю., Рыжов С. Г. (ред.). Ранневизантийские сакральные постройки Херсонеса Таврического. Познань, 2004; Сорочан С. Б. Византийский Херсон: Очерки истории и культуры, вторая половина VI — первая половина X в. Харьков, 2005.

² Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 67—70. К числу ранних сакральных зданий отнесли ее и в научно-популярной книге В. М. Зубарь и А. И. Хворостяный (см.: Зубарь В. М., Хворостяный А. И. От язычества к хри-

полагая, что оно может быть подтверждено раннесредневековыми декоративными мраморами, которые были обнаружены при ее раскопках; второй строительный период она датирует концом X — началом XI в.¹. В последней по времени издания публикации С. Б. Сорочана базилика Крузе отнесена к числу сакральных зданий второй половиной VI — начала VII в.². Основания, которые положены для изменения времени появления храма (планировка, ссылка на традиции византий-

стианству. Киев, 2000. С. 96). Все базилики с обнаруженными в них деталями неоднократно описывались исследователями. Данные о размерах и наиболее характерные находки приведены также: Романчук А. И. Очерки истории и археологии... С. 222—243. На плане базилик в данной публикации допущена одна ошибка: вместо храма № 16 должно стоять № 17 (см. рис. 17). Неточности в обозначении сакральных сооружений имеются и на других планах, в частности в последней публикации по истории раннесредневекового Херсона С. Б. Сорочана восточная базилика обозначена № 26 (вместо № 36), дважды указана базилика 1932 г. (одна из них, расположенная восточнее — это базилика 1935 г.), пропущена базилика на холме — № 14. Но исправлены неточности нумерации плана, помещенного в «Очерках»: базилика № 28 и крестообразный храм № 29, а также № 17 и 18. Вместе с тем линия северного берега приведена на основании ранних планов. В настоящее время базилика 1932 г. находится фактически у кромки берега (см.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 148). Иначе представлена и линия улиц в сравнении с другими планами. Отдельные расхождения топографических деталей, которые просматриваются при сравнении публикаций, свидетельствуют о том, что в настоящее время отсутствует качественно выполненный топографический план городища. Создание его — это одна из задач 21 столетия, что вполне возможно в настоящее время при использовании современной техники.

¹ Яшаева Т. Ю. Базилика Крузе (№ 7) // Ранневизантийские сакральные постройки Херсонеса Таврического. Познань, 2004. С. 79. В данном издании приведены краткие свидетельства о раннесредневековых храмах, при этом авторы попытались обобщить имеющиеся материалы и привести современную библиографию. К сожалению, обе эти задачи оказались незавершенными. Станным представляется название раздела, посвященного непосредственно сакральным сооружениям, в котором кроме истории исследований и хронологии сделана заявка на интерпретацию памятников. Относительно последнего сюжета в коллективной монографии сведения не содержатся.

² Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 1026..

ской архитектуры)¹, скорее всего будут скорректированы, благодаря возвращению к изучению не только храма, но и участка около него С. Ушаковым².

При существующей дискуссии о времени строительства базилик без тщательнейшего анализа археологических данных, все аргументы, обосновывающие «пересмотр» существующих «традиционных мнений», вряд ли способны приблизить исследователей к реалиям действительности. В основе некоторых появившихся в последние годы статей о сакральной архитектуре Херсона прослеживается стремление связать тот или иной памятник с разрабатываемой концепцией. Поэтому далее, при «воссоздании» возможной очередности строительства христианских храмов будет отмечаться только период, после которого они могли быть возведены.

2) Крестообразный храм на центральной площади (№ 27), над руинами которого в настоящее время возвышается Владимирский собор, сооруженный в память крещения Руси. Раскопки его производились Н. (К.) Крузе в 1827 г. Надежные данные для определения времени строительства отсутствуют. Традиционно датируется VI в.

¹ Столь же сомнительна аргументация И. А. Завадской, в основе которой лежит тезис о провинциальном характере архитектуры Херсонеса, следовательно, более позднем возникновении аналогичных или близкого плана зданий в сравнении с другими районами Византийской империи (Завадская И. А. Хронология памятников раннесредневековой христианской архитектуры Херсонеса: Поданным исторических и археологических источников // МАИЭТ. 2000. Вып. 7. С. 79).

² Отмечая в некоторых случаях некорректность такого аргумента, как аналогия, С. Б. Сорочан в данном случае, в сущности, говоря о традициях византийской архитектуры, его использует. Свидетельством обращения к «методу аналогий» могут служить слова на с. 745: «На это намекает “трехлепестковая” форма алтарной части крипты (речь идет о скальном храме, см. о нем ниже), обнаруживающей сходство с апсидой базилики Крузе и храма «А», который входил в церковный архитектурный комплекс, отстроенный не ранее конца VI в. на северном берегу» (Уваровская базилика с прилегающими сооружениями). Приведенное замечание не является отрицанием возможности сравнительного анализа памятников, но близость планировки сооружений не всегда бесспорное доказательство одновременности (или близкого времени) строительства.

(С. Б. Сорочан уточняет датировку — конец VI — первая половина VII в., отмечая при этом, что северный пастофорий его относится к VII—VIII вв.). Обоснования периодизации строительства не ясны. Кстати, отметим, что для храмов № 26 и 32 (см. о них ниже) таковые также отсутствуют, что не помешало С. Б. Сорочану отнести их к VI—VII вв. Аргументом является следующее соображение: «на их принадлежность раннему средневековью может указывать общая архитектура большой агоры Херсона»¹.

3) *Базиликального* плана трехнефный храм в западной части городской территории (№ 17), рядом с которой, северо-восточнее, стоял *небольшой храм с аркасолиями* (№ 16). Во время его раскопок были обнаружены остатки фрески с изображением Богоматери. В исследованиях о сакральной архитектуре Херсона оба памятника после Д. В. Айналова, за небольшим исключением, не упоминались. Приводя краткие сведения о храме, к изучению которого в 1889 г. обратился К. К. Косцюшко-Валюжинич, Д. В. Айналов отметил, что в среднем нефе базилики расположена большая цистерна, которую, вероятно, видел, но не раскопал Крузе². Вполне возможно, что храм принадлежит к числу трех, открытых в 1827 г. Имеющиеся свидетельства не позволяют судить о времени закладки храма и его гибели. Только лишь на основании планировки его можно отнести к раннесредневековым постройкам, а то, что позднее после разрушения раннего здания на этом месте не было возведено нового, как, например, в базилике 1935 г. и базилике 1932 г., позволяет полагать о функционировании храма № 17 до конца жизни Херсона.

¹ Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 908. В сводке раннесредневековых памятников (с. 1027) он отнесен к VII в.

² А. Л. Якобсон, рассматривая масштабы строительной деятельности в Херсоне в V—VI вв., «большую базилику», как назвал храм № 17 Д. В. Айналов (см.: Айналов Д. В. Развалины храмов. С. 97), не учитывал. О «забытом» сооружении было напомнено в «Очерках истории и археологии византийского Херсона» (А. И. Романчук), правда, на плане (рис. 17) номера храмов № 16 и 17 поставлены были неверно. Следующим обращением к базилике № 17 стала работа С. Б. Сорочана, который отнес ее к постройкам второй половины VI — начала VII в. (см.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 1026).

4) Базилика № 23, или Уваровская, исследовалась А. С. Уваровым в 1853 г., в последующем к ее раскопкам неоднократно возвращались различные исследователи. До постройки базилики № 23, как полагал К. К. Косцюшко-Валюжинич, здесь находилась *базилика «А»* (ниже приведена под № 26). Открыта во время повторного исследования базилики № 23. О дискуссии относительно времени ее строительства, как и храма «А», уже сказано выше.

В 1861 г. раскопками на центральной городской площади открыто несколько храмов.

5, 6) Базилика № 28, расположенная к юго-западу от крестообразного храма № 27 на центральной площади города, и северо-западнее ее базилика, которая обозначена на плане ИАК № 26. Позднее изучалась К. К. Косцюшкой-Валюжиничем в связи со строительством Владимирского собора.

7, 8) В этом же году с северной стороны площади обнаружены два плохо сохранившихся храма базиликальной формы (№ 32 и 33). Информация для определения времени строительства отсутствует.

9) Крестово-купольный храм (№ 29), также открытый в 1861 г., А. Л. Якобсон датировал IX — началом X в.; С. Б. Сорочан «удревнил» памятник — VIII — первая половина IX в.

10) Восточная базилика (№ 36) исследовалась Одесским обществом истории и древностей в 1876—1878 гг.; имела крестообразную пристройку с северной стороны. В единый комплекс входили крестообразный мавзолей (10а) и часовня, находившаяся между ним и апсидой базилики (10б). Возможно, в поздневизантийское время с южной стороны существовали еще две часовни.

11) *Часовня*, сводчатая, пристроенная к южной стене восточной базилики, окружена оградой из бутового камня. На основании типа кладки датирована А. Л. Якобсоном XII—XIII вв.¹.

12) *Часовня* около южной стены базилики.

13) *Часовня* в квартале СІ, расположена среди жилых комплексов. Вероятно, все три часовни являются сакральными сооружениями, воз-

¹ Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 168. Термин «часовня» употребляется здесь и далее вслед за авторами раскопок.

никшими не ранее XII в. Они упоминаются в работах Д. В. Айналова и А. Л. Якобсона, но без указания размеров; на планах индекса не имеют¹.

14) *Крестово-купольный* храм с усыпальницей (№ 34) на северном берегу неподалеку от Уваровской базилики открыт во время раскопок Одесского общества истории и древностей в 1877–1978 гг., повторные исследования предприняты в 1892–1893 гг. А. Л. Якобсон на основании аналогий отнес время строительства к XI–XII вв..

15) Тетраконхиальная скальная крипта и ранняя гробничная церковь² в квартале III открыта в 1883 г. Отсутствие первоначального детального плана стало одной из причин повторных обмеров, которые в различных изданиях не имеют соответствия, на что обратил внимание С. Б. Сорочан, считающий сооружение мартирием³. Предполагалось, что подземный храм возник на месте расположенной здесь ранее рыбозасолочной цистерны. Возражая против такого мнения, С. Б. Сорочан пишет, что «вытянутая и одновременно подтрапещевидная форма отверстия (над подземным сооружением) не похожа на стандартные прямоугольные или квадратные горловины херсонесских рыбозасолочных цистерн»⁴. Если обратиться к имеющимся сводным таблицам, в которых приведены конфигурация и размеры цистерн, то становится ясным, что четко выраженный «стандарт» не наблюдается⁵. Одна из цистерн вытянутой, подтрапещевидной формы была раскопана в пор-

¹ Айналов Д. В. Развалины храмов. С. 44; Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес. С. 168.

² Во время раскопок эта гробничная церковь не была обнаружена, однако вполне резонно С. Б. Сорочан замечает, что над скальным сакральным сооружением должна быть постройка, которая была разрушена в около второй четверти XI в., а при новой застройке в XII–XIII вв. здесь возвели часовню (Византийский Херсон. С. 571).

³ Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 739. Свидетельством этого являются находки останков, о чем сказано в отчете о раскопках (Отчет Императорского ООИД с 14-го ноября 1883 г. по 14-е ноября 1886 г. Одесса, 1886. С. 18), а также то, что над сооружением была построена наземная церковь.

⁴ Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 742.

⁵ Суворов Е. Г. Херсонесские цистерны // Учен. зап. Сврдл. пед. ин-та. 1948. Вып. 4. С. 3–47.

товом квартале 1¹, что должно быть известно С. Б. Сорочану не только по публикации, поскольку он длительное время являлся участником раскопок, а в последующем стал руководителем экспедиции Харьковского университета, сменив В. И. Кадеева. Аргументом в пользу возможного существования в квартале III рыбозасолочной цистерны являются и данные, приводимые С. Б. Сорочаном ниже, об открытых здесь М. И. Золотаревым остатков позднеантичного «промыслового комплекса», от которого сохранились лунки для установки пифосов². Однако в данном случае не столь существенно: использовали ли создатели скального сооружения уже готовую полость для убыстрения работ. Более значима интерпретация его и выявление времени возникновения, что аргументировано автором посредством обращения к раннехристианской традиции, согласно которой ранее VI–VII вв. в черте города не могли находиться захоронения, а также к датировке находок из расположенного неподалеку «промыслового комплекса». А. Л. Якобсон считал «скальный мавзолей» памятником V в., возражая при этом против распространенного до середины XX в. мнения, что это «подземный храм тайной христианской общины первых веков нашей эры»³.

¹ Романчук А. И. Новые материалы о времени строительства рыбозасолочных цистерн в Херсонесе // АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 45–56.

² Правда, С. Б. Сорочан полагает, что это винодельческий комплекс, о чем, вероятно, свидетельствует наличие пифосов (другие доказательства отсутствуют). Но с равным основанием можно полагать, что в пифосы перегружали соус, который был получен в цистерне, для дальнейшего хранения. Примеры «соседства» рыбозасолочных цистерн и «скопления» пифосов дали раскопки Г. Д. Белова в северном районе Херсонеса, что упоминается даже в путеводителях (например, см.: Антонова И. А., Зедгенидзе А. А., Колесникова Л. Г., Рыжов С. Г., Бедарева Г. Я., Филиппенко В. Ф. Херсонес: Путеводитель. Симферополь, 1985. С. 87).

³ Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес: Очерки истории материальной культуры // МИА. 1959. № 63. С. 192. Исследователь приводит ряд путеводителей, в которых такое мнение было высказано: Белов Г. Д. Музей и раскопки Херсонеса: Путеводитель. Севастополь, 1936. С. 87; Лисин В. П. Краткий путеводитель по античному отделу и раскопкам Херсонеса. Сева-

16) *Одноапсидная гробничная церковь* (или молельня, № 35) в квартале III, сооруженная над скальным храмом с криптой. Сохранившиеся к настоящему времени остатки апсиды А. Л. Якобсон датировал XII—XIII вв. Согласно мнению С. Б. Сорочана, в более раннее время над скальным комплексом существовала наземная постройка, что является вполне оправданным, но следов от нее, кроме подрубок в скале, не сохранилось.

17, 18) Базилика № 15, или «базилика в базилике», представляет собой два разновременных, последовательно возведенных храма, изученных в начале раскопок Императорской археологической комиссии К. К. Косцюшкой-Валюжиничем (1889 г.). В последующем памятник исследовался С. Г. Рыжовым, уточнившим его план и открывшим ряд построек, размещавшихся с северной стороны ранней базилики (баптистерий).

19) *Часовня*, расположенная около юго-восточного угла базилики № 15, была открыта в 1889 г. В отчете отмечена типичная для поздневизантийского времени кладка стен и то, что «особый интерес этой часовни состоит в том, что она вместила в себя другую меньших размеров, так что имеет две полукруглые апсиды»¹.

20) *Часовня*, открытая в 1890 г., относительно которой К. К. Косцюшко-Валюжинич отметил, что «перед храмом 15 ... на восток от апсиды среди новых наслоений жилых зданий оказалась небольшая усыпальница обычного в Херсонесе типа с одной апсидой и сводом, возведенным над нижним помещением, под которым помещалась перегороденная на четыре отделения усыпальница. Подобна открытой в 1889 г. часовне»². Замечания исследователя позволяют датировать оба памятника поздневизантийским временем.

21) *Небольшой храм* с аркасолиями исследовался К. К. Косцюшкой-Валюжиничем в 1889 г (по сводке ИАК № 16). Он расположен северо-

стополь, 1939. С. 35; Стржелецкий С. Ф. Херсонес—Корсунь. Севастополь, 1950. С. 44. Кроме исследований российских историков памятнику посвящена работа польского архитектора: Rozpędowski J. Kaplica lub Kościół z kryptą — tak zwany Kościół w Pieczarze // Ранневизантийские сакральные постройки Херсонеса Таврического. Познань, 2004. Р. 181—186.

¹ ОАК за 1889 г. С. 32; Айналов Д. В. Развалины храмов. С. 90.

² ОАК за 1890 г. С. 32.

восточнее от № 3 (по ИАК № 17). Д. В. Айналов полагал, что однонефная часовня входила в единый с храмом № 3 комплекс, но построена была позднее. Возможно, функционировала до конца XIV в. Оси обоих памятников (№ 3 и 21) совпадают, если судить по плану, приведенному Д. В. Айналовым.

22, 23) Базилика на холме (план ИАК № 14) выявлена во время раскопок 1890 г. Повторное обращение к изучению памятника московским археологом С. А. Беляевым показало существование здесь двух разновременных храмов: ранний «Б» (№ 22) с мозаичным полом и поздний «А» (№ 23). Автор раскопок полагает, что кафоликон — храм «Б», возвышающийся над северной частью города, был возведен в IV в. и разрушен в VIII в. В последующем на месте его центрального и северного нефа возводится базилика меньших размеров¹. Неоднократное обращение к анализу находок из заполнения колодца, который был засыпан перед началом строительства, опровергло мнение автора раскопок. Хронологическая последовательность сакральных зданий представляется в настоящее время следующим образом: с последней трети VI в., возможно, начала VII в. до конца X в. — функционирует ранний храм²; следовательно, не ранее начала XI в. возводится базилика на его месте. В более позднее время здесь была построена часовня.

24) В квартале XXVI **через две улицы к западу от центральной площади** (через два квартала) в этом же году обнаружен *трехапсидный храм* № 25, возведенный над засыпанными рыбозасолочными цистернами³. В надписи на арке входа стоит 6692 г., возможно, возведен (или перестроен) в 1183 г.⁴

¹ Беляев С. А. Вновь найденная ранневизантийская мозаика из Херсонеса: По материалам раскопок 1973—1977 гг. // ВВ. 1979. Т. 40. С. 114—126; он же. «Базилика на холме» в Херсонесе и «церковь на горе» в Корсуні, построенная князем Владимиром // Byzantinorussica (М.). 1994. № 1. С. 7—47.

² Завадская И. А. Христианство... С. 106; Романчук А. И. Очерки... С. 223; Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 726.

³ Следование единой нумерации по годам открытия приводит к необходимости здесь, в разделе, посвященном истории раннего Херсонеса, упоминать и более поздние храмы.

⁴ Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896. С. 34.

25) *Часовня* западнее Уваровской базилики обнаружена в 1890 г. В отчете говорится только то, что она расположена западнее и левее на расстоянии 10,66 м.

26) За пределами территории города на возвышенном холме, в настоящее время называемом Девичья горка, выявлен еще один сакральный комплекс (раскопки 1890 г., 1902 г.). В сущности, здесь имелось два разновременных храма. В отношении раннего в отчете К. К. Косцюшки-Валюжинича и у Д. В. Айналова сказано, что это был большой (12,25х5,75) однефный храм с притвором, над которым возвели часовню, после того как он был разрушен¹.

27) Западная базилика (№ 13) находится около первой куртины оборонительных стен в западной части города. Она имела крестообразную пристройку с северной стороны. Исследовалась К. К. Косцюшкой-Валюжиничем в 1891, 1892, 1895, 1901 гг. С изучения участка, где располагался храм, начались работы Уральского университета в Херсонесе в 1958/59 гг. Комплекс, в состав которого, кроме базилики, входило несколько сакральных сооружений (часовня, обозначаемая на планах Археологической комиссии под литерой «Г» и часовня № 12), возможно, являлся монастырем. Раскопками Е. Г. Сурова на основании стратиграфии и нумизматических находок² было установлено, что базиликальный храм прекратил свое существование в начале XI в. Произведенная ревизия материалов отчета, предпринятая И. Завадской, не изменила вывода исследователя³.

¹ См.: ИАК. 1904. Вып. 9. С. 15–17; Айналов Д. В. Развалины храмов. С. 119–121. При сооружении крыши позднего храма использованы черепицы с поздними метками. Археологическая ситуация напоминает ту, что выявлена при изучении некоторых базилик — ранний храм, над ним в более позднее время возводится часовня. В настоящее время раскопки его осуществляет Т. Ю. Яшаева.

² Гилевич А. М. Описание монет из раскопок в западной части Херсонеса в 1958—1960 гг. // Е. Г. Суров. Херсонес Таврический. Свердловск, 1961. С. 128–140.

³ В тезисах одного из докладов И. А. Завадская, сопоставляя точки зрения А. И. Романчук и С. А. Беляева, подтверждает наличие слоя разрушения и «мусорной засыпи», в которой встречены монеты с монограммой «ϠΩ», имевшие «хождение» в конце XI — начале XII в. Вместе с тем, она следует

28) Часовня, обозначаемая в отчетах литерой «Г», находится к северо-востоку от западной базилики, возведена над высеченной в скале усыпальницей.

29) Часовня № 12 по нумерации ИАК эпизодически исследовалась К. К. Косцюшко-Валюжиничем в ходе раскопок 1891, 1892, 1895, 1901 гг., входила в состав единого с западной базиликой комплекса сакральных сооружений.

30) Купольный храм (№ 4) с тремя апсидами, о котором К. К. Косцюшко-Валюжинич писал, что он открыт в одном направлении с базиликой № 15 (1891 г.). Был засыпан во время поздних строительных работ на городище. На основании данных отчета о раскопках судить о времени его строительства сложно, вероятно, поэтому при рассмотрении топографии христианского Херсона упоминается редко.

31, 32) *Крестово-купольные храмы* (№ 6 и 9) с подземной усыпальницей) открыты в 1891 г. По мнению А. Л. Якобсона, их следует датировать временем не ранее X—XI вв. Планировка их близка к храму № 21 (наш список № 43)¹.

33) Часовня с двумя усыпальницами открыта в 1891 г. в восточной части городища на расстоянии 87,0 м от оборонительной стены (по плану ИАК № 8). На основании находок монет Василия I, Романа I, монет трапезундских Комнинов, как отмечал в отчете К. К. Косцюшко-Валюжинич, могла существовать с XII в.

34) Часовня № 1 «на расстоянии 23,5 сажень от Уваровской базилики, к востоку на берегу», как сказано о ней в отчете за 1891 г. В настоящее время не существует.

35) Часовня с пятью усыпальницами в квартале LXXXIX (по плану ИАК № 5) открыта в 1891 г. На основании находок и из-за плохой

предположению Е. Г. Суров и А. И. Романчук о том, что наличие монет Василия II позволяет датировать время гибели построек в западной части города скорее всего концом X — началом XI в. (см.: Завадская И. А. О разрушении Херсона в X—XI вв. // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. К столетию со дня рождения М. И. Артамонова (Тез. докл.). СПб., 1998. С. 121—122. Подтверждением разрушений этого времени, согласно ее мнению, является состав кладов (см.: Гилевич А. М. Новый клад херсонско-византийских монет // ВВ. 1964. Т. 24. С. 150—158).

¹ Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес. С. 240—242; 235—237.

сохранности определить время строительства сложно. Возможно, является поздневизантийской квартальной усыпальницей.

36) Северная базилика (№ 22) находится в северном районе города (в квартале IX), неподалеку от Уваровской; открыта в 1891 г., исследовалась в 1892, 1893, 1896 гг. Повторное изучение предпринято С. Г. Рыжовым в 1981 г. Наиболее поздние исследования выявили пять строительных периодов. Правда, в последний из них базилика уже не существовала. Обобщая свидетельства своих предшественников, С. Б. Сорочан относительно базилики отмечает «не менее двух» строительных периодах, которые приходятся на время до X в. В один из них (второй, или, как стоит в тексте, «следующий») в южном нефе устроена обособленная молельня-оратория с могилами (храм № 37). Следующее изменение облика комплекса — это сооружение еще одной небольшой церкви, примыкающей к южному нефу (№ 38), возникшей, по мнению С. Б. Сорочана, после IX в. Материалы раскопок первых лет изучения памятника не содержат данных для определения времени возведения базилики, что является одной из причин разночтений хронологии памятника у исследователей: А. Л. Якобсон полагал, что его следует отнести к эпохе Юстиниана I, С. Б. Сорочан — к концу VI — началу VII в.¹

37) *Часовня* в южном нефе базилики, возникшая во время второго строительного периода храма, как полагает С. Г. Рыжов, затронувшего южный неф.

38) *Часовня*, пристроенная к южной стене базилики в третий строительный период (вторая половина XI — начало XII в.). Вероятно, о ней Д. В. Айналов писал: «В 14 усыпальницах базилики и ближней к ней часовне найдено ...»².

39) Часовня в центральном нефе базилики, возведенная после ее разрушения, скорее всего в XII—XIII вв.

¹ Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 1026. Рассматривая детали, упоминаемые в «Слове о перенесении мощей св. Климента», он полагает, что этот храм или базилика «А» около Уваровской был посвящен св. Прокпию (там же. С. 734).

² Айналов Д. В. Развалины храмов. С. 27. Как и в отчете (ОАК за 1893 г. С. 54), размеры не приведены. При обращении к комплексу сакральных сооружений северной базилики и сооружений, расположенных рядом с ней, последовательность строительных работ выявить сложно.

Последовательность строительной деятельности выявлена во время раскопок С. Г. Рыжова¹, ранее Д. В. Айналов отмечал только более позднюю часовню над руинами базилики².

К сожалению, исследование чрезвычайно интересного комплекса, в состав которого в различные хронологические периоды входило несколько сакральных сооружений, не освещено монографически³.

40) *Часовня* на юго-восточном берегу раскопана в 1892 г. На плане, приведенном Д. В. Айналовым, обозначена под № 37, в тексте стоит № 32⁴.

41) *Часовня* в юго-западной части Херсонесского городища, как отмечено К. К. Косцюшкой-Валюжиничем, расположена неподалеку от городских ворот, была раскопана в 1894 г. (по нумерации ИАК 18); имела пять усыпальниц; стены сложены в характерной для поздневизантийского времени технике кладки⁵.

42) *Часовня* с западной стороны прямоугольной башни XXIX в портовом районе открыта в 1895 г. В усыпальницах рядом с ней встречены монеты Иоанна, Мануила и Алексея Комнинов (1118—1183), что позволяет говорить о том, что она функционировала в XII в.⁶

43) *Крестово-купольный* храм в квартале XXI северного района (№ 21) исследовался в 1895 г. К. К. Косцюшкой-Валюжиничем, в 1909 г. — Р. Х. Лепером. Обмеры памятника были произведены в 1982 г. Ю. Г. Лосицким, который на основании аналогий и использованного

¹ Рыжов С. Г. Отчет о раскопках «Северной базилики» в 1981 г. // Арх. НЗХТ, д. 2226.

² Айналов Д. В. Развалины храмов. С. 27—29.

³ Краткая информация о наиболее поздних раскопках содержится: Рыжов С. Г. Доследования «Северной базилики» в Херсонесе // АО — 1981 г. М., 1983. С. 314—315. Безусловно, памятник упоминается, прежде всего непосредственно базилика, во всех работах, посвященных раннесредневековой архитектуре города (см.: Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес. С. 172; Pülz A. Die frühchristlichen Kirchen des taurischen Chersonesos (Krim) // Mitteilungen zur christlichen Archäologie (Wien). 1998. Т. 4. S. 51).

⁴ ОАК за 1892 г. С. 16; Айналов Д. В. Развалины храмов. С. 135.

⁵ ОАК за 1894 г. С. 52.

⁶ ОАК за 1895 г. С. 89.

при строительстве модуля счел возможным датировать его «временем не ранее XII в., скорее всего XIII в.»¹

44) Часовня с тремя усыпальницами, открытая в 1896 г., как отмечено в отчете, во время исследований верхнего города. Вероятно, была расположена в квартале LXXXV (к востоку через квартал от площади). Примечательной находкой является фрагментированная бронзовая икона с изображением сцены Вознесения, кроме того в отчете сказано, что в соседнем с ней помещении на полу лежали останки взрослого человека со следами воздействия огня, а рядом также пострадавший от огня глазурованный кувшинчик². Приведенные находки и стратиграфические указания К. К. Косцюшки-Валюжинича позволяют отнести постройку к поздневизантийскому времени.

45) Храм № 19, или «храм с ковчегом» открыт в 1897 г.; повторные исследования производились О. И. Домбровским, открывшим рядом с ним небольшого размера однефный храм, который, по его мнению, существовал до возведения храма № 19 (см. об этом выше). А. Л. Якобсон полагал, что основанием для датировки является находка серебряного реликвария с клеймами, который является изделием мастеров столицы эпохи Юстиниана I³. На основании стратиграфических наблюдений О. И. Домбровский отнес его к постройкам не ранее X в. С. Б. Сорочан включает его в список ранневизантийских сооружений. К началу раскопок храм имел наибольшую сохранившуюся высоту стен, не столь сильно пострадал от времени, как другие храмы Херсона, не был застроен и не использовался с целью добычи строительных материалов для других сооружений, что позволяет уверенно говорить о его функционировании до конца жизни города. (Определение времени гибели особых разногласий у историков Херсонеса не вызывает.)

46) Часовня, обнаруженная во время изучения комплекса помещений, описанных в отчете как здание «Г», расположена около куртины 13

¹ Романчук А. И., Лосицкий Ю. Г. Квартал XIII—XVIII северного района Херсонеса в XII—XIV вв.: Опыт социальной реконструкции // АДСВ.: Проблемы социального развития. 1985. С. 115—120.

² ОАК за 1896 г. С. 168—169.

³ Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 79—112.

и была открыта в 1898 г. На плане в работе Д. В. Айналова постройки обозначены под № 41. С. Б. Сорочан полагает, что она относится к IX—X вв.

47) *Храм «Е»* (на плане Д. В. Айналова № 28) в портовом квартале 1 открыт К. К. Косцюшкой-Валюжиничем в 1899 г., в последующем исследовался Объединенной экспедицией в 1963—1964 гг.; построен не ранее XI в., **существовал одновременно с храмом, обнаруженным в центральной части квартала в 1963 г.**¹ Во время раскопок К. К. Косцюшки-Валюжинича, а впоследствии И. А. Антоновой² в портовом квартале 1, в углу, образованном куртинами 16 и 18, на небольшом расстоянии от храма «Е», открыто несколько помещений, которые С. Б. Сорочан считает монастырем св. Феодора³.

¹ ОАК за 1899 г. С. 12—13; Даниленко В. Н., Романчук А. И. (ред.). Сводный отчет Объединенной экспедиции в 1963—1964 гг. // АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 43—44.

² См.: Даниленко В. Н., Романчук А. И. Сводный отчет... С. 110. По мнению И. А. Антоновой, выявленная периодизация строительства стен в портовом районе позволяет полагать, что помещения 5—6, входившие в состав комплекса, возникли не ранее середины XI в. (Антонова И. А. Оборонительные сооружения Херсонесского порта в средневековую эпоху // АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 102—118).

³ Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 850, 1028. Одним из аргументов в пользу такого предположения является находка двустороннего глиняного штампа с монограммами имени «Феодор» (см.: Романчук А. И., Соломоник Э. И. Несколько надписей на средневековой керамике Херсонеса // ВВ. 1987. Т. 48. С. 95—100). Предположение о связи штампа для изготовления просфор, храма «Е» и пяти помещений около оборонительных стен вполне логично. Сложности вызывает датировка комплекса. Как полагает С. Б. Сорочан, храм возник не позднее X в. Основанием стали находки в гробницах, в которые были перенесены останки (принадлежали по подсчетам К. Косцюшко-Валюжинича 118 усопшим). В ходе изучения расположенных рядом поздневизантийских домов было обнаружено, что часть захоронений около храма «Е» оказалась под их стенами. Кроме того, одна из усыпальниц с пятью останками располагалась рядом с храмом; она представляла собой яму, вырытую в земле и обложенную известняковыми плитами (раскопки

По сравнению с опубликованным, на который ссылается С. Б. Сорочан, более подробно ход раскопок освещен в рукописном отчете. К. К. Косцюшко-Валюжинич отмечал сходство храма «Е» с поздним храмом, возведенным после разрушения раннего — комплекс «базилика в базилике» (№ 15 по плану ИАК, или № 18 настоящего списка). Исследователь упоминал также, что поздние наслоения в помещениях 1–5 (предполагаемый монастырь около оборонительной стены) были удалены¹.

А. И. Романчук в 1989 г.). Это обстоятельство свидетельствует, что с кладбища во время строительства домов были перенесены в гробницы не все останки. И ничто не противоречит иной гипотезе: гробничная церковь создавалась именно для перезахоронения во время развернувшейся на участке в XI в. строительной деятельности. Не противоречат такому предположению и материалы раскопок И. А. Антоновой. В кладке стен помещений 5–6 были обнаружены типичные для поздневизантийского времени керамические находки. При этом И. А. Антонова полагала, что они отражают наличие более поздних ремонтных работ (Антонова И. А. Отчет в Херсонесе о раскопках северного фланга обороны порта // Отчет Объединенной экспедиции в 1964 г. // Арх. НЗХТ, д. 1160, л. 218–293). Вероятно, поспешность работ не позволила К. Косцюшко-Валюжиничу полностью изучить комплекс, не раскопанной (может быть, открытой, но не удаленной) оказалась вымостка из черепицы в помещениях 5–6, которая тщательно собрана И. А. Антоновой. Изучение меток позволяет полагать, что все же «традиционная дата» храма «Е» более реальна, чем новая датировка, предложенная С. Б. Сорочаном. Метки на черепице из вымостки пола, как и датировка строительства данного участка крепостных стен, относятся к середине — концу XI в., или началу XII в. (см. подробное описание меток и сравнительный анализ их с другими датированными на основании стратиграфии и нумизматических находок комплексами (Романчук А. И. Строительные материалы византийского Херсона. Екатеринбург, 2004. С. 84–87).

¹ Косцюшко-Валюжинич К. К. Раскопки с наружной стороны южного участка оборонительной стены, между «св. воротами» и проломом, служащим для сообщения с Карантинной бухтой и Складом древностей. Продолжение раскопок 1895 и 1998 гг. // Арх. НЗХТ, д. 8, л. 31 – 33; ср.: он же. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1899 г. // ИАК. 1901. Вып. 1. С. 38–40.

48) Гробничная постройка в проезде ворот в периболе около башни XVII выделена С. Б. Сорочаном и отнесена к X в.¹

49) Базилика «А», открытая рядом с Уваровской базиликой К. К. Косцюшкой-Валюжиничем в 1901 г., поспешно раскопана в 1904 г. из-за строительных работ Военного ведомства. По мнению автора раскопок, ее строительство предшествовало появлению базилики № 23. С. Б. Сорочан полагает, что «не исключено» возведение ее в самом конце VI — начале VII в., позднее Уваровской базилики, одновременно с входившей в ее комплекс крещальней в то время, когда весь архитектурный комплекс в кварталах IV—V принял заверченный вид².

50) Крестообразный загородный храм, расположенный на южном участке некрополя, был открыт К. К. Косцюшкой-Валюжиничем в 1902 г. (его датировка вызвала дискуссию между заведующим городищем и А. Л. Бертье-Делагардом, она изложена выше). О. И. Домбровский датировал его IX—X вв., отмечая, что ранее на участке, где возводился крестообразный храм с великолепной мозаикой, располагался небольшой мемориальный комплекс. В отличие от него, А. Л. Якобсон и С. Б. Сорочан полагают, что он был возведен или в середине VI в., или конце VI — начале VII в.³

51) Часовня с шестью усыпальницами (номера ИАК не имеет) открыта в 1903 г. в северо-восточном углу квартала, примыкающего к кварталу, в котором расположена «базилика в базилике». Приме-

¹ Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 1028.

² Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 721. Для обоснования более поздней даты приведены два соображения: сжатые формы храма, характерные для византийских храмов не ранее VI в., и то, что рядом находилась рыбозасолочная цистерна, засыпанная не ранее второй половины — конца VI в. Это уже отмечалось в работе «Очерки истории и археологии византийского Херсона» (С. 226), но только как косвенный показатель, позволяющий ориентироваться в строительной биографии участка в целом.

³ Эта дата приводится С. Б. Сорочаном (Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 1026). Правда, новые археологические свидетельства после раскопок К. К. Косцюшки-Валюжинича и повторного исследования в связи с реставрацией и переносом мозаики О. И. Домбровским получены не были. Это просто невозможно, так как памятник раскопан полностью.

чательной находкой является «большой бронзовый крест (киотный) с надписью «ГЕОРГИОС»¹.

52) *Пятиапсидный* храм, расположенный в западной части Херсонесского городища, открыт в 1906 г. Раскопками польско-украинской археологической экспедиции в 2004 г. рядом с ним выявлено еще два храма (в настоящем списке они не упоминаются, так как материалы раскопок еще не опубликованы и данные о времени строительства в научный оборот не введены). А. Л. Якобсон вслед за Н. И. Бруновым датировал его первой половиной X в.².

53) Тетраконхальный раннесредневековый храм № 47, условно называемый храмом Капитона (выше о нем уже шла речь), открыт в 1907 г., расположен в западной части города. Напомним, что автор последних раскопок (В. А. Кутайсов) датировал его началом VII в., к более раннему времени (последней четверти VI в.) отнесли строительство А. В. Сазанов и С. Б. Сорочан.

54) Базиликального плана храм на территории цитадели обнаружен в 1907 г. К. К. Косцюшкой-Валюжиничем, исследовался Р. Х. Лепером в 1910–1911 гг. Уточнение плана здания стало возможно благодаря раскопкам И. А. Антоновой³.

55) *Часовня* на территории цитадели была открыта К. К. Косцюшкой-Валюжиничем в 1907 г., впоследствии исследовалась К. Э. Гриневичем в 1926–1928 гг. Е. Э. Иванов полагал, что это храм Леонтия, упоминаемый в связи с обретением мощей Капитона. Датировка памятника: характерное для XIII–XIV вв. сооружение, как и критика мнения Е. Э. Иванова, содержится в отчете о раскопках за 1926 г.⁴.

¹Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1903 г. // ИАК. 1905. Вып. 16. С. 45.

²Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 219; Brunov N. Une église Byzantine à Chersonèse. Orient et Byzance, IV // L'art byzantin chez les Slaves. Paris, 1930. P. 28.

³В публикациях он иногда именуется как гарнизонная базилика. О застройке цитадели в средневековое время см.: Антонова И. А. Административные здания херсонесской вексиляции и фемы Херсона по материалам раскопок 1989–1993 гг. С. 16.

⁴Иванов Е. Э. Херсонес Таврический. Историко-археологический очерк // ИТУАК. 1912. Т. 46. С. 105, 256; Гриневич К. Э. Отчет о херсонесских

56) *Сакральный* комплекс, расположенный в квартале I, был раскопан Р. Х. Лепером в 1908 г. На ряде планов ему присвоен № 17. А. Л. Якобсон полагал, что данная квартальная часовня функционировала в XIII в., о чем свидетельствуют находки золотоордынских монет в пристроенной к ней костнице¹.

57) *Часовня* в квартале II с тремя усыпальницами, раскопана в 1908 г. В записных книжках Р. Х. Лепера обозначена под литерой «Т». На основании находок и техники кладки стен может быть датирована временем не ранее XII в., А. Л. Якобсон считал ее сооружением XIII в.²

58, 59, 60) Базилика 1932 г. и базилика 1935 г. открыты Г. Д. Беловым, посвятившим всю свою творческую жизнь изучению северного района города. Определение времени строительства вызывает разночтения у исследователей — от V до середины VII в. Ранний комплекс, существовавший до сооружения базилики 1935 г., некоторые исследователи считают синагогой. (О дискуссии по этому поводу и периодизации строительства в целом на участке уже говорилось выше).

61) *Часовня* в квартале XIX над руинами базилики 1935 г. Г. Д. Белов отмечал, что она возведена спустя значительное время после разрушения базилики — в XII—XIII вв.³

62) *Часовня* в квартале XIII—XVIII северного района открыта на внутриквартальной площади в 1937 г. Скорее всего, была построена в XIII в.

63) *Часовня* в квартале XXII, расположенная в юго-восточной части, раскопана в 1955 г. Г. Д. Белов отметил два периода строительства в течение XIII—XIV вв.⁴.

раскопках 1926 г. в связи с раскопками 1907—1910 гг. // ХСб. 1927. Вып. 2. С. 257—288; также см.: Гайдукевич В. Ф. Мнимая базилика Леонтия—Лаврентия // МИА. 1953. № 34. С. 299—315.

¹ Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес. С. 48—40, 243.

² Там же. С. 56—58.

³ О раскопках базилики и других сооружений квартала см.: Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг. Симферополь, 1938.

⁴ Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1955 г. // ХСб. 1959. Вып. 5. С. 66—67.

64–67) *Четыре часовни* в квартале XXV. В 1932 г. выявлена часовня, возведенная на месте разрушенной базилики 1932 г. — № 66 (обозначена на плане раскопок под № 1). В 1955 г. исследовались часовни по нумерации Г. Д. Белова № 2–4, представлявшие собой, как он полагал, единые комплексы с жилыми усадьбами¹.

68) Однонефный небольшого размера храм открыт на театральном участке в 1958 г., имел два строительных периода². Авторы раскопок

¹ Белов Г. Д. Отчет о раскопках... в 1955 г. С. 28, план. Отсутствие характерных для каждой усадьбы херсонита очага или печи, планировка сооружений на территории квартала позволили предположить, что часовня № 1 являлась кладбищенской сторожкой, а остальные три входили в состав городского монастыря (Романчук А. И. Херсонес XII–XIV вв.: Историческая топография. Красноярск, 1986. С. 55–58).

² В сводке храмов, помещенной в «Очерках по истории и археологии византийского Херсона» А. И. Романчук, он упомянут и датирован на основании наблюдений О. И. Домбровского. Правда, автор более поздней работы по истории средневекового Херсона (С. Б. Сорочан) полагает, что автор этой работы «противоречит себе». Для демонстрации этого он приводит страницы работы, где идет речь о памятнике (Романчук А. И. Очерки... С. 241 — краткая характеристика памятника и с. 94, на которой приведены соображения относительно датировки рыбозасолочных цистерн и в связи с этим упомянуты стратиграфические наблюдения О. И. Домбровского, которые позволяют их датировать; далее упомянута с. 74, где говорится о мнении автора раскопок театрального участка в связи с датировкой ремонтных работ в храме 1958 г.: между XI–XII вв. и выводе О. И. Домбровского о времени возведения храма № 19, ремонтных работах в храме 1958 г., а также продолжении его функционирования одновременно с храмом с ковчегом. Критика «противоречий», якобы присутствующих на указанных страницах, буквально звучит следующим образом: «А. И. Романчук противоречит себе, когда относит время сооружения храма к X–XI в. и говорит о его превращении в усыпальницу в это же время при последующей нивелировке территории» (см. Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 874). Можно было бы привести выписки с указанных страниц с тем, чтобы показать нарушение последовательности изложения, что привело к «приписыванию» А. И. Романчук того, что она не говорила. Но, думается, что в этом нет особой необходимости, так как соответствующие страницы, указанные С. Б. Сорочаном, были внимательно прочитаны автором «Очерков». Попутно хотелось бы заметить, что и в некоторых других случаях С. Б. Со-

считали, что поздняя переделка строения приходится на период между X—XII вв. (разрушен в XIV в.)¹.

69) *Храм с аркасолиями* в портовом квартале 1 открыт в 1963 г. Согласно мнению автора раскопок Л. Г. Колесниковой, был построен в IX—X вв., после пожара конца XIII в. не восстановлен: с его крыши была снята черепица, стопка ее обнаружена около одной из стен. Последующие раскопки территории около храма, а также данные радиоуглеродных проб позволили датировать памятник временем не ранее XI в.²

70) *Однонефный храм* на «театральном участке» открыт О. И. Домбровским в 1970 г. Время его строительства на основании керамических находок и монет отнесено к периоду не ранее XI в., или XII в., прекратил существование в результате пожара, как полагали авторы отчета, в XIV в.³

рочан подчас «приписывает» А. И. Романчук то, о чем она не имеет никакого представления. Все же еще при живущем авторе делать этого не следовало бы (конечно, и при изложении взглядов тех, кого уже нет). Вместе с тем, должна отметить, что когда концепция С. Б. Сорочана совпадает с мнением А. И. Романчук, содержание ее статей изложено корректно.

¹ Домбровский О. И., Паршина Е. А. О раннесредневековой застройке территории античного театра // СХМ. 1960. Вып. 1. С. 37—38. В монографии С. Б. Сорочана он датирован VI в. (см.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 1026) и отмечено, что был возведен, как и полагал О. И. Домбровский, до строительства храма с ковчегом (№ 19). Правда, в отличие от автора раскопок С. Б. Сорочан считает, что крестообразный храм № 19 следует относить ко времени не позднее VII в. (Там же. С. 873). К сожалению, данные, приведенные для обоснования времени строительства храма 1958 г., противоречивы.

² Описание храма см.: Колесникова Л. Г. Храм в портовом районе Херсонеса: Раскопки 1963—1965 гг // ВВ. 1978. Т. 39. С. 160—172; соображения о более позднем времени строительства приведены: Даниленко В. Н., Романчук А. И. Сводный отчет... С. 28—30.

³ Паршина Е. А. Раскопки квадрата 5: Отчет об археологических исследованиях в Херсонесе на участке античного театра // Арх. НЗХТ, д. 2182, л. 30—36.

71) *Часовня*, исследованная С. А. Беляевым в 1973—1977 гг., который датирует время строительства XI в., расположена к югу от комплекса «базилика на холме»; отделена от него улицей.

72) Вторая *часовня*, раскопанная С. А. Беляевым в эти же годы, возможно, функционировала, как и описанная выше, в поздневизантийский период. Она находится, согласно данным рукописного отчета, на расстоянии 16,0 м от вышеописанной часовни¹. В публикации, где упоминаются эти два сакральные сооружения², размеры не приведены, как и отсутствует в отчете подробное описание находок.

73) Загородный крестообразный западный храм обнаружен киевским исследователем В. М. Зубарем в 1982 г., раскопан экспедицией Уральского университета в 1985 г. На основании археологической ситуации и планировке время его функционирования отнесено к IX—X вв.³ Возможно, именно он упоминается в «Слове о перенесении мощей св. Климента».

74) *Часовня* в квартале VIII, построенная, как отмечает автор раскопок С. Г. Рыжов, во дворе усадьбы — домашняя церковь. В первом сообщении о раскопках 1984 г. строительство отнесено к концу XII — началу XIII в.⁴

75) Западная загородная *часовня* была раскопана в 1985 г. экспедицией Уральского университета, сооружена на месте крестообразного храма в поздневизантийский период.

¹ Беляев С. А. Отчет за 1977 г. // Арх. НЗХТ, д. 1910, л. 14—18.

² Беляев С. А. Вновь найденная ранневизантийская мозаика... С. 114—126; он же. «Базилика на холме» в Херсонесе и «церковь на горе» в Корсуні, построенная князем Владимиром // *Byzantinorussica* (М.). 1994. № 1. С. 7—47.

³ Приводя сводку раннесредневековых храмов, С. Б. Сорочан считает возможным датировать его концом VIII — первой половиной IX в. (см.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 1027). Это противоречит археологическим находкам, обнаруженным как в самом храме (они, конечно, свидетельствуют только о времени использования храма), так и времени изготовления строительных материалов — черепицы кровли.

⁴ Рыжов С. Г. Квартал VIII в северном районе Херсонеса // АО — 1986. М., 1988. С. 331.

76) *Базилика в квартале VII* исследована московскими историками и археологами И. Т. Кругликовой и А. В. Сазановым в 1986—1988 гг. Вероятно, один из наиболее поздних храмов базиликального плана (не ранее X в.).

77) *Часовня* в квартале Ха исследовалась С. Г. Рыжовым в 1986, 1989, 1990 гг. с пристроенными с северной и южной сторон усыпальницами. Во время раскопок внутри нее было обнаружены лежавшие сплошным слоем кости, некоторые имели следы воздействия огня. Исследователь полагает, что после пожара XIII в. херсониты снесли останки в храм и заложили вход¹.

78) *Часовня*, расположенная к юго-западу от упомянутой выше, с двумя усыпальницами внутри.

79) *Часовня* в северо-западном углу квартала X на основании находок и стратиграфии датирована XII—XIII вв.

Данный список, вероятно, следовало бы дополнить еще 4 храмами, которые названы в монографии С. Б. Сорочана как церковь св. Луппа-воина (V—VI в.), св. Лонгина (V—VI вв.), храм и птохион св. Фоки Навта (V—VI вв.), св. Феодора (VI в.)² Но кроме храма св. Фоки Навта археологических свидетельств не приведено. Да и относительно него сказано следующее: «Возможно, постройка с *opus mixtum*, раскопанная в 1902—1904 гг.». Насколько можно судить по тексту монографии, включение в список этих четырех храмов основано на косвенных соображениях: находках эвлогий или форм для их изготовления. Одна из них, в центре которой был изображен св. воин, а по периметру надпись «Благословение св. Лу(п)а», была встречена в 1989 г. в портовом квартале 2 (раскопки А. И. Романчук). Форма для оттиска (находка

¹ Рыжов С. Г. Отчет о раскопках X квартала «А» в северном районе Херсонеса в 1990 г. // Арх. НЗХТ, д. 2967, план. Находки глазурованной керамики из раскопок квартала с краткой информацией о комплексах опубликованы: Голофаст Л. А., Рыжов С. Г. Глазурованная посуда из раскопок квартала X // АДСВ. 2000. Вып. 31. С. 251—265. Более подробное описание комплексов приведено: Голофаст Л. А., Рыжов С. Г. Раскопки квартала X в северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2003. Вып. 10. С. 182—260.

² См. список, приведенный С. Б. Сорочаном на с. 1026.

1964 г.) и оттиск (находка 1896 г.) с именем и изображением св. Фоки также происходят из портового района¹.

Итак, к настоящему времени на территории Херсонесского городища раскопаны базиликальные, крестово-купольные и крестообразные храмы, многочисленные часовни и квартальные храмы, которые были построены в поздневизантийский период.

Большая часть сакральных зданий города была открыта в период, когда не существовало детального описания стратиграфии и фиксации находок. Это является одной из основных причин, вызывающих сложности в датировке памятников и дискуссию о времени их сооружения. Истоки ее, как и представление о типологии памятников, восходят к началу XX в. Для того, чтобы представить, как отразилось мнение о времени возведения храма на концепцию исследователя, представим существующие датировки в виде таблицы.

Таблица

Список раннесредневековых храмов Херсона²

№ п/п (по ИАК)	Год раскопок	А. Л. Якобсон	С. Б. Сорочан	Другие даты
1	2	3	4	5
1 (7); базилика Крузе	1827, 1891, 1997–2005	V в.	2-я половина VI — начало VII в.	
2 (27)	1827	VI в.	конец VI — первая половина VII в.	нет данных
3 (17)	1827–?		2-я половина VI — начало VII в.	нет данных

¹ Сорочан С. Б. Византийский Херсон... С. 30, № 16. Первые публикации: Колесникова Л. Г. Храм в портовом районе Херсонеса: Раскопки 1963–1965 гг. // ВВ. 1978. Т. 172. Рис. 13; ОАК за 1896 г. СПб., 1898. С. 166. Рис. 531; Голофаст О. А., Романчук А. И., Рыжов С. Г. Византийский Херсон: Каталог выставки. М., 1991. С. 32, № 17.

² Выделенные номера обозначают базилики и базиликального плана сакральные сооружения.

Продолжение табл.

1	2	3	4	5
4 (23); Уваровская	1853, 1877, 1878, 1901, 1902, 1904, 1906, 1979	V–VI в.	3-я четверть VI — начало VII в.	не ранее начала VII в.
5 (28), главная площадь	1853, 1890–1892, 1896	VI в.	2-я половина VI — начало VII в.	
6 (26); главная площадь	1861		VII в.	
7 (32)	1861		VII в.	
8 (33)	1861		VII в. — ? (в списке пропущена)	
9 (29); центральная площадь	1861	IX — начало X в.	VIII — 1-я половина IX в.	
10 (36); восточная	1876–1878, 1908, 1975–1976	конец V в.	конец VI — начало VII в.	конец VI — начало VII в.
11 (34)	1876–1977	X–XI вв.		
12 (35а), мартирий в скале	1883–1884	V в. (пещерный мавзолей)	3-я четверть VI — начало VII в. (мартирий с криптой)	
13 (22); северная	1878, 1891–1893, 1896, 1981	VI в.	конец VI — 1-я треть VII в.	
14 (15, ранняя)	1889	VI в.	2-я половина VI — начало VII в.	середина VI в.
15 (поздняя — базилика в базилике)	1889	вероятно, X в.		не ранее X в.
16 (14Б — ранняя на холме)	1890, 1973–1977		конец VI в.	IV в.

Продолжение табл.

1	2	3	4	5
17 (14А — поздняя)	1890, 1973–1977			IX–X вв.
18 (25)	1890 г.			XII в.
19 (ранний, за стенами на Девичьей горке)	1890, 1902, 2006	VI–VII вв.		
20 (поздний, за стенами на Девичьей горке)	1890, 1902, 2006			не ранее XII в.
21 (13); западная	1891, 1892, 1895, 1901, 1958–1960	конец V — 1-я пол. VI в.	конец VI в.	не ранее середины VI в.
22 (4)	1891 г.	?		
23 (6)	1891	XII–XIV вв.		
24 (9)	1891	X–XI вв.		
25 (21)	1895, 1909, 1982	XII–XIII в.		не ранее XII в.
26 (19); храм с ковчегом	1897	середина VI в.	конец VI — 1-я половина VII в.	не ранее конца X в.
27 («А»); ок. № 23	1901–1902	V в.	3-я четв. VI — начало VII в.	до начала VII в.
28; загородный южный храм	1902	конец V — 1-я половина VI в.	середина — 2-я половина VI в.	середина VI в.
29; пятияпсидный	1906, 1908, наст. время	XI–XII вв.		первая половина X в.
30 (47); тетраконх	1905–1908, 1959, 1977–1978		3-я четверть VI в.	середина VII в.
31; цитадель	1907, 1910–1911		X в.	IX–X вв.

Окончание табл.

<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
32 (базилика 1932 г.)	1932	конец VI — начало VII в.	не ранее 40-х гг. VII в.	конец VI — начало VII в.
33 (ранняя базилика 1935 г.)	1935	конец V в.		IV в.
34 (поздняя базилика 1935 г.)	1935	VI в.	2-я четв. VI в.	середина VII в.
35; храм 1958 г.	1958		VI в.	до X в.
36; квартал VII	1982, 1985			не ранее IX в.
37; загородный западный	1986—1988			не ранее IX в.

Очерк 5. ХЕРСОН В X–XI ВВ.

История никогда не занимается лишь одной стороной события, совсем исключая другую.

Р. Дж. Коллингвуд. Идея истории

Краткая справка об источниках. Херсон X столетия. Императоры Византии второй половины X в. Корсунский поход Владимира. О времени вступления Владимира в Корсунь. Был ли разрушен Херсон Владимиром? О расположении лагеря Владимира. История Херсонеса в обобщающих трудах историков России: В. Н. Татищев о географии Таврики и истории Херсона; Н. М. Карамзин о походе Владимира; С. М. Соловьев о Херсоне; В. О. Ключевский о значении Повести временных лет; периодизация истории Северного Причерноморья Г. В. Вернадского. Что привело к образованию слоев разрушения? Свидетельство о строительной деятельности, или Керамические мастерские Херсона XII вв. В связи с какими событиями упоминался Херсон в XI в.: восстание Георгия Цулы; Херсон и Тмутаракань; Анна Комнина о Лже-Диогене.

В одной из работ А. Л. Якобсон писал: «Геометрическая планировка херсонских кварталов X в., унаследованная еще от античности, с их мощенными площадями и водостоками, как и планировка двухэтажных усадеб, выступающих на улицы своими глухими фасадами, большие базилики раннего средневековья, ... все это придавало Херсону того времени облик византийского города»¹.

В X–XI в., кроме византийских историков, Херсон упоминается в летописях. Объясняется это выходом на международную арену Древ-

¹ Якобсон А. Л. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. Л., 1964. С. 68.

нерусского государства и таким эпохальным событием в его истории, как официальное принятие христианства. В первом случае имя города присутствует в русско-византийских договорах, во втором — в связи с описанием Корсунского похода князя Владимира.

Краткая справка об источниках

Х в. В связи с рассказом о миссии Петроны Каматира в хазарские земли сочинение Константина Багрянородного «Об управлении империей» уже было названо выше. Но оно имеет значение и при обращении к событиям, современником которых являлся император. Особенно интересна его характеристика варварского мира: «Другой народ из тех же самых пачинакитов находится рядом с областью Херсона». Далее он пишет, что печенеги «и торгуют с херсонитами, и исполняют поручения как их, так и василевса и в России, и в Хазарии, и в Зихии, и во всех тамошних краях, получая, разумеется, от херсонитов заранее согласованную плату за эту самую услугу, соответственно важности поручения и своим трудам, как-то: влаттии¹, прандии, харерии, пояса, перец, алые кожи парфянские и другие предметы, требуемые ими, как о том каждый херсонит сумеет договориться с любым из пачинакитов при соглашении или уступит его настояниям. Ведь, будучи свободными и как бы самостоятельными, эти самые пачинакиты никогда и никакой услуги не совершают без платы» (Константин Багрянородный. Об управлении империей, 6)². Отмечает император и роль херсонитов в дипломатических сношениях: «Всякий раз, когда василик переправится в Херсон ради подобного поручения, он должен тотчас послать [вестника] в Пачинакию и потребовать от них заложников и охранников. Когда они прибудут, то заложников оставить под стражей в крепости Херсона, а самому с охранниками отправиться в Пачинакию и исполнить порученное (“О василиках”³, посылаемых из Херсона в Пачинакию, 7)».

¹ Влаттии — драгоценные шелковые ткани; прандии — лента, тесьма, шнур, мелкий галантерейный товар; харерии — сирийские ткани.

² Цитаты приведены по переводу: Константин Багрянородный. Об управлении империей / Текст, пер., ком. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1989.

³ Служители императора, выполняющие его поручения.

В другом разделе «О крепости Херсон и крепости Боспор, 11» приведена рекомендация, как использовать одних варваров против других: «[Знай], что эксусиократор Алании не живет в мире с хазарами, но более предпочтительной считает дружбу василевса ромеев, и, когда хазары не желают хранить дружбу и мир в отношении василевса, он может сильно вредить им, и подстерегая на путях, и нападая на идущих без охраны при переходах к Саркелу, к Климатам и к Херсону».

О роли Херсона как дипломатического и миссионерского центра свидетельствуют письма патриарха Николая Мистика (901–906, 912–925). Вероятно, неоднократно сообщал в столицу о беспокойной обстановке в Таврике стратиг Херсона, как говорится в одном из писем патриарха (от 917 г.)¹. Адресуясь к царю Болгарии Симеону (893–927), он писал: «Ты знаешь также Вогаса, стратига херсонского: тот также не перестает уведомлять, что болгары всячески стараются поднять печенегов и другие народы тех стран против греков. И не изредка и не через продолжительные промежутки времени, но чуть не ежедневно надоедает нам таковыми письмами и донесениями». В других посланиях патриарх просил стратига Херсона оказать содействие архиепископу, которому поручалось рукоположить епископа в Хазарии².

Не смогла остаться незамеченной для херсонитов морская экспедиция к Константинополю, когда «в лето 6452 (944 г.) Игорь совокупи вои многи: варягы, и русь, и поляны, и словены, и кривичи, и тиверци, и печенеги наа, и тали у них поя, и поиде на греки в лодьях и на конех, хотя мьстити себе. Се слышавше, корсунци послаша к Роману, глаголюще: “Се идут русь бес числа корабль, покрыли суть море корабли”»³.

Источники X в. свидетельствуют, что наряду с печенегами на юге Восточной Европы и в Причерноморье появилась новая сила — Русь⁴.

¹ Как полагает Н. А. Алексеенко, одна из недавних находок является печатью патриарха: Алексеенко Н. А. Булла патриарха Николая Мистика из Херсона // Древности: ХИАЕ. 2004. С. 260–264.

² См.: Nicholas I Patriarch of Constantinople. Letters 9, 66, 100 / Ed. R. J. H. Jenkins, L. G. Westerink. Wash., 1973. P. 314, 338.

³ Радзивилловская летопись // ПСРЛ. 1989. Т. 38. Л. 24.

⁴ Истоки русско-корсунских отношений, по мнению Д. Л. Талиса, восходят к началу IX в., когда дружина князя Бравлина овладела на краткое время

А в конце X в., как полагают некоторые исследователи, в Приазовье возникло Тмутараканское княжество¹. Стремясь найти союзников в борьбе с болгарами, Никифор Фока отправил в Киев к Святославу в 967/68 г. патрикия Калокира, сына херсонского протевона (Лев Диакон, IV, 6). С помощью золота Византии удалось направить дружину

землями от Корсуни до Корча (Керчи), о чем рассказывается в славянском варианте Жития Стефана Сурожского (см.: Житие Стефана Сурожского, 3 // Васильевский В. Г. // Труды. Пг., 1915. Т. 3. С. 95). Он полагал, что при создании фемы в Херсоне учитывалось усиление в Причерноморье Руси (об этом см.: Талис Д. Л. Раннесредневековый Херсонес: Из истории социально-экономического и политического развития города в V—X вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1956; Он же. Из истории русско-корсунских политических отношений в IX—X вв. // ВВ. 1958. Т. 14. С. 103—115). В отношении достоверности сообщения о походе Бравлина в историографии уже в то время высказывались сомнения. Интересная гипотеза, основанная на сопоставлении различных вариантов Жития и других источников, принадлежит Ю. М. Могаричеву. Он полагает, что в Житии речь идет о карательной экспедиции хазарского полководца Песаха, предпринятой через 200 лет после смерти Стефана Сурожского. Упоминание о чуде исцеления «благочестивой царицы по имени Анна» склонило его к выводу, что это — будущая супруга князя Владимира. Исследователь назвал загадкой замену в русских летописях XV в. Бравлина на Песаха (см.: Могаричев Ю. М. Бравлин из Новгорода или Песах из Самкрая? (О ком сообщает Житие Стефана Сурожского) // Небесные патроны и земные служители культа: Тез. докл. и сообщ. Севастополь, 2007. С. 36—37). Мнения о достоверности похода Бравлина придерживался В. В. Мавродин (см.: Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С. 139, 199—200).

¹ В отношении одной из гипотез о раннем пребывании славян в Приазовье у С. П. Шестакова говорится: «Разбор этой совершенно оригинальной гипотезы завел бы нас слишком далеко. Он, впрочем, уже и сделан» (Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса в VI—X вв. по Р. Хр. // ПХХ. 1908. Вып. 3. С. 53). Последуем его примеру в отношении существующих дискуссий о возникновении и особенностях статуса Тмутараканского княжества, которые частично изложены в недавно опубликованной работе: Чхаидзе В. Н. Тмутаракань (80-е гг. X в. — 90-е гг. XI в.): Очерки историографии // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа (Армавир). 2006. Вып. 6. С. 139—174.

Святослава в земли Болгарии, но цель, которую преследовал русский князь, в конечном итоге не совпала с интересами византийской дипломатии. Совершив несколько успешных походов, Святослав захватил Фракию; угроза нависла и над Константинополем. В последующем удача отвернулась от князя: в 971 г. он потерпел поражение в битве при Доростоле (Силистра) и, согласно мирному договору, обязался не нападать на Корсунскую страну, защищать рыбные ловы корсунян. Завоевание земель корсунян и их рыбных ловах отражена и в более ранних русско-византийских договорах (944, 945)¹.

На конец X в. приходится такое событие, как крещение Руси, произошедшее, согласно некоторым свидетельствам источников, после помощи, оказанной киевским князем Владимиром императору Византии Василию II (976—1025) в борьбе против мятежников. Предшествовал принятию христианства Корсунский поход, описанный в русских летописях и упоминаемый византийским историком Львом Дияконом².

¹ См.: Радзвилловская летопись // ПСРЛ. Т. 38. С. 25, 27, 36 (о договорах см.: Майчик Д. М. Русско-византийские договора // ЖМНП. 1915. Ч. 57, отд. 2. С. 249—272; Ч. 59, отд. 2. С. 292—317; Ч. 60, отд. 2. С. 132—163; Ч. 62, отд. 2. С. 89—127; Ч. 66, отд. 2. С. 57—82; 1917. Ч. 69, отд. 2. С. 26—46; Swiencickij I. Die Friedenverträge der Bulgaren mit der Russen mit Byzanz // Atti del V Congresso internazionale di Studi Bizantini. Roma, 1939. Т. 1. Р. 322—326).

² См.: Лев Диякон, X, 10; ПСРЛ. Т. 38. С. 50—51; ПВЛ. С. 76—77; Житие Св. Владимира особого состава // Шахматов А. А. Корсунская легенда о крещении Владимира // Сб. в честь В. И. Ламанского. СПб., 1906. С. 46—49. Анализ свидетельств Повести временных лет о крещении Руси посвящены следующие работы: Шахматов А. А. Один из источников летописного сказания о крещении Владимира // Сб. статей по славяноведению, посвященных проф. М. С. Дринову. Харьков, 1905; Он же. Разыскания о древнейших летописных сводах. СПб., 1908. С. 1029—1153. Исследователь писал о противоречиях, содержащихся в источниках, и рассматривал так называемую Корсунскую легенду. При обращении к летописным сводам и агиографии интерес представляют: Зимин А. А. Память и похвала Иакова Мниха и житие князя Владимира по древнейшему списку // КСИС. 1963. Т. 37. С. 72—73; Богуславский С. А. К литературной истории «Памяти и похвалы» князю Владимиру // ИОРЯС. 1924. Т. 29. С. 126—140; Жданов Р. В. Крещение Руси и Начальная летопись

Последовательность таких событий, как Корсунская осада Владимира, ожидание посольства, прибытие принцессы Анны, брак князя реконструируются на основании летописей и Жития св. Владимира.

XI в. Как и раньше, город служил местом ссылки для опальных сановников. Дочь Алексея I Комнина (1081—1118) принцесса Анна в сочинении «Алексиада» останавливает внимание на военных походах, религиозных спорах и мятежах, свидетельницей которых ей пришлось быть. А в связи с описанием судьбы одного из мятежников, Псевдо-Льва, выдававшего себя за сына Романа IV Диогена (1068—1071), она упоминает Херсон, рассказывая, что самозванец, будучи в ссылке (1092), сумел бежать к половцам и попытался с их помощью утвердиться на престоле. Но войско половцев было разбито, самозванец схвачен и ослеплен (Анна Комнина. Алексиада, X, 2.)¹.

Для второй половины столетия имя города названо в связи с событиями 1066 г. в Тмутараканском княжестве (отравление князя катепаном, которого в последующем херсониты «побили камнями»)².

В сравнении с античным и римским периодами количество эпиграфических памятников для средневекового Херсона немногочисленно. В одной из надписей, датированной 1059 г., говорится о сооружении ворот претория и возобновлении других ворот стратигом Херсона Львом Алиатом³.

Большое значение для изучения внутренней истории города, его торговли и системы управления представляют данные сфрагистики. Для начала XI в. имеется несколько печатей стратига Георгия Цулы,

// Исторические записки. 1939. Ч. 5. С. 3—30; Насонов А. Н. К вопросу об источниках летописного сказания о св. Владимире // Христианское чтение. 1902. Июль. С. 89—106.

¹ Комнина Анна. Алексиада / Пер., ком. Я. Н. Любарского. М., 1965. В связи с упоминанием сочинения можно отметить несколько публикаций, относящихся ко времени правления Алексея Комнина: Латышев В. В. Надпись времен Исаака Комнина, найденная в Херсонесе // ВВ. 1895. Т. 2; Литаврин Г. Г. Неизвестное свидетельство о Боспоре Киммерийском во времена Алексея I Комнина // VII Всесоюзная конф. византистов: Тез. докл. Тбилиси, 1965.

² Радзивилловская летопись // ПСРЛ. Т. 38. С. 71.

³ См.: Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896. С. 16—17.

как считается, поднявшего мятеж против императора, участниками которого, возможно, стали херсониты¹.

Представляется, что в каждом из разделов об исследовании Херсонеса—Херсона должно присутствовать сопоставление архивных документов, рассказывающих о возникновении научной идеи, затем обращение к археологическим данным, поскольку они позволили получить бесценные свидетельства безыменных событий, нашедших отражение в культурном слое. Анализ описанных хронистами-современниками или более поздними авторами исторических реалий дает канву для реконструкции картины исторического развития города. И наконец, последнее — это выводы, к которым пришли историки начала — второй половины прошлого столетия, когда были опубликованы фундаментальные исследования о Херсонесе. Однако при обращении к такому историографическому сюжету, как Корсунский поход Владимира, sobлюсти подобную схему сложно, потому что в публикациях и переписке XIX—XX вв. не нашел отражения процесс рождения гипотезы, истоки которой можно отнести к XI—XII вв., к первым систематизированным летописным сказаниям о Древней Руси.

Так как же оценивали историки XX в. значение Херсона X столетия и что изменилось в отечественной историографии относительно Корсунского похода Владимира?

¹ См.: Georgius Cedrenus / Ed. I. Bekkero // CSHB. Bonnae, 1838—1839. Т. 2. Р. 464. О печатях Георгия Цулы, обнаруженных в Херсоне, см.: Алексеенко Н. А. Новые находки моливдовулов рода Цулы из Херсонеса // Древности: ХИАЕ. 1995. С. 81—87; Он же. Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики IX—XI вв. // МАИЭТ. 1998. Вып. 6. С. 732—736; Смычков К. Д. Неизданная печать с именем Цула // ВВ. 1987. Т. 48. С. 158—159; Соколова И. В. Печати Георгия Цулы и события 1016 г. в Херсоне // ПС. 1971. Вып. 23 (86). С. 68—74. Первые публикации печатей с именем Цулы принадлежат В. Н. Юргевичу. Узнав о новой находке, он просил К. К. Косцюшку-Валюжинича: «На одной из печатей упоминается стратиг Цула. На нашей, как Вам известно, недостает в этом имени одной буквы. ... Хочется мне по этому поводу написать статейку для записок и потому, зная, что у Вас имеется другой экземпляр той же печати, покорнейше прошу прислать ее для разглядывания» (Юргевич В. Н. — К. К. Косцюшке-Валюжиничу, 11.10.1897 г. // Арх. НЗХТ, д. 51, л. 2 об.).

Херсон X столетия

В первом монографическом исследовании по истории средневекового Херсона, принадлежащем перу С. П. Шестакова, говорилось, что создание фемы способствовало возрастанию роли города как торгового и дипломатического центра и преодолению оппозиционных настроений херсонитов. В X в. значение Херсона еще более усиливается, так как он превратился в центр торговли с печенегами и Русью¹.

Исследования А. Л. Якобсона являются следующим фундированным обращением к свидетельствам письменных и археологических источников. Относительно представления статуса Херсона в X в. он солидарен с выводами С. П. Шестакова: Херсон в конце IX — X в. «приобрел для Византии во всей ее причерноморской политике огромное стратегическое значение. Об экономическом возрождении города свидетельствует возобновление выпуска собственной монеты»². При этом А. Л. Якобсон отмечал, что «археологический слой этого времени, датируемый множеством находимых в нем монет, является наиболее мощным среди других средневековых слоев городища и содержит обильный бытовой материал, указывающий на развитие городского ремесла и на развитие торговли». В X в. Херсон «снова стал наиболее крупным экономическим центром Северного Причерноморья. Но для византийских правителей город продолжал оставаться по преимуществу военно-стратегическим форпостом. ... Во второй половине X в. Херсон приобрел еще большее политическое значение в жизни империи»³.

Переломным для экономического процветания города, по мнению А. Л. Якобсона, стал Корсунский поход Владимира: «Длительная осада, по существу русско-византийская война, не могла, конечно, пройти бесследно для города. ... Русско-византийская война и особенно всеобщий пожар, охвативший город, вероятно, во время войны, также, конечно, не могли не повлиять на положение Херсона, который был экономически обречен и не имел сил для возрождения. ... Глубокий кризис за-

¹ Шестаков С. П. Очерки... С. 57.

² В оценке значимости Херсона в эти столетия в последующем не произошло принципиальных изменений.

³ Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 58, 62.

хватил Херсон на пороге XI столетия». И еще одна цитата из работы А. Л. Якобсона, к которой нам придется обратиться позднее: «Как показали раскопки, в конце X в., или на рубеже X и XI вв. город горел, а после этого опустел почти наполовину. Слой пожарища очень ясно датируется множеством монет IX и X в. и массовой керамикой»¹.

Для всех, кто в той или иной мере касался истории Херсонеса-Херсона-Корсуни, начиная со времени присоединения Таврики к Российской империи, являлось бесспорным, что события, происходившие в конце X в. на берегах Черного моря, оказали большое влияние на создание более высокого политического статуса Древней Руси и на развитие ее культуры. Это порождает одну из сложностей, так как историографическая проблема «Херсон—Русь—Византия» многогранна.

Одно дело — реконструкция последовательности событий конца X в., другое — восстановление историко-топографической картины времени, когда дружина князя Владимира стояла у стен города. Особый аспект — это последствия похода для торговых связей купцов Восточной Европы и Херсона и влияние на его судьбу Корсунского похода. Небесспорно для некоторых историков и то, был ли князь Владимир крещен именно в Корсуни, ибо в источниках говорится, что это произошло «то ли в Корсуни, то ли в Василеве» или же в Киеве.

Для того чтобы стали понятными разночтения в отношении некоторых дат, о которых речь пойдет ниже, остановим внимание на традиционных представлениях о последовательности событий, предшествующих походу князя Владимира к стенам Херсона. Но прежде несколько слов о событиях непосредственно в Константинополе.

Императоры Византии второй половины X в.

В 945 г. в результате заговора, главой которого являлся евнух Василий, к власти пришел Константин VII Багрянородный. При нем пост доместика схол Востока получил крупный земельный собственник Вар-

¹ Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 65, 66. Другой причиной, приведшей к кризисному развитию города на рубеже X и XI столетий, по мнению А. Л. Якобсона, стала внешнеполитическая ситуация: возвышение Тмутаракани, перемещение торговых путей на восток от Херсона.

да Фока. В 959 г. на престол вступил сын Константина VII — Роман II (959—963). При нем семейство Фок возвысилось еще больше, чему способствовали военные таланты сыновей Варды Никифора, Льва и Константина, прославившихся в борьбе с арабами. Внезапная смерть Романа II, оставившего малолетних сыновей Василия и Константина и дочь Анну, поставила перед его вдовой Феофано задачу — обеспечить защиту и опору себе и детям. Она вызвала в столицу Никифора Фоку, который в это время сменил отца на посту domestika схол Востока. Полководец обещал сохранить верность трону. Однако в то время, когда Никифор Фока готовился к новому походу, его противники решили убить его или насильно постричь в монахи. В июле 963 г. он, поддержанный восточными войсками, объявил себя императором. Его отказ выплачивать дань болгарам привел к войне. Империи предстояла борьба на два фронта: против арабов и болгар. Обращение Никифора за помощью к князю Святославу не улучшило положения империи. Злоупотребления властью, спекуляции хлебом, в которых участвовал его брат Лев, жесткая дисциплина, которую требовал император от высших военачальников, внешнеполитические неудачи вызвали недовольство режимом. В декабре 969 г. с помощью слуг Феофано Никифор был убит. Императором стал Иоанн Цимисхий (969—976). В ответ сын Льва Фоки — Варда, используя громадное состояние, накопленное семьей, собрал на Востоке армию для борьбы за трон. В январе 976 г. умер Иоанн Цимисхий, а летом дука Месопотамии Варда Склир, один из сподвижников Иоанна, поднял мятеж, который был подавлен.

К этому времени старшему сыну Романа II Василию исполнилось 18 лет. В первые десятилетия правления Василию II (978—1025) пришлось пережить поражение в Болгарии (986) и борьбу за престол.

В августе 987 г. Варда Склир, заручившись поддержкой арабов, заявил о своих правах на трон. Посланный для подавления мятежа Фока также провозгласил себя императором. Усыпив бдительность Склира обещанием даровать ему Палестину, Сирию и Месопотамию, Фока арестовал его и, присоединив его войско к своей армии, осадил в начале 986 г. два малоазийских города — Авидос и Хрисополь.

В договорах с Русью предусматривалась военная помощь империи. И император в чрезвычайно сложной обстановке отправляет послов в Киев. Угроза утраты престола заставила его пообещать князю Владими-

ру руку сестры — принцессы Анны. Вероятно, весной 988 г. в пределы Византии прибыл шеститысячный отряд воинов с севера. Совместными силами была разгромлена часть войска Фоки у Хрисополя. В апреле 989 г. состоялась битва у Абидоса, во время которой умер (по слухам, будучи отравленным слугой) Фока. После переговоров сложил оружие и освободившийся к этому времени из темницы Склир.

Однако изложенная выше хронология этих и последующих событий вызывает у историков разночтения.

Корсунский поход Владимира

Впервые «подвиг» крестителя Руси оценивается епископом Иларионом в «Слове о законе и благодати» и в приписываемой монаху (Мниху) Иакову «Памяти и похвале князю Владимиру», датируемой второй половиной XI в.¹. Описан Корсунский поход Владимира и в Повести временных лет.

Основанием для предположения о том, что Владимир был крещен в 988 г. в Киеве, послужил рассказ монаха Иакова.

Согласно Повести временных лет это произошло в Херсоне в 989 г., куда князь отправился со своей дружиной, не дождавшись прибытия посольства с принцессой Анной.

Церковными и светскими историками (и не только нашей страны) создано значительное количество статей, к возрастанию числа которых привело празднование 1000-летнего юбилея крещения Руси, поэтому возникают две опасности: «забыть» кого-то из авторов или же преувеличить в изложении их взглядов «допустимые пропорции» раздела в сравнении с другими проблемно-хронологическими очерками. Для того чтобы все же выдержать объем и избежать невнимания к взглядам исследователей, рассматривавших взаимоотношения Византии и Руси через призму истории Херсона, остановимся только на тех работах, которые относятся непосредственно к многомесячному «стоянию» у ворот города войска князя Владимира.

Создание представлений о мнениях на корсунские события конца X в. можно начать с сочинений Михаила Литвина и Мартина Бронев-

¹ Издание его см.: Голубинский Е. История русской церкви. М., 1901. Т. 1. С. 238–245.

ского, которые использовали свидетельства летописей и хроник¹. Таким образом, первоначальная концепция, характеризующая взаимоотношения Руси и Византии и значение Херсона периода княжения Владимира, восходит или к XI в., или же к первой половине XVII в.

Польский дипломат Мартин Броневский, посетивший руины Херсонеса, привел некоторые факты и топографические детали, которые, по его мнению, отражают пребывание здесь киевского князя Владимира. В частности, он писал, что «дома города лежат во прахе и сравнены с землей. Большой греческий монастырь остался в городе; стены храма еще стоят, но без кровли, а все украшения этого здания, которые там были, разрушены и разграблены. Русские и польские летописцы говорят, что какие-то греки, снявши из этого монастыря двое дверей из коринфской меди, которые православные греки называют царскими вратами, а также лучшие образа, отвезли всю добычу к Владимиру, великому князю Русскому или Киевскому; и что будто потом Болеслав Второй, король польский, перенес их из Киева в Гнезно, где и теперь еще их можно видеть у входа в большую церковь. Летописи свидетельствуют также, что князь Владимир отнял этот город у константинопольского императора Иоанна Цимисхия, но, взяв в супружество Анну, сестру императоров Василия и Константина, был посвящен каким-то патриархом в таинства веры греческой в том же монастыре и возвратил город обратно»².

Так на основании летописной традиции представлялось пребывание в Херсонесе Владимира Мартину Броневскому, который отметил и получение князем небольшой военной добычи. Ни в одном другом источнике о том, что сами греки-херсониты «помогли» князю «ограбить» собственные храмы, свидетельств нет.

Подробное изложение существующих точек зрения, как российских исследователей, так и западноевропейских, анализ источниковой традиции (времени создания «Корсунской легенды») представлены в опубликованной в начале нашего столетия монографии А. В. Назаренко

¹ См.: Litvanus V. De moribus tartarorum. Basiliae, 1615; Broniowski M. Tartariae descriptio. Leyden, 1630 (рус. пер. см.: Броневский М. Описание Татари // ЗООИД. 1867. Т. 6).

² См.: Броневский М. Описание Татари. С. 242.

«Древняя Русь на международных путях»¹. Исследователь остановил внимание и на вопросах о месте и времени крещения Владимира, а также целях, которые преследовал киевский князь при взятии Херсона². Библиография, приведенная в монографии, позволяет избежать «повторного», очередного, сделанного уже в XXI в. изложения взглядов историков³. Именно этим объясняется «избирательность» ракурса, который представлен в настоящем разделе: 1) год вступления войска Владимира в Корсунь; 2) последствия похода именно для херсонитов, другими словами был ли разрушен Владимиром Херсон; 3) место размещения дружины Владимира при осаде города.

О времени вступления войска Владимира в Корсунь

Впервые наиболее подробно и последовательно попытался представить хронологию событий конца X в. А. Л. Бертъе-Делагард⁴. По его мнению, события имели следующую последовательность.

¹ См.: Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII вв. М., 2001.

² Там же. С. 435—450. Однако хотелось бы повторить мнения двух исследователей Херсонеса, писавших о значении и целях Корсунского похода. А. Л. Якобсон считал, что поход являлся началом русско-византийской войны (см.: Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес. С. 65—66). Близкое мнение изложено в статье Д. Л. Талиса: целью Корсунского похода являлось стремление ослабить позиции Византии в Северном Причерноморье и получить свободный выход в море (см. об этом подробнее: Талис Д. Л. Из истории русско-корсунских политических отношений в IX—X вв. // ВВ. 1958. Т. 14. С. 103—115).

³ См.: Poppe A. The Political Background to the Baptism of Rus': Byzantine-Russian Relations between 986—89 // DOP. 1976. Nr. 30; Idem. The Rise of Christian Russia. L., 1982. Краткое изложение концепции содержит статья, опубликованная на русском языке в юбилейный год крещения Руси (см.: Поппэ А. О причинах похода Владимира Святославовича на Корсунь, 988—989 гг. // Вестн. Моск. ун-та. 1978. Сер. 9. История. № 2. С. 45—58).

⁴ Отчасти взгляды историков на причины похода Владимира освещены в научно-популярной книге: Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000. Характер работы не предусматривал приведения источников информации. В отдельных случаях отмечено, кому из исследователей принадлежит вывод.

1. Заключение договора князя Владимира с византийским императором Василием II, содержание которого сводилось к двум условиям: рука принцессы Анны; помощь императору в борьбе против узурпатора Варды Фоки, выступившего совместно с Вардой Склиром против законной власти.

2. Несоблюдение первого условия стало причиной Корсунского похода.

3. Опасность, которую представляли действия мятежника, ускорила приезд в Херсон принцессы Анны.

4. Крещение Владимира и заключение брака, после этого отправка русских воинов для оказания помощи Василию II. Следовательно, Херсон был взят Владимиром в 988 г.¹.

Детальный анализ взглядов А. Л. Бертье-Делагарда изложен в работах крупнейших российских византистов и историков Руси Б. Д. Грекова и М. В. Левченко². Позднее событий конца X в. и им предшествующих касались многие исследователи в связи с обращением к русско-византийским отношениям и дипломатии Древней Руси. Останавливались они и на хронологии событий, что позволяет сопоставить мнение А. Л. Бертье-Делагарда с гипотезами и выводами, высказанными фактически спустя 100 лет.

Но еще ранее (вскоре после публикации статьи А. Л. Бертье-Делагарда) появилась «полузабытая» в наши дни работа — «Поход св. князя Владимира на Корсунь» П. В. Маслова³, в которой автор высказал соображения о времени Корсунского похода и о местоположении лагеря Владимира; назвал он предполагаемый год окончания стояния дружины Владимира у стен Херсона — 989 г. Реконструкция событий П. В. Маслова имеет отличия от взглядов А. Л. Бертье-Делагарда: бунт Варды Фоки, переговоры о браке и оказание помощи Василию II

¹ См.: Бертье-Делагард А. Л. Как Владимир осаждал Корсунь // ИОРЯС. 1909. Т 14, кн. 1. С. 241—307.

² См.: Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1944. С. 276—277; Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 359—360.

³ См.: Маслов П. В. Поход св. князя Владимира на Корсунь. (К 900-летию кончины великого князя Владимира) // ИТУАК. 1916. № 53. С. 7—36.

предшествовали Корсунскому походу, причиной которого стало безрезультатное ожидание посольства с принцессой. Слова летописи «ста Володимир ... в лимени» привели к выводу, что князь подошел к городу с моря; и его войско размещалось в верховьях Карантинной бухты. В таком случае для высадки дружины могла быть использована расположенная с западной стороны небольшая бухта.

Длительность осады объяснялась тем, что к устью Карантинной бухты прибывали небольшие суда с продовольствием, которое херсониты, пользуясь ночной темнотой, доставляли в город. Только измена Анастаса, пославшего стрелу с запиской, в которой говорилось, где проходил водопровод, и то, что Владимир «перекопал его», заставили открыть ворота. Ранее предпринимавшаяся осаждавшими попытка «присыпать к стене землю», о чем говорится в летописном рассказе, была безуспешной, так как корсуняне через подкоп разрушали насыпь.

Отмечал П. В. Маслов и то, что большинство исследователей считают факт крещения Владимира в Корсуни недостоверным. Указание на Херсон как место крещения Владимира является, согласно его мнению, древним преданием: «Житие блаженного Володимира» включено в летописный рассказ о взятии Корсуни позднее, что и породило разночтения¹. (Дело в том, что в «Житии Владимира особого состава» говорится, что он взял Корсунь на третье лето после крещения в Василеве или Киеве. Вопросу о месте крещения Владимира посвящена специальная работа С. П. Шестакова²). Согласно П. В. Маслову сомнения летописцев в том, что Владимир был крещен «то ли в Херсоне, то ли в Василеве», можно объяснить, вслед за Н. М. Карамзиным, предварительным оглашением. Ввиду значимости события князь мог креститься не сразу, но перед взятием Корсуни он внутренне уже был христианином³.

¹ Маслов П. В. Поход св. князя Владимира... С. 15, 31, 33.

² См.: Шестаков С. П. К вопросу о месте крещения св. Владимира. Казань, 1908; Шмурло Е. Когда и где крестился Владимир Святой? // Зап. Рус. ист. об-ва в Праге. 1927. Т. 1. С. 140–148.

³ См.: Маслов П. В. Поход св. князя Владимира... С. 34–35.

Независимо от П. В. Маслова весну 989 г. как время вступления дружины Владимира в Херсон называет С. П. Шестаков, относя крещение Владимира к 987 г.¹

Перебросим мостик от начала XX в. к его концу, ко времени, когда в связи с празднованием 1000-летнего юбилея крещения Руси возрос интерес к Корсунскому походу Владимира и вновь возникла полемика относительно последовательности событий. Отражением ее стали статьи О. М. Рапова и Н. М. Богдановой. Следует назвать также работы С. А. Беляева², в которых он обращается к топографическим деталям Херсона времени Корсунского похода.

Основываясь на лингвистическом анализе одного из пассажей из «Истории» Льва Диакона, в котором говорится об «огненных столбах» (явлении кометы), указывающих на свершившееся бедствие — захват Херсона, Н. М. Богданова предполагает, что это произошло до природного явления — до 989 г. Следовательно, Владимир овладел городом до битвы у Хрисополя (март—апрель 988, март 989 г.) и Абидоса (апрель 989 г.). После пленения Варды Фоки к Владимиру, стоявшему в Херсоне, было отправлено посольство. По условиям заключенного соглашения за возврат Херсона была обещана рука принцессы Анны³.

¹ См.: Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса... С. 83. К близкому времени относил взятие Херсона В. Г. Васильевский: между 07.04—27.07.989 г. (см.: Васильевский В. Г. Русско-византийские отрывки. II. К истории 976—986 гг. (из ал-Мекина и Иоанна Геометра) // Труды. СПб., 1909. Т. 2, вып. 1. С. 57—58). Среди работ начала XX в. следует отметить: Розен В. Р. Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского. СПб., 1883; Соболевский А. И. В каком году крестился св. Владимир? // ЖМНП. 1888. Июнь. С. 396—403; Завитневич В. О месте и времени крещения св. Владимира и о годе крещения киевлян. Киев, 1888.

² См.: Беляев С. А. Где крестился князь Владимир? (Предварительное сообщение) // ПКНО. М., 1989. С. 531—540; Он же. «Базилика на холме» в Херсонесе и «церковь на горе» в Корсуни, построенная князем Владимиром // *Byzantinorussica* (М.). 1994. № 1. С. 7—47; Он же. История христианства на Руси до равноапостольного князя Владимира и современная историческая наука // Макарий (Булгаков). История русской церкви. М., 1994. Кн. 1. С. 33—82.

³ См.: Богданова Н. М. О времени взятия Херсона князем Владимиром // ВВ. 1986. Т. 47. С. 39—46. В монографии эти выводы повторены см.: Богданова Н. М. Херсон в X—XV вв. Проблемы истории византийского города //

Данная реконструкция хроники событий отчасти согласуется с мнением А. Л. Якобсона: Корсунский поход — это акт русско-византийской войны, отражением которой стали слои разрушения конца X в., выявленные, согласно его мнению, во всех кварталах городища.

Несколько иначе восстанавливает события О. М. Рапов. Отметив, что Владимир являлся союзником византийского императора в 988—989 гг. в дни, когда решался вопрос сохранения престола, Василий II обещал ему руку своей сестры, но когда опасность миновала, император нарушил слово. Вполне возможно, что Владимир, согласно договоренности, подошел со своей дружиной к Днепровским порогам, чтобы встретить будущую русскую княгиню. Но обстоятельства вынудили его к демонстрации силы, чем и стал поход к стенам Херсона. Наличие сравнительно небольшой дружины у Владимира предопределило длительные сроки стояния у стен города. Захватив Херсон (весна 990 г.), князь отправляет посольство в столицу с угрозой: если Василий II не сдержит слова, то он двинется к стенам Константинополя. В течение зимы Владимир мог набрать значительное войско, что делало угрозу вполне реальной и условия соглашения были выполнены¹.

При такой реконструкции событий — ожидание именно в Херсоне возвращения послов — вряд ли правомерен «акт мести» византийцам: разрушение города. Безусловно, локальные пожары и ограбление жителей могли иметь место. Вполне вероятно и то, что херсониты, опасаясь неприятеля, прятали свои ценности, что привело к образованию кладов конца X в.²

Причерноморье в Средние века. М., 1991. С. 92—93). Дискутируя с одним из своих оппонентов, она еще раз останавливает внимание на последовательности событий, предшествующих осаде Херсона (см.: Богданова Н. М. О значении точного прочтения источника // ВВ. 1988. Т. 49. С. 195—201).

¹ См.: Рапов О. М. О дате принятия христианства князем Владимиром и киевлянами // ВИ. 1984. № 6. С. 34—47; Он же. О времени взятия Херсона князем Владимиром // ВВ. 1986. Т. 47. С. 39—46; Он же. Еще раз о датировке взятия Корсуни князем Владимиром // ВВ. 1988. Т. 49. С. 190—194.

² См.: Гилевич А. М. Новый клад херсонско-византийских монет // ВВ. 1964. Т. 24. С. 150—158.

Последовательность событий и цель Корсунского похода, к которым склоняется О. М. Рапов, вызывают необходимость постановки вопроса: а был ли разрушен Херсон Владимиром?

Но прежде следует привести еще одно мнение относительно цели и времени Корсунского похода. Его изложил Г. Подскальский со ссылкой на работу польского историка А. Поппэ¹. На основании анализа агиографических источников автор пришел к выводу, что описанное в Житиях Владимира позднее было включено в Повесть временных лет². Это привело к противоречиям о месте крещения князя. Г. Подскальский отчасти следует за А. Поппэ, считая, что в июне-июле 987 г. император обратился с просьбой о помощи против Варды Фоки; летом 987 г. Анна стала супругой Владимира, который посылает войско против мятежников и *присоединившихся* к ним херсонитов. Победа в битве при Хрисополе (январь-февраль 988 г.) решила судьбу Херсона, который был взят в апреле-июле следующего года, с тем чтобы уничтожить один из очагов мятежа³. В таком случае вполне логичным выглядит предположение А. Л. Якобсона, считавшего, что Херсон в конце X в. был «опожарен» и разрушен.

В отношении последствий захвата Херсона имеется еще одно мнение. Крупнейший византист Д. Д. Оболенский считал, что приписываемое некоторыми историками разрушение захваченного города Владимиром не имело места⁴.

Был ли разрушен Херсон Владимиром?

Выше уже неоднократно упоминалось, что на основании материалов археологических раскопок А. Л. Якобсон пришел к выводу о всеместном пожаре и разрушении Херсона в конце X в. Посмотрим,

¹ См.: Poppe A. The Political Background...

² По мнению Г. Подскальского, «Корсунская легенда» подвергнута поздней переработке и помещена Никоном вместо первоначального киевского предания (см.: Подскальский Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси. СПб., 1996. С. 33, 199–203; также см.: Christentum und theologische Literatur in der Riever Rus, 988–1237. München, 1982).

³ См.: Подскальский Г. Христианство... С. 31–32.

⁴ См.: Оболенский Д. Д. Херсон и крещение Руси: Против пересмотра традиционной точки зрения // ВВ. 1994. Т. 55 (80). С. 53–60.

как рождался вывод. Пожалуй, это один из примеров, показывающих, как первоначальная гипотеза превратилась, будучи неоднократно повторенной со смещением акцентов, в аксиому, длительное время господствующую в исторических штудиях.

В процессе раскопок кварталов северного района Херсонеса были выявлены слои разрушения, в которых имелись керамические находки и монеты конца X — XI в. **С этого времени во всех отчетах начало повторяться замечание:** «Существование домов обрывается вследствие катастрофы, постигшей город в конце X в.»; «здания прекратили свое существование после разрушений конца X в.»; «находки на полу и в насыпи второго слоя должны быть отнесены к последним векам существования этих помещений, т. е. к IX—X вв. ... В конце X или на рубеже X—XI вв. над городом или над данной его частью разразилась катастрофа; все здания погибли в пожаре и были разрушены»¹. Концепция начала формироваться.

Позднее в монографических исследованиях наблюдения приобретают более отчетливую окраску: «Слой пожарища очень ясно датируется множеством монет IX и X вв. и массовой керамикой»². «События 989 г. — осада и взятие Корсуни Владимиром — как бы завершили целый этап в жизни города, да, в сущности, и всей Таврики». Эти события предопределили упадок Херсона в последующем столетии, о чем свидетельствует прекращение деятельности местного монетного двора³. Констатация факта — наличие слоя разрушения, датированного монетами Василия II, — привела к длительному существованию в историографии вывода о том, что Владимир разрушил Херсон.

Упоминание о перерыве в работе херсонских монетариев как свидетельстве кризиса вызвало замечание В. А. Анохина: «Ссылка на экономический упадок Херсона после взятия его Владимиром слишком

¹ См.: Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф. Кварталы XV и XVI (Раскопки 1937 г.) // МИА. 1953. № 34. С. 104; Белов Г. Д., Якобсон А. Л. Квартал XVII (Раскопки 1940 г.) // Там же. С. 158. Белов Г. Д. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931—1933 гг. // МИА. 1941. № 4. С. 208, 217.

² Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 65.

³ См.: Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.) // МИА. 1950. № 17. С. 6.

обща, чтобы объяснить и тем более обосновать предположение о прекращении выпуска монет»¹.

Высказала сомнения в негативной характеристике экономического статуса Херсона XI в. и другой специалист в области нумизматики И. В. Соколова. Основываясь на сфрагистических и нумизматических данных, она полагает, что, напротив, в XI в. Херсон, воспользовавшись тяжелым положением империи, добился значительных привилегий².

Вернемся к находкам монет из слоя разрушения, который датируется X в. После констатации факта, что «монеты резко обрываются на времени Василия II (976—1025)», следует вывод: «Однако вынести дату пожарища Херсонеса за пределы X в. невозможно, ибо для начала следующего столетия мы не знаем ни одного сколько-нибудь крупного события, с которым такое пожарище можно было бы связать»³.

Итак, для датировки слоя, образовавшегося в результате разрушения, были привлечены находки монет, обнаруженные как на полах некоторых помещений, так и в лежавшем выше слое.

Ретроспективный обзор монетного дела Херсонеса, предпринятый В. А. Анохиным, изучение кладов IX—X вв. показали, что некоторые из монет, которые ранее на основании классификации А. В. Орешникова датировались X в., являются более поздними, в частности, один из типов монет Василия I, резко отличающийся от остальных двух⁴. В. А. Анохин полагает, что это монеты времени совместного правления Василия II и Константина (1016—1025), именно поэтому они не характерны для кладов IX—X вв.⁵ В более позднее время были отлиты и монеты с монограммой «РѠ», выпуск которых приписывался Роману I. (В отношении типологии, периодизации выпуска некоторых из видов этих монет нумизматы не пришли к единому мнению, но в данном

¹ Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. С. 123.

² См.: Соколова И. В. Херсон во второй половине XI в. // *Actes du XVe Congrès International d'études byzantines* (Athenes, sept. 1976). Athènes, 1980. T. 4. P. 297—304.

³ Яковсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 14.

⁴ См.: Орешников А. В. Херсоно-византийские монеты // ТМНО. 1905. Т. 3. IX, 38—41.

⁵ См.: Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. С. 123.

случае значимым является общее мнение исследователей в том, что монеты с монограммой «РѠ» следует датировать временем не ранее середины—конца XI — начала XII в., что они характеризуют деятельность монетного двора и XI—XIII вв.¹ Некоторые из типов монет с монограммой, как и монеты, относящиеся к периоду совместного правления Василия II и Константина, встречены в слое разрушения, отложение которого объяснялось последствием захвата города Владимиром. Итак, новые данные свидетельствуют, что причиной повсеместного пожара и разрушений в Херсоне в конце X в. послужил не поход Владимира.

В качестве итога данного сюжета обратимся еще раз к выводам Д. Д. Оболенского. На основании тщательного анализа источников и четких логических построений он показал, что между отправкой войска для помощи Василию II и началом похода против Херсона имелся временной интервал почти в два года: «Осада города продолжалась с лета 989 г. до поздней зимы или ранней весны 990 г.», — делает он вывод, считая также неправомерным мнение о том, что Корсунский поход был предпринят против города, присоединившегося к мятежникам, как полагает А. Поппэ².

На основании логики событий и нумизматических источников близкие выводы прозвучали ранее³. Город, в котором Владимир ожидал прибытия посольства с принцессой Анной, не мог быть охвачен повсеместными грабежами. Слои разрушения, образование которых датировалось концом X в., относятся, скорее всего, к более позднему периоду и, возможно, вызваны землетрясением⁴.

¹ В этом плане мнение И. В. Соколовой имеет отличия от точки зрения В. А. Анохина (см.: Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983. С. 53—63).

² См.: Оболенский Д. Д. Херсон и крещение Руси... С. 58.

³ См.: Романчук А. И. «Слои разрушения X в.» в Херсонесе: К вопросу о последствиях Корсунского похода Владимира // ВВ. 1989. Т. 50. С. 182—188. Тезис о том, что ни археологические, ни письменные источники не подтверждают гипотезу о разрушении Херсона Владимиром, прозвучал также в работе: Богданова Н. М. Херсон в X—XV вв. С. 93.

⁴ Выше уже была приведена работа В. В. Хапаева (Хапаев В. В. Разрушение Херсонеса... С. 143—160), в которой он пишет о правомерности гипотезы,

О расположении лагеря Владимира

Следующий историографический сюжет о Корсунском походе — вопрос о месте, где стояла дружина Владимира. Предположение о том, что войско Владимира могло располагаться около западных ворот, высадившись в находящейся неподалеку небольшой бухте¹, было высказано еще до того, как была выявлена линия оборонительных стен Херсонеса и стали известны данные о главных городских воротах средневекового периода.

Если следовать логике — путь на ладьях по Днепру, затем вдоль берега, — предположение о высадке войска Владимира в бухте, находящейся около западной линии фортификационных сооружений, вполне вероятно, тем более что осаждавшие в таком случае могли контролировать западные ворота и главный вход в город. Это объясняет и то, почему такой долгой оказалась осада: с судов, входивших в бухту, расположенную на противоположном конце (в портовой части, совр.: Карантинная), херсониты могли получать продовольствие.

А. Л. Бертье-Делагард считал иначе: осаждавшие стояли лагерем с южной стороны городских стен, откуда с высоты напротив одной из мощнейших из башен Херсонеса (башни Зенона) просматривалась часть городской территории, в том числе и Карантинная бухта с портом. Этот вывод военного инженера не согласуется с упоминаемым в источниках водопроводом, что было отмечено Б. Д. Грековым².

В последующем, опираясь на материалы раскопок Государственного исторического музея, к решению данного вопроса обратилась Н. В. Пя-

но полагает, что это все же произошло в самом конце X в. Повторим еще раз, что о времени стихийного бедствия можно говорить только предположительно. Но обнаружение следов нивелировки на различных участках городища, относящихся к середине-концу XI в., все же склоняет к выводу о том, что землетрясение произошло в XI в. Не могли же херсониты в течение 50—100 лет жить среди развалин?

¹ См.: Яшуржинский Х. П. Херсонес во времена крещения в нем св. князя Владимира и дальнейшая судьба города // КС. 1888. С. 1—10 (отд. отт.).

² См.: Греков Б. Д. Киевская Русь. С. 276—277.

тышева. На плане, прилагаемом к отчету за 1948 г., она отметила место, где мог располагаться лагерь Владимира — около Круглой бухты с западной стороны оборонительных стен города¹.

В хранящейся в архиве Херсонесского заповедника статье Н. В. Пятыевой «Находки археологической экспедиции ГИМа в Херсонесе в 1946 и 1948 г. и рассказ «Жития особого состава» об осаде Корсуня Владимиром»² утверждается, что высадка дружины Владимира у западных стен объясняет летописный рассказ о «земляном пути» и указанном священником Анастасом линии водопровода, который был «перерезан» Владимиром. Именно эти сообщения, по ее мнению, ставили всех исследователей в тупик. Исследовательница перечислила данные относительно древнего ландшафта, выявленного раскопками ГИМа, предположив, что в X в. существовала дорога на обширном грязно-сером болоте (в Карантинной балке), по которой можно было незаметно войти в город. (В данном случае следует вспомнить наблюдения И. А. Антоновой, отмечавшей, что протейхизма в портовом районе служила не только дополнительной защитой городу, но и являлась препятствием для ливневого потока, стекающего по балке). Далее, археологические исследования подтвердили наличие остатков водопровода в направлении, указанном в летописи. Наблюдения стали основой позднее опубликованной статьи о «земляном пути», по которому частично поступало продовольствие к осажденным. Так, по мнению Н. В. Пятыевой, археологические материалы показали точность летописных свидетельств, в том числе и о «земляном пути», которые оставались долгое время загадочными³. Поставим временно на этом точку, ибо в последние годы работ, в которых бы рассматривался данный историографический сюжет, не появилось.

¹ См.: Пятыева Н. В. Отчет о работе Херсонесской экспедиции Государственного исторического музея в 1948 г. // Арх. НЗХТ, д. 732/1.

² Арх. НЗХТ, д. 723. 5 л.

³ См.: Пятыева Н. В. «Земляной путь» рассказа о походе Владимира на Корсунь // СА. 1964. № 3. С. 104—114.

История Херсонеса в обобщающих трудах историков России

В связи с обращением к событиям Корсунского похода выше приведены работы, посвященные непосредственно Херсону. Но в фундаментальных трудах по истории России, которые принадлежат выдающимся представителям российской науки XVIII–XIX вв., также содержатся осмысление и оценка событий конца X в.

В. Н. Татищев о географии Таврики и истории Херсона. В плеяде историков, стремившихся воссоздать развитие России, по праву первое место принадлежит Василию Никитичу Татищеву (1686–1750)¹. Биографы называют его выдающимся русским историком, географом и этнографом, «активным участником реформаторской деятельности петровского правительства, выступавшим на военном, дипломатическом и административном поприщах»².

О характере его работы крупнейший из исследователей русского летописания М. Н. Тихомиров писал: «Скитальческая жизнь Татищева заставляли его обращаться главным образом к таким источникам, которые он мог купить лично или с которых мог сделать копию» (при копировании допускались ошибки). Узость источниковой базы обусловила неполноту свидетельств, а ошибки, которые возникали при копировании, отразились на изложении и толковании событий. В последующем некоторые из летописей были утрачены. Это и вызвало сомнения относительно некоторых данных, приведенных в «Истории Российской», что, по словам М. Н. Тихомирова, неоднократно отмечал в примечаниях еще Н. М. Карамзин³. Несмотря на недоверие к отдельным свидетельствам, «“История Российская” Татищева представляет крупнейший памятник русской историографии», в которой на основании Повести временных лет отражены наиболее ранние отношения Византии и Руси, имеются свидетельства о походе князя Владимира к стенам Корсуны. В. Н. Татищев

¹ См.: Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1963–1964. Т. 1–2 (новое изд.: М., 1994).

² См.: Шапиро А. Л. Историография с древнейших времен по XVIII в.: Курс лекций. М., 1982. С. 131–152. Труд В. Н. Татищева создавался в течение почти 30 лет наряду с активной практической деятельностью.

³ См.: Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 66–67.

использовал «некоторые источники, не дошедшие до нашего времени или, по крайней мере, еще не открытые нашими учеными. ... К их числу принадлежали в первую очередь летописи, написанные в южной Руси, в особенности ценные для истории Руси в XI—XII вв.»¹.

Большое внимание В. Н. Татищев уделил географической номенклатуре в связи с описанием русско-византийских договоров и выявлением места крещения Владимира. В подробных комментариях он стремился показать, что имели в виду древние авторы, когда писали о Херсонесе. Херсонес — это полуостров (Крым); так, рассказывая о войнах понтийского царя Митридата VI, он отметил, что одно из варварских племен — роксоланы — обитает «близ Херсонеса, т. е. Крыма». Но в источниках упоминается и другой Херсонес: град Страбонов².

При обращении к событийной истории В. Н. Татищев подробно излагает русско-византийские договора, в которых упоминались «Корсунская земля» и рыбные ловы корсунян, размещая их на острове Еферия, где неподалеку — между Днепром и городом Херсонесом — находились и соляные варницы³. Здесь и следует искать Херсон — место крещения Владимира. Упоминание лимана при описании осады и труб, по которым подавалась вода в город, привели его к заключению, что Корсунь находился в устье Днепра: «У древних гисториков и географов город Херсон на Черном море знаем был. ... Сей же город, где Владимир крестился, по обстоятельствам положения видно, что нынешний Кинбурн над Лиманом»⁴. Сопоставив упоминаемые другими историками

¹ Тихомиров М. Н. Русское летописание. С. 69, 82—83.

² В. Н. Татищев писал «В первоначальном переводе Геродота переводчик вместо Херсонеза полуострова клал правильно Крым» (Татищев В. Н. История Российская. М., 1994. Т. 1. С. 282; также см.: С. 205, 191; ср.: «Херсонес городок гераклеотов» (Там же. С. 163—163)).

³ См.: Татищев В. Н. История Российская. Т. 2. С. 206. Прим. 194.

⁴ Там же. С. 41—43. Причину неточных указаний летописца о месте крещения объясняет следующим образом: «При сем не безудивительно, что во времена сего Нестора о месте крещения сомневались и сказали быть в Василеве» (Там же. С. 308). Географические неточности имеются и в других разделах, например, Тмутаракань — это город около Рязани или собственно Рязань (с. 314).

даты и летописные свидетельства: 988, 989, 990 гг., В. Н. Татищев сделал вывод, что Владимир принял христианство в 988 г., так как в следующем, согласно летописной традиции, он пригласил мастеров для строительства церкви (989)¹. Причиной Корсунского похода Владимира стало то, что в «лету 6496 (988) положил намерение идти на Корсунь и тамо просить у царя в жены сестру их». Об отправке русских воинов для оказания помощи Василию II как условия женитьбы на принцессе Анне В. Н. Татищев не упоминает.

Н. М. Карамзин о походе Владимира. Изложение событий конца X в. у Николая Михайловича Карамзина (1766—1820), писателя и историка, концептуально иное². Как и В. Н. Татищев, он использует летописные предания. Походу к стенам Херсона предшествует пассаж о выборе веры Владимиром, при этом отмечено, что тот «мог бы креститься и в собственной столице своей, где уже давно находились церкви и священники христианские; но князь хотел пышного блеска и величия при сем важном действии»³. По мнению Н. М. Карамзина, Владимир

¹ См.: Татищев В. Н. История Российская. Т. 2. С. 232 (прим. 182 к гл. 6). О летописном рассказе относительно выбора веры он пишет, что в знакомстве с христианством Владимир не нуждался, так как в его семье и среди дружинников было много христиан (с. 231, прим. к гл. 6).

² Н. М. Карамзин является автором многочисленных литературных и публицистических произведений. В 1803 г. он получил «царский заказ» создать историю России. Спустя 13 лет (1816—1817) находившийся на полном пансионе и являвшийся государственным служащим писатель опубликовал первые 8 томов «Истории государства Российского». Двенадцатый том, завершающийся событиями 1611 г., вышел из печати уже после кончины историка. История государства для Н. М. Карамзина — это история самодержавия, поэтому большое внимание уделено деятельности правителей, начиная с «призвания варягов». К оценке труда Н. М. Карамзина и его взглядов исследователи и авторы работ по историографии обращались неоднократно (см., напр.: Погодин М. П. Н. М. Карамзин и его сочинение. М., 1866. Т. 1). Отзывы современников и краткое изложение концепции Н. М. Карамзина приводит Г. П. Макогоненко (Макогоненко Г. П. Древняя Россия, открытая Карамзиным // Предания веков: Сказания, легенды, рассказы из «Истории государства Российского». М., 1987. С. 3—28).

³ См.: Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 1. Гл. 9 (цит. по.: Карамзин Н. М. Предания веков: Сказания, легенды, рассказы из «Исто-

с большим войском пошел на судах к Херсону; «остановился в гавани или заливе Херсонском; ... окружил город со всех сторон. ... Издревле привязанные к вольности¹, херсонцы оборонялись мужественно», через тайный подкоп уничтожали усилия осаждающих: уносили в город землю, «которую россияне ссыпали перед стенами, чтобы окружить оные валом». Только измена попа Анастаса, путившего стрелу с указанием местонахождения водопровода, позволила перекрыть воду, что привело к сдаче города через три месяца. После этого Владимир требует руку принцессы Анны, угрожая походом на Константинополь. Сложное положение в империи, расчет на помощь против мятежников ускорили отправку Анны в Херсон, где перед бракосочетанием Владимир и был крещен. Только после брака и крещения «великий князь, как верный союзник императоров», немедленно отправил к ним часть дружины, которая помогла Василию разбить мятежника Фоку и «восстановить тишину в империи». Из последующих событий историк выделил следующие: отказ Владимира от завоеванного города; строительство храма «на приспе»; возвращение князя в Киев вместе с Анастасом и иереями Херсона, а также мощами св. Климента и его ученика Фива, «конями медянными», украсившими площадь около Десятинной церкви².

С. М. Соловьев о Херсоне. Безусловно, обойти вниманием события, связанные с крещением Руси, не мог и выдающийся российский историк Сергей Михайлович Соловьев (1820—1879)³. О «Истории России

рии государства Российского». С. 104). О труде Н. М. Карамзина исследователи пишут, что в нем не содержится вымыслов; «автор не привносит сюжет в свое сочинение, но извлекает его из истории, из реальных исторических событий и ситуаций» (см.: Макогоненко Г. П. Древняя Россия... С. 14).

¹ Это замечание основывается на уже приводившемся выше пассаже из труда Константина Багрянородного о возможных выступлениях херсонитов против столичных властей. Его можно отнести к истокам формирования концепции, против которой так радикально выступил С. Б. Сорочан, обвинив многих историков в том, что в их работах блуждает «призрак самоуправления».

² См.: Карамзин Н. М. Предания веков. С. 105—107.

³ Детальная оценка творчества С. М. Соловьева приведена во вступительной статье к изданию его сочинения, см.: Дмитриев С. С., Ковальченко И. Д. Историк Сергей Михайлович Соловьев. Его жизнь, труды, научное наследство

с древнейших времен» современники писали: «Даже при успешном ходе русской исторической критики в нашем ученом обороте надолго держится значительный запас исторических фактов и положений в том самом виде, как их впервые обработал и высказал Соловьев»¹. В отличие от своих предшественников он отметил, что Владимиру «не нужно было посылать бояр изведывать веры различных народов. ... Митрополит Илларион, свидетельство которого, как почти современное, не подлежит никакому сомнению, ни слова не говорит о посольствах». С. М. Соловьев полагал, что «война с греками (Корсунский поход) был предпринят для второго крещения»²; сведений относительно договора с Василием II о помощи Владимира в борьбе с мятежниками не приведено. Но причиной заключения брака с принцессой Анной являлась угроза захватить Константинополь.

Традиционно излагая сюжет о «стреле Анастаса» и «слепоте Владимира», которая прошла после крещения, он писал: «Это не первый пример, что князь языческого народа принимает христианство при условии победы, которую должен получить с помощью нового божества»³.

В. О. Ключевский о значении Повести временных лет. Василий Осипович Ключевский (1841—1911) относится к числу последних из плеяды российских историков, возложивших на свои плечи грандиозный труд по воссозданию истории России с древнейших времен до XIX в., в котором он обосновывает закономерности развития народа и общества⁴. В отношении событий конца X в. и анализа их в летописях Древней Руси интерес представляет пятая лекция, где рассмотрена начальная летопись. Завершается она разделом о летописном деле в Древней Руси и оценкой вклада Нестора и Сельвестра в изложение

// Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 1: История России с древнейших времен. М., 1988. С. 6—48.

¹ См.: Ключевский В. О. Собр. соч. М., 1959. Т. 8. С. 353.

² См.: Соловьев С. М. История России... Т. 1. С. 172—173.

³ Соловьев С. М. История России... С. 173—174.

⁴ О нем см.: Астахов В. И. В. О. Ключевский — выдающийся представитель буржуазной историографии пореформенного периода // Курс лекций по русской историографии. М., 1962. Ч. 2.

ранних событий истории¹. Примечательно замечание: «Начальная летопись ... дает сначала прерывистый, но, чем далее, тем все более последовательный рассказ о первых двух с половиной веках нашей истории, и не простой рассказ, а освещенный цельным, тщательно выработанным взглядом составителя на начало отечественной истории»². Летопись Нестора, или Начальная летопись в наиболее древнем составе, подчеркнул историк, представлена в Лаврентьевском списке, составленном в 1377 г. Именно здесь имеются свидетельства о первом летописце — инок Печерского монастыря Несторе, жившем в конце XI — начале XII в.³ Одновременно В. О. Ключевский делает вывод, что «Нестор — составитель древнейшей киевской летописи, которая не дошла в подлинном виде; в последующем Сильвестр создает начальный летописный свод, став редактором вошедших в его состав устных народных преданий и письменных повествований, в том числе и самой Несторовой летописи»⁴. Не останавливаясь на пребывании Владимира в Херсоне и на Корсунском походе, В. О. Ключевский замечает, что «Сказание о крещении Руси при Владимире» не является летописным рассказом; основной источник о деятельности князя — народное предание и Житие, написанное «немного лет спустя» после его смерти⁵.

Периодизация истории Северного Причерноморья Г. В. Вернадского. В ряду сочинений, продолживших традиции конца XIX — начала XX в. монографического изложения судеб народов Восточной Европы, следует отметить «Историю России» Г. В. Вернадского (1887—1959), написанную им во время работы в университетах Америки. Относительно интересующего нас сюжета автор не вносит новых деталей,

¹ См.: Ключевский В. О. Курс лекций по русской истории. М., 1987. Т. 1. С. 90—104.

² Там же. С. 90.

³ Там же. С. 93.

⁴ Там же. С. 102.

⁵ Там же. С. 98. Для Северно-Причерноморского региона В. О. Ключевский называет некоторые из основанных здесь греческих городов, описывает путь «из варяг в греки» (Там же. С. 137—138); со ссылкой на Начальную летопись отмечает, что в 996 г. Владимир назначил средства на содержание построенной им Десятинной церкви (Там же. С. 255).

кроме упоминания такой цели похода Владимира 989 г.: стремление обеспечить владение Тмутараканью, которую Г. В. Вернадский назвал старой столицей первого Русского каганата¹. Несколько страниц автор посвятил изложению ранней истории Северного Причерноморья. В соответствии с преобладанием того или иного этноса в южной зоне Восточной Европы до времени образования Русского каганата выделены Киммерийская и Скифская эры (1000 г. до н. э. — 200 г. н. э.), Сарматоготская эпоха (200—370 гг. н. э.), Гунно-аланский (370—558 гг. н. э.), Аваро-антский (558—650), Хазаро-булгарский периоды (650—737).

В каждом из хронологических разделов несколько абзацев посвящено Херсонесу. По мнению Г. В. Вернадского, географическое положение Херсонеса менее благоприятно в сравнении с боспорскими городами; но «город был лучше защищен от набегов кочевников и имел отличные портовые сооружения», что обеспечивало его связи в античную эпоху с городами Малой Азии и Афинами, влияние которых было сильным в искусстве до середины IV в. до н. э.; время основания полиса не приведено, но подчеркнуто, что город стал «одной из самых жизнеспособных ранних греческих колоний»².

Более подробно Г. В. Вернадский останавливается на описании варварских народов. В этой связи он касается пребывания в Таврике Юстиниана II, упоминает поход новгородского князя Бравлина и миссию Константина Философа.

Безусловно, выделенные выше имена не охватывают всех создателей обобщающих трудов по истории России, которые упоминали Херсон в связи с ретроспективным изложением истории Российского государства³.

¹ См.: Вернадский Г. В. История России: Древняя Русь. Тверь; М., 1996. С. 371. Возникновение Тмутаракани историк отнес к первой половине IX в. (Там же. С. 289). Первый том «Истории России» носил заглавие «Древняя Русь» (опубликован в 1943 г.).

² Вернадский Г. В. История России. С. 79.

³ Попытка восполнить «упускаемый» историками военный аспект Корсунского стояния князя Владимира предпринята одним из представителей научной студенческой общественности — А. Ю. Кудряковым. Автор выделил 4 этапа осады, начавшейся летом-осенью 988 г. Первый — размещение во-

Вне зависимости от того, являлся ли поход Владимира непосредственно объектом внимания историков, все исследователи отмечали, что его последствия были для Руси значительными. В качестве итога обращения к событиям конца X в. может послужить вывод А. Л. Якобсона, писавшего, что целью Владимира являлось не стремление «добыть византийскую царевну, ... а стремление к равноправному политическому союзу с Византией; внешним выражением его явился брак с византийской царевной Анной»¹.

Что привело к образованию слоев разрушения?

Вынужденная, но добровольная сдача города Владимиру вследствие недостатка воды, как о том свидетельствуют летописные сказания, вряд ли могла привести к повсеместным пожарам. Выше вскользь уже было отмечено, что датировка слоев разрушения А. Л. Якобсоном в свете современных разработок нумизматов не может быть отнесена к X в. и что возможной причиной их отложения могло быть стихийное бедствие. Для обоснования мнения следует обратить внимание на сводку упоминаний в источниках землетрясений и инструментальные наблюдения Нового времени. Геологу Л. В. Фирсову удалось выявить, что в Крыму каждые 100—150 лет происходили землетрясения силой в 7—8 баллов. Эпицентральный ареал находится в Черном море на расстоянии 20 км от Аю-Дага и напротив Гераклеийского полуострова, на котором как раз и расположен Херсонес. Одно из землетрясений могло иметь место в середине XI в.². О том, что во второй половине XI в. производились ремонтные работы городских стен, можно судить

иск в Стрелецкой бухте (с западной стороны стен); второй — сооружение земляных валов; третий — предъявление ультиматума и сооружение приспы; заключительный приходится на весну-лето 989 г. — это вступление в город, в котором кончилось продовольствие (Кудряков А. Ю. Крымская экспедиция князя Владимира 988—89 гг.: Осадные операции русских войск под Корсунем // Древний мир и Средник века: Тез. докл. Ростов н/Д, 1993. С. 22—24). Более поздние работы А. Ю. Кудрякова мною не встречены.

¹ Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес. С. 14.

² См.: Фирсов Л. В. Этюды радиоуглеродной хронологии Херсонеса Таврического. Новосибирск, 1976. С. 160.

на основании строительной надписи 1059 г. В ней сказано: «Сооружены железные ворота претория, возобновлены и прочие (ворота) города при Исакии Комнине, великом царе и самодержце римском, и Екатерине, благочестивейшей Августе, Львом Алиатом, патрицием и стратигом Херсонским и Сугдейским, месяца апреля, индикта 12, лета 6567».

Нельзя не обратить внимания и на другие параллели между известными для Средиземноморско-Черноморского региона стихийными бедствиями и ремонтными работами в Херсонесе.

Так, в 480 г. по повелению императора Зенона были отпущены средства из мытницы местного викарата для восстановления стен. Произошло это в скором времени после землетрясения на Балканах. Далее, в годы правления Юстиниана I произошло сильное землетрясение (Прокопий Кесарийский. Тайная история, 18,41), разрушившее, по мнению некоторых исследователей, многие храмы в Малой Азии, возведенные столетием ранее¹. По сообщению Прокопия при Юстиниане I были предприняты масштабные восстановительные работы в Херсоне и на Боспоре. В трех случаях, которые известны по эпиграфическим памятникам, ремонт оборонительных сооружений города производился по распоряжениям императоров. Можно предположить, что содействие центральной власти в проведении дорогостоящих работ вызывалось экстраординарными событиями, а не обветшанием стен от времени.

Наличие монет в слоях разрушения, относящихся ко времени совместного правления Василия II и Константина, не позволяет связывать их образование с Корсунским походом Владимира. Другого события, которое могло бы привести к подобным последствиям, как писал А. Л. Якобсон, в истории Таврики не известно (имеется в виду внешне-политическая ситуация). Вполне возможно, что причиной отложения слоев пожара на Херсонесском городище стало землетрясение около середины XI в., что и сделало необходимым не только ремонт городских стен, но и восстановление менее фундаментальных построек — домов херсонитов².

¹ См.: Feld O. Die beiden Kirche in Hieropolis Kastabala // Studien zur spätantiken und byzantinischen Kunst. 1986. Bd. 10. Teil 1. S. 77–86.

² Гипотеза об этом: Романчук А. И. Слои разрушения X в. ...

Стратиграфия Херсонесского городища свидетельствует, что в скором времени после разрушений началось новое строительство. Для того чтобы приблизить выпуск продукции для развернувшегося строительства, на территории ряда кварталов северного района были размещены печи, в которых обжигалась черепица. Несколько таких печей, входивших, возможно, в состав одной мастерской или артели гончаров, открыты во время раскопок.

Свидетельство строительной деятельности, или Керамические мастерские Херсона XII в.

Восстановление разрушенных жилищ, строительство новых домов, замена разбившейся посуды, тары для хранения продуктов — одним словом, обустройство нормальной жизни после катастрофы не могло не вызвать появления массового производства строительных материалов.

Печи для обжига черепицы, как предполагали Г. Д. Белов и А. Л. Якобсон, были открыты в 1940 г. в квартале XIII северного района. Время функционирования мастерской, в состав которой они входили, датировано XI—XII вв.¹

К концу средневизантийского или началу поздневизантийского периода относятся раскопанные С. Г. Рыжовым гончарные печи. Ко времени застройки квартала (к началу XIII в.) они прекратили существование². Еще две гончарные печи в этом же квартале на расстоянии около 10,0 м к юго-западу открыты в 1985 г.³ Следующий строительный период на участке представлен жилыми домами и одновременной им часовней.

Попытаемся представить продуктивность известных к настоящему времени печей, повторив эту операцию вслед за А. Л. Якобсоном. На

¹ См.: Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство... С. 155—157.

² Описание находок и характеристика застройки кварталов приведены в статье: Рыжов С. Г. Средневековые жилые кварталы X—XIII вв. в северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Т. 8. С. 290—311.

³ См.: Рыжов С. Г. Раскопки в северном районе Херсонеса // АО — 1984. М., 1985. С. 404.

основании размеров керамид можно подсчитать количество продукции, загружаемой одновременно в обжигательную камеру. Например, площадь пода одной из печей составляла 2,5 x 1,75 (ок. 4,4 м²). Размеры черепиц позволяют предположить, что для загрузки обжигательной камеры высотой до 1,5 м (ок. 30 рядов) следовало изготовить до 1 080—1 200 черепиц. Во время просушки они заняли бы до 119,0—144 м². А если все три печи, расположенные на небольшом расстоянии друг от друга, действовали одновременно, то потребовалась бы площадка до 357—432 м². Фактически это более чем четвертая часть квартала. Кроме того, необходимым являлось место для замеса глины, хранения и подготовки топлива.

Наличие нескольких, вероятнее всего, одновременно действовавших (или сооруженных в близкий период) обжигательных печей свидетельствует об оживлении ремесленной деятельности в XI — начале XII в. (вне зависимости от того, обжигались ли в них строительные материалы или другой вид керамической продукции. Дело в том, что бракованные — спекшиеся — черепицы в отчетах не отмечены). После землетрясения требовалось обновить и разбившуюся посуду, и изготовить новую тару для хранения припасов, а не только выпустить новые строительные материалы. Это могло привести к тому, что на территории нескольких временно опустевших кварталов внутри городских стен были размещены гончарные мастерские, удовлетворявшие потребности горожан в изделиях из глины. В более раннее время расположение огнеопасного керамического производства внутри крепостной ограды для херсонитов не было характерным¹.

Безусловно, развернувшаяся строительная деятельность требовала значительных средств, поэтому закономерен вопрос: что позволяло получать доходы херсонитам.

В трактате Константина Багрянородного упоминается о посреднической торговле купцов города с варварами и о том, что Херсон владел салинами. Для более раннего времени о соляных озерах, находящихся

¹ См.: Борисова В. В. Средневековая гончарная печь // СХМ. 1960. Вып. 1. С. 42—46; Рыжова Л. А. Гончарная печь VIII—IX вв. вблизи Херсонеса (в районе Радиогорки) // АДСВ: Византия и ее провинции. 1982. С. 149—156.

неподалеку от городских стен, писал Страбон. Для середины VII в. о торговле солью говорил папа Мартин. Торговля солью, как и товарами, получаемыми от кочевников-соседей, являлась для херсонитов доходным занятием. Вряд ли бедствующие жители города решились на очередное выступление против центральной власти¹, как о том свидетельствуют события начала XI в.

В связи с какими событиями упоминался Херсон в XI в.?

Восстание Георгия Цулы. С возвращением Херсона под «державную руку империи» для Василия II не завершились проблемы, связанные с обстановкой в Северном Причерноморье. В год вступления в качестве соправителя его брата Константина (1016) вновь пришли тревожные вести. Для наведения порядка была снаряжена морская экспедиция, о которой рассказывает византийский хронист Скилица. Итогом военных действий стало пленение Георгия Цулы². Кроме письменных источников, о нем свидетельствуют находки печатей.

Первый публикатор печати императорского протоспафария и стратига Херсона Георгия Цулы В. Н. Юргевич³ отождествлял происходившее в Херсоне с событиями, описанными в «Записке Готского топарха»⁴.

¹ Вспомним, что в 892 г. херсониты убили своего стратига (Theophanis Continustus. Chronographia, VI, 10 / Ed. I. Bekkeri // CSHB. Bonnae, 1838. P. 360, 15–17).

² См.: Georgius Cedrenus. Ioannis Scylitzae, I, 464 / Ed. I. Bekkeri // CSHB. Bonnae, 1839 Vol. 2.

³ В. Н. Юргевич обращался к изданию печати несколько раз, первоначально с ошибочным прочтением надписи. Позднее она исправлена (см.: Юргевич В. Свинцовые печати, принадлежащие Музею // ЗООИД. 1889. Вып. 15. С. 41–43). За два года до этой работы вышла статья И. И. Толстого (см.: Толстой И. И. О византийских печатях Херсонской фемы // ЗРАО. 1886. Т. 2. С. 28–31).

⁴ «Записка Готского топарха» является памятником, породившим обширную дискуссию. Некоторые исследователи считали, что в ней описаны военные действия Святослава в Болгарии. Анализируя текст, А. А. Васильев выдвинул тезис о наличии русского протектората в Крыму (см. главу «Период русского протектората над Готией в X в. и восстановление византийской

А. Л. Якобсон реконструировал события следующим образом. После ухода войска Владимира город был «захвачен хазарским правителем Георгием Цулой в результате внутреннего переворота. ... Византия тогда — в конце X в. — не могла ему угрожать: разгром византийского войска болгарами в 981 г. и постоянная болгарская угроза в последующие два десятилетия связывали руки Василию II на Востоке. Так продолжалось до начала XI в. ... Только в 1014 г. Византия одержала окончательную победу: болгарское войско было уничтожено. После этого Василий II мог, наконец, обратиться к своей отдаленной провинции — Херсонской феме». При этом А. Л. Якобсон полагал, что Георгий Цула «сам выступил с предложением своих услуг и верноподданничества империи», чем объясняется появление печати. Но как только обстановка в империи стабилизировалась, в Северное Причерноморье отправлена военная экспедиция, положившая конец хазарской власти. Таким образом, только в 1016 г. Херсон окончательно возвращен Византии¹.

Позднее к анализу событий 1016 г. обратилась И. В. Соколова, которая сделала вывод, что печать Георгия Цулы — свидетельство местного самоуправления в Херсоне. Подтверждается это еще одним сфрагистическим памятником — печатью императорского спафария и протевона Херсона Михаила. Вместе с тем она отметила, что из-за краткости свидетельств письменных источников судить о том, поставлен ли Георгий Цула в стратиги имперской властью, не представляется возможным². В последующем, отвечая на замечания оппонентов, ис-

власти в Крыму» в кн.: Vasiliev A. A. *The Goths in Crimea*. Cambridge (Mass.), 1936. P. 117–145). Правда, как отмечает И. П. Медведев, он догадывался, что источник мог быть подделкой (Медведев И. П. Новонайденный текст письма Максима Катилианоса: Еще одна подделка Карла Бенедикта Газе? // ВВ. 2007. Т. 66 (91). С. 307. Прим. 3). Кроме фундаментальной работы И. Шевченко (Sevchenko I. *The Date and Author of so-called Fragments of Toparcha Gothicus* // DOP. 1971. Vol. 25. P. 115–188) данному источнику посвящена статья: Медведев И. П. К вопросу о неподлинности так называемой «Записки Готского топарха» // Мир Александра Каждана: К 80-летию со дня рождения. СПб., 2003. С. 160–172.

¹ См.: Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес. С. 16.

² См.: Соколова И. В. Печати Георгия Цулы и события 1016 г. в Херсоне // ПС. 1971. Вып. 23 (86). С. 68–74.

следовательница еще раз вернулась к обоснованию датировки печати, но ее мнение о «варварском происхождении» Георгия Цулы стало неизменным¹.

Не останавливая внимания на критических замечаниях в адрес И. В. Соколовой, приведем в качестве примера таковых отзыв на монографию московской исследовательницы Н. М. Богдановой, которую рецензенты упрекали в том, что при рассмотрении характера социальных движений в Херсоне XI в. она следует концепции И. В. Соколовой².

Тезису о приходе к власти Георгия Цулы в результате восстания херсонитов противоречит его титул императорского протоспафария. Со ссылкой на работу Р. Гийана³ отмечено, что данный титул считался весьма высоким в чиновной иерархии и предоставлялся лицам, которые являлись почетными стражниками императора и имели право участвовать в торжественных выходах.

Известен еще один носитель титула Фома Цула, упомянутый в документах 942/43 г. Эти свидетельства не позволяют безоговорочно принять тезис И. В. Соколовой и Н. М. Богдановой о местном происхождении Георгия Цулы. Вероятнее всего, он был послан в Херсон в качестве стратига, как предполагала Е. Ч. Скржинская⁴. Скорее всего, в 1016 г. произошло выступление стратига, посланного самим императором, что являлось типичным для Византии явлением⁵.

Еще одним обращением к анализу событий, связанных с именем Георгия Цулы, стала работа уральского историка В. П. Степаненко, напомнившего, что тот назван протоспафарием Боспора. Следовательно, Георгий Цула был переведен из Херсона на Боспор, где создана фема

¹ См.: Соколова И. В. Монеты и печати... С. 96–106.

² См.: Богданова Н. М. Херсон в X–XV вв. С. 118–119.

³ См.: Guiland R. Recherches sur les institutions Byzantines. Berklin; Amsterdam, 1967. Т. 2. Р. 112.

⁴ См.: Скржинская Е. Ч. Рец. на кн.: А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес (МИА. 1950. Вып. 17) // ВВ. 1953. Т. 6. С. 266–267. Аналогичного мнения придерживался М. И. Артамонов (см.: Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 436), доказывает это и Г. Г. Литаврин.

⁵ Сазанов А. В., Ченцова В. Г. Рец. на кн.: Причерноморье в средние века / Под ред. С. П. Карпова. М., 1991 // МАИЭТ. 1996. Вып. 5. С. 442–444.

в период между 971—975 гг., выделенная из состава Херсонской. Это являлось понижением в должности. Именно на Боспоре, а не в Херсоне, разразился мятеж, потому-то и направлен сюда для его подавления экзарх Монг совместно с Сфенгом, братом князя Владимира, как писал Скилица. До этого времени Сфенг из-за обстановки, сложившейся в Киеве после смерти Владимира (1015), находился в Константинополе. Русская дружина участвовала в военной экспедиции на основании русско-византийских договоров¹. Полагая, что такая реконструкция событий является более аргументированной в сравнении с другими, В. П. Степаненко сделал вывод: мятеж 1016 г. не имел никакого отношения к Херсону².

Дискуссионность вопроса, неточности в восстановлении биографических свидетельств о Георгии Цуле, которые были допущены Н. М. Богдановой и И. В. Соколовой, полагавших, что тот захватил пост страига в результате восстания, привели к новому обращению к событиям 1016 г.³ Г. Г. Литаврин напоминает, что страиг — должность, восстав, Цула утратил ее. Возражая В. П. Степаненко, ученый отметил, что перевод как с повышением, так и понижением в должности — явление для Византии ординарное, но не это главное. Восстанавливать послужной список Георгия Цулы на основании весьма сомнительного прочтения имени на боспорской печати вряд ли правомерно, к тому же данных о том, что Боспор входил в состав владений империи, нет. Чрезвычайно примечательны два тезиса Г. Г. Литаврина: особенность восстания состоит в том, что во главе оказался страиг, «призванный самой должностью обеспечивать законопослушность жителей вверен-

¹ См.: Степаненко В. П. К истории средневековой Таврики: 1. К интерпретации свидетельства Скилицы о восстании Георгия Цулы; 2. К датировке восстановления власти Византии на Боспоре // АДСВ. 1992. Вып. 26. С. 125—129.

² Данное мнение склонен поддержать В. В. Хапаев. Разрушение Херсонеса... С. 150.

³ См.: Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). СПб., 2000. С. 216, 218—222; более ранняя работа: Литаврин Г. Г. Восстание в Херсоне против византийской власти в 1016 г. // ПОЛУТРОПОН. К 70-летию В. Н. Топоркова. М., 1998. С. 923—931.

ного ему округа». И второй: нарушение традиции — не назначать глав округов из местных — произошло потому, что «Василий II после ухода Владимира из Крыма был вынужден доверить управление разоренным городом представителю одного из известнейших родов. В последующем в лице Георгия Цулы этот род решил править фемой как независимым от Константинополя княжеством». Приведя примеры о восстаниях первой половины XI в., имевших место в ряде городов-эмпориев, Г. Г. Литаврин отмечает, что события 1016 г. знаменуют борьбу за венецианский путь развития города; херсониты не были исключением в стремлении к независимой торговой республике¹.

Ответить на все вопросы, которые ставит обращение к единственному и очень краткому сообщению Скилицы, невозможно, поэтому закономерен вывод, который сделали А. В. Сазанов и В. Г. Ченцова: характер источников привел к рождению противоречивых гипотез, не разъясняющих события 1016 г.²

И все же еще одна попытка интерпретации событий была предпринята. Из-за отсутствия на печати слова «императорский» перед титулом, как отмечает Х.-Ф. Байер, «следует заключить, что боспорская печать была изготовлена только во время мятежа. Боспор как наиболее удаленный от Византии морской город в Крыму³ более соответствовал мятежнику, чем ближайший к Византии Херсон». Австрийский историк, работающий в Уральском университете, считает алогичным и тезис В. П. Степаненко о том, что Сфенг с русской дружиной направился в

¹ См.: Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь... С. 221. Вспомним в связи с этим замечанием о существовании в некоторых городах, в частности в Херсоне, автономистских устремлений и концепцию С. Б. Сорочана о «призраке самоуправления».

² См.: Сазанов А. В., Ченцова В. Г. Рец. С. 444.

³ Но при этом следует прежде доказать, что не оба берега пролива находились в руках Тмутараканского князя, о чем писал Г. Г. Литаврин. Правда, существует предположение Н. и В. Зайбтов, в основу которого положена находка печати с именем Аркадия, стратига Боспора, что Боспор и Херсон были возвращены Владимиром как «вено» за принцессу Анну (Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов византийской фемы Херсон // АДСВ. 1994. Вып. 27. С. 91–95).

Таврику из Константинополя (что отметил и Г. Г. Литаврин). Более вероятно, по его мнению, предполагать, что тот прибыл в Крым с противоположного берега пролива — из Тмутараканского княжества¹.

Херсон и Тмутаракань

Столь же неясными остаются причины и последовательность еще одного события XI в. **Летописи свидетельствуют, что «в лето 1066 Ростиславу сущу Тмоторакани и емлющу дань с Касог и у инех странах, сего же убоявшиекся Грьци, послаша с лестью ктопана. Оному же, пришедшу к Ростиславу и вверившюся ему, чтяшеть и Ростислав. Единою же пьюще Ростиславу с дружиною своею. Реч котопан: княже, хочю на тя пити; оному же рекши: пии; он же, испив половину, а половину дасть князю пити; дотиснувься пальцемь в чашу, бе бо имея под ногтем растворенье смертное и вдасть князю. Урек смерть до дне сего, оному же испившю. Котопан же пришед Корсуню, поведаше, яко в сии днь умереть Ростислав, якоже и бысть. Сего же котопана подиша каменьем Корсуньстии людье»**².

А. Л. Яковсон, приводя данный отрывок из Лаврентьевской летописи, поставил ряд вопросов: могли ли испугаться греки сбора дани с касогов — обычного дела для князя. Возможно, это официальная версия, появившаяся позднее, в начале XII в.? Действовал ли катепан по собственной инициативе, как полагал Ю. А. Кулаковский³, или «выполнял директивы из столицы?»⁴. И наконец, вопрос о том, чем объясняется избиение камнями катепана по его возвращению в Херсон: наличием русской партии в городе или же подстрекательством купцов, заинтересованных в торговле с Тмутараканью?⁵

¹ См.: Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация «Сказания Матфея о городе Феодоро». Екатеринбург, 2001. С. 148.

² ПСРЛ. Т. 1. Ст. 166.

³ Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды: Краткий исторический очерк. 2-е изд. Киев, 1914. С. 90 (последнее издание: Киев, 2002).

⁴ Яковсон А. Л. Средневековый Херсонес. С. 20.

⁵ См. близкое мнение в статье: Мавродин В. В. Славяно-русское население Нижнего Дона и северного Кавказа в X—XIV вв. // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. 1938. Вып. 11. С. 251.

Некоторые из вопросов он пытался разъяснить. Случившееся в Херсоне могло быть отзвуком династической борьбы в Тмутараканском княжестве. В 50-х гг. XI в. Святослав посадил на престол сына Глеба. В 1064 г. он был изгнан Ростиславом. В ответ Святослав предпринял поход, завершившийся восстановлением власти Глеба. Но он вновь лишился ее с уходом войск отца. А. Л. Якобсон высказал предположение, что Святослав, занятый новгородскими делами, попросил на основании соответствующих статей договоров с Византией императора Константина X Дуку (1059—1067) о помощи в борьбе с беспокойным князем. «Ликвидация» Ростислава поручена представителям власти в Херсоне. Далее со ссылкой на исследования В. Г. Васильевского¹ сделан вывод: в полуразоренном городе (все еще последствия Корсунского похода Владимира?), страдающем от налогов, объединились все слои и выступили против представителя центральной власти (катепана он считает наместником, возможно, стратигом). Следовательно, бунт горожан не был вызван отравлением Ростислава: летописец объединил два события².

В подтверждение гипотезы А. Л. Якобсон привел несохранившееся летописное свидетельство, упоминаемое В. Н. Татищевым, который под 1076 г. поместил сообщение о том, что император Михаил VII Дука (1071—1078) просил Святослава и Всеволода о помощи против болгар и корсунян. В ответ Святослав послал сыновей Владимира и Глеба в Таврику. Однако по получении известия о смерти Михаила Владимир покинул Крым³. Отметив, что и такое предположение вызывает ряд вопросов, А. Л. Якобсон продолжил, что «не возмущение убийством Ростислава, не боязнь мщения русских и не боязнь купцов потерять торговые связи с Тмутараканью стала причиной выступления в Херсоне. Это яркий эпизод классовой борьбы»⁴. Не следует подвергать критике мнение исследо-

¹ Об этом см.: Васильевский В. Г. Два письма византийского императора Михаила VII Дуки к Всеволоду Ярославичу // Труды. 1909. Т. 2. С. 29.

² См.: Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес. С. 22.

³ В подтверждение гипотезы А. Л. Якобсон приводит данные из трудов В. Г. Васильевского (Труды. Т. 2. С. 14, 23, 27) и В. Н. Татищева (см.: История Российская. М., 1773. Кн. 2. С. 131).

⁴ Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес. С. 22.

вателя, оно соответствовало духу эпохи, на которую пришлось научное творчество одного из крупнейших историков Таврики.

К числу авторов, предпринявших анализ выступлений херсонитов, относится Н. М. Богданова. Она считает, что убийство Иоанна в 891 г., выступление Георгия Цулы, избиение катепана в 1066 г. «следует рассматривать как примеры недовольства горожан политикой центральной администрации в отношении Херсона»¹.

Как и в некоторых других случаях, можно только строить предположения о причинах, вынудивших херсонитов «избить катепана камнями». Любая из гипотез из-за состояния источниковой базы вызывает серию вопросов. Только «находки свидетельств», которые имел в своем распоряжении В. Н. Татищев, возможно, помогут получить ответы. Но несомненно одно: Херсон в XI в. имел торговые связи с представителями полиэтнического мира Причерноморья. Подтверждает это рассказ Анны Комниной.

Анна Комнина о Лже-Диогене

В конце XI в. имя города в связи со ссылкой очередного претендента на престол называет Анна Комнина. Последуем за ее рассказом: «Какой-то человек, не принадлежащий к знатному роду, происходивший из низов, в прошлом воин, объявил себя сыном Диогена, хотя настоящий сын Диогена был убит еще в то время, когда Исаак Комнин, брат самодержца, сражался с турками у Антиохии. Многие пытались заткнуть рот самозванцу, но он не умолкал. Он явился с Востока в овчине, нищий, подлый и изворотливый; обходил город за городом, дом за домом, улицу за улицей, рассказывая о себе небылицы: он де сын прежнего императора Диогена, тот самый Лев, который, как уже было сказано, был убит стрелой под Антиохией. ... И вот, «воскресив мертвого», этот наглец присвоил себе его имя и стал домогаться императорской власти. ... Поскольку этот обманщик не успокоился ни после второй, ни после третьей попытки его образумить, самодержец отослал его в Херсон и приказал взять под стражу. Но он, очутившись в Херсоне, стал по ночам подниматься на городскую стену и, высунувшись, заво-

¹ Богданова Н. М. Херсон в X—XV вв. С. 117—118.

дил беседы с куманами, которые обычно туда приходили торговать и покупать нужные им товары. Обменявшись с ними клятвами, однажды ночью он обвязал себя веревкой и спустился по стене вниз.

Куманы вместе с ним отправились в свою страну. Он прожил там долго и достиг того, что куманы уже стали называть его императором. ... Они решили вторгнуться всем войском в Ромейскую землю, чтобы посадить его на трон, якобы принадлежащий его отцу» (Анна Комнина. Алексиада, X, 2)¹.

Конец самозванца был трагичным, он ослеплен в 1094 г.

Как можно было видеть, состояние источников не позволяет создать целостной картины жизнедеятельности и занятий херсонитов в X—XI вв. Для реконструкции нет достаточных свидетельств, что и порождает споры историков в отношении значимости и характера, в некоторых случаях и датировки событий. Но даже редкие упоминания Херсона византийскими историками позволяют говорить о его значимости, о некоторых направлениях его торговли и предметах экспорта, о беспокойном характере горожан, о чем предупреждал своего наследника еще Константин Багрянородный.

Археологические свидетельства, полученные в XX в., уточнили некоторые из гипотез, возникших в XIX — начале XX в., но они поставили перед исследователями и новые вопросы.

В течение долгого времени «темными веками» для Херсона являлись VII—VIII вв. Археологические данные приоткрыли их тайны. Будем ожидать таковых относительно XI в. Но, возможно, они уже имеются — это слои, которые ранее относили ко времени похода князя Владимира. Анализ находок и сооружений, в которых они обнаружены, позволит получить некоторое представление о материальной культуре Херсона, по крайней мере, середины XI столетия².

¹ В Лаврентьевской летописи сказано относительно событий 1094—1095 гг.: «Пошли половцы на греков, воевали на греческой земле; царь схватил Девгенича и велел его ослепить» (ПСРЛ. Т. 1. Ст. 226—227).

² Примечательным является то, что на находки этого времени обратил особое внимание А. В. Сазанов, перечисляя все комплексы, он показывает, что уже появилась возможность заполнить существовавшую долгое время лауну (см.: Сазанов А. В. К интерпретации комплекса водосборной цистерны... С. 268).

Очерк 6. ХЕРСОН ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКОГО ВРЕМЕНИ

Часто разбрасываясь и раскидываясь в разные стороны, пламя опять соединялось как бы в одно нераздельное течение огненной реки. Портнки падали, украшения площадей низвергались, величественные колонны исчезали, как будто что-то удобосгораемое. ... Большею частью городские жители бросали тогда свое имущество, потому что огонь появлялся и там, где его нисколько не ждали, а если иные и переносили свои пожитки на другое место, то также не успевали спасти их.

Никита Хониат. История, II, 1,2

О чем свидетельствуют источники. Гипотезы о причинах образования слоев разрушения XIII—XIV вв. Стратиграфические наблюдения и монеты о времени пожаров. О значении городской топографии. Кварталы и дома херсонитов: размеры домов, занятия горожан. Строительная керамика, или Как долго мог отстраиваться Херсон в XII—XIII вв. (с какой целью метили черепицу). Херсон XIII—XIV вв. и споры крымских иерархов. «Аланское послание» епископа Феодора. Об отношении к материалам раскопок.

Со времени появления первых работ по истории Херсона поздневизантийского периода вряд ли можно говорить о пополнении письменных источников. Однако то, что территория города в незначительной мере, в отличие от других византийских городов, пострадала от застройки Нового времени, позволило получить многочисленные целостные археологические комплексы — слои разрушения с многочисленными находками. Они позволили составить представление о планировке городских усадеб и развитии некоторых местных ремесел, очертили ареалы торговых связей. Особенность артефактов — отсутствие воз-

возможности датировать их в пределах нескольких десятилетий, малочисленность и противоречивость нарративных свидетельств — породили неоднозначность мнений относительно истории Херсона в последние два века его существования.

О чем свидетельствуют источники

В XIII в., после распада Византии в 1204 г., Херсон превращается, как полагают некоторые исследователи, в контролируемую Трапезундской империей территорию. Отношения между правителями Трапезунда и Херсоном характеризуют немногочисленные находки печатей и упоминание в Житии св. Евгения такого события, как разграбление судов, на которых везли подать из Херсона и городов Готии (1223)¹.

Сложные внешнеполитические проблемы, характерные для XIII в., усугублялись волнениями среди горожан. В первой половине столетия в связи с религиозно-дипломатической миссией Херсон посетил епископ Феодор. Опасности, поджидавшие его во время путешествия, отражены в «Аланском послании», где он привел и некоторые данные о городских делах².

Начиная с эпохи Великого переселения народов, соседями херсонитов оказывались различные этносы. Некоторые из них, как писал в свое время Константин Багрянородный, служили херсонитам защитой от других варваров. Но иногда мир «покупался». Следуя с торгово-дипломатическими целями на восток в 1253 г., недолгое время пробыл в Таврике Гильом де Рубрук. Наблюдательный дипломат отметил, что команы заставили города Херсон и Сугдею платить им дань³.

¹ О Житии см.: Успенский Ф. И. Очерки по истории Трапезундской империи. Л., 1929. С. 51.

² См.: Феодор, епископ. Аланское послание / Пер. Ю. Кулаковского // ЗОИИД. 1898. Т. 21, отд. 2. Материалы. С. 11—27; Кулаковский Ю. А. Аланы по сведениям классических и византийских писателей // Чтения в историческом обществе Нестора летописца. Киев, 1899. Кн. 13, отд. 2. С. 94—168 (также см.: ВВ. 1900. Т. 7, вып. 1—2. С. 199—201).

³ См.: Рубрук Гильом. Путешествие в восточные страны в лето благодати 1253 / Пер. А. И. Малеина // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 90.

Для XIII—XIV вв. сохранились уникальные свидетельства и о событиях, не очень значительных с точки зрения глобальной истории, и о таких, которые существенно повлияли на жизнь не одного поколения. Это заметки на полях книги, используемой для богослужебных целей, где члены, возможно, одной из семей Сурожа (Судака) в течение более 200 лет делали записи. Для истории Херсона XIII в. интерес представляет упоминание о появлении татар в Крыму и о произошедшем в 1292 г. землетрясении¹.

В середине XIII в. в бассейне Черного моря появляются итальянские корабли. Со временем Кафа (Феодосия) становится центром генуэзской торговли, в Азаке (Азове) основывают свои торговые дома венецианцы. Поэтому закономерным является стремление римской церкви учредить в Северном Причерноморье католическую кафедру. В булле папы Иоанна XXII (1333) одновременно с изложением решения о постройке собора и создании католической кафедры приведена характеристика города. Херсон назван для предшествующего времени городом богатым, многолюдным и благоустроенным, с созданием кафедры, подчеркнул папа: «Мы снова возвели это место Херсон в город»².

В связи с рассказом о генуэзско-венецианской войне (середина XIV в.), разгоревшейся из-за торгового соперничества, писал о Меотиде и Херсоне византийский историк Никифор Григора, рассказывая о морской операции венецианцев и заключении мирного договора. В первом

¹ Заметки XII—XV вв., относящиеся к крымскому городу Сугдее (Судаку), приписанные на греческом Синаксаре / Пер. Антония, архимандрита // ЗООИД. 1863. Т. 5. С. 601. Это известие не относится непосредственно к Херсону, но появление новых «варваров» отразилось и на его истории. К середине XIII в. в Таврике, за исключением приморских районов, устанавливается власть золотоордынских ханов. Ситуация изменилась в 1475 г., на который приходится вторжение в Крым османов. С этого времени побережье находилось под их непосредственным контролем (см.: Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М., 185. С. 87—90).

² Об этом см.: Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. Cambridge (Massach.), 1936. P. 174—175. На 20 лет ранее в соседней Балаклаве (Чембало), как отмечал Ф. Брун, была создана католическая миссия (см.: Брун Ф. Черноморье. 1879. Т. 1. С. 204).

случае говорится о том, что венецианцам удалось захватить генуэзские триеры, приплывшие из Меотиды, Херсона и других областей. Однако в конечном итоге победа досталась генуэзцам. После завершения столкновений одним из условий соглашения стал запрет венецианским и византийским купцам посещать эти места с торговыми целями без разрешения генуэзцев: «И прежде всего они захватили Эвксинский Понт, по причине идущей оттуда наживы, но не только византийцам повелели они, уже властно и преисполнившись дерзости, отказаться от плавания к Меотиде и Танаису, а также и к Херсону и к прибрежным областям скифов по ту сторону Истра с целью ведения торговли»¹.

Отрывок из «Истории» Никифора Григоры неоднократно использовался при освещении торговых связей в Черноморском бассейне для середины XIV в. И его «прочтение» имеет отличия. К примеру, А. Л. Якобсон сделал вывод о превалировании генуэзской торговли в регионе, отметив, что не оправившийся после татарского погрома 1299 г. «пустеющий Херсон» имел для них значение как транзитный пункт в торговле хлебом и рыбой². (Можно и «домыслить» сказанное Никифом Григорой: 1. Он сожалеет о том, что доходы от северо-причерноморской торговли достаются не византийцам³. 2. Предположить, что вряд ли в экономике города наблюдалась стагнация или кризис (особенно, если вспомнить, что говорится в булле Иоанна XXII). Первая посылка нашла поддержку у Н. М. Богдановой, в отношении второй она пишет, что под «Херсоном Никифор Григора, вероятно, понимает Крым в целом». В то же время исследовательница отмечает, что «в грекоязычных источниках X–XV вв. под именем «Херсон» всегда подразумевался город в отличие от названия полуострова “Херсонес”»⁴.

¹ См.: Nicephori Gregorae. Byzantina historia / A cura L. Schopeni. Bonnae. 1830. Vol. 2. P. 880,7–15, 877,7–19.

² См.: Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес, XII–XIV вв. // МИА. 1950. № 17. С. 38.

³ Подробнее см.: Романчук А. И. Херсонес XII–XIV вв.: Историческая топография. Красноярск, 1986. С. 186–187, 190.

⁴ См.: Богданова Н. М. Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в Средние века. М., 1991. С. 76. Появлению в Черноморском бассейне итальянских купцов предшествовал ряд событий.

Для последней четверти XIV в. Херсон упоминается в документах, относящихся к Кафе: сообщение о выплате жалования генуэзскому официалу Херсона (1374)¹; под 1381—1382 гг. он назван крепостью². Правда, археологические свидетельства о пребывании латинян в городе единичны³.

В последние десятилетия XIV в. разгорелась борьба крымских иерархов за ряд местечек по южному берегу Таврики. Отчасти ход ее представлен в документах Константинопольского патриархата⁴, среди

Еще в 1082 г. в поисках союзников против норманнов, создавших угрозу на северных границах империи, Алексей Комнин подписал договор с венецианцами, по которому им были предоставлены торговые льготы. В последующем они были подтверждены Мануилом I Комниным (1143—1180), в 1187 г. Исааком II Ангелом (1185—1195, 1203—1204); об этом см.: Dölger F. *Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches*. München; B., 1924. Т. 2, Nr. 1488, 1497—1499. В соглашении 1192 г. упоминаются торговые привилегии Генуи и Пизы. События тех лет подробно изложены в «Истории Византии» (см.: Юзбашян К. Н. Внешнеполитическое и внутреннее положение Византии в конце XII в. Четвертый крестовый поход и захват Константинополя // *История Византии*. М., 1967. Т. 2. С. 338—340).

¹ ROL. 1896. Т. 4. Р. 31—32.

² Ibid., Р. 41.

³ Среди таковых можно назвать бронзовую чашу (см.: Белов Г. Д. Средневековая бронзовая чаша из Херсонеса // СА. 1958. № 2. С. 203—206) и фрагмент стеклянного бокала с изображением герба, возможно, одного из старинных генуэзских родов Делла Винье (см.: Яровая Е. А. Фрагмент стеклянного сосуда 1322 г. с гербом из Херсона: К вопросу о геральдике // АДСВ. 2006. Вып. 35. С. 244—249). Некоторые артефакты поздневизантийского периода были представлены в докладе: Залесская В. Н. Реликвии времени крестоносцев в Херсонесе // Византия в контексте мировой культуры: Науч. конф., посвященная столетию со дня рождения Алисы Владимировны Банк. С.-Петербург, 7—10 октября 2008 г. (не опубликован).

⁴ Публикация: Miklosich F., Müller I. *Acta Patriarchatus Constantinopolitani*. Vindobona, 1860—1862. Vol. 1—2 (далее: ММ); Древние акты Константинопольского патриархата, относящиеся к Новороссийскому краю / Пер. митрополита Антония // ЗООИД. 1867. Вып. 6. С. 445—473. Следует назвать также *Notitiae episcopatum*, которые позволяют судить об иерархии крымских кафедр не только поздневизантийского времени; публикации см.: Beck H. G.

которых особый интерес представляют изложения жалоб главы церкви Херсона¹.

В Уставе для генуэзских колоний в Крыму (1449) говорится о праве консула Кафы назначать представителя в Херсон²; а спустя немногим более двух десятилетий в Инструкции консулу Антониотте Кибелле рекомендовалось снести стены покинутого жителями города, чтобы они не стали добычей турок (1471–1472)³.

Дополнением скурых свидетельств письменных источников являются материалы археологических раскопок. Они содержат данные о материальной культуре и облике Херсона, жилищах его граждан.

Гипотезы о причинах образования слоев разрушения XIII–XIV вв.

В отличие от ранне- и средневизантийского периодов, для которых комплексы с массовыми находками единичны, для последних веков существования Херсона выявлены слои пожаров и разрушений в различных районах города. Они представляют собой лежащий на полу домов бытовой и производственный инвентарь; выше расположены сгоревшие или обуглившиеся балки деревянных конструкций, перекрываемые упавшей черепицей кровли и камнем от обрушившихся стен.

Kirche und Theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München, 1959; Darrouzès J. *Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae*. P., 1981. О наблюдениях на основании анализа источников см.: Богданова Н. М. Херсон X–XV веков по данным *Notitiae episcopatum* // Количественные методы в изучении истории стран Востока. М., 1986. С. 154–166; Она же. Херсонская церковь в X–XV вв. // Византия, Средиземноморский мир, Древняя Русь. М., 1991. С. 19–49.

¹ ММ. Vol. 2, CCCLXVII (Р. 67–68), CCCLXVIII (Р. 69), CCCCLXX (Р. 72–73). В последний раз глава херсонской церкви упоминается в связи с доносом Готского митрополита о нарушении таинств брака (Idem. DV. Р. 270). В 1400–1401 гг. престол Херсона оказался вакантным.

² См.: Устав для Генуэзских колоний в Крыму. Гл. 6, 50 // ЗООИД. Т. 5. С. 675.

³ См.: *Atti della Società Ligure di Storia Patria*. 1871. Т. 7/1. Р. 872.

Исследователи Херсонеса уже с первых лет раскопок обращали внимание на свидетельства трагических страниц: «Остатки стен небольших построек поздневизантийского времени, сложенные из бутового камня на глине, встречены повсюду со следами бывшего пожара»¹. Подобная археологическая ситуация отражена и в отчетах археологов, работавших на территории городища в XX в.²

В отношении событий, которые могли привести к отложению слоев разрушений, исследователи придерживаются различных мнений, как и в том, каково было значение Херсона как торгового и ремесленного центра в XIII и XIV вв., каков был его статус в сравнении с другими городами Северного Причерноморья.

Истоки негативной оценки состояния города поздневизантийского времени восходят к трудам А. Л. Бертье-Делагарда, о концепции которого уже было сказано выше. Близкого мнения по некоторым аспектам истории Херсона придерживался А. Л. Якобсон, попытавшийся сопоставить археологические данные и свидетельства письменных источников и выявить причины и время двукратных пожаров. Он полагал, что в 1299—1300 гг. на город обрушилось войско Ногая. В начале XIV в. от набегов неприятеля пострадали такие центры Таврики, как Судак, Кафа, правда, о разграблении Херсона упоминаний в источниках нет³. Согласно его мнению, закрепление татар в юго-западной части Крымского полуострова кардинально изменило обстановку. Опустошение смежных с Херсоном земель отразилось на его экономическом благополучии. В скором времени город попал в сферу интересов итальянских купцов⁴. Последний удар был нанесен в конце XIV в. сторонником Тимура Едигеем. Исходя из внешнеполитической ситуации, исследователь сделал вывод: «Не эти ли татарские погромы самого конца XIV в. явились

¹ См.: Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 г. // ИАК. 1905. Вып. 16. С. 44.

² См., напр.: Белов Г. Д. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931—1933 гг. // МИА. 1941. № 4. С. 265.

³ См.: Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес. С. 37. В трудах арабских авторов он предстает под именем Сары-Кермен.

⁴ См.: Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес. С. 38.

причиной того всеобщего пожарища, в котором, как показывают раскопки, окончательно погиб город?»¹ Правда, при этом он оговаривался, что непосредственные указания на то, что Едигей захватил и полностью разрушил Херсон, отсутствуют.

Итак, согласно точке зрения А. Л. Якобсона, два слоя пожарища — это отражение событий конца XIII в. и конца XIV в. В последнее столетие завершается существование города, переживавшего кризис начиная с середины XIII в. Но в одной из ранних работ исследователь несколько иначе оценивал положение Херсона, полагая, что в XIII—XIV вв. город продолжал, хотя и в меньшей степени, оставаться торговым центром и портом Юго-Западного Крыма, «по-прежнему сохранив значение культового центра для смежных областей»². В последующем мнение изменилось: после событий конца XIII в. Херсон уже не являлся крупным поселением; перестал быть и торговым центром³. Однако первая половина XIII в. — это еще время стабильного состояния городской экономики, что признается многими исследователями вне зависимости от взглядов на последующую судьбу Херсона.

¹ Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес. С. 42.

² См.: Якобсон А. Л. Жилые кварталы позднесредневекового Херсонеса // КСИИМК. 1940. № 5. С. 37—38.

³ См.: Якобсон А. Л. К изучению позднесредневекового Херсонеса // ХСб. 1959. Вып. 5. С. 233. Противоречия между выводами в работах А. Л. Якобсона и некоторыми фактами отмечались рецензентами (см., напр.: Скржинская Е. Ч. Рец. // ВВ. 1953. Т. 6. С. 262). О том, что и в XIV в. Херсон сохранил позиции по крайней мере как региональный торговый центр, свидетельствуют находки монет (см.: Гилевич А. М. Монеты из раскопок портового района в 1963—1964 гг. // АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 76; Она же. Монеты из раскопок портового квартала Херсонеса в 1965—1966 гг. // АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 29). В отчетах К. К. Косцюшки-Валюжинича нумизматические находки приводятся как «золотоордынские монеты» (см.: ОАК за 1895 г. СПб., 1997. С. 91; см. также: Белова—Кудь Л. Н. Описание монет, найденных при раскопках северо-восточной части Херсонеса в 1908—1912 гг. // ХСб. 1931. Вып. 3. № 28, 107, 172, 200, 208, 247, 282, 320, 396, 518, 536. Монеты XIV в. были обнаружены и во время раскопок второго портового квартала. Они и стратиграфические наблюдения позволили датировать верхний слой разрушения.

Иное мнение, в сравнении с точкой зрения А. Л. Якобсона, о времени пожара, охватившего фактически весь город, привел С. Г. Рыжов¹. На основании материалов раскопанных им кварталов северного района он полагает, что масштабные разрушения относятся к началу третьей четверти XIII в. В последующем территория сократилась до размеров портового района, где существовало только небольшое поселение. Кварталы северного района были оставлены херсонитами. Подтверждает такой вывод, как полагает археолог, то, что в процессе раскопок этой части городища монет XIV в. встречено не было. Следовательно, замечает он, археологическая ситуация «не позволяет нам связать возникший пожар, уничтоживший дома северного района, с нашествием на город татар в 1299 г.»² Правда, ранее, освещая итоги раскопок того или иного из кварталов, С. Г. Рыжов полагал возможным относить гибель домов в некоторых из них к концу XIII³ или XIV в.⁴

Анализ внешнеполитической ситуации в Крыму привел крымского археолога В. Л. Мыца к выводу, до некоторой степени близкому к точке зрения С. Г. Рыжова: возникновение двукратных слоев пожарища в портовом районе следует связывать с событиями второй половины XIII в.

¹ Наиболее последовательно вывод о том, что только в портовом районе в XIV — начале XV в. существовала застройка, изложен: Рыжов С. Г. Средневековая усадьба XIII в. в северном районе Херсонеса (Постоялый двор) // Древности: ХИАЕ. 1997—1998. С. 168—180). Автор пишет, что после гибели постоянного двора в пожаре во второй половине XIII в. на его месте уже ничего не строили, а возможно, даже его остатки постепенно разбирали для строительства домов в портовой части города, где жизнь продолжалась до конца XIV — начала XV в. (Там же. С. 179). Годом позднее вывод об отсутствии застройки после пожара второй половины XIII в. повторен в коллективной работе: Голофаст Л. А., Рыжов С. Г. Глазурованная посуда из раскопок квартала X // АДСВ. 2000. Вып. 31. С. 251—265.

² Рыжов С. Г. Средневековые жилые кварталы X—XIII вв. в северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. 8. С. 310.

³ Рыжов С. Г. Раскопки в северном районе Херсонеса // АО — 1984. М., 1986. С. 299.

⁴ Рыжов С. Г. Раскопки девятого квартала Херсонеса // АО — 1983. М., 1985. С. 350.

В 1278 г. поход Ногай привел к разрушительным последствиям, после чего от большей части города остались только руины. Херсон «сократился» до размеров портового района с элементами «точечной застройки на других участках». Образование верхнего (более позднего) слоя разрушения — результат карательной экспедиции Ногай в 1299 г.¹

Предположения исследователей, которые приведены выше, хорошо известны, и каждое из них имеет право на существование, принципиально не противореча логике и тем материалам, которые приводятся для их обоснования. Наше обращение к историографическим сюжетам не преследует такой задачи, как критика всех существующих гипотез. Конечно, полностью абстрагироваться от субъективного «избрания» проблемы, которой уделено большее или меньшее внимание, невозможно. Но «субъективный подход» обуславливает подчас и желание привести контраргументы, чтобы показать возможность существования еще одной гипотезы.

По отношению к письменным источникам иногда применяется такая характеристика, как «умолчание источника». Если в трудах историков прошлого или в официальных документах ничего не сообщается о каких-либо событиях, это не означает, что таковых не было в реальной жизни. При реконструкции характера взаимоотношений между жившими в удаленную от нашего времени эпоху исследователь вынужден подчас «домысливать» факты на основании кажущейся ему логики событий, тем самым «восполняя» имеющиеся пропуски. Критическое отношение к концепции появляется, как правило, в том случае, когда преднамеренно не объяснены или пропущены данные, которые разрушают, казалось бы, стройный тезис. В таком случае можно говорить об «умолчании» не источника, а исследователя.

Приведенное выше рассуждение вызвано тем, что и С. Г. Рыжов и В. Л. Мыц, обращаясь к вопросу о времени образования слоев разрушения, проявили некоторую забывчивость. Поэтому в качестве контраргумента хотелось бы напомнить данные радиоуглеродных анализов из различных районов Херсонесского городища. Радиокарбонные анализы

¹ Мыц В. Л. О дате гибели византийского Херсона: 1278 г. // Византия и Крым: Тез. докл. Симферополь, 1997. С. 67.

не входят в число широко применяемых в археологической практике. Одна из причин — их стоимость (или недоверие к ним отдельных исследователей, вызванное погрешностями калибровки). Херсонесу повезло: среди увлеченных его памятниками был геолог Л. В. Фирсов, заведующий лабораторией геохронологии академического центра Новосибирска. Он, как мы бы сказали в наши дни, «используя служебное положение», попытался внести свою лепту в изучение истории Херсонеса, предоставив в руки его исследователей значительную по объему серию дат. Большая часть анализов опубликована¹, но имеются и такие, с которыми он познакомил только авторов раскопок. Об одном из них, упоминаемом в рукописном отчете, и хотелось бы напомнить.

Проба угля от сгоревшей балки одного из домов северного района Херсона показала, что дерево было срублено в 1338 ± 25 лет². Следовательно, для XIV в. можно говорить о наличии жизнедеятельности в данной части городской территории и о том, что после пожара XIII в. предпринято новое строительство. Но выявить, какие из кварталов остались незаселенными, какие дома были восстановлены, можно только сопоставив все археологические свидетельства и имея разработанную хронологическую шкалу артефактов. Именно находок, поскольку монеты XIII в. продолжали использоваться как платежное средство и в последующем столетии.

Следует также напомнить об уникальной ситуации, свидетельствующей о непрерывности застройки на так называемом театральном участке. В 1970—1971 гг. здесь исследовался комплекс, расположенный неподалеку от храма № 19 (храм с ковчегом). В ходе раскопок было установлено, что первоначально херсониты построили одноэтажный, однокамерный дом. Позднее помещение оказалось разделенным на две комнаты. Возможно, одновременно к жилому зданию пристроен сарай.

¹ См.: Фирсов Л. В. Опыт радиоуглеродного датирования античных и средневековых образцов из Херсонеса: Крым // СА. 1973. № 2. С. 244—349; Он же. Опыт радиоуглеродного датирования известковых вяжущих растворов // СА. 1975. № 2. С. 133—137; Он же. Этюды радиоуглеродной хронологии Херсонеса Таврического. Новосибирск, 1976.

² См.: Белов Г. Д. Отчет о раскопках 1975 г. Херсонесской экспедиции Государственного Эрмитажа // Арх. НЗХТ, д. 1760, л. 16.

В позднем доме под слоем черепицы лежали обгоревшие коньковая балка и стропила, которые при падении «придавили» деревянное полотно двери. В центральной части одного из помещений располагался стол со стоящими на нем глазурованными мисками и горшком (с остатками каши) и имелся очаг с сохранившимся запасом дров. Во время раскопок выявлены также следы очага и в более раннем доме. Угольные пробы от строительных конструкций и очагов выстроились в следующую хронологическую цепочку:

- одна из стропильных балок: $1067+7=1074$ г.;
- конек кровли: $1085+12=1097$ г.;
- доски двери: $1145+12=1157$ г.;
- можжевеловые плахи (стол?): $1205+50=1255$ г.
и $1220+50=1270$ г.;
- уголь из раннего очага: $1305+10=1315$ г.;
- поленья у позднего очага: $1370+5=1375$ г.¹.

Сопоставление археологической ситуации и письменных источников не дает бесспорного ответа на вопрос о причинах образования двукратных слоев разрушений. Оно позволяет только полагать, какие экстраординарные события могли привести к их появлению. Но подчеркнем, что во время раскопок портового района не только зафиксировано два слоя пожарища поздневизантийского периода, но и получены материалы, являющиеся основанием для датировки их XIII в. и временем не ранее середины XIV в.² Более определенно сказать, когда разразились над городом пожары, невозможно³. Вместе с тем в связи с мнением С. Г. Рыжова и В. Л. Мыца о том, что весь город в сущности лежал в руинах после разрушений начала третьей четверти XIII в., следует обратить внимание на еще один факт, противоречащий негативной оценке состояния дел в Херсоне для конца XIII в. При

¹ См.: Фирсов Л. В. Этюды радиоуглеродной хронологии... С. 143–145.

² См.: Даниленко В. Н., Романчук А. И. Сводный отчет Объединенной экспедиции в 1963–1964 гг. // АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 53.

³ Это объясняется тем, что в разновременных слоях пожарища встречаются в основном монеты с монограммой «Рω», о времени выпуска которых существуют различные мнения.

публикации одной из находок из Несебра, датируемой концом XIII — началом XIV в., М. Г. Крамаровский отмечает, что такие блюда характерны для Аттики и Фессалоники, мотивы близкого декора известны на херсонесских сосудах¹.

Стратиграфические наблюдения и монеты о времени пожаров

Итак, отсутствие монет XIV в. склонило С. Г. Рыжова к выводу о том, что кварталы северного района Херсона не были заселены в этом столетии. Однако необходимо отметить, что нумизматические находки XIV в. немногочисленны и на территории кварталов портового района²

¹ Крамаровский М. Г. Византийское гончарное блюдо конца XIII — первой половины XIV в. из Месемврия // Византия в контексте мировой культуры: Научная конференция, посвященная столетию со дня рождения Алисы Владимировны Банк. СПб., 2008. С. 217.

² В портовом районе, начиная с 1963 г., исследовалось два квартала. Безусловно, полное издание всех находок, описание стратиграфии, нумизматических данных представляют большой интерес, что является чрезвычайно ценным для реконструкции истории Херсона. Кроме упоминаемого выше Сводного отчета о раскопках и краткой ежегодной информации о ходе исследований в «Археологических открытиях» имеются статьи об отдельных видах находок: Кадеев В. И. Средневековые граффити из Херсонеса // СА. 1968. № 2. С. 288—290; Антонова И. А., Даниленко В. Н., Ивашута Л. П., Кадеев В. И., Романчук А. И. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 81—101; Даниленко В. Н. Жилые дома Херсонеса XIII—XIV вв. // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988. С. 60—66; Ивашута Л. П. Неполивная керамика позднесредневекового Херсонеса // АДСВ. 1975. Вып. 11. С. 14—22; Симонова Т. И. Метки на черепице кровли дома XIII—XIV вв. // АДСВ. Вып. 17. Античные традиции и византийские реалии. 1980. С. 104—120; также см. серию статей А. И. Романчук: Изделия из кости в средневековом Херсонесе // АДСВ: Античный и средневековый город. 1981. С. 84—105; Граффити на средневековых амфорах из портового района Херсонеса // АДСВ: Развитие феодализма в Центральной и Юго-Восточной Европе. 1983. С. 64—87; Граффити на средневековой керамике из Херсонеса // СА. 1986. № 4. С. 171—182; Находки глазурованной керамики поздневизантийского времени в Херсонесе: Местное производство и импорт // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X—XVIII вв. по материалам поливной керамики: Тез. докл. Симферополь, 1998. С. 170—171; Кувшины и миски из слоя пожара XIV в. Херсонесского городища: Соче-

при существенном преобладании монет местных выпусков с монограммой «Рω». Например, в портовом квартале 1 в слое, образовавшемся в результате разрушения одного из домов, обнаружены монеты Андроника I (1183–1185), Исаака Ангела (1185–1195), Сельджуков Рума (XIII в.) и выпущенные местным монетным двором с монограммой «Рω»¹. Выше, в слое нивелировки перед новым строительством, встречены анонимные монеты херсонского монетного двора и византийские XII–XIII вв.

Стратиграфия и соотношение нумизматических данных, скорее всего, свидетельствуют, что строительство предпринято в скором времени после разрушения. Над домом, сгоревшим в XIII в. (возможно, в начале XIV в.), было возведено новое здание. Слой пожара более позднего дома датируется временем не ранее середины XIV в. на основании монеты крымского чекана Узбека (1312–1340). Поскольку в верхнем слое обнаружена монета, выпущенная не ранее середины XIV в., а ниже — монеты XIII в., можно полагать, что двукратные слои пожара отложились в результате упоминавшихся выше похода Ногай (1299–1300)² и военной экспедиции Тимура (1395–1396) против

тание техники сграффито и шамплеве // МАИЭТ. 2002. Вып. 9. С. 261–276; Блюда с изображением конных и пеших воинов из раскопок в Херсонесе (сосуды типа *Zeuxippos Ware*) // АДСВ. 2002. Вып. 33. С. 128–138; Глазурованная посуда поздневизантийского Херсонеса. Екатеринбург, 2003; Строительные материалы византийского Херсона. Екатеринбург, 2004; Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995; Романчук А. И., Соломоник Э. И. Несколько надписей на средневековой керамике Херсонеса // ВВ. 1987. Т. 48. С. 95–100; Waksman S. Y., Romanchuk A. Byzantine Chersonesos, an investigation of the local production of ceramics by chemical analysis // *Byzas: Veröffentlichungen des Deutschen Archäologischen Instituts Istanbul*. 2007. Nr 7. P. 383–398. Широко использованы находки из Херсонеса в работе: Waksman S. Y., François V. Vers une redéfinition typologique et analytique des céramiques byzantines du type *Zeuxippus Ware* // ВСН. 2004–2005. Nr 128–129. P. 631–724.

¹ См.: Гилевич А. М. Монеты из раскопок... в 1965–1966 гг. С. 34.

² См.: Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 73. Судя по данным раскопок в горных районах Юго-Западного Крыма, в этот же период пострадало от пожара Эски-Керменское городище (см.: Веймарн Е. В. Жилые усадьбы Эски-Керменского городища // АДСВ: Византия и ее провинции. 1982. Вып. 19. С. 73).

феодалов, выступивших на стороне Тохтамыша, в частности, против укрепившегося в Таврике Таш-Тимура. Они и могли вызвать те существенные разрушения, которые открываются во время раскопок.

Другой пример последовательного строительства и разрушений дали раскопки 1989 г. во втором портовом квартале.

Дом, о котором пойдет речь ниже, стоял несколько изолированно от остальных усадеб. Ранее на участке находилась стена, отделявшая гавань от жилой зоны. Ближайшее строение располагалось на расстоянии около 3,0 м от нее. Это здание, часть стен которого возведена с использованием плинфы (техника *opus mixtum*: чередование рядов блоков и кирпича), было построено после пожара начала VII в., неоднократно ремонтировалось и прекратило существование, возможно, в первой половине — середине XI в. К этому же времени исчезла, вероятнее всего, и надобность в стене. Но она, частично разобранный, послужила фундаментом для дома, после разрушения которого был построен новый. Археологическая ситуация позволила датировать двукратные слои разрушения не только на основании стратиграфических наблюдений и времени бытования керамики, но и нумизматических данных, поэтому остановимся на ней подробнее.

От поздней усадьбы хорошо сохранились только два помещения (размеры: 3,6х6,0 и 3,0х5,85) и участок, где располагался двор (6,25х9,75). Вероятно, комплекс был частично разрушен в XIX в., т. к. здесь проходила грунтовая дорога, которая вела через пролом в оборонительной стене (куртина 17) к Складу древностей К. К. Косцюшки-Валюжинича.

Слой пожара представлен хаотически лежавшим бутовым камнем и фрагментами черепицы.

На полу одного из помещений встретились серебряная монета хана Тохты (1290—1313), а в слое, перекрывавшем пожарище, среди камней от рухнувших стен, — Узбека и Джанибека (1339—1357).

Ранее на данной территории также существовал дом, в состав которого входило 4 помещения (размеры: 7,0х9,75 м; 5,0х2,1 м; 5,0х3,3 м; 5,0х1,0 м). Одно из них, возможно, являлось коридором, разделявшим две комнаты. Двор усадьбы, скорее всего, располагался к северо-востоку от нее (раскопки здесь не производились). В состав комплекса входил также не имевший крыши участок (3,6х3,8 м), используемый как мастерская, где, как и рядом на улице, обнаружено скопление железного

шлака и угля. Непосредственно в «мастерской» открыта сложенная из известняковых плит прямоугольная конструкция (ее размеры ок. 1 м²). Площадь позднего дома около 75,0 м² (вся усадьба, включая «мастерскую» и небольшую пристройку около нее, имела 85,5 м²).

Наиболее четкая картина пожара предстала в трех помещениях. Непосредственно на полу лежали разбившиеся разнообразные столовые сосуды и амфоры. Вдоль стен найдено большое количество кованых железных гвоздей, «спекшихся» с черепицей. Под фрагментами черепицы выявлены остатки сгоревших деревянных конструкций перекрытия.

Итак, двукратный слой разрушения на данном участке, благодаря счастливой случайности — нумизматическим находкам, — оказалось возможным датировать. В верхнем слое пожара встретились зоотоординские монеты середины XIV в., а в нижнем — монеты XIII в.

Еще один пример, но несколько иного плана относится к этому же кварталу — к комплексу, состоявшему из ряда вытянутых вдоль улицы, разделявшей два квартала (портовый 1 и портовый 2), и обширного двора, находившегося за ними. На участке двора и в одном из помещений (помещение 10) была выявлена выразительная археологическая ситуация: слой пожара, представленный упавшими столовыми сосудами, перекрываемыми остатками сгоревших балок и черепицы. Разнообразные столовые глазурованные сосуды относятся ко времени не позднее середины XIII в. Вполне возможно, что комплекс прекратил существование в 60-е гг. столетия, как датирует слой разрушения в северном районе С. Г. Рыжов, или несколько позднее. Но примечательно то, что после разрушения участок сnivelирован (это привело к «консервации» слоя разрушения, как и полутораметровый завал камня стен, упавший после того как сгорели балки перекрытия), стены достроены, а в помещении, о котором идет речь, была сооружена печь. Верхний слой разрушения, в отличие от усадьбы, о которой шла речь выше, здесь не был столь выразительным¹.

¹ Романчук А. И. Материалы к истории Херсона в XIV—XV вв. // АДСВ: Византия и ее провинции. 1982. С. 89—114. Новым обращением к находкам из слоя пожара помещения 10 стала статья А. В. Сазанова. Рецензенты на сборник, в котором она опубликована, отметили, что автору ее удалось уточ-

Военная экспедиция или природные факторы¹ привели к разрушениям XIII в. — в данном случае не играет существенной роли. Примечательно другое: жители Херсона смогли сравнительно быстро восстановить

нить датировку глазурованных сосудов из данного комплекса. Они относятся к первой половине XIII в., даже первым десятилетиям столетия (основанием для этого послужила корреляция находок). Рецензенты далее пишут, что «материалы долгое время считались хронологическим индикатором XIV в.», и делают вывод, что тем самым доказана неправомерность мнения о существовании Херсона как города в XIV в.; он являлся генуэзской факторией, а «большая часть города к этому времени находилась в руинах» (см.: Домановский А. Н., Сорочан С. Б. (рец.) Причерноморье в Средние века / Под ред. С. П. Карпова. Вып. 6. М.; СПб.: Алетейя (Труды исторического факультета МГУ). 248 с. // ВВ. 2007. Т. 66 (91). С. 276). Однако фраза рецензии «считался эталонным комплексом» вызывает недоумение, вернее, вопрос: кто считал его эталонным для XIV в.? Тем более, что далее замечено: автор раскопок датирует находки XIII в. (Приведена работа: Романчук А. И. Глазурованная керамика поздневизантийского Херсона. Екатеринбург, 2003). Следовательно, никаких оснований считать «эталонным комплексом» именно для XIV в. оснований не было. Второе, что хотелось бы отметить в связи с рецензией и выводом, то, что находки XIV в. были встречены в соседних домах (см.: Романчук А. И. Глазурованная керамика поздневизантийского Херсона: К вопросу о гибели города в XIII или XIV в. // АДСВ. 1999. Вып. 30. С. 187–202; Она же. Кувшины и миски из слоя пожара XIV в. Херсонесского городища. С. 261–276; Романчук А. И., Перевозчиков В. И. Глазурованная керамика из Азова: Херсоно-азакские параллели в орнаментике // АДСВ: Византия и сопредельный мир. 1990. С. 94–135. Примечательно заключение рецензии: «Спор не закончен, и нет сомнений в его плодотворном многообещающем продолжении».

¹ Вспомним одну из заметок на полях Сурожского синаксаря (см.: Заметки XII–XV вв... С. 601). Это сообщение от 1341 г. включено в сводку крымских землетрясений, составленную геологом Л. В. Фирсовым, который отнес его к катастрофическим (см.: Фирсов Л. В. Этюды радиоуглеродной хронологии... С. 160). В данном случае можно вспомнить наблюдения крымского археолога Е. В. Веймарна, обратившего внимание на изменение скального рельефа на Мангупе, которое он отнес к XIII в., считая это следствием природных катаклизмов. К сожалению, наблюдения исследователя остались неопубликованными.

свои дома¹, о чем свидетельствует стратиграфия портового района. Но пожар второй половины XIV в. стал для них последним; многие из горожан погибли в собственных домах². Некоторые из защитников (или нападавших) остались непогребенными. В частности, с внешней стороны оборонительных стен в скоплении камня К. К. Косцюшко-Валюжинич обнаружил шесть костяков; рядом лежали золотоордынские монеты³.

Итак, скорее всего, только после событий середины — конца XIV в. Херсон постепенно превращается в «мертвый город», крепостную ограду которого ввиду приближающейся опасности турецкого вторжения в Крым рекомендовалось уничтожить. Но еще и в XVI в. величие руин вызывало удивление⁴.

До масштабных раскопок, развернувшихся в 30-х гг. XX в. на территории северного района Херсонеса, Г. Д. Белов в одном из отчетов высказал предположение, что город прекратил существование в начале XV в.⁵.

Возвращением к данному тезису стало мнение Н. М. Богдановой, считающей, что с развитием в Причерноморье итальянской торговли ведущее положение занимает Кафа, однако Херсон в XIII—XV вв. сохраняет торговые связи с другими центрами Причерноморья и Руси, оставаясь одним из крупных византийских провинциальных городов⁶.

¹ Для определения возможного срока строительства дома интерес представляют сведения, содержащиеся в византийских задачниках, где приводится срок в 30, 32, 50 дней, достаточных для строительства дома (см.: Hunger H., Vogel K. Ein byzantinisches Rechenbuch des frühen 14. Jahrhunderts // Wiener Byzantinische Studien. 1968. S. 19, 57, 59).

² В отчетах К. К. Косцюшки-Валюжинича отмечалось, что в некоторых поздних домах встречены обгоревшие останки (см., напр.: Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет заведующего раскопками в Херсонесе за 1894 г. // ОАК за 1894 г. СПб., 1896. С. 55).

³ См.: Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет заведующего раскопками в Херсонесе за 1895 г. // ОАК за 1895 г. СПб., 1897. С. 96.

⁴ См.: Броневский М. Описание Татари // ЗООИД. 1867. Вып. 6. С. 341—342.

⁵ См.: Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг. Симферополь, 1938. С. 315.

⁶ См.: Богданова Н. М. Херсон в X—XV вв. С. 84—86.

Не останавливаясь на критике методики использования археологического материала, что было сделано в рецензии на ее книгу (публикация диссертации на соискание степени кандидата исторических наук), необходимо отметить чрезвычайно ценные и не упоминаемые ранее свидетельства письменных источников, которые она приводит в качестве аргументов для подтверждения вывода. В частности, Н. М. Богданова ссылается на постановление венецианского Сената от 07.01.1399 г., регламентирующее движение кокк (круглые суда большого водоизмещения) из Венеции в Тану (Азак-Азов), в котором отмечена возможность получения груза в Херсоне или другом месте. В другом постановлении от 28.01.1402 г. среди таких городов, как Кафа и Тана, назван Херсон, куда разрешалось направляться торговым судам при входе в Черном море¹.

И все же вопрос о том, был ли Херсон в начале XV в. «живым городом» или традиционно упоминался благодаря своей прежней известности, пока остается открытым. Кроме документов, на которые ссылается Н. М. Богданова, других свидетельства пока не обнаружено. Но славное прошлое Херсона авторы XV в. помнили. Так, Иосафат Барбаро, завершая перечисление городов, попавших под власть турок (Солдайю, Чембало, Каламиту, Херсон), пишет следующее: «А о последних я ничего не буду говорить, поскольку эти города достаточно известны»².

Не способствуют ответу на вопрос о Херсоне XV в. и археологические свидетельства. Только в портовом районе обнаружены материалы, датируемые этим столетием. Это остатки стен, утрамбованные площадки и немногочисленные находки монет. Но они не позволяют составить представление о существовавших в то время сооружениях³.

¹ Богданова Н. М. Херсон в X–XV вв. С. 74. Эти данные упомянуты в работе: Карпов С. П. Маршруты черноморской навигации венецианских галей «линии» в XIV–XV вв. // Византия, Средиземноморье. Славянский мир. М., 1991. С. 87.

² Барбаро Иосафат. Путешествие в Тану, 46 / Пер. Е. Ч. Скржинской // Барбаро и Кантарини о России. Л., 1971. С. 154.

³ См.: Даниленко В. Н., Романчук А. И. Сводный отчет... С. 55, 76; Романчук А. И. Материалы к истории Херсонеса XIV–XV вв. С. 93.

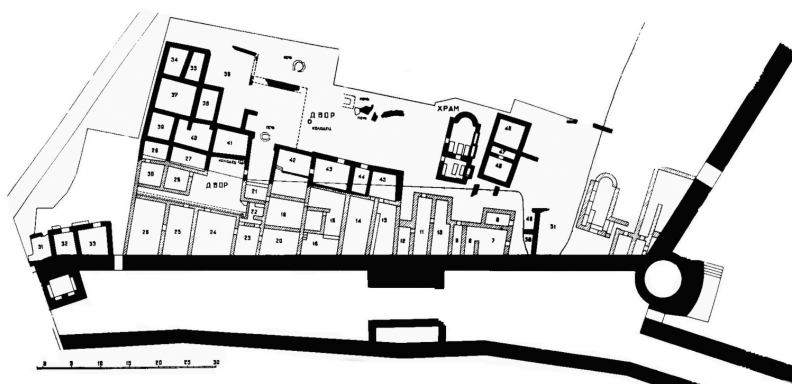

Рис. 13. План застройки портового квартала 1, последний строительный период

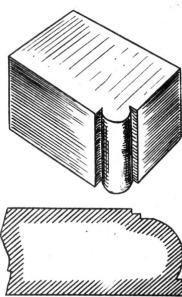
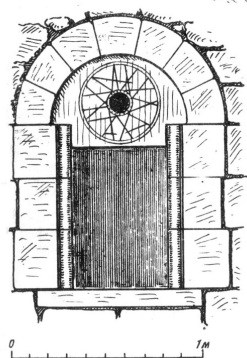
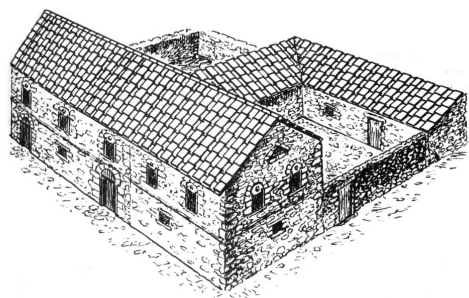

Рис. 14. Городская усадьба XIII—XIV вв. (портовый квартал 1, графическая реконструкция В. Н. Даниленко)

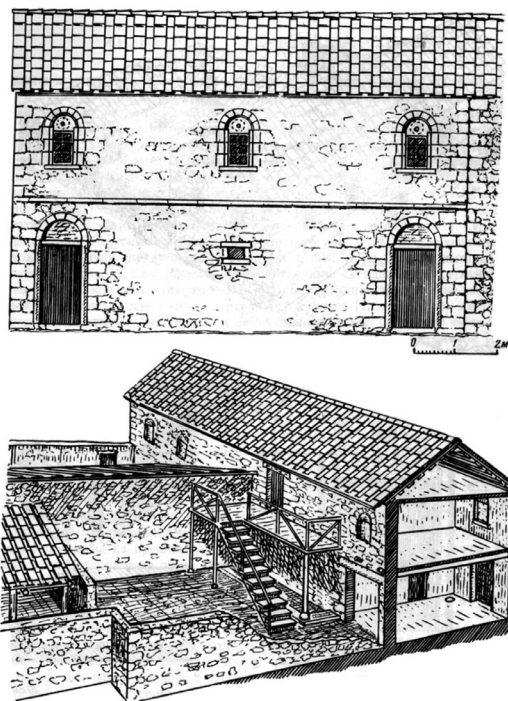

Рис. 15. Графические реконструкции поздневизантийских домов
портового квартала 1 (по В. Н. Даниленко)

Повторим еще раз, что без детального анализа всех находок и уточнения времени их бытования, создания хронологической шкалы, невозможно прийти к однозначному выводу о том, являлся ли обитаемым только портовый район в конце XIII—XIV в. Возможно, более широкое использование методов физических наук позволит определить время выпуска продукции местных керамитов, что заложит основы для синхронизации артефактов. Один из них — использование эффекта Мессбауэра (в сочетании с петрографическим анализом), разработанного и апробированного физиками-ядерщиками¹. Этот метод в последнее

¹ См.: Kostikas A. Applications of Mossbauer spectroscopy. 1976. Vol. 1 Academ press / Ed. R. L. Cohen. P. 12, 36.

время стал одним из самых современных и перспективных направлений исследований. Результаты использования его для датировки керамики, имеющей точные привязки к источникам сырья, позволяют по-новому интерпретировать структуру радиационных дефектов в глинистых минералах. Проверка метода на образцах керамики Урало-Сибирской зоны показала, что хронологические погрешности являются несущественными¹.

Вместе с тем нельзя не отметить, что для сохранившейся, как предполагают С. Г. Рыжов и В. Л. Мыц, жилой застройки небольшого участка портового района удивительными являются некоторые находки, свидетельствующие о наличии связей с другими районами Черноморско-Средиземноморского бассейна, а также значительные по размерам жилые усадьбы. Следует обратить внимание на фрагменты кувшинов с узким высоким горлом на низком кольцевом поддоне. Они имеют хорошего качества глазурь, геометрический декор, выполненный в выемчатой технике. Подобные изделия, правда в незначительном количестве, встречаются в различных причерноморских центрах: Кафе, Несебре, Варне, в северном Предкавказье, в Азове (Азаке-Тане), известны они и среди находок в Константинополе². Характерной особенностью изделий является узор на тулове в виде шахматного поля и пересекающихся полуovalов. Некоторые из них украшены косым сетчатым декором в сочетании со стилизованными изображениями листьев, двухполосной плетенки. Среди херсонесских находок есть сосуды с очень хорошего качества глазурью золотисто-желтого и светло-зеленого оттенков. Она нанесена, как правило, на плотный слой белого ангоба (внутренняя неангобированная сторона также имеет глазурь)³.

¹ См.: Семенкин В. А., Милдер О. Б., Визгалов Г. П., Вайсман Г. З., Беспрозванный Е. М. Перспективы использования эффекта Мессбауэра в археологии // Северный археологический конгресс: Тез. докл. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2002. С. 71–72.

² См.: Крамаровский М. Г. Три группы поливной керамики XIII–XIV вв. из северного Причерноморья // Византия и византийские традиции. СПб., 1996. С. 102–103. Рис. 2, 3.

³ Описывая данный вид керамических изделий, М. Г. Крамаровский отметил характерную для них золотисто-желтого цвета глазурь, полагая при

М. Г. Крамаровский и издатели каталога, посвященного находкам из Несебра, датируют их XIII—XIV вв¹. Но насколько об этом можно судить по публикациям и отчетам раскопок в северном районе, они не встречены в комплексах, погибших, как предполагается, в последней четверти XIII в., а в портовом районе обнаружены в слое пожара домов, прекративших существование в XIV в.

Детальный анализ находок привел М. Г. Крамаровского к следующим выводам: 1) находки свидетельствуют о связях византийской периферии с Константинополем («вплоть до столичных городов золотоордынского Поволжья»); 2) они появляются здесь не только в результате импорта, но, возможно, «частично выделялись на месте»²; 3) на развитии формы и орнаментаки сказалось влияние «латинской и палеологовской традиций»³. Судить о месте производства до обнаружения гончарных печей и брака преждевременно. Скорее всего, кувшины этого вида распространяются в городах Черноморского побережья в результате венецианско-генуэзской торговли в Средиземноморско-Черноморском регионе.

Другой вид немногочисленных находок кувшинов в домах XIV в. — это кувшины, украшенные орнаментом, выполненным с помощью штампа, или изготовленные в специальной форме. Единичные экземпляры из раскопок в Солхате (Старый Крым) опубликованы М. Г. Крамаровским и датированы XIV в.⁴ Ареал распространения упомянутых выше двух

этом, что форма, декор и цвет покрытия, возможно, связаны с «имитацией в глине отдельных форм посуды из драгоценных металлов» (Крамаровский М. Г. Три группы... С. 102). Примеры находок из портового квартала приведены: Романчук А. И. Глазурованная посуда... С. 89—93.

¹ См.: Крамаровский М. Г. Три группы... С. 102; Velkov V., Ognenova-Marinova L., Chimbouleva Z. Mesambria-Mesembria-Nessebur. Sofia, 1986. P. 86—87, 113, 114.

² Пропорции сосудов из херсонесских раскопок, характер декора чрезвычайно близки к известным находкам западного побережья Черного моря, что позволяет полагать, что они могли быть изготовлены в одном центре и попали в Херсон в результате торговых связей.

³ См.: Крамаровский М. Г. Три группы... С. 108.

⁴ Крамаровский М. Г. Три группы... Рис. 3, 4.

видов сосудов не может не свидетельствовать о наличии торговых связей херсонитов в конце XIII — XIV в. Именно это вызывает сомнение в тезисе о том, что город имел немногочисленное население, обитавшее в «очагах точечной застройки», в то время как большая часть его территории опустела. Но сомнения не являются аргументом в пользу той или иной точки зрения и, возможно, дальнейший анализ всего комплекса материалов раскопок Херсонесского городища в сравнении с таковыми из других центров позволит получить доказательства.

О значении городской топографии

В докладе Хр. Бураса (конгресс византинистов, Вена), обобщившего в 1981 г. итоги археологических исследований на территории исторической Византии, отмечалось, что они не привели к получению данных, на основании которых стало бы возможным восстановить «ткань» византийского города¹. Объективные и субъективные причины состояния археологических источников выше уже отмечались. Но одну из них следует вспомнить еще раз: более поздняя строительная деятельность (в том числе и в период, когда осуществляли ее жители города) приводила к разрушению возведенного ранее. Территориальный континуитет в некоторых случаях от античности и до Нового времени обусловил невозможность восстановления планировки, облика домов, их размеров для каждого из хронологических периодов развития византийского города. Безусловно, на основании имеющихся материалов попытки представить историческую топографию предпринимались. Среди исследований, относящихся к началу XX столетия, следует назвать блестящую работу О. Тафрали, посвященную Фессалонике². Фундаментальные историко-топографические штудии созданы о столице империи Константинополе, о постройках которого сохранилось наибольшее количество свидетельств древних авторов³. Осуществление масштабного

¹ Bouras Ch. City and Village: Urban Design and Architecture // JÖB. 1981. В. 31/2. Р. 611—653.

² См.: Tafrali O. Topographie de Thessalonique. P., 1913.

³ См.: Janin R. Constantinople Byzantine. Développement urbain et répertoire topographique. P., 1950; Schneider A.-M. Byzanz. Vorarbeiten zur Topographie

проекта по созданию исторической географии Византийской империи, в ходе реализации которого предполагается обобщение всех сведений о каждом регионе, положено историками Австрии в 1973 г.

В целом историки Византии сделали большой вклад в изучение различных видов городов, что позволяет поставить вопросы типологии поселений, воздействия географического фактора на среду обитания. Структура города, его облик: планировка кварталов и размеры домов и кварталов — это и один из источников для реконструкции экономических изменений и анализа эволюции значимости населенного пункта, а также выявления занятий и социальных различий среди горожан¹.

Наиболее полно задачи историко-топографических штудий изложены в исследовании И. К. Лабутиной, посвященном Пскову. Они должны, отметила исследовательница, предусматривать следующее: установление закономерностей развития территории города; определение нахождения жизненных центров; выявление взаимосвязи между различными категориями топографических объектов; соотнесение их с топографическими деталями письменных источников².

und Archäologie der Stadt. Amsterdam, 1967; Guillard A. Études de topographie de Constantinople Byzantine. Amsterdam; B., 1969. Vol. 1—2; Müller-Wiener W. Bildlexikon zur Topographie Istanbuls: Byzantion-Konstantinopolis-Istanbul bis zum Beginn der 17. Jahrhundert. Tübingen, 1977.

¹ В работах недавнего времени было принято ссылаться для подтверждения вывода или гипотезы на произведения создателей марксизма. Очень часто приходилось «изыскивать» подходящее высказывание. Историкам последнего десятилетия XX в. нет необходимости искусственного обращения к работам тех, кто вошел в науку как классики. Однако вряд ли было бы историчным игнорирование их вклада в изучение интересующего нас топографического сюжета. Поэтому следует привести одну из статей Ф. Энгельса, который писал о зависимости облика города и его социально-экономического развития относительно индустриальных центров Англии (см.: Энгельс Ф. Предисловие ко второму изданию книги «К жилищному вопросу» // Маркс К., Энгельс Ф.. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 334).

² См.: Лабутина И. К. Историческая топография Пскова в XIV—XV вв. М., 1965. С. 3. Принципы социально-топографических исследований отражены в работах украинских исследователей: Толочко И. И. Історична топографія сраодавнього Києва. Київ, 1972; Он же. О социально-топографической

Примером историко-топографических работ применительно к византийскому городу, в которых разъясняются направления подобных исследований, является статья А.-М. Шнайдера, где выделены следующие аспекты: границы города, деление его территории на районы и кварталы, описание построек в каждом из них¹.

Кварталы и дома херсонитов. Вопросы исторической топографии поздневизантийского Херсона, несмотря на наличие целого ряда полностью изученных кварталов в различных районах, являются слабо освещенными. Условно на территории раскопанной части городища можно выделить неоднократно выше упоминаемые северный прибрежный и портовый районы, кварталы вдоль главной уличной магистрали (северо-восточный район), так называемый театральный участок, западную и южную части, где полномасштабные раскопки не производились. Начиная с 1927 г. наиболее последовательно исследовались кварталы северного района, относительно которого высказаны первые соображения о топографических и социальных особенностях в сравнении с северо-восточным.

Г. Д. Белов полагал, что в раннесредневековый период благодаря расположению двух базиликальных храмов прибрежный район превратился в одну из центральных частей города². Но, согласно его мнению, в

структуре древнего Киева и других древнерусских городов // Археологические исследования Киева, 1878—1983 гг. Киев, 1985. С. 5—18.

¹ См.: Schneider A.-M. Regionen und Quartiere in Konstantinopel // Kleinasien und Byzanz. B., 1950. S. 149—158. Многие историки отмечали, что изучение пространственно-временной специфики поселения (исторической топографии) дает существенный материал для выявления структуры понятия «город» и изучения его исторического развития (см., напр.: Лапшин В. А. К структуре понятия «город» // Категории исторических наук, Л., 1988. С. 115; Frölich K. Das verfassungstopographische Bild der mittelalterlichen Stadt im Lichte der neuen Forschung // Die Stadt des Mittelalters. Darmstadt, 1969. S. 381). Архитектурно-планировочная структура города и связь ее с социальными функциями интересуют не только историков, но и архитекторов, которые в поисках путей гуманизации современного градостроения обращаются к опыту прошлого (см.: Бархин М. Г. Город. Структура и композиция. М., 1986).

² См.: Белов Г. Д. Северный прибрежный район Херсонеса // МИА. 1953. № 34. С. 26.

последний период строительства (XII—XIV вв.) здесь обитали горожане, основными занятиями которых были хлебопашество, рыболовство и домашние промыслы, а дома их являлись «весьма убогими по размерам и технике строительства». Суммарно описаны и более крупные усадьбы, владельцами которых являлись представители «правлящего класса»¹. В сущности, близкого мнения придерживался и А. Л. Якобсон, посвятивший один из разделов монографии о поздневизантийском Херсоне социальной топографии, где северный район охарактеризован как сельскохозяйственная и ремесленная окраина — «противоположный социальный полюс кварталам северо-восточного района»².

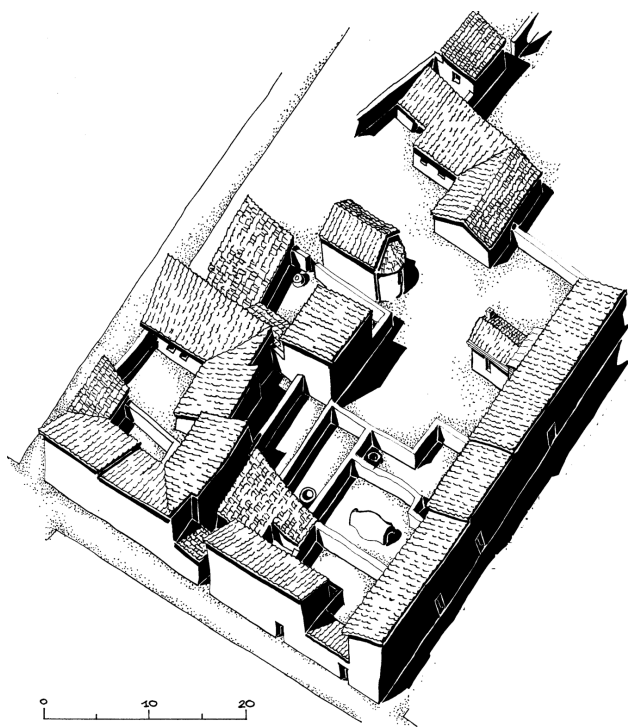

Рис. 16. Аксонометрическая реконструкция квартала XIII—XVIII, северный район Херсона

¹ Белов Г. Д. Отчет о раскопках ... за 1935—1936 гг. С. 315.

² Якобсон А. Л. Позднесредневековый Херсонес. С. 96—97.

Следующее обращение к вопросам исторической топографии относится к последней четверти XX в. На основании размеров площади, занимаемой городскими усадьбами, была предпринята попытка создать представление об особенностях застройки и отчасти занятий херсонитов трех районов: северного, северо-восточного и портового¹.

Присмотримся пристальнее к формированию характеристики облика Херсона и его кварталов, к гипотезам и выводам, основанным на результатах раскопок городища. Одно из наиболее ранних наблюдений принадлежит К. К. Косцюшке-Валюжиничу: «Тот город, который обнаруживается при раскопках на ничтожной глубине с правильными, узкими улицами, водостоками, тесными домами и множеством часовен, построен по строго определенному плану»².

Более конкретная картина облика кварталов северного района (к настоящему времени здесь изучено ок. 10 кварталов) предложена Г. Д. Беловым. На основании материалов первых лет раскопок он писал, что «жители имели небольшое самостоятельное хозяйство». В отношении торговли этого времени он выдвинул предположение, что «если она и была, то в очень ограниченных размерах; предметы импорта для населения данного квартала были совершенно недоступны»³.

¹ См.: Романчук А. И. Топография Херсонеса XII—XIV вв.: К постановке проблемы // Всесоюзная археологическая конференция «Достижения советской археологии в 11-й пятилетке». Баку, 1985. С. 301—302; Она же. Херсонес XII—XIV вв.: Историческая топография. Красноярск, 1986 (отчасти наблюдения повторены: Романчук А. И. Очерки истории и археологии...). В дальнейшем наибольшее внимание уделялось сакральной топографии: Беляев С. А. Христианская топография Херсонеса. Постановка вопроса, история изучения и современное положение // Церковные древности. VII Рождественские образовательные чтения. М., 1999. С. 31—32; Пелин А. Топография христианского Херсонеса, IV—XIV вв.: Дис. ... канд. богословия. Сергиев Посад, 2001), а также вычленению в общей структуре Херсона отдельных сооружений (см.: Бернацки А. Б., Кленина Е. Ю. (ред.) // ХСб.: Suppl. 1 (Топография Херсонеса Таврического: водосборная цистерна жилого дома в квартале VII, IX—XI вв.). Севастополь, 2006; Рыжов С. Г. Средневековая усадьба...; Он же. Малые храмы-часовни Херсонеса // Древности: ХИАЕ. 2004. С. 160—166.

² Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет заведующего раскопками в Херсонесе за 1895 г. // ОАК за 1895 г. СПб., 1897. С. 90—91.

³ Белов Г. Д. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931—1933 гг. // МИА. 1941. № 4. С. 218.

Не изменили его мнения последующие исследования. Более полно наблюдения приведены в отчете за 1933 г. «Разнообразие орудий труда и занятий характеризует хозяйство раскопанных комплексов как хозяйство натуральное, удовлетворяющее, по возможности, все свои потребности собственными силами и средствами. Жители этого квартала сами сеют хлеб, обрабатывают землю, сами размалывают зерно примитивным способом — ручными жерновами и в ступах, сами пекут хлеб, сами ловят рыбу и имеют ее запасы в кладовых, держат домашний скот и птицу, сами изготавливают себе одежду и производят необходимые в хозяйстве орудия и предметы. Не исключена возможность, что жители сами строили свои дома», о чем свидетельствует примитивность техники постройки¹.

«Примитивность», как он полагал, техники кладки (из подтесанного с лицевой стороны известнякового бута на грязевом растворе) свидетельствует, что дома были построены не специалистами². Обобщением наблюдений, вытекающих из двадцатилетних исследований северного района города, стала статья «Северный прибрежный район Херсонеса». Наряду с выводами, касающимися античного времени, в значительной мере изложенными в небольшой монографии³, автор отметил особенности планировки кварталов, хронологию и направление восстановительных работ после предполагаемых разрушений времен Корсунского похода Владимира. Согласно приводимым им материалам, новое строительство, начиная с XI в., велось с востока на запад, при этом западная окраина Херсона осталась незастроенной, что сократило площадь жилой зоны почти вдвое. Характерной чертой поздневизантийского периода стали квартальные храмы и часовни; в отдельных случаях изменилось направление улиц.

¹ Белов Г. Д. Раскопки в северной части Херсонеса... С. 267.

² Если учитывать данные византийских задачников, которые уже были названы, то можно сказать о типичности таких построек. Для бригады мастеров XIV в. требовалось не более 1,5–2 месяцев, чтобы возвести дом (см.: Hunger Н., Vogel К. Ein byzantinisches Rechnenbuch... S. 59). Вряд ли подобные сооружения отличались значительными размерами и более качественной техникой кладки стен в сравнении с херсонесскими домами.

³ См.: Белов Г. Д. Херсонес Таврический: Историко-археологический очерк. Л., 1948.

В некоторых случаях исследователь сделал вывод относительно этнического происхождения владельцев домов, так, наличие энколпионов со славянскими надписями в одном из кварталов привело к предположению об обитании здесь русского населения.

Менее негативная характеристика была высказана в отношении экономического развития Херсона; отмечен высокий уровень гончарного ремесла в XIII—XIV вв., что позволяло вывозить изделия в населенные пункты Таврики. Но как и в более ранней работе, Г. Д. Белов полагал, что «основным фактором занятий населения» кварталов северного района являлось сельское хозяйство (земледелие) и рыболовство». Немногочисленные находки восточных и византийских монет — свидетельство торговли, правда, Херсон, по его мнению, являлся не более чем региональным центром¹.

В связи с отмеченными в отчетах и в последующем прозвучавшими в обобщающих исследованиях замечаниями о сельскохозяйственных занятиях херсонитов следует обратиться к одному из пассажей сочинения Анны Комниной.

Рассказывая о заботе Алексея Комнина о сиротах в г. Дамалисе, она пишет: «В прилегающих к акрополю частях города, там, где находится выход к морю, Алексей нашел огромной величины храм великого апостола Павла и соорудил там второй город — внутри царицы городов. Храм наподобие акрополя стоял на самом высоком месте города.

Новый город простирался на несколько стадий (может быть, кто-нибудь скажет, насколько именно?) в длину и ширину. Внутри него тесно стояли дома бедняков и, что еще больше свидетельствует о человеколюбии императора, жилища калек. Можно видеть, как бродят там друг за другом слепые, хромые или имеющие какие-либо увечья. ... Круг домов двойной и двухэтажный; одни из этих искалеченных мужчин и женщин живут наверху, на втором этаже, другие копошатся внизу, у самой земли. Что касается величины круга, то желающий посмотреть этих людей, начав с утра, обошел бы круг только к вечеру.

¹ См.: Белов Г. Д. Северный прибрежный район... С. 29—31; Он же. К изучению экономики и быта позднесредневекового Херсонеса // СА. 1941. Т. 7. С. 224—231.

Таков этот город, таковы его обитатели. У них нет ни *земельных участков, ни виноградников* или чего-либо иного, что, как мы знаем, заполняет человеческую жизнь» (Комнина Анна. Алексиада. XV, 7).

Описание городских строений интересно само по себе, но для нас является ценным удивление писательницы, что жители города не имеют ни земельных участков, ни виноградников. Сельскохозяйственные занятия, наряду с ремесленными, — обычное явление для средневекового города¹.

Первым, кто наиболее полно использовал материалы раскопок для реконструкции социальной топографии поздневизантийского Херсона, стал А. Л. Якобсон (можно заметить, что не только в этом).

Последовательно анализируя размеры и инвентарь располагавшихся в северо-восточном районе усадеб, он пришел к заключению, что они имели большие размеры в сравнении с таковыми северного, а «социальный облик» их определяли не ремесло и сельское хозяйство. В архитектурно-композиционном отношении — это двухэтажные постройки, вокруг которых группировались остальные части усадьбы. «Не следует представлять, — подчеркивал исследователь, — усадьбы поздневизантийского Херсонеса в виде беспорядочно пристроенных друг к другу каменных клеток. Жилые дома, как правило, сооружались вдоль сторон кварталов, имея вход чаще всего со стороны двора. Со стороны улицы глухие фасады домов венчались карнизами в виде полочки или выкружки, над входом или окнами помещался камень, на котором были вырезаны крест или плетенка». Отмечено также, что каждая усадьба имела двор, расположенный за жилыми помещениями. Во дворе стояли небольшие каморки, в отдельных здесь же сооружали сводчатые печи. На вторые этажи вели каменные лестницы. Пол обмазывался глиной (или был земляным); стены штукатурились или также обмазывались глиной»².

Остановливая внимание на различиях двух районов в целом, А. Л. Якобсон повторил тезис своего современника Г. Д. Белова о

¹ См.: Maksimović Lj. Charakter der social-wirtschaftlichen Struktur der spätbyzantinischen Stadt (13.—15. Jh.) // JÖB. 1981. T. 31. S. 153.

² См.: Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес. С. 48.

том, что среди херсонитов, обитавших в северном районе и живших в основном за счет домашних промыслов, «только немногие лица из духовенства, торговцев и других представителей правящего класса имели более крупные дома и более обильный инвентарь»¹. Но вдоль центральной уличной магистрали жила более привилегированная часть горожан. Отличия размеров, планировки между домами «убогой архитектуры» и теми, которые могли принадлежать «представителям правящего класса», не приведены.

Завершением представлений о том, какие жилища были характерны для Херсона в поздневизантийский период, стала статья В. Н. Даниленко, построенная на материалах раскопок портового района, в котором существовали двухэтажные значительной высоты каменные строения с двухскатной или односкатной крышей, с проложенными внутри стен трубами для стока воды, внутренними двориками. Для каждого из них были характерны крытые водосточные каналы².

Так «убогими» ли и «небольшими» были жилища херсонитов? Справедлива ли характеристика, созданная на основе данных раскопок северного района? Что изменили исследования второй половины XX в. относительно облика города поздневизантийского времени? Можно ли использовать материалы раскопок для гипотетических представлений о занятиях жителей Херсона?

*Размеры домов, занятия горожан*³. Вне зависимости от того, негативную или позитивную оценку дает исследователь Херсонесу-Херсону, все работавшие на его раскопках или писавшие о нем преданы этому городу. В свое время К. К. Косцюшко-Валюжинича говорил, что для него расстаться с Херсонесом все равно, что расстаться с жизнью. В наше время редко произносят красивые фразы о преданности науке. Но, возможно, превалирующий интерес к объекту исследований приводит к некоторому преувеличению его значимости; в пылу дискуссии «забывается» то, что может породить сомнения в правомерности соз-

¹ Белов Г. Д. Отчет о раскопках ... за 1935—1936 гг. С. 315.

² См.: Даниленко В. Н. Жилые дома Херсонеса XIII—XIV вв. // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988. С. 60—66.

³ Раздел написан небеспристрастно. Причину этого объяснить легко: в нем приведены наблюдения, изложенные в работах автора.

данной гипотезы. Но иногда новые данные подтверждают, что направление поисков и доказательств было верным, что при наличии лакун в аргументации картина, созданная на основании логики и интуиции, выдержала критику временем. Правда, ни логика, ни интуиция не могут служить в качестве доказательств при реконструкции хода исторического развития. Основа все же — источники, но подход у каждого из историков, «прочтение» их могут быть все же различными.

Итак, в последние века своего существования Херсон дважды подвергался разрушительному воздействию огня. Это делает его руины, особенно слои пожара, бесценным источником для изучения быта и материальной культуры; отчасти раскопки позволяют проследить отличия в облике домов и кварталов в различных районах города. Если в качестве рабочей гипотезы принять, что размеры усадьбы, инвентарь, сохранившийся в ней, отражают занятия обитателей и имущественное положение владельца, то раскопки дают материалы, позволяющие выявить социальный и профессиональный статус горожан. Не помогут ли они уточнить распространенные в трудах историков до середины XX в. такие характеристики, как «убогие дома», «большая усадьба», «полуремесленная окраина, в которой проживало беднейшее население Херсона»? Этот вопрос был поставлен в 1985 г. на одной из конференций¹, а через год нашел отражение в монографии, посвященной исторической топографии Херсона XII—XIV вв.

Работа имела скорее характер справочника, в котором из опубликованных и неопубликованных отчетов выбраны данные о размерах домов, подсчитано соотношение жилой площади и двора, перечислен обнаруженный при раскопках инвентарь. Систематизация привела к ряду наблюдений:

Жилой фонд городской усадьбы херсонитов в северном районе вряд ли можно считать малым, «незначительным», а дома поздневизантийского времени — «убогими». Для четырех кварталов получены свидетельства, показавшие, что большая часть усадеб занимала площадь в 90—110 м² и 120—140 м²; две имели 200 м² и выше и только одна, пристроенная к другой, около 46 м².

¹ См.: Романчук А. И. Топография Херсонеса XII—XIV вв.: К постановке проблемы. С. 301—302.

Сосредоточение комплексов близких и равных размеров приходится на квартал, образовавшийся в результате слияния четырех эллинистических. Из-за находок в 3 из 9 полностью сохранившихся домов он получил условное наименование «русский» (всего здесь могло располагаться 11 усадеб). Отличительной особенностью квартала было и то, что на его территории имелась баня, примыкавшая к одному из домов. Застройка квартала относится ко времени не ранее конца XII в. Культовые предметы со славянскими надписями¹ и более позднее строительство породили предположение, что по соседству поселились выходцы из Восточной Европы после разгрома татарами Киева. Если судить по инвентарю, они занимались различными ремеслами и торговлей (сельскохозяйственных орудий труда не встречено). Возможно, это обстоятельство является дополнительным аргументом в пользу обитания здесь русской колонии: коренные херсониты могли иметь земельные участки.

Наличие двух-трех печей в одном комплексе, скопление жерновов и заготовок для их изготовления, тигельки, значительное число грузил (для более, чем 2 сетей) — свидетельства профессиональных занятий².

В кварталах, расположенных вдоль центральной городской магистрали (северо-восточный район), где было установлено наличие 21 усадьбы, дома, если судить по занимаемой ими площади, имели близкие и несколько меньшие размеры.

Гипотетический подсчет совокупной площади жилого фонда (с учетом этажности, где это можно было выявить по отчетам) и дворов показал, что в северо-восточных кварталах размеры хозяйственных участков меньше. Это стало основой предположения о более высокой стоимости земли вдоль центральной уличной магистрали, что увеличило этажность строений.

Принципиальных отличий в планировке не прослежено: П- и Г-образные дома, за которыми располагался двор.

¹ В одном из домов найдено несколько культовых предметов. Это привело автора раскопок к выводу, что его владелец был «духовным лицом» (см.: Белов Г. Д. Отчет ... за 1935—1936 гг. С. 309).

² См.: Романчук А. И. Херсонес XII—XIV вв.: Историческая топография. С. 76—92.

Имеющиеся в записных книжках Р. Х. Лепера упоминания о производственном инвентаре, правда, весьма отрывочные, не согласуются с наблюдениями А. Л. Якобсона, полагавшего, что «в кварталах северо-восточного района абсолютно никаких вещественных свидетельств о земледелии, равно как и ремесле, при раскопках позднесредневековых слоев найдено не было»¹.

Для портового района отмечено, что площадь, отводимая для усадьбы, в среднем составляла 110—130 м². На основании числа домов для двух периодов строительства и количества захоронений в квартальных храмах ориентировочно определено число жителей для каждого из них: в XII—XIII вв. здесь могло проживать 35—45 человек, в XIV в. — от 43 до 63.

В целом для поздневизантийского Херсона было отмечено, что это крупный город (до 4,5 тыс. жителей)², в котором преобладало полиэтническое ремесленное население, занимавшееся и сельским хозяйством.

Одним из наиболее существенных недостатков, который видится по прошествии времени, является то, что не была произведена полная систематизация находок, особенно глазурованной посуды. Как показывают материалы раскопок портового района, только в домах, гибель которых на основании стратиграфии и монет можно отнести к XIII в., встречаются импортные блюда с выгравированными сюжетными изображениями. Анализ «сервизов» херсонитов привел бы к появлению дополнительного критерия для выделения домов различных хронологических периодов.

Рецензенты отмечали, что при всем значении работа имеет недостатки, один из них — это то, что автор на основании площади, занимаемой усадьбами, делает вывод об имущественном статусе владельцев³. Замечание сопровождалось следующими вопросами: а если в доме два подвала, но мал жилой фонд? Если имелся большой двор,

¹ См.: Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес. С. 95.

² При определении численности семьи были приняты данные, которые привел Г. Г. Литаврин, вычисляя количество населения Лампсака (см.: Литаврин Г. Г. Провинциальный византийский город на рубеже XII—XIII вв.: По материалам налоговой описи Лампсака // ВВ. 1976. Т. 37. С. 29).

³ См.: Богданова Н. М. О методике использования археологических источников по истории византийского города // Причерноморье в средние века. М., 1995. С. 114.

следовательно, площадь усадьбы велика, но при этом незначительно количество комнат для жилья? К какому разряду относить собственников подобных домов?

Относительно использования размера площади, занимаемой усадьбой, вместо употребляемых в исследованиях и археологических отчетах «богатый», или «большой» дом, в качестве критерия, по-прежнему считаю, что его (наряду с находками) следует учитывать при выявлении имущественных отличий среди горожан. На основании находок можно с некоторой долей вероятности судить о занятиях, а площадь, занимаемая усадьбой, отчасти свидетельствует о имущественных отличиях среди горожан. В домах, где имелось по два подвала (нижний этаж), существовало и по две комнаты над ними.

Безусловно, чрезвычайно сложно только на основании материалов раскопок судить о профессиональных занятиях конкретных семей херсонитов. Однако преобладание производственного инструментария, используемого в том или ином виде ремесленной деятельности, не может не свидетельствовать о профессиональной ориентации владельца усадьбы или ее обитателей. Вряд ли в одном доме необходимо иметь 2 или 3 кухонные печи с подом значительных размеров. Вероятно, обитатели таких домов занимались выпечкой хлеба (возможно, и его продажей). А наличие 2—3 рядом стоящих комплексов с аналогичными печами не может не склонить к гипотезе о существовании элементов концентрации в пределах одного квартала представителей единой профессии.

В целом материалы раскопок позволяют полагать, что жители Херсона занимались различными ремеслами. Среди них были камнетесы и строители, плотники и косторезы. Местные гончары изготавливали глазурованную посуду и не покрытые поливой кувшины и миски. Безусловно, наличие рыболовного промысла делало необходимым труд мастеров, работавших с деревом, и тех, для кого материалом служил металл. Некоторые виды деятельности носили сезонный характер. Но вряд ли мастер, который имел дело с глиной, «подрабатывал» плотницким делом. Последнее замечание обусловлено выводами Н. М. Богдановой, которая полагает, что для ремесел Херсона характерной, специфической чертой является «незавершенность межотраслевой дифференциации», что специализация хозяйства могла меняться в зависимости от времени года,

конъюнктуры рынка и количества заказов¹. Безусловно, спрос диктует предложение. Но сапожник вряд ли сумеет вытесать жернов для ручной мельницы или изготовить кувшин для воды! Конечно, исключения могли иметь место. К сожалению, на основании данных раскопок можно лишь предполагать, что в том или ином доме проживал «мастер по дереву», если выявлено скопление определенного инструментария, или основным занятием являлось рыболовство (в случае, если в усадьбе обнаружены остатки более 2 сетей). Но если встречен набор грузил только для одной сети, то это скорее отражение не более чем «бытовых занятий».

И, конечно, не очень корректно при обосновании собственной точки зрения допускать искажение существующей ситуации. Исследовательница полагает, что усадьбы поздневизантийского Херсона не являются «закрытыми комплексами», что «многие кварталы» его подверглись застройке в Новое время. Парадокс ситуации состоит как раз в обратном: раскопки XX в. производились только на незастроенных участках, именно этими данными оперируют все те, кто пытается реконструировать планировку кварталов, размеры домов и их инвентарь. Сооружения монастыря заняли центральную часть древнего города, но из более чем пятидесяти кварталов города это не более десяти. Нет необходимости приводить существующие в учебниках по археологии детальные определения закрытых комплексов, к числу которых относятся не только погребения, как, вероятно, полагает Н. М. Богданова².

¹ См.: Богданова Н. М. О методике использования... С. 113.

² При чтении статьи, в которой Н. М. Богданова критикует использование размеров комплексов для гипотетического выявления имущественного положения херсонитов, складывается впечатление, что она написана в защиту другой методики, изложенной в ее монографии и позволившей прийти к выводам о процессе «незавершенности межотраслевой дифференциации», «многоотраслевом» хозяйстве в средневековом городе, о превалировании домашних промыслов, о чем свидетельствуют гребни для шерсти и т. д. Не будем перечислять всех посылок, приведенных в монографии. Достоинства ее и недостатки уже были оговорены. Однако следует заметить, что территория Херсонесского городища, в отличие от других византийских центров, не была существенно застроена в Новое время: это видно и невооруженным глазом. Данное обстоятельство отмечалось уже в первые годы раскопок. В частно-

Столь же сложно, как составить детальный список ремесленников Херсона, определить между ними этнические различия. Однако, судя по надписям на фигурных замках, среди ремесленников имелись те, кто писал на арабском языке. Находки энколпионов со славянскими надписями можно считать одним из аргументов наличия выходцев из Восточной Европы. Портовый город не мог не быть полиэтническим. И к перечислению находок, свидетельствующих об этом, постоянно обращаются все исследователи, пытающиеся из разрозненных фактов составить картину городской жизни¹. Большое значение имеет анализ

сти, в одном из очерков постоянного корреспондента «Крымского вестника» говорится: «Херсонесское городище — одно на Черноморском побережье не было занято новым городом, и понятно, что оно хранит в себе остатки более древней эпохи Херсонеса и более ранние следы субкультуры» (Энгель М. Глубь веков: Новейшие результаты археологических разведок в Херсонесе, V // Крымский вестник. 1892. № 251). При этом автор заметил, что только появление монастыря привело к тому, что часть территории Херсонеса оказалась утраченной для исследования. Слои разрушения поздневизантийского времени являются закрытыми комплексами, своеобразным «горизонтальным срезом» жизнедеятельности горожан. Конечно, допустимо, что до того, как упала крыша, кое-что из комнат было вынесено, поэтому находки не полностью отражают предметный мир, окружавший обитателей жилища.

¹ Соседство варварского мира, торговые связи с другими городами способствовали притоку в город представителей различных этносов, что нашло отражение и в материальной культуре. Для поздневизантийского периода, например, Н. В. Пятышева упоминает мастера по изготовлению замков Омара (Пятышева Н. В. Раскопки Государственного исторического музея в Херсонесе // Экспедиции Государственного исторического музея. М., 1969. С. 157. Рис. 7). О наличии в Херсоне мусульман свидетельствует находка свинцового сосуда с начальным стихом из Корана (Косцюшко-Валюжинич К. К. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1901 г. СПб., 1903. С. 50. Рис. 97, а–б). По мнению Н. В. Пятышевой, появление на изделиях местных гончаров метки в виде тамги — показатель переселения в Херсон монголо-татар после разразившейся в Средиземноморском бассейне в 1348 г. чумы (Пятышева Н. В. Изображение пентаграммы как датирующий признак некоторых памятников Херсонеса // АДСВ. 1973. Вып. 10. С. 215–220), а бронзовую статуэтку восточного всадника и маску XIII в. атрибутирует как половецкие (Пятышева Н. В. Статуэтка пляшущего кочевника из Херсонеса:

изделий как местных керамистов, так и продукции других центров

К вопросу о гуннах в Крыму // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1982. Ч. 2. С. 48—54; Она же. Железная маска из Херсонеса. М., 1964. С. 34). Известна находка с изображением щита и датой 1322 г. (Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет ... за 1895 г. // ОАК за 1895 г. СПб., 1897. С. 92) и бронзовая чаша XIII в. с надписями латинским шрифтом (Белов Г. Д. Средневековая бронзовая чаша из Херсонеса // СА. 1958. № 2. С. 203—207). К этому можно добавить, что даже существовал проект о создании католической кафедры и был назначен ее глава (Богданова Н. М. Херсон в X—XV вв. С 109). Н. М. Богданова предполагает, что среди жителей Херсона в конце XIII — XIV в. имелось значительное число латинян и, возможно, существовал католический монастырь (Там же. С. 96). На основании анализа граффити на сосудах В. И. Кадеев писал об аланах среди жителей портового района (Кадеев В. И. Средневековые граффити из Херсонеса // СА. 1968. № 2. С. 288—290; Он же. Новые данные для изучения этнической характеристики средневекового Херсонеса // Архіви України. 1968. № 1. С. 42—44 (на укр. яз.); Литаврин Г. Г. Киево-Печерский патерик о работоторговцах-иудеях в Херсоне и о мученичестве Евстратия Постника // Византия и славяне. М., 1999. С. 478—495.

К числу косвенных доказательств можно отнести надписи-имитации арабским шрифтом на глазурованных сосудах (см.: Романчук А. И. Глазурованная посуда... Табл. 71). Находки, упоминаемые в публикациях, на основании которых возможно составить представление об этнической картине поздне-византийского Херсона, малочисленны. Но все ли коллекции, хранящиеся в фондах, известны? Все ли пути для создания представлений о херсонитах использованы? Каждый из исследователей при обращении к находкам из фондов «выбирает» их в соответствии с собственным интересом. И подчас случайность способствует иному взгляду на существующие гипотезы и выводы. В качестве примера хотелось бы привести обнаружение мною в 1976 г. среди материалов раскопок Двина в Музее истории Армении монеты с монограммой «Ϡω» (инв. № 1917/287). Оказалось, что ожерелье с нею найдено в слое XIII в. В известной на то время наиболее полной работе о денежном обращении Двина такие монеты не отмечены (см.: Мушегян Х. А. Денежное обращение Двина по нумизматическим данным. Ереван, 1962). К тому же: где Двин и где Херсон, чтобы в поисках аналогий или общих черт развития обращаться к материалам армянских археологов? Хотя подумать об этом следовало, поскольку в одном из отчетов упоминалось о наличии в южном загородном храме Херсонеса на фресках и колоннах армянских надписей (см.: Косцюшко-Валюжинич К. К.

Черноморско-Средиземноморского бассейна. Правда, превалирующее внимание исследователи оказывают художественной керамике¹, в меньшей мере — таким массовым находкам, как черепица с кровли домов херсонитов. Вероятно, поэтому следует сказать несколько слов о тех наблюдениях, которые были сделаны А. Л. Якобсоном при обращении к данному виду находок.

Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1902 г. // ИАК. 1904. Вып. 9. С. 38—40).

¹ Обобщением находок этого вида стала монография А. Л. Якобсона, посвященная керамическому производству Таврики. Некоторые находки опубликованы в отчетах о раскопках северного района Херсонеса и отдельных статьях (Белов Г. Д. Два поливных блюда из Херсонеса, XIII—XIV вв. // СГЭ. 1957. Вып. 11. С. 48—49). Работы С. Г. Рыжова и Л. А. Голофаст были приведены выше; другие работы о глазурованной керамике: Булгаков В. В. Глазури северо-причерноморской поливной керамики XIII—XV вв.: Предварительное сообщение // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья, X—XVIII вв. Киев, 2005. С. 359—378; Гинькут Н. В. Изображения птиц на поливной керамике крепости Чембало: Техника, декор, символика // Символ в философии и религии: Тез. докл. Севастополь, 2004. С. 16—17; Она же. Поливная керамика византийского круга из раскопок «консульской» церкви генуэзской крепости Чембало // ХСб. 2005. Вып. 14. С. 99—120; Залесская В. Н. Балканская поливная керамика в Северном Причерноморье в позднее средневековье // Преслав, 1993. Т. 4. С. 368—376; Золотарев М. И., Коробков Д. Ю., Ушаков С. В. Находки поливной посуды как датировочный термин в изучении построек византийского Херсона: По материалам раскопок городского квартала ХСVI // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X—XVIII вв. по материалам поливной керамики: Тез. докл. Симферополь, 1998. С. 101—105; Паршина Е. А. Поливная керамика Херсонеса // 150 лет Одесскому археологическому музею УССР: Тез. докл. юбил. конф. Киев, 1975. С. 164—165; Рыжов С. Г. Художественная керамика XII—XIII вв. из Херсонеса // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья, X—XVIII вв. Киев, 2005. С. 62—69; Ушаков С. В. Поливная керамика из комплексов XIII в. северо-восточного района Херсонеса (квартал ХСVII, помещение 1, 3, 11) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья, X—XVIII вв. Киев, 2005. С. 70—92; Яшаева Т. Ю. Поливная керамика из раскопок загородных пещерных монастырей Херсона // Историко-культурные связи Причерноморья-Средиземноморья X—XVIII вв. по материалам поливной керамики. Тез. докл. Симферополь, 1998. С. 198—200.

Строительная керамика, или Как долго мог отстраиваться Херсон в XII–XIII вв.

Керамическое производство во все периоды существования Херсона играло большую роль, еще более значимость и масштабы его возрастали в годы, когда горожанам предстояло восстанавливать разрушенное, когда требовались строительные материалы для новых домов или ремонтных работ. На такой продукции гончаров, как черепица, имеются метки, первое обобщение которых принадлежит А. Л. Якобсону. Анализируя многочисленные варианты знаков, он выделил для второй половины IX–X в. 181 знак. Некоторые из буквенных меток и схематические изображения животных, отличавшиеся незначительными деталями, объединялись в серии: 111 меток составляли 17 групп. Основываясь на предположении, что метка — это знак мастерской или мастера, он полагал, что в городе в IX–X вв. функционировало 17 мастерских. Остальные 70 знаков остались вне серий. Если следовать логике исследователя, то число мастерских (мастеров) должно быть увеличено до 87.

Конец X в., на который приходится поход русского князя Владимира, считался переломным в истории не только Херсона, но и всей Таврики¹. В XI–XII вв., по мнению А. Л. Якобсона, города данного региона начинают отстраиваться, что вызвало массовое производство кровельной черепицы². Но подсчет знаков для времени интенсивного строительства показывает, что в мастерских, которые, согласно датировке А. Л. Якобсона, можно отнести к XI–XII вв., использовались метки, которые составляют 7–8 условных групп. (Все они встречены в верхних слоях Херсонесского городища). Кроме того, имелось еще 6 групп, которые предположительно датировались этим же временем. Таким образом, для XI — первой половины XII в. можно гипотетически полагать наличие в Херсоне 13–15 мастерских. Для второй половины XII–XIII в.,

¹ См.: Якобсон А. Л. Средневековый Крым. С. 76.

² Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство... С. 147. Безусловно, если допускать, что войско Владимира разрушило Херсон, предположение вполне закономерно. Однако вряд ли возможно связывать начало интенсивного строительства в других центрах Крыма с походом Владимира. Причины следует искать в иных событиях.

возможно, начала XIV в. в монографии А. Л. Якобсона названо 19 групп (метки 19–20 мастерских). Сопоставляя количество серий с возможным временем работы одной мастерской (он принят за 20 лет), исследователь сделал вывод о единовременной работе в поздневизантийский период 4–5 мастерских. Частично, согласно его мнению, потребности в строительных материалах удовлетворялись за счет более ранней продукции¹.

Применим методику подсчетов А. Л. Якобсона для определения количества одновременно работавших мастерских во второй половине IX–X в. и в XI — первой половине XII в.

Согласно принятым числовым данным (количество меток, хронологический цикл одной мастерской — 20 лет) в 150-летний период (7–8 циклов) с середины IX — по X в. одновременно могло функционировать 10–12 мастерских, а в XI–XII вв. — самое большее — 2–3 мастерские. Вторым слагаемым при обращении к гончарному производству является производительность одной мастерской. По предположению А. Л. Якобсона, продукции 4–5 мастерских достаточно для удовлетворения потребности в строительстве 10 домов в год. В таком случае 2–3 мастерские периода «размаха строительной деятельности» выпускали черепицу для 4–5 ежегодно отстраиваемых зданий. В IX–X вв., судя по числу мастерских, в такой же срок выпускали строительные материалы для 20–22 домов.

К сожалению, мы не знаем для IX–X вв. ни одной полностью сохранившейся городской усадьбы, что не позволяет, хотя бы ориентировочно, определить их количество в каждом из раскопанных кварталов. Если же предположить, что площадь дома (и соответственно крыши) являлась величиной, близкой размерам домов XIII–XIV вв., и считать, что население Херсона составляло 4 725–5 580 человек², то в городе

¹ Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство... С. 155.

² Якобсон А. Л. О численности населения средневекового Херсонеса // ВВ. 1961. Т. 29. С. 160. Подсчеты, основанные на возможном количестве усадеб в каждом квартале XII–XIII вв., дают другой вариант — 3 600–5 000 человек. При этом состав семьи принят за 5 человек, а также учтено, что территорию нескольких кварталов из 109 занимали общественные здания. Безусловно, любые подсчеты относительны. Отсутствие переписей не позволяет реально оценить демографическую ситуацию.

не могло быть более 1 тыс. домов¹. При одновременной работе в IX—X вв. 10—12 мастерских (судя по меткам) оказывается, что каждые 50 лет застройка Херсона полностью обновлялась (или же существовало значительное перепроизводство строительных материалов).

В то же время, согласно приведенной выше методике подсчетов, в каждый из двадцатилетних циклов XI — первой половины XII в. 2—3 мастерские могли изготовить в год черепицу для кровли только 5 домов. В таком случае восстановление города после разрушений и пожаров, которые сопутствовали захвату его войском Владимира, как считал А. Л. Якобсон, должно было растянуться на 200 лет.

Конечно, возможны и иные гипотезы:

а) дома в Херсоне в течение длительного времени стояли без крыш;

б) потребность в строительных материалах удовлетворялась в основном за счет черепицы IX—X вв., как полагал А. Л. Якобсон.

Однако в таком случае мы должны допустить, что в городе имелись громадные складские помещения, в которых хранились строительные материалы более 100 лет, и они оказались непотревоженными во время пожара после захвата города Владимиром (или после землетрясения XI в.).

Другое предположение — разборка руин и использование ранних строительных материалов — вряд ли возможно, так как в слоях разрушения сильно фрагментированная черепица (за очень небольшим исключением) лежит в несколько рядов.

Гипотеза А. Л. Якобсона, что серия меток — знаки одной мастерской, противоречит реалиям. Сомнения в этом породило использова-

¹ Один дом — одна семья. «Дворовый коэффициент» для поздней Византии составлял в среднем 4,4—4,9 (см. об этом: Jakobi D. *Phénomènes de démographie rurale à Byzance aux XIII-e et XIV-e siècle* // *Études rurales*. 1962. Nr. 5—6. P. 161—185; Kondov N. *Demographische Notizen über die Landbevölkerung aus dem Gebiet des Unteren Strymon in der ersten Hälfte des 14. Jahrhunderts* // *Études balkaniques*. 1965. Nr. 2—3. P. 261—277). Близкие данные использует для подсчетов жителей Лампсакса Г. Г. Литаврин (см.: Литарин Г. Г. *Провинциальный город...* С. 29). А. Л. Якобсон оценивал состав семьи в 7—8 человек. В таком случае самое большее количество домов Херсона — 650.

ние методики подсчетов, предложенной исследователем¹. Это в свою очередь вызывает вопрос: с *какой целью метили черепицу*.

Традиция вырезать метку на подставке для гончарного круга хорошо известна. Многочисленные примеры приводит М. Комша, считая, что это — знак мастера. Исследовательница отмечала, что традиция, возникшая в IX в., сохранилась до наших дней². Хорошо известны знаки на древнерусской посуде, представляющие собой окружности, кресты или ромбы, помещенные внутри окружностей, трезубцы, пентаграммы. Некоторые из них по своему начертанию напоминают буквы греческого алфавита. Анализируя коллекцию из раскопок в Киеве, Г. М. Шовкопляс отметил, что «если бы знак являлся клеймом гончара, то его повторения были бы частыми, что в действительности не наблюдается». Автор статьи, приводя различные мнения о значении знака (религиозная символика, «владельческая метка», клеймо гончара), полагает, что мастера метили посуду, изготавливаемую на заказ, а не на продажу³.

Рельефные метки на черепице в виде равноконечного креста известны по раскопкам средневековых памятников Грузии, например, храмов XIV в.⁴ Некоторые из них имели карнизы с надписями, отштампованными при формовке. Они датируются IX—X вв.⁵.

¹ Следует также отметить, что в те годы, когда создавались работы А. Л. Якобсона, при обработке полевого материала фиксировались только метки, в редких случаях в отчетах отмечалось количество знаков одного вида, а полного «восстановления кровли» здания не производилось. Впервые такая работа была начата в рамках Объединенной экспедиции под руководством С. Ф. Стржелецкого и И. А. Антоновой в 1963—1964 гг. Последующий анализ находок показал, что 30—40% керамид меток не имели.

² См.: Comşa M. Cultura materială veche Românească: Așezările de la Bucov Ploiești. Buc., 1978. P. 13.

³ См.: Шовкопляс Г. М. Знаки на древноруському посуді з Києва // Археологія. 1964. Т. 17. С. 56—71.

⁴ См.: Чилашвили Л., Мchedlishvili Б., Абхазова А. Отчет Арешской археологической экспедиции // Археологические экспедиции Государственного музея Грузии. Тбилиси, 1978. С. 111. Рис. 27, 1 (на груз. яз.; резюме на рус. яз.).

⁵ См.: Чикондзе Ц. Н. Город Телави. Тбилиси. 1979. С. 87 (на груз. яз.).

Черепица с меткой в виде различных вариантов изображения креста, по мнению А. Л. Якобсона, изготавливалась для кровли храмов¹. Имеются также метки с монограммами, которые расшифровываются как имена². Сравнив метки на черепице с аббревиатурой херсонских монет, крымский археолог В. А. Сидоренко предположил, что некоторые из них принадлежали городским мастерским (IX—XI вв.), а такая черепица использовалась при строительстве общественных зданий³.

Разнообразные знаки на строительных материалах — каменных блоках — давно известны по раскопкам в Плиске. Изображения некоторых из них близки меткам на черепице Херсона. По мнению одного из исследователей Плиски, их вырезали на блоках для того, чтобы обозначить продукцию карьера, откуда поступал строительный материал⁴. Это мнение созвучно одному из тезисов А. Л. Якобсона, полагавшего, что в одну печь могла быть загружена продукция различных мастерских (или мастеров). Но в таком случае каждый экземпляр полуфабриката должен был иметь метку (этого не прослежено при анализе материалов портового района).

Значительное число меток Херсона — это схематические рисунки животных, всадников. Все они очень аккуратно вырезаны в матрице. Покупатель (заказчик) партии черепицы видел знак только во время приобретения строительных материалов (или когда снимал черепицу с обветшавшего строения). Владелец дома не отдавал предпочтения черепице с буквенными знаками или с рисунками при сооружении кровли. Мастер, затрачивая значительное время на изготовление матрицы со сложным знаком, вряд ли приобретал от этого какую-либо экономическую выгоду. «Изготовление» знака стало для некоторых из них способом выражения творческих потребностей.

¹ См.: Якобсон А. Л. Средневековый Крым. С. 65—66.

² Там же. С. 137, № 210—212.

³ См.: Сидоренко В. А. Метки—аббревиатуры и монограммы на черепице памятников средневекового Херсона // АДСВ. 1985. Вып. 22: Проблемы социального развития. С. 99.

⁴ См.: Димитров Я. Знаци на зидовете на монументални постройки в Плиска // Плиска—Преслав. 1993. Т. 6. С. 77. Из 209 знака Плиски около 60 близки встречающимся в Херсонесе.

Большое количество серий знаков склоняет к предположению, что метка обозначала не только мастера или мастерскую, но и служила своеобразным индексом, когда была сформована черепица. Для гончара было необходимо знать очередность загрузки в печь очередной партии полуфабриката.

Для строительства дома приобреталась черепица из различных партий, поэтому на крыше одного дома встречаются разнообразные метки. К примеру, в слоях пожара поздневизантийского времени встречено свыше 300 различающихся между собой знаков¹. Если бы в Херсоне существовало такое количество гончаров или мастерских, то в них должно было трудиться около 1/3 трудоспособного населения.

При изложении гипотез о том, что могла обозначать метка на черепице, не были упомянуты серии клейм на ранневизантийских строительных материалах: плинфу этого времени метили с помощью штампов, которые имели имена и обозначение индикта. Вполне вероятно, что и в более поздний период гончары **стремились как-то обозначить время** изготовления полуфабрикатов, с тем чтобы учесть очередность обжига.

Но возможно еще одно предположение.

В одном из параграфов «Книги Эпарха» есть раздел о строительных рабочих, где сказано: «Что касается глиняных строений, то они должны сохраняться шесть лет, и, если в течение шести лет вследствие неопытности работника здание развалится, строитель должен его восстановить бесплатно» (Книга Эпарха. XXII, § 4).

К сожалению, непосредственно о керамистах ни в этом параграфе, ни других ничего не говорится. **Но вполне возможно, что потребителю необходимо было знать имя мастера для возможного предъявления претензий** (отсюда серии однотипных знаков), а для мастера — вариант его — это показатель времени формовки. (Но это не более чем гипотеза, появившаяся только потому, что иначе объяснить значительное число знаков не представляется возможным).

Однако вернемся к характеристике, которая была дана северному району Херсона в 30–40-е гг. XX в. Особенность техники кладки:

¹ См. таблицы в кн.: Романчук А. И. Строительные материалы византийского Херсона. Екатеринбург, 2004.

бутовый камень на грязевом растворе, кардинально отличающийся от ровных рядов хорошо обработанных блоков эллинистических строений (пример: дом в квартале III северо-восточного района), стала одним из аргументов для вывода о том, что здесь существовали убогие дома, характерные для жителей «полуремесленной, полуаграрной окраины города».

В настоящее время, когда получены данные более 10 кварталов северного района и 2 кварталов портового, имеется возможность сравнить территорию, занимаемую городскими усадьбами в различных частях городища, выявить отличия в планировке кварталов и в инвентаре домов поздневизантийского периода. Существенных отличий, за небольшим исключением, в площади усадеб в различных частях города не прослеживается. Близок во всех домах и набор посуды, среди которой для XIII в. характерны импортные блюда с сюжетными рисунками. Такие находки опровергают тезис, высказанный в работе Н. М. Богдановой со ссылкой на Г. Д. Белова, что «изделия из кости домашних животных, стеатита и бронзы ... часто представляют собой “единственные в своем роде свидетельства художественных запросов более широких слоев горожан”»¹. Со времени публикации отчета (1959) и до периода написания монографии исследователи Херсонеса, к сожалению, мало обращались к художественной культуре города. Но в рукописных отчетах приведены коллекции разнообразных керамических находок, многие из них обобщены в фундированных исследованиях А. Л. Якобсона². Поразительным является и то, что в «жалких домах

¹ Богданова Н. М. Херсон в X—XV вв. С. 109. В подтверждение приведены слова из отчета: Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1955 г. // ХСб. 1959. Вып. 5. С. 13—69.

² Кроме монографии А. Л. Якобсона «Средневековый Херсонес», к этому времени были опубликованы статьи исследователя, см., напр.: Якобсон А. Л. Средневековая поливная керамика как историческое явление // ВВ. 1978. Т. 39. С. 148—159. Художественной керамике посвящен значительный раздел в монографии о керамическом производстве Таврики. Вряд ли следует говорить только о трех видах находок, на основании которых можно составить представление об эстетических пристрастиях херсонитов. А метки на керамидах с изображением всадников, различных птиц, домашних животных разве не

полуремесленной, полуаграрной окраины» обнаружены великолепные изделия керамистов и не только местного производства¹.

Херсон XIII–XIV вв. и споры крымских иерархов

Результатом Четвертого крестового похода (1204), целью которого, как и предшествующих, являлось освобождение святых земель от неверных, стал захват крестоносцами Константинополя и его разграбление. На развалинах Византийской империи возникло несколько государств: Латинская империя со столицей в Константинополе (существовала до 1261 г.); на территории Малоазийских владений — Никейская и Трапезундская империи, в сфере влияния последней оказался Херсон. В письменных источниках сведения о городе единичны, что стало для А. Л. Якобсона одним из косвенных аргументов при доказательстве уменьшения значимости Херсона в XIV в. Правда, для предшествующего столетия, для которого состояние источников аналогично, он писал, что «экономические ресурсы его (Херсона), как и политические, отнюдь еще не были исчерпаны. Окончательное захире-

являются таковыми? Следовательно, не только изделия из кости, стеатита и бронзы являются «свидетельствами художественных запросов» херсонитов.

¹ См.: Голофаст Л. А., Рыжов С. Г. Глазурованная посуда из раскопок квартала X // АДСВ. 2000. Вып. 31. С. 251–265. См. также серию статей А. И. Романчук: Глазурованная керамика поздневизантийского Херсонеса // Материалы Первого симпозиума по проблеме «Полихромная поливная керамика Закавказья: Истоки и пути развития». Тбилиси, 1985. С. 46–48; Находки глазурованной керамики поздневизантийского времени в Херсонесе: Местное производство и импорт // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики. Киев, 2005. С. 93–109; Глазурованная керамика поздневизантийского Херсона: К вопросу о гибели города в XIII или XIV в. // АДСВ. 1999. Вып. 30. С. 187–202; Кувшины и миски из слоя пожара XIV в. Херсонесского городища: Сочетание техники сграффито и шамплеве // МАИЭТ. 2002. Вып. 9. С. 261–276; Блюда с изображением конных и пеших воинов из раскопок в Херсонесе (сосуды типа Zeuxippos Ware) // АДСВ. 2002. Вып. 33. С. 128–138; Романчук А. И., Перевозчиков В. И. Глазурованная керамика из Азова: Херсоно-азакские параллели в орнаментике // АДСВ: Византия и сопредельный мир. 1990. С. 94–135.

ние, а затем и падение относится лишь к XIV в.»¹. Со второй половины XIII в. или конца столетия, по мнению А. Л. Якобсона, Херсон переживает очередной кризис. Проявление его он был склонен объяснять изменением внешнеполитической ситуации в Черноморском регионе: перемещением торговли на восток и возвышением Сурожа (Судака), невозможностью конкуренции с итальянцами, контролировавшими торговые связи с городами побережья². Известные в то время источники не противоречили такому выводу. Но изучение архивных материалов Генуи и Венеции привело к изменению традиционной концепции. С. П. Карпов на основании недоступных ранее документов показал, что итальянская торговля не привела к исчезновению предпринимательских элементов на Понте; степень влияния итальянского купечества на экономическую жизнь византийских городов обуславливалась состоянием экономики самих этих городов³. Новым стал вывод о том, что итальянцы признавали принцип паритета и допускали греков во все контролируемые ими пункты⁴.

В значительной мере на мнение исследователей о падении экономического статуса и роли Херсона в XIV в. повлияло содержание посланий главы Херсонской епархии, в которых он сетовал на бедность церкви, тем самым обосновывая свои притязания на ряд местечек, расположенных в окрестностях Джалиты (Ялты). Так о чем же там говорилось и к каким выводам пришли историки Херсона на основании анализа документов Константинопольского патриархата?

А. Л. Якобсон писал, «история Херсона в XIV в. — это история постепенного угасания города». На судьбе херсонитов отразились захват

¹ См.: Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес. С. 25.

² Близкую точку зрения см.: Горянов Б. Т. Византийский город XIII—XIV вв. // ВВ. 1858. Т. 13. С. 210.

³ См.: Карпов С. П. Итальянская торговля и ее воздействие на экономику поздневизантийского города // ВВ. 1983. Т. 44. С. 81, 86; ср.: Laiou-Thomadakis A. E. The Byzantine Economy in the Mediterranean Trade Sistem, Thirteenth—Fifteenth Centuries // DOP. 1980—1981. Vol. 34/35 P. 177—222.

⁴ См.: Карпов С. П. Рец. на работу: Laiou-Thomadakis A. E. The Byzantine Economy in the Mediterranean Trade Sistem, Thirteenth—Fifteenth Centuries (DOP. 1980—1981. Vol. 34/35) // ВВ. 1984. Т. 45. С. 251.

города в конце XIII в. и разразившаяся в 1348 г. «черная смерть» — эпидемия чумы, свирепствовавшая в Средиземноморско-Черноморском регионе и в Западной Европе несколько лет. Подтверждением отчаянного положения Херсона (при отсутствии других источников) стали документы, отразившие территориальные споры готского, сугдейского и херсонского митрополитов¹. В оценке содержания посланий существует и иное мне-

¹ См.: Яacobсон А. Л. Средневековый Херсонес. С. 41. Разгоревшаяся в конце XIV в. борьба за территории не являлась исключительным явлением в жизни крымских епархий. Ранее, еще в 1317—1318 гг., было издано постановление, в котором говорилось, что «экзархи митрополита Готского сделали в селах тех ставропигии митрополита Готского и с тех пор требуют себе от жителей в тех селах и законное, сколько причитается на долю митрополии Сугдейской» (ММ. 2, XLI. Р. 445). Борьба за каноникон — подати — объясняется тем, что с жителей временно покинутых сел, которые были разорены татарами, экзархи митрополита Готского потребовали уплаты каноникона в пользу своей епархии. Примечательно, что оценка состояния Херсона, изложенная А. Л. Бертъе-Делагардом, нашла отражение на страницах популярных работ и в газетных очерках: «Херсонесская епархия, возведенная в конце XIV в. в митрополию, терпит уже великую бедность, заводит споры и пререкается из-за нескольких деревушек, выпрашивая подачки у константинопольского патриарха. Генуэзцы подавляют окончательно торговое значение города и когда он, наконец, был покинут и последними жителями, то даже его развалины не были оставлены в покое: разрушались самые стены города, а турки вывозили оттуда за море колонны, камни и украшения. А. Л. Бертъе-Делагард, давший в высшей степени мастерски исполненный, захватывающего интереса очерк гибели Херсонеса «медленным измором», видел даже в церквах Инкермана, Мангупа и Черкес-Кермена мраморные архитектурные фрагменты, несомненно взятые из многострадального Херсонеса. ... «Гибель от какой-либо катастрофы, самой тяжелой, — говорит А. Л. Бертъе-Делагард, — оставляет многое; но гибель медленным измором не оставляет почти ничего». Последние жители города задолго до совершенного его опустения обыщут в нем все, все подберут, всем воспользуются, самые камни продадут из-за куска хлеба. Всякий, часто видевший Севастополь после Крымской войны, поймет меня, ибо своими глазами видели, как тают развалины города, погибающего медленным измором...» (см.: Энгель М. Глубь веков. Херсонес и результаты последних археологических разведок в нем. VI // Крымский вестник. 1894. № 22). Если сравнить эти слова с тем, что говорилось в середине 50-х гг. XX в., то можно заметить, что оценка Херсона осталась практически неизменной.

ние: при обращении к содержанию посланий жалоб главы Херсонской епархии следует учитывать отчасти риторический характер его слов¹.

Для того чтобы решить вопрос, являлись ли споры крымских иерархов доказательством бедности херсонской церкви, обратимся к предмету разногласий, помня также о том, что ранг митрополита Херсона среди прочих крымских иерархов был высоким. Епархия являлась автокефальной².

В завершившем борьбу постановлении патриарха говорится: «Владеть Херсонскому митрополиту местом Кинсанус со всеми около него расположенными приморскими землями, Фуной, Аланией, Алустоном, Лампадопартенитою, Сикитою с Хрихаром»³. Перечисленные местечки «были оторваны бывшим патриархом от Херсона, пусть владеют ими, как владели прежде архиерей Херсона Кирилл, Игнатий, Василий, которые и храмы возводили, и келии» в районах, граничащих с Сугдейской епархией»⁴. Вполне справедливо замечание Н. М. Богдановой, что херсонский митрополит выиграл спор благодаря более высокому рангу в сравнении с противниками⁵. Однако вполне вероятно, что этому способствовал не только его статус.

Длившаяся 8 лет (1382—1390) тяжба между таврическими митрополитами неоднократно разбиралась на заседаниях Синода. Глава херсонской церкви, судя по подписям под постановлениями, подолгу находился в столице. Более того, он сумел добиться аудиенции у императора в 1390 г., когда спор наконец-то решился в его пользу⁶.

Этому предшествовали следующие события. В 1368 г. престол Херсонской епархии оказался вакантным и управление ею было поручено главе готской церкви. Спустя некоторое время назначенный

¹ См.: Романчук А. И. Херсонес XII—XIV вв. С. 174—176.

² Доказательством статуса епархий являются списки епископий (*Notitiae episcopatuum*). Все упоминания Херсона и других крымских епархий приведены Н. М. Богдановой (см.: Богданова Н. М. Херсон X—XV веков по данным *Notitiae*... С. 154—166).

³ ММ. 2, 150.

⁴ ММ. 2. CCCCXIX.

⁵ См.: Богданова Н. М. Херсон X—XV веков по данным *Notitiae*... С. 162.

⁶ ММ. 2. CCCCXIX, 148—150.

в Херсон иерарх захватил у Сугдейской епархии округ Эллис, а у Готской — Кинсанус. Несмотря на предписания патриарха вернуть их, он сохранил их в своих руках. Более того, когда посланцы патриарха прибыли в Таврику с грамотой патриарха, содержание которой его не устраивало, он организовал на них нападение и порвал грамоту. В послании патриарха по этому поводу сказано, что такого не позволял себе даже император¹. Вряд ли бы на такой поступок осмелился глава разоренной обедневшей церкви, не имевший поддержки. Стремясь добиться решения спора в свою пользу, херсонский митрополит неоднократно посещал Константинополь². Предположение о том, что для этого херсониты предоставляли ему судно, маловероятно. Скорее всего, поездки в столицу совершались на попутных торговых кораблях. Конечно, это не более чем предположение, которое можно использовать как посылку для другого — о наличии торговых связей между Херсоном и городами, расположенными по другую сторону Понта.

Можно ли подтвердить эту гипотезу археологическими материалами?

В домах, погибших во время пожара XIV в., **встречены многочисленные столовые сосуды, покрытые глазурью.** Сопоставление их с аналогичными находками из Азака (Азова), относящимися к первой половине и середине XIV в., показало, что орнаментальные мотивы на некоторых из них близки (безусловно, имелись и отличия). Близость орнаментальных мотивов является свидетельством наличия единой моды. Распространение ее в двух удаленных друг от друга центрах объясняется, скорее всего, поступлением образцов, которым подражали местные мастера, что и позволяет склониться к гипотезе о наличии более или менее регулярных торговых сношений. Кроме того, в верхнем слое пожара встречались, правда, немногочисленные изделия, скорее всего являющиеся продукцией гончаров Фессалоники³. Вряд ли бы они

¹ ММ. 2. CCCLXVIII, 69—70

² До 80-х гг. XIV в. упоминания херсонских иерархов редки: в феврале 1340 г. и сентябре 1364 г. глава ее участвовал в заседании Синода, в 1356 г. из Ниссы в Херсон был переведен епископ Игнатий.

³ Образцы находок из закрытых комплексов портового района (слоев разрушений XIII в. и XIV в.) опубликованы в каталоге: Романчук А. И. Глазурованная посуда...

появились в Херсоне при отсутствии связей между этими городами. А благодаря исследованиям М. Г. Крамаровского выделены чаши, которые он датирует XIV в.¹ Аналогичные известны среди находок в Несебре. Если бы херсониты не являлись участниками черноморской торговли, а Херсон был незначительным поселением «с точечной застройкой», они вряд ли бы попали город.

Вместе с тем судить об интенсивности торговли, о ее направлениях для XIV в., как, впрочем, и для XIII в., на основании имеющихся археологических находок фактически невозможно. Правда, для XIII в. имеется одна чрезвычайно выразительная группа керамики, уже упоминавшаяся выше: красноглиняные блюда с сюжетными рисунками, которые являлись продукцией мастерских Эгейды². Но в настоящее время они порождают больше вопросов, чем ответов, поэтому еще рано ставить точку в дискуссии о значении этого провинциального города в поздневизантийский период.

Отсутствуют и бесспорные данные о характере взаимоотношений херсонитов с Великой империей Комнинов. Как свидетельство таковых приводятся в основном слова из Жития св. Евгения, патрона Трапезунда³. В отрывке, относящемся к Херсону, говорится, что Рейс-Хатум, управлявший Синопом, который находился во владении султана, нарушил соглашение о мире, заключенное в 1223 г. между Андроником Гидой и султаном Меликом, сыном Ала ад-Дина Кай Кубадом I (1219–1236). Этот Рейс-Хатум ограбил судно, направлявшееся в Трапезунд с годичным взносом, посчитав груз своей добычей, так как непогода прибила его к Синопу. Архонты Херсона и заведующий казенными сборами были пленены. После этого против Херсона были отправлены корабли, опустошившие его окрестности.

¹ См.: Крамаровский М. Г. Три группы... С. 102–103. Рис. 2, 3.

² Это так называемые сосуды *Zeuxippus Ware*: Megow A. H. S. «*Zeuxippus Ware*» // *ABSA*. 1968. Vol. 63. P. 83–84; Idem. *Supplementary excavations on a Castle site at Paphos, Cyprus, 1970–1971* // *DOP*. 1972. Vol. 26. P. 323–343. Кроме центров Средиземноморского бассейна, они встречались на кавказском побережье (Гунба М. М. Новые материалы по археологии средневекового Сухуми // *Материалы археологии Абхазии*. Тбилиси, 1979. С. 80. Табл. 55).

³ См.: Папандопуло-Керамевс А. И. *Сборник материалов по истории Трапезундской империи*. СПб., 1897. Т. 1. С. 78–136.

Отрывок из Жития, пересказанный выше, процитирован в монографии А. Л. Якобсона¹. Отметив, что к описанному в Житии неоднократно обращались различные исследователи², он вслед за ними сравнивает содержание его с известием Ибн-ал-Асира (1160—1233), в котором говорится следующее: «Придя к Судак, татары овладели им, а жители его разбрелись; некоторые из них со своими семействами и со своим имуществом взобрались в горы, а некоторые отправились в море и уехали в страну Румскую, которая находится в руках мусульман из рода Килиджарслана. ... Тогда собрались многие из знатнейших купцов и богачей русских, унося с собою то, что у них было ценного, и двинулись в путь, чтобы на нескольких кораблях переправиться через море в страны мусульманские. Когда же они приблизились к гавани, в которую направлялись, то один из кораблей разбился и потонул; спаслись только люди. Существовал такой обычай, что султану принадлежит тот корабль, который разбивался, и [потому] он забрал с него много вещей»³.

А. Л. Якобсон соглашается с Ф. И. Успенским⁴, что сообщения противоречивы, так как в одном случае упомянуто мирное следование кораблей в Трапезунд из Херсона, в другом — бегство купцов из Судака. Однако это противоречие, по его мнению, кажущееся, поскольку источники сообщают о различных событиях: в одном случае — о военном походе сельджуков, в другом — о набеге татар. Имеется еще одно свидетельство, подчеркнул А. Л. Якобсон, об экспедиции по приказу султана Иконии Ала ад-Дина в Крым — в Судак — из-за ограбления там мусульманских купцов. Это хроника «Сельджук-наме» Ибн-ал-Биби (ум. в 1272 г.). Сопоставление содержания трех источников привело его к выводу, что речь идет об одном событии. Во время военной операции турок-сельджуков могли пострадать и Судак, и Херсон. Лучшая

¹ См.: Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес. С. 28.

² Приведены работы: Успенский Ф. И. Очерки по истории Трапезундской империи. Л., 1929. С. 51; Попадопуло-Керамевс А. Сборник материалов... С. 117—118; Васильевский В. Г. Житие Стефана Сурожского // Труды. Т. 3. С. CLXXXIV.

³ Отрывок дан по: Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1. С. 26—27.

⁴ См.: Успенский Ф. И. Очерки... С. 46.

информированность о событиях в Херсоне проявилась у греческого автора, а у мусульманского — полнее в отношении Судака. И далее он дополняет, что бегство херсонских купцов предшествовало на один год приходу татар в Крым (согласно Сурожскому синаксарю, январь 1223 г.) и было вызвано военной операцией сельджуков¹.

Позднее в связи с анализом торговых связей Херсона к содержанию Жития св. Евгения обратилась Н. М. Богданова, отметившая, что оно является свидетельством наличия торговых связей между Херсоном и Синопом². Более детальному анализу подвергнуто «Аланское послание» епископа Феодора, рассказывающее, как она полагает, о событиях тех же лет, где также есть слова «о бегстве херсонских купцов»³. Так два эпизода из истории Херсона, первоначально отделенные друг от друга более чем десятилетием, оказались взаимосвязанными.

Дело в том, что переводчик памятника Ю. А. Кулаковский относил создание «Аланского послания» к 1240-м гг.⁴

«Аланское послание» епископа Феодора

О чем же говорится в Послании епископа Феодора, созданном спустя некоторое время после завершения миссии в Северное Причерноморье (ок. 1225 г.)?

Спустя несколько лет после завершения миссии в пределы Таврики епископ Феодор писал:

¹ См.: Яковсон А. Л. Средневековый Херсонес. С. 28–29. У историков существуют различные мнения о датировке события. А. Ю. Якубовский полагал, что поход некоего Чобана относится к 1221 или 1222 г., совершен незадолго до битвы при Калке (см.: Якубовский А. Ю. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. Черты из торговой жизни половецких степей // ВВ. 1927. Т. 25. С. 54–58).

² См.: Богданова Н. М. Херсон в X–XV вв. С. 56.

³ Исследовательница отметила, что послание «действительно весьма неопределенно освещает события, происходившие в Херсоне зимой 1223 г.», оно написано ок. 1225 г. (см.: Богданова Н. М. К вопросу о городском управлении... С. 43).

⁴ Это же время — ок. 1240 г. — приведено: Moravčik Gy. Byzantinoturcica. B., 1958. Bd. 2. S. 34–35.

«(4) Дальнейшее знает Херсон и скифская страна, дружески принявшая путешественников ... Город скорбел о домашних бедствиях. Сиротил его меч-язык извне, а внутри подымалась междоусобная брань. А мы тут и спаслись бегством.

(5) ... Этот богоненавистный сделал набег и, очутившись в Херсоне, грозил войною малым аланам, если они нас не выдадут. Так зол был по природе этот смешной и недостойный Цаман, исполненный злобы и слугитель лукавого.

(6) ... Близ Херсона живут аланы, столько же по своей воле, сколько и по желанию херсонесцев, словно некое ограждение и охрана (города).

... Вы знаете херсонского епископа; к чему же мне входить в точные разъяснения перед знающим? Этот старец и из давнего времени епископствующий, считал для себя смертью, если аланы были у нас, или скорее, что мы были в Херсоне. Тотчас пошла речь о границах епархии, и что это его епископия, и что я здесь проездом и чужой. Известны эти увертки теперешних епископов, с целью прикрыть мелкодушие и зависть, чтобы не сказать — признаки их ничтожества. Они не знают ни основополагающих канонов, ни того, что по ним разрешается».

Публикуя источник, Ю. А. Кулаковский уточняет его содержание. Послание начинается указанием на бедствия от двух притеснителей. Феодор был насильственно высажен в Херсоне. Кто-то здесь оказал ему покровительство, но не смог защитить от преследований. Внутри города начинались волнения, извне также грозила опасность от некоего Чобана, и епископ со спутниками бежали к аланам. Далее следует рассказ о злонравии епископа Херсона и трудностях на пути к Боспору. Анализируя текст, Ю. А. Кулаковский поставил ряд вопросов: что за волнения имели место в городе; кто был врагом Феодора; кто управлял Херсоном, был ли он в это время византийским¹.

Ответы на них попыталась дать Н. М. Богданова.

В середине зимы 1223 г. епископ оказался в Херсоне. Преследовавший его (причины выявить не удалось) сельджукский эмир Чобан-Цаман, находившийся в это время в Крыму, потребовал от городских

¹ Кулаковский Ю. А. Епископа Феодора «Аланское сказание» // ЗООИД. 1898. Т. 21. Материалы. С. 13–14.

властей «поступить с нами по своему усмотрению». Некий знатный горожанин Иоанн, опасавшийся возмущения против него народа, держал путников в состоянии «между свободой и узами». Но епископу удалось бежать. Ухудшало положение епископа то, что он не нашел поддержки у главы местной церкви. Н. М. Богданова полагает, что источник является свидетельством выступления народных масс против патрициата (знати). Причиной стали налоги и поборы. Волнения спровоцировала внешняя опасность — угроза Цамана разорить город¹.

Так уточнение времени поездки епископа позволило сопоставить свидетельства нескольких источников, но насколько соответствует реалиям реконструкция событий?

Возвращением к анализу географических разночтений, к уточнению хронологии и действующих лиц стала статья московской исследовательницы В. Г. Ченцовой². Доказательства предлагаемой ею гипотезы основаны не только на византийских источниках, но и свидетельствах восточных авторов, что позволяет, как она полагает, выявить ряд допущенных ранее неточностей.

В. Г. Ченцова отвечает на вопрос Ю. А. Кулаковского о том, был ли Херсон в это время византийским, положительно. События, описываемые в Послании, происходили после заключения мирного договора между сельджуками и Трапезундской империей, глава которой обладал верховной властью над Херсоном, в отличие от Судака, находящегося на территории, контролируемой половцами. Военная экспедиция Чобана против Судака не нарушала условий договора. Приводя данные об условиях навигации в Черном море, закрытом для судоходства с 1 декабря до 15 марта, и обращаясь к церковным постановлениям, В. Г. Ченцова полагает, что Феодор покинул Никею после заседания Синода 06.02.1226 г. Следовательно, путешественники не могли встретиться в Крыму с войском эмира Чобана.

В приведенном выше отрывке из «Аланского Послания» упущены разделы, в которых говорится о том, что Цаман, встретив епископа и

¹ Богданова Н. М. Херсон в X—XV вв. С. 120.

² Ченцова В. Г. Материалы к истории Херсона в средние века // МАИЭТ. 1996. Вып. 5. С. 171—185.

его спутников, против воли направил их в Херсон. Он назван злодеем, «покушавшимся на тиранию». Прибыв в город, чтобы разобраться с ситуацией, возникшей в связи с нахождением в нем Феодора, внезапно оставил его, что можно объяснить внутренней опасностью, так как «народ склонялся то в одну, то в другую сторону». На основании этих слов и возможной хронологии событий В. Г. Ченцова полагает, что Чобан и Цаман — это разные люди (Н. М. Богданова считает, что это — одно и то же лицо). Далее В. Г. Ченцова отметила, что «преследования» Цамана являются отражением противоречий между никейской церковью (откуда прибыл Феодор в Крым на пути к своей пастве) и трапезундской¹. В качестве косвенного аргумента, по ее мнению, следует учесть нелестную характеристику, которую дал епископ Феодор главе херсонской церкви.

Примечательно, что исследовательница не стремится ответить на все вопросы, которые ставили ее предшественники, повторив в заключение слова Ю. А. Кулаковского: «Быть может, новые публикации или счастливые находки на богатой почве Крыма прольют новый свет и на этот период его истории». Вместе с тем примечателен вывод автора: «До конца XIII в. Херсон не подвергался захвату какими-либо врагами». Тем самым она склоняется к датировке слоев разрушения на городище 1299 г.

Об отношении к материалам раскопок

В очерках, посвященных изучению Херсонеса-Херсона, страницы его истории в той или иной степени освещались через призму дискуссий и обсуждения работ, в которых исследователи обращались к различным событиям, упоминаемым в письменных источниках. Большое внимание, что вполне закономерно, уделено и археологическим материалам. Но если проанализировать характер использования результатов раскопок в исторических штудиях, то можно видеть, что чаще всего их свидетельства оцениваются негативно. К примеру, в академическом издании «Истории Византии» во вводных разделах, посвященных обзору источников, всего несколько строк уделено памятникам матери-

¹ Ченцова В. Г. Материалы к истории... С. 179—180.

альной культуры. Безусловно, привести данные (даже очень краткие) о раскопках всех византийских городов невозможно: слишком велик объем информации. Однако отношение к результатам раскопок, их репрезентативность следовало бы показать.

Итак, что же говорится во вводном разделе первого тома «Истории Византии» (IV — первая половина VII в.)? В единственном абзаце, в котором приведены свидетельства археологии, а также эпиграфические и нумизматические данные, констатируется:

Археологические памятники подтверждают данные письменных источников;

Иногда вносят в них коррективы;

Данные раскопок начинают играть более значительную роль в исследованиях византинистов.

Вопросы о специфике источникового анализа (один из основных), об особенностях формирования отложений (отсюда и информативность культурного слоя), о методике работы с находками, интерпретационных возможностях данной группы источников даже не поставлены¹.

Столь же кратка информация в разделе, посвященном источникам середины IX—XII в. Здесь отмечено только то, что материалы раскопок имеют большее значение для изучения истории византийского города и что средневековые слои изучены лишь в немногих византийских городах: Херсонесе-Херсоне, Коринфе, Афинах, Пергаме, Сардах, Приене, даже в Константинополе обследованы небольшие участки².

В замечании, касающемся степени археологической изученности, отсутствует главное: упоминание причин такого положения: одна из них территориальный континуитет многих городов вплоть до наших дней.

Негативно оценены возможности археологических, эпиграфических, нумизматических, сфрагистических данных для XIII—XV вв. Автор этого раздела считал, что они сохранились в сравнительно малом

¹ См.: Удальцова З. В., Сюзюмов М. Я. Византийские папирусы IV—VII вв., эпиграфические, археологические и нумизматические материалы ранневизантийского периода // История Византии. М., 1967. Т. 1. С. 65.

² См.: Каждан А. П. Основные источники по истории Византии второй половины IX—XII в. // История Византии. М., 1967. Т. 2. С. 105.

количестве и не играют существенной роли для изучения поздневизантийской истории¹.

Если обратиться к музейным коллекциям, то становится очевидным, насколько многочисленны артефакты византийского времени, особенно поздневизантийского периода, для Херсонеса-Херсона, где исследовано более 2 десятков кварталов в различных районах города. А более чем столетние раскопки в Пергаме, Эфесе, христианские памятники Милета?!

Среди источниковых штудий, содержащих разделы, в которых представлены материалы раскопок и сфрагистические памятники и дана оценка их информативности, можно назвать только специальный том, изданный в серии «Работы берлинских византинистов»².

С другой стороны, в исследованиях, посвященных истории какого-либо конкретного византийского города, археологические материалы привлекаются постоянно³. Особенно подчеркивается значимость таковых в работах, раскрывающих особенности развития византийских городов в целом⁴.

Критическое отношение к информативности археологических источников у тех, кто основывает свои исследования главным образом на сообщениях древних авторов или официальных документах, вызвано их спецификой: они не «называют» события. Они «записывают» происходившее на особом языке: в виде изделий ремесленников, производственных комплексов, общественных и частных сооружений. Ошибки переводчика древнего акта могут быть исправлены при вторичном к нему обращении. Извлеченные из земли предметы, открытые здания,

¹ См.: Каждан А. П. Источники // История Византии. М., 1967. Т. 3. С. 5.

² См.: Romančuk A. *Archäologie // Quellen zur Geschichte des frühen Byzanz* (4.–9. Jahrhundert). В., 1990. S. 15–31.

³ См.: Медведев И. П. Мистра: Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973; Foss C. *Ephesos after Antiquity. A Late Antiquite, Byzantine and Turkish City*. Cambridge, 1979.

⁴ См.: Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е. Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму // Становление и развитие раннеклассовых обществ. Л., 1986. С. 100–197; Brandes W. *Die Städte Kleinasiens im 7. und 8. Jahrhundert*. В., 1989.

выявленная стратиграфия, если они не описаны со всей тщательностью (не «переведены» на всем понятный язык), если не зафиксированы условия находки всеми возможными способами, теряют часть содержащейся в них информации, поскольку в процессе раскопок разрушается культурный слой. Отдельный артефакт без учета условий его обнаружения, без связи его с другими обесценивается как источник для научных исследований. К сожалению, многочисленные материалы начального периода археологических раскопок в Херсонесе депаспортизированы. Тщательный анализ их в свете новых данных еще предстоит. При этом необходимо сравнение херсонесских материалов для всех периодов истории города с аналогичными или близкими из других центров. Только такой анализ позволит обрести дополнительные аргументы в продолжающихся до сего дня дискуссиях, истоки которых восходят к прошлому и позапрошлому векам.

Особенностью данных археологии является и то, что они не отражают всех периодов и всех сторон жизнедеятельности населения изучаемого города, крепости или какого-либо другого населенного пункта. Общую ситуацию, целостную картину тем, кто производит раскопки, приходится «домысливать», реконструировать, используя различные методы. До некоторой степени работу археолога можно сравнить с детективными поисками: по обрывкам, остаткам приходится восстанавливать то, что здесь когда-то было. При этом необходимо выстроить хронологическую цепочку для обнаруженных предметов, выявить место, где они были изготовлены и т. д. Как и любой другой, археологический источник необходимо суметь «прочитать». Любому источнику следует ставить только те вопросы, на которые тот «может ответить».

Одним из тех, кто «умел задавать вопросы находкам», был Анатолий Леопольдович Якобсон. Во многих историографических сюжетах было высказано несогласие с его выводами. Но нельзя забывать, что он, в сущности, был первым при обобщении памятников материальной культуры Херсонеса, причем использовал при этом депаспортизированные материалы раскопок конца XIX — начала XX в. Заслуга его в том, что он наметил пути будущих исследований города. Потому-то и стали его монографии настольными книгами для всех, кто обращается к истории Таврики.

В то время, когда А. Л. Якобсон создавал монографии о материальной культуре Херсона, он не ставил перед собой таких задач, как

выявление «степени аграризации Херсона», наличия или отсутствия в городе «межотраслевого разделения труда»¹. Но любое обращение к истории средневекового Херсона начинается с его трудов. Новые материалы позволяют скорректировать некоторые из предложенных им выводов. Но на многие из поставленных А. Л. Якобсоном вопросов получить ответов пока так и не удалось.

Херсонесское городище относится к числу немногих памятников, существовавших в античный и средневековый периоды, территория которого пострадала в незначительной степени от застройки Нового времени. Некоторые из лакун истории города благодаря труду нескольких поколений историков восполнены. Но еще многое остается не известным. Возможно, скрываемые землей памятники, как и хранящиеся в фондах находки, заполнят когда-нибудь эти лакуны. Однако между фактом истории и историческим фактом всегда будет существовать различие, а следовательно, сохранится и поле для споров исследователей на путях приближения к реалиям прошлого.

¹ Подобные обвинения в адрес А. Л. Якобсона высказаны Н. М. Богдановой. Тем более некорректно характеризовать его попытку свести воедино все данные письменных источников для того, чтобы сопоставить их с материалами раскопок, как неудовлетворительную компиляцию (см.: Богданова Н. М. О методике использования археологических источников... С. 107).

Очерк 7. ИЗ ИСТОРИИ ХЕРСОНЕССКОГО МУЗЕЯ

*Да убоится история какой бы то ни было лжи,
да не убоится она какой бы то ни было правды.*

Цицерон

Современники о музее и раскопках К. К. Косцюшки-Валюжинича. Публикации по истории Херсонесского музея. Императорская археологическая комиссия, монастырь, К. К. Косцюшко-Валюжинич. Начало XX в. Херсонесский музей в 1914–1950-е гг. Е. Г. Суров и создание Крымской археологической экспедиции.

На первый взгляд, включение раздела по истории музея в историографические очерки не согласуется с теми задачами, которые они должны иметь. Однако в музеях существуют фонды, где хранятся находки, вовлекаемые в научный оборот не только приходящими или приезжающими специалистами, но и собственными сотрудниками. Такая работа способствует формированию научных концепций, рассмотрению различных вопросов истории региона. В течение XX в. из места хранения и экспонирования археологических находок Склад древностей, созданный К. К. Косцюшко-Валюжиничем, вырос в крупный научный центр Национальный заповедник «Херсонес Таврический», одной из сфер деятельности которого является популяризация истории Херсонеса. Первые лекции, в которых история города рассматривалась в связи с новыми археологическими исследованиями, были прочитаны К. К. Косцюшкой-Валюжиничем. Это стало началом популяризации раскопок в Херсонесе, наряду с регулярно публикуемыми М. Я. Энгелем, начиная с 1890-х гг., в «Крымском вестнике» обширными корреспонденциями под общим названием «Глубь веков». К. К. Косцюшко хранил газетные вырезки о разведках в Херсонесе, как называл их автор, со своими пометками¹.

¹ Арх. НЗХТ, д. 452.

Современники о музее и раскопках К. К. Косцюшко-Валюжинича

За период 1888—1907 гг. К. К. Косцюшко-Валюжинич опубликовал только 3 небольшие статьи в «Известиях Таврической ученой архивной комиссии» и «Записках Одесского общества истории и древностей». Он собирался обобщить результаты 20-летних раскопок после выхода на пенсию, о чем свидетельствуют его личный архив и опись дел, составленная после кончины в декабре 1907 г. Правда, в отличие от своих предшественников, с критикой деятельности которых выступали и председатель Московского археологического общества П. С. Уварова, и глава Императорской археологической комиссии А. А. Бобринский, К. К. Косцюшко-Валюжинич ежегодно посылал в ИАК многостраничные рукописные отчеты, оставляя себе копии.

В газетных очерках о результатах раскопок и наиболее примечательных находках отражено также рождение некоторых гипотез; содержится информация о созданном К. К. Косцюшкой-Валюжиничем музее; имеются свидетельства сложных взаимоотношений первого заведующего городищем и монастырского руководства. При чтении заметок ощущается влияние К. К. Косцюшки, более того, создается впечатление, что они частично «надиктованы» им и публицистически поданы корреспондентом «Крымского вестника». Можно полагать, что вырезки из «Крымского вестника» К. К. Косцюшко собирался использовать, как и отчеты, в качестве материалов при создании истории Херсонеса.

Показательна характеристика книги М. Я. Энгеля, в которую вошли его газетные статьи¹.

После ее выхода К. В. Болсуновский, действительный член Киевского общества древностей и искусства, писал К. К. Косцюшке-Валюжиничу: «Сердечное Вам спасибо за добрую память обо мне и присылку сочинения М. Я. Энгеля «Русская Помпея». Труд этот в высшей степени интересен потому, что автор пробует обобщить результаты Вашего многолетнего труда, написано, однако, не в строгом

¹ Энгель М. Я. Русская Помпея (Херсонес Таврический). Очерк археологических исследований. Заметки и впечатления. Севастополь, 1903.

научном смысле, а беллетристически. Очевидно, автор хотел популяризировать научные вопросы, связанные с историей Херсонеса. Ну и за то спасибо!

... Нет, Вы теперь находитесь в более благоприятных условиях, и я, совершенно сердечно, радуюсь Вашим успехам. Придет время, когда все по достоинству оценят Ваши труды, положенные для истории нашего края и отечества»¹.

Научные идеи и гипотезы, возникшие в начальный период исследования Херсонеса, получили развитие в дальнейшем. Это характерно и для такого аспекта деятельности К. К. Косцюшки-Валюжинича, как создание музейной экспозиции и забота об охране памятников городища. И первым освещением его труда по созданию музея, кроме писем и отношений в Императорскую археологическую комиссию, стали именно заметки М. Я. Энгеля. Их содержание свидетельствует, как постепенно, с началом исследований, производившихся под контролем ИАК, городище приобретало вид музея под открытым небом; прекратилось бессистемное извлечение древностей и расхищение².

Сознание своей роли по сохранению памятников Херсонеса обусловило борьбу К. К. Косцюшки-Валюжинича с монастырем, занимавшим часть территории городища, и с военным ведомством, имевшим здесь казармы, пороховой погреб и другие сооружения. Безусловно, он был не единственным, кто создавал значение материалов Херсонеса для исторической науки, но именно на его долю выпало не только «добыть» эти бесценные сокровища, но и сохранить их.

На рубеже столетий, описывая раскопки 1899–1900 гг., М. Я. Энгель подчеркнул, что К. К. Косцюшкой было обнаружено много «инте-

¹ Арх. НЗХТ, д. 44, л. 300.

² См. очерки М. Энгеля в «Крымском вестнике»: Глубь веков. Результаты последних археологических разведок в Херсонесе. II // 1892. № 42; Глубь веков. Из поездки в «русскую Помпею». III // 1892. № 238; Глубь веков. Последние археологические разведки в Херсонесе. IV // 1892. № 243; Глубь веков. Новейшие результаты археологических разведок в Херсонесе. V // 1892. № 251; Глубь веков. Херсонес и результаты последних археологических разведок в нем. VI // 1894. № 22; Глубь веков. Остатки греческого монастыря на островке в Казачьей бухте. VIII // 1894. № 45 и т. д.

ресных и для исторической науки, и для «обычного», любознательного посетителя руин Херсонеса памятников; ему удалось добиться своей неутомимостью и кропотливым трудом ... преобразования внешнего вида мертвого города; ... обозначились границы древнего, более древнего города; ... раскопки стали более похожи на развалины Высокой Трои». Корреспондент «Крымского вестника» считал, что ход раскопок должен регулярно освещаться в местной печати, так как «результаты археологических разведок в Херсонесе известны в точности только ограниченному кругу специалистов, поскольку публикуются в специальных органах; обыкновенные же смертные довольствуются тем, что могут узнать, лично посетив Херсонес. Но многое ли они могут таким путем узнать? Заезжий турист, считающий своим неперменным долгом осмотреть Херсонес в числе других достопримечательностей, и даже житель Севастополя, находящийся у самого источника, немного выносят из посещения раскопок.

Они ограничиваются тем, что побродят по раскопанному городищу, заглянут в разрытые могилы, полюбуются рисунками мозаики в обнаруженных храмиках и, побеседовав малое время с сопровождающим их монахом, если последний окажется словоохотливым, оставляют Херсонес с самым скудным запасом сведений о нем. Некоторые даже выносят такое впечатление, что Херсонес — место, не стоящее внимания, ибо там не оказывается ничего особенного, кроме ям, да мозаик, которые неизвестно, что означают»¹.

¹ Энгель М. Глубь веков. 1. Результаты последних археологических разведок в Херсонесе // Крымский вестник. 1892. № 39. Примечательно, что автор стремится к объективному освещению причин несовершенства раскопок. По этому поводу он писал: «Но, располагая крайне ограниченным бюджетом, Одесское общество, в свое время принесшее немало ценных услуг делу изучения истории и археологии Южной России, не могло, к сожалению, вести херсонесские раскопки так, как это было необходимо в таком важном пункте. Ничтожная сумма (кажется, не свыше тысячи рублей) ежегодно пересылалась в распоряжение монастырского начальства, которое кое-как руководило раскопками; составление планов сначала взял было на себя начальник местной инженерной дистанции, а под конец эта работа и наблюдение за раскопкой были возложены на приказчика, который получал 30 р. в месяц жалованья» (см.: Энгель М. Глубь веков. Новейшие результаты археологических разведок в Херсонесе. V // Крымский вестник. 1892. № 251). Он заметил, что и ны-

Примечательно, что уже в те годы было подчеркнуто, что «Херсонесское городище — одно на черноморском побережье не было занято новым городом, и понятно, что оно хранит в себе остатки более древней эпохи Херсонеса и более тайные следы субкультуры. Таким образом, монастырские сооружения, возникшие в этом месте, быть может, совершенно случайно, на века скрыли под собою неоцененные памятники старины»¹.

В отдельных очерках М. Энгель критикует предшествующие раскопки и условия хранения находок, что позволяет отчасти получить представление о Древнехранилище, существовавшем при монастыре: «А ведь было время (и не очень давнее), когда здесь царствовал иной порядок вещей. Раскопками заведовали монастырские власти — и кто же из живущих в Севастополе и хоть сколько-нибудь интересующихся этим делом не знает, как производились раскопки древнего города?

Они предпринимались с единственной целью: отыскивать вещи ценные не столько с археологической, сколько с современной точки зрения. ... Что оказывалось неудобным для перенесения, бросали; копали тут, там, без всякой последовательности. Для удовлетворения любознательности в маленькую каморку навалили разного археологического хлама, без всякой системы и без каких бы то ни было пояснений; в таком виде хлам не привлекал ничьих взоров»².

На этом фоне бросается в глаза описание созданного К. К. Косцюшкой-Валюжиничем Склада древностей: «По ближайшем рассмотрении, здание оказалось разделенным на две части: в одной довольно просторное и удобное помещение для сторожа с семьей, в другой — не менее просторное помещение для вещей, добытых из раскопок. ...

Предметы в музее разложены по шкафам, за стеклом, развешены на стенах и распределены в строгом порядке и, кажется, по эпохам; язы-

нешнее финансирование невелико: Археологическая комиссия «г. Косцюшке-Валюжиничу ... отпускает ежегодно на этот предмет 4000 рублей. ... “Немножко мало”, как говорится, для дела, дающего такие важные результаты. Впрочем, г. Косцюшко, не взирая на это, горячо предан делу и стремится проникнуть все дальше и дальше в глубь веков» (Там же).

¹ Энгель М. Глубь веков. I // Крымский вестник. 1892. № 39.

² Энгель М. Глубь веков. Из поездки в «русскую Помпею». III // Крымский вестник. 1892. № 238.

ческой и христианской. В шкафах — слезницы, бусы, кусочки золота, монеты, браслеты, крестики, чашечки, амфорки, статуэтки, лампочки и множество других в высшей степени интересных вещей. В различных местах стоят урны, глиняные сосуды. ... Перечислять все предметы, находящиеся в музее, и невозможно, и бесполезно. Во всяком случае, из сказанного очевидно, что эти предметы находятся теперь в достаточной сохранности. Осмотр музея настраивает человека на “исторический” лад, после чего все эти разрушенные дома, улицы, переулки, большие храмы, маленькие храмики, — все эти подвальные этажи, цистерны, водоемы начинают уже много говорить и уму, и сердцу и заставляют мысленно перенестись в глубь веков»¹.

Стремление объединить два места хранения артефактов — Склад древностей и Древнехранилище монастыря — стало одной из причин разногласий с руководством монастыря. К. К. Косцюшке-Валюжиничу при создании музея пришлось преодолевать и непонимание членов ИАК. Эти страницы его деятельности в научных изданиях остались неосвещенными. Но прежде в целом о публикациях об истории Херсонесского музея, получившего в конце XX в. статус Национального заповедника «Херсонес Таврический».

Публикации по истории Херсонесского музея

В историографических штудиях XX в. внимание уделялось взглядам исследователей; события, свидетелями которых они были, подразумевались, однако чаще всего не освещались. Начиная с конца столетия и в начале нынешнего, благодаря обращению к архивным документам, положение начало изменяться. Интерес не только к научным идеям, но и к личности историка обусловил появление целой серии работ, в которых речь идет не только о развитии исторических идей, но и о времени, в которое они рождались². Не обошли историки вниманием и такой

¹ Энгель М. Глубь веков. III // Крымский вестник. 1892. № 238.

² К примеру см. исследования А. А. Непомнящего: Очерки развития исторического краеведения Крыма в XIX — начале XX в. Симферополь, 1996; Записки путешественников и путеводители о развитии исторического краеведения Крыма (последняя треть XVIII — начало XX в. // Институт украин-

сюжет, как перипетии развития Херсонесского музея. На основании архивных материалов сотрудница заповедника О. Л. Гриненко изложила события, связанные с эвакуацией в Харьков в 1914 г. и возвращением на родную землю древностей Херсонеса¹. Ей же принадлежит очерк о хранилище христианских древностей, существовавшем при монастыре². Наиболее подробно в целой серии статей освещена деятельность одного из первых советских руководителей музея К. Э. Гриневича³.

ской археологии и источниковедения им. М. С. Грушевского НАН Украины. Киев, 1999 (Сер. Научно-справочные издания по истории Украины. Вып. 46); Биобиблиография А. Б. Ашика в контексте изучения Крыма в XIX в. // БИ. 2002. Вып. 2. С. 333–345; Подвижник изучения боспорских древностей: Ю. А. Кулаковский // БИ. 2002. Вып. 2. С. 366–379; А. Л. Бертье-Делагард: Биобиблиографические штудии // БИ. 2004. Вып. 5. С. 476–494; Страницы истории крымского краеведения в 30-е гг. XX в. // БИ. 2006. Вып. 10. С. 361–383; Подвижник крымского краеведения (Василий Христофорович Кондраки) // ИНК. 2003. № 1. С. 27–43.

Большое значение имеет стремление редакции журнала «Историческое наследие Крыма» не только освещать деятельность крымских историков и краеведов, но и возратить читателям ставшие библиографической редкостью работы (в № 1 за 2003 г. начато факсимильное воспроизведение книги П. И. Кеппена «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических», изданной в 1837 г.).

¹ Гриненко Л. О. Из истории Херсонесского музея (1914–1924) // Древности: ХИАЕ. 1997–1998 (Харьков, 1999). С. 187–197; Она же. Керченский коллега (Роль В. В. Шкорпила в становлении Херсонесского музея) // БИ. 2005. Вып. 9. С. 330–359.

² Гриненко Л. О. Предтеча археологического музея в Херсонесе: Музей архимандрита Евгения // Восток — Запад: Межконфессиональный диалог: Тез. докл. Севастополь, 2002. С. 12–13 (также см.: Восток—Запад: Межконфессиональный диалог. Севастополь, 2003. С. 97–101).

³ Статьи В. И. Кадеева: Краткий очерк научной и педагогической деятельности К. Э. Гриневича // К. Э. Гриневич — профессор Харьковского университета: Библиогр. указ. Харьков, 1991. С. 3–7; Константин Эдуардович Гриневич // Археологія. 1991. № 4. С. 119–129 (на укр. яз.); К. Э. Гриневич как ученый // Вестн. Харьк. ун-та. 1992. № 362: История. Вып. 25. С. 129–134; Латышева В. А. К. Э. Гриневич как археолог // Древности: ХИАЕ. 2004. С. 284–294. К. Э. Гриневича можно считать и историографом Херсонесского музея; см.:

В одной из брошюр, посвященной жертвам сталинских репрессий, рассказано о А. К. Тахтае, сохранившем в годы Великой Отечественной войны оставшиеся в оккупированном Севастополе древности Херсонеса¹. В статьях, посвященных основателю Крымской археологической экспедиции Уральского университета Е. Г. Сурову, также сказано несколько слов о событиях в Херсонесском музее в предвоенный и послевоенный период². В Архиве Херсонесского заповедника существует своеобразная книга памяти об исследователях, работавших на раскопках. В связи с юбилейными датами некоторые страницы истории музея освещались в статьях, написанных по этому поводу³.

Гриневиц К. Э. О плане дальнейшей научно-исследовательской работы Гос. Херсонесского музея // Вторая Конференция археологов СССР в Херсонесе. Симферополь, 1927. С. 28–30; Он же. За новый музей. Севастополь, 1928. Среди ранних работ, посвященных становлению советского музея следует отметить: Василевский Л. Херсонес и Государственный Херсонесский музей в Севастополе // Человек и природа. 1930. № 17/18. С. 39–42. Но основы отражения наиболее памятных событий Склада древностей были заложены еще К. К. Косцюшко-Валюжиничем: Косцюшко-Валюжинич К. Посещение Их Императорскими Величествами музея и раскопок в Херсонесе 18-го сентября 1902 г. Севастополь, 1904.

¹ Граб В. И., Супруненко О. Б. Археолог Олександр Тахтай. Полтава, 1991 (на укр. яз.); также см.: Граб В. И. Опальный археолог // Події, пригоди, факти. 1990. № 3. Липень.

² Романчук А. И. Е. Г. Суров: К 45-летию Крымской археологической экспедиции // Изв. Урал. гос. ун-та. 2004. Вып. 32: Проблемы образования и науки. С. 161–168; Она же. Год юбилеев в истории раскопок в Херсонесе // Наука. Общество. Человек (Вестник Уральского отделения РАН). 2007. Вып. 2 (20). С. 49–60.

³ Антонова И. А. Херсонесский музей за годы советской власти // ХСб. 1959. Вып. 5. С. 3–12; Белов Г. Д. Херсонесский археологический музей: К 40-летию его существования // Советский музей. 1933. № 1. С. 83–90. О времени, предшествующем деятельности К. К. Косцюшки-Валюжинича, см.: Юргевич В. Н. Краткий очерк деятельности Императорского Одесского общества истории и древностей // ЗООИД. 1886. Т. 14. С. 57–60; Он же. Исторический очерк пятидесятилетия Имп. Одесского общества истории и древностей, 1839–1889. Одесса, 1889).

В той или иной мере херсонесских «музейных дел» историки касались в работах, посвященных становлению и развитию археологии в Северном Причерноморье¹. Своеобразным восполнением истории

В те же годы получила развитие такая тема, как монастырь — строительство собора св. Владимира и отчасти раскопки (см.: Лашков Ф. Ф. Историческая записка о сооружении в Херсонесе храма св. равноапостольного князя Владимира и архивные данные, относящиеся к истории сооружения этого храма // ИТУАК. 1887. № 5. С. 5—18; Он же. Архивные документы, относящиеся к истории сооружения в Херсонесе храма Св. Равноапостольного Князя Владимира // ИТУАК. 1887. № 5. С. 19—75; Маркевич А. И. Несколько слов о деятельности в Тавриде Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического // ИТУАК. 1901. Т. 31. С. 38). Возвращением к этой теме стали работы сотрудников Севастопольского городского архива (Шевякова Д. П. Роль архиепископа Иннокентия, великого князя Константина Николаевича и контр-адмирала Бутакова в сооружении храма во имя св. Владимира в Херсонесе // Восток—Запад: Межконфессиональный диалог: Тез. докл. Севастополь, 2002. С. 48—49; Она же. Роль архиепископа Иннокентия, великого князя Константина Николаевича и контр-адмирала Бутакова в сооружении храма Владимиру в Херсонесе // Восток—Запад: Межконфессиональный диалог. Севастополь, 2003. С. 106—113) и несколько статей одного из преподавателей Уральского университета А. В. Шаманаева: Деятельность Одесского общества истории и древностей по изучению Херсонеса // АДСВ. 2003. Вып. 34. С. 415—425; Документы по истории археологических исследований Херсонеса в Государственном архиве города Севастополя // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2004. Вып. 4. С. 251—261; К истории создания «христианского музея» в Херсонесе // Проблемы исследования археологических памятников: Раскопки, хранение, экспозиция: Тез. докл. и сообщ. Севастополь, 2005. С. 41; Организация финансирования археологических исследований ООИД в Херсонесе // ИПИР. Екатеринбург, 2005. Вып. 6. С. 272—283; Служители монастыря св. Владимира и раскопки Херсонеса // Небесные патроны и земные служители культа: Тез. докл. и сообщ. Севастополь, 2007. С. 57—58. Следует отметить, что внимание к архивным делам, освещающим деятельность монастыря и только отчасти непосредственно Херсонеса, является очень ранним, см.: Гроздов А. Архивные документы, относящиеся к истории Херсонесского монастыря (из дела № 720 по архиву Херсонской Духовной Консистории) // ИТУАК. 1888. № 5. С. 81—105.

¹ Немировский А. И. Нить Ариадны (Из истории классической археологии). Воронеж, 1972 (науч.-попул. изд.); Юргевич В. Н. Об археологии в царствование Екатерины II // ЗООИД. 1897. Т. 20. Разд. 5 (Протоколы). С. 23—29; Виноградов Ю. А. О становлении античной археологии в России

Херсонесского музея являются биографические справки об исследователях городища¹.

// Традиции российской археологии: Материалы методологического семинара ИИМК РАН. СПб., 1996. С. 24–27; Тункина И. В. К истории археологических исследований Херсонеса в первой трети XIX в. // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса, 1888–1988: Тез. докл. Севастополь, 1988. С. 119–121; Она же. К истории изучения Херсонеса-Корсуня в конце XVIII — середине XIX в. // Москва — Крым: Историко-публицистический альманах. М., 2001. Вып. 3. С. 96–120; Она же. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб., 2002; Формозов А. А. С. Уваров и его место в истории русской археологии // РА. 1993. № 3. С. 228–245; Он же. Русские археологи до и после революции. М., 1995; Фролов Э. Д. Русская историография античности (до середины XIX в.). Л., 1967.

¹ Большая роль в превращении Херсонеса в музей под открытым небом принадлежит Инне Анатольевне Антоновой (1926–2000), выпускнице Ленинградского университета, до назначения директором Херсонесского музея работавшей старшим инспектором отдела по охране памятников в Херсонской области (1951–1955). Ее заслугой является не только планомерное изучение фортификационных сооружений Херсонеса, но и организация реставрационных мастерских, создание такого издания, как «Сообщения Херсонесского музея», буклетов и путеводителей по Херсонесу (о ней см.: Сорочан С. Б. Чаша души (об И. И. Антоновой) // Археологія. 2000. № 4. С. 120–123 (на укр. яз.); Шацко Г. О. И. А. Антонова и археологические исследования Херсонеса // Археологія. 2000. № 4. С. 123–125 (на укр. яз.). Работы, посвященные музею и исследователям: Анфертьева А. Н. Д. В. Айналов: Жизнь, творчество, архив // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 259–312; Грива О. А. М. И. Ростовцев — исследователь античного Херсонеса // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса, 1888–1988: Тез. докл. Севастополь, 1988. С. 28–29; Гурулева В. В. Л. Н. Белова: Севастополь—Свердловск—Ленинград: Этапы научной биографии // АДСВ. 2003. Вып. 34. С. 435–443; Избаш Т. И. Александр Львович Бертье-Делагард и Одесское общество истории и древностей // Древнее Причерноморье: В чтения памяти профессора П. О. Карышковского. Одесса, 2003. С. 83–86; Калашник Ю. П. Г. Д. Белов (1998–1979) // СГЭ. 1980. Вып. 45. С. 108–109; Кац В. И. Записка П. С. Уваровой о Херсонесе // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса, 1888–1988: Тез. докл. Севастополь, 1988. С. 58–60; Крючков Ю. С. Алексей Самуилович Грейг. М., 1984; Маркевич А. И. Академик П. С. Паллас. Его жизнь, пребывание в Крыму и ученые труды (К столетию со дня его смерти) // ИТУАК. 1912. № 46. С. 167–242; Он же. К биографии академика П. И. Кеппена // ИТУАК. 1914.

В истории развития Херсонесского музея, если не учитывать существование монастырского Древнехранилища, можно выделить несколько этапов. Первый, самый трудный пришелся на годы деятельности К. К. Косцюшки-Валюжинича, на его долю выпала борьба, в сущности, на два фронта: с монастырем и преодоление сопротивления руководства ИАК, распределявшего находки по различным музеям¹.

№ 51. С. 223–140; Мурзакевич Н. Архиепископ католический Станислав Сестренцевич-Богущ // ЗООИД. 1875. Вып. 9. С. 339–342; Дложевский С. С. Эрнст Романович Штерн (1859–1924) // ВОКК. 1925. № 2/3. С. 99–101; Дьячков С. В. Светлой памяти друга и учителя. Валерий Федорович Мещеряков (11.01.1947–11.07.2002) // Древности: ХИАЕ. 2004. С. 310–312; Романчук А. И. Н. П. Кондаков и начало систематических раскопок в Херсонесе // Мир Кондакова: Публикации. Статьи. Каталог выставки. М., 2004. С. 253–262; Шестаков С. П. Научная деятельность Э. Р. Штерна // Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те. 1925. Т. 30, вып. 1. С. 147–151; Шкляев Н. П. Академик С.А. Жебелев как эпиграфист по истории Северного Причерноморья античной эпохи // Учен. зап. Казан. ун-та. 1954. Т. 114, № 5. С. 217–239; Шохин Л. И. Письма Д. Я. Самоквасова А. А. Бобринскому об археологии // Археология. 1996. № 1. С. 131–137; Шрамко Б. А. Памяти проф. С. А. Семенова-Зусера // КСИА. 1952. Вып. 1. С. 108–109. О Херсонесском городище в период восстания на броненосце «Потемкин» и отклики на «матросский бунт» приведены: Романчук А. И. Историки Херсонеса о революциях начала XX в. // Историк и его эпоха: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., посв. памяти проф. В. А. Данилова. 24–35 апреля 2007 г. Тюмень. Тюмень, 2007. С. 185–188. Безусловно, список не является исчерпывающим. О современном статусе Херсонесского заповедника см.: Марченко Л. В., Бабинов Ю. А. Роль Херсонесского музея в сохранении и восстановлении собора святого Владимира // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе. Севастополь, 2001. С. 128–132; Они же. Херсонесский заповедник как международный центр по изучению древних и современных религий // Восток — Запад: Межконфессиональный диалог. Севастополь, 2003. С. 174–179.

¹ Деятельности К.К. Косцюшки-Валюжинича посвящен ряд работ, см.: Антонова И. А. Основатель Херсонесского музея // КА. 1997. № 3. С. 57–67; Она же. К. К. Косцюшко-Валюжинич — основатель Херсонесского музея // Nomos: Kwartalnik religioznawczy (Kraków). 1999/2000. № 28/29. С. 29–40; Антонова И. А., Филиппенко В. Ф. Монастыри Крыма: История и легенды // Крым христианский: История религий народов Крыма. Севастополь, 1997. С. 109–171; Романчук А. И. К. К. Косцюшко-Валюжинич (1847–1907) // Археология. 1991. № 2. С. 111–121. Отдельные страницы борьбы

Императорская археологическая комиссия, монастырь, К. К. Косцюшко-Валюжинич

Условия, в которых хранились находки, полученные во время раскопок в Херсонесе Одесского общества, уже в самом начале работ Археологической комиссии привели Н. П. Кондакова к убеждению, что необходимо создание специального музея, в котором будут сосредоточены все ранее обнаруженные и новые археологические материалы. В 1889 г. он направил в ИАК донесение, где отметил, что в «настоящее время существует ряд складов. 1. В новостроящемся храме сложены лучшие мраморы архитектурного происхождения; 2. В саду монастыря в ограде — колонны, базы и пр.; 3. В музее монастыря (маленький сарай) — надписи, фрагменты; 4. В здании монастыря есть витрина с мелкими древностями; 5. В сарае, где помещается сторож комиссии, мрамор, черепица; 6. В монастырской гостинице, в комнате, занятой для заведующего раскопками, бывший склад предметов. ... Монастырь помещения не даст, если даже будет распоряжение высшей власти»¹.

Особенно настойчив в стремлении «лишить» монастырь добытого на городище, воспрепятствовать существующей торговле древностями² был К. К. Косцюшко-Валюжинич, что не могло не стать одной из

К. К. Косцюшки-Валюжинича с монастырским руководством, извлечения из переписки с Археологической комиссией в связи со строительством здания для размещения находок, а также изложение критики условий их хранения приведены в науч.-попул. кн.: Романчук А. И. Возрождение античного города: Очерк истории изучения Херсонеса. Свердловск, 1991.

¹ Кондаков Н. П. Донесение в ИАК от 27.06.1889 г. // Арх. ИИМК, ф. 1/1889, д. 52, л. 16—18; также см.: Романчук А. И. Н. П. Кондаков и начало систематических раскопок... С. 253—262.

² Факты продажи и хищения находок до 1888 г. были хорошо известны. О торговле древностями в монастыре сообщал в Синод и Канцелярию Императорского двора А. А. Бобринский (см.: Бобринский А. А. — Канцелярия Императорского двора: Ответ Синоду // Арх. ИИМК, ф. 1/ 1894, д. 250, л. 21). Примечательно признание Министерства народного просвещения, финансировавшего до 1884 г. раскопки в Херсонесе: «В 1861 г. по Высочайшему повелению Херсонесский монастырь св. Владимира был возведен в первоклассный. С этого времени архимандрит Евгений производил раскопки

причин конфликтов с монастырским руководством. Но, как полагала И. А. Антонова¹, противоречия с монастырем были заложены с самого начала раскопок К. К. Косцюшки-Валюжинича. В основе их лежало не столько его «инославное» происхождение, в чем его упрекали постоянно, сколько амбиции церкви. Касаясь вопроса о переходе контроля раскопок под эгиду Археологической комиссии, она писала, что «изъятие раскопок из ведения Одесского общества и Херсонесского монастыря прошло бы менее болезненно, если бы в число членов комиссии, ответственных за раскопки, был включен представитель Херсонесского монастыря. Дипломатическая ошибка повлекла за собой тяжкую обиду, наложив отпечаток на все последующее течение дел. Дело еще более осложнилось постоянной, то скрытой, то явной, борьбой Императорской археологической комиссии и Московского археологического общества», возглавляемого, как она писала, «энергичной, но своенравной графиней П. С. Уваровой»².

Большая часть столичных историков была убеждена, что все наиболее ценные находки должны храниться в Императорском Эрмитаже или Историческом музее, менее ценные или массовые могли быть использованы для пополнения провинциальных музеев или остаться в Херсонесе. К примеру, И. И. Толстой (1856–1916) — член ИАК, один из крупнейших специалистов в области византийской нумизматики — сомневался в необходимости строительства музея в Херсонесе, поскольку «все лучшие вещи находятся в музеях и требовать все это обратно для сокрытия в захолустном хранилище, немислимо. Если

и из находимых предметов образовал нечто вроде музея, часть найденных вещей была им отправлена в Москву на Политехническую выставку, откуда не возвратилась, многие же предметы, если верить молве, он продавал и даже присвоил себе. В 1884 г. вследствие истечения средств, до будущих частных пожертвований Общество прекратило раскопки. Из-за этого оно не смогло также устроить из находимых мраморов нечто подобное музею» (из Отношения Министерства народного просвещения в канцелярию Императорского Двора // Арх. ИИМК, ф. 1/1887, д. 22, л. 11–15).

¹ Антонова И. А., Филиппенко В. Ф. Монастыри Крыма. С. 152.

² Там же.

найдут что хорошее, то оставленное там, оно будет сокрыто от всей, а не большинства публики. Только громоздкие вещи, дубликаты оставлять, устроить обычный музей, хотя бы в базилике»¹.

Даже после создания Склада древностей А. А. Бобринский постоянно напоминал К. К. Косцюшке-Валюжиничу, что политика изъятия некоторых находок осталась неизменной: «О посылке в Исторический музей и Эрмитаж — то приготовьтесь со временем к такой разлуке с Вашими детищами! Есть предметы, коим место в центральных му-

¹ Толстой Ив. И. — В. Г. Тизенгаузену, 09.07.1887 г. // Арх. ИИМК, ф. 1/1887, д. 22, л. 29. В 1896 г. отвечавший за Южный отдел в ИАК Ф. А. Браун писал К. К. Косцюшке, что в деле передачи всех находок из монастыря «Комиссия по известным соображениям должна действовать с осторожностью, и хотела бы, по возможности, избежать резких мероприятий. Поэтому Вы должны пока примириться с существованием монастырского музея. Решено пока только просить монастырь выслать в Петербург Диофантову надпись для Эрмитажа, как выдающийся эпиграфический памятник, сохранение которого недостаточно обеспечено в монастырском музейчике. Что будет дальше, увидим» (Браун Ф. А. — К. К. Косцюшке-Валюжиничу, 12.01.1896 г. // Арх. НЗХТ, д. 40, л. 8 об.). Подтверждением намерения ИАК добиться изъятия у монастыря эпиграфических памятников, изучению которых придавалось большое значение, являются и слова А. А. Бобринского: «Мы начинаем с Диофантовой надписи и уже написали монастырю. Это вызовет бурю, быть может, мы победим!» (Бобринский А. А. — К. К. Косцюшке-Валюжиничу, 01.02.1898 г. // Арх. НЗХТ, д. 40, л. 13). Стремление заведующего городищем «все древности, находимые во время производства монастырских работ», немедленно перенести в музей объяснялась прежде всего заботой об их сохранности, «т. к. мраморы с надписями и орнаментами могут подвергнуться повреждению» (Косцюшко-Валюжинич К. К. Отношение в ИАК от 06.01.1895 г. // Арх. НЗХТ, д. 42. № 45).

Примечательным является отношение к провинциальным музеям одного из выдающихся специалистов в области византийской сфрагистики Н. П. Лихачева (1862—1936), который писал, что «есть резон грабить провинциальные музеи, но нужно, чтобы Археологическая комиссия оставляла дубликаты. Например, в Помпеи видишь только стены, но к вечеру, возвратясь в Неаполь, все осмотришь в Помпейском музее. В Крыму же археолог будет разочарован, увидев пустые стены Керченского музея, не говоря о Херсонесе» (Лихачев Н. П. — П. С. Уваровой, 05.1889 г. // Арх. ГИМ. ОПИ, ф. 17, ед. хр. 558).

зях. Не усматривайте в этом направлении Комиссии покушение на Вас»¹.

Во время строительства собора в память крещения Руси планировалось использовать для украшения возводимого храма собранные в прежние годы лучшие мраморные детали, орнаментированные плиты и капители. Н. П. Кондаков резко выступил против этого: «Нельзя разрешить сооружение иконостаса из древних мраморов»².

Разрешение на строительство здания для хранения находок было дано только в 1892 г.³, двумя годами ранее К. К. Косцюшко предлагал соединить в одном здании морской музей, расположенный в центре города, с археологическим⁴.

Предполагалось, что для музея Археологической комиссии следует восстановить одну из базилик. Это вызвало критические замечания А. Л. Бертье-Делагарда: Для «восстановления больше всего подошла бы Уваровская базилика (№ 23) или один из храмов на главной площади. ... Уваровская базилика находится на самом берегу и подмывается морем, а храм рядом со строящимся собором будет подавлен его размерами». Рассматривая возможность восстановления «базилики в базилике» (№ 15), А. Л. Бертье-Делагард заметил, что при этом «ничего древнего не останется». Он подчеркнул, что внешне базилики имели вид сарая и «трудно будет внушить публике, что такая постройка есть подражание древней, а не неяршливость современного зодчего»⁵.

Наконец, было решено возвести обычное здание из камня, из которого в средневековом Херсонесе строились дома. По этому поводу К. К. Косцюшко-Валюжинич писал: «Во время посещения граф

¹ Бобринский А. А. — К. К. Косцюшке-Валюжиничу, 01.02.1898 г. // Арх. НЗХТ, д. 40, л. 12–13.

² Кондаков Н. П. — В. Г. Тизенгаузену, 13.05.1888 г. // Арх. ИИМК, ф. 1/1887, д. 22, л. 65.

³ Отношение из ИАК — К. К. Косцюшке-Валюжиничу, 12.05.1892 г. // Арх. НЗХТ, д. 38, л. 94.

⁴ Косцюшко-Валюжинич К. К. — ИАК, 26.03.1890 г. // Арх. НЗХТ, д. 38, л. 33.

⁵ Бертье-Делагард А. Л. — ИАК, 03.01.1891 г. // Арх. ИИМК, ф. 1/1890, д. 26, л. 157.

(А. А. Бобринский. — А. Р.) в принципе решил вопрос о необходимости постройки музея для хранения найденных вещей, число которых увеличится передачей из монастырского музея. Музей должен быть совершенно изолирован от монастырского хозяйства»¹.

¹ Косцюшко-Валюжинич К. К. — В. Г. Тизенгаузену, 28.08.1891 г. // Арх. ИИМК, ф. 1/1891, д. 20, л. 49. Заметим попутно, что в годы, о которых выше шла речь (1888—1891), К. К. Косцюшко-Валюжинич совмещал службу в банке и безвозмездные занятия археологией. Создание музея и раскопки делали это невозможным, и он был вынужден обратиться к А. А. Бобринскому с просьбой о назначении жалованья: «Успешное ведение археологических раскопок в Херсонесе обусловлено главным образом моим постоянным присутствием на месте работы. До 1.01 сего года я служил по выборам правления Севастопольского городского банка с содержанием в 1200 руб. в год и мог, конечно, посещать херсонесские раскопки только в свободное время. Не искать дальнейшей службы мне не позволяют материальные средства, но любя занятие археологией и сознавая, что могу быть полезен для дела, порученного мне Комиссией, я позволяю себе предложить последнее — не будет ли признано целесообразным ... назначить меня заведующим раскопками с жалованием 1200 руб. в год» (Косцюшко-Валюжинич К. К. — А. А. Бобринскому, 01.02.1891 г. // Арх. НЗХТ, д. 38, л. 37).

В 1906 г. его оклад составлял 2250 руб. (см.: Послужной список К. К. Косцюшки-Валюжинича // Арх. ИИМК, ф. 1/1891, д. 149, л. 71). Первоначально на раскопки в Херсонесе отпускалось 4 тыс., с 1898 г. — 6 тыс. руб. (см.: Высочайшее повеление от 22 августа 1898 г. // Арх. ИИМК, ф. 25/1997, д. 236, л. 2). Указанные суммы по тем временам являлись значительными. Будучи главой большой семьи, К. К. Косцюшко-Валюжинич нуждался в средствах. В дополнении к биографии, посланном в ИАК, он перечислил своих детей: Петр — штурман дальнего плавания, 1874 г. р.; Елизавета — жена капитана Косовича, 1876 г. р.; Павел — поручик флота, 1877 г. р.; Любовь — жена поручика армии В. Рота, ставшего помощником К. К. Косцюшки-Валюжинича, 1879 г. р.; Мария, 1881 г. р.; Дмитрий — штурман дальнего плавания, 1884 г. р.; Ксения, 1890 г. р. (см.: Косцюшко-Валюжинич К. К. — ИАК, 05.04.1905 г. // Арх. ИИМК, ф. 1/1891, д. 149, л. 64). После смерти К. К. Косцюшки, его вдова, урожденная Равелиоти, бывшая ранее замужем за дворянином Джексонсом, проживала с дочерью Марией в Севастополе на ул. Малой Морской, 3. Ей и ослепшему во время Русско-Японской войны сыну Петру, ставшему алкоголиком, была назначена пенсия. Возможно, постоянная нужда в сред-

Появление Склада древностей привело к осложнению взаимоотношений с монастырским руководством, считавшего, что находки принадлежат монастырю. К. К. Косцюшко-Валюжинич постоянно писал об этом А. А. Бобринскому; и Археологическая комиссия постепенно, но последовательно начала проводить политику сначала контроля над монастырским Древнехранилищем, а затем и изъятия находок из рук монастыря. В одном из официальных документов говорится, что «для помещения находок в монастырское *древнехранилище* (выделено в тексте) каждый раз необходимо получать Высочайшее соизволение»¹. Руководство ИАК подчеркивало, что «все вещи в принадлежат Комиссии, после подготовки отчетов отправляются в Эрмитаж и другие учреждения, громоздкие остаются в Складе Древностей. Склад Древностей имеет лишь цель дать случайным посетителям Херсонеса некоторые образчики находимых здесь предметов и тем возбудить в них интерес к исследуемой местности»². К. К. Косцюшке-Валюжиничу напомина-

ствах для обеспечения семьи, активная жизненная позиция и стремление к популяризации исторических свидетельств о Таврике обусловили попытку К. К. Косцюшки-Валюжинича наладить издание газеты «Новости Крыма» (см.: Главное управление по делам печати — ИАК, 26.10.1901 г. // Арх. ИИМК, ф. 1/1891, д. 149, л. 37—39). Разрешение было дано. В программе газеты предусматривалась публикация научных статей по археологии, истории и этнографии.

¹ Копия отношения из ИАК от 02.11.1899 г. Док. № 1.928 // Арх. НЗХТ, д. 40, л. 103—104. Когда в очередной раз возник конфликт с церковным руководством (К. К. Косцюшко-Валюжинича обвинили в том, что он рассылает находки по различным музеям), А. А. Бобринский вынужден был указать, что «Разрешение на это зависит от ИАК. Ее право на распределение находок в Эрмитаж и Исторический музей остается. Для ученых (необходим) свободный доступ в хранилище церковных древностей. Обязанность Косцюшки: посещение (его) и при отступлении от правил информировать настоятеля монастыря. Все древности, случайно находимые при хозяйственных работах, передаются под расписку Косцюшке» (Бобринский А. А. Отношение ИАК в Министерство Императорского двора, 10.09.1898 г. (рукописная копия, сделанная К. К. Косцюшкой-Валюжиничам // Арх. НЗХТ, д. 40, л. 99—100).

² Бобринский А. А. — Министру Императорского двора, 29.03. 1899 г. // Арх. ИИМК, ф. 1/1894, д. 250, л. 9.

ли: «Имейте постоянно в виду, что 1) Нынешняя коллекция Вашего Склада имеет значение временное. 2) Археологическая комиссия по уставу не устраивает музеев. 3) Ни один специалист не станет изучать Херсонесские древности по слепкам и фотографиям, если имеет возможность изучать их в Москве или Петербурге по подлинникам. 4) При этом изготовление и слепков, и фотографий требует новых расходов, которые лучше употребить на раскопки. 5) Вряд ли целесообразна продажа изданий Комиссии при Вашем складе (накануне получения данного послания из ИАК, К. К. Косцюшко-Валюжинич просил разрешить продажу Отчетов ИАК в Херсонесе. — А. Р.). Притом стоит ли открывать лавку для 3—4 человек? Ведь большая часть Ваших посетителей, вероятно, в большинстве богомольцы. Проку от этого для археологии не будет, даже если Вы измените вывеску. Впрочем, обо всем доложу Комиссии. ... Пока сообщаю Вам личное мнение»¹.

¹ Тизенгаузен В. Г. — К. К. Косцюшке-Валюжиничу, 14.06.1895 г. // Арх. НЗХТ, д. 39, л. 175. Примечательна приписка на письме, сделанная рукой К. К. Косцюшки: «Взгляд кабинетного ученого, никогда не бывавшего в Херсонесе, который поэтому приравнивает его к тем городищам, где действительно нет смысла устраивать музей. В Херсонесе раскопки продлятся еще целое столетие, и неужели все древности будут постоянно перевозиться в Петербург или Москву? Я уверен, что вопрос о местном музее есть только вопрос времени». В. Г. Тизенгаузен, будучи «кабинетным ученым» (выражение К. К. Косцюшки-Валюжинича), оставил след и в истории изучения Херсонеса-Херсона. Его перу принадлежит своеобразная хрестоматия — переводы из трудов восточных авторов (Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884), без обращения к которому трудно обойтись и в наши дни. В одном из посланий в ИАК К. К. Косцюшко высоко оценил заслуги своего корреспондента. Сообщая о раскопках гробниц с внешней стороны оборонительных стен, он писал, что они обещают «в будущем поставлять временами такие же сокровища самой цветущей эпохи греческого искусства, какими обогащали в свое время Эрмитаж, последние из могикан, благополучно здравствующие И. Е. Забелин и В. Г. Тизенгаузен» (Косцюшко-Валюжинич К. К. — Ф. А. Брауну, 05.03.1899 г. // Арх. НЗХТ, д. 40, л. 70). Старший член ИАК Владимир Густавович Тизенгаузен не был «кабинетным ученым». В 1870 г. он осуществлял археологические исследования на Таманском полуострове, изучал курганы и городища Кубани, производил раскопки около Абинской станицы в 1879 г. (см.: ОАК за 1894 г. СПб., 1896. С. 13).

Книга посетителей, которую завел К. К. Косцюшко-Валюжинич, свидетельствует о значительном интересе и к раскопкам, и к музею. Среди тех, кто работал с находками непосредственно в Херсонесе, значатся имена таких историков, как Н. И. Веселовский, А. А. Спицин, И. Е. Забелин, В. В. Латышев, А. С. Лаппо-Данилевский, Ю. А. Кулаковский, А. В. Орешников, Ф. А. Браун¹, Г. Шлюмберже (автор исследований по византийским печатям). На страницах книги посетителей стоят имена художников и архитекторов (В. Верещагина, А. Корзухина², Н. М. Чагина), писателя В. И. Немировича-Данченко, артистов (М. Савиной, Ф. Горина), высших военных чинов. Среди посетителей были и просто любители истории.

Посылая в ИАК выписку из книги посетителей, К. К. Косцюшко отметил: «В 1898 г. расписалось — 3 182, в 1899 — 3 434, 1900 — 5 128, 1901 — 6 507, 1902 — 8 151 человек». Всего же за 1898–1902 гг. он насчитал 26 452 посетителя³.

В период, когда решался вопрос об изъятии раскопок из рук монастыря, в Записке, как она озаглавлена, императору П. А. Уварова писала: «Труден и тернист путь, по которому пойдут первые работники и исследователи испорченного хищениями Херсонеса».

К рубежу тысячелетий К. К. Косцюшко-Валюжинич прошел часть этого пути — в Херсонесе появился музей, ставший его гордостью.

¹ По предпринятой А. А. Бобринским реорганизации ИАК, суть которой состояла в выделении отделов и членов комиссии, которые ведали каждым из них, южный — второй по значимости — стал подведомственным Ф. А. Брауну. После одного из посещений Херсонеса он писал К. К. Косцюшке, что необходима общая канва музея (см.: Браун Ф. А. — К. К. Косцюшке-Валюжиничу, 08.10.1897 г. // Арх. НЗХТ, д. 39, л. 208).

² А. И. Корзухин (1835–1894) принимал участие в росписи Владимирского собора (об этом см.: Золотарев М., Хапаев В. Херсонесские святыни. Севастополь, 2002. С. 101).

³ Выписка из книги посещения Херсонесского музея с 19.05.1888 г. по 01.01.1898 г. // Арх. ИИМК, ф. 1/1888, д. 73, л. 2–5 (только за осень и начало зимы 1892 г. отмечено 534 человека, интересовавшихся историей Херсонеса (Там же. Л. 5). Конечно, эти цифры нельзя сравнивать с современным «музейным бумом», с тем потоком, который можно увидеть в наши дни у дверей Эрмитажа или какого-то другого столичного музея.

И поэтому для него большое значение имело одобрение высочайших особ. Извещая А. А. Бобринского о визите императорской семьи, он отметил, что со слов военного министра Куропаткина, «государь вынес хорошее впечатление о нашем древнехранилище»¹.

Справедливости ради, следует отметить, что председатель ИАК А. А. Бобринский заботился «о моральном поощрении» К. К. Косцюшки. После раскопок 1899 г., когда была открыта античная оборонительная стена, он добился награды для него, а во время приема у императора с похвалой отозвался о заведующем городищем. Запись беседы Николая II и председателя ИАК сохранилась среди архивных документов.

Бобринский: Есть блестящие открытия, Ваше Величество.

Император: В Керчи? Ну, слава богу!

Б.: А главное, в Херсонесе. Здесь открыта древнегреческая стена.

Им.: Да, я читал об этом в газетах.

Б.: Я был в Херсонесе в этом году. Открыта великолепная стена, она прекрасно сложена. Фундаменты ее обнаружены на большой глубине; очищена стена — выше этой комнаты. Это будет для Вас приятным сюрпризом, когда Вы еще раз пожелаете в Херсонес

Им.: Непременно, ведь там у Вас добрейший Валюжинич...

Б.: Косцюшко-Валюжинич, через «С» и «Ц», Ваше Величество, а не Костюшко. Он особенно настаивает, чтобы не смешивать эти фамилии².

Им.: Когда я был в Херсонесе, он мне предсказал это открытие. Я помню, он говорил, что на том месте, где мы стояли, он уверен, что должны быть древние городские стены.

Б.: Я очень счастлив, что Вам было угодно милостиво отозваться о Косцюшко. Этот человек всецело предан делу, посвящающий ему все свое время. Его винят, что он католик.

Б.: Но он вполне русский человек. Я нынче познакомился с его семьей. Дочери его замужем за офицерами, сын его на морской службе.

¹ Косцюшко-Валюжинич К. К. — А. А. Бобринскому, 26.08.1898 г. // Арх. НЗХТ, д. 40, л. 35. Несколькими днями позднее он сообщил, что император пробыл в Складе древностей 40 мин, а в Древнехранилище монастыря всего 10 мин. (см.: Косцюшко-Валюжинич К. К. — А. А. Бобринскому, 06.09.1898 г. // Арх. НЗХТ, д. 40, л. 42 об.).

² Для императорской семьи являлись не особенно приятными напоминания о восстании 1794 г. под руководством Тадеуша (Андрея) Костюшки.

Им.: Вы с ними в Херсонесе познакомились?

Б.: Да, Ваше Величество. Это чисто русская семья, в которой все мужчины военные.

Им.: В самом деле? Я рад, что ему посчастливилось. ...

Б.: Ваше Величество, теперь следует спасти Ольвию.

Им.: А что? Разве ее расхищают?

Б.: Грабят, Ваше Величество! Следует сделать для Ольвии то же, что и для Херсонеса.

Им.: Ведь это покойной мой отец положил начало херсонесским раскопкам?

Б.: Да. Ваше Величество, Государю Императору Александру было угодно начать это дело.

Им.: Удивительно, как успешно пошло дело.

Б.: Да, Ваше Величество. Сделайте это для Ольвии.

Им.: Следовало бы там учредить особую небольшую комиссию.

Б.: Надо там посадить второго Косцюшку. Пусть он засядет и примется за дело с такой же энергией¹.

А. А. Бобринский снял подозрения относительно происхождения К. К. Косцюшки-Валюжинича. Сложнее было с обвинениями в «инославии».

В 1899 г. после осмотра Склада древностей епископ Николаевский и Таврический Николай поднял вопрос о передаче монастырю «священных предметов» из раскопок. В отзыве в книге посетителей он сделал запись, в которой высоко оценил вклад К. К. Косцюшки в изучение херсонесских древностей. После похвальных слов Владыки полной неожиданностью стало его обращение в Синод, в котором говорилось: «С 1888 г. при Херсонесском монастыре производятся раскопки Археологического общества, представитель коего живет при монастыре. ... Изучена 1/5 городища. ... До настоящего времени обнаружено 37 храмов, в одном из них найден престол, а под престолом ковчег с частицами мощей, находят кресты, кадила, иконы и проч.

¹ Точная запись слов Государя Императора, которыми был осчастливлен Председатель ИАК Бобринский при представлении его в Гатчине 1.12.1899 г. Его Величеству по случаю назначения графа членом комиссии, учрежденной при Государственном Совете для рассмотрения жалоб, вносимых в Сенат // Арх. ИИМК, ф. 1/1891, д. 250, л. 16–17.

Между тем все эти предметы, по усмотрению г. Косцюшки, отправляются то в Эрмитаж, то в Москву, то в другие места. Случается так, что вещи берутся разрозненно, например, серебряный ковчег отправлен в Эрмитаж, а мощи, там хранившиеся, — в Херсонесский монастырь. Я полагаю, что подобное отношение к делу не может быть названо вполне научным». И далее епископ полагал: «В скором времени будут открыты еще более ценные предметы. Если мое предположение не ошибочно, то в открытых развалинах был монастырь, в котором жил епископ Херсона, где была усыпальница епископов»¹.

Именно в эти дни был поднят вопрос о вероисповедовании К. К. Косцюшки редакцией газеты «Крым» (1899, № 157), считавшей, что «инославие исследователя» является причиной неуважительного отношения к «православным храмам». В ответ на заметку К. К. Косцюшко-Валюжинич писал: «Упоминание имени Владыки вынудило предложить редактору опровержения после разговора с епископом Николаем, что слова “ученое расхищение, раскопки ведутся довольно небрежно” могут быть отнесены только ко времени до 1888 г. Вот что написал Владыка: “Осматривал музей и скорбел, что у нас при Херсонесском монастыре до сих пор не сделано еще отделения для церковных вещей”. ... Редактор продолжает настаивать, что “научное расхищение” вполне правильно по отношению к такому способу хранения древностей, благодаря которому все христианские памятники, имеющие громадное научное значение, пересылаются в Императорский Эрмитаж, а не сохраняются в ризницах местных монастырей. Неужели редакция думает, что в последних хранилищах эти сокровища будут более доступны для научного изучения и менее подвержены возможности профанации со стороны молодых зрителей-послушников, не имеющих ни самонаименованного понятия о значении показываемых ими памятников.

¹ Николай, епископ Таврический и Симферопольский. Отношение в Синод, 26.06.1899 г. // Арх. ИИМК, ф. 1/1894, д. 250, л. 19—20. В послании искажены факты. К этому времени К. К. Косцюшко уже стал штатным сотрудником ИАК. Возможно, не желая того, Владыка писал о том, к чему стремился К. К. Косцюшко-Валюжинич: не допускать отсылки находок в различные музеи. Развалины монастыря, упомянутого Преосвященным, — это южный загородный храм. Он ошибся: ценных предметов при его раскопках не обнаружено.

Редактор верно забыл, что ... когда раскопками заведовал монастырь, десять лет назад на месте древней часовни с остатками превосходной фресковой живописи, внутри апсиды, устроена была выгребная яма. ... И мне удалось спасти один камень с уцелевшей частью лика Богородицы».

В ответ на замечание редактора: «Дело в том, что для г. Косцюшко-Валюжинича, как историка-археолога, притом не православного, находимые предметы церковного православного обихода не могут представлять другого интереса, кроме археологического, для нас простых смертных эти вещи прежде всего — родная святыня», К. К. Косцюшко не без иронии заметил: «Беру на себя смелость разочаровать его, разъяснив, что жители византийского Херсонеса были “простыми христианами”, т. к. прискорбное разделение церквей на восточную и западную произошло лишь в 1054 г., а потому, чтобы производить раскопки не только в Херсонесе, но и в Византии, Риме, Равенне и остальных центрах древнехристианского мира, совершенно достаточно быть просто христианином. ... Г. Редактору остается внести проект в греческий парламент и предложить свои услуги организовать новый археологический штат, вместо подлежащих немедленному удалению немецких и английских ученых. Кстати, мы стоим на пороге XX в.

... Скорблю, и, конечно, не менее редакции “Крым” в том, что лишен всякой возможности поддержать и сохранить все открытые при раскопках храмы, часовни, здания, водопроводы, городские стены, короче: весь древний Херсонес, как колоссальный музей. ... Идея открытия в Херсонесе при новом храме отделения музея прекрасна и впервые была высказана покойным профессором Н. М. Мурзакевичем. Думается, что энергичному и просвещенному Владыке удастся ее осуществить. Для этого необходимо достичь согласия»¹.

Участниками «дискуссии» после ознакомления с посланием Владыки стали Синод, Министерство Императорского двора и ИАК. А. А. Бобринский вынужден был напомнить, что раскопки производятся не частным лицом, как был охарактеризован К. К. Косцюшко-Валюжинич, а «единственным правительственным учреждением, которое отдаст

¹ Косцюшко-Валюжинич К. К. О раскопках в Херсонесе (Письмо в редакцию) // Салгир. 1890. 24 июля. Л. 1.

отчет в своих действиях непосредственно высшей власти, причем не на частные средства и не по частной инициативе. ... Высочайшим повелением строго запрещается монахам производить раскопки и продавать найденные вещи. Чтобы дать возможность крупным ученым изучать находки, они распределяются, монаршей волей, по немногим музеям, а дубликаты остаются в Херсонесе. Учреждение при Херсонесе особого музея для священных предметов, предполагаемое Преосвященным Николаем, представляло бы значительные неудобства. Не говоря уже о том, что Херсонесский монастырь не располагает научными, специально подготовленными силами, которым можно было бы вверить управление музеем без ущерба для науки; нельзя ни обратить внимания на то, что если бы в этот музей поступали все предметы церковного обихода в Херсонесе, этим еще сильнее раздроблялись бы находки и в значительной степени затруднялась бы научная их обработка. Наконец, нельзя не заметить, что предметов, являющихся действительно святыней для Православной церкви, в Херсонесе находится весьма мало».

Для того, чтобы сгладить обстановку, глава ИАК дипломатично заметил: «ИАК готова передавать священные предметы, если они будут находимы, для хранения в ризнице при храме св. Владимира, но в каждом отдельном случае будет испрашиваться Высочайшее соизволение. Во всяком случае, если и возможно учреждение особого склада христианских древностей, то только в качестве отделения общего склада ИАК и под единственным и непосредственным ведением лица, заведующим раскопками»¹.

К. К. Косцюшко считал, что обвинения в «инославном исповедовании», о чем ему постоянно напоминало руководство монастыря во

¹ Бобринский А. А. — Канцелярия Императорского двора, 02.11.1899 // Арх. ИИМК, ф. 1/1894, д. 250, л. 21–22. В последующем К. К. Косцюшко разработал проект отделения музея для церковных древностей, в котором определил круг экспонируемых находок, правила хранения, порядок передачи, обязательный контроль со стороны ИАК (Косцюшко-Валюжинич К. К. — ИАК, 1899 г. // Арх. НЗХТ, д. 40, л. 333; также см.: Архив ИИМК, ф. 1/1899, д. 197, л. 5–6). В одном из писем он признавался, что «невыносимо тяжело бороться с невежественными и двуличными людьми» (из письма к А. А. Бобринскому // Арх. НЗХТ, д. 39, л. 150).

время конфликтов, вызваны тем, что «архимандрит не может забыть, что археологические раскопки велись когда-то под его наблюдением и не теряет надежды вернуть эти времена»¹.

Начало XX в.

Начало нового столетия принесло новые тревоги. На территории городища предполагалось соорудить казармы и лагерь крепостной артиллерии. По этому поводу К. К. Косцюшко-Валюжинич сообщал в ИАК, что отчуждение восточной оконечности городища, территории его с запада и юга с «монументальной, единственной по красоте и сохранности оборонительной стеной, относящейся ко всем трем эпохам истории Херсонеса, — при неизбежном и вполне законном применении тех строгих мер, которые необходимы, ... совершенно уничтожит значение Херсонеса, как чего-то цельного, достойного изучения не только со стороны наших, но и иностранных ученых и заслуживающего, во что бы то ни стало, быть сохраненным от разрушения, как первоисточника просвещения и религии нашего отечества»².

В другом послании в ИАК он признает, что «не может быть речи о стремлении в местности важной крепости превратить весь Херсонес в археологический музей, но если только предположенное Военным Ведомством отчуждение ... будет подтверждено Высшей властью в полном объеме, а проект устройства херсонесской археологической станции не встретит сочувствия, то делу дальнейшего научного исследования Херсонеса будет, по моему глубокому убеждению, нанесен смертельный удар. Воспитательное значение раскопок для русского народа будет потеряно и за Херсонесом исключительно останется роль поставщика материалов для археологических архивов»³.

Тревоги К. К. Косцюшки разделял и А. А. Бобринский. В одном из писем он жалуется на трудности в связи с Русско-Японской войной и от-

¹ Косцюшко-Валюжинич К. К. — А. А. Бобринскому, 17.06. 1896 г. // Арх. НЗХТ, д. 39, л. 212.

² Косцюшко-Валюжинич К. К. — ИАК // Арх. НЗХТ, д. 40, л. 125.

³ Косцюшко-Валюжинич К. К. Рапорт в ИАК, 21.10.1906 г. // Арх. НЗХТ, д. 41, л. 125—126. Обратим внимание, что еще при К. К. Косцюшке возникла идея устройства Археологической станции в Херсонесе.

мечает: «Конечно, о нашем музее теперь говорить напрасно. ... Хорошо, что вообще не сократили бюджета на раскопки. ... Зимой, если все пойдет гладко, надеюсь привезти книгу. Собрал я в этой книге все, что сумел, и, в общем, выйдет интересный том, насколько могу судить сам»¹.

Нереальность мечты о хорошем здании для музея в изменившейся ситуации К. К. Косцюшко-Валюжинич великолепно сознавал. Вместе с тем он настаивал на строительстве. Так, пересказывая беседу с инженером Н. И. Третеским², отметил: «Мы пришли к бесспорному заключению, что для Херсонеса, который никогда не достигнет значения Рима или Афин, было бы нецелесообразно строить стотысячный музей даже тогда, когда в России некуда было бы девать денег, в настоящее же тяжелое время приличествует нам совсем отказаться от ходатайства об особой сумме для музея, но так как постройка его безотлагательно необходима, как вследствие переполнения нынешнего сарая, так и по важным военным соображениям, то необходимо приступить к постройке скромного, но вполне приличного и вместительного музея. ... Жутко становится при мысли, что не доживу до нового музея. А мне так хотелось бы собственноручно все устроить и убрать в новом здании»³.

Показательным является признание К. К. Косцюшки-Валюжинича: «Я так предан делу расследования Херсонеса и, как фанатик, так далеко зашел, что возврата нет! Для меня расстаться с Херсонесом, то же самое, что расстаться с жизнью»⁴.

¹ Бобринский А. А. — К. К. Косцюшке-Валюжиничу, 17.08.1904 г. // Арх. НЗХТ, д. 41, л. 64.

² Автор одной из статей: Третеский Н. И. О древних херсонесских замках и ключах // ИАК. 1911. Вып. 42. С. 127—133 (также см.: ИАК. 1905. Вып. 16).

³ Косцюшко-Валюжинич К. К. — ИАК, 14.07.1904 г. // Арх. НЗХТ, д. 41, л. 60.

⁴ Письмо написано после очередного конфликта с руководством монастыря, которое обвинило его в «недружественном отношении» к храмам». Объясняя суть конфликта, он добавил: «Относясь всегда с почтением к архимандриту, я был более строг к себе, чем любой православный, более роялист, чем сам король» (см.: Косцюшко-Валюжинич К. К. — А. А. Бобринскому, 08.07.1896 г. // Арх. НЗХТ, д. 39, л. 219).

Херсонесский музей в 1914 — середине 1950-х гг.¹

Следующий этап в развитии Херсонесского музея связан со становлением новой экспозиции, началом превращения его в поистине научный центр. Способствовали статусному росту получение зданий монастыря и проведенная К. Э. Гриневичем в 1927 г. конференция. Если же говорить о «судьбе находок», то следует отметить их эвакуацию в 1914 г., а затем возвращение на родную землю, что связано с именем Л. А. Моисеева (1882—1946). В следующий раз находки и архивные дела покинули Херсонес в начале Великой Отечественной войны. Безусловно, многотонный груз эвакуировать было сложно. Часть материалов из раскопок городища была «замурована в тайниках». Несколько фраз о Херсонесском музее тех лет с упоминанием имени С. Ф. Стржелецкого, сопровождавшего груз в Свердловск, и А. К. Тахтая (1890—1963), спасавшего от оккупантов то, что не удалось вывезти, содержит статья С. А. Андросова², в основу которой легли материалы Государственного архива Крымской автономной республики.

Дополнением к приведенной им информации являются документы архива заповедника «Херсонес Таврический». Они позволяют более полно представить время, когда приходилось, как писал Л. А. Моисеев, «спасать Херсонес и от белых и от красных», когда господствовавшие в исторической науке идеологические схемы отражались на построении музейной экспозиции. Эти документы, как и переписка К. К. Косцюшки-Валюжинича, фактически не введены в научный оборот³, поэтому при

¹ При выделении этапов (периодов) развития исторической науки, деятельности научных учреждений очень сложно определить строгие хронологические рамки. В предлагаемых ниже разделах внимание уделено наиболее значимым событиям и личностям, которые стали их участниками. Такой подход имеет право на существование, поскольку «уже античная историография в основу деления на периоды помещала события, но не любые, а только значимые» (см.: Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время в поисках утраченного. М., 1997. С. 154).

² Андросов С. А. Музеи Крыма в годы Великой Отечественной войны // ИНК. 2004. № 6—7. С. 172.

³ Выше уже были названы статьи Л. О. Гриненко, которые пока остаются единственными, наиболее целостно освещающими процесс ликвидации монастыря.

реконструкции некоторых событий, относящихся к первой половине XX столетия, цитаты из них будут приведены ниже.

Дело Л. А. Моисеева, ликвидация монастыря и создание советского музея. Радикальные меры, способствующие прекращению разногласий с монастырем, предлагала П. С. Уварова, обращаясь к императору Николаю II: «Главное несчастье Херсонеса — существование на его развалинах монастыря, состоящего, по обыкновению, из подбора грубых и ни к чему не пригодных людей. По Высочайшему повелению монастырь этот был обречен на постепенное и правильное вымирание, так как ему запрещалось без разрешения АК возводить какие-либо постройки, АК отнеслась к этому делу с обычным ей равнодушием, и Ваше Императорское Величество могли убедиться при обзоре Херсонеса, насколько монастырь распространился и раздвинул свои владения. ... Таким образом, благодаря монастырю, расположенному среди древнего города и имеющему многочисленную братию, бродящую по всем развалинам, позволяющую себе по праздности и корыстолюбию производить тайные раскопки и расхищать находки Косцюшко-Валюжинича, — совершенно невозможно производить систематические раскопки, сохранять и восстанавливать находимые памятники, как то делается в более просвещенных государствах, и принимать меры к ограждению древнего города от расхищения как монашеской братией, так и вообще непросвещенными посетителями.

Для того, чтобы Россия могла гордиться своей Помпеей, необходимо поспешно спасти то, что еще осталось, и принять серьезные меры к охранению всего находимого, но цель эта может быть достигнута только при следующих условиях: раскассировать монастырь и передать службу в соборе белому духовенству; слить монастырский музей с главным; отдать главные жилые помещения монастыря под Херсонесский музей. Передать землю в распоряжение того учреждения, которое будет вести раскопки; систематичнее вести раскопки; восстанавливать открываемые здания.

Оградить раскопки от непрошенных посетителей. Устроить сторожки для зрителей, ответственных за сохранность памятников, не пропускать за ограду посетителей без присмотра. Привести музей в порядок и составить описание его предметов»¹. Монастырь был ликвидирован

¹ Ее записка полностью приведена в публикации «Сто лет херсонесских раскопок» (Севастополь, 1927. С. 33—35). См. также: Арх. НЗХТ, д. 40.

через несколько лет после установления Советской власти в Крыму. Но до этого еще многое произошло в Херсонесе.

В 1908 г. в Севастополь из Константинополя был переведен секретарь Императорского Русского Археологического института в Константинополе Р. Х. Лепер (1864—1918). О его раскопках кварталов вдоль главной улицы (1908—1914 гг.) сохранились только краткие заметки в записных книжках, изданные К. Э. Гриневичем¹. Из-за «неблаговидного проступка» сына, не снявшего фуражки перед портретом императора, по настоянию полицейских властей Р. Х. Лепер был отстранен от раскопок в Херсонесе.

В 1914 г. в Херсонес с целью подготовить отчет об исследованиях Р. Х. Лепера и принять у него дела ИАК командирует Л. А. Моисеева. В первые годы пребывания в Херсонесе он вынужден был организовать эвакуацию находок в Харьков, в последующем спасать памятники от разграбления и, наконец, в новых условиях налаживать работу музея. Одновременно Л. А. Моисеев принял участие в разработке проекта по созданию в Херсонесе археологической станции², пытался он и продолжать раскопки³.

¹ Гриневич К. Э. Северо-восточные кварталы Херсонеса Таврического по данным раскопок Р. Х. Лепера // ХСб. 1930. Вып. 3. С. 5—139. После кончины К. К. Косцюшки-Валюжинича в течение нескольких месяцев заведовал раскопками член ИАК с 1902 г. Николай Иванович Репников, в период эвакуации находок в годы Первой мировой войны он являлся секретарем комиссии, с 1922/23 г. — сотрудник Археографической комиссии АН СССР.

² Обращение в Российскую академию наук о создании археологической станции в Херсонесе составлено академиком Н. Я. Марром, Б. В. Фармаковским (см.: Отношение РАИМК в Совнарком Крыма об оказании содействия в организации 1-й археологической станции в Херсонесе, 25.03.1924 г. // Арх. НЗХТ, д. 1562-2, л. 55—56). Проект предусматривал размещение Археологической станции в зданиях монастыря. В ее состав предусматривалось включить музей, библиотеку, лапидарий, где планировалось сосредоточить эпиграфические памятники и скульптуру, а также «рабочую общину для производства раскопок» (см.: Арх. НЗХТ, д. 1572, л. 12).

³ Работы Л. А. Моисеева: Из истории западного побережья Тавриды: Херсонес Таврический и раскопки 1917 г. в Евпатории // ИТУАК. 1918. № 54. С. 241—259; Херсонес и скифы. Симферополь, 1918; План Херсонес-

О том, в каких условиях находились музеи Крыма в первые годы советской власти, свидетельствует отчет первого съезда Крымского областного комитета по делам музеев и охране памятников искусства, старины, природы и народного быта (Крымохриса) в г. Севастополе (октябрь 1922 г. Зав. отделом музеев Главнауки была в то время Н. И. Троцкая; Л. А. Моисеев заведовал Севастопольским отделением Охриса).

В выступлении Л. А. Моисеева на съезде говорилось, что в Херсонесском музее требуется ремонт, что он сильно «страдает от грабежей»; подчеркнуто общегосударственное и мировое значения памятников Херсонеса и то, что «положение Херсонеса носит катастрофический характер; ... раскопанная площадь городища приходит в хаотическое состояние», красноармейцы заваливают места раскопок¹. Директор Керченского музея Ю. Ю. Марти ставил вопрос о «неправильности гегемонии Херсонеса», заметив, что не следует «вывозить все лучшее в Эрмитаж и Москву. Все материалы, добываемые из мест раскопок, должны оставаться для обработки в местных музеях»².

Краткий, но чрезвычайно сложный период деятельности Л. А. Моисеева в Севастополе восстанавливается по документам судебного дела 1924 г.

ского городища. Севастополь, 1923; Следы ирригации, мелиорации и водоснабжения древнего Херсонеса на Гераклейском полуострове: Сообщение на конференции археологов в Керчи 10 сентября 1926 г // Зап. Крым. об-ва ест.-испыт. и любителей природы. 1926. Т. 9. С. 115—122. Ему принадлежит также несколько статей, которые не относятся к истории Херсонеса.

¹ Арх. НЗХТ, д. 1572, л. 23, л. 38.

² Арх. НЗХТ, д. 1572, л. 35. Безусловно, и керченские памятники, и херсонесские одинаково значимы для науки. Но «гегемония» Херсонеса обусловлена — это вполне закономерно — тем, что это хорошо сохранившееся городище, с минимальной застройкой Нового времени. Это город, раскопки которого позволяют проследить особенности развития в античный и средневековый периоды. До настоящего времени византилисты подчеркивают уникальность памятников Херсонеса, лучшую изученность по сравнению с другими византийскими городами, имевшими территориальный континуитет (напр., см.: Brandes W. Die Städte in Kleinasien im 7. und 8. Jahrhundert. B., 1989. S. 120).

Некоторые пункты обвинения возвращают к первому году руководства Л. А. Моисеев Херсонесскими раскопками и музеем. В начале Первой мировой войны Севастополь был обстрелян с германо-турецкого корабля «Гебен», поэтому было предписано срочно эвакуировать упакованные (еще при Р. Х. Лепере) древности в Харьков.

После установления Советской власти Л. А. Моисеев по поручению Всероссийского музейного отдела организовал в Севастополе Комитет по охране памятников искусства, старины, народного быта и природы (1921), в который входили различные специалисты. Они производили оценку частных коллекций. В 1924 г. Л. А. Моисеев был арестован¹. Формальным поводом для судебного разбирательства стали небрежность хранения и хищение находок, так как некоторые из ящиков, реэвакуированных из Харькова, оказались вскрытыми.

Но уже на первом допросе его обвинили в сотрудничестве с «белыми властями»², к которым он обратился, чтобы добиться возвращения от

¹ Бегло остановившись на событиях тех лет, И. В. Тункина полагает, что виновником ареста Л. А. Моисеева был К. Э. Гриневич, занявший впоследствии пост директора. Она пишет, что «по непроверенным сообщениям А. Н. Щеглова и А. С. Голенцова по доносу К. Э. Гриневича Л. А. Моисеев арестован, повод — нарушение финансовой отчетности; вернулся из заключения после Второй мировой войны, поселился в Ялте, прекратил заниматься наукой. Его архив хранится в Ялтинском краеведческом музее» (см.: Тункина И. В. Русская наука о классических древностях... С. С. 497). В документах, отражающих ход судебного разбирательства, имя К. Э. Гриневича не упоминается. Как автор клеветы на Л. А. Моисеева неоднократно назван некий Бирзгал — зам. зав. Крымохрисом — «невежественный в музейном деле» (см.: Заявление от научных работников... в Севастопольский районный комитет Всесоюзной Коммунистической партии (б) // Арх. НЗХТ, д. 1572, л. 125).

² В связи с данным пунктом обвинения следует обратиться к истории с фотографом Н. К. Клуге. Суть ее в следующем: Клуге должен был сделать чертежи об открытых во время раскопок в 1917–1918 гг. памятниках. Как пишет обвиняемый, «Клуге так как не закончена последних чертежей, не был рассчитан, как остальные, ему предоставлена отсрочка до мая. Но и после этого он не сдал чертежей и имущество музея, фотоаппарат и пластинки перенес к себе на квартиру. Узнав о его намерении выехать при первом удобном случае в Константинополь, вынужден был обратиться к прокурорскому надзору в Севастополе с просьбой содействовать в возврате удержанного Клуге.

одного из своих сотрудников (Н. К. Клуге) материалов раскопок и инвентаря музея. Другим пунктом обвинения стала «раздача конфискованного прежним собственникам и неправильное расходование средств».

В дополнении к листу допроса Л. А. Моисеев пояснял, что все «возвраты конфискованного производились не по его личной инициативе, а по распоряжению зав. музейным отделом Наркомпроса Н. Троцкой; которой подчинялась организованная в первые годы Советской власти Секция по делам Охраны при отделе Наробраза Севастопольского Ревкома (секция проработала с января по октябрь 1921 г.). Крымохрис и Севастопольской Комитет знали о частичном возвращении Соввластью и другими Крымскими организациями Охриса имущества бывшим владельцам, так как условий для хранения конфискованных ценностей не существовало»¹.

Собственно в этом и состоит моя вина». Л. А. Моисеев также отметил, что обращение не носило политического характера, так как «менее всего (Клуге) является красным, выехал своевременно с белыми в Константинополь» (Моисеев Л. А. Заявление Начальнику Сев. Отд. ГПУ Народному следователю 3 участка г. Севастополя // Арх. НЗХТ, д. 1572, л. 79; также см.: Моисеев Л. А. Заявление Народному следователю 3 участка г. Севастополя // Арх. НЗХТ, д. 1572, л. 35). Публикатор писем М.И. Ростовцева И. В. Тункина приводит следующие данные о Н. К. Клуге: художник-копиист, фотограф. В феврале 1920 г. эмигрировал в Константинополь; в 1930 г. получил турецкое гражданство, работал в Американском археологическом институте в Стамбуле. Умер в 1947 г., некролог: *Byzantion*. 1948. Т. 18. Р. 352—353.

¹ Моисеев Л. А. Дополнение к листу допроса // Арх. НЗХТ, д. 1572, л. 78. О неправомерности обвинения по этому пункту свидетельствует Постановление Совета народных комиссаров Крыма от 14 октября 1924 г. «О регистрации художественных ценностей в Крыму», где говорится, что производится пере-регистрация всех памятников искусства и старины, находящихся на территории Крымской республики, с целью выявления имеющих «исключительную музейную ценность» для передачи в музеи (основание для оценки — инструкция Наркомпроса). «Предметы, не составляющие музейного значения, выдаются владельцам вместе с охранным свидетельством Наркомпроса по Крымохрису в полное их распоряжение». Но продажа и вывоз за границу воспрещались. Под документом стоит подпись Председателя Совета народных комиссаров Крыма Саид-Галиева (см.: Арх. НЗХТ, д. 1572, л. 52). В связи с обвинением Л. А. Моисеева в «хищении и раздаче ценностей прежним владельцам» следует вспомнить одно из постановлений Совета народных комиссаров, в котором говорилось: «Для

Музейные сотрудники, выступившие в защиту Л. А. Моисеева, сообщали: «Тяжелые годы 1921 и 22 г. — безденежья и голода поставили музеи под угрозу гибели. О деятельности Комитета извещены Главнаука, от лица ее Музейного отдела Н. И. Троцкая давала лестные отзывы данной работе. В октябре комитет прекратил существование. Не имея средств и помещений для охраны собранных вещей, они были розданы прежним владельцам под расписку и обязательство выдать их по первому требованию»¹.

В октябре 1926 г. Л. А. Моисеев был освобожден, однако в скором времени он получил предписание сдать казенную мебель и освободить музейное помещение.

Незадолго до этого распоряжения Л. А. Моисеев сообщал в Российской академии истории материальной культуры, «что не получали кредитов, один сотрудник умер от истощения, реквизированы: пролетка, телефон, фотоаппарат; исследования вести невозможно.

07.11.26 музей разграблен 6 неизвестными лицами в красноармейской форме, которые в запасном помещении, расположенном на берегу моря, выдавили окно, из трех витрин были вынесены вещи и еще два

создания государственного запаса предметов роскоши и старины для вывоза за границу создать экспертные комиссии. На них возлагался отбор, классификация, оценка и учет предметов для экспорта художественных ценностей и антиквариата. Все учреждения должны допускать комиссию, предоставлять ей вещи к осмотру, кроме музеев Республики и хранилищ государственного музейного фонда, состоящих в ведении Главмузея». Постановление датировано 07.02.1921 г. и подписано В. Ульяновым и управляющим делами Н. Горбуновым (копию см.: Арх. НЗХТ, д. 1563, л. 5). При этом, согласно мандату Чрезвычайной Комиссии при Совете Труда и Обороне от 08.09.1921 г. № 64, предписывалось «допускать к осмотру помещений и находящихся в них ценностей художественных и ценных предметов, выдавать их под расписку». Подлежали оценке, отбору и вывозу картины, статуи, бронза, медали, монеты. Подпись Г. А. Бонч-Осмоловского (копию см.: Арх. НЗХТ, д. 1563, л. 9). При чтении данных документов встает вопрос: кто же расхищал бесценные памятники прошлого и была ли «вина» Л. А. Моисеева, вернувшего на время некоторые памятники искусства прежним владельцам, большей в сравнении с теми лицами, которые подписали приведенные выше постановления.

¹ Заявление от научных работников... в Севастопольский районный комитет Всесоюзной Коммунистической партии (б) // Арх. НЗХТ, д. 1572, л. 125.

ящика с находками. Нарушен порядок размещения экспонатов. Похищенное потоптано ногами. Произведенное дознание результатов не дало»¹. Извещал он и о необходимости безотлагательных мер, иначе «от открытых в течение этих лет (с 1888 г.) памятников, оставленных на месте, из находок, собранных, в том числе в Херсонесском музее, останутся вновь одни лишь беспризорные и расхищенные стихией и человеком, потерявшие всякое научное значение, руины».

Препятствовать расхищению, как отмечал советский директор, чрезвычайно сложно, так как «городище не изолировано, вместо Музея здесь имеется лишь развалившийся сарай, уже со времени сооружения именовавшийся Складом Древностей. Центральная часть городища (где много важных памятников, в том числе и не раскопанных) занята монастырем с усадьбой, со всеми имеющимися там многочисленными, первоклассного значения, античными сооружениями, находится вне ведения Херсонесской дирекции, несмотря на Декрет Крымревкома № 450». Спасти положение могла бы передача всех зданий монастыря музею².

В январе 1924 г. было принято решение Крымского ЦИКа о ликвидации монастыря; последних еще остававшихся здесь монахов попросту изгнали из Херсонеса. В следующем году в бывших зданиях монастыря разместилась первая советская экспозиция, где она находится и по сей день. Вместо Склада Древностей возникает Херсонесский историко-археологический музей, со временем превратившийся в один из крупнейших научных центров в Крыму. Начало положено в 30-е гг. XX в. Л. А. Моисеевым³ и сменившим его К. Э. Гриневичем (1891–1970).

В 1927 г. в Херсонесе была проведена конференция, посвященная столетию раскопок, на которой подведены итоги и намечены задачи

¹ Моисеев Л. А. Отношение в РАИМК // Арх. НЗХТ, д. 1572, л. 21.

² Моисеев Л. А. Отношение к Завглавнауккой Наркомпроса, 22.09.1922, № 521 // Арх. НЗХТ, д. 1572, л. 16.

³ Вскоре после освобождения Л. А. Моисеев переехал в Ялту. Последнее его выступление на одной из конференций относится к 1939 г. (см.: Моисеев Л. А. Иранские системы водоснабжения в Крыму // Третий Международный конгресс по иранскому искусству и археологии: Доклады. М.; Л., 1939. С. 135–137).

по археологическому исследованию городища¹. В кратковременный период директорства бывшего председателя Севастопольского общества по охране памятников старины (Севоблоохрис) К. Э. Гриневича заложены основы систематического, планомерного изучения кварталов, расположенных в наиболее разрушаемой морем северной части городища (1925—1930). По его инициативе предпринято обобщение и публикация записных книжек Р. Х. Лепера.

При К. Э. Гриневиче производилось также исследование округа Херсонеса. Широко разрекламированными, но не приведшими к научному успеху стали поиски «ушедшего под воду города» в 1929—1930 гг.².

В 1933 г. К. Э. Гриневич был арестован, будучи обвиненным в

¹ Гриневич К. Э. О плане дальнейшей научно-исследовательской работы Государственного Херсонесского музея // Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе. Севастополь, 1927; Он же. Сто лет херсонесских раскопок (1827—1927). Исторический очерк с экскурсионным планом. Севастополь, 1927 (также см.: Сто лет херсонесских раскопок // Научный работник. 1927. № 9).

² Гриневич К. Э. Исследование подводного города близ Херсонесского маяка в 1930—1931 гг. М., 1931. Основанием для организации экспедиции стало упоминание об остатках стен под водой у Маячного полуострова, о находках в море древнегреческих сосудов. Учитывая промеры и соображения геологов Л. П. Колли предположил, что в древности уровень Средиземного моря находился ниже на 3,5 м. Местные колебания были характерны и для береговой линии Черного моря (см.: Колли Л. П. Следы древней культуры на дне морском. Современное положение вопроса о нахождении в море античных памятников // ИТУАК. 1911. № 42. С. 125—137). О колебании уровня моря также см.: Щеглов А. Н. Северо-западный Крым в античную эпоху. Л., 1978; Шилик К. К. Изменения уровня Черного моря в позднем голоцене: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1975. Поиски подводного города вызвали критику: «Посылаю заметку Гриневича. Он сам довольно подозрительная личность, но дело интересное и подкрепляет свидетельство Страбона. Какими помощниками не пользуется археология, то аэропланами, то водолазами»; «Послал Вам вчера “Херсонесский сборник” III и карточку Гриневича с его прошением. Он порядочный нахал вроде моего. А Жебелев мне говорит, что его подводный город чистая фантазия» (Цит по: Бонгард-Левин Г. М. М. И. Ростовцев и Э. Х. Миннз: От Скифии до Китая и Японии // Скифский роман. М., 1997. С. 316, 317). Следует отметить, что при Л. А. Моисееве впервые сделаны аэрофотоснимки для археологических целей.

космополитизме и занятиях спиритизмом. Только через тридцать лет его ученики и коллеги по Харьковскому университету вернутся к раскопкам в Херсонесе в составе Объединенной экспедиции. Но до этого еще будет ссылка К. Э. Гриневича в Новосибирск, пребывание в Каргопольском лагере политзаключенных, Томск и Кабардино-Балкария, возвращение в Харьков, где он заведовал кафедрой истории Древнего мира и Средних веков.

Документы, сохранившиеся в архиве Национального заповедника «Херсонес Таврический», с различной степенью полноты отражают то, что сделано каждым из его руководителей.

Свой вклад в исследование Херсонеса внесли многие люди, беззаветно преданные его древностям. Имена некоторых из них приведены в официальных документах, как, например, рабочего Федорова, оставшегося в оккупированном Севастополе во время Великой Отечественной войны и вместе с А. К. Тахтаем, спасавшим херсонесские находки. На многих чертежах стоит подпись выполнившего их М. И. Скубетова¹ и

¹ Мартин Иванович Скубетов родился в 1872 г.; в 1900 г. принимал участие в постройке броненосцев «Ростислав» и «12 Апостолов» в Николаеве, после революции следы его теряются // Арх. НЗХТ, д. 175, л. 86.

М. И. Скубетов обобщил материалы раскопок 1907 г., ставших последними для К. К. Косцюшки-Валюжинича, см.: Скубетов М. И. Раскопки Херсонесского некрополя в 1907 г. // ИТУАК. 1918. № 54. С. 289–296. В статье говорится, что исследовано 21 погребение в семейных склепах, высеченных в скале, а также грунтовые погребения (II–IV вв. н. э.). Ему принадлежит предположение, что ранее на данной территории существовало поселение. Близость его к Херсонесу — свидетельство, что оно было связано с ним (см. работы М. И. Скубетова: Древнехристианские бронзовые лампадные подвески, найденные при раскопках в Херсонесе // ИТУАК. 1910. № 44. С. 42–44; Закладные камни с крестами, встречающиеся в Херсонезе в византийском церковном строительстве, общественных и частных зданиях // ИТУАК. 1910. № 44. С. 45–50 (находки не датированы); Римский фамильный склеп II–IV вв. по Р. Х., открытый в Херсонесе в 1907 г. // ИТУАК. 1911. № 45. С. 38–49 (приведены описание и план сооружения, чертежи находок); Древнехристианский фамильный склеп с фресковой росписью близ Херсонеса, на земле Н. Н. Тура // ИТУАК. 1916. № 53 С. 177–189). Чертежи М. И. Скубетова стали основой при анализе фортификации Херсонеса для военного

архитектора Н. М. Янышева (1859–1938)¹ и многих, многих других, чьи имена уже прозвучали выше.

Для 40–70-х гг. XX в. следует назвать имена Станислава Францевича Стржелецкого (1910–1969), сопровождавшего херсонесские древности в г. Свердловск (Екатеринбург), и оставшегося в оккупации Александра Константиновича Тахтая.

18 сентября 1941 г. находки из раскопок Херсонеса второй раз покинули Севастополь. Груз, состоявший из 108 ящиков с отчетами, книгами, негативами и некоторыми наиболее ценными находками, был погружен на одно из последних покидавших севастопольский порт судов и взял курс на Кавказ². Началась долгая дорога на северо-восток, длившаяся три месяца. Только в конце декабря вагон с материалами из Херсонеса прибыл в Свердловск. Ящики с находками и архивными делами, неоднократно попадавшие под обстрел, разрушающиеся от дождя и снега листы архивных дел и негативы, страдающие от голода и морозов люди требовали помощи. Она пришла: «Из уральцев особо выделяем Евгения Георгиевича Сурова, доцента Свердловского педагогического института, который не только сам лично включился в работу проверки вывезенного имущества, но привлек к этому делу и своих студентов.

инженера М. И. Гарабурды, опубликовавшего статью «Оборонительная стена Херсонеса. Пояснительная записка к плану юго-западного участка оборонительной стены древнего Херсонеса» (ИТУАК. 1909. № 43. С. 88–98). К ним обращались и другие исследователи (см.: Маркевич А. И. Островок в Казачьей бухте как предполагаемое место кончины св. Климента, папы римского // ИТУАК. 1909. № 43. С. 105–114).

¹ О нем см.: Новикова Т. А. Воспоминания о Янышевых // Арх. НЗХТ, д. 2076. — 20 л.). Н. М. Янышев — выпускник Академии художеств (1883), был инспектором в реальном училище г. Севастополя (1928) и преподавал в трудовой школе Севастополя. В 1932 г. он переехал в Херсонес, где и остался навсегда. Его прах покоится рядом с могилой К. К. Косцюшки-Валюжничича.

² После эвакуации и закрытия музея рабочий Федоров и смотритель А. К. Тахтай закопали в землю, чтобы уберечь от расхищения и бомбежек, некоторые находки. В годы оккупации А. К. Тахтай проводил для немецких солдат и офицеров экскурсии по городищу. Это помогло сохранить памятники от разграбления. Но в последующем «сотрудничество с немецкими оккупантами» стало одним из основных пунктов обвинения во время суда над ним. На долгие годы имя А. К. Тахтая было вычеркнуто из истории Херсонеса.

В нетопленном помещении, при температуре ниже нуля эти добровольцы самоотверженно трудились для блага музея»¹.

Во время пребывания архива Херсонесского музея в Свердловске (Екатеринбурге) Е. Г. Суров начал собирать материалы о развитии промыслов в античном Херсонесе. В 1948 г. он опубликовал работу, посвященную рыбозасолочным цистернам².

Сегодня трудно представить условия, в которых рождались научные статьи в годы войны. Также трудно реконструировать содержание бесед, которые могли вести за вечерним скудным военным чаем три человека: С. Ф. Стржелецкий, обретший надежных друзей в далеком от Севастополя уральском городе; Е. Г. Суров, возглавивший позднее Крымскую археологическую экспедицию университета (1958–1962); первый заведующий кафедрой истории Древнего мира и Средних веков Уральского университета, основатель уральской школы византистики М. Я. Сюзюмов. Однако вполне возможно, что именно во время этих вечерних бесед и родился план организации археологической экспедиции в Херсонес. Для Е. Г. Сурова это позволяло проверить его идею о времени строительства рыбозасолочных цистерн. Для М. Я. Сюзюмова Херсонесское городище могло стать своеобразным полигоном проверки идеи о развитии византийского провинциального города в середине VII — середине IX в. М. Я. Сюзюмов полагал, что Херсонес, возникший в VI в. до н. э., переживший эпоху Великого переселения народов, сохранял свое значение экономического, культурного и церковного центра Таврики вплоть до конца XIV в.

Е. Г. Суров и создание Крымской археологической экспедиции

Е. Г. Суров принадлежал к числу тех счастливых натур, у которых с детства и на всю жизнь определилось призвание быть учителем, а в юности сложились научные интересы — изучение истории античного Херсонеса.

После окончания семилетки в г. Ельце он поступил в педагогическое училище, затем в Московский педагогический институт им. В. И. Ле-

¹ Извлечения из дневника: Стржелецкий С. Ф. Путевой дневник // Арх. НЗХТ, д. 460, л. 17–40.

² Суров Е. Г. Херсонесские цистерны // Учен. зап. Свердл. пед. ин-та. 1948. Вып. 4.

нина. В годы учебы он заинтересовался экономической историей Херсонеса (работа на соискание ученой степени кандидата исторических наук посвящена виноделию Херсонеса античного периода)¹ и в совершенстве овладел лекторским мастерством. На его лекциях в университетской аудитории студенты вместе с ним оказывались то у пирамид Египта, то на народном собрании Афинского полиса; вместе со своими учениками он вслушивался в бряцание оружия и стоны раненых в последней битве Спартака.

Очередной учебный год (1941) Е. Г. Суrow начал в качестве доцента Свердловского педагогического института. По состоянию здоровья он не мог быть среди тех, кто защищал страну в грозные годы Великой Отечественной войны, но он сделал все, что мог, чтобы сохранить ценности, являвшиеся достоянием нашей истории.

Когда после многомесячного пути из Севастополя зимой 1941 г. в Свердловск прибыл архив и находки из Херсонесского музея, пострадавшие от многочисленных бомбежек, он вместе со студентами стал добровольным помощником С. Ф. Стржелецкого, сопровождавшего херсонесские древности. В 1958 г. по инициативе доцента Уральского университета Е. Г. Суrow (с 1955 г.) и заведующего кафедрой истории Древнего мира и Средних веков М. Я. Сюзюмова была создана Крымская археологическая экспедиция.

Очень часто об итогах научной деятельности судят по количеству опубликованных работ. Если подходить с этих позиций к деятельности Е. Г. Суrow по изучению истории Херсонеса, то она не была особенно плодотворной: за период с 1948 г. по 1970 г. он написал около двух десятков работ, посвященных промыслам Херсонеса, истории государственности данного полиса, обобщил некоторые результаты первых раскопок экспедиции университета².

¹ Суrow Е. Г. К истории виноградарства и виноделия в Херсонесе Таврическом // Учен. зап. Моск. пед. ин-та. 1942. Т. 28, вып. 1. С. 93—128.

² Суrow Е. Г. Раскопки Уральского университета им. А. М. Горького в северо-западном районе Херсонеса Таврического в 1958—1960 гг. // Тез. докл. о раскопках Херсонеса Таврического на античной секции сессии Отделения исторических наук и пленуме ИА АН СССР, посвященной результатам полевых археологических исследований в 1960 г. Севастополь, 1961. С. 9—10; Он же.

Объектом раскопок первого года экспедиции стала одна из рыбозасолочных цистерн и участок, прилегавший к западной базилике. Изучение ранних материалов в северо-западном районе Херсонесского городища позволило Е. Г. Сурову проследить увеличение территории города в II в. до н. э. и связанное с ним **фортификационное строительство**, а также сделать вывод о длительном существовании у западных стен некрополя — свидетельство устойчивости топографической традиции.

Раскопки одного из склепов дали чрезвычайно интересный материал для изучения строительного дела и ремесел в Херсонесе. В частности, была обнаружена большая коллекция строительных материалов, использованных для закладки одной из лежанок в склепе. Е. Г. Суров полагал, что в склепе, принадлежавшем одной семье, были похоронены как язычники, так и христиане. Именно поэтому одна из лежанок оказалась изолированной и около останков погребенного не встречены характерные для античного периода посуда, предметы быта или ремесленного инвентаря, отсутствовал «обол Харона», который иногда является единственной находкой в погребениях.

Особый интерес в процессе раскопок склепа вызвала плита, которая закрывала вход: проксенический декрет 130—131 гг. до н. э. в честь Папия¹.

Другим значительным итогом раскопок первых лет работы уральцев стало изменение представлений о времени развития рыбозасолочного промысла. Раскопки показали, что склеп начала V в. был «закрыт» во время строительства цистерны № 33 ее стенкой. При существовавшем в древности почитании умерших цистерна не могла быть построена сразу после прекращения использования склепа; должно было пройти некоторое время. Следовательно, цистерна не могла возникнуть ранее конца V — начала VI в. До этого строительство цистерн датировалось на основании анализа находок из их заполнения, и исследователи полагали, что они возникают в первые века нашей эры и используются для засолки рыбы до IV в. н. э. **Причинами строительства цистерн счита-**

Раскопки Уральского университета в Херсонесе // Сулов Е. Г. Херсонес Таврический. Свердловск, 1961. С. 65—102; Он же. Раскопки в северо-западном районе городища // СХМ. 1961. С. 67—70.

¹ Сулов Е. Г. Новая херсонесская надпись // ВДИ. 1960. № 3. С. 154—158.

лись расширение торговли и увеличение спроса на продукты питания, в особенности в связи с необходимостью снабжать римских легионеров дешевыми морскими продуктами¹. Поэтому прекращение строительства цистерн связывалось с выводом римских гарнизонов из Северного Причерноморья.

Следующий хронологический период — последний на данном участке городища — представлен зданием производственного характера и базиликой, которые прекратили существование, вероятно, на рубеже X—XI в., или в XI в.².

Раскопки северо-западной части территории Херсонеса позволили установить непрерывное использование данного участка на протяжении всего средневизантийского времени и показали особенности застройки в различные хронологические периоды³.

После первых работ Крымской экспедиции Е. Г. Сувор и аспирант кафедры В. Н. Даниленко поддерживали заведующего античным отделом Херсонесского заповедника С. Ф. Стржелецкого, выступившего инициатором создания Объединенной экспедиции, которая должна была включить в свой состав всех исследователей, работающих в Херсонесе. В 1963 г. такая экспедиция была создана, в нее вошли Уральский и Харьковский университеты, Херсонесский заповедник, эпизодически принимали участие в раскопках в рамках Объединенной экспедиции студенты Пермского и Башкирского университетов. Объектом исследования с 1963 г. стал портový район Херсонеса.

¹ Белов Г. Д. Северный прибрежный район Херсонеса: По новейшим раскопкам // МИА. 1953. № 34. С. 20—22; Он же. Из истории экономической жизни Херсонеса во II—IV вв. // Античный город. М., 1963. С. 66.

² Наиболее поздние монеты датируются временем совместного правления Василия II и Константина VIII (1016—1025) (см.: Гилевич А. М. Описание монет из раскопок в Западной части Херсонеса в 1958—1960 гг. // Сувор Е. Г. Херсонес Таврический. С. 128—139).

³ Говоря о Е. Г. Суворе, нельзя не отметить то, что он щедро «дарил» студентам материалы раскопок для публикации, см.: Звиревич В. Т. Древнегреческие керамические клейма из Херсонеса: Раскопки 1961 г. // АДСВ. 1963. Вып. 2. Прил. С. 8—13. Некоторые клейма были опубликованы также Е. Г. Суворым (см.: Сувор Е. Г. Керамические клейма из раскопок 1960 г. в северо-западной части Херсонесского городища // АДСВ. 1963. Вып. 2. Прил. С. 1—7).

В послевоенные годы большую роль в изменении статуса Херсонесского музея сыграла И. А. Антонова. Последние десятилетия XX в. — это годы, когда пришлось осуществлять в сложнейших экономических условиях такие задачи, как сохранение научного потенциала заповедника, вести борьбу с бесконтрольным строительством на территории, где размещались в древности усадьбы граждан Херсонеса. Все это легло на плечи Л. В. Марченко.

Херсонес — это не только музейные экспозиции. Сегодня в единый комплекс заповедника входят античный и средневековый залы, находки в которых воссоздают историю Херсонесского полиса и византийского города, отражают его связи с другими государствами, городище с многочисленными постройками различных эпох, целостными городскими кварталами. Вряд ли в мире можно найти еще место, где существует возможность «заглянуть» в жилище херсонита, пройти по античным и средневековым улицам.

Более ста лет прошло с тех дней, когда зарождался в Херсонесе музей. Борьбу мнений можно видеть у его истоков. Соперничество и различные подходы к освещению истории Херсонеса открывают страницы архивных дел середины XX столетия. Много людей прошло по улицам возрожденного трудами исследователей города. Он и в прошлом — в своей двухтысячелетней истории; он и в будущем — в тех открытиях, которые принесет новое столетие.

Поклонимся тем, кто созидал, чьи имена останутся «на скрижалях истории», и простим тех, кто ошибался, свернул с прямой дороги.

В процессе раскопок в Херсонесе, которым в нашем столетии исполнится 200 лет (в 2027 г.), были допущены и методические ошибки, существовали заблуждения, высказывались научные гипотезы, не выдержавшие проверки временем, велись многочисленные дискуссии по отдельным сюжетам истории античного и средневекового города. Все те, кто соприкасался с памятниками Херсонеса-Херсона-Корсуни, открывая их для подтверждения своей концепции или самозабвенно работая, не думая при этом о создании исторических штудий, внесли вклад в восстановление его истории; будем помнить о них — всех тех, чьи имена были названы на страницах очерков, и многих других, рассказать о которых не удалось.

И пусть «каждому воздастся по трудам его».

ПРИЛОЖЕНИЯ

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

- 94 г. — ссылка в окрестности Херсона сподвижника апостола Петра, третьего римского епископа Климента
- 284—305 гг. — время правления Диоклетиана
- 326 г. — перенос столицы в Византий, переименован в 330 г. в Константинополь
- 325 г. — традиционная дата прибытия епископа Капитона в Херсон
- 351 г. — участие херсонского епископа Эвферия в работе Второго Вселенского собора
- 365 г. — бегство Прокопия, племянника Юлиана Апостата, в Таврику
- 379—395 гг. — период правления Феодосия I
- 395 г. — завещание Феодосия о разделе империи между сыновьями
- Кон. IV в. — появление гуннов в Северном Причерноморье.
- 476 г. — конец Западной Римской империи
- 488 г. — год строительства башни Зенона (474—491)
- 527—565 гг. — время правления Юстиниана Великого
- Сер. VI в. — сообщение Иордана о торговле херсонитов с варварами
- 565—578 гг. — упоминание дуки в надписи совместного правления Юстина II (565—578) и Софьи и в надписи Юстина II и Тиверия-Константина
- 575 г. — новелла об освобождении жителей Херсона от морской повинности
- 576 г. — сообщение о византийском посольстве к тюркам, о захвате ими Боспора и появлении у стен Херсона
- 590 г. — упоминание стратилата и дуки Херсона, восстановившего дворец на Боспоре
- 610—641 гг. — время правления Ираклия
- 655 г. — ссылка папы Мартина в Херсон (папа с 649 г.)
- Сер. — послед. четв. VII в. — появление хазар в Таврике
- Кон. VII в. — 80-е гг. VIII в. — расцвет кондомината (по С. Б. Сорочану)
- 685—695, 706—711 гг. — время правления Юстиниана II

- 698—705 гг. — годы правления Апсимара (Тиверия III)
- 711—713 гг. — правление Вардана-Филиппика
- 717 г. — провозглашение императором Льва III
- 754 г. — осуждение иконопочитания на Вселенском соборе
- 787 г. — восстановление иконопочитания на соборе в Никее
- 776 г. — упоминание о ссылке заговорщиков против Льва IV
- 813—820 гг. — годы правления Льва V Армянина
- Ок. 820 г. — упоминание осады города хазарами в одном из Житий
- Ок. 820 г. — восстание Иоанна Готского
- 829—842 гг. — время правления Феофила
- 840 г. — миссия Петроны Каматир в Хазарию
- 841 г. — создание фемы Климатов
- 60-е гг. IX в. — переименование фемы Климатов в фему Херсон
- 60-е гг. IX в. — ссылка в Таврику смирнского митрополита Митрофана
- 860—861 гг. — миссия Константина Философа в Таврике
- Около 889 г. — разгром печенегами мадьяр, их соседство и торговля с Херсоном
- 896 г. — вероятный год убийства херсонитами стратига Симеона, сына Ионы
- 893—927 гг. — годы царствования Симеона Болгарского
- 908—959 гг. — время правления Константина VII
- 944, 945, 971 гг. — упоминание рыбных ловов Херсона в русско-византийских договорах
- 944 г. — сообщение херсонитов о походе Игоря к Константинополю
- 967/68 г. — посольство патрикия Калокира, сына херсонского протевона, в Киев к Святославу
- 976—1025 гг. — время правления Василии II
- 976 г. — мятеж Варды Склира
- 989 г. или весна 990 г. — вступление князя Владимира в Херсон
- 1059 г. — сооружение ворот претория и возобновление других ворот стратигом Херсона Львом Алиатом
- 1066 г. — смерть Ростислава, князя Тмутаракани, избиеение херсонитами отравителя
- 1092 г. — ссылка Псевдо-Льва, выдававшего себя за сына Романа IV Диогена

- 1223 г. — разграбление судов, на которых везли подать из Херсона и городов Готии в Трапезунд
- Янв. 1223 г. — появление татар в Крыму
- 1223 г. или 1226 г. — в связи с религиозно-дипломатической миссией в Северное Причерноморье посетил Херсон епископ Феодор
- 1292 г. — дата возможного землетрясения в Таврике
- 1333 г. — булла папы Ионна XXII о создании католической кафедры и строительстве собора в Херсоне
- 1348 г. — «черная смерть» (эпидемия чумы), свирепствовавшая в Средиземноморском регионе
- 1374 г. — сообщение о выплате жалования генуэзскому офицеру Херсона
- 1381—1382 гг. — упоминание Херсона в документах Кафы
- 1204 г. — Четвертый крестовый поход
- 1299—1300 гг. — экспедиция Ногая, возможное разрушение Херсона
- 1368 г. — вакансии престола Херсонской епархии, временное управление главой Готской епархии
- 1395—1396 гг. — поход Тимура против феодалов, выступивших на стороне Тохтамыша; возможное разрушение Херсона
- 1382—1390 гг. — территориальные споры готского, сугдейского и херсонского иерархов
- 1399, 1402 гг. — постановления венецианского Сената, регламентирующие движение судов, в которых упоминается Херсон
- 1471—1472 гг. — рекомендация консулу Кафы о сносе стен опустевшего Херсона
- 29 мая 1453 г. — конец существования Византийской империи

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ	— Античная древность и средние века (Свердловск—Екатеринбург)
АИК	— Археологические исследования в Крыму
АИУ	— Археологические исследования на Украине (в Украине)
АО	— Археологические открытия
БИ	— Боспорские исследования (Симферополь; Керчь)
БИАС	— Бахчисарайский историко-археологический сборник (Симферополь)
БС	— Боспорский сборник (Керчь)
ВВ	— Византийский временник
ВДИ	— Вестник Древней истории
ВИ	— Вопросы истории
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ. ОПИ	— Государственный Исторический музей. Отдел письменных источников
Древности: ХИАЕ	— Древности: Харьковский историко-археологический ежегодник
Древности: ТМАО	— Древности: Труды Московского археологического общества
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЖМВД	— Журнал Министерства внутренних дел
ЗАН	— Записки Императорской Академии наук
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества
ЗРВИ	— Сборник Радова. Византологички институт (Београд)
ИАК	— Известия Археологической комиссии
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИМК	— Институт истории материальной культуры
ИНК	— Историческое наследие Крыма (Симферополь)
ИОРЯС	— Академия наук СССР. Известия Отделения Русского языка и словесности

ИРАИК	— Известия Русского археологического института в Константинополе
ИРАИМК	— Известия Российской академии истории материальной культуры
ИТУАК	— Известия Таврической ученой архивной комиссии
КА	— Крымский архив
КС	— Киевская старина
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии
МАР	— Материалы по археологии России
МАИЭТ	— Материалы по археологии, истории, этнографии Таврики (Симферополь)
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
НЗХТ	— Национальный заповедник «Херсонес Таврический»
НОСА	— Новые открытия советских археологов
ОАК	— Отчеты Археологической комиссии
ПАВ	— Петербургский археологический вестник
ПИФК	— Проблемы истории, филологии, культуры
ПКНО	— Памятники культуры. Новые открытия
ПС	— Палестинский сборник
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
ПХХ	— Памятники христианского Херсонеса
РА (СА)	— Российская археология
РАИМК	— Российская академия истории материальной культуры
РАН	— Российская академия наук
СА	— Советская археология
ССб.	— Сугдейский сборник (Киев; Судак)
СГАИМК	— Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа
СХМ	— Сообщения Херсонесского музея (Симферополь)
ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа
ТМНО	— Труды Московского нумизматического общества
ХСб.	— Херсонесский сборник (Севастополь)

AA	— Archäologischer Anzeiger
AJA	— American Journal of Archeology
ΑρΠ	— Ἀρχαίον Πόντου (Athène)
BCH	— Bulletin de Correspondance Helénique
BMGS	— Byzantine and Modern Greek Studies
BS1	— Byzantinoslavica (Praha)
BZ	— Byzantinische Zeitschrift
CFHB	— Corpus Fontium Historiae Byzantinae
CIC	— Corpus iuris civilis
CSHB	— Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae
DOP	— Dumbarton Oaks Papers (Washington)
CFHB	— Corpus Fontium Historiae Byzantinae
HGM	— Historici Graeci Minores
JÖB	— Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik
MM	— Miklosich F., Müller I. Acta Patriarchatus Constantinopolitani. Vindobona, 1860–1862. Vol. 1–2.
MiChA	— Mitteilungen zur christlichen Archäologie (Wien)
PG	— Migne J. P. Patrologiae cursus completes. Series graeca
PL	— Migne J. P. Patrologiae cursus completes. Series latina
RE	— Pauly A., Wissowa G., Kroll W. Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft
REB	— Revue des études Byzantines
ROL	— Revue de l'Orient latin
TAB	— Türk Archeologi Dergisi
TM	— Travaux et Mémoire

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Экспозиция средневекового зала Национального заповедника «Херсонес Таврический».
2. Базилика 1935 г. и рыбозасолочная цистерна к западу от нее.
3. Базилика 1935 г., вид с востока.
4. Собор св. Владимира, возведенный в память 1000-летия крещения Руси.
5. Херсонесское городище, аэрофотография, вид с северо-запада.
6. Северный район, поздневизантийская застройка в квартале XIII—XVIII, базилика 1935 г., вид с севера.
7. Восточная часть Херсонесского городища, аэрофотография, вид с запада (на снимке видны восточная базилика и базилика Крузе).
8. Уваровская базилика и прилегающие к ней кварталы, вид с запада.
9. Херсонесское городище, кварталы I—VI.
10. Восточная площадь с базиликой, главная улица и городские кварталы.
11. Базилика Крузе с высоты птичьего полета, вид с востока.
12. Улица с западной стороны Уваровской базилики (№ 23).
13. Водохранилище.
14. Водохранилище, пятиапсидный храм и сакральные постройки к западу от него.
15. Западная базилика и нераскопанная часть Херсонесского городища.
16. Северный район, вид на базилику 1935 г. с юго-востока.
17. Северный район, поздневизантийский квартальный храм, вид с востока.
18. Так называемая базилика в базилике (№ 15), вид с юга.
19. Капитель из раскопок базилики № 14 (на холме).
20. Архитектурная деталь из раскопок базилики № 14.
21. Напольная мозаика из базилики 1935 г.
22. Фрагмент напольной мозаики из базилики 1935 г.
23. Башня Зенона и перибол.
24. Оборонительные стены портового района (реконструкция И. А. Антоновой).
25. Оборонительные стены западного района, вид с внешней стороны.
26. Оборонительные стены портового района, вид из цитадели.
27. Капители средневековых храмов (экспозиция средневекового зала).
28. Храм № 19 на так называемом театральном участке.
29. Реконструкция настенной фрески из базилики 1935 г. (экспозиция средневекового зала).
30. Северный район, одна из усадеб.
31. Северный район, гончарная печь, вероятно, конец XI — XII в.
32. Мраморная плита с изображением рыб.
33. Мраморная плита с изображением креста и литерами А и Ω.

34. Мраморная плита с изображением Райского сада.
35. Известняковая плита с изображением креста.
36. Известняковая плита с изображением «проросшего креста».
37. Базилика № 15, фрагмент мозаичного пола.
38. Штамп для изготовления просфор, VI—VII вв. (оригинал и оттиск).
39. Ша́мпы для изготовления просфор, IX в.
40. Оклад Евангелия (?).
41. Стеатитовая иконка с изображением Богоматери, XIII в.
42. Икона с изображением св. воинов, стеатит, XII в.
43. Стеатитовая икона с изображением сцены Благовещения, XII в.
44. Стеатитовая икона св. Феодора.
45. Стеатитовая икона с изображением Рождества Христова, XII—XIII вв.
46. Икона со сценой Вознесения, стеатит, XII—XIII вв.
47. Крест-тельник (бронза, литье, гравировка).
48. Крест-тельник (бронза, литье).
49. Энколпионы с изображением Спасителя, Богоматери-Оранты и святых на ветвях креста, в центре снимка — фрагмент перстня.
50. Энколпионы со славянскими надписями, XII — начало XIII в. (экспозиция средневекового зала).
51. Энколпионы с изображением Богоматери.
52. Энколпион с изображением Богоматери и энколпион с круглым отверстием для вставки в перекрестии.
53. Южный загородный храм.
54. Каламита (Инкерман) с высоты птичьего полета, съемка 2007 г.
55. Надвратная башня Каламиты со стороны города.
56. Фрагмент блока из башни Каламиты с изображением кораблей, известняк. (Рисунок, скорее всего, был сделан одним из несших службу; может быть датирован временем не ранее середины XIII—XIV вв.).
57. Надверное кольцо — «звонок».
58. Навесные замки в виде собаки.
59. Ключи, бронза.
60. Инструменты для работы с деревом, железо, экспозиция средневекового зала.
61. Формы для отливки изделий из цветных металлов, экспозиция средневекового зала.
62. Кольца из бронзы, отлитые в форме, экспозиция средневекового зала.
63. Инструменты для работы с камнем, экспозиция средневекового зала (изделия из железа).
64. Молот (железо).
65. Инструментарий ремесленника, железо.
66. Разновесы (находки из портового района), лицевая и обратная стороны, бронза.

67. Характер укладки черепицы на крыше дома.
68. Раннесредневековая черепица (керамида).
69. Керамида с крыши дома, сгоревшего в XIII в.
70. Керамида IX—X вв.
71. Рельефная метка на керамиде в виде схематичного изображения лошади.
72. Процесс съёмки находок.
73. Полихромные миски, XIII в.
74. Столовая посуда херсонеситов, XIII в.
75. Белоглиняные импортные блюда, XIII в.
76. Фрагменты импортных белоглиняных сосудов, IX—X вв.
77. Белоглиняные глазурованные сосуды, XIII в., импорт.
78. Полихромные миски из раскопок Р. Х. Лепера, XIII в.
79. Монохромная глазурованная тарелка из раскопок Р. Х. Лепера, XIII в.
80. Монохромная глазурованная пиала, XIII в.
81. Глазурованная миска с изображением дракона и плетенки, раскопки С. Г. Рыжова, XIII в.
82. Импортное блюдо (Коринф) с изображением цапли, первая половина XII в.
83. Импортное блюдо, первая половина XIII в.
84. Импортные блюда, первая половина XIII в.
85. Фрагмент рисунка на импортном блюде, первая половина XIII в.
86. Глазурованные сосуды с росписью ангобом, вторая половина XIII — первая половина XIV в.
87. Монохромная пиала, вторая половина XIII — XIV вв.
88. Монохромная глазурованная чаша, местное производство, XIV в.
89. Белоглиняный столовый сосуд, возможно, производство мастерских Трапезунда.
90. Белоглиняная миска, раскопки Р. Х. Лепера.
91. Навершие для бурдюка из раскопок дома, сгоревшего в конце XIII в., кость.
92. Изделия из кости из раскопок поздневизантийских домов: а — гребень, б — игровой кубик, в, г, д — накладные пластины, е — пряслице, и, к — игральные фишки, ж — заколка, з — ручка для ножа.
93. Возможности аэрофотографии: верхний снимок — участок рядом с пятиапсидным храмом с прослеживаемыми контурами сакрального сооружения, нижний снимок — после раскопок храма.

1. Экспозиция средневекового зала Национального заповедника
«Херсонес Таврический»

2. Базилика 1935 г. и рыбозасолочная цистерна к западу от нее

3. Базилика 1935 г., вид с востока

4. Собор св. Владимира, возведенный в память 1000-летия крещения Руси

5. Херсонесское городище, аэрофотография, вид с северо-запада

6. Северный район, поздневизантийская застройка в квартале XIII–XVIII, базилика 1935 г., вид с севера

7. Восточная часть Херсонесского городища, аэрофотография, вид с запада (на снимке видны восточная базилика и базилика Крузе)

8. Уваровская базилика и прилегающие к ней кварталы, вид с запада

9. Херсонесское городище, кварталы I—VI

10. Восточная площадь с базиликой, главная улица и городские кварталы

11. Базилика Крузе с высоты птичьего полета, вид с востока

12. Улица с западной стороны Уваровской базилики (№ 23)

13. Водохранилище

14. Водохранилище, пятиапсидный храм и сакральные постройки
к западу от него

15. Западная базилика и нераскопанная часть Херсонесского городища

16. Северный район, вид на базилику 1935 г. с юго-востока

17. Северный район, поздневизантийский квартальный храм, вид с востока

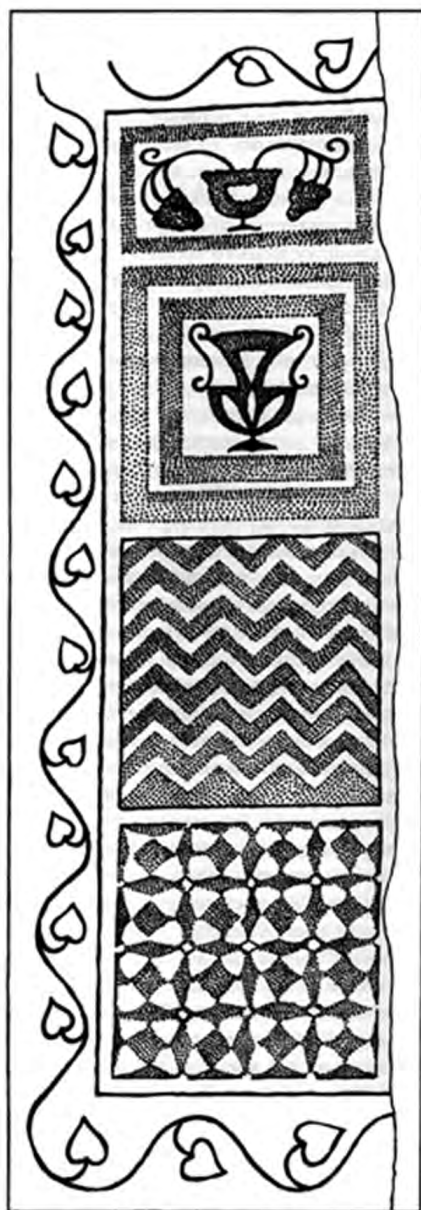
18. Так называемая базилика в базилике (№ 15), вид с юга

19. Капитель из раскопок базилики № 14 (на холме)

20. Архитектурная деталь из раскопок базилики № 14

21. Напольная мозаика из базилики 1935 г.

22. Фрагмент напольной мозаики из базилики 1935 г.

23. Башня Зенона и перибол

24. Оборонительные стены портового района (реконструкция И. А. Антоновой)

25. Оборонительные стены западного района, вид с внешней стороны

26. Оборонительные стены портового района, вид из цитадели

27. Капители средневековых храмов (экспозиция средневекового зала)

28. Храм № 19 на так называемом театральном участке

29. Реконструкция настенной фрески из базилики 1335 г.
(экспозиция средневекового зала)

30. Северный район, одна из усадеб

31. Северный район, гончарная печь, вероятно, конец XI — XII в.

32. Мраморная плита с изображением рыб

33. Мраморная плита с изображением креста и литерами Α и Ω

34. Мраморная плита с изображением Райского сада

35. Известняковая плита с изображением креста

36. Известняковая плита с изображением «проросшего креста»

37. Базилика № 15, фрагмент мозаичного пола

38. Штамп для изготовления просфор, VI—VII вв. (оригинал и оттиск)

39. Штампы для изготовления просфор, IX в.

40. Оклад Евангелия (?)

41. Стеатитовая иконка с изображением Богоматери, XIII в.

42. Икона с изображением св. воинов, стеатит, XII в.

43. Стеатитовая икона с изображением сцены Благовещения, XII в.

44. Стеатитовая икона св. Феодора

45. Стеатитовая икона с изображением Рождества Христова, XII–XIII вв.

46. Икона со сценой Вознесения, стеатит, XII—XIII вв.

47. Крест-тельник (бронза, литье, гравировка)

48. Крест-тельник (бронза, литье)

49. Энкоплионы с изображением Спасителя, Богоматери-Оранты и святых на ветвях креста, в центре снимка — фрагмент перстня

50. Энколпионы со славянскими надписями, XII — начало XIII в.
(экспозиция средневекового зала)

51. Энколпионы с изображением Богоматери

52. Энколпион с изображением Богоматери и энколпион с круглым отверстием для вставки в перекрестии

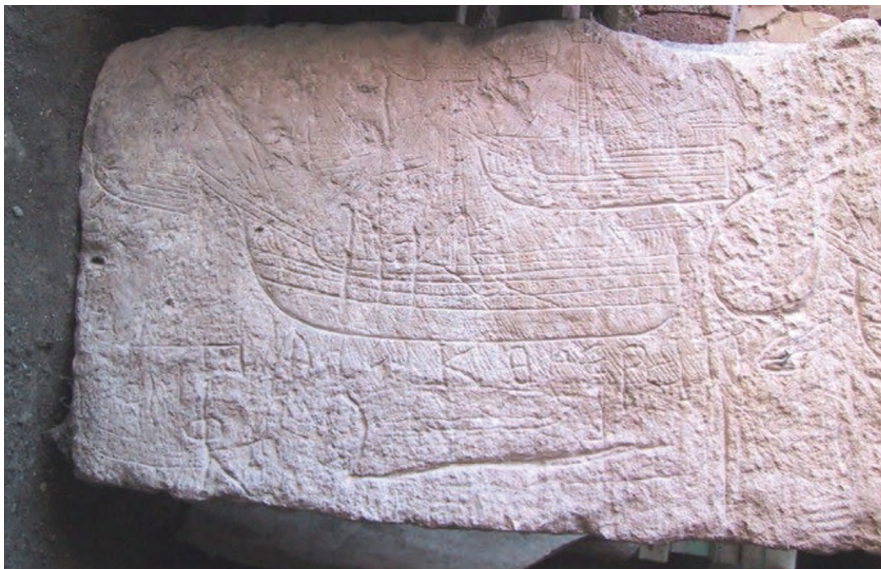
53. Южный загородный храм

54. Каламита (Инкерман) с высоты птичьего полета, съемка 2007 г.

55. Надвратная башня Каламиты со стороны города

56. Фрагмент блока из башни Каламиты с изображением кораблей, известняк. (Рисунок, скорее всего, был сделан одним из несших службу; может быть датирован временем не ранее середины XIII—XIV вв.)

57. Надверное кольцо — «звонок»

58. Навесные замки в виде собаки

59. Ключи, бронза

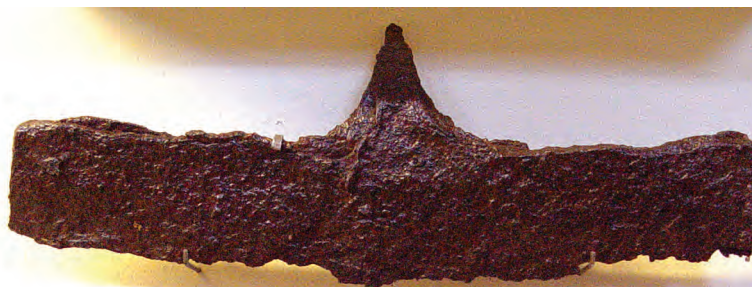
60. Инструменты для работы с деревом, железо,
экспозиция средневекового зала

61. Формы для отливки изделий из цветных металлов, экспозиция средневекового зала

62. Кольца из бронзы, отлитые в форме, экспозиция средневекового зала

63. Инструменты для работы с камнем, экспозиция средневекового зала
(изделия из железа)

64. Молот (железо)

65. Инструментарий ремесленника, железо

66. Разновесы (находки из портового района), лицевая и оборотная стороны, бронза

67. Характер укладки черепицы на крыше дома

68. Раннесредневековая черепица (керамида)

69. Керамида с крыши дома, сгоревшего в XIII в.

70. Керамида IX—X вв.

71. Рельефная метка на керамиде в виде схематичного изображения лошади

72. Процесс съёмки находок

73. Полихромные миски, XIII в.

74. Столовая посуда херсонеситов, XIII в.

75. Белоглиняные импортные блюда, XIII в.

76. Фрагменты импортных белоглиняных сосудов, IX—X вв.

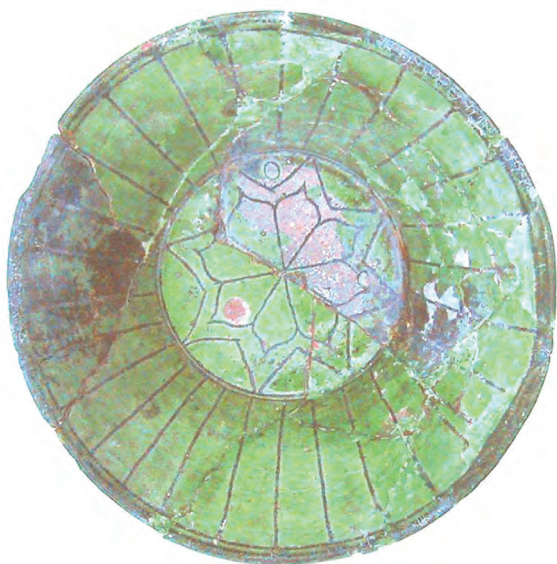
77. Белоглиняные глазурованные сосуды, XIII в., импорт

78. Полихромные миски из раскопок Р. Х. Лепера, XIII в.

79. Монохромная глазурованная тарелка из раскопок Р. Х. Лепера, XIII в.

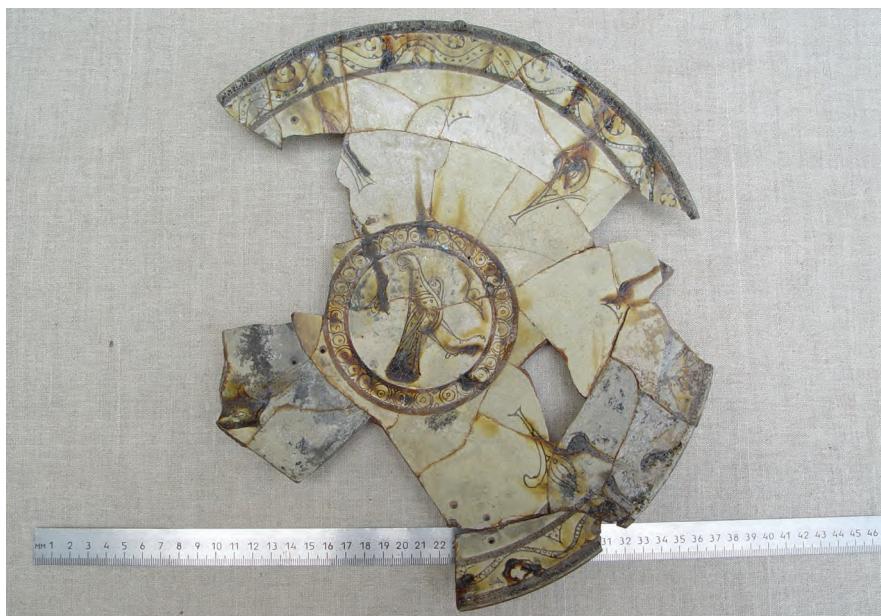
80. Монохромная глазурованная пиала, XIII в.

81. Глазурованная миска с изображением дракона и плетенки, раскопки С. Г. Рыжова, XIII в.

82. Импортное блюдо (Коринф) с изображением цапли, первая половина XII в.

83. Импортное блюдо, первая половина XIII в.

84. Импортные блюда, первая половина XIII в.

85. Фрагмент рисунка на импортном блюде, первая половина XIII в.

86. Глазурованные сосуды с росписью ангобом, вторая половина XIII — первая половина XIV в.

87. Монохромная пиала, вторая половина XIII — XIV вв.

88. Монохромная глазурованная чаша, местное производство, XIV в.

89. Белоглиняный столовый сосуд, возможно, производство мастерских Трапезунда

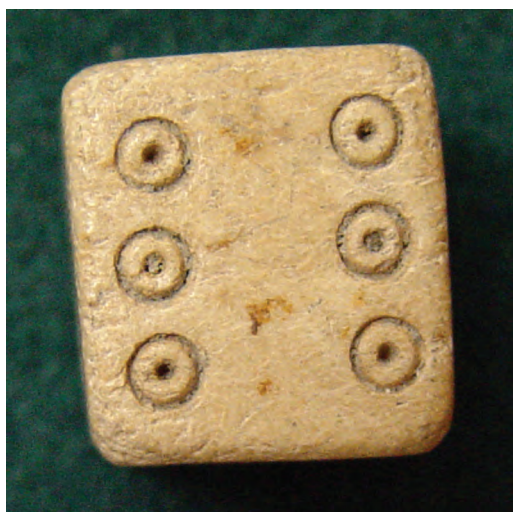
90. Белоглиняная миска, раскопки Р. Х. Лепера

91. Навершие для бурдюка из раскопок дома, сгоревшего в конце XIII в., кость

а

б

92. Изделия из кости из раскопок поздневизантийских домов:
 а — гребень, б — игральный кубик, в, г, д — накладные пластины,
 е — пряслице, и, к — игральные фишки, ж — заколка,
 з — ручка для ножа

В

Г

Д

е

ж

з

И

К

93. Возможности аэрофотографии: верхний снимок — участок рядом с пятиапсидным храмом с прослеживаемыми контурами сакрального сооружения, нижний снимок — после раскопок храма

Алла Ильинична РОМАНЧУК

ИССЛЕДОВАНИЯ ХЕРСОНЕСА—ХЕРСОНА.

Раскопки. Гипотезы. Проблемы

Том 2. ВИЗАНТИЙСКИЙ ГОРОД

Монография

Редактор	Н. П. Дементьева
Технический редактор	Н. Г. Яковенко
Компьютерный дизайн обложки	Н. В. Ахпателова
Компьютерная верстка	Е. Г. Шмакова

Подписано в печать 27.11.2008. Тираж 300 экз.

Объем 39,0 п. л. Формат 60×90/16. Заказ 1033.

Издательство Тюменского государственного университета
625003, г. Тюмень, ул. Семакова, 10

Отпечатано в ООО «Компания Мир»
625026, г. Тюмень, ул. Холодильная, 40